Мартынов Владимир
Явка в Копенгагене. Записки нелегала

Оглавление

Америка. Юг - север.....1
Первая командировка.....3
Начало пути.....14
Аргентина.....56
Рассказ «Весты».....109
Европа, Европа.....113
Рассказ «Весты».....185
Арест.....189
Рассказ «Весты».....198
Америка, Америка.....239
Рассказ «Весты».....259
Дома.....266
Рассказ «Весты».....281
И снова Москва.....294
Перестройка.....296

Книга повествует о различных этапах жизни и деятельности разведчика-нелегала «Веста»: учёба, подготовка к работе в особых условиях, вывод за рубеж, легализация в промежуточной стране, организация прикрытия, арест и последующая двойная игра со спецслужбами противника, вынужденное пребывание в США, побег с женой и двумя детьми с охраняемой виллы ЦРУ, возвращение на Родину.

Более двадцати лет «Весты» жили с мыслью, что именно предательство послужило причиной их провала. И лишь в конце 1990 года, когда в нашей прессе впервые появились публикации об изменнике Родины О. Гордиевском, стало очевидно, кто их выдал противнику в том далёком 1970 году.

Автор и его жена - оба офицеры разведки - непосредственные участники описываемых событий.

Америка. Юг - север

Весь день мы провели в напряжённом ожидании, готовясь к отъезду. Когда стемнело, во двор въехали две машины. Одна из них была полицейским фургоном. Вошли американцы. Один из них был резидентом ЦРУ в Аргентине. Нам показалось, что оба почему-то нервничали. Мы одели детей. Был июль месяц, разгар зимы в Южном полушарии. Вышли во двор. Нас усадили в полицейский фургон, погрузили коробки с вещами. С нами сели охранники, закрыли заднюю дверь. Внутри фургона горела лишь маленькая лампочка, которая освещала две скамейки вдоль кузова и одну посредине. В углу кабины мерцал зелёный огонёк рации. Один из охранников сразу установил связь с двумя машинами сопровождения: в передней машине ехали аргентинцы, в задней - американцы. Ехали не слишком быстро, постоянно поддерживая связь по радио. По пути в Эсейсу на шоссе почему-то вдруг остановились. Приоткрылась задняя дверца, и я увидел, как в свете фар задней машины к нам быстро шёл, почти бежал Густаво. Он заглянул в фургон, спросил, всё ли нормально. Что его беспокоило? Возможность провокации со стороны тех, кто был недоволен таким исходом нашего дела? Получив от нас утвердительный ответ, он о чём-то переговорил с водителем нашей машины. После этого бегом вернулся в свою машину, и мы снова тронулись. Ехали не менее полутора часов. Наконец остановились. Вышли из машины. Огляделись.

Мы очутились на огромном слабо освещённом поле аэродрома. В полукилометре виднелись огни аэровокзала. Мы находились в международном аэропорту Эсейса. Прямо перед нами темнела громада американского военно-транспортного самолёта типа «Геркулес». Площадка перед самолётом освещалась фарами подошедших машин. Вокруг нас стояли люди. Среди них Гомес, Урета, Перейра и ещё кто-то из шефов СИДЭ [1]. Сначала попрощались аргентинцы. Мы поблагодарили их за заботу, проявленную по отношению к нам, к детям. Они пожелали нам счастливого пути и удачи в нашей новой жизни. Вещи наши уже были погружены в самолёт, у трапа которого стоял дюжий американец в лётном комбинезоне.

Густаво с Карлито прошли к трапу. Мы попрощались. Бортмеханик помог подняться «Весте» на борт, я передал ей детей, потом поднялся сам. Стояла промозглая зимняя погода. Пробирала дрожь. Бортмеханик втащил трап и захлопнул дверцу. По слабо освещённому коридору мы прошли в пассажирский салон самолёта. Никаких иллюминаторов в салоне не было. Слышался рёв запускаемых двигателей.

Мы сняли верхнюю одежду. Нам велели лечь на нижнюю полку в спальном салоне и прижать к себе детей. Ревели двигатели, самолёт выруливал на взлётную полосу.

---

[1] СИДЭ - Сервисио де Информасьоне дель Эстадо - служба информации государства, спецслужба Республики Аргентина.

В пассажирском салоне, пристегнувшись к креслам в ожидании взлёта, находились четверо американцев. Двое сидели за столиком лицом в нашу сторону. Один из них подошёл к нам и дал каждому по леденцу.

После короткого разбега самолёт поднялся в воздух и стал набирать высоту. Бортинженер с фонариком осмотрел наш багаж. Затем подошёл один из сопровождающих и пригласил пас в салон поужинать. Салон был прямоугольного сечения, облицован пластиком, по обе стороны прохода - столики с креслами. Через салон в грузовой отсек прошёл пилот. Мы отправились в туалет мыть руки. Раковина оказалась забита (оказывается, не только у нас это бывает), вода плескалась через край.

На ужин принесли толстенный, в два пальца, бифштекс и салат из зелени и помидоров. Для детей - молоко.

Все четверо сопровождающих были людьми рослыми, не менее шести футов. В разговор они не вступали. Ночь мы провели на нижней полке, а дети спали наверху. Двое охранников спали на таких же полках напротив, двое других расположились в креслах в салоне. Один из них всю ночь изучал какие-то графики.

В спальном салоне горела синяя лампочка, слышалось шипение воздуха. Салон имел хорошую звукоизоляцию, и рёв моторов совершенно нас не беспокоил. Ночь мы провели в тревожном забытьи. Несколько раз мимо в грузовой отсек проходил бортмеханик с фонариком в руках.

Мы пересекали весь американский континент с юга на север.

Около полудня следующего дня самолёт совершил посадку на военной базе, по-видимому, в Панаме. Сквозь приоткрытую дверь были видны пальмы, песок. Жаркий воздух тугой волной ударил внутрь нашей летающей обители, где до этого было прохладно. Работал кран-балка. Через опущенную аппарель задней части самолёта велась погрузка, слышались голоса грузчиков, рёв двигателей. После погрузки и дозаправки мы снова в воздухе.

- Папа, а почему здесь нет окошек? - спрашивает дочь. - Ведь в другом самолёте были.

- Ну, это такой специальный самолёт. Он возит грузы, и ему окошки не нужны.

- А мы разве грузы?

- Мы не в счёт. Мы здесь случайно. Эти дяди любезно согласились нас подвезти, вот мы и летим.

Летели весь день. Поздно вечером самолёт приземлился на военной базе Эндрюс под Вашингтоном. По опущенной задней аппарели мы сошли на североамериканскую землю. Я нёс младшую дочь на руках, жена вела старшую за руку. Несколько автомобилей с зажжёнными фарами стояли вокруг самолёта. Рядом с машинами - парни в штатском. Подошёл коренастый американец, представился Гарри и пригласил нас в машину.

- Сейчас погрузят ваши вещи, и мы тронемся, - сказал он.

Помигав фарами, наш караван из двух машин двинулся в путь. Вокруг в темноте смутно проступали очертания «фантомов» - истребителей-бомбардировщиков.

Выехали на автостраду, опоясывающую Вашингтон.

- Я уполномочен вас курировать, - заявил Гарри. - По всем вопросам обращайтесь ко мне. Вы здесь находитесь вполне официально как гости Сената США. Пока поживёте в одном тихом местечке, а там будет видно, как вас устроить. Возможно, что останетесь здесь, но не исключено, что обоснуетесь в Канаде.

Машины мчались по автостраде. Мелькали люминесцентные дорожные знаки и рекламные щиты. Вдали виднелись огни столицы США. Мелькнул щит с указателем «Лэнгли, ЦРУ». Проехав ещё некоторое время по автостраде, свернули на загородное шоссе, затем на узкую лесную дорогу, покрытую гравием. Минут пятнадцать ехали лесом. Наконец, фары выхватили из тьмы одноэтажное строение - бунгало.

Нас встречали двое охранников с фонариками в руках. Внесли наши вещи, открыли коробки и чемоданы и произвели тщательный досмотр. «Вы извините, но здесь такой порядок», - сказал нам старший группы - Питер. Нас провели в большую спальню с огромными витринными окнами, выходившими прямо в подступавший со всех сторон лес...

Первая командировка

...Ту-104 набирал высоту, сразу после взлёта войдя в густую облачность. Позади - припорошенная первым снегом Москва, Внуковский аэропорт, молодая жена в слезах. Оставалось всего три дня до её дня рождения, но первая командировка за границу была давно запрограммирована, и перенести её было невозможно. Первая самостоятельная поездка за рубеж.

Внизу в разрывах облаков проплывали заснеженные леса, белоснежные пики гор, тёмно-синие долины.

Посадка в Тиране, столице Албании, где «железной рукой» правил Энвер Ходжа.

Он был выдвинут на руководящий пост с нашей помощью в момент окончания Второй мировой войны. Англичане и американцы упорно боролись за насаждение прозападного режима в этой маленькой, но стратегически важной стране. Западные спецслужбы готовили и забрасывали туда разведывательно-диверсионные группы, финансировали национальное движение, находившееся в оппозиции по отношению к Энверу Ходже. Маленькая страна была вовлечена в гражданскую войну. Но вскоре, с нашей помощью и, в частности, с оперативным использованием разведывательной информации, оппозицию полностью разгромили, Албания превратилась в ещё одно социалистическое государство на карте мира. А Энвер Ходжа, в своё время обучавшийся в нашей военной академии, стал править в стране. В начале шестидесятых

годов он не поладил с Н.С. Хрущёвым и тотчас попросил нас с военно-морской базы Дуреццо, которая давала нам возможность держать под контролем всё Средиземное море. А заодно норовистый албанский вождь выдворил из страны всех наших советников, заменив их китайскими. Таким образом, эта страна перешла в зону китайского влияния и стала выступать на международной арене в едином блоке с КНР. В маленькой балканской стране, отгороженной от всего мира горами и «железным занавесом», процветал социализм в самой примитивной его форме, который держался, в основном, на штыках армии и спецслужб.

Огромное поле аэродрома, покрытое изумрудной травой. Крохотное здание аэропорта, куда вошли транзитные пассажиры. Албанский солдат, щуплый, кавказской внешности, несмотря на тёплую погоду, был в шапке-ушанке и форме цвета хаки, похожей на нашу. Ярко светило балканское солнце, оживлённо чирикали воробьи, что-то выискивавшие в густой траве. Тишь и благодать, вокруг ни души. Громада нашего Ту-104 как-то не вписывалась в это узкое, со всех сторон зажатое горами пространство. Возле самолёта суетились техники, подошёл автозаправщик. Объявили посадку. После короткого разбега Ту-104 круто и легко взмыл над самыми вершинами заснеженных гор и почти сразу вышел к морю.

Долго шли над морем, затем пошли жёлтые пески пустыни, горные кряжи. Впереди в лучах заходящего солнца показался огромный, подёрнутый сизой дымкой город. Каир - столица Египта - в то время Объединённой Арабской Республики (ОАР), в состав которой входили Египет и Сирия (политико-экономический брак, оказавшийся недолговечным). Внизу, в пустыне, горели какие-то цистерны, рыжие языки пламени, выплёскиваясь сквозь клубы чёрного дыма, взвивались в вечернее небо. Описав несколько кругов, самолёт совершил посадку. Солнце, багровый диск которого только что ярко сиял у самого горизонта, вдруг куда-то провалилось, и землю внезапно окутала кромешная тьма. Никаких сумерек. Сразу ночь. Самолёт подрулил к зданию аэропорта, освещённому ярко-жёлтыми неоновыми огнями. Подали трап, в открытую дверь самолёта, в салон тугой, горячей волной ударил воздух пустыни, обильно сдобренный характерными асфальто-бензиновыми запахами аэродрома. У подножия трапа уже стоял наш генконсул, встречая нас, советских граждан. Вокруг сновали смуглые носильщики, одетые в длинные белые одежды, подпоясанные зелёными кушаками. Головы их украшали тёмно-красные фески с кисточкой. Нагретый за день асфальт источал нефтяную духоту. Прошли в довольно тесное и душное помещение таможни, где царила какая-то бестолковая суета: кругом были полицейские, таможенники, среди пассажиров мотался некий полноватый пожилой господин, бойко говоривший по-русски и по-арабски, который оказывал помощь вновь прибывшим при прохождении таможенного досмотра. По-видимому, он служил переводчиком в таможне. Таможенный досмотр отнял около часа. В сопровождении консула мы направились к посольскому микроавтобусу марки «фольксваген», за рулём которого сидел смуглолицый водитель, говоривший на ломаном английском языке (как после мне стало известно, капитан полиции). Он выскочил из

машины, любезно открыл дверцу, отогнал прочь носильщиков, предлагавших свои услуги, разместил наш багаж в салоне, и мы поехали.

...Моя легенда отталкивалась от замусоленного свидетельства о рождении в 1930 году на территории Республики Аргентины мальчика Ладислао от литовских родителей по фамилии Мерконис.

Справка эта была изъята компетентными органами из досье настоящего Мерконисса. Само же дело было изъято, и какие-либо следы на территории СССР Мерконисса и его матери были уничтожены.

Далее по легенде: По окончании школы, в Афинах, где было хорошо поставлено изучение английского языка, Ладас какое-то время работал механиком в гараже в порту Пирей. Однажды он познакомился с механиком с греческого парохода, который совершал рейсы в разные порты Средиземноморья. Устроившись матросом на пароходе, Ладас сделал несколько рейсов, но, попав однажды в знакомую ему с детства Александрию, решил там остаться, устроившись на работу механиком в гараже. Вот этот восьмилетний период проживания в Египте и предстояло мне освоить всего за шесть месяцев командировки. И прежде чем пойти в посольство Аргентины, необходимо было тщательно подготовиться: принять облик молодого человека, заброшенного судьбой в Александрию, ознакомиться с последним местом работы и проживания (всё это было заблаговременно подготовлено резидентурой, и в журнале регистрации пансионата, где якобы проживал Мерконис, была сделана соответствующая запись, и, как впоследствии оказалось, не зря: при оформлении гражданства из аргентинского консульства звонили в этот пансионат, и там конечно же подтвердили, что Мерконис в нём действительно проживает).

Я жил в это время на территории советского консульства, в основном в Александрии, а также на вилле в Каире, вживаясь в свой образ, создавая легенду проживания в стране и усиленно изучая арабский разговорный язык, которого я не знал. Впрочем, всё более или менее культурные люди в крупных городах Египта, обслуживающий персонал в отелях, в магазинах, владеют английским языком. Но арабский... Разве выучишь его за полгода?

Шёл 1960 год. В стране правил твёрдой рукой Гамаль Абдель Насер. Отношения между нашими странами были дружественными. Мы строили Асуанскую плотину, имевшую жизненно важное значение для Египта, называвшегося в то время ОАР - Объединённая Арабская Республика - Египет и Сирия. Впоследствии союз этот распался, поскольку египтяне, наводнившие Сирию, стали теснить сирийцев в их собственной стране, где жизненный уровень был гораздо выше, чем в Египте.

Наш лидер Н.С. Хрущёв посетил Египет и, пребывая в состоянии эйфории от приёма, оказанного ему арабами, наградил Насера Золотой Звездой Героя Советского Союза и орденом Ленина, чем вызвал волну недоумения у наших ветеранов Великой Отечественной войны да, пожалуй, и у всех советских граждан, не говоря уже о сотрудниках нашей

разведки, которые отлично знали, как беспощадно расправляется режим Насера с коммунистами. Что касается египетской контрразведки, то, не слишком досаждая нам наружным наблюдением, она довольно плотно обставляла нас своей агентурой - водители, дворники, механики и другие лица из числа местного населения. Полицейские, нёсшие службу у входа на территорию нашего посольства, на самом деле являлись офицерами полиции. Они, не слишком таясь, аккуратно отмечали в своих записных книжечках каждый приход и уход сотрудников посольства, вычисляя таким образом наших разведчиков, которые, как правило, дольше других задерживались в посольстве, хотя руководство нашей разведки настаивало на том, чтобы мидовские работники по режиму своей службы не отличались от сотрудников резидентуры. На территории посольства, располагавшегося на берегу Нила, была открытая киноплощадка, где часто показывались фильмы, и тогда все сотрудники и их семьи задерживались допоздна. В это время в стране находились сотни наших советников, как гражданских, так и военных, приезжали на стажировку слушатели военного института иностранных языков, так что присутствие меня, ещё одного стажёра в посольстве, не привлекало особого внимания.

Что касается местной контрразведки, то ни в Каире, ни в Александрии наружки за мной не было, хотя агентурное наблюдение по месту жительства, безусловно, велось. Что касается наших военных советников, то через резидента я знал, что контрразведка держит их постоянно под наблюдением, хотя с военной точки зрения египетские военные секреты не представляли для нас какого-либо интереса. Политика, намерения правящего режима - да.

В страну приехали два наших художника - один из Литвы, другой из Азербайджана. Поскольку языка они не знали, то консул мне поручил сопровождать их в поездках по стране, я мог хотя бы изъясняться на английском. С ними я побывал в таких местах, куда одному ходить небезопасно. Так, в одной кофейне, а их здесь тысячи, мы познакомились с молодым человеком по имени Фуад, инженером, получившим образование в нашей стране. Он повёл нас туда, где наши художники могли найти немало экзотических персонажей для своих этюдов. Художники, а их звали Керим и Эрик, мечтали порисовать живых людей. Мы пошли в обычную кофейню, расположенную на одной тёмной улочке в бедняцком квартале. В большом подвальном помещении за узкими длинными столами из струганых досок на лавках сидел рабочий люд - докеры, шофёры, чистильщики обуви, рабочие, дворники... Дым стоял коромыслом. Посетители о чём-то увлечённо беседовали, в основном о политике и о футболе, и курили кальян. Наш провожатый предупредил нас, что здесь собираются курильщики опиума, но бояться нам нечего, так как хозяин его друг.

Курильщики, а их было с полсотни, сидели в просторных белых и серых одеяниях, на головах у некоторых тюрбаны. Все они были людьми бедными, на измождённых, изборождённых морщинами лицах сверкали лишь глаза. Кто-то лежал на циновках в углу подвала. При нашем появлении все присутствовавшие повернули к нам головы, послышались

возгласы «американ!», «американ!», затем гул голосов несколько затих. Наш новый знакомый Фуад, а одет он был по-европейски, поднял руку и по-арабски объяснил посетителям, что мы гости из России и цель нашего визита посидеть за их столом и немного порисовать, с тем чтобы простые люди из России узнали, как живут простые люди в Республике Египет. Сидевшие за столом освободили для нас место, повсюду послышались возгласы «руси!», «руси!», нам наперебой совали кальян, который до этого ходил по кругу, к нам тянулись, чтобы пожать руки. Поднялся страшный гвалт, все пытались говорить, благо отношения между нашими странами в то время были весьма дружественными.

Здесь был простой люд, и чувства свои они выражали настолько искренне и бурно, что Эрик, заикаясь, спросил: «А вы уверены, что мы сегодня выберемся отсюда?» Он был бледен. Его редкие вьющиеся волосы прилипли к лысине. Его явно мутило от смеси немыслимых запахов пота, острой пищи, шашлыка, кофе, гниющих фруктов, дыма и ещё чего-то, связанного, по-видимому, с курением опиума. С большим трудом нам удалось наконец создать рабочую обстановку. Эрик и Керим достали свои планшеты и приступили к работе. Они были подлинными мастерами своего дела, однако «натурщики» наступали на них со всех сторон. Каждый хотел, чтобы его нарисовали. Нашему другу Фуаду приходилось то и дело вмешиваться, чтобы поддерживать порядок. «Натурщики» же, поражённые сходством своих портретов, сделанных на их глазах простым карандашом, вопили от восторга, тянулись к ним, считая, что раз их физиономия нарисована на бумаге, значит, и портреты должны принадлежать им, и стоило больших трудов объяснить этим людям, зачем нужны эти рисунки и почему они должны остаться у художников.

От кальяна мы, конечно, отказались, а наш друг объяснил посетителям кофейни, что у нас не принято курить кальян и что мы предпочитаем сигареты. Затем он подозвал официанта, отличавшегося от посетителей только тем, что был подпоясан ярко-зелёным кушаком да длиннополая одежда была побелее и почище, и велел принести нам кофе. Вскоре он возвратился в сопровождении хозяина, довольно молодого араба в красной феске с кисточкой, одетого в изумрудно-зелёный жилет и узкие чёрным брюки, на ногах у него были сверкающие чёрные лаком остроносые туфли. Официант прямо при нас заварил кофе по-турецки, пользуясь для этого целым набором медных кофейников и спиртовкой. Крепкий, дымящийся, ароматный кофе он разлил в маленькие толстостенные фарфоровые чашечки в медных подстаканниках. В такой посуде кофе остаётся горячим, и его можно пить не спеша, смакуя каждый глоток. Кофе по-турецки в арабской кофейне отличается своей крепостью, сладостью, а также тем, что почти полчашечки заполнено кофейной гущей, которую у нас выливают на донышко блюдечка, когда хотят погадать.

Хозяин кофейни изъяснялся на хорошем английском языке, и мы с ним разговорились. Он рассказал мне, что учился в коммерческом колледже в Англии, но внезапно умер отец, и ему пришлось бросить учёбу, с тем чтобы продолжить семейное дело. Это занятие ему совсем не

по душе, но что поделаешь - надо кормить семью: мать и три сестры, одна из них уже на выданье. Он надеялся взять в дело будущего зятя. Сам же он женат, имеет пока одну жену и ребёнка, но если попадётся какая-нибудь богатая невеста, то он возьмёт и её в жёны, благо великий Аллах разрешает им иметь до четырёх жён, для каждой из которых, правда, должна быть отдельная комната, комнат же у него достаточно. Он говорил, что четыре жены - это нормально, а больше - уже аморально. Вот король, который сбежал из страны, был большим развратником: у него был целый гарем и более трёхсот любовниц, и он каждый день выпивал по пять литров сока манго, чтобы всегда быть в «спортивной» форме. А поскольку занятия любовью отнимали у него время и днём и ночью, то править королевством ему было недосуг, вот он и профукал своё королевство, а молодые полковники, пришедшие к власти, милостиво разрешили ему бежать на яхте в сопровождении своих жён. Любовниц же ему пришлось бросить, так как на яхте они бы все не поместились, да и что хорошего: собирать всех любовниц в одном месте? А секреты двора ему были хорошо известны, потому что его друг в своё время служил в личной охране короля.

Мы провели в этой кофейне весь вечер и с трудом выбрались оттуда за полночь. Фуад помог нам поймать такси, и мы направились сначала в Гизу, где обитали художники, а затем я поехал к себе на виллу «Глория», где жил вместе с обслуживающим персоналом посольства.

В план моей работы в стране входили также поиски тайников для местной резидентуры. В особенности местных товарищей интересовали тайники для объёмных предметов. Тот, кто не бывал на Арабском Востоке, не знает, что значит найти тайник в Каире или Александрии. Да и в любом арабском городе, где днём и ночью тысячи людей, в основном мужского пола, слоняются по узким улочкам. Какой уж там тайник! Но искать надо. И вот я еду в пригород Каира Гелиополис, населённый в основном европейцами. Пригород состоит из роскошных вилл и дорогих многоэтажных домов. У каждой виллы, у каждого подъезда днём и ночью баваб - сторож. Набирают сторожей, как правило, из южной части Египта или из Судана. Сидит себе у входа смуглолицый негр с лицом, испещрённым шрамами, как того требует их религия, в белом одеянии до пят и в белом тюрбане на голове. Сидит и наблюдает за каждым, кто попадает в поле зрения. Вполне естественно предположить, что все они связаны с полицией.

Долго брожу по Гелиополису, пока не нахожу то, что искал. В мощной каменной стене, окружавшей какое-то строение, имелась расщелина, вполне подходящая для оборудования тайника. Да и место было достаточно безлюдным. Довольный находкой, я отправился выполнять задание по прикрытию.

В Египте в начале века после кровавой резни, устроенной турками, осело много армян, бежавших из Турции. Многие из них после Второй мировой войны уехали в Армению. Теперь они состарились, и им нужно было оформлять пенсию, так как советские законы засчитывают трудовой

стаж, наработанный за границей. А сбор справок о том, что такой-то работал на такого-то во времена оно, входит в обязанности сотрудников консульства. Часто случалось, например, что жена работала кассиршей у своего собственного мужа - владельца бара или магазина. Но, как правило, посетители из Армении были по-настоящему бедны и немощны, и я был рад помочь им чем мог. С такого рода заданием я и приехал в Гелиополис в тот день. Дул хамсин - ветер пустыни, несущий тучи взвешенных в воздухе песчаных частиц.

Не без труда отыскал нужный мне адрес. Открыл лакей. Он довольно сносно изъяснялся по-английски. Хозяина не было дома. Выяснив, когда он бывает, я спросил его как бы невзначай:

- Послушай, а что это за стена там виднеется? Высокая такая, из камня.

_О, это Кубба, - отвечал он с таинственно-важным видом.

- А что такое Кубба?

- О, это президентский дворец. Там живёт наш президент Гамаль Абдель Насер, да сбережёт его Аллах!

Вот посмеялись бы наши из резидентуры, если бы узнали, что я чуть было не подыскал им тайник в ограде президентского дворца. «Не хватало, чтобы меня приняли за террориста», - думал я, сидя в мягком кресле пригородной электрички.

Над кварталами Старого Каира возвышается пустынное плоскогорье, именуемое Мукаттам. Стометровым обрывом подступает оно к узеньким кривым улочкам, где господствует грязь и аитисанитария. Может быть, там удастся что-нибудь подыскать? На такси отправился в Мукаттам. Узкое шоссе петляло среди скальных массивов, пока не вырвалось наконец на просторы плато. По дороге за одним из многочисленных поворотов на обочине шоссе стоял юноша с велосипедом. Он внимательным взглядом проводил нашу машину, замедлившую скорость на повороте. Конечно же, он не мог не заметить висевший у меня через плечо фотоаппарат. Побродив по краю обрыва, откуда весь Каир как на ладони, и пощёлкав фотоаппаратом, мы подъехали к заброшенному коптскому храму. Оставив водителя внизу, я взобрался на колокольню храма, чтобы оттуда сделать несколько снимков. Вдруг внизу раздались чьи-то крики. Посмотрев вниз, я увидел, что у входа в храм рядом с моим таксистом стоит невесть откуда появившийся пожилой грузный полицейский, который яростно размахивает руками и что-то кричит, явно обращаясь ко мне, а таксист делает мне знаки, чтобы я прекратил фотографировать. По шоссе быстро удалялась юркая фигурка паренька на велосипеде.

Сделав ещё пару снимков, я спустился вниз. Полицейский кричал, тыча пальцем в мою камеру. Я жестами извинился, и мы отправились в обратный путь. За поворотом шоссе в узком ущелье нас поджидал военный патруль - два солдата с автоматами. Поодаль стоял юноша-велосипедист. Отогнав машину на обочину, солдаты жестами приказали мне выйти из

машины и следовать за ними по отходившей от шоссе дороге, которая вскоре упёрлась в глубокую нишу, перекрытую огромными стальными воротами. В углублении в скале имелось переговорное устройство. Один из солдат, нажав на кнопку, с кем-то переговорил, в то время как второй солдат стоял за моей спиной, держа меня под дулом своего автомата. В этот момент тяжёлые ворота вдруг легко повернулись вокруг своей горизонтальной оси и ушли под потолок пещеры. Мы прошли в подземелье. Там нас ждал дежурный офицер, превосходно говоривший по-английски. Он пригласил меня в дежурную комнату. Это был отлично оборудованный кабинет с пультом, телефонами, на стенах висели зашторенные карты. Слышалось слабое шипение воздуха, поступавшего из вентиляционных отверстий.

Проверив мои документы и задав несколько вопросов, дежурный офицер в очень корректной форме сказал мне, что я должен засветить только что отснятую плёнку, так как я, возможно, сам того не желая, заснял замаскированные военные объекты. Мне не хотелось расставаться с отснятыми мной кадрами, но я не стал с ним спорить, так как знал, что это бесполезно. Я объяснил ему, что плёнка кончилась и вышла из кассеты, но что в самом её начале имеются кадры моих друзей, которые мне, естественно, хотелось бы сохранить. Поэтому, если господин офицер будет столь любезен погасить на минутку свет, я смогу вернуть часть плёнки в кассету, а ту её часть, в отношении которой у него имеются возражения, мы засветим. Или мы с ним не друзья-союзники? (В то время мы оказывали Республике Египет военно-экономическую помощь, строили Ассуанскую плотину, на Суэцком канале работали наши лоцманы, в армии и на флоте действовали наши советники). После некоторого колебания офицер выключил свет. Перемотав обратно плёнку, я вынул её из камеры и положил в карман, вставив туда имевшуюся у меня чистую плёнку. Офицер включил свет. У него на глазах я засветил около метра плёнки, на чём мы и расстались.

На следующий день я доложил резиденту о случившемся. «Ничего, - сказал он, - будет тебе наука. Там у них командный пункт ПВО. Впредь будь осмотрительней и не лезь куда попало, а то выручай тебя потом», - пожурил он меня по-отечески.

А на память об этом случае у меня осталась фотография полицейского, яростно грозившего мне кулаком снизу у подножия коптского храма. Тайники я всё же впоследствии подобрал, и они были задействованы.

Так прошло несколько месяцев. С диппочтой приходили письма от жены. Она уже приступила к подготовке, и в общем дела у неё продвигались довольно неплохо. Изучать язык всегда легче, когда имеется цель, а цель была такова: за два-три года изучить один-два языка, отработать легенду, пройти спецподготовку, радиодело и, если, конечно, ничто не помешает, воссоединиться с мужем в какой-нибудь промежуточной стране. Так что ей пришлось уволиться со своей работы и целиком посвятить себя подготовке, которая потребовала от неё полной

отдачи и самоотверженности. А поскольку появление у нас ребёнка свело бы всё на нет, то мы твёрдо решили детей не иметь, пока оба не прибудем в страну назначения. А там уж будет видно по обстоятельством. Молодая пара с ребёнком, находясь на нелегальном положении, вызывает к себе меньше подозрений со стороны окружения. Сложившаяся семья в любом обществе пользуется большим доверием и симпатиями, а это необходимо для успешного обживания и работы в стране. Когда же возникает чрезвычайная ситуация, то...

Бывает и так, что у нелегала семья распадается. Живут в Союзе, всё нормально, но вот ему пора в путь-дорогу, а она ещё не готова, если вообще когда-нибудь будет готова к такого рода работе: отсутствие лингвистических способностей, болезнь, беременность и т.п. И вот находятся они в разлуке год, два, десять; а лучшие молодые годы уходят - домой в отпуск не очень-то поездишь. Хорошо ещё, что есть дети, а если их нет, то и ослабевают некогда прочные семейные узы. Муж при деле, он-то занят. Жена же - ни жена, ни вдова... Бывает и так: и умница, и языки знает, и по всем статьям подходит, но в процессе подготовки появляется ребёнок, которого не бросишь на бабушку-дедушку, поездка к мужу отодвигается всё новыми и новыми заботами, пока этот вопрос и вовсе не снимается с повестки дня. Остаётся одно: ждать, надеяться, тосковать, воспитывать ребёнка без отца. И так пять, десять и двадцать лет. Так что момент встречи Штирлица с женой в «Семнадцати мгновеньях...» - это не досужая выдумка автора. Это тяжкая реальность в жизни разведчика-нелегала, иногда трагедия.

Ещё будучи на индивидуальной подготовке, жили мы с женой на квартире у одной старушки, на воспитании которой был мальчик лет четырнадцати. Родители были на «нелегалке» в далёкой стране. Мальчик с бабушкой не ладил, был своенравным, всё время пропадал на улице, и она с ним явно не справлялась. А случилось так, что родители как-то приехали с сынишкой в отпуск и не нашли ничего лучшего, как оставить малыша с бабушкой. Сами же укатили на юг. Когда вернулись, мальчик уже вовсю болтал по-русски.

Бабушка души не чаяла во внуке и радовалась его успехам, не подозревая, что она натворила. Встал вопрос: муж едет один, поскольку там прикрытие, там работа государственной важности. Как объяснить окружающим исчезновение жены и ребёнка? Фатальной аварией на дороге? А сердце матери? Как бросить, пусть даже с бабушкой, маленького ребёнка? Отдать в детдом? Как живётся детям в детдоме, хорошо известно. Кончилось тем, что жена не захотела отпустить мужа одного, ребёнка пришлось оставить у бабушки, а в стране пребывания по возвращении надеть «траур» по своему собственному живому ребёнку и принимать соболезнования от друзей и соседей, что было совсем нелегко. К счастью, вскоре у них появились дети - двое близнецов. Вот как у нас бывает. В кои-то годы соберёшься в отпуск (в моём случае это было лишь через семь лет), а поедешь, где гарантии, что всё обойдётся без досадных накладок.

По истечении четырёх месяцев работы в стране я стал готовиться к посещению аргентинского консульства в Каире (в Александрии, где я в то время работал, консульства Аргентины не было). Прикреплённый ко мне оперработник в течение двух недель проводил инструктаж: мы отрабатывали все возможные варианты вопросов, которые могли задавать в консульстве, я тренировался ставить свою новую подпись на документах и т.п. Затем мне учинил проверку сам резидент.

Накануне посещения консульства я в своей комнате подержал руки в горячей воде, после чего стал натирать их отработанным машинным маслом, смешанным с грязью и песком с тем, чтобы придать рукам «рабочий» вид (ведь я должен был представиться механиком). Под ногтями появилась чернота, столь характерная для рук механика, а после того, как руки помыл бензином, кожа стала грубой и шероховатой.

Утром, одевшись попроще, я направился в аргентинское посольство, располагавшееся в районе Замалек, в нескольких кварталах от нашего посольства. Прошёлся по маршруту проверки. Чисто. «Хвоста» нет. Несмотря на то, что морально и психологически я был подготовлен к этому крайне важному для меня мероприятию, я всё же чувствовал дрожь в коленях. Ведь от этого визита зависело, насколько успешной будет моя командировка, как, впрочем, и все мои планы на будущее. В случае неудачи я был бы обречён на длительное прозябание дома, пока приготовят другие документы, если вообще когда-либо станут для меня готовить. По пути в консульство зашёл в бар, принял двойную порцию коньяку для храбрости, зажевал мускатным орехом, он отбивает запах алкоголя.

Небольшой особняк на тихой улочке. Надпись на медной табличке: «Посольство Республики Аргентина. Консульский отдел». Прохожу мимо полицейского, стоящего в полосатой чёрно-белой будке с автоматом на плече. Вхожу в вестибюль. Никого. Может, слишком рано? Пробегает темнокожий слуга-суданец, в белом одеянии, с подносом, на котором стоят фарфоровые чашечки и медный кофейник. Пахнуло ароматом свежеприготовленного кофе.

- Мистер? - замедлил он шаг, вопросительно глядя на меня.

- А где тут консульство? - спросил я его по-английски (ведь он тоже обратился ко мне по-английски).

- Сюда, мистер, - указал он на одну из дверей, выходивших в вестибюль, на которой табличка «Консульский отдел», Ф. Маркес. Захожу вслед за слугой, который, подойдя к столу, с поклоном поставил поднос с кофе перед сидевшим спиной к окну чиновником.

- Сеньор Маркес! Вот молодой человек, он к вам по делу, - сказал слуга и сразу же вышел.

- Проходите, сеньор, - сказал приветливо чиновник, смуглолицый худощавый молодой человек среднего роста с усиками, в очках в металлической оправе. - Чем могу быть полезен? Вы говорите по-английски? Тем лучше. Я здесь не так давно и арабский ещё не освоил.

- Видите ли, - сказал я, предъявляя ему свидетельство о рождении и удостоверение (вид на жительство) апатрида, отпечатанное на голубом картоне (оно было передано мне резидентом накануне), - я родился в Аргентине и хотел бы выяснить вопрос относительно своего гражданства.

Мельком взглянув на голубые корочки, он принялся внимательно изучать свидетельство о рождении.

- Вы не говорите по-испански?

- Нет, поскольку мне никогда не приходилось вращаться в испаноязычной среде. Из Аргентины меня увезли ещё ребёнком, и я не имел возможности изучить испанский язык.

Сеньор Маркес, прихватив мои документы и ещё какие-то бумаги, направился к выходу.

- Подождите в вестибюле, пожалуйста, - жестом пригласил он меня пройти в вестибюль, а сам скрылся за дверью с табличкой «Консул».

Минут через десять он пригласил меня к консулу.

В просторном кабинете за массивным письменным столом восседал лысый брюнет лет сорока, с тщательно ухоженными усами. Маркес стоял рядом. Белоснежная рубашка оттеняла загорелое лицо консула с выбритыми до синевы щеками. На манжетах сверкали золотые запонки. Величественным жестом он пригласил меня сесть.

- Так, значит, фамилия ваша Мерконис и вы претендуете на получение аргентинского гражданства? - сказал он, сверля меня взглядом чёрных глаз. Его английский был безукоризненным.

- Да, сэр. К тому же я хотел бы выехать в Аргентину.

- А почему же вы раньше к нам не обратились? Отчего ждали столько времени?

- Да как-то было невдомёк. А недавно вот совершенно случайно встретился с одним адвокатом, и он мне посоветовал к вам обратиться.

- Какое образование имеете?

- Средняя школа-интернат в Афинах, Греция.

- Кем работаете?

- Механиком в автомастерской.

- Где работаете?

- До последнего времени в Александрии, но недавно хозяин умер, сын не хочет продолжать дело отца и продаёт гараж, а рабочих увольняет (что соответствовало действительности).

- Где проживаете?

- В пансионате «Заридис».

- Расскажите вкратце о себе.

Рассказал в соответствии с легендой. Маркес в это время делал у себя в блокноте пометки. Я ответил ещё на ряд вопросов. Затем консул спросил:

- А вы знаете, что каждый гражданин Аргентины должен в обязательном порядке отслужить службу в армии?

- Да, сэр, я слышал об этом.

- Вас это не смущает?

- Ничуть.

- В случае получения аргентинского гражданства вам ведь придётся как можно скорее выехать в Аргентину для прохождения воинской службы в течение одного года в одном из подразделений аргентинской армии.

- Хорошо, я поеду. Какие проблемы?

- Вот и хорошо, - сказал консул после некоторого раздумья. - Подождите в вестибюле.

Минут через двадцать вышел Маркес и пригласил меня к себе в кабинет.

- Мы должны сделать запрос и провести небольшую проверку, - сказал он. - Но я думаю, что всё будет в порядке. Напишите сейчас заявление с просьбой о предоставлении вам гражданства нашей страны, давайте-ка заполним вот эту анкету, поскольку она заполняется на испанском, - принесите фотокарточки для паспорта и военного билета. Позвоните недели через две-три. - И он дал мне свой телефон.

Выйдя из посольства, я на всякий случай ещё раз проверился, по другому заранее подобранному маршруту. Хотя за всё время моего пребывания в стране наружного наблюдения я не обнаружил, но это не означало, что его могло не быть в этот раз. Мероприятие было крайне ответственным, и египетской контрразведке совсем необязательно было знать, что стажёр из советского посольства зачем-то посещает посольство Аргентины.

Переодевшись дома, я составил подробный отчёт и направился в посольство. Там я отыскал Геннадия, который являлся моим наставником, и вместе с ним мы пошли к резиденту.

Резидент работал советником посла.

Я описал ему во всех подробностях свой визит в аргентинское посольство. Он слушал очень внимательно, делая пометки у себя в блокноте и время от времени задавая мне вопросы. Они вместе с Геннадием расспросили меня о том, как меня приняли в консульском отделе, о чём спрашивали и каким тоном.

- Было бы неплохо, если бы вы недели через две наведались в посольство и отнесли фотокарточки, а заодно справились бы, как обстоят дела с вашим гражданством, - сказал в конце беседы резидент. - А завтра

поезжайте в Александрию и продолжайте изучать город. Там и сфотографируйтесь. На первый взгляд как будто всё прошло нормально. Всё решит ваш второй визит.

Через две недели я снова пришёл в аргентинское консульство.

- Как обстоят дела, мистер Маркес? - спросил я, передавая фотокарточки.

- Ответ на наш запрос ещё не пришёл. Зайдите через неделю-две.

Через две недели я снова приехал из Александрии в Каир.

- Могу вас порадовать, - сказал Маркес, он торжественно потряс в воздухе двумя документами: в левой руке были тёмно-синие корочки с золотой тиснёной надписью «Республика Аргентина», а в правой - бежевого цвета книжица, похожая на записную книжку, - военный билет. - С нашим паспортом вы можете без всяких виз пересекать все страны Западной Европы и Северной и Южной Америки. Со всеми странами, кроме Советского блока, конечно, у нас имеются соответствующие соглашения. А вот это - военный билет, - показал он мне бежевую книжицу. - Это будет вашим основным документом по прибытии в Республику Аргентину. Прибыв в Буэнос-Айрес, вы должны будете незамедлительно явиться по адресу, указанному в военном билете. Это военный комиссариат. Там, на шестом этаже расположен отдел, ведающий делами аргентинских граждан призывного возраста, прибывающих из-за границы. Вы там должны будете стать на учёт и решить вопрос о прохождении воинской повинности. Мы уже направили туда отношение, так что вас там будут ждать. Поздравляю вас с получением аргентинского гражданства и желаю вам успехов в дальнейшей жизни. - И он пожал мне руку.

Я вышел, ошалевший от радости, не веря ещё, что всё завершилось столь удачно. Во внутреннем кармане пиджака у меня лежали документы, с которыми я мог ехать куда угодно и жить где только мне захочется. Я зашёл в магазин, купил бутылку самого дорогого виски и коньяк «Метакса» и вернулся в посольство. Маркес вначале взглянул на меня с недоумением, затем лицо его расплылось в довольной улыбке:

- Сегодня у нас действительно торжественный случай. Давайте-ка откроем этот коньяк, а кофе нам сейчас принесут.

Вошёл слуга с подносом.

- За новоиспечённого гражданина Республики Аргентина, - торжественно произнёс Маркес, поднимая шарообразный бокал, на дне которого плескался коньяк.

- Присоединяюсь к вашему тосту. Это самый важный момент в моей жизни. - Мы сделали по глотку «Метаксы», затем по глотку кофе.

- Имейте в виду, что служба в армии поможет вам обзавестись хорошими связями, которые в будущем вам пригодятся, - сказал он на прощанье.

Придя вечером в наше посольство, я хотел было передать отчёт Геннадию, но он, как и в прошлый раз, повёл меня к резиденту.

- У вас, я вижу, хорошие новости, - сказал резидент, глядя на моё сияющее лицо. - Ну, похвалитесь, что там у вас за улов?

Я протянул ему только что полученные аргентинские документы. Резидент внимательно их рассматривал.

- Ну, вы просто молодец, - похвалил он меня. - Поздравляю вас с получением нового гражданства. Будем считать, что вы выполнили самую важную и наиболее ответственную часть своего задания. Это просто здорово! Это ведь, по сути, то, ради чего вы сюда приехали. - И он потряс в воздухе моими документами.

- Что, можно собирать чемоданы?

- Ишь, какой ты прыткий. Небось по жене скучаешь?

- Как не скучать? Я ведь и женился-то всего лишь в прошлом году. Что-то давно нет от неё известий.

- Как так нет? А вот и есть. - И он поднял трубку внутреннего телефона.

- Анатолий, зайди ко мне и захвати почту для Мартынова.

Вошёл шифровальщик и вручил мне письмо (как всегда, в распечатанном конверте, что каждый раз вызывало во мне волну возмущения).

- Вот, держи, - сказал резидент, передавая мне конверт. - А документы мы отправим в Центр диппочтой. - С этими словами он взял плотный конверт и, надписав его, вложил в него мои документы и убрал в сейф.

- Вот что, - сказал резидент. - На днях вернётся из командировки Василий. Он у нас работает по вашей линии. Толковый парень. Он приедет к вам в Александрию, и вы с ним недельки две интенсивно поработаете над вашей легендой. Затем вернётесь сюда и составите отчёт о проделанной вами работе за весь период командировки. И лишь после этого можете готовить чемоданы. И никак не раньше. Вопросы есть?

- Вопросов нет.

- Ну, тогда счастливо.

На следующий день утром дизельным поездом я выехал в Александрию.

...Моя работа близилась к концу. Несколько дней и ночей мы просидели с вернувшимся из Йемена Василием, составляя отчёт о проделанной работе, ползали по картам, листали справочники, неистово стучали на машинке. Он преподал мне наглядный урок самоотверженности в работе, за что я ему был очень благодарен.

Далее - борт нашего теплохода «Победа». Заходы в Пирей, Стамбул, Констанцу. И вот, наконец, Одесса. Поезд Одесса-Москва. Раннее

мартовское утро. Медленно надвигаются своды Киевского вокзала. Москва.

Начало пути

Хмурое утро. Теплоход медленно тащится по мутным водам залива Рио-де-ля-Плата. На горизонте в серой мгле проступают громады небоскрёбов, которые словно вырастают из воды. Верхние этажи скрыты в облаках.

Дует свежий ветер. Июль месяц в Южном полушарии - самый разгар зимы. Белоснежный красавец «Прованс» входит в акваторию порта Буэнос-Айрес. Здесь мне предстоит легализоваться, пройти службу в армии, найти работу по специальности, освоиться в стране, изучить язык и нравы и изыскать возможности для выезда в США или Канаду, где я должен буду непосредственно заниматься политической разведкой. Конкретно - против США, нашего главного противника. Медленно приближается берег страны, языка которой я совершенно не знаю, да, собственно, и не должен знать по легенде. Одним словом, будущее моё столь же туманно, как это хмурое утро.

Буэнос-Айрес, громадный город на берегу широкого, но довольно мелкого залива Атлантического океана у юго-восточного побережья Южной Америки, где сливаются две многоводные реки - Парана и Уругвай, одна река - мутная, другая - прозрачная. Океанские лайнеры, сухогрузы, танкеры с помощью лоцмана осторожно пробираются по морскому каналу, обозначенному огромными буями с мигающими красными огнями. В канале постоянно работают земснаряды, подчищая и углубляя русло. Ошибки чреваты неприятностями: судно прочно садится на мель, его затягивает илистое дно, затем зимние шторма мало-помалу разбивают его. Подошёл катер пограничной и таможенной службы. На душе было неспокойно, хотя документы у меня в порядке. Вдруг они знают, кто я такой? Вспомнились слова инструктора: «Не того бойся, кто в форме, а того, кто в штатском». Пассажиры стали заполнять таможенные декларации. Судно отшвартовалось у причала. На берегу толпа встречающих. Французский лайнер «Прованс» выполнял рейсы Неаполь - Буэнос-Айрес. На нём прибывали эмигранты со всей Европы, особенно из Италии и Португалии. Таможенный досмотр. Вереницы такси забирают пассажиров и встречающих и тотчас отъезжают, но подходят всё новые машины чёрно-жёлтого цвета. Сотни такси. Если в Египте любой таксист знает хоть немного по-английски, то здесь этого нет. Взял такси, попросил отвезти в отель «Наполеон». Название отеля мне дал инструктор на встрече в Лозанне. Отель с полным пансионом, что означает завтрак, обед и ужин. Отель не отапливается, в номере сыро. Конец июля. Температура обычно в это время года 3-5 градусов плюс, редко - нулевая. Стоит промозглая погода, туманы. Тёплая весенняя Европа вызывает приятные воспоминания.

* * *

Весна 1960 года в Европе была довольно тёплой. По возвращении из Египта моя подготовка продолжалась уже в направлении отработки легенды. Первого мая удалось попасть на Красную площадь. После бесчисленных проверок мы с женой пробрались наконец к своим местам на трибунах для гостей. Мы стояли близко от Мавзолея. Хорошо было видно, как на трибуну поднимался Н.С. Хрущёв с соратниками. Начинался военный парад и демонстрация. В то утро в районе Свердловска был сбит Пауэрс, что торпедировало встречу в верхах. Международная обстановка, близкая к разрядке, вновь накалилась, напряжённость пошла по возрастающей, приведя в конце концов к Карибскому кризису.

Отпуск мы провели в Ялте, как всегда «дикарём». Снимали комнатку в Верхней Ялте, питались где придётся, благо снабжение в городе было превосходным. На набережной стояли бочки с молоком, квасом, пивом, всюду продавались булочки, пирожки, кругом рестораны и закусочные. Стали появляться иностранные туристы.

Был солнечный морозный день начала февраля 1961 года. Выйдя из дому, я окунулся в обычную толчею у станции метро «Новослободская». В условленном месте, на углу Селезневской и 3-го Самотёчного переулка, стояла серая «Волга». На переднем сиденье рядом с водителем сидел Григорий, мой, уже четвёртый по счёту, куратор, круглолицый, румяный, с усами щёточкой. Я сел на заднее сиденье, и машина тронулась.

- Ну, как у нас идут дела? - спросил Григорий, поворачиваясь ко мне.

- Нормально, - ответил я. - Всё идёт по плану.

Завтра рано утром я уже должен был перевоплотиться в туриста из Канады и вылететь вначале в Бухарест, затем в Прагу.

Сегодня перед отъездом последняя встреча с руководством. Вернее, прощание.

Свернув с проспекта, углубились в переулочки, сплошь застроенные деревянными и кирпичными одноэтажными домами и особняками. На перекрёстке двух узеньких улиц мы высадились, и машина тотчас ушла. Мы с Григорием не спеша шагали по переулку. Я даже не подозревал, что в этом районе есть такие чудесные тихие места. Остановились у калитки небольшого деревянного дома с мезонином, стоявшего в глубине сада. Григорий нажал на чёрную кнопку звонка сбоку от калитки. Из дома проворно спустилась невысокая седая женщина в накинутом на плечи ватнике. Она открыла калитку, и мы прошли по расчищенной от снега дорожке к резному крыльцу. Григорий уверенно шёл впереди. Чувствовалось, что он здесь бывал не раз. В гостиной, устланной ковром, нас ждали три человека. Один из них, Станислав Тимофеевич, был мне знаком, коренастый, с энергичным массивным подбородком и быстрыми движениями. Мы встречались с ним в прошлом году в маленьком кабинете рядом с приёмной КГБ на Кузнецком мосту. «Веста» тогда, пройдя бесчисленные тесты и собеседования, была окончательно признана годной для нашей работы и приступила для начала к изучению немецкого

языка (в школе она изучала английский и знала его относительно неплохо).

Третий из присутствовавших на встрече был высокий мрачноватого вида седой блондин с выдающимся носом и колючим недоверчивым взглядом холодновато-голубых навыкате глаз, насмешливо взиравших на собеседников откуда-то с высоты собственного роста. Густые русые волосы его были зачёсаны назад.

- В.А., - представился он.

- Проходите, садитесь, - пригласил нас всех за стол В.Г.

На столе, уставленном блюдами с бутербродами, возвышались бутылки армянского коньяка, грузинского вина «Гурджаани». Отдельно стояла большая хрустальная ваза-ладья с яблоками и апельсинами.

- Ну, что ж, выпьем за удачу в нашем деле, - предложил В.Г. - Что пьём? - спросил он, окидывая взглядом присутствующих.

Все, кроме В.Д., сошлись на коньяке, он же предпочёл вино.

- Ну, вот ты его и открывай, - сказал В.Г., передавая В.А. штопор. После чего он разлил коньяк в маленькие хрустальные рюмки на высокой ножке. Хрустальный звон наполнил гостиную.

- Мы сегодня провожаем В.И. в неблизкий и нелёгкий путь, - сказал В.Г. негромким голосом. - Да сопутствует ему удача!

Мы осушили рюмки.

- В.И., - продолжал В.Г. - Вы отправляетесь на Запад в тяжёлый для нас час, но пусть это вас не беспокоит. Мы знаем, что вы не из слабонервных, иначе мы бы с вами вот так не сидели. У нас крупный провал в Англии, какого давно не было. Захвачена нелегальная резидентура - резидент, радисты, агенты. Резидент, сейчас это уже не секрет, Гордон Лансдейл, псевдоним «Бен». Очень толковый. Фронтовик. Много сделал для нашей страны.

- Но, к сожалению, он ведёт себя на следствии не так, как надо, - подал голос В.А.

- Ну, сейчас не об этом, - сказал В.Г., недовольно покосившись на В. А. - Ему там видней, как себя вести. Легко нам здесь рассуждать, сидя за столом.

- Скоро вы сами обо всём этом деле узнаете, - вступил в разговор С.Т., - сидевший справа от меня. - Там на Западе все газеты только об этом деле и говорят. С фотографиями, со всеми подробностями...

- Страны НАТО захлестнуло сейчас волной истерии и шпиономании, - продолжал между тем В.Г. - Поэтому будьте осторожны. Ваше задание на первые два-три года не предусматривает проведение каких-либо активных операций. Никакой разведки от вас не требуется. Вам, прежде всего, предстоит превратиться в иностранца, вжиться в этот образ, стать

настоящим аргентинцем, с тем чтобы в дальнейшем, в какой бы вы стране ни находились, вы бы уверенно выступали как аргентинец.

- Весь парадокс в том, что В.И. не знает испанского, - сказал В.А.

- Что из этого? - сказал В.Г. - Попадёт в армию - быстро выучит. К тому же он по легенде никогда и не жил в испаноязычной среде. Откуда же ему знать испанский?

- По приезде в Аргентину вы сразу же начнёте изучать язык, - продолжал В.Г. - Испанский, насколько мне известно, не такой уж трудный. - И он снова наполнил рюмки. - Есть одна притча, - продолжал он задумчиво, медленно вращая на столе рюмку с коньяком. - Прилетали лебеди на одно озеро, где у них в изобилии был корм. Но однажды вожак стаи стал замечать, что озеро стало всё больше и больше затягивать какой-то маслянистой плёнкой. Предупредил он всю стаю не летать больше на это озеро. И стали они искать себе корм на других озёрах. Но один молодой, очень самоуверенный лебедь не послушался совета вожака. «Зачем это я буду летать на дальние озёра, когда здесь полно рыбы? И что мне какая-то масляная плёнка?» - говорил он и продолжал прилетать на это озеро. А крылья его между тем незаметно для него самого всё больше и больше пропитывались этой маслянистой плёнкой и становились тяжёлыми. И вот в один прекрасный день он уже больше не мог взлететь с поверхности озера. Так выпьем же за то, чтобы В. И. всегда вовремя замечал опасность и вовремя уходил от неё.

После третьей рюмки мы встали из-за стола. Все по очереди пожали мне руку, пожелав счастливого пути, и проводили нас с Григорием до порога. Мы вышли на улицу. Дошли до угла, где стояла наша машина. С Ленинградского проспекта доносился приглушённый расстоянием шум мчавшихся машин.

- Ну что, В.И., поехали? - спросил Григорий, подходя к машине.

- Я, пожалуй, пройдусь пешком, - ответил я. - Хочется подышать свежим воздухом.

- Так не забудьте, завтра в 5.15 утра на Каляевской. Я вам утром предварительно позвоню.

- Хорошо. До завтра, - сказал я.

День отъезда. Накануне до поздней ночи в тазу в ванной жёг записи, черновики. Спали всего два часа. В четыре - подъём. Наша коммунальная квартира, состоявшая из четырёх комнат, в которых обитали три семьи, ещё спала. Позавтракали вдвоём. Последний перед отъездом завтрак. Следующий завтрак - через два с половиной года. Никогда бы в это не поверил. Впереди - долгий путь. И такая же долгая разлука с молодой женой. Телефонный звонок прогремел как гром в тишине спящей квартиры. Машины через пятнадцать минут. Жена провожает до дверей. По широченной мраморной лестнице нашего старинного дома с небольшим чемоданом в руках спускаюсь вниз. Выхожу на улицу. На Каляевской ни души. Вдоль по улице метёт жуткая морозная февральская

позёмка. Пронизывает насквозь. Усилием воли подавляю дрожь. Теплота домашнего очага, жена, с которой прожили чуть больше года, - всё позади. Когда-то мы теперь увидимся? Увидимся ли? Пути Господни неисповедимы. Так, кажется, говорят материалисты-атеисты. А у разведчика нелегальной разведки стратегического назначения пути эти в основном проходят по краю бездны.

В машине, кроме водителя, лишь Григорий. Обмениваемся приветствиями.

- А что, жена не захотела с нами ехать в аэропорт?

- Нет. Мы договорились, что она проводит меня лишь до порога. В прошлый раз, когда я уезжал в Египет, она поехала провожать меня и не выдержала, расплакалась. Поэтому мы решили, что на этот раз в аэропорт она не поедет. Я ей оставил звуковое письмо, записанное на плёнку. Она его прослушает, когда мой самолёт уже будет в воздухе.

В предрассветной мгле мелькают подмосковные перелески. Слева проплыла возвышающаяся над лесом водонапорная башня НИИ полиомиелита, где около года работала жена. Низко над лесом, мигая красными огоньками, набирал высоту самолёт, только что взлетевший из Внуковского аэропорта. Это был двухмоторный Ил-14 с ярко-оранжевыми крыльями.

- А что это у него такие крылья? - спросил водитель.

- Это самолёт ледовой разведки полярной авиации, - сказал я. - У них тут база.

О полярной авиации я, разумеется, знал не понаслышке: в дальнем углу аэропорта Внуково располагались здания и ангары авиаотряда полярной авиации, где работал радистом мой тесть В.П., а родной дядя жены был полярным лётчиком и занимался на Севере ледовой разведкой, отыскивая подходящие льдины для научно-исследовательских станций, именуемых «СП», а также оказывая помощь ледоколам, проводившим караваны по Северному морскому пути. Самолёт высаживал на льдину зимовщиков, и те организовывали арктические станции, а также промежуточные ледовые аэродромы. Вот на таких-то станциях и ледовых аэродромах и зимовал отец «Весты», обеспечивая радиосвязью зимовщиков, передавая метеосводки и давая пеленг самолётам, летевшим над бескрайними просторами Арктики.

- Слушай, В.П. - обратился как-то к тестю, хитро улыбаясь, начальник отдела кадров, когда В.П. зашёл в свою контору. - Куда это твоя дочь оформляется, что ей такую проверку учиняют? Уж не за границу ли?

- Откуда мне знать? Может, и за границу. Муж там у неё по заграницам ездит.

В.П. в то время ещё не знал, на какую именно работу оформляли «Весту». Он узнает об этом лишь через несколько лет. А в то время шла обычная проверка «Весты» и её родственников по каналам

Машина остановилась напротив служебного подъезда аэропорта.

- Ну, В.И., счастливого пути, ни пуха ни пера. Дальше иди сам. С этого момента ты уже чужеземец, турист, следующий транзитом через Москву в Румынию и далее.

- К чёрту, - отвечал я и, подхватив чемодан, направился к главному входу в аэропорт. Шёл, не оглядываясь назад. С этого момента я - канадский гражданин Р. Митчелл. И никто другой. Никто другой. Другим не имею права быть. Теперь всё моё поведение, манеры, жесты должны соответствовать моему новому положению. Я уже здесь чужестранец. Я вхожу в новую роль. Играть её теперь придётся долгие годы. Посмотрим, как это у меня получится. Взвешиваю свой не слишком тяжёлый чемодан. Объявляется посадка на Бухарест. На русском, английском и французском языках. На румынском тоже. Прохожу пограничный и таможенный контроль и присоединяюсь к пассажирам, столпившимся у выхода на лётное поле. В основном летят русские, но есть и иностранцы. Оглядываю зал. В толпе провожающих мелькнуло лицо Григория. Он должен проследить, как у меня пройдёт посадка и взлёт. В толпе пассажиров выхожу на лётное поле и направляюсь к аэрофлотскому ИЛ-18, стоящему поодаль. Взревели моторы, вздымая облака снежной пыли. В иллюминаторе мелькнули и тотчас исчезли пригороды Москвы. Самолёт вошёл в облачность и стал упорно карабкаться туда, где солнце.

...Бухарест. ИЛ-18, ревя моторами, подрулил к зданию аэропорта. Как-то здесь встретят новоиспечённого иностранца? К моему удивлению, меня встречал сияющей улыбкой молодой человек, представитель румынского интуриста, превосходно владевший английским языком. Назвался Георгиу. Быстро проведя меня через таможню, он поспешил к машине.

- Минуточку, - сказал я. - Я ведь, по-моему, не заказывал ни гида, ни машину, ни отель. Откуда же этот сервис?

- Видите ли, румынское посольство в Москве обычно оповещает нас о том, что к нам направляется тургруппа или турист-одиночка, вроде вас, и мы их встречаем. Разве это плохо?

- Это, конечно, неплохо, но я не собирался останавливаться в отеле, который мне не по карману.

- Ваш отель средней категории, находится он в центре столицы, - сказал Георгиу, открывая дверцу «Волги».

«Какая забота! - думал я. - Видно, не хотят, чтобы иностранные туристы здесь болтались без присмотра. Ну да ладно, посмотрим, что будет дальше. Потом я от него всё-таки отделаюсь». Первые три дня следую программе, предложенной их «Интуристом»: достопримечательности столицы, загородные резиденции королей, музеи и т.п. Георгиу повсюду сопровождает меня, пытаясь завязать со мной дружеские отношения. Он задавал разные вопросы о политике, о личной жизни, о Канаде, о городе, где я проживал, одним словом, вёл себя довольно тактично, обладал широкой эрудицией и, как агент румынской «сикуритате» (а именно таковым он несомненно являлся), был на высоте.

Однако через три дня я с ним расстался, сославшись на то, что люблю просто один побродить по городу.

Но одному мне побродить не пришлось. На следующий же день я обнаружил за собой наружное наблюдение. «У-у, "сигуранца проклятая!" - процитировал про себя слова Остапа Бендера из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова. - Появились-таки». Румынская «наружка» работала профессионально, вела наблюдение с больших расстояний, с использованием автомашин советского производства «Волга» и «Победа». Обнаружить «наружников» можно было лишь тогда, когда они приближались вплотную, опасаясь меня упустить. Город я изучал по плану, купленному ещё в день приезда, и каждый раз я намечал новый объект туристического интереса, куда входили парки, музеи и т. п. Однажды вечером, выйдя из отеля, я взял такси и направился на ледовый стадион, где проходила встреча сборных Румынии и Югославии. «Сопровождавшие» следовали за мной неотступно. После первого тайма я направился к буфету, чтобы перекусить. У стойки толпа, все лезут без очереди, пытаясь добраться до заветной сосиски. Пару раз в сутолоке мелькнула сухопарая высокая крашеная блондинка с иконописным личиком. Волосы её развевались на ветру. Когда меня в очередной раз оттёрли от стойки, она вдруг возникла передо мной, как из-под земли. В каждой руке у неё были по две сосиски, вложенные в булочки, завёрнутые в бумажные салфетки. Она произнесла что-то по-румынски, обращаясь ко мне, с улыбкой глядя на меня большими карими глазами. Убедившись, что я её не понимаю, она спросила по-английски:

- Так может, вы говорите по-английски?

- Да, конечно. Ведь я из Канады.

- Вот как? Очень приятно. А хотите, я вас угощу сосисками, а то, я вижу, вам тут ничего не достанется, а у меня пара лишних сосисок. - И без лишних слов она всучила мне два хот-дога, и мы направились к одному из круглых столиков на высокой ножке, где в пластмассовых красных бутылочках были горчица и кетчуп.

«Агент вошёл в контакт, - мысленно констатировал я. - Довольно смело, искусно, а главное - естественно».

- Будем знакомы, Жаннет, - сказала она, протягивая свою узкую ладонь с длинными холодными пальцами.

- Ричард Митчелл, - представился я. - Можете звать меня просто Рич.

Несмотря на свою худобу, девушка была явно хороша собой. Её длинные, пшеничного цвета волосы волной спадали на узкие плечи. Неяркий румянец играл на её щеках, в меру накрашенные губы при улыбке обнажали красивые зубы. Ростом девушка была чуть выше меня, и это ещё она была в коротких сапожках на низком каблуке.

Второй тайм протекал вяло, и Жаннет сказала:

- Неинтересно сегодня играют, без искорки.

- Да, у нас в Канаде, когда сражаются профи, то даже дух захватывает. - И я стал перечислять самых знаменитых игроков Национальной хоккейной лиги (НХЛ). К моему удивлению, почти все имена ей были знакомы. Более того, она даже проявила завидную осведомлённость о хоккее в Канаде и США.

- Вы так любите хоккей? - спросил я.

- Я не пропускаю ни одной международной встречи, но с этой я бы ушла без сожаления.

- Тогда пойдёмте, если хотите.

На такси мы доехали до центра города. Жаннет рассказывала мне о достопримечательностях столицы. Когда мы проходили по слабоосвещенному парку, к нам подошла молодая румынская пара, до этого следовавшая за нами, и заговорила с нами по-английски, но, поняв, что Жаннет - местная, быстро отошла.

«Придётся продолжить знакомство с этой девушкой, - подумал я. - Не будем обижать «Сигуранцу».

И мы договорились встретиться вечером следующего дня.

Жаннет оказалась довольно эрудированной и интересной собеседницей. Она закончила институт иностранных языков по курсу английского и испанского языков, работала переводчицей в каком-то НИИ. Родители - учителя, в семье ещё есть брат-школьник. Ей самой двадцать три года, и она полностью самостоятельна, хотя и продолжает проживать с родителями. Жаннет много рассказывала про страну, быт и нравы, а в конце недели предложила поехать в Брашов, расположенный в Южных Карпатах, около четырёхсот километров севернее Бухареста.

Встретились на вокзале. Жаннет, извинившись, позвонила кому-то по телефону-автомату (наверняка своему оперу), и мы сели в поезд на Брашов. Поезд шёл медленно, на стоянках в наше купе входили и выходили пассажиры - служащие, рабочие, военные. В Брашов приехали, когда уже смеркалось. Жаннет сделала так, чтобы ночёвка там оказалась неизбежной. По дороге Жаннет рассказала всё о старинном городе Брашове, где есть что посмотреть, и уж конечно же знаменитую готическую католическую церковь под названием «Чёрная», XIV-XVII веков, а поэтому, едва приехав в город, она тотчас потащила меня в этот костёл. Нас встретил ксёндз, который любезно провёл экскурсию по сумрачно освещённой церкви и проявил немалый интерес к заезжему туристу из Канады.

Мы остановились в отеле в центре города. Сначала зашли вместе с Жаннет в мой номер. Она, играя роль хозяйки, показала мне мой довольно неплохой номер. Гостиница была новая, рассчитанная на иностранных туристов.

Поужинали в ресторане отеля. Проводив Жаннет в её номер, я пожелал ей спокойной ночи.

- Наши номера рядом, - сказала она с лукавой усмешкой, глядя на меня большими тёмными глазами. - Если вдруг вам станет скучно, приходите, поболтаем.

- Если, дорогая, - отвечал я с улыбкой, потрепав девушку по зардевшейся щёчке. По-английски «если» звучит кратко, как выстрел, «if».

«Приходите, - размышлял я, располагаясь ко сну. - Придёшь, пожалуй! Небось весь номер нашпигован «жучками» да кинокамерами. Недаром же она звонила кому-то на вокзале. Да и не в моём она вкусе. Куда ей до моей жены! А гостиничный номер её явно подготовлен спецслужбами, как, впрочем, и мой. Но одно дело - Бухарест, другое - здесь, где ночевать придётся под одной крышей в соседних комнатах. А почему, собственно, мне, канадскому туристу, так уж обязательно нужен секс? Разве каждый мужчина должен играть роль Казановы? А может, меня - северного человека из Канады, вовсе и не тянет на «это»? А может, я вообще импотент? Или «голубой»? И потом мой «поход» в соседний номер может обернуться для меня крупными неприятностями. Ведь «сигуритате» обязательно передаст компромат на меня нашим. А зачем это мне? Создавать компромат против самого себя? Я что, полный идиот? Не хватало мне титула бабника!»

Через десять с лишним лет, когда на Лубянке проводилось расследование причин нашего провала в Буэнос-Айресе, наш главный дознаватель скажет в присутствии жены: «А вообще-то В. И. человек морально устойчивый». И горе мне, если бы я таковым не оказался. Тогда мне пришили бы, кроме всего прочего, ещё и моральное разложение. Тем более, что только-только расстался с молодой женой.

Наутро я зашёл за Жаннет, и мы отправились в ресторан позавтракать. После завтрака Жаннет предложила поехать на автобусе в горы на горнолыжную базу. Побродив немного по снежным тропам, мы вернулись на базу, пообедали в кафе. Был субботний день, и Жаннет предложила заночевать в этом уютном горном отеле, но я отказался, сославшись на то, что в понедельник утром мне надо было идти в агентство заказывать билет на самолёт.

- А куда, в свою Канаду?

- В общем-то в Канаду, но вначале мне бы хотелось посмотреть Прагу.

Спустившись на автобусе в долину, мы вышли на шоссе, где поймали изрядно потрёпанный «ЗИС-5». Поместились все втроём в кабину. Старенький, видавший виды наш родимый «зисок» мчался по заснеженному горному шоссе со страшной скоростью. Водитель-цыган лет тридцати, в русской солдатской ушанке набекрень, пел цыганские песни, сверкая золотым зубом, хохотал, рассказывая нам цыганские анекдоты, которые Жаннет мне тут же переводила, без умолку говорил о жизни румынских цыган, о своей семье. А сзади, в кузове, из угла в угол катались несколько баллонов из-под кислорода.

- Слушай, а они у тебя не рванут? - спросил я у него через Жаннет.

- Э нет, они ведь пустые.

- Так и пустые могут рвануть. Из-под кислорода же.

- Да вы не бойтесь, - махнул он рукой. - Доставлю вас живыми-здоровыми. У меня ведь у самого семь человек детей - шесть парней и одна девочка. Только родилась.

Цыган высадил нас напротив железнодорожного вокзала. Мы договорились с Жаннет встретиться на следующий день вечером.

- Завтра мне хотелось бы вам что-то сказать.

- Что же? И почему не сегодня?

- Нет, завтра. И кроме того, я принесу вам сливовицу, которую мне привезли родственники из деревни. Вам понравится.

На следующее утро после завтрака я отправился побродить по старому городу. «Как там наша «сигуранца»? - думал я, останавливаясь у витрин маленьких магазинчиков и кондитерских. - Где же они? Ага, а вот и мы». Отражённый в витрине кондитерской, замаячил молодой парень, которого я уже раньше заприметил. Он был одет в серый плащ и в чёрную кожаную шляпу с короткими полями. «И ещё один», - сказал я себе, сходя с трамвая в районе шпилеобразного здания «Скинтейи». Парень в сером плаще, выйдя из «Победы», следовавшей до этого за моим трамваем на расстоянии, последовал за мной. Затем из машины вышел ещё один мужчина. Этого я видел несколько дней тому назад.

В центре города в строго определённое время зашёл в телефонную будку и набрал номер телефона нашего резидента, переданный мне ещё в Центре. В этот момент невысокого роста человечек буквально прилип к будке, пытаясь засечь номер набираемого мной телефона. Но я уже успел набрать все цифры. Кроме того, я использовал давно отработанный ещё в разведшколе метод, когда при наборе телефонного номера незаметно меняются пальцы руки. Это быстрое, практически неуловимое для глаз движение не позволяет засечь номер набираемого телефона. В этом я имел возможность убедиться не один раз во время практических занятий по наружному наблюдению. Шум уличного движения мешает подслушивать разговор, который ведётся на русском языке.

- Семён Антонович?

- Да, я вас слушаю.

- Здравствуйте, это Володя из Омска (пароль). Когда мы с вами увидимся?

- Завтра в 19.15.

- Хорошо. Дальше - Прага?

- Да, можете брать билет.

Дойдя до чешского агентства ЧТК, я взял билет на самолёт до Праги. Вылет послезавтра. Вечером увиделся с Жаннет. Это была наша

последняя встреча. Мы пошли в ночной клуб, где смотрели шоу и танцевали.

- Так что же вы хотели мне сказать? - спросил я её.

- А я передумала, - сказала она, загадочно улыбаясь.

Я пожал плечами.

- Вот то, что я обещала. - И она протянула мне плоскую пол-литровую бутылку с прозрачной жидкостью. - Это вам в дорогу.

- Это что, такое вино?

- Это румынская сливовица. Особым образом приготовленная из слив самогонка.

- Спасибо. Угощу своих друзей в Канаде, вспомню о вас.

- Правда вспомните?

- Обязательно. Прощайте.

- Прощайте. Я вас буду помнить. Если хотите, напишите по этому адресу. - И она дала мне свой адрес.

На следующий день наружного наблюдения не было. В 19.15 в сумерках я стоял у входа в главпочтамт у второй колонны справа, если стоять спиной к почтамту. В правой руке я держал свою кожаную перчатку, левая торчала в кармане пальто.

- В.И.? - Рядом со мной остановился высокий полноватый рыжий мужчина в шляпе и пальто реглан.

- Семён Антонович? Будем знакомы.

- Идите за мной. - И он вошёл в сутолоку главпочтамта. Я следовал за ним на расстоянии нескольких метров. Неожиданно он нырнул в какую-то боковую дверь. Мы прошли через служебный коридор, где взад-вперёд сновали служащие почтамта, но никто не обращал на нас никакого внимания. Обойдя ленточный транспортёр, по которому медленно плыли посылки, мы вышли на людную улицу. Остановились у тёмно-синего «Боргварда», и С.А. жестом пригласил меня сесть в машину. Мы выехали на окраину города и притормозили у небольшого особняка на слабо освещённой улочке, сплошь застроенной виллами. У ворот одной виллы маячила неподвижная фигура часового с автоматом.

- Он настоящий или из камня? - спросил я.

- Настоящий.

- А что, есть такая необходимость? Бандиты?

- Да нет, просто румынские товарищи заботятся о нашей безопасности. Хотя я лично считаю это излишним.

Мы вошли в просторную гостиную, где ярко горел камин. Семён Антонович представил мне свою очень миловидную супругу. Мы сели за журнальный столик в кожаные кресла.

- Вот отчёты НН (наружное наблюдение), кое-какие ваши фотографии, выполненные наружниками скрытой съёмкой. Посмотрите, вам будет любопытно.

Я быстро просмотрел отчёты «сикуритате» по наблюдению за Канадцем (такую кличку они мне дали). Посмотрел фотографии, где я был запечатлён шагающим по улице или заговаривающим с прохожими, в том числе и с той дамой в парке. Как я и предполагал, она была взята под наружное наблюдение и по месту её жительства была проведена установка.

Я в свою очередь дал краткий анализ работы их НН.

- А что, на сегодня НН было снято?

- Да, вчера как раз был последний день наблюдения за вами. А вы мне ничего не расскажете?

- Отчего же? Могу и рассказать.

И я рассказал о Георгиу и Жаннет. С.А. никак не подтвердил, что они действительно являются агентами. Он лишь загадочно улыбался.

- Ох уж эти румынские коллеги, - шутливо посетовал С.А., когда я рассказал ему про поездку в Брашов. - Ни одного дела не мыслят без секса. Ну и что же вы, так и не сходили к ней в гости там, в отеле?

- А зачем?

- Ну, так, для дела...

- Так если бы для дела... А тут - какое дело? Так, баловство да и только.

- А всё-таки, что она хотела вам сказать?

- Понятия не имею, - пожал я плечами. - Может, хотела, чтобы я её взял с собой в Канаду? Вот, кстати, она преподнесла мне па прощанье румынский сувенир. - И я вынул из кармана пальто бутылку со сливовицей. - Попробуем?

- Сливовица у них отменная, - сказал Семён Антонович, нюхая содержимое бутылки. - Хотя и настоящая самогонка. - А может, всё же коньячку?

В этот момент жена С. А. принесла нам жаркое в глиняном горшочке.

- Попробуем и коньяк. Но для начала - сливовицу.

- Зина, у нас тут сливовица появилась. Ты нам селёдочки не найдёшь?

- Ну, как же, и огурчики тоже. И грибы маринованные.

- Вот и чудесно. Так вот, В.И., анализ вашего пребывания в Бухаресте я уже отправил в Центр. Оценка дана положительная. Они дают «добро» на вашу поездку в Прагу. Надеюсь, что и в Праге у вас всё будет нормально.

- Будем надеяться.

- Ну, тогда за удачу. - И мы чокнулись сливовицей. Больше разговоры о делах не велись. Говорили о политической ситуации в Румынии.

После кофе я попрощался с хозяйкой, и мы вышли на улицу. Часовой по-прежнему стоял как истукан на том же месте, в той же позе. Мы ехали по пустынным, слабо освещённым улицам Бухареста. Семён Антонович высадил меня за квартал до отеля.

Такси я заказал ещё с вечера. Ранним мглистым утром я приехал в аэропорт. Вскоре объявили посадку на Ил-14, следовавший в Прагу. Взлетели. Под крылом заснеженные Карпаты. Посадка в Будапеште. Холодное мартовское утро. Пока заправляли самолёт, всех транзитных пассажиров препроводили в загончик под открытым небом, окружённый забором из проволочной сетки, вдоль которой прохаживались мрачноватого вида полицейские. Ждать пришлось около полутора часов. С неба временами сыпалась снежная крупа, дул пронизывающий ветер. «Ещё из-за непогоды, чего доброго, задержат с вылетом, - думал я, глядя на свинцовые, подгоняемые ветром низкие тучи. - Тогда совсем закоченеешь в этом загончике», - рассуждал я, поправляя шарф и застёгивая пальто на верхнюю пуговицу. Да, моё пальто, приобретённое ещё в Египте, явно не было рассчитано на такую погоду.

Пассажиры дружно переминались с нога на ногу, с завидным терпением ожидая посадки. Никто не ворчал, не возмущался. Дамы, закутанные в меха, даже улыбались, подставляя лица снежной круговерти. Глядя на них, и самому становилось теплее. Но вот полицейский с красными от холода ушами открыл дверцу нашего загончика и жестом пригласил нас пройти на посадку. Мы дружно ринулись вслед за стюардессой к поджидавшему нас самолёту. В салоне стоял дикий холод, сквозь открытые дверцы врывались снежные вихри. Долго никак не мог унять дрожь. Вот бы где сливовица пригодилась! Наконец дверцы захлопнулись, взревели моторы, и наш Ил-14, невзирая на близкую к нулю видимость, взлетел и тотчас нырнул в облака. Летели в сплошной облачности. Карпаты позади, засияло солнце, и вскоре - Прага.

Здесь уже меня никто не встречал. Никакой тебе опеки.

На такси доехал до отеля, название которого дал С.А. Отель находился в центре Праги, почти на Вацлавской площади. Поужинав в ресторане при отеле, вышел прогуляться по городу. На одной из улочек, примыкающих к Вацлавской площади, позвонил по телефону-автомату:

- Виктор Гаврилович? Здравствуйте. Это Володя из Киева (пароль).

- Прибыли? Очень хорошо. Тогда завтра, как условлено.

Наутро целый день бродил по Праге, где уже вовсю буйствовала весна, цвели каштаны и абрикосы, ярко сияло солнце. Купив путеводитель по городу, дошёл до университета, посидел рядом со студентами на тёплых от солнца гранитных ступенях, прогулялся по Карлову мосту, прошёл в Старо Място. НН не было. Вечером в 21.15 - явка. Слабо освещённая набережная Влтавы у моста со стороны острова. Пароль оказался чистой формальностью: с Виктором Гавриловичем мы были

знакомы ещё по Москве. Там на конспиративной квартире мы уточняли исходные данные по моим будущим документам.

- Я рад вас снова видеть. Как долетели? Вы несколько задержались в Бухаресте. Почему?

- Центр задерживал «добро» на вылет. Очевидно, ждал результатов по Бухаресту.

- Так вот. У вас второго апреля встреча в Лозанне.

- Да, я знаю.

- Поэтому вылетаете отсюда двадцать первого марта, если, конечно, получите «добро» из Центра. Свои «железные» документы и билет на самолёт Каир - Копенгаген получите у меня. На паспорте будет стоять штамп о вашем вылете в этот день из Каира. Но штампик о въезде-выезде из ЧССР будет стоять на вкладыше, его отберут у вас на пограничном контроле. Все дополнительные детали оговорим накануне отъезда. А сейчас поехали, попробуем чешского пива.

«Шкода» тёмно-синего цвета быстро несла нас по довольно пустынным улицам Праги. Оставив машину на стоянке, мы вошли в таверну «У Святого Томаша».

Несмотря на позднее время, все три сводчатых зала таверны были переполнены.

- Здесь обычно выступает один артист-сатирик, вроде нашего Райкина, - сказал В.Г., заказывая пиво и шпикачки. - Но сегодня его, к сожалению, кажется, не будет.

Уже за полночь В.Г. высадил меня за два квартала от отеля. Договорились встретиться через неделю.

НН я заметил лишь на четвёртый день после приезда. Как позже выяснилось (мне рассказал об этом сам В.Г.), чехи почему-то не смогли сразу взять меня под наблюдение. То я, выйдя из отеля с большой группой иностранных туристов, затерялся в толпе на Вацлавской площади. То администратор отеля Якоб, который уделял мне определённое внимание, пригласил меня на футбольный матч. На стадионе же к нам присоединился долговязый парень, всё время куривший трубку, и мы сидели вместе на трибунах, комментируя перипетии матча. Говорили мы на английском языке. Перед окончанием матча я, извинившись перед своими спутниками, спустился с трибун по естественной надобности (пили пиво всё-таки). В это время матч закончился, болельщики побежали к автобусам и трамваям. А НН, очевидно, должна была взять меня, когда я буду выходить со стадиона с администратором Якобом. Не имея моего точного описания, НН взяла под наблюдение человека, вышедшего вместе с Якобом со стадиона, и довела его до ворот голландского посольства. Он оказался советником посольства.

На следующий день наружка не упустила меня и водила почти до самого отъезда.

Якоб не упускал случая, чтобы заговорить со мной. Я обычно болтал с ним несколько минут, отлично сознавая, что он работает осведомителем, но дальше светских разговоров у нас речь не заходила: не было базы для общения, а девочки, которых он мне довольно ненавязчиво предлагал, меня не интересовали.

И всё же была попытка подослать ко мне агента-женщину. Однажды я зашёл поужинать в ресторан, расположенный на берегу Влтавы. Я знал, что нахожусь под наблюдением, и поэтому сел за самый дальний от входа столик. Я заказывал ужин, когда заметил девушку приятной наружности, типа «модель». Она вошла, осмотрелась, но свободных столиков рядом со мной не было, и она уселась в дальнем углу. Знакомство не состоялось. Эта же девица мелькнула пару раз в районе танцплощадки, где парни и девушки увлечённо танцевали бальные танцы. Как позже мне поведал В.Г., у девицы было задание познакомиться со мной, но не подвернулось подходящего случая. А с меня, честно говоря, достаточно было Жаннет из Бухареста, поэтому я сознательно не стал облегчать ей задачу.

В день встречи с В.Г. НН было как обычно. Они уже попривыкли ко мне, а я к ним. Но они не знали, что сегодня до обеда я от них должен буду уйти. Мы с В.Г. собирались вместе пообедать, и соглядатаи мне были не нужны.

Я побродил по Старому Городу, с толпой туристов посмотрел на башенку, где каждый час под колокольную музыку проплывали забавные фигурки в средневековых одеяниях и доспехах. Наружников было, по всей видимости, трое, и я постоянно был в курсе их местонахождения. Они иногда снимали или надевали куртки, меняли головные уборы, носили в руках сумки или портфели, которые вдруг куда-то девались. Наверное, у них была машина, которую я пока не заметил, так как она держалась где-то поодаль. Но вот, наконец, я забрёл на городское кладбище. Долго бродил по пустынным кладбищенским аллеям, словно бы разыскивая какой-то памятник. Затем вошёл в помещение колумбария, состоявшего из нескольких залов. В одном из залов на огромной мраморной стене были выбиты имена тысяч чешских евреев, уничтоженных во время войны. Я долго стоял перед этой стеной, обнажив голову. Старик еврейской наружности, очевидно служитель колумбария, которого я заметил, прогуливаясь по залам, остановился рядом со мной. И что-то негромко произнёс по-чешски. Я вопросительно взглянул на него.

- За вами следят, - сказал он вполголоса по-английски.

- Неужели? А зачем?

- Можете выйти вон через ту дверь, - сказал служитель кладбища, проигнорировав мой недоуменный вопрос.

- Благодарю вас, - ответил я, пожав плечами, и медленно двинулся вдоль стен колумбария, потихоньку приближаясь к той двери. В залах в это время находился только один наружник, который, отвернувшись от меня, рассматривал погребальные надписи. Я быстро юркнул в дверь и прошёл в коридор, где было несколько дверей. Одна из них была

приоткрыта и пропускала солнечный свет. Я вышел через неё, осторожно прикрыв её за собой. Слабо щёлкнул замок. Я очутился прямо на улице и в несколько прыжков достиг только что остановившегося трамвая. Дверцы захлопнулись, трамвай набрал скорость. Позади - никого.

Через неделю на явочной квартире резидент покажет мне отчёты чешского НН и их отзыв обо мне: «Этот канадский турист, похоже, «добже вывченый хлаб», судя по тому, как он лихо ушёл от нас на кладбище - как сквозь землю провалился».

- Скажите, но уйти-то вам помог случай? - спросил В.Г.

- Да, но у меня было подобрано несколько мест для ухода. Какое-то из них всё равно сработало бы.

В тот день мы встретились с В.Г., поехали на его «шкоде» в загородный ресторан, где пообедали, обсудив схему выхода за рубеж.

- Пока всё идёт по плану, - сказал мне В.Г., - НН снимаем через четыре дня. Встречаемся двадцатого в 19.00 на том же месте. Поедем к резиденту.

Снова вилла. На встрече присутствовали резидент, В.Г. и Е.И., который был нашим куратором в 1959-1960 годах.

- Центр даёт «добро» на ваш выход за рубеж. С ролью канадского туриста вы справились. Сводки их НН никаких особых нареканий у нас не вызывают. Только вот это их выражение: «добже вывченый хлаб». Это определение говорит о том, что вы где-то допустили оплошность.

- Скорей всего, когда я от них ушёл на кладбище.

- Возможно. Учтите на будущее: естественность и ещё раз естественность поведения. И «отрыв» ваш должен выглядеть вполне естественно. Завтра вы выезжаете за рубеж. Пожелаем вам удачи в вашей миссии.

А вы знаете, та девушка очень переживала, что она не так себя преподнесла, отчего, по-видимому, она вам и не понравилась, - сказал Е.И. с улыбкой. - Она так плакала, что оперативнику, который с ней работает, стоило труда её успокоить.

- Зачем же вы посвятили её в суть дела?

- Да я уж ругал его за это.

- И он ей так и сказал, кто с ней встречался? А не плакала ли она по упущенному шансу попасть за границу?

- Сказала, что вы ей очень понравились. Жаль, что она не пришлась вам по вкусу. Она у наших «соседей» на очень хорошем счету.

- О вкусах не спорят, - сказал я с улыбкой. - Тем более когда речь идёт о возможном кандидате в жёны.

Разговор этот имел следующую предысторию. Шёл первый год индивидуальной подготовки. Режим работы был напряжённым: языки,

страноведение, радиодело, наружное наблюдение, вождение машины, практика в райотделе ГБ, занятия по связи, отработка маршрутов проверки, тайниковые операции, фотодело, шрифты, тайнопись, визуальная разведка объектов, освоение профессии прикрытия и многое-многое другое, необходимое нелегалу. Говорят, что такой темп не все могут выдержать и некоторых приходится даже снимать с подготовки, иногда с психическим расстройством, после чего, разумеется, путь в разведку заказан. Я такой темп выдерживал довольно спокойно, и единственной издержкой было то, что совершенно не оставалось времени на личную жизнь. В свои двадцать пять лет я был холост и, похоже, не собирался менять образ жизни, так как уже свыкся со своим одиночеством. Скорей всего, за шесть лет аскетической казарменной жизни я просто в какой-то степени отвык от женского общества, если не считать редких молниеносных набегов на студенческие общежития. Очевидно, чтобы кто-то тебе понравился, надо встречаться каждый день, общаться, дышать одним воздухом, строить отношения на сближение и т. п.

И вот в какой-то момент моё руководство вдруг проявило странное беспокойство: «Как же так? Мы тут его готовим-готовим, а он ещё даже и не женат! А он нормальный? В его возрасте все нормальные люди женятся, а у него ни невесты, ни даже любовницы».

- Ну не женат! Ну никого у меня нет даже на примете. Что это вас так волнует? Поеду один. Женюсь там на какой-нибудь миллионерше или, на худой конец, на баронессе или графине. Что, у вас таких случаев не бывает?

Такие случаи у нас действительно были. Женились наши нелегалы и на миллионершах, и на баронессах, только вот о графинях не слыхал.

Но это, как говорится, к слову. Уж если нелегала-холостяка взяли на подготовку, готовят для него документы, легенду и прочее, то его гражданское состояние отнюдь не является помехой для его вывода за рубеж по той простой причине, что Центр, как правило, нелегалу доверяет, а доверие это основано на многолетней проверке, начиная со школьной скамьи и кончая институтом. Так что если бы я и женился, то не исключается, что пришлось бы так или иначе поехать одному. Но другое дело, если на родине остаются жена, дети. Это уже стойкая привязанность. А поэтому разговор о том, чтобы подыскать для меня жену, на мой взгляд, исходил из тенденции тех лет - во всём перестраховываться.

- Бывать-то бывает, да только иногда это чревато, сам понимаешь... и поэтому нам хотелось бы видеть тебя женатым.

- Ну вот! Что, невесты на дороге, что ли, валяются?

- Согласен, не валяются, - говорит мой куратор В.И. - Но всё же... А хочешь, мы тебе невесту подыщем, раз тебе самому искать недосуг. Ну что, помочь тебе в этом деле?

- Можно и помочь, - сказал я нерешительно. - А только дело это деликатное. Поэтому помощь вашу приму с условием: если не понравится, то уж не взыщите.

На следующей встрече В. И. сказал, что сегодня вечером - «смотрины». Невеста не простая. Она является агентом Второго главного управления, очень толковая, работает по иностранцам, имеет высшее образование, знает языки. Опер, у которого она на связи, в ней души не чает.

- А что, такая красивая?

- Говорит, красивая. Да разве дело в красоте?

- Не в красоте? В чём же?

- В красоте, но в духовной. Ну и в физической тоже. Вот пойдёшь сегодня, вам увидишь. Рекомендую присмотреться хорошенько.

- Присмотримся, - сказал я задумчиво, - но за результат не ручаюсь.

«В доме - жена-агент Второго главка? Работает по иностранцам? Опер души в ней не чает? Ничего себе рекомендации! Знаем мы эту работу по иностранцам. И потом... Так ли уж это хорошо, что в доме у тебя будет агент КГБ, хоть и свой, но всё же?..» Во мне начинало расти предубеждение, которое я был не в силах побороть. Я уже хотел было отказаться от «смотрин», но не хотелось обижать «свата».

Кандидатка в невесты быстро вошла в кассовый зал Малого театра. На нас она, разумеется, не обратила никакого внимания, да и стояли мы среди театралов, толпившихся у кассового окошка. Это была невысокая блондинка с большими голубыми глазами и полными чувственными губами. На щеках её играл здоровый румянец. Она была одета в модное голубого цвета зимнее пальто с капюшоном с белой оторочкой. На ногах - белые сапожки. В руках - белая сумочка.

Поискав кого-то глазами, она подождала минут пять и, взглянув на часы, выпорхнула из театра.

- Ну и как? - спросил В.И.

- Пока никак, - сказал я. - Вроде бы ничего, хотя первое впечатление порой обманчиво.

- Тогда вот тебе билет в театр на пятницу, - сказал мне на следующий день В.И., протягивая билет в Малый театр, - Её место будет рядом. Ей дано задание познакомиться с тобой, но она не знает, кто ты на самом деле. Там и приглядитесь друг к другу.

Она опустилась в кресло рядом со мной, когда уже погасли огни и открылся занавес. Шёпотом попросила у меня программку, сказав, что не успела купить, предложила свой бинокль. В антракте я разглядел её получше. Девушка была явно хороша. Одета в чёрное вечернее платье. Туфли и сумочка красного цвета. На шее жемчужное ожерелье. Действительно, девица ничего себе, но... В самом начале антракта она

куда-то убежала, а когда вернулась, от неё несло табаком. Для меня, человека некурящего, к тому же провинциала с предрассудками, это было, мягко говоря, с трудом переносимо. Тогда ещё у нас женщины не так курили, как сейчас. «Целовать курящую женщину это всё равно что целовать пепельницу», - упорно бились в голове слова непревзойдённого конферансье той поры Смирнова-Сокольского. Я верил, как, впрочем, верю до сих пор, в любовь с первого взгляда. Предубеждение, с которым я шёл на встречу с этой девицей, очевидно, помешало мне оценить все её достоинства, а они, несомненно, были, и в этом я был полностью согласен с опером, который её курировал. Дело было в другом, более важном: эта девушка была не в моём вкусе, и я даже в мыслях не мог представить её своей женой. Не мог, и всё. Ведь мне в ту пору уже было 25 лет и я имел вполне устоявшиеся взгляды.

По окончании спектакля мы прошлись с ней по улице Горького. Был небольшой мороз, падал лёгкий пушистый снег. Девушка оказалась интересной собеседницей и могла вести разговор на самые различные темы, проявляя при этом довольно глубокую эрудицию. Когда зашёл разговор о ресторанах, я имел неосторожность назвать рестораны «злачным местом». Моя новая знакомая стала горячо мне доказывать, что ресторан - это место для отдыха, а никакое не «злачное место». Я конечно же побывал во многих ресторанах города, но её познания относительно самых дорогих ресторанов Москвы и их фирменных блюд были просто поразительны. «В таких-то ресторанах она могла бывать только с иностранцами», - думал я.

На прощанье она дала мне свой телефон и просила как-нибудь позвонить. На этом мы с ней расстались.

- Послушайте, В.И., - сказал я на следующий день своему куратору. - Эта девушка может быть и хороший агент для Второго главного управления, но как женщина она мне не подходит, а стало быть, и как жена тоже.

- Почему?! - изумился В.И.

- Она не в моём вкусе.

- У тебя извращённый вкус, чёрт тебя побери!

- В.И., вспомните-ка наш уговор. Если девушка с ходу мне не понравилась, то ни о чём другом не может быть и речи.

- Но ведь...

- В.И., скажите, вы в свою жену влюбились с первого взгляда?

- Ну... в общем-то да. К тому же мне ещё пришлось выдержать схватку с соперником, который тоже её добивался.

- Ну вот, видите? Вы меня, конечно, извините, но давайте оставим эту тему, так как у нас есть дела поважней. А с этим я уж сам как-нибудь. Если и найду кого, то только сам, чтобы потом ругать пришлось бы только самого себя. А если неженатых вы не посылаете, тогда можете снимать

меня с подготовки. Я глубоко убеждён, что лучше быть одному, чем в компании, которая мне не по душе.

- Ну, ладно, - протянул В.И. задумчиво. - Смотри сам, тебе видней. Но ты всё же поищи, походи по институтам, по студенческим общежитиям. Не всё же подготовкой заниматься, так и свихнуться недолго. Ну, не хочешь жениться, так поедешь. Назвался груздем, полезай в кузов.

- Об этом не беспокойтесь. Не свихнусь. И прошу вас не обижаться. Поверьте мне: я знаю, что мне нужно. А может, и не знаю. Поживём - увидим. Возможно, я и ошибаюсь.

Больше мы к этому вопросу не возвращались.

Однажды солнечным майским утром я ехал 111-м маршрутом автобуса, который ходил тогда экспрессом от гостиницы «Москва» до МГУ. Метро тогда ещё только строили, и 111-й автобус был единственным удобным скоростным видом транспорта, связывавшим центр Москвы с университетом на Ленинских горах. Вскоре я обратил внимание на хорошенькую девушку. Я любовался её точёным профилем, а когда автобус подходил к конечной остановке, я понял, что обязательно должен с ней заговорить.

На конечной остановке все пассажиры сошли и направились к главному входу МГУ. Туда же направлялась и прелестная незнакомка. Серый пуховый свитер плотно облегал её стройную фигуру. Точёные ножки, обутые в чёрные лакированные туфельки, звонко цокали каблучками передо мной по асфальту. Мы быстро приближались к дверям главного входа, которые, как ненасытный дракон, заглатывали потоки спешивших со всех сторон людей. Перед самым входом я решился заговорить с ней:

- Девушка, скажите, пожалуйста, как мне пройти в аспирантуру физмата?

- Вам нужно обойти здание вокруг и зайти с противоположной стороны, - сказала она, останавливаясь. - Там находится физмат.

На меня глянули карие лучистые глаза, и я понял, что пропал.

- И аспирантура там же? - продолжал я тянуть время.

- Да, там же и аспирантура, - сказала она приятным грудным голосом и сделала ещё несколько шагов по направлению к входу. Оставались считанные секунды.

- Но у меня к вам ещё один вопрос. Остановившись около массивной, облицованной гранитом колонны, она, слегка нахмурившись, в недоумении посмотрела на меня. Взгляд её не выражал никакого интереса к моей персоне.

- Как вас зовут?

- Юля, - невольно сорвалось у неё (по-видимому, я застал её врасплох), и она шагнула к дверям. Я решительно загородил ей проход. Мимо нас спешили студенты и преподаватели.

- Вы здесь учитесь?

- Да. Дайте же мне пройти! Я и так опаздываю. Нотки раздражения прозвучали в её голосе. На меня она взглянула лишь мельком.

- На каком факультете?

- Зачем вам?

- Мне нужно.

- Ну, на геологическом, - проронила она, явно пытаясь отвязаться от меня, и тотчас скрылась в дверях, за которыми маячили бдительные университетские стражи.

Несколько мгновений я тупо смотрел в тёмный зев проходной МГУ. Затем повернулся и пошёл заниматься своими делами.

После занятий по языку, которые вела настоящая американка Елена Ивановна (Джоновна)- жена нашего бывшего нелегала Ахмерова, было фотодело, а вечером - радиодело. Освоение приёма на слух радиограмм в морзянке, передаваемых радиостанцией Центра. Вначале я тренировался при помощи магнитофона, с каждым занятием наращивая скорость приёма.

Весь день образ девушки из МГУ не выходил у меня из головы.

Вечером я встречался с другом, с которым мы вместе учились в 101-й разведшколе. Я рассказал ему о моём новом знакомстве. Выйдя из бара гостиницы «Москва», где выпили по коктейлю, мы прошли к телефонам-автоматам в вестибюле метро. «Сейчас мы сделаем первый закидон», - сказал мой приятель. Порывшись в своей записной книжке, он набрал номер телефона своей землячки, которая училась в МГУ. «Она, правда, на другом факультете, но ведает профсоюзными делами, ей не составит особого труда выполнить наше маленькое задание», - сказал он.

Майский короткий ливень только что умыл Ленинские горы, когда я подходил к телефонным будкам, расположенным у входа в общежитие МГУ. Смеркалось. С Ленинских гор тянуло свежестью, цвели яблони, которых в районе МГУ было превеликое множество. Настоящий яблоневый сад.

- Алло! Позовите, пожалуйста Юлю Ч.

- Минуточку, - ответил девичий голос. - Юлечка, тебя к телефону.

- Слушаю, - раздался в трубке мелодичный, но строгий голос.

- Здравствуйте, Юля. С вами говорит тот, с кем вы познакомились вчера утром у входа в МГУ.

- Да, но... Как это вы меня разыскали? - спросила она после паузы.

- Это большой секрет, но если вы спуститесь хотя бы на минутку вниз, я вам расскажу. Мне необходимо вас увидеть. Я вас очень прошу.

- Ну, хорошо... - протянула она нерешительно, после чего последовала небольшая пауза, словно девушка что-то решала про себя. - А где вы находитесь? - раздался наконец её голос

- Внизу у входа на территорию, у телефонов-автоматов.

- Сейчас я выйду, - сказала она после некоторого колебания.

Она вышла минут через пятнадцать. На ней был светлый плащ-пыльник, в руках зонтик. На этот раз она смотрела на меня с нескрываемым любопытством. Моросил мелкий майский дождик.

- Так как же вы всё-таки меня нашли? - спросила она с улыбкой.

- Через одного знакомого. Разве у вас много девушек с таким именем?

- Всего две на моём курсе.

Мы прогулялись вокруг огромного здания МГУ. Из густых зарослей жасмина доносились трели соловья.

- У меня завтра зачёт, и мне нужно идти, - сказала она.

- Встретимся завтра?

- Завтра? Нет.

- Когда же?

- Послезавтра, - ответила она после некоторого раздумья. - В том же месте, в тот же час, - шутя, сказала она словами популярной песни.

Я летел домой как на крыльях. Первый шаг сделан.

Через день мы встретились снова и весь вечер гуляли по склонам Ленинских гор. Там в то время строили метромост. Где-то глубоко под нами работали люди.

Девушка оказалась довольно скрытной и не любила рассказывать о себе. Ей было двадцать шесть лет, но выглядела она совсем юной. Юля была москвичкой, но почему-то жила в общежитии. Она оказалась интересной собеседницей, хотя больше всего любила помолчать и послушать пение соловьёв. Мы встречались с ней несколько вечеров. Она не отказывалась приходить на свидание, но с самого начала пресекла мои попытки пойти на сближение, пригрозив, что если я позволю себе что-нибудь лишнее, она больше никогда ко мне не придёт.

И всё же Юля относилась ко мне с симпатией и, я бы сказал, с каким-то мягким сочувствием, суть которого я понял позже. Проанализировав её поведение, я пришёл к невесёлому выводу: у меня есть соперник. Где он, кто он, в каких с ней отношениях, но он есть. К тому же ей уже двадцать шесть, и она вправе устраивать жизнь по своему усмотрению. И к этому её праву надо относиться с уважением. При этом я надеялся, что мне удастся потеснить того, другого. Ведь не просто так она приходит на наши свидания? Вполне возможно, что девушка сейчас поставлена перед

выбором и вынуждена будет принять важное для неё решение: тот, другой, или я. Хотя я отнюдь не считал себя неотразимым, тем не менее надеялся, что в конечном счёте мне удастся завоевать её сердце. Порой казалось, что чаша весов начинала склоняться в мою пользу, но я ошибался.

В первых числах июня моему другу приспичило жениться, и он пригласил меня на свадьбу свидетелем. «Приходи с Юлей», - сказал он мне.

Я позвонил Юле:

- Юля, у меня к тебе несколько необычная просьба. Дело в том, что завтра у моего друга свадьба, и я хочу, чтобы ты была со мной.

- Что это ты вдруг выдумал? - сказала она. В голосе её прозвучали металлические нотки.

- Ну, я тебя очень прошу. Мой друг сказал, чтобы я без тебя не приходил.

- Нам нужно встретиться, - проговорила она после небольшой паузы. - Прямо сейчас. Это важно. - Тон её голоса был решительным.

«Пожалуй, это финал», - подумал я.

- Где мы встретимся?

- Ты сможешь ровно в семь в метро «Красносельская» у последнего вагона в сторону «Сокольников»?

- Смогу. Я тут неподалёку. - Конспиративная квартира, откуда я звонил, располагалась в большом шестиэтажном доме неподалёку от метро.

- Тогда до встречи. - И она повесила трубку. Юля появилась на платформе точно в назначенное время. Что-то в ней изменилось, только я не мог понять, что именно. Она была одета в белую блузку с кружевным воротничком и в чёрную плиссированную юбку. Белая гвоздика в волосах.

- Давай присядем, - указала она на массивную дубовую скамью. - Мне нужно тебе кое-что сказать.

Мимо с грохотом проносились поезда. Она была явно чем-то возбуждена.

- Послушай, Володя, я выхожу замуж. Завтра мы подаём заявление.

Я принял удар с молчаливым достоинством. «Соперник оказался сильней», - промелькнула мысль.

- Почему так вдруг? - спросил я, не спуская с неё глаз. На секунду она опустила глаза.

- Нет, не вдруг. Ты должен меня понять и не обижаться. Так сложились обстоятельства. Я уверена, ты славный, сильный парень, и ты мне в общем совсем небезразличен...

- Но я другому отдана?..

- Да. И буду век ему верна. Именно так. По Пушкину. Не сердись, пожалуйста, но такова жизнь. Ты пришёл слишком поздно.

- Жаль. Я бы на тебе женился.

- Да знаю я… Знаю! - сказала она с досадой в голосе.

- И это уже необратимо?

- Нет. Ты многого не знаешь. Да и незачем тебе знать. Жаль, что у нас так получилось.

Мне показалось, что в глазах её блеснули слёзы. Мы поднялись наверх, вышли на Русаковскую, и я проводил её до остановки троллейбуса.

- Прощай, - сказала она, протягивая руку.

Я поцеловал её нежную белую руку повыше запястья, и троллейбус унёс её навсегда из моей жизни. «Вот это фиаско! - думал я, провожая взглядом удалявшийся троллейбус. - В кои-то годы нашёл кого-то, и то не повезло. Схлопотал гарбуза [2] . Ладно. Нет худа без добра. Что ни делается, всё к лучшему», - успокаивал я себя, направляясь в ближайшее кафе, чтобы снять стресс.

А Юлю я увидел снова через полгода всё в том же 111-м автобусе-экспрессе, направлявшемся от гостиницы «Москва» к МГУ. Она была с подружкой. Всё такая же весёлая и задорная. Она уже ждала ребёнка.

Жизнь уготовила мне на следующий день неожиданный сюрприз: я встретил свою жену. Будущую, разумеется.

На другой день у моего приятеля была свадьба.

Состоялась она в кафе гостиницы «Пекин», там, где этакая башенка с часами. С огромным букетом цветов в руках, вместе с матерью невесты моего приятеля мы вышли из лифта прямо в зал кафе, где к тому времени уже собрались гости. Едва ступив из лифта, я встретился взглядом с прелестной блондинкой, одной из подружек невесты. За столом мы оказались напротив друг друга. Невеста моего приятеля усадила было меня рядом с какой-то другой своей подружкой, дочкой генерала, она очень уж хотела меня с ней познакомить. Но все её старания были напрасны. Мы танцевали с Ларисой (так звали девушку) весь вечер. Мы стали встречаться.

Однако вскоре досадное недоразумение прервало наши отношения, и она не пришла на очередную встречу. Долго ждал я её в тот летний вечер у метро «Измайловская», перечитывая газеты, выставленные на стендах. В тот день в «Комсомольской правде» была большая статья об Эдуарде Стрельцове. Прочитал её внимательно. В голову пришла мысль: «Похоже, что парня подставили. Зачем? Или сам подставился? А жаль!» Так и не дождавшись девушку, я уехал в дальний подмосковный совхоз, где в то

---

[2]Гарбуз - тыква, которую дарят в знак отказа пришедшему свататься жениху (украинский обычай).

время проходил подготовку по профессии прикрытия: я осваивал специальность механика, обучался вождению тракторов и других сельскохозяйственных машин, так как в тот момент планировал ехать в США через Канаду, где специалисту-механизатору сельского хозяйства давался зелёный свет на въезд. Через некоторое время планы Центра в отношении меня претерпят значительные изменения.

Прошло почти восемь месяцев, и судьба снова свела нас с Ларисой уже навсегда. Она закончила своё медицинское училище и работала в НИИ, занимавшемся проблемами полиомиелита. Через две недели после этой встречи я сделал ей предложение, и мы условились о свадьбе на июнь, когда должен был вернуться из высокоширотной экспедиции её отец-полярник.

Как-то в последнее воскресенье марта мы договорились о лыжной вылазке в подмосковное Подрезково. А вечером того же дня я должен был прийти к ним домой, где мне впервые предстояло выступать в роли жениха. Но на свидание у трёх вокзалов она пришла без лыж, сославшись на то, что стояла слишком тёплая погода и весь снег всё равно уже растаял. Действительно, в Москве по улицам текли ручьи, но я-то знал, что в лесу ещё полно снега. В ответ, вместо того чтобы внять её в общем-то разумным доводам, я поехал в Подрезково один, сказав ей на прощанье, что я её всё равно люблю и буду у них вечером.

Погода была расчудесная, ярко светило солнце, в лесу лыжня всё ещё была отличная. Многие лыжники шли по пояс обнажёнными, загорая в лучах весеннего солнца. Пройдя километров пятнадцать, вернулся домой усталым и прилёг отдохнуть минут на двадцать. К своему ужасу, проснулся лишь через два часа.

Вскочил, плеснул в лицо холодной воды и помчался через весь город от Калужской заставы до 16-й Парковой улицы. Позвонил. Открыла мать Ларисы, ещё довольно молодая женщина.

- А мы вас уже давно ждём, - сказала она приветливо. - Проходите.

Лариса была взволнована, уже начинала опасаться, что я не приеду. Степенно вошла согбенная старушка с клюкой, её бабушка. Села напротив меня за стол и, облокотившись подбородком на палку, некоторое время внимательно меня разглядывала, затем строго спросила:

- А ты почему это опоздал?

Я честно признался, что проспал.

- Так и невесту проспать недолго, - сурово буркнула бабушка.

Подали ужин. Выпили по рюмке водки. Затем по второй. От третьей я отказался: не хотел показаться пьяницей. Однако после моего ухода бабушка осведомлялась, не болен ли я чем-нибудь. В этом истинно русском, хлебосольном доме в её понятии не пили только люди явно нездоровые. Подали пышущую жаром курицу. Только взял было ножку, как мякоть её внезапно отвалилась от косточки и шлёпнулась сначала мне на штаны, а затем под стол.

- Сам виноват, нечего было опаздывать! - заметила бабушка. - Курица-то, чай, перетомилась, тебя дожидаючись.

Так я вступил в этот дом.

Свадьба была весёлая и шумная. Соседка по квартире (это была трёхкомнатная квартира в кирпичном доме) предоставила нам свою большую комнату, где разместилось человек тридцать гостей. Наутро мы ехали ко мне на Калужскую заставу, где я снимал комнату. Было раннее солнечное утро. Сначала мы шли пешком, затем сели на первый трамвай, который повёз нас навстречу новой жизни.

Медовый месяц мы решили провести на Кавказе, но не просто так, а на машине, взятой напрокат. Были тогда в Москве автобазы, где давали машины напрокат. Планировали проехать по Военно-Грузинской дороге к Чёрному морю, затем по побережью через Крым до Одессы. Но на семейном совете, где собрались все многочисленные родственники Ларисы, эта затея была признана бредовой и начисто забракована. И слава Богу! Ну и хватили бы мы лиха, если бы, несмотря ни на что, рискнули бы всё-таки поехать на машине! Ведь опыта вождения машины в горах у меня в то время ещё никакого не было. Да и прокатные машины были не ахти какими надёжными.

Итак, изменив планы, мы долетели на Ил-18 до Адлера, затем электричкой добрались до Туапсе, где заночевали у моего старшего брата. Наутро - автобусом на турбазу в Ново-Михайловском, где нас разместили в двухместной палатке прямо на песчаном пляже. Купались, бродили по берегу моря, занимались подводным плаванием. Через две недели, покинув турбазу, по горной дороге в кузове грузовика под палящим солнцем мы прибыли в Новороссийск. Переночевали в гостинице «Черноморская». Уйма мух. Духота. Спать невозможно. Нет воды. Ни напиться, ни умыться. Авария где-то на водопроводе. Воду привозили в автоцистернах, и она была с запахом. Затем теплоходом «Адмирал Нахимов» (тем самым, который в 1986 году так трагически закончил своё существование) до Одессы.

Кают свободных не было, и мы ночевали прямо на палубе, постелив куртки. Проведя в Одессе пару дней у знакомых, автобусом отправились в старинный город Умань, где жили мои мама, бабушка и младший брат-школьник. Теперь настала очередь моей жены впервые предстать пред строгие, ревностные очи моей бабушки.

Моя бабушка происходила из какого-то древнего украинского рода. Выйдя замуж в шестнадцать лет за вдовца лет на двадцать старшее её, она наивно полагала, что у неё будет, по крайней мере, один ребёнок. Вдовец, однако, был иного мнения, и вскоре у них один за другим появилось семеро детей - четыре сына и три дочери. Судя по коллективной семейной фотографии, которую бабушка в тридцать седьмом году искромсала, жили они безбедно (тогда шли репрессии, и за эту карточку могли прижать): мой дед занимал пост начальника почты и был в звании коллежского асессора. Брат его, Николай Тарановский (дядя Ника), работал в Генштабе

топографом в звании генерал-майора, и перед Первой мировой войной под видом священника находился в Германии, где занимался «картографическими изысканиями», о чём свидетельствует одна примечательная фотография, которую мне однажды довелось увидеть. В книге В. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» упоминается его имя в числе генералов, ставших военспецами в Красной Армии. После революции дед Андрей служил кучером в ВЧК, где и познакомился с моим отцом, взяв его в качестве квартиранта, который вскоре превратился в зятя.

В начале двадцатых годов дед Андрей умер от тифа. Вскоре пришла похоронка на сына Лукаша, погибшего на стороне красных на Южном фронте. За него бабушка всю жизнь получала небольшую пенсию. Старший сын бабушки - дядя Женя, которого мы никогда не видели, был офицером царской армии, но ещё до революции ушёл в отставку, занялся биологией и стал преподавать в техникуме, где-то под Воронежем. Бабушка всю жизнь прожила с нами, самоотверженно спасая нас от голода в трудные годы войны. Она умерла в почтенном возрасте и похоронена в своём родном городе Умани.

Мой выбор бабушка одобрила, хотя всё время сурово и придирчиво приглядывалась к молодой жене. Погостив неделю в Умани, крошечным почтовым самолётом мы вылетели в Киев, где остановились у моего старого друга детства. Мы сидели в кафе на Крещатике, предвкушая поужинать варениками, когда мне пришла в голову мысль сбегать в находившееся рядом агентство Аэрофлота, поскольку железнодорожных билетов на Москву на ближайшую неделю не было, а нам уже необходимо было явиться на работу. Потратив последние деньги, я купил два билета на Ту-104 на утренний рейс до Москвы. Денег на вареники уже не хватало. Поехали домой к друзьям. На следующий день прилетели во Внуково с горстью мелочи в кармане, которой едва хватило на автобус да ещё на метро. Помчались прямиком к бабушке жены, с тем чтобы занять у неё денег, так как родители Ларисы всё ещё были в отпуске на юге.

* * *

...Туманное серое утро. Такси остановилось у входа в аэропорт. Расплатившись с водителем и побродив некоторое время по залам, в точно обусловленное время прохожу в туалет, где в это время пусто. В. Г. входит вслед за мной. У нас уже всё оговорено. Он вручает мне мой аргентинский паспорт и военный билет, а также билет на самолёт, где обозначен маршрут Каир-Копенгаген, хотя самолёт летит до Лондона.

- Смотрите, чтобы пограничник на контроле случайно не влепил вам штампик в паспорт. Они, правда, предупреждены о том, что если в паспорте вкладыш, то штамп они обязаны ставить именно на этом вкладыше, после чего его изымут. Таким образом у вас в паспорте будет стоять лишь штампик о выезде из Каира. Так мы пропускаем сотни граждан - членов разных зарубежных партий, которые не хотят, чтобы их правительства знали о посещении социалистических стран.

Прохожу таможню, подхожу к пограничному контролю. Офицер-пограничник, бросив на меня быстрый взгляд, опускает руку на вкладыш со штампом, вынимает его из паспорта, кладёт вкладыш куда-то за стойку, а паспорт возвращает мне. Я стою в толпе пассажиров, ожидающих посадки на самолёт. В основном слышна английская речь. За таможенным барьером вижу В.Г. Он мне подмигивает. Он должен проследить мой отлёт и доложить в Центр. В это время транзитные пассажиры смешались с отлетающими, и вскоре мы нестройной толпой проследовали вслед за стюардессой по направлению к четырехмоторному турбовинтовому «БЕА» британской авиакомпании. Вместе с другими пассажирами - англичанами, датчанами, арабами - поднимаюсь по ступенькам, прохожу в салон и отыскиваю своё место. Вот я и на Западе, вернее, на борту самолёта, являющегося кусочком территории Великобритании. Волнуюсь? По-моему, абсолютно нет. Как будто всю жизнь вот так запросто перешагивал границу между Востоком и Западом, именуемую «железным занавесом». Невольно вспомнил кинофильм послевоенных лет «Подвиг разведчика», который смотрел много раз, даже не подозревая, что сам когда-то стану разведчиком. Только не скоростной бомбардировщик, не ночной прыжок с парашютом... Нет. Я и с парашютом-то никогда не прыгал, хотя до сих пор об этом мечтаю. Самолётом - да. Пассажирским. С комфортом.

Взревели мощные роллс-ройсовские турбины. Короткий разбег - и мы в воздухе. «Как-то нас встретят в Париже?» - пришла на ум крылатая фраза.

Под крылом промелькнули пригороды Праги, синяя змейка Влтавы, затем горы, кое-где прикрытые снегом. Погода испортилась. В Западном Берлине посадка. Темпельгоф. В отличие от венгров, здесь нас, транзитных пассажиров, отвели в какой-то ангар, где мы дожидались заправки нашего самолёта. Кругом довольно внушительная охрана, молодые полицейские с овчарками. Кого они тут охраняют? Почему такой свирепый вид?

Вновь поднялись на борт самолёта. Взлёт. Внизу - сплошная облачность. Подают обед: тушёная говядина с картофелем и крошечными жареными лисичками. Сразу повеяло родной стороной: ведь лисички, да и прочие другие грибы растут в основном в наших лесах. Здесь, в Европе, ко всем грибам, кроме шампиньонов, относятся с величайшим подозрением и в пищу не употребляют. А тут - лисички. На десерт - по банану. Сколько было занятий в разведшколе по этикету, а о бананах речь никогда не заходила. Занятия по этикету вёл мидовец, и он всё толковал о фуршете, о дипломатических приёмах и прочем. И никогда о бананах... С какого конца за них приниматься? Надо понаблюдать за соседями. Справа сидит высокая крашеная блондинка средних лет. Ну-ка, как-то она будет расправляться с этим экзотическим фруктом? Пара надрезов ножом, и кожура банана на тарелке. Теперь в ход пошла и вилка. А вот индус в соседнем ряду, так тот наполовину очистил свой банан, кожура свисает по бокам, и он ест его прямо с руки. Как говорится - век живи, век учись... Но наблюдать не вредно. Я поступил с бананом точно так же, как моя соседка.

Вошли в сплошную облачность. Снижаемся. На земле уже вечер. Под крылом вереницы жёлтых неоновых огней. Приземляемся. Синие огни посадочной полосы слились в сплошную линию. Юркий диспетчерский «фольксваген» с синей мигалкой и со светящейся надписью «диспетчер». Огромный лайнер, ревя моторами, послушно пополз за крохотной, похожей на букашку машиной.

Копенгаген. Таможенный досмотр - чистая формальность. Таможенники - само воплощение корректности. «Есть что декларировать?» - «Нечего декларировать». - «Проходите». Неоновые огни огромного аэропорта. Стюардессы, снующие на своих юрких самокатах по длиннющим коридорам. А коридоры эти заканчивались «гармошкой», вплотную примыкавшей прямо к дверям авиалайнеров. Кажется, это называется дебаркадеры. Так что в непогоду не нужно пересекать лётное поле: прошёл по этому коридору - и в самолёт.

Таможня, пограничный контроль отняли не более десяти минут. Получив свой чемодан, выхожу на площадь. На площади, ярко освещённой жёлтыми фонарями, стоят такси, автобусы. Большинство прилетевших устремилось к комфортабельным автобусам. Я - за ними. Автобусом доехал до центра. Там сел в такси и попросил подвезти до недорогого отеля. Водитель понимающе кивнул, и мы тронулись в путь.

Небольшой отель на тихой крохотной улочке. Хозяйка в годах, с красиво уложенными голубовато-седыми волосами и царственными манерами. Она дала мне карточку с планом центральной части города, где красным кружочком был обозначен наш отель. Здание отеля трёхэтажное, всего 10-15 комнат. Моя комната в мансарде без ванны, но с душем. В отеле подают только завтрак, стоимость которого включена в тариф. Обед и ужин в городе. Мадам Никольсон, так звали хозяйку, посоветовала мне поужинать в ресторане на вокзале. В скандинавских странах, оказывается, самые лучшие и недорогие рестораны находятся при вокзалах.

Рестораны эти подразделяются на первую и вторую категории. Занял столик во второй категории. Подали рыбное ассорти из консервированной, маринованной и солёной рыбы: сёмга, сельдь в вине, сельдь копчёная, сардины, анчоусы, шпроты, копчёный угорь и прочее. И к этому бутылочка превосходного пива «Tuborg». За кофе написал открытку, купленную в киоске неподалёку. Текст нейтральный, на английском языке. Адресована другу в Берлине. На открытке изображён городской пейзаж с домами, что означало: «Прибыл в страну, всё идёт по плану». В течение часа прогуливался по пустынным узким улочкам центральной части города. Кажется, всё «чисто». Опустил открытку в почтовый ящик. Моросил тёплый, весенний дождь. По набережным многочисленных каналов прогуливались редкие прохожие, в основном старушки с собачками. Вот проехала на велосипеде дама лет семидесяти с собачкой на поводке. Вот вторая... Любят здесь велосипед. И собак тоже. Подойдя к тёмной глади озера, выбросил футляр от безопасной бритвы, который, булькнув, сразу пошёл ко дну. Ещё там, в отеле, я сидел, задумчиво

взвешивая в руке футляр. «Тяжеловат, - думал я, - может вызвать подозрения, если кому-нибудь вздумается копаться в моих вещах».

На следующее утро прошёлся по магазинам, приобрёл себе кое-что из одежды: джемпер, галстуки, сорочки, нижнее бельё, фотоаппарат «Канон», электробритву «Филипс», небольшой транзисторный приёмник, чтобы слушать музыку и новости.

Вечером поехал ставить знак отъезда. По плану города отыскал шоссе на окраине. Городской электричкой доехал до нужной станции, затем на автобусе до места постановки сигнала. Да, это действительно у чёрта на куличках. Чем думал товарищ, подбиравший это место? Приезжает в страну нелегал, города не знает, время у него строго ограничено, а тут ещё надо тащиться куда-то на окраину, только лишь потому, что товарищ этот живёт где-то поблизости и ему, видите ли, удобно, проезжая на машине утром на работу, смотреть сигнал. А у меня машины нет. Полупустой автобус мчится по шоссе, по обеим сторонам которого мелькают особняки. На металлическом лючке слева от ворот дома №10 мне нужно поставить таблеткой аспирина сигнал отъезда из страны, букву «х». Автобус протащил меня километра два. Пришлось возвращаться обратно, но уже пешком. Дует сильный ветер, моросит мелкий занудный дождь. На шоссе, по которому проносятся редкие в этот час машины, я совершенно один.

Наконец вот он, дом 10. Щиток, конечно, мокрый от дождя. Неужели мой любезный коллега не знает, что в Дании часто идут дожди? Поставив ногу на кирпичное основание ограды, делаю вид, что завязываю шнурок. Быстрыми движениями, сначала скомканной газетой, затем носовым платком (вокруг ни души) яростно тру досуха стального цвета лючок. Проставляю сигнал и ухожу в сторону автобусной остановки, оглядываясь на свою работу. Сойдёт. А дождь, надеюсь, сигнал до утра не смоет, так как лючок расположен в небольшой нише в кирпичном столбе ограды, разве что опять пойдёт косой дождь с ветром.

Утром в потоке машин по шоссе промчится машина оперработника местной резидентуры. Он на ходу «снимет» мой сигнал, и через пару часов Центр будет знать о моём отъезде из Копенгагена и сообщит нелегалу Паулю, что явка в Лозанне подтверждается и что я уже туда выехал.

Поужинал в ресторане, расположенном на узкой пешеходной улочке вблизи городской ратуши. Не успел занять столик, как подошёл официант, с виду итальянец, и поставил передо мной стеклянную колбу с половинкой картофелины. В картофелину была вставлена свеча, которую он тут же зажёг. Указав на поднос с флажками разных стран, установленных на подставках, спросил, какие мои национальные цвета. Я ответил, что бело-голубой Аргентины, но что своего флажка я здесь не вижу. На других столах, занятых иностранными туристами, уже стояли их национальные флажки. Официант подвёл ко мне метрдотеля, который стал извиняться за отсутствие моего национального флага.

- Ничего, - сказал я, - но я надеюсь, что в следующий раз флаг будет.

- Непременно, - ответил метр.

Нелегалу не следует задерживаться в первом после перехода границы городе. Мало ли какие случайности?

Поэтому поутру, расплатившись за отель, я отправился на вокзал. Сел в спальный вагон гамбургского экспресса. Поезд громыхал на стыках, набирая скорость. Где-то под вечер его погрузили на железнодорожный паром, и какое-то время мы шли морем. Многие пассажиры вышли на палубу подышать свежим воздухом. Перебросился парой фраз с пожилым английским джентльменом, совершавшим путешествие. Он был из Шотландии и ехал в Италию отдыхать. Это было моё первое знакомство на Западе. Мой язык никаких вопросов не вызвал.

Женева. Выхожу из отеля на набережную. Бескрайняя гладь Женевского озера. Намереваюсь пересечь набережную, в этот момент совершенно свободную от движения, но - стоп: хотя машин и нет, все стоят как заворожённые, горит красный глаз светофора. Мгновение - и я снова на тротуаре, где терпеливо жду, пока загорится зелёный свет. Да, здесь нельзя забываться, это тебе не Москва, где можно ходить где угодно и как угодно, лишь бы не было милиционера поблизости. Страна законопослушных граждан. Здесь дисциплина в крови. А вот и озеро. Белые лебеди на воде. Мосты над зеленоватой Роной. Шлюзы, повышающие уровень воды в озере. Река Рона, зарождаясь в альпийских ледниках, несёт свои воды в Женевское озеро, затем посредством системы шлюзов выпадает из него и устремляется по извилистому руслу к французскому Лиону. Там, вобрав в себя другие реки, несёт свои воды дальше к Средиземному морю. С мола, выступающего далеко в озеро, мощной струёй бьёт фонтан высотой в сто метров. По озеру ходят небольшие белые теплоходы с туристами. Индустрия туризма здесь процветает. Авиалинии соединяют Женеву со всеми странами мира.

По плану нахожу нужную мне улицу, где на стене под табличкой с названием улицы необходимо проставить сигнал о прибытии в Женеву. Вечером во время прогулки стерженьком красного карандаша ставлю сигнал в виде волнистой чёрточки. Утром сигнал будет принят нашим работником. Сигнал этот будет означать благополучное прибытие в Женеву и окончательное подтверждение явки в Лозанне, намеченной ещё в Центре. На явку придёт нелегал Пауль, мой инструктор в Москве, поэтому опознавательные приметы, пароль и отзыв даны на тот случай, если он почему-либо не сможет прийти и вместо него будет другой человек. Пауль много лет проработал в США и Латинской Америке, хорошо знал Аргентину, и мы с ним много поработали летом. На нелегалке он работал один. В Москве оставались жена и дети. Жена работала, дети - росли, учились, а их уже было четверо, поскольку Пауль, хоть изредка, да наведывался домой. А потом снова уезжал. И тогда, находясь за тридевять земель, он радовался шифровке из Центра, где его сердечно поздравляли с рождением очередного мальчика или девочки.

...Итак, Лозанна. Первая моя явка на Западе. Время - 13.15. Место встречи - у витрины кондитерской «Лорелея» на улице Альп. Около девяти утра я уже был в Лозанне. Позавтракав в кафе на берегу озера, отправился побродить по узким улицам старинного города. Разумеется, «побродить» - не то слово. Это обычная проверка в незнакомом городе на предмет обнаружения слежки, так, на всякий случай, чем чёрт не шутит, хотя шутки его, чёрта этого, порой бывают куда как скверными, применительно к разведработе. Точно в назначенное время я подхожу к кондитерской «Лорелея» и тотчас вижу в конце улицы знакомую фигуру Пауля. Несмотря на то что мы знакомы, обменялись паролем и отзывом. Поздоровались.

- Ну, как доехал?

- Нормально. Без происшествий.

- Вот и хорошо. Пойдём к озеру.

Мы подошли к озеру, взяли лодку напрокат. Я сел на вёсла.

- Осваиваешься тут понемногу? - спросил Пауль.

- Осваиваюсь.

- Ну и как тебе капиталистический рай?

- Умеют они жить. Стараюсь не удивляться. У них тут в Швейцарии уже тысячу лет нет войны, а у нас сплошные войны, которые чередуются восстановительными периодами. Что разрушаем - восстанавливаем, что восстанавливаем - вновь разрушаем.

- Ну, Швейцария занимает особое место. Все дороги ведут в Рим, а все финансовые пути пересекаются в Швейцарии. Это же банковская страна. В банках здесь оседают колоссальные капиталы разных там подпольных воротил, гангстеров, шпионов - тоже. Вот завтра, например, пойдёшь открывать свой счёт в одном женевском банке. Я подскажу, в какой банк, и расскажу, как это делается. А пока, я думаю, у нас всё идёт по плану. Жена шлёт тебе привет. Она готовится к выезду в ГДР, где ей предстоит пройти языковую и оперативную подготовку. Я её видел перед отъездом. Жена у тебя просто молодец, скажу я тебе. И руководство о ней хорошо отзывается.

Мы медленно плыли между Швейцарией и Францией, тёмные спокойные воды Женевского озера плескались в борта лодки.

Мы обсудили целый ряд деловых вопросов, ещё раз повторили условия связи на Аргентину.

- Ну, пойдём, пообедаем, - сказал Пауль, когда мы вернулись на лодочную станцию. - Есть тут один небольшой ресторанчик. - И он уверенно повёл меня куда-то в центральную часть города.

- Вы, я вижу, здесь не раз бывали.

- А какой же уважающий себя шпион не побывал хоть раз в Швейцарии? Что касается меня, то я тут поколесил немало - и пешком в

горах, и на машине, и на автобусе. Лучше всего, конечно, пешком. Здесь нейтральная территория, и очень удобно проводить встречи с особо ценной агентурой.

- Прямо здесь, в горах?

- А отчего бы и нет? Очень удобно. Да и природа располагает к откровенному разговору.

Ресторан был небольшой, со столиками на улице под зонтиками. Мы заказали бутылку красного сухого вина, цыплят-табака и салат. За обедом продолжили разговор. Речь шла о быте и правах в аргентинской столице.

- Не удивляйся, если там увидишь, как сносят в центре города совсем недавно выстроенное здание. Значит, кому-то выгодно его сносить и на его месте построить ещё более современное высотное здание под отель или под офисы, ведь земля в центре стоит дорого. Я был директором одной из строительных фирм, и мне всё это хорошо знакомо.

- А вы сейчас действующий или в резерве?

- Да как сказать? Вот сейчас с тобой - действующий, а вообще-то я в резерве. Да и в отставку мне уже пора. Я ведь почти двадцать пять лет на нелегалке. А вернулся я ещё в пятьдесят третьем году, и сразу меня направили в комиссию по расследованию деятельности покойного товарища Берии в сфере разведки.

- Ну и что, он вправду был английским шпионом?

- А ты как сам думаешь? - спросил Пауль с улыбкой.

- Думаю, что это туфта.

- Чистейшей воды. Никакой он не шпион. Это уж так, как у нас заведено, навешали на него всё, что только можно.

- А почему его так поспешно расстреляли?

- Слишком много знал, и многие из наших ныне здравствующих правителей его боялись. Если бы он только заговорил! Многие бы полетели. А так, как говорил наш Иосиф Виссарионович: «Нет человека, нет проблемы». Конечно, поторопились. Для многих он был слишком опасен. Конечно, он был авантюрист, но и талантливый организатор. Уж в этом-то ему не откажешь.

Выпив по чашечке чёрного кофе, мы покинули ресторан.

- Ну, пока мы расстанемся. Я ведь здесь заночую. Встретимся завтра в Женеве в 11 утра в галерее «Лонжин», прямо под часами с фигурками.

На следующий день мы встретились в этой галерее.

- Вот тебе пять тысяч долларов, можешь не пересчитывать, - сказал Пауль. - Иди открывай счёт в банке. Встретимся через час здесь же.

Я направился в банк и, пройдя через вращающиеся двери, очутился в огромном вестибюле с колоннами из чёрного гранита. Здесь было

немноголюдно, царила какая-то торжественная тишина, прерываемая лишь звуками ЭВМ. Я подошёл к окошку.

- Я хотел бы открыть счёт в вашем банке, - сказал я, обращаясь к миловидной девушке.

- Минуточку. Месье Лоран, к вам клиент, - сказала она по-французски, нажав на кнопку переговорного устройства. - Сейчас вас примут.

- Благодарю вас.

Минуты через три, откуда-то сбоку, в вестибюле появился рыжеватый молодой человек в отлично сшитом костюме.

- Бонжур, месье, - обратился он ко мне по-французски. - Я заместитель управляющего банка. На каком языке предпочитаете разговаривать?

- На английском.

- Хорошо, сэр. Вы желаете открыть счёт в нашем банке?

- Да, сэр.

- На какую сумму?

- Пять тысяч долларов.

- Вид счёта? Простой или номерной?

- Простой, но так, чтобы я мог снять деньги при первой необходимости.

- Никаких проблем. У вас будет чековая книжка на ваше имя, и вы сможете получить ваши деньги в любой стране, где есть наше представительство. У вас есть какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность?

- Да, паспорт.

- Покажите, будьте так добры. - Он взял мой паспорт и внимательно посмотрел его. - Мадемуазель Люси, - обратился он к девушке в другом окошке. - Примите у господина Меркониса пять тысяч долларов и выпишите чековую книжку по этому документу. - И он протянул ей мой паспорт. - Подождите, пожалуйста, здесь. - Он указал на кожаное кресло и журнальный столик. - Я сейчас вернусь. - Месье Лоран удалился, захватив с собой мои банкноты.

Минут через десять он вернулся и, подойдя к мадемуазель Люси, взял у неё чековую книжку и квитанцию о получении 5000 долларов. По-видимому, за это время купюры проверили на подлинность, а моё имя - по каким-то своим учётам.

- Господин Мерконис, поздравляю вас с открытием счёта в нашем банке. Отныне наш банк будет всегда к вашим услугам, и как никто другой будет стоять на страже ваших интересов. Пожелаю вам успехов в ваших делах и надеюсь, что этот вклад будет не последним. - С этими словами месье Лоран энергично пожал мне руку, улыбаясь лишь ртом, но

не глазами. Серые глаза его оставались холодно-насторожённо-изучающими.

- Спасибо, сэр, надеюсь, что так оно и будет, - сказал я с улыбкой и направился к выходу.

В час дня я снова был в галерее «Лонжин». Пауль стоял в толпе туристов, поджидая меня.

- Ну, как всё прошло?

Я рассказал ему подробно о посещении банка.

- Ну, пять тысяч для них - это сущий пустяк, но из таких вот вкладов и складывается их богатство. Они ведь деньги эти пускают в оборот, и через десять лет твой вклад, возможно, удвоится, а тебе даже никаких процентов не выплатят, поскольку твой вклад простой и по первому требованию.

Он посмотрел квитанцию и чековую книжку.

- Эти деньги тебе, так сказать, на чёрный день. А пока на вот тебе тысячу долларов, расписки не надо. Расписка - это улика. Теперь у нас всё будет строиться на доверии, без всяких расписок. Этого тебе хватит, чтобы добраться до Буэнос-Айреса. А там тебе наши ещё подбросят. Сейчас пойдём перекусим чего-нибудь, а то ведь время обеденное. Да, кстати, часы твои какие-то облезлые и циферблат вон треснул. Зайдём-ка вон в тот магазин, я помогу тебе выбрать приличные часы. Мы ведь в стране знаменитых часовщиков, где ещё ты купишь хорошие часы за такую цену, как в Швейцарии.

Мы зашли в магазин фирмы «Омега», расположенный на берегу Роны. Из сотни образцов, выставленных в витрине, я выбрал часы за 150 франков пылеводонепроницаемые противоударные с римским циферблатом, с календарём и с автоматической подзаводкой.

Мы зашли в кафе на берегу озера. Заказали пиццу и пиво.

- Я побывал во многих странах, - сказал Пауль. - И везде возил с собой кинокамеру. Сейчас, когда бываю дома, сижу и просматриваю со своими домашними фильмы, а то ведь, чего доброго, и не поверят, где мне приходилось бывать.

- Может, и мне купить кинокамеру?

- Отчего бы и нет? Купи себе какую-нибудь недорогую камеру и снимай себе страны, где придётся побывать. Потом, когда домой вернёшься, интересно будет посмотреть. Детям своим покажешь, внукам, а они у тебя несомненно будут.

- Надеюсь.

Разговор мы вели на английском языке, которым Пауль владел в совершенстве.

- А у вас американский диалект, - заметил я.

- А какому же ему ещё быть, если я почти десять лет проработал в Нью-Йорке и в Чикаго. И к атомным секретам имел отношение. Мы там здорово поработали в своё время. Ведь первую атомную бомбу, которую мы взорвали, сделали по американским чертежам, которые мы добыли, а уж после этого сами стали делать не хуже американцев, а кое в чём и их превзошли.

- Послушайте, Пауль, меня один вопрос интересует. Не то чтобы больной вопрос, ну, так, как говорится, между делом.

- Ну, давай, чего там. Какой ещё вопрос? Спрашивай - отвечаю.

- Вот вы были там один и столько лет без семьи. А как же вы?..

- Без женщины?

- Ну да.

- Нет, почему же без женщины? Грешен, батюшка, грешен. Что было, то было. Но у меня никакой надежды не было на скорую встречу с женой, а к тебе вон скоро молодая красавица жена приедет.

- Скоро? Вы так думаете?

- Ну да. Годика этак через три, - сказал он с улыбкой, глядя на моё вытянувшееся лицо.

- Через три?

- А ты как думал? Пока ты там армейскую службу отслужишь, язык выучишь, настоящим аргентинцем станешь, пока она языковую подготовку, прочие наши премудрости освоит, вот время и пролетит. Сам не заметишь. Так что тебе имеет смысл подвоздержаться. И не забывай «Штабс-капитана Рыбникова». Читал ведь?

- Как не читать? Она всегда при мне. - И я коснулся пальцами лба.

- Ну так вот, всегда помни о нём. Это ведь настольная книга каждого советского разведчика-нелегала, и, полагаю, не только советского. А там... сам смотри, будет видней. Только учти, проститутки, как правило, связаны с полицией. А в принципе, мы за тебя в этом отношении спокойны. Ты что, думаешь тебя просто так на нелегалку взяли? Нет, тебя проверяли, и довольно основательно, хотя ты, может, этого и не знал. А когда у тебя были неприятности, тогда, в пятьдесят восьмом году, и стоял вопрос об увольнении тебя из особого резерва, я был один из тех, кто тебя отстоял и в какой-то мере поручился за тебя. Так что смотри не подведи. Занимайся там спортом, обливайся холодной водой и прочее и помни, что мы тебе доверяем. Ты, в общем, имеешь полную свободу, ведь контролировать тебя мы не сможем. Так что поезжай и помни, что мы на тебя рассчитываем.

Мы прогулялись по набережной.

- Ну, давай прощаться. Чувствуй себя всегда хозяином положения и... больше уверенности. Вживайся в свой образ, повторяй в уме свою легенду. Она должна стать твоей жизненной биографией, а не легендой. Жену твою

я вскоре увижу. Передам от тебя привет. Расскажу о нашей встрече. Ну, бывай. Ни пуха ни пера.

- К чёрту, - молвил я дрогнувшим голосом. - Привет жене. Всем нашим товарищам.

Мы распрощались и разошлись в разные стороны. Встреча с Паулем, его спокойная манера держаться вселяли в меня уверенность, помогали преодолеть комплекс раздвоения личности, который я всё ещё испытывал. Ну вот, теперь пора двигаться дальше.

Вечером на прежнем месте я проставил сигнал отбытия и утренним поездом выехал в Рим, где мне предстояло проставить контрольный сигнал о прибытии и убытии и продолжить путь в Афины в целях доработки легенды по Греции и совершенствования греческого языка.

Неповторимы закаты на Адриатике. Вдали, в туманной дымке синели острова. Судно не спеша прокладывало путь па юго-восток между Италией и Грецией. Взрывы смеха привлекли моё внимание. Подойдя поближе, я увидел группу молодых людей - три парня и две девушки. Один из парней, выше среднего роста, сухощавый, лет за тридцать, второй - черноволосый красивый парень атлетического сложения, очевидно, рассказывал девушкам какие-то смешные истории, третий, полулёжа на скамье, мечтательно смотрел на открывавшиеся пейзажи. Судя по произношению и манере поведения, это были американцы.

- Красивые здесь места, не правда ли? - сказал я, обращаясь к лежавшему. - Вон тот остров на горизонте называется Керкира, первый большой остров из группы Ионических островов (маршрут я тщательно изучал ещё в Москве по карте и знал, где мы находимся, поскольку сверял маршрут судна по туристскому справочнику, имевшемуся у меня в каюте).

- Да? Вам что, знакомы эти места? - вяло отреагировал американец.

- Да, знакомы. Я здесь бывал ещё в детстве, и сейчас мне интересно вновь посетить эти места. А какая здесь рыбалка! А ловля осьминогов! (Это всё я почерпнул из того же источника.)

В этот момент проходил по палубе матрос, и я спросил у него что-то по-гречески (я всё же два года изучал этот язык в подмосковной разведшколе).

- Так вы из местных? - спросил тот, что постарше, по имени Майк.

- А сами вы из Штатов? - спросил тот, которого звали Фред.

- Нет. Жил когда-то в этих краях. Поздно вечером девушки ушли спать.

- Вот та, которая повыше, из очень состоятельной семьи, - сказал третий - Джон - со вздохом.

- Ну и что же ты теряешься? - усмехнулся Майк. - Давай мы тебя сосватаем и здесь на этом славном корабле устроим свадьбу.

- Да куда ему, - сказал Фред, - он ведь у нас актёр кино и от одной съёмки до другой еле сводит концы с концами.

- Вот он и получит шанс поправить своё финансовое положение.

- Лицо ваше мне знакомо. Ведь, если не ошибаюсь, вы в ковбойских фильмах снимаетесь? - спросил я.

- Да, в основном в ковбойских, - сказал Джон с тенью смущения. - А что, приходилось меня видеть в фильмах?

- Ну как же! Видел, и не раз. - Я просмотрел немало вестернов (за шесть месяцев в Египте я в целях совершенствования английского языка посмотрел десятки американских фильмов, среди которых было много ковбойских, о покорении Дикого Запада и войне с индейцами).

- Послушай, Майк! - сказал вдруг артист. - Вот тебе попутчик.

- И впрямь, Майк, как ты один поедешь по этим горным местам? А этот парень к тому же и местный язык знает.

- Да, но захочет ли он составить мне компанию? Выяснилось следующее: молодые люди прилетели чартерным рейсом [3] Нью-Йорк-Дублин, Ирландия, затем поехали в Дортмунд, ФРГ, где Майк купил прямо на заводе маленький «фольксваген», заплатив за него всего лишь 800 долларов. Проехав на нём через всю Европу до Венеции, они погрузили машину на борт «Коринфоса» (судно шло рейсом из Венеции), где встретились с двумя девушками из Сан-Франциско, с которыми им захотелось доехать до Пирея и провести с ними время в Афинах. Майк же намерен был высадиться с машиной в Патрах, посетить древнее селение Дельфы, поклониться праху древних оракулов, затем добраться до Афин, с тем чтобы там снова всем встретиться. Мои новые знакомые стали уговаривать меня сопровождать Майка до Афин на его машине.

- Я подумаю, - сказал я.

- А что думать, вам же всё равно надо в Афины, - сказал Фред.

Мы пошли в бар, выпили по паре банок пива и разошлись. «Необходимо закрепить контакт с американцами, - думал я. - Лишняя связь не помешает. Принять его предложение? Отказаться? Ведь абсолютно незнакомый человек. Не опасно ли это? На гангстера или контрабандиста он не похож, этот Майк. Рискнуть, что ли? Выяснить по дороге, кто он, чем занимается, каково его положение в обществе, нет ли у него выхода на интересующий нас контингент, не сможет ли он устроить меня на работу в Штатах? Да и остальных парней надо бы прощупать. Один - артист кино, хотя и у артиста могут быть нужные связи. А второй, Фред, кто? Уж больно ладно скроен, прямо-таки атлет. Если я продолжу своё знакомство с Майком, то получу возможность пообщаться с ними в Афинах и закрепить знакомство.

А они? Почему они, в свою очередь, мне доверились? И пи слова о моём языке? Ведь как бы там ни было, а уровень моей языковой

[3]Заказной рейс, как правило, обслуживаемый самолётами ВВС США.

подготовки не позволял мне выдавать себя за англичанина или американца. Никто из них даже не спросил меня, кто я вообще. И откуда. Значит, я внушаю людям доверие с первого взгляда? Или это беспечность, свойственная молодым людям вообще и американцам в частности? А может, не стоит ехать с ним? Нет, надо поехать с этим Майком и постараться войти в их компанию, а там будет видно. Посмотрим, что это за американцы. Интересно понаблюдать за их бытом и нравами, потренироваться в языке, а с другой стороны - посмотреть, как они самого меня воспринимают, мой язык. Удивительно, что в отношении языка они не задавали никаких вопросов. И потом, какая разница, как добираться до Афин - морем или по суше?»

Судно подошло к причалам Патр. Греческая земля. На берегу небольшой хор девушек в национальных греческих одеяниях исполняет мелодичные песни на родном языке. Трио на бузуки (нечто среднее между мандолиной и банджо) аккомпанирует им. Так они встречают каждое судно? Крошечный «фольксваген» цвета морской волны с металлическим отливом уже покачивается на подвеске корабельного крана, который бережно опускает его на причал. Всей компанией спускаемся на берег. Осмотрев машину, Майк запустил мотор. Попрощавшись и погрузив багаж, мы сели в машину, и наша «божья коровка» резво помчала нас по узким дорогам древней Греции. На коленях у меня лежала довольно детальная карта автодорог Западной Европы, открытая на Греции, так что я выполнял роль штурмана, а цель наша в тот день крошечный городок Дельфы, где ещё до нашей эры обитали знаменитые дельфийские оракулы. Майк почему-то ими очень интересовался и горел желанием поклониться их праху, побродить по античным развалинам, подышать священным воздухом. Да и мне самому интересно было побывать в этих местах. И в легенде это займёт своё место.

- Майк, а чем ты занимаешься там, в Штатах?

- Занимаюсь тем, что забочусь о себе (I take care of myself). - Ответ несколько обескураживающий. «Ладно, - подумал я, - всё равно выясню». Майк тем не менее рассказал мне кое-что. Жил он в Санта-Барбаре, Калифорния, холостяк тридцати девяти лет, католик. Родители жили в Уругвае, где вели фермерское хозяйство. Он посещал их в прошлом году. А в этом году решил поездить по Европе и разумно потратить накопленные деньги. А разумно, с его точки зрения, - это поклониться святым местам.

- Кроме Дельф и Афин, я ещё хочу поехать в Микены, что под Афинами, осмотреть раскопки памятников микенской культуры. Затем оставлю машину в Афинах, поеду в Иерусалим поклониться святым местам, Гробу Господню. Если хочешь, поехали со мной.

«Клерикал он, что ли?» - подумал я.

- Нет, Майк, у меня другие планы. Я побуду немного в Греции, я провёл там детство, и мне давно хотелось там побывать, затем поеду пароходом в Аргентину, где мне нужно уладить вопрос о прохождении военной службы, и, если уладить не удастся, отслужить год в армии. Хотя

мне совсем не хотелось бы терять целый год. (Тут я ему вкратце рассказал о своей жизни. Вопросов он не задавал. Не любил вмешиваться в чужую жизнь.)

Новенький «фольксваген» весело бежал по горной дороге. Пригревал яркое апрельское солнце. В долинах пламенели огненно-красные маки, цвёл миндаль, нескончаемые оливковые рощи простирались вдаль. Крохотные деревушки попадались по дороге. Узкое шоссе было в хорошем состоянии, со всеми дорожными указателями. В небольшом городке остановились перекусить в придорожной харчевне. Ленч оказался вполне удобоваримым: бутылка белого домашнего вина, «рицина» называется, запечённая на гриле большая рыбина с лимонной приправой, невероятных размеров салат из всевозможной зелени и томатов, чёрный кофе по-турецки на финал.

Заправили полный бак и снова в путь. Солнце уже село, когда мы въехали в Дельфы - скорее небольшое селение, нежели городок, расположенное в горах. Небогатые, незамысловатой архитектуры строения, крутые улочки, звон колокольчиков на склонах гор, где паслись козы. В сельской лавке спросили насчёт отеля. В кромешной мгле при свете фар нашли крошечный отель - двухэтажное каменное здание с маленькими окнами-бойницами. Крепость, а не отель. Но у каждого отдельный номер. Ванна общая с газовой горелкой. Мы оказались единственными постояльцами в отеле. Хозяйка поставила нам бутылку рицины, хлеб; ветчиной и брынзой мы предусмотрительно запаслись в лавке по дороге в отель. Помывшись с дороги и поужинав, я захватил свой транзистор и отправился прогуляться по ночным Дельфам. Уставший с дороги Майк лёг отдыхать. Нагулявшись, я устроился на плоском камне у мостика над обрывом. Ночь была безлунной, но здесь, в священных Дельфах, ярко светили звёзды, так что можно было обходиться без фонарика. Глядя на небо, рассеянно вращал ручку приёмника. И вдруг - сообщение по радио «Свобода»: «Гагарин в космосе!» Захлестнуло тёплой волной. Мыслями перенёсся на Родину, в Москву, к жене. Чувство гордости за нашу державу распирало грудь. Страшно хотелось поделиться с кем-нибудь радостью. Взобравшись на камень, отбил чечётку и направился в отель. У Майка ещё горел свет. Заглянул к нему. Он дремал с книгой в руке.

- Майк, ты знаешь, что русские запустили человека в космос? - сказал я, пытаясь погасить ликование в голосе.

- А? Что ты там такое говоришь?

- Русские в космосе! Что ты на это скажешь?

- Не верю я. Враки всё это, - пробурчал он сонным голосом.

- Но ведь радио «Свобода» передавала только что!

- Ну и «Свобода» брешет. Ты что, думаешь, она всегда правду говорит?

- А «Голос Америки», что, он тоже брешет?

- Вот он - да. Наш «Голос» правду говорит. Но и неправду тоже.

- Но он тоже это подтверждает.

- Ну, может, и забросили туда человека. Ну и разделит он судьбу Лайки. Им что, людей, что ли, жалко, этим русским?

- Да нет, Майк, русский космонавт уже вернулся на Землю. Побывал в космосе и вернулся.

- Вот и молодец, что вернулся. Молодец. Да хранит его Всевышний. Всё равно не может быть. Давай-ка лучше спать. Завтра с утра идём искать следы великих оракулов. Если встанешь раньше меня, разбуди. Спокойной ночи. А в космос мы ещё как-нибудь слетаем.

- Спокойной ночи, Майк.

«Вот дубина! - подумал я. - Такое событие, а он... Зевает... Спокойной ночи... Знал бы ты, кто я на самом деле. И как меня распирает от гордости за свою страну».

Долго не мог заснуть. Слушал по радио комментарии зарубежных радиостанций. Эфир под завязку был заполнен гагаринской эпопеей. Радиоголоса взахлёб подавали сенсацию. Была ночь с двенадцатого на тринадцатое апреля 1961 года. Моя страна, весь мир отмечали новый шаг в освоении космоса. Много людей выйдут на космические просторы, но Гагарин всегда будет первым.

Наутро после завтрака мы с Майком отправились на развалины и раскопки Дельф. В отеле оказалась план-карта Дельф со всеми достопримечательностями. По этому плану мы бродили по окрестностям в компании с добровольным гидом, молодым парнем, который примазался к нам на античном стадионе, где древние играли каменным мячом. Интересно, а головой они играли? Посетили античный театр, построенный на склоне горы с такой акустикой, что любое слово, произнесённое на сцене даже шёпотом, было хорошо слышно в самом заднем ряду амфитеатра. Наш новый приятель-гид, оказывается, был студентом университета. Рассказывал он великолепно и на хорошем английском, и два доллара, которые я ему дал, он с удовольствием положил себе в карман.

В полдень выехали из Дельф в Афины, куда добрались поздно вечером. Остановились в отеле недалеко от площади Омониа. Оставив машину на стоянке отеля, отправились в ту сторону, откуда аппетитно тянуло запахом шашлыка. Поужинали прямо у фонтана, что на Омониа. Наутро поехали по городу. Майку вдруг срочно понадобилась католическая церковь: ему приспичило исповедаться. «Ну ясно, клерикал-католик», - подумал я и осторожно спросил его:

- Майк, тебе это очень нужно? Может, после Акрополя?

- Понимаешь, срок моего последнего исповедания истекает, а мне к Гробу Господню без исповедания никак нельзя. А разве ты сам не католик?

- Ну, я католик, верующий, но не практикующий, поскольку большую часть жизни прожил среди греков, а они в основном православные. Вроде бы здесь где-то была католическая церковь.

- Да, есть одна-единственная в Афинах. Я знаю.

- Ну, тогда поехали, а то без меня не скоро найдёшь эту церковь.

С помощью карты церковь, однако, нашли довольно быстро. Майк пошёл в храм Божий договориться насчёт исповедания. Пиджак свой он оставил в машине, и я заглянул в его паспорт (он лежал в кармане), где значилось, что он гражданин США, занятие - контрактист, что, по-видимому, означало, что мой спутник специализируется на заключении контрактов, возможно в области строительства. Майк намеревался пробыть в Афинах три дня, после чего он вылетал рейсом на Амман, Иордания, а оттуда автобусом в Иерусалим, где намеревался пробыть недели две. Жить он собирался в каком-то монастыре, опять-таки католическом.

Покатались по Афинам. Майк заходил в американское консульство. Затем поехали по магазинам. Пообедали в дешёвой харчевне в центре города, где в подвальчике поели рагу из коровьего вымени, запив его нарой стаканчиков рицины. Майк деньгами не сорил, вёл довольно экономный, даже аскетический образ жизни. Однако от денег, предложенных мной за часть бензина, израсходованного в дороге, категорически отказался:

- Если бы я ехал один, то всё равно затратил бы столько же бензина, что и вдвоём.

- Но, Майк, а мой собственный вес? А мой багаж? - пошутил я.

- А ты мне помогаешь в пути, прокладываешь маршрут, переводишь, да и мне безопасней ехать вдвоём, так что мы квиты. Я об этом даже слышать не желаю, - заключил он.

На следующее утро мы с Майком поехали к отелю, где жил Фред и Джон. Мальчишки, продавцы газет, кричали на улицах о высадке кубинских контрреволюционеров в заливе Свиней.

- А ты не собираешься на Кубу свергать Кастро? - в шутку спросил Майк.

- Я же не кубинец. Зачем это мне?

- А ты разве не патриот?

- Я, может, и патриот, но Куба - это одно, а Аргентина - другое.

Фред и Джон ждали нас в вестибюле отеля. Мы вместе отправились пристраивать в гараж наш «фольксваген». Фред и Джон улетели в Дублин, оттуда чартерным рейсом в Сан-Франциско. Оба дали мне свои адреса и телефоны, я же пока адреса в Буэнос-Айресе не имел, поскольку дома там у меня не было. Майк на следующий день улетал в Амман, оттуда рукой подать до Иерусалима. Он за две недели намеревался посетить все

священные места и земли. Мы с ним условились, что через две недели он вернётся в Афины, мы возьмём его машину и доедем до Неаполя, где я должен был сесть на пароход до Буэнос-Айреса. В Неаполе он меня оставит дожидаться парохода, сам же отправится дальше в Рим, затем в Ирландию и в США. Меня это вполне устраивало, так как в Афинах меня ждали дела, ради которых я сюда и приехал. Необходимо было завершить работу по окончательной отработке легенды, изучить город, поскольку, по легенде, я там жил и учился, выйти на контрольную явку, провести тайниковую операцию.

Сигнал о прибытии в Афины я поставил ещё в день приезда. Проводив Майка, я переехал в загородный отель на берегу залива и занялся своими делами: изучал местность, где когда-то располагался колледж «Зириньо», где я, по легенде, учился. За две недели удалось завершить работу: побывать по адресам, по которым мне приходилось проживать по легенде. Адреса эти были подобраны заранее нашей резидентурой в Афинах, и я получил их ещё в Москве.

В установленные дни, после тщательной проверки, я дважды выходил на контрольную явку у витрины кинотеатра «Афины», но ко мне никто не подошёл, хотя я знал, что мой выход на явку контролировался оперработниками местной резидентуры и явка состоялась бы, если бы возникла необходимость с их стороны. Если бы такая необходимость возникла с моей стороны, то я должен был бы проставить сигнал вызова на улице Георгиадис на столбе освещения напротив дома № 120. Подготовив отчёт, отснял его фотоаппаратом «Минокс», имевшимся у меня (миниатюрная фотокамера «Минокс» западногерманского производства, чуть больше зажигалки, криминалом не является: её может иметь всякий, но если ты разведчик, то совсем не обязательно её афишировать).

В условленный день в обеденное время я отправился в пригород Афин пообедать в небольшой, уютной таверне, окружённой ажурной бетонной оградой. В этой ограде в третьей опоре справа от ворот была выщербина, в которую я вложил контейнер с отчётом в виде камешка, изготовленного мной из гипса и закамуфлированного грязью из лужи. Пообедав традиционным греческим блюдом - запечённой рыбой с салатом, обильно сдобренным оливковым маслом, я, покидая таверну, сделал закладку, соблюдая точно условленное время. В нескольких кварталах от таверны проставил сигнал о вложении мелком на кирпичной ограде, окружавшей гараж. Через час, проезжая по одной из улиц, я, не выходя из троллейбуса, «снял» сигнал о выемке. Тайниковая операция прошла успешно, и мой отчёт отправился в Центр.

Приехал Майк, нашёл меня по записке, которую я оставил ему в прежнем отеле. Переночевав в моём отеле, утром отправились на машине в Пирей, где погрузились на паром, шедший рейсом Пирей - Венеция... Ионическое море прошли ночью. Майк завалился спать, я же отправился в бар, где до рассвета просидел с двумя молодыми американцами, с которыми познакомился накануне. Они путешествовали на красном

спортивном «мерседесе». Оба были убеждёнными холостяками. Работали на какой-то фирме в Нью-Йорке, которая была связана с НАСА. Изрядно навеселе, расстались друзьями. Они дали мне свои визитные карточки и приглашали в Штаты, сказав на прощанье, что я «свой в доску».

Утром, когда мы умывались, Майк сказал мне, что я умываюсь не так, как надо, пытаясь поймать струйку воды из низко расположенного крана. Он тут же показал, как надо правильно умываться. Повозив какой-то тряпочкой по раковине для умывания, нажатием педали он закрыл отверстие слива, наполнил раковину водой и стал в ней умываться.

- Вот как надо, - сказал он мне назидательным тоном. - Вся Америка так умывается.

- Нет, Майк. Ты как хочешь, а я нахожу это негигиеничным. А где гарантия, что до тебя в этой самой раковине не плескался какой-нибудь сифилитик или кожный больной?

Майк ошалело посмотрел на меня, медленно вытираясь полотенцем.

- В Египте, а я там жил много лет, так там мужики даже член свой споласкивают под струйкой воды после каждого захода в туалет. А ты тычешь меня носом в эту грязную раковину. Это ты дома можешь так умываться, а здесь общественное место, где умываются тысячи людей.

Майк исчез в своей каюте и через минуту появился с махровым полотенцем через плечо.

- Ты знаешь, Лэд (так Ладислао с его лёгкой руки превратился в Лэда, и с этим сокращённым именем я прожил там все годы), пойду-ка я приму душ. Там только что освободилась кабинка. Ты не хочешь?

- Нет.

- Тогда подожди меня, пожалуйста. Вместе позавтракаем.

Через день выгрузились в порту Бриндизи, что на юге Италии, и направились в Неаполь. Майк остался верен себе и выбрал маршрут исторический. Мы ехали по той самой Аппиевой дороге, первой мощёной дороге, которая была проложена ещё при цензоре Аппии Клавдии в 312 году до н.э. Дорога эта, построенная рабами, сохранилась почти вся, местами только брусчатку заменили асфальтом. Когда в 71 году до н.э. Спартак был разбит армией Красса, весь путь от Бриндизи до Неаполя был уставлен виселицами с восставшими рабами. Этот исторический факт был запечатлён в форме барельефов, изображающих казнённых рабов на тёмно-красном фоне торцевых стен домов в населённых пунктах, через которые проходит Аппиева дорога.

Днём приехали в Неаполь - большой портовый город, совсем близко от вечно дымящегося Везувия, а утром следующего дня отправились в Помпеи, расположенные у самого подножия вулкана.

Побродили по очищенным от вулканического пепла улочкам, мощённым булыжником, с тротуарами, водопроводом, канализацией. Вспомнилась знаменитая картина Карла Брюллова «Последний день

Помпеи». Раскопкам, начавшимся ещё в 1748 году, не видно конца. Открыта лишь большая часть античного города с остатками городских стен, форумов, храмов, палестр, театров, рынков, стадионов, жилых домов и вилл с красочными мозаиками и фресками. Был май, начинался туристический сезон, и по улицам античного города бродили толпы туристов. Примкнув к одной из групп американских туристов, мы прошлись по возникшему из пепла городу. За вход в один из двориков, очевидно принадлежавших в своё время какому-то вельможе, почему-то взимали плату. Я поинтересовался у одной пожилой американки, которая только что вышла из дворика:

- Извините, мадам, там, за дверью, действительно есть что-нибудь стоящее?

- Это уж зависит от меры вашей воспитанности, - ответила она с лукавой улыбкой, - или испорченности.

- Раз так, мы пойдём, - сказал я. - Пошли, Майк, глянем, за что в этом погибшем городе деньги берут.

Довольно больших размеров дворик наполнен благоуханием роз, дорожки уложены мраморной плиткой, посреди дворика бил фонтан, пели птицы. Во двор выходило несколько дверей, на одной из которых была надпись: «Детям до 16 лет вход воспрещён». Мы, конечно, тотчас направились к этой двери.

Стены слабо освещённого зала сплошь состояли из цветных на красном фоне, мастерски выполненных фресок, изображающих натуралистические сцены оргий вакхов и вакханок в самых немыслимых позах.

...Наш «фольксваген» стремительно мчался по узкой асфальтовой дороге, петлявшей по склонам грозного Везувия. Вскоре мы очутились на небольшой площадке с причудливым строением, походившим на шалаш. Кругом горы вулканического пепла. По крутому склону вверх вела пешеходная тропа. К нам подбежал молодой итальянец и предложил свои услуги в качестве гида-переводчика. Мы хотели было от него отмахнуться, но он был по-итальянски настойчив и сумел нас убедить в том, что мы без него пропадём, так как не знаем, сколь опасно спускаться в жерло вулкана. Свои услуги он оценил в пять долларов, но прижимистый Майк сумел сбить цену до двух. Через час мы уже стояли на краю кратера. Перед нами простиралась огромных размеров воронка, из глубины которой, из внутренних склонов, прямо из-под наших ног со свистом и устрашающим шипением вырывались струи пара и горячих газов. Откуда-то, как из преисподней, подымались клубы розового и зеленоватого дыма, смешанного с паром, резко пахло серой и ещё чем-то.

Закружилась голова, застучало в висках. Ничего себе спящий вулкан! Он, может быть, и спит, но впечатление такое, что он вот-вот проснётся. Кругом пепел, застывшая лава, вулканические глыбы. Гид рассказывал нам историю гибели Помпеи и Геркуланума. Если Помпеи, находившиеся на склоне Везувия, исчезли под многометровым слоем вулканического

пепла и грязи, то Геркуланум, процветавший римский город, находился на самом берегу Неаполитанского залива и был частично засыпан пеплом, частично исчез под водой во время извержения Везувия в 79 году нашей эры.

Уже вечерело. Вулкан дышал смертельной опасностью, от серных газов перехватывало дыхание. Наш неугомонный гид предлагал нам спуститься ещё ниже. Мы решили, что с нас достаточно, и стали спускаться туда, где в наступающих сумерках виднелась наша машина. Внизу, в Сорренто и в Неаполе, уже зажигались первые огоньки. Распрощавшись с гидом, мы спустились в Сорренто, где поужинали пиццей и кока-колой.

Утром Майк уезжал в Ирландию. Там, в Дублине, он намеревался отправить машину морем в США, сам же вылетал чартерным рейсом в Нью-Йорк.

- Лэд, - сказал Майк на прощанье, - я рад был встретить тебя. Вот мой адрес в Калифорнии, черкни мне пару строк, когда устроишься, или, по крайней мере, на Рождество.

- Спасибо, Майк. Мне тоже приятно было с тобой познакомиться. Да и прокатились мы с тобой знатно. Слушай, Майк, а если меня занесёт когда-нибудь в Штаты, я смогу там тебя навестить?

- Ну, конечно, какие проблемы? У меня ведь там масса друзей и знакомых. Даже могу помочь тебе остаться там, если захочешь. И работу подыщем, ведь я пока контрактор.

- Контрактор - это что?

- Ну, заключаю контракты на строительство, подыскиваю заказчиков, подрядчиков, связан со многими строительными фирмами.

- А почему - «пока»?

- Да, так, - сказал он уклончиво, - в жизни нет абсолютно постоянных величин.

На этом мы и расстались.

Впоследствии я на Рождество отправил ему открытку, затем - письмо, но, к сожалению, ответа так и не получил. Во время намечавшейся поездки в США в 1970 году я намеревался всё же разыскать его, как, впрочем, и все остальные связи в Штатах, но арест поставил точку на моих дальнейших планах, хотя в США я всё же побывал, но уже в качестве «гостя Сената США».

Что касается меня, то мне предстояло провести в Неаполе более недели в ожидании судна в Буэнос-Айрес. Это было оговорено ещё в Москве.

Порт Неаполя. Борт французского теплохода «Прованс», приписанного к Марселю. Связи Италии с Южной Америкой многочисленные, как эти цветные бумажные ленточки серпантина,

который перед отплытием теплохода бросают с борта судна на причал. Многоголосый говор. Суетливая посадка. Двухместная каюта второго класса. Пока я в ней один. Побродил по палубе, зашёл в пункт обмена валюты, который находился в ведении «комиссарио аль бордо» (это что-то вроде нашего помощника капитана по пассажирским перевозкам). Вышел молодой человек лет тридцати, в очках, по имени Мишель. Прекрасно говорит по-английски с ярко выраженным французским прононсом. Он рассказал мне, где и как лучше провести время на судне, поскольку рейс длится около двух недель, с заходами в Геную, Марсель, Лиссабон, Санта-Крус-де-Тенерифе на Канарских островах, затем шесть дней в океане, после чего бразильские порты Ресифи, Рио-де-Жанейро, Сантус, Монтевидео (Уругвай) и конечный пункт - Буэнос-Айрес. Обменял доллары на франки.

Самолётом весь этот путь можно было бы, конечно, проделать за 7 часов, но, во-первых, это дорого, что не соответствует моему нынешнему статусу; во-вторых, самолётом много ли увидишь; в-третьих, в пути можно обзавестись полезными связями, и в довершение всего стоит ли спешить туда, где тебя ждёт неминуемая служба в армии, которую в этой стране вряд ли кому удаётся избежать. Стоянки парохода многочасовые, позволяющие более или менее ознакомиться с городами, съездить на экскурсию или просто побродить по улицам, посидеть в баре, посмотреть, как люди живут, сделать кое-какие покупки.

Приближаемся к экватору. Чайки уже давно вернулись домой, к европейским берегам. Теперь судно сопровождают только стайки летающих рыбок. Ночью некоторые из них шлёпаются на палубу и лежат там, распластав крылья, пока кто-нибудь их не спугнёт. Дни проходят в бассейне, за теннисным столом и за барной стойкой. Познакомился со многими пассажирами, хотя мой статус пассажира второго класса и незнание испанского языка не способствуют завязыванию связей. Англоязычных пассажиров было не так уж много. Всё же удалось познакомиться с аргентинскими бизнесменами из Буэнос-Айреса и Кордобы, которые путешествовали вместе с жёнами, а также с секретаршей португальского посольства в Рио-де-Жанейро. Секретарша была незамужняя девушка тридцати лет, недурна собой. Она возвращалась из Португалии, где в деревушке недалеко от Лиссабона жила её бабушка. Бабушка подыскала было для неё жениха - местного фермера-вдовца тридцати восьми лет, с двумя детьми, и настояла, чтобы Патрисия (так звали девушку) приехала к ней на смотрины. Смотрины состоялись. Фермер, в общем, был мужик ничего, но двое мальчуганов 15 и 17 лет... К тому же поменять великолепие Рио-де-Жанейро на какое-то захолустье...

Мишель, с которым я продолжал поддерживать добрые отношения, пригласил меня на вечер отдыха 1-го класса. Мы сидели с ним за столиком, потягивая виски и глядя на танцующую публику, когда я увидел стройную, загорелую брюнетку в зелёном открытом платье, решительно направлявшуюся в нашу сторону (был объявлен белый танец).

- Вот эта девушка наверняка сейчас тебя пригласит, - сказал Мишель. - Она работает в португальском посольстве в Рио и превосходно говорит на английском и французском. И вообще, весьма приятная особа. Я уже с ней познакомился.

- А может, она тебя собирается пригласить, - предположил я.

Но Мишель всё-таки оказался прав. Девушка пришла с намерением пригласить на танец меня.

- Привет, Мишель! - сказала она по-французски. - Я собираюсь похитить вашего приятеля.

- Привет, Патрисия! Это - Лэд, - представил он меня. - Говори с ним по-английски. Можешь его похитить, но только с возвратом, - сказал он шутливым тоном. - Ты мне его вернёшь, прежде чем растает лёд в наших бокалах.

- Пойдёмте, Лэд, а то танец скоро кончится и я уже не смогу вас пригласить.

- Тогда я вас приглашу. Вы согласны?

- Согласна. Так пойдёмте?

После танца я проводил её к столику, где она сидела в обществе одной бразильской супружеской пары.

- Вы не составите нам с Мишелем компанию? - спросил я Патрисию.

- Нет, извините, у меня здесь друзья, и я не могу их оставить.

- Тогда следующий танец за мной?

- О да, разумеется, - отвечала она с улыбкой.

Я приглашал её весь вечер. Потом уговорил пересесть за наш столик. Я заказал шампанское, и мы втроём славно провели вечер.

Патрисия оказалась интересной собеседницей. Она с родителями и младшим братом жила в Рио-де-Жанейро. Родители её ещё до войны эмигрировали из Португалии в Бразилию, где она и родилась. Закончив университет в Рио, она поступила на работу в португальское посольство и вот уже шесть лет как там работает. Отец её маклер на бирже и зарабатывает достаточно, чтобы жить в достатке.

Посольство любой капиталистической страны представляет для нашей разведки определённый интерес. В Португалии в то время царил фашистский режим Салазара. Нужен ли наш человек в посольстве страны с откровенно фашистским режимом, входящей в НАТО? Ответ может быть только положительным.

- И что же вы, весь свой отпуск так и провели в деревне у своей бабушки?

- Что вы! Я уже через неделю стала сходить с ума. Да ещё фермер-ухажёр. Большую часть отпуска я провела в Лиссабоне.

- У вас там, наверное, родственники?

- Конечно! Я жила у моего дяди, брата моего отца.

- И кто же он, ваш дядя?

- Он майор португальской армии, воевал в Анголе, был ранен. Это он, кстати, помог мне найти работу в посольстве.

- Да? Каким образом?

- У него есть друг, который работает в нашем посольстве. Он военный атташе, я везу ему письмо от дяди. У них какие-то там секреты, так что по почте он не хотел пересылать. Кроме того, он просит своего друга помочь мне в продвижении по службе.

- Вы недовольны своей работой?

- Видите ли, дело в том, что у нас в посольстве есть вакансия вице-консула и она уже три месяца как свободна. И я хотела бы её занять. Ведь я закончила университет.

- Это выше, чем секретарская должность?

- Конечно! На целую ступеньку! И зарплата почти в два раза больше.

Вице-консул в посольстве! Это ли не находка!

При пересечении экватора был устроен шумный праздник Нептуна. Тех, кто впервые пересекал экватор, подвергали традиционному обряду крещения. Слуга Нептуна вытащили меня из толпы, собравшейся вокруг бассейна, усадили на стул, вылили на голову пенистый шампунь, затолкали в рот банан, разбили о голову яйцо (к счастью, свежее). Косматый бог морей Нептун прикоснулся к моему плечу трезубцем, после чего четверо его слуг, с бутафорским мечами схватив меня за руки и за ноги, раскачали и с улюлюканьем швырнули в бассейн. Таков обряд крещения при пересечения экватора. Праздник длился всю ночь. А наутро объявили тревогу. Учебную. Судно остановилось, все пассажиры в оранжевых пробковых жилетах вышли на палубу, каждый к своей шлюпке. Команда судна работала споро. Были спущены на воду спасательные шлюпки и катера, экипаж проводил имитацию эвакуации судна на случай катастрофы или пожара.

Когда уже стало невмоготу от столь долгого пребывания в открытом океане, показались берега Бразилии. По палубам засуетились эмигранты из Португалии. Восемьсот человек, в том числе семьи с детьми, погрузились в Лиссабоне и собирались высадиться в бразильских портах. Гигантской латиноамериканской стране, где нарастал строительный бум, нужны были рабочие руки, которые оказались лишними в салазаровской Португалии. У многих в Бразилии были родственники. Ехали в Южную Америку и несколько русских семей староверов, следовавших транзитом из Китая через весь Советский Союз и Европу. Мужчины все были с окладистыми бородами, держались степенно, дети были послушны, девочки все в ситцевых платьях ниже колен. Держались они всегда

кучкой, по вечерам пели псалмы и молились. Интересно было слышать необычную речь в старорусском варианте.

Первый бразильский порт Ресифи. В сутолоке сошли на берег. Много встречающих. Прямо через территорию порта мчатся без окон и дверей трамваи, заполненные до отказа неграми и мулатами, которые гроздьями висят на буферах и идущих вдоль всего вагона подножках. Я тоже вскочил на подножку и поехал в город. Приятно было наконец походить по твёрдой земле после столь долгого пребывания в океане. Уже смеркалось, когда я вернулся на судно.

Утро. Идём вдоль бразильского берега. В Рио-де-Жанейро приходим вечером.

Патрисия стояла на палубе, готовясь сойти на берег. Она внимательно всматривается в толпу встречающих на пирсе. Прожектора освещают пирс и медленно приближающийся к молу теплоход.

- Вас, наверное, встречают?

- Да я вот смотрю, но пока никого не вижу.

- Когда причалим, тогда сможете разглядеть своих.

До этого у нас был следующий разговор:

- Лэд, вот вам мой адрес и телефон. Если будете в Рио, звоните. Буду рада.

- В ближайшем будущем вряд ли. Я ведь вам говорил, что меня ждёт служба в армии.

- А вы хотели бы. чтобы я к вам приехала в Буэнос-Айрес?

- Ну... приезжайте. Но я ещё не знаю, как там всё у меня сложится.

- А вы мне черкнёте пару слов?

- Обязательно.

- Вы так ни разу и не зашли в мою каюту. Почему? Я ведь ехала одна.

- Вы меня ни разу не приглашали.

- А вы разве напрашивались? Я вам не нравлюсь, да? Я уже стара для вас?

- Что вы! Нравитесь, конечно. И вовсе вы не стары. С чего вы это взяли?

- У вас кто-то есть? Вы ведь не женаты?

- Ну, в общем, кто-то есть, а теперь, может, - был, хотя я и не женат. И потом... я по характеру не Казанова.

- Я вижу. Вы парень что надо. И в моём вкусе. Жаль, что мы познакомились так поздно и наше путешествие кончается. А вот и мои! - воскликнула Патрисия и замахала платочком. - Вон там, мать с отцом и брат. Отец высокий такой, седой, в тёмном костюме.

- Вижу.

Они её уже заметили и радостно махали руками. Она едва заметно кивнула в мою сторону, показывая им на меня:

- Ну, счастливо.

- Всего хорошего.

В толпе пассажиров она спустилась по трапу. Стюард нёс её чемодан. Толпа пассажиров оттеснила меня от поручней. Мой путь лежал в Буэнос-Айрес.

С первым же отчётом в Центр я дал установочные данные на Патрисию и изложил свои соображения по её разработке местной резидентурой на предмет вербовки. Очень важно, что она была настроена не вполне лояльно по отношению к режиму Салазара, хотя в посольстве, очевидно, скрывала этот факт. А дядя её, майор португальской армии, возможно, состоял в организации «капитанов», совершивших апрельскую революцию в Португалии в 1975 году, свергнувшую фашистский режим. Это я понял, вспомнив, как она нечаянно проговорилась о секретах своего дяди. Получила ли развитие моя наводка, мне было неизвестно. Хотя за информацию Центр благодарил.

В Монтевидео провели несколько часов, побродили по вечерним улицам, освещённым неоновыми огнями реклам, перекусили луковой пиццей, запивая дешёвым красным вином типа нашей «Изабеллы». Вышли из порта глубокой ночью. Судно медленно продвигалось по мутным водам Рио-де-ля-Платы всю ночь. Рассвет встречали на траверзе Буэнос-Айреса. Начиналось первое знакомство со страной, где мне предстоит провести значительный период жизни, где произойдут события, о которых пойдёт речь в последующих главах этой книги.

Аргентина

Вот он, Буэнос-Айрес, основанный в 1536 году испанским конкистадором Педро-де-Мендосой, который и дал городу имя Буэнос-Айрес, что означает «хороший (в смысле попутный) ветер», а полное название в переводе звучит так: «Город Пресвятой Троицы и порт Богоматери святой Марии хороших ветров». Город застроен многочисленными домами, в том числе и небоскрёбами, по типу колониальных прибрежных городов, с главной площадью, открытой в сторону моря, и прямоугольной сеткой улиц. Буэнос-Айрес богат многочисленными парками и монументами, тщательно охраняемыми государством. Город контрастов. Наряду с фешенебельными районами есть и трущобы, отгороженные во времена Перона от постороннего глаза каменными стенами.

Серое громадье небоскрёбов медленно надвигалось в предутренних мглистых сумерках. Июнь - разгар зимы в Южном полушарии, и я продрог, стоя на палубе в толпе пассажиров. Ещё в открытом море (вернее, в реке, Рио-де-ла-Плата - широкая река, противоположный

уругвайский берег не виден) к нашему судну подошёл катер, высадил лоцмана, пограничный и таможенный контроль. Началась проверка документов прибывающих в Аргентину пассажиров, заполнение деклараций. Знакомый итальянец посоветовал мне спрятать под пальто фото- и кинокамеру, так как при прохождении таможни придётся заплатить крупную пошлину за их ввоз. Паспортный контроль прошёл нормально, заполнил декларацию о ввозе валюты и ценностей (которых у меня не было). На палубе было холодно, меня бил озноб, сырость проникала за шиворот. А берег всё приближался, и этому медленному приближению, казалось, не будет конца. «Как-то нас встретят в Буэнос-Айресе», - подумал я, вспомнив по аналогии крылатую фразу: «Как-то нас встретят в Париже». Да, здесь будет потруднее, чем в Европе. Там я был транзитным туристом: сегодня - здесь, завтра - там. Здесь же мне предстояло превратиться в местного жителя. А то, что я не знал языка, повергало меня просто в ужас, хотя товарищи, готовившие меня, утверждали, что в страну прибывает много иностранцев и многие из них языка не знают. Но я-то всё-таки не иностранец. Я - аргентинец. Мне проходить службу в армии, а языка я совсем не знаю! Дали ещё хотя бы год на испанский, всё уверенней себя бы чувствовал, А так - каждому объясняй, почему не владею кастельяно. И объяснение, что я обитал в неиспаноязычной среде, меня ничуть не утешало.

Думал ли я, что моё прибытие в Буэнос-Айрес через девять лет завершится арестом? Да ещё со всей семьёй, которая у меня к тому времени появится.

Судно наконец причаливает к берегу. В толпе пассажиров схожу на берег. Таможенная суета позади. На выходе из таможни прямо из рук юркий юноша выхватывает мой чемодан и тащит к жёлто-чёрному такси. Даю чаевые. Другой парень забирает мой чемодан и закидывает его на багажник на крыше такси.

Называю отель «Наполеон». Пауль советовал мне там остановиться. Отель сравнительно недорогой, второго класса, находится на авениде Ривадавия в центральной части Буэнос-Айреса, с полным пансионом, то есть завтрак, обед и ужин. Блюда в основном мясные и рыбные, гарнир овощной. Отель не отапливается, холод и сырость пронизывают насквозь. Особенно неприятно ложиться во влажную холодную постель, из которой по утрам трудно выбраться. Центральное отопление здесь, говорят, только в президентском дворце да в крупных банках, и отапливают здесь газовыми калориферами, поскольку электроэнергия стоит недёшево.

Выхожу в город. Авенида 9 Июля. В центре высоченный обелиск наподобие мемориала в Вашингтоне. На улице +5°, поэтому прохожие одеты в основном в демисезонные пальто и плащи, но многие ходят в пончо - большом платке коричневого цвета из шерсти викуньи (ламы), накинутом на плечи.

На авениде Корриентес в пункте обмена поменял доллары на аргентинские песос. В кафе посетители исключительно мужчины, а на столиках у них у всех одно и то же - маленькая чашечка чёрного кофе и

коньяк или хинебра-болс (тип водки) или граппа (виноградная водка). Женский салон отделён от мужского цветным витражом. Заказал и я себе коньяк и кофе и стал изучать карту города, которую приобрёл в киоске. Необходимо было отыскать места постановки сигналов, тайников и явок, подобранных для меня сотрудниками местной резидентуры. И прежде всего - сигнал о благополучном прибытии в страну. В страну промежуточную. Основная страна назначения - США. Но здесь мне необходимо прежде всего стать аргентинцем. А пока что я по-испански ни бум-бум, если не считать нескольких фраз бытового обихода, выученных за время пересечения Атлантики.

Здесь, в этой стране, предстояло, не зная языка, оформить вид на жительство. А как? Нанимать переводчика? Ведь в полиции вряд ли кто владеет английским языком. Полиция, кстати, работает здесь профессионально. Перед поездкой я тщательно изучал всё, что касается полиции и спецслужб. Ведь это здесь впервые было взято на вооружение полицией дактилоскопирование всех без исключения граждан страны. Полицейских на улицах довольно много, вооружены они большими пистолетами кольт и дубинками. В городе неспокойно. Забастовка на городском транспорте. Стоят троллейбусы, трамваи, автобусы. Ходят лишь несколько автобусов частных владельцев, на подножке каждого автобуса, со стороны водителя - полицейский. Одеты полицейские в тёмно-синюю форму, похожую на американскую, кольт и дубинка - американские, наручники - французские. С этими браслетами мне через 9 лет придётся довольно близко познакомиться. Штрейкбрехеры тщательно охраняются. И не напрасно. Газеты помещают снимки то одного, то другого автобуса, получившего свою порцию «молотовского коктейля» [4].

На второй день пребывания в отеле, после завтрака, во время прогулки, ко мне подошёл молодой, прилично одетый, худощавый, с тщательно набриолиненным пробором брюнет, представился Ходзакисом, сказал, что рад встретить здесь земляка из Греции. А фамилия моя также оканчивалась на «ис», напоминая греческую.

- Я, видите ли, живу в Чили, - сказал он, - сюда приехал по делам бизнеса, в регистрационном журнале увидел вашу фамилию, и мне захотелось с вами познакомиться.

Мы шли по авениде 9 Июля, в сторону авениды Кордоба.

- А вы, наверное, из Европы? - спросил Ходзакис.

- Да, оттуда.

- Кто же вы по национальности?

- Аргентинец.

- Как аргентинец? А я думал, вы грек. А почему по-испански не говорите?

---

[4] «Коктейль Молотов» или «Бомба Молотов» - бутылки с горючей смесью, которыми сжигали немецкие танки под Москвой.

- А вы вот сами грек, вы говорите по-гречески? - спросил я на греческом языке.

По лицу его было видно, что он не понял ни слова.

- Так вы что, не говорите по-гречески?

- Нет, я там только родился, а жил всегда в испаноязычной среде.

- Ну вот и я тоже. Родился здесь, а жил всегда в Европе. А теперь, извините, мне нужно идти по делам. Ещё встретимся. - На этом мы расстались.

«Полицейский агент? Всё может быть, - подумал я. - Но скорей всего какой-нибудь проходимец, которых здесь немало. Всё равно не нравится мне этот прилизанный брюнет, да и зубы у него какие-то чёрные, похоже, что увлекается марихуаной. Навязывается в знакомые, имеет доступ к журналу регистрации, значит, дружен с администратором. Может, всё-таки полицейский агент? Контрразведка? Говорит по-английски. Откуда он знает, что я владею английским? Ну прямо-таки уж сразу и контрразведка! Полиция? Может быть. Что-то он такое плёл насчёт того, что он-де на мели, что ему нужны деньги только до завтра, поскольку банки сегодня закрыты по случаю какого-то банковского праздника, и что ему нужно сегодня заплатить за отель. Нет, скорей всего всё же проходимец какой-то. Назвался бизнесменом, а вид у него карточного шулера. Сам он из Сантьяго-де-Чили, занимается торговлей. Уж не наркотиками ли торгует? Тогда он для меня вдвойне опасен, поскольку может сам находиться под наблюдением полиции, а там, глядишь, ещё и за мной увяжутся, приняв меня за его сообщника. Да и отель не ахти, к тому же стоит на шумной загазованной магистрали. Дышать нечем. Нет, надо подыскивать что-то другое. Где экология получше».

Побродив в сутолоке центра, сменив несколько видов транспорта, на электропоезде я доехал до Белграно-Барракас. Весь район Белграно состоял из таких тенистых кварталов, где роскошные, утопающие в зелени садов особняки чередовались с благоустроенными многоэтажными современными домами. Здесь было немало небольших отелей, истинное предназначение которых я довольно скоро уяснил. В один из них - «Белграно-резиденсиаль» я и зашёл, будучи любезно принят мрачноватым седовласым хозяином европейской наружности, стоявшим за стойкой. Он тотчас позвал консьержку и велел ей проводить меня на верхний этаж. Крошечная комнатка с окном, выходящим в колодец двора, меня вполне устраивала, и я зарезервировал её за собой, сказав, что поеду за вещами. Вечером того же дня я переехал в этот отель, где поселился дней на десять. Чилийского бизнесмена больше не встречал. В первую же ночь был разбужен звонком, которым вызывали консьержку. Через какое-то время - снова звонок. Затем ещё. Что же это за поздние гости? Не спалось. После очередного звонка я не выдержал и вышел на лестничную площадку. Молоденькая девушка с грузным лысым господином вышла из лифта и вошла в номер этажом ниже. И так на протяжении всей ночи. Колодец двора усиливал звучание звонка. Позднее я понял, что отель этот

служил также домом свиданий, поскольку публичных домов в Аргентине нет.

На следующий день я отправился в Федеральную полицию получать вид на жительство - документ, заменяющий наш паспорт и называемый здесь «седула-де-идентидад» - в виде пластифицированной карточки с фотографией и отпечатком большого пальца правой руки. Получить эту самую «седулу» без знания языка оказалось ох как непросто. Полицейские чиновники гоняли меня из кабинета в кабинет, никто не мог ничего толком объяснить - английским никто из них не владел, греческим - тем более. Я чувствовал себя полным придурком. Меня разбирала злость на товарищей из Центра, которые уверяли, что с языком проблем не будет.

А тут - ужас какой-то! Так продолжалось в течение двух дней, пока на третий день в коридоре здания Федеральной полиции полицейский чиновник не подозвал молодого, стройного человека со щеголеватыми усиками, который на отличном английском языке объяснил мне, что и как. Оказалось, что без предварительного урегулирования вопроса о воинской повинности вид на жительство мне не выдадут. А что же в Центре мне об этом ничего не сказали? Он также дал мне адрес Центрального военкомата федерального департамента, где призывают всех жителей столицы, а также аргентинцев, прибывающих из-за границы, для прохождения воинской службы. Этот молодой господин оказался адвокатом, контора которого размещалась в здании Федерального суда («Трибуналес»). Он дал мне свою визитную карточку и сказал, чтобы я звонил ему в случае необходимости. Звали его Эдуардо. Центральный военкомат, именуемый «Дистрито Федераль Б.А. (Буэнос-Айрес)», находился в центре города, недалеко от президентского дворца «Каса Росада», напротив здания министерства обороны.

- Сеньор? - К стойке для посетителей подошёл молодой лопоухий солдат с узким, ярко выраженным европейским лицом, на котором видное место занимал вислый нос с горбинкой.

- Добрый день, - сказал я по-испански. - Скажите, здесь кто-нибудь говорит по-английски? - спросил я его.

- Ну я говорю, - отвечал солдат на превосходном английском языке. - А вы что, не владеете испанским? Вы из Штатов?

- Нет, я не говорю по-испански. И я не из Штатов. Мне нужно выяснить вопрос о прохождении воинской повинности. Это здесь?

- Да, здесь. Именно у нас оформляются все аргентинцы призывного возраста, прибывающие из-за границы. Ваш случай довольно редкий, но бывают и такие, как вы, кто совершенно не знает языка. В основном это призывники из Штатов и Израиля.

- Так что я не исключение?

- Отнюдь нет.

В довольно просторном зале шестого этажа за столами сидели сержанты-сверхсрочники (как я потом узнал), работавшие по контракту. Все они были одеты в отлично сшитую офицерскую форму.

- В чём проблема? - спросил подошедший к нам самый молодой из них, стройный и подтянутый юноша. (Этот вопрос я уже смог уловить, так как слово «проблема» интернационально.) Это был кабо (капрал) Пуй, контрактник, тоже щеголявший в офицерской форме тёмно-зелёного цвета с золотыми нашивками.

- Мой кабо, этот парень приехал из Европы. Он аргентинец по рождению, но никогда здесь не жил и поэтому языка не знает. Он пришёл выяснить вопрос о воинской повинности (это Рауль - так звали солдата - мне после перевёл).

- Документы? - строго спросил капрал Пуй.

Я предъявил свой загранпаспорт и военный билет. Паспорт он тут же вернул, не глядя.

- Паспорт - это для заграницы. Здесь, в стране, он никого не интересует. Седула есть?

- Нет. Я пытался было получить седулу в Федеральной полиции, но меня послали сюда.

- И правильно сделали. Нечего отлынивать от армии. Служба в нашей армии - святое дело! Сержант Санторни! - позвал он усатого, плотного телосложения сержанта, сидевшего за столом у окна. - Это по вашей части.

Он отдал мой военный билет подошедшему сержанту и удалился в глубину зала. Человек десять солдат, одетых в мешковатую форму из серого шинельного сукна, сидели за столами и с любопытством взирали в мою сторону.

- Всё верно, - сказал сержант, разглядывая документ. - Я сам его выписывал и отсылал в МИД. Вот и подпись шефа. А где же вы болтались столько времени? - спросил строго через Рауля, насупившись и разглядывая мой военный билет. - У нас уже закончен осенний призыв, а вы только сейчас соизволили явиться. А на вас уже пошла бумага в Лос Трибуналес (Федеральный суд) как на уклоняющегося от воинской повинности.

- Были обстоятельства личного порядка, помешавшие мне приехать вовремя.

- Ладно, - сказал Санторни. - Подождите минутку, я схожу к шефу.

Через несколько минут он вернулся вместе с шефом спецдивизиона («Буэнос-Айрес Дивисьон Эспесиаль» - так именуется отдел по учёту призывников, прибывающих из-за рубежа) подполковником

Фернандесом, невысоким, смуглым, с интеллигентной внешностью.

- Вы - Ладислао Мерконис? - спросил он, разглядывая мою воинскую книжку и сличая меня с фотографией в документе.

- Да, это я.

- Послушайте, Санторни, - сказал он мягко. - Выпишите этому сеньору Мерконису направление на медкомиссию, и пусть завтра же отправляется туда прямо с утра, не заходя в часть. Завтра как раз четверг, и он там может застать всех докторов. Этот парень не говорит по-испански, так пусть Бронсон ему поможет, - кивнул он на Рауля.

- Слушаюсь, мой подполковник, - молвил Санторни.

- Да, Санторни! - снова обратился он к сержанту. - После того как мы его оформим, не забудьте отозвать ту бумагу из Федерального суда, а то у мучачо [5], то есть у меня, могут быть проблемы с властями.

- Будет исполнено, мой подполковник. Подполковник Фернандес кивнул мне и скрылся в своём кабинете.

На следующий день мы встретились с Раулем на пласа [6] Палермо у выхода из метро и отправились в войсковую часть, где я должен был пройти медосмотр. Необходимо было срочно урегулировать вопрос с воинской повинностью, а то ещё, чего доброго, угодишь в тюрьму за уклонение от службы. Только этого мне не хватало! Откуда мне было знать, что здесь всё так строго? Ведь в Центре мне сказали так: «Воинская повинность обязательна, но её можно избежать. Действуйте по обстоятельствам». А здесь картина несколько иная. Сразу направление на медосмотр и - привет.

Предъявив документы и направление на медкомиссию, мы прошли через проходную воинской части.

На плацу маршировали солдаты-новобранцы, облачённые в шинельного цвета короткие куртки и шаровары, напоминавшие наши лыжные брюки довоенных лет. Обуты они были в грубые ботинки на толстой подошве, на головах - пилотки с бело-голубой кокардой. Вооружены они были винтовками маузер времён Второй мировой войны. По газону, расположенному рядом с плацем, под наблюдением сержанта ползали на коленях солдаты, руками обрывая траву, которую затем выбрасывали в контейнеры, стоявшие у бетонного забора. Это они так проходили курс молодого бойца. «Неужели и мне предстоит этим заниматься? Но они-то юнцы, а мне по документам уже тридцать лет. Может, удастся как-нибудь избежать?» Стало тоскливо на душе от этой совершенно ненужной мне службы.

В сопровождении Рауля я быстро прошёл терапевта, хирурга, кожника, стоматолога (зубы у меня в то время были без пломб, два зуба удалены ещё в Ленинграде). Затем - флюорография. Стоматологический рентген. Анализ крови и мочи. (На комиссию я пришёл натощак, захватив с собой пузырёк с мочой для анализа.) Никаких лишних вопросов.

[5]Мучачо - паренёк (исп.).

[6]Пласа - площадь (исп.).

Никакого удивления по поводу незнания языка. Военврачи в комиссии работали быстро и эффективно. На вопросы о том, чем болел в детстве, были ли травмы и т. п., я отвечал им через Рауля. Прививка от оспы не привлекла чьего-либо внимания. Очевидно, следы от прививки, сделанной ещё в детстве в Союзе, не отличались от тех, которые делают в Аргентине. Мне пришлось приходить сюда с Раулем ещё дважды: то повторный анализ крови, то стоматологический рентген не получился. В общем, оформление заняло недели две.

Пройдя медкомиссию, мы вышли за пределы части и посидели с Раулем в кафе у станции метро «Палермо». Рауль рассказал мне, что военкомат, занимавший 6 этажей, является небольшой войсковой частью, где проходят срочную службу солдаты, проживающие в городе. Большинство из привилегированных семей, в том числе и он сам (отец у него - президент бельгийского банка). Весь контингент в основном грамотный, так как приходится оформлять военные билеты, выписывать различные документы, акты, ставить и снимать с учёта граждан Аргентины, прибывающих в Буэнос-Айрес для прохождения военной службы. Здесь всех новоприбывших регистрируют, направляют на медкомиссию, после чего их распределяют по частям. Некоторые из них остаются при военкомате. И это, считай, повезло, поскольку режим здесь либеральный, солдаты, проходящие при БАДЕ службу, в основном из Буэнос-Айреса. Все они, кроме караульного наряда, по окончании рабочего дня отправляются по домам. Суббота и воскресенье - выходные. После прохождения курса молодого бойца - больше никакой муштры. Рауль сказал мне, что это было бы для меня идеальным местом прохождения военной службы и что если я пожелаю, то он поговорит с сержант-майором, чтобы меня здесь оставили. Его слова меня не очень-то убедили. Но даже в таком варианте служба казалась мне напрасной тратой времени. Мне хотелось поработать где-нибудь механиком. К тому же не очень-то хотелось напяливать на себя отвратительную серую солдатскую робу, пусть всего лишь на один год. «Может, всё же удастся отвертеться», - думал я.

Вечером я позвонил Эдуардо - так звали адвоката, с которым я познакомился в полицейском управлении, - и мы встретились у него в офисе в здании Федерального суда. Я вошёл в тот момент, когда он, проводив очередного посетителя, пересчитывал зелёные долларовые бумажки. «Неплохой гонорар, а? - сказал он с усмешкой, бросив деньги в ящик стола. - Слушаю вас».

Я изложил ему суть дела:

- И вот в мои-то тридцать лет я буду терять целый год в армии, тогда как мне нужно обосновываться и устраиваться на работу, подыскивать жильё. Живу-то я до сих пор в отеле.

- И в каком же? - спросил Эдуардо.

- В «Белграно».

- Я бы посоветовал вам подыскать другое место для проживания. Вы, наверное, не знаете, что почти все отели в баррио Белграно используются для любовных свиданий. «Отель-пор-ора» (отель на час) пользуется здесь большой популярностью. Поскольку в стране нет публичных домов, их с успехом заменяют такие вот отели. Там, разумеется, могут проживать и обычные гости, вроде вас. И тем не менее советую съехать оттуда. Там бывают, знаете ли, разные неприятности.

- Спасибо, я это учту. (В разработках Центра я читал про такого рода отели и знал, что они находятся под контролем полиции нравов).

- А что касается вашей просьбы в отношении службы, единственное, что я могу посоветовать, так это всё же исполнить воинскую повинность, так как избежать этого в нашей стране крайне трудно, даже за большие деньги. Когда оформитесь, позвоните. Посмотрим, что можно предпринять, чтобы сделать вашу службу не слишком обременительной. А вообще-то, если вы всё же намерены обосноваться в этой стране, воинская служба вам бы не помешала: армейские связи в будущем могут оказаться очень ценными, поскольку однополчане всегда помогают друг другу.

Эдуардо знал, что говорил, когда вёл речь об отеле. В тот день я готовил отчёт в Центр о моей поездке по Европе и о первых днях пребывания в данной стране. Уже стемнело, когда отчёт на английском языке был готов, и я начал снимать его «Миноксом». Уже была отснята половина, когда в дверь постучали. Я быстро сложил листочки отчёта и фотоаппарат в газеты, положил всё это в нижнюю часть платяного шкафа и открыл дверь. В комнату в сопровождении смуглой молоденькой горничной, которую я про себя прозвал «чернавкой», вошёл белобрысый парень в спецовке, в руках у него был ящик со столярным инструментом и несколько деревянных плечиков-вешалок. Мулатка что-то мне пыталась объяснить, но я ничего не понял. Парень поздоровался, прошёл мимо меня прямо к шкафу, где лежал отчёт для Центра, и открыл его. Я наблюдал за его действиями, стоя у него за спиной. Он что-то говорил, улыбался, но я ещё не понимал по-испански, хотя было ясно, что он пришёл, чтобы повесить новые плечики в шкафу взамен поломанных. Но почему именно сейчас, в вечернее время?

- А по-польски не розумиешь? - произнёс он с ухмылкой. Я смотрел на него с недоумением. Он добавил что-то ещё, они оба засмеялись и ушли, оставив меня со слабой улыбкой на губах.

«Что бы это значило? - думал я. - Очень похоже на полицейскую проверку. Отель-то ведь не простой, здесь, наверное, бывают и уголовные элементы, и проститутки, и малолетки - одним словом, вполне очевидно, что такого рода отели находятся под надзором как уголовной полиции, так и полиции нравов. А я один, живу здесь уже больше недели. Нет, надо будет отсюда съехать. Положительно мне здесь не нравится. А почему он спросил меня по-польски? Принял за поляка, что ли? Хорошо хоть за поляка, не за русского». До тайниковой операции оставалось ещё два часа.

Выйдя на лестничную площадку, прислушался. В колодце внутреннего дворика стояла тишина. Напротив моего окна, сквозь жалюзи которого пробивался свет, жила парагвайская семья - муж, жена и смазливая дочь-смуглянка лет семнадцати. Вернувшись в комнату, закрыл дверь на ключ, вставив предохранитель-защёлку, что исключало возможность открыть дверь снаружи и внезапно войти в комнату. Это миниатюрное простое приспособление я купил ещё в Швейцарии и всюду возил его с собой. Включив настольную лампу, продолжил фотографирование. Отчёт получился страниц на сорок. Там было и про мою поездку на судне «Прованс», и ситуацию с военным учётом, и дополнительные данные на Майка, и установочные данные на Патрисию, которой я дал псевдоним «Марго». Аккуратно вырезав кусочек цветной кодаковской киноплёнки, где Марго была снята мной во время праздника Нептуна, я завернул его в фольгу, затем в чёрную бумагу. Засунул всё это в презерватив, затем упаковал в кусочек старой скомканной газеты и вложил в контейнер - чёрную пластмассовую баночку из-под гуталина.

Теперь необходимо было уничтожить все сорок листочков отчёта. Жечь нельзя: комнатка крошечная, вентиляции никакой, дым быстро заполнит помещение и начнёт выходить через жалюзи окна и из-под двери. Ещё чего доброго прибежит кто-нибудь и спросит, что я тут жгу. Зайдя в туалет, убедился в исправности сливного бачка. Порвав на мелкие клочки листы отчёта, я в два-три приёма спустил их в унитаз. Мощным потоком воды их унесло в канализацию. При помощи фонарика внимательно осмотрел унитаз, не прилип ли там клочок бумаги. Всё в порядке. Пора выходить. Выйдя в сырую мглу слабо освещённых пустынных улиц Белграно, я двинулся по отработанному накануне маршруту проверки. Через полтора часа, убедившись в отсутствии «хвоста», направился в район расположения тайника, подобранного товарищами из местной резидентуры. Тайник был устроен на первый взгляд неплохо, с чётким описанием и планом, с отлично выполненными фотографиями: увитая плющом каменная лестница с площадками; с одной стороны подпорная стенка, на которой установлены большие бетонные вазы с цветами. В щель под одной из них я и должен был положить свою закладку. Тихое, укромное, совершенно неосвещённое место.

Иду вверх по лестнице, сжимая в кармане контейнер, готовлюсь провести закладку, но... У самой моей вазы, облокотившись на балюстраду, маячит в темноте фигура полицейского в тёмной шинели и фуражке. Прохожу мимо. Полицейский провожает меня взглядом из-под козырька фуражки с кокардой. Я это чувствую. Описав круг в несколько кварталов, примерно через полчаса возвращаюсь тем же путём, только теперь уже вниз по лестнице. Полицейский как истукан продолжает торчать у моего тайника. Не гнать же его оттуда. Мол, извините, сеньор полисмен, не могли бы вы прогуляться немного, мне нужно сделать закладку в тайник. В чём дело? Чего он тут? Тайник, что ли, мой охраняет? «Полицейский в форме - это не страшно, - вспомнились слова инструктора. - Бойся того, кто в штатском». Всё равно надо уходить. Проводить здесь тайниковую операцию нельзя. Надо переходить на

запасной вариант. Через три дня. А где хранить закладку все эти три дня? Прохожу скверик, расположенный на пересечении двух улиц. Кругом особняки. В скверике каменные скамьи. Сажусь на одну из них. Упёршись ногами, наклоняю тяжеленную скамью. Балансируя, перочинным ножом делаю углубление необходимого размера под опорой скамьи, кладу туда закладку, предварительно засыпав ямку, опускаю скамью. Как будто всё нормально. Завтра надо будет посмотреть это место, а то в темноте не видно. Даже если кому-то и придёт в голову опрокинуть скамью, что вряд ли, присыпанную землёй закладку всё равно не заметят.

На следующий день с утра снова побывал па злополучной лестнице. Оказывается, стена с железной оградой, вдоль которой проходила лестница, окружала посольство Великобритании. Хорошенькое соседство! Конечно, обычно полицейский пост размещается на входе в посольство. Но во время забастовки на транспорте власти, очевидно, усилили охрану посольства и в ночное время выставили дополнительные посты.

Через три дня, изъяв контейнер из-под скамьи, я отправился к запасному тайнику, находившемуся в основании чугунного фонарного столба, на уровне земли в небольшом скверике, в нескольких кварталах от моего отеля. Произведя закладку, вышел к авениде Сан-Мартин, где мелком проставил сигнал о закладке, выбросив затем мел. Через час, проходя по улице Нуньес, принял сигнал о выемке. Первая тайниковая операция в Буэнос-Айресе прошла относительно успешно. В Центр пошёл мой первый отчёт из Аргентины.

Вскоре я съехал из отеля «Белграно» и поселился в маленьком скромном отеле-пансионате, так называемом «Отеле Суисо» («Швейцарский отель»). Хозяйкой отеля была дочь русского генерала Шабрина, заброшенного волной революции в эту страну. Хозяйка, благообразная пожилая дама, владела несколькими языками, в том числе и английским. Занимала она небольшую комнатку на первом этаже двухэтажного, скромного на вид особняка с парком. Комната её была убрана в русском стиле: в углу - иконы и постоянно зажжённая лампадка, на стенах - многочисленные фотографии генерала сотоварищи, семейные фото. Комната, в которой меня поселили, была большой, с высоченным потолком и без всякого отопления. Короче говоря, очень неуютно и холодно. Во всём облике отеля сквозил дух запустения. Вскоре я заметил, что здесь часто бывают русские эмигранты. Один из них, учитель математики в колледже по соседству, стал пытаться свести со мной знакомство. «Русская среда не предвещает мне ничего хорошего», - подумал я, решив сменить и это жильё. Прошла неделя, и я переехал в другой отель, «Отель фамильяр» (семейный отель), но уже на следующий день понял, что и это не для меня: владельцем отеля был молодой разбитной итальянец, здесь также жила его многочисленная родня с кучей ребятишек - настоящий детский сад. Невообразимый шум, гам и плач стоял с утра до полуночи.

С момента приезда я неустанно подыскивал себе жильё, что оказалось совсем не простым делом. Посетил десятки адресов по

объявлениям в газетах, но ни один не подходил. Одновременно усиленно штудировал испанский (кастельяно), изучал город и занимался оформлением на службу в армию. На третий день пребывания в итальянском отеле я не выдержал и переехал на частную квартиру, хозяйкой которой была сеньора Кармен, дважды вдова, дородная, румяная, приветливая, добрейшая женщина лет шестидесяти. Первым её мужем был инженер-полковник артиллерии республиканской армии Испании. Во время гражданской войны в Испании, после разгрома республиканских войск, они с мужем были интернированы на территории Франции и содержались в концлагере неподалёку от границы с франкистской Испанией, где в то время свирепствовал фашизм. Перед самой оккупацией Франции немцами с помощью Красного Креста им удалось после долгих мытарств вместе с другими республиканцами выехать в Южную Америку. (Сеньора Кармен имела аргентинское гражданство). Во время стоянки парохода в Гаване они с мужем и друзьями зашли посидеть в кафе-мороженое. Стояла страшная жара. Здесь с её мужем и случился инфаркт. Смерть настигла его, когда он нёс вазочки с мороженым к столику.

Друзья помогли преодолеть формальности, связанные с перевозкой тела. В Буэнос-Айресе гроб с телом мужа был подвергнут кремации и похоронен в военном колумбарии на городском кладбище Чакарита. А через год сеньора Кармен вышла замуж за высокопоставленного чиновника таможенной службы, которого знала ещё с юных лет.

В Барселоне у сеньоры Кармен оставались взрослая дочь с мужем и сыном. Небольшой особняк сеньоры Кармен стоял в тихом переулочке в баррио (районе) Висенте Лопес в жилой зоне Большого Буэнос-Айреса. Дом был двухэтажный с палисадником и небольшим садиком, в котором росли лимоны и апельсины. Первый этаж занимала сама хозяйка. На втором этаже жили: в одной комнате сын бизнесмена из Колумбии, студент с женой и сынишкой лет пяти, в другой - умирала от рака родная сестра сеньоры Кармен. В глубине двора находился довольно большой гараж, переоборудованный под жилое помещение, где я и поселился, полагая, что вскоре найду удобное жилище, но прожить там пришлось более двух лет. К тому времени, когда я поселился у сеньоры Кармен, я уже мог объясняться на кастельяно в пределах обиходной лексики. Всё своё свободное время слушал местное радио, особенно коммерческие передачи уругвайской радиостанции «Колония», читал газеты, занимался по учебникам. Сеньора Кармен держала собаку болонку, единственной достопримечательностью которой, впрочем, скорее, недостатком было то, что она облаивала всех подряд, в том числе и меня, днём и ночью, хотя сторожем была превосходным. Была у неё также старая-престарая курица, которая яиц уже давно не несла.

Моё жилище - гараж - представляло собой квадратную комнату примерно 3х4 метра с маленьким оконцем над дверью, с туалетом-душем. Вход был через крыльцо, выходившее в сад. Бетонный пол покрывал палас, из мебели - кровать с тумбочкой, старый платяной шкаф, старинное кресло и пара стульев. Отопление - газовый переносной обогреватель.

Вода в душе только холодная. Раз в неделю я пользовался ванной в доме сеньоры Кармен. Завтракал и ужинал на кухне вместе с хозяйкой, собакой и курицей. Тарелки она отдавала вылизывать собаке, после чего их мыла. В дом приходила служанка для ежедневной уборки.

Вечером, в день моего переезда, меня позвала к себе хозяйка. На кухне торжественно восседал на табурете пожилой, грузный джентльмен в очках на вид лет пятидесяти с гаком.

- Это дон Альберто, Ладос, мой куньядо [7]. Он хочет с вами поговорить, - сказала, мило улыбаясь, розовощёкая хозяйка.

Дон Альберто, грозно сверкнув очками с толстыми линзами, громовым басом учинил мне допрос:

- Кто вы такой? Откуда приехали? Когда? Есть ли у вас вид на жительство?

- Я его ещё не успел получить. Сдал вот документы в полицию.

- А какие у вас вообще есть документы? Пришлось сходить в свой гараж за документами.

Предъявил ему заграничный паспорт и военный билет. Вкратце рассказал ему свою жизненную историю согласно отработанной легенде. Сказал, что буду проходить военную службу, а затем устраиваться на работу, что завтра ухожу в первый раз на службу, в армию.

Дон Альберто несколько умерил свой пыл, успокоился, перестал раздувать щёки, после чего сеньора Кармен поставила на стол бутылку красного вермута «Чинзано», сифон с ледяной водой, и мы выпили за знакомство, разбавляя вермут пополам с содовой. После нескольких стаканов дон Альберто подобрел. Он сказал, что сеньора Кармен живёт одна и поэтому он должен знать, кто тут у неё поселился. Дон Альберто, старый холостяк, был великолепным гитаристом и исполнителем аргентинских танго и креольского фольклора. Он был истинным порттеньо [8], знал превеликое множество танго и баллад, сам сочинял музыку, был вхож во многие дома, где в почёте были аргентинский фольклор и танго. Зарабатывал он уроками музыки, обслуживанием вечеринок.

На следующий день рано утром я отправился электропоездом до Ретиро [9] , затем на метро до Пласа-де-Майо [10], и пешком, минуя Каса Росада [11], направился в свой военкомат. На страже у входа в президентский дворец стояли солдаты в форме гренадеров эпохи освободительных войн.

---

[7]Деверь, брат мужа.

[8]Коренной житель Буэнос-Айреса.

[9]Главный железнодорожный вокзал Буэнос-Айреса.

[10]Главная площадь Буэнос-Айреса.

[11]Президентский дворец.

Временно я был прикреплён к шестому этажу, который занимался призывниками, прибывавшими в основном из-за рубежа. Рауль постепенно вводил меня в курс дела и помогал объясняться с начальством. На этаже работало человек пятнадцать солдат во главе с двумя сержантами сверхсрочной службы (на положении наших прапорщиков). Один из сержантов заведовал архивом (туда меня не пускали, как, впрочем, и остальных, кто не имел к архиву отношения), другой - текущий перепиской с посольствами. Был ещё и капрал, тоже сверхсрочник, который следил за порядком и чистотой на этаже. Командовал этажом подполковник Мендес, приятнейший, добродушный человек средних лет. На других этажах располагались службы, обеспечивавшие призыв в авиацию, Морфлот и другие рода войск. Караульную службу нёс суточный наряд, вооружённый немецкими винтовками маузер времён Второй мировой войны с примкнутыми тесаками. Питались на службе бутербродами и кофе, который приносил негр-кафетеро из соседнего кафе, приходивший всегда ровно в 11 дня, весь увешанный огромными термосами и ящичками с бутербродами и выпечкой. Внизу в каптёрке у мрачноватого солдата - каптенармуса, с ярко выраженной европейской внешностью, получил своё обмундирование, состоящее из грубошёрстной куртки и брюк, белой форменной куртки, пилотки и армейских ботинок. Всё не по размеру, всё бывшее в употреблении, но тщательно выстиранное и выглаженное.

- Бери что дают, и нечего здесь копаться, - буркнул каптенармус, - не в театр пришёл.

Пришедший со мной Рауль приветливо улыбался ему:

- Неужели у тебя, Мозес, ничего лучшего не осталось?

- Ничего. Идите и сами ищите.

Я был крайне удручён, показывая вечером сеньоре Кармен доспехи, в которых мне придётся щеголять в такую ужасную жару. Но сеньора Кармен, лукаво улыбаясь, сказала мне, что по соседству живёт подполковник Лопес, который является заместителем командира нашей войсковой части, и что она в хороших отношениях с его матерью, которая только что ей звонила и просила у неё пару лимонов, так как ей нездоровится. На следующий день за ужином сеньора Кармен поведала мне, что она побывала у матери Лопеса и попросила, чтобы мне разрешили ходить на службу в штатском, поскольку я собирался устроиться на работу автомехаником. Так началась моя служба в армии. Ходил я в штатском, форму надевал, лишь когда стоял в карауле с маузером без патронов. В дивизионе я, конечно, был наподобие белой вороны - аргентинец, не знающий кастельяно и владеющий только английским да ещё греческим. На меня прибегали посмотреть с других этажей и обращались ко мне не иначе как «Hello, Jonny». Но вскоре всё мало-помалу привыкли к моему присутствию и успокоились.

Через месяц пришёл приказ о том, чтобы меня откомандировать в моторизованный батальон понтонёров, но подполковник Лопес меня

отстоял, сославшись на то, что мне надо ещё подучить испанский, а то как бы я чего-нибудь там ещё не натворил по незнанию языка и не утопил бы технику при наведении понтонной переправы через бурную речку, за что он-де не хочет нести ответственность.

Каждое утро в семь часов мне надлежало приходить на службу, а в три пополудни все, кроме караула уходили по домам. Несколько раз мне пришлось дежурить. Стояли в форме с винтовкой у входа в часть, сменяясь каждые четыре часа. Отдыхали на столах на своём шестом этаже, питались бутербродами и кофе из принесённого с собой термоса. Однажды стою я себе у входа в часть (шестиэтажное здание, с виду напоминающее небольшой отель), сжимая в руке старенькую винтовку с примкнутым штыком. Такими винтовками были вооружены полицаи во время оккупации.

Так вот, стою я вечером на часах, я, рядовой аргентинской армии и одновременно советский разведчик-нелегал, старший лейтенант КГБ при СМ СССР. Интересно? Лично для меня мало интересного. Вот по пустынной, слабо освещённой улице шествует величаво какая-то весьма привлекательная, хорошо одетая особа, и вдруг, обращаясь ко мне, дамочка эта что-то говорит, упоминая слова «офицер» и «театр». Не уловив, чего она хочет, вызываю дежурного сержанта, чтобы он сам разобрался с дамочкой. Отослав тотчас меня с поста, молодой черноусый сержант-контрактник остался у входа полюбезничать с прекрасной ночной незнакомкой, которая хотела вроде бы в театр, а попала в войсковую часть, и что из этого вышло, так и осталось тайной.

Я стал укладываться отдыхать на ужасно жёстком столе. У открытого окна стояли и хихикали ребята, свободные от несения службы:

- Ладислао, брось ты ломать стол своими костями! Иди-ка лучше сюда, тут есть кое-что поинтереснее.

Сползаю нехотя со стола, подхожу к окну. С шестого этажа хорошо просматривается открытое окно спальни квартиры пятого этажа жилого дома напротив. Зрелище для молодых ребят конечно же захватывающее: молодой муж (а может, любовник) медленно раздевает юную особу, охаживая её по всем правилам любовного этикета. Комната ярко освещена, в нашей же комнате тёмно, свет горит лишь в коридоре, поэтому они нас видеть не могут.

- Ну, мучачос, этот театр для вас, молодых да зелёных, - сказал ворчливо я, направляясь к своему столу.

Тотчас раздался вопль разочарования: «Погасили-таки свет, вот сукины дети! Уж не могли при свете!»

- Ну, пошлите кого-нибудь, пусть попросят включить свет, - сказал я, укладывая под голову кипу старых папок с документами.

Позднее Лопес освободил меня от несения караульной службы, и вот почему: солдат из нашего отделения, по имени Макс, немец по происхождению, предложил мне поработать у него в мастерской по

ремонту автомашин. Мастерская была маленькая, размещалась во дворе его дома в Вилья-Бальестер. Он поведал мне, что наш полковник Лопес приобрёл себе по дешёвке старенький «форд» 1940 года выпуска, который он хотел бы поставить на колёса. Макс был хоть и молод, но здорово разбирался в технике, особенно в жестяно-сварочных и лакокрасочных работах. У него была небольшая, но хорошо оборудованная мастерская. Он попросил у Лопеса четыре недели времени и меня в придачу, поскольку я числился механиком, хотя я о себе как о механике был не слишком высокого мнения. Дело в том, что моя подготовка к работе по прикрытию была организована из рук вон плохо, хотя это выявилось, к сожалению, не сразу.

Во время индивидуальной подготовки, когда встал вопрос о приобретении какой-либо профессии или ремесла, я не долго думая решил стать слесарем по ремонту автомобилей и тракторов. Почему меня потянуло на эту в общем-то непрестижную и довольно грязную профессию, мне до сих пор не ясно, но ясно было одно: хороший механик на Западе всегда найдёт работу, как, впрочем, и у нас в стране. Но всё дело в том, что освоить основательно профессию мне не дали возможности, считая это мелочью.

- Ты человек грамотный. Побудешь пару месяцев в совхозе, станешь водить грузовую машину, трактора, поработаешь в мастерской и научишься, подумаешь, премудрость - копаться в моторах.

То были рассуждения дилетанта.

После командировки в Египет я попросил дать мне возможность хотя бы пару месяцев поработать на какой-нибудь автобазе. Подобрали автобазу, где директором был наш человек - отставной полковник КГБ, и направили меня туда под видом слушателя высших курсов при ЦК ВЛКСМ, готовящегося к работе в глубинке. Пришлось поработать в самых разных цехах автобазы и кое-чему получиться. Всё это было довольно поверхностно, хотя покопаться в моторах мне пришлось основательно. Выполнение ответственных операций мне, разумеется, никто не доверял, и я, так и не став мастером, вышел из базы подмастерьем. К комсомолу механики относились довольно скептически. К тому же я совершенно не разбирался в иномарках, которых в то время у нас практически не было. Перед самым отъездом, правда, вняв моим просьбам, достали «шевроле» какого-то нашего товарища, загнали его на автобазу КГБ, где я должен был провести профилактику машины и регулировку клапанов, но механики клапаны эти отрегулировали сами, оставив мне самую грязную работу, поскольку сомневались в том, что я смогу это сделать. «Но ведь я, можно сказать, никакой не механик, надо бы мне серьёзно поработать с каким-нибудь старым механиком-частником», - говорил я своему куратору. «Ничего, там научишься, - отвечал он мне. - Пойдёшь поначалу к кому-нибудь в подмастерья, может, на курсы какие. Одним словом, действуй, давай, нечего тут ерундой заниматься, когда тебя ждут великие дела. Руководство торопит».

И вот мы дома у Макса, который жил с родителями в добротно построенном доме, неподалёку от того места, где жил я. «Форд-40» Лопеса уже стоял во дворе, и я внутренне содрогнулся, увидев, в каком он состоянии и какой объём работ нам предстояло выполнить.

- Послушай, Макс, ты хоть знаешь, с какого конца к нему подойти? С чего хоть начинать-то будем?

- Начнём конечно же с главного: с мотора, - отозвался бодрый хрипловатый голос из тёмного угла гаража. Это был розовощёкий крепкий старик, немец по имени Франц, в аккуратной старенькой, застиранной спецовке. Сам Макс был специалистом по жестяным работам - он два года учился в ФРГ. Для переборки мотора он всё же пригласил старого опытного мастера. Не мешкая, приступили к делу. Освободив двигатель от всего, что соединяло его с корпусом, с трудом отвернув проржавевшие болты и шпильки, с помощью тали извлекли мотор из чрева автомобиля и установили на металлический стол. Затем помогли Францу снять намертво пригоревший коллектор, сняли головку блока цилиндров, маховик, коробку скоростей и оставили мотор на его попечение. Здесь я сразу проявил себя полным профаном: отвернув, как мне казалось, все болты коллектора, я не заметил один болт, коварно спрятавшийся под кожухом коллектора, и стал постукивать кувалдочкой по корпусу коллектора, полагая, что он не снимается, потому что пригорел к блоку цилиндров.

Подошедший старик механик молча, с иронической улыбкой ткнул своим толстым чёрным от масла пальцем со сломанным ногтем куда-то под коллектор и так же молча отошёл. Для него было ясно, какова моя квалификация механика.

После я долго ругал себя за свою нерасторопность, ругал и своих наставников. К сожалению, мне ещё не раз придётся удариться в грязь лицом. Уж лучше бы мне дали закончить хоть какие ни на есть ускоренные, но настоящие курсы вместо шатания по совхозам да автобазам! Тяжело в ученье - легко в бою. А тут, считай, пришлось в бою, и ни на какие курсы здесь не поступишь, пока находишься в армии, да и документа-седулы у меня пока ещё нет, а без седулы ни на работу и ни на какие курсы не устроишься. Мы с Максом занялись ходовой частью и жестяными работами. «Форд-40» был в своё время отлично сработанной машиной на полушасси. Кузов за долгие годы эксплуатации изрядно проржавел. Газосваркой Макс вырезал целые куски проржавевшего металла, заменяя их жестяными вкладышами. В 11 часов мать Макса, фрау Эльза, принесла на подносе кофе с молоком и бутерброды с сыром и салями. После короткого перерыва мы продолжили свою работу. Обедали также у Макса.

Немцы трудились не спеша, размеренно, подшучивая друг над другом, да и надо мной тоже, и не без причины. Работали со вкусом, без перекуров, так как оказалось, что никто из нас не курил. Закончили работать поздно вечером. Франц на своём стареньком мотоцикле уехал домой, я же остался поужинать у Макса.

За несколько дней Франц перебрал двигатель, для чего пришлось съездить на завод, чтобы рассверлить цилиндры, и изрядно помотаться по магазинам в поисках запчастей - машина ведь была старая. У Макса в доме своя машина была, но ею обычно пользовался отец, который постоянно находился на загородной ферме, владельцем которой он являлся. Ферма приносила семье приличный доход.

- Ладислао, тебе звонила какая-то сеньорита Амелия Родригес из Федеральной полиции. - Круглое розовое лицо сеньоры Кармен, расплывшееся в лукавой улыбке, излучало высшую степень любопытства. - Кто это, э, Ладислао? Такой приятный голосок!

- Понятия не имею, сеньора Кармен, - пожал я плечами в полном недоумении. - Амелия Родригес, говорите? Да я имя-то это впервые слышу.

- А она вроде бы тебя знает. Она оставила свой рабочий телефон и просила тебя позвонить.

Звонок из Федеральной полиции... Сеньорита Родригес... Кто же это может быть? Или это какая-то полицейская уловка? Так и сна можно лишиться. Со мной это случалось, и не один раз. Ну да ладно, завтра всё прояснится. Утром позвоню этой самой Амелии Родригес. Надеюсь, ничего страшного и нечего паниковать.

- Алло! Мне Амелию Родригес, пожалуйста.

- Минуточку. Амелита! Тебя к телефону.

- Слушаю вас. - В трубке мелодичный девичий голос.

- Здравствуйте, я Ладислао Мерконис. Вы мне вчера звонили.

- А, здравствуйте. Да, это я вам вчера звонила. Я работаю в отделе оформления вида на жительство. Что же вы не приходите за своей седулой-де-идентитдад? Она лежит у меня в столе и уже давно вас дожидается. Вам что, она больше не нужна?

- Видите ли... Когда я начал оформлять вид на жительство, то мне сказали, что седулу я получу лишь тогда, когда урегулирую воинскую повинность. Вот я в данное время и занимаюсь тем, что её регулирую.

- Так вы что, служите в армии?

- Да, служу.

- Но не вечно же вы собираетесь там служить? Приходите и заберите свою седулу, она вам будет нужна при поступлении на работу. (Я вспомнил, что во время моих хождений по коридорам Федеральной полиции я однажды встал в очередь на седулу, где снимали отпечатки всех пальцев и сдавали фотографии 3х4).

- Когда можно прийти?

- В любое время с восьми до пяти. Кабинет 207, второй этаж. Подойдёте к окошечку и спросите меня.

Странно. Мне ведь ясно было сказано, что седулу я получу не раньше, чем закончу службу в армии. Может, здесь что-то не так? Или это обычная бюрократическая ошибка? А если это первый сигнал о том, что ко мне начинают проявлять интерес соответствующие органы? В моём положении нельзя оставлять без внимания даже малейший намёк на изменение в обстановке. Надо будет по мере возможности выяснить ситуацию.

Кабинет № 207 представлял собой большую комнату, которая была отделена от коридора стеклянной перегородкой с окошком. В комнате за рабочими столами сидели женщины, молодые и в летах.

- Мне Амелию Родригес, пожалуйста, - сказал я подошедшей к окошку девушке.

- Амелита! К тебе молодой человек.

Та, которую звали Амелией, оказалась симпатичной девицей лет двадцати, с весёлыми карими глазами и красивой модной причёской. Подходя к окошку, она смотрела на меня с некоторым любопытством:

- Здравствуйте! Вы Ладислао Мерконис? Ваша седула давно готова, можете её забрать. Обождите минутку. - Она прошла на своё место, достала из стола журнал регистрации и стала его листать. В этот момент в кабинет вошёл сотрудник полиции в штатском, очевидно шеф отдела. Подойдя к столу старшей, он о чём-то с ней переговорил, затем, повернувшись, окинул меня быстрым взглядом и, улыбнувшись, подошёл к столу Амелии. Кратко переговорив с ней, он вышел из кабинета. Я спокойно наблюдал за происходящим. Чего это он на меня оглядывался? Что ему сказала старшая? Их разговор я не мог слышать. Случайно ли он появился именно сейчас, когда я сюда пришёл?

В этот момент Амелия с журналом в руках поднялась из-за стола и вышла ко мне в коридор.

- Ну и как вам здесь живётся, в Аргентине? - спросила она с улыбкой, глядя мне прямо в глаза.

- Да ничего, как видите. Служу вот в армии.

- Где же ваш мундир? - насмешливо спросила она.

- Мне недавно разрешили ходить в гражданской одежде.

- О, у вас доброе начальство.

- Мир не без добрых людей. Даже в армии.

- Вот тут распишитесь, пожалуйста. - И она подвела меня к столику, стоявшему у окна, выходившего во внутренний двор полицейского управления, весь усаженный тщательно ухоженными деревьями и декоративными кустарниками. - Вы, наверное, здесь один? - спросила она.

- Да, один.

- Что, не успели обзавестись семьёй?

- Да как-то всё было не до этого.

- Вот здесь ещё распишитесь. Хорошо. Вот вам ваша седула, - сказала она, отдавая мне пластифицированную прямоугольную карточку с моей фотографией и отпечатком большого пальца правой руки. Документ этот очень важный. Это то, чем является паспорт в нашей стране.

- Желаю успеха, - сказала девушка, направляясь к двери кабинета. Подойдя к самой двери, она вдруг оглянулась и, увидев, что я продолжаю стоять, разглядывая документ, вернулась и без тени кокетства сказала: - А хотите, приезжайте к нам в Паломар в следующее воскресенье.

- В Паломар? Вы что, там живёте?

- Да, я там живу с родителями. Если приедете, буду ждать вас на платформе «Паломар» в семь вечера. Вас это устраивает?

- Не знаю. Буду ли я свободен. Я ведь служу. Давайте я вам лучше позвоню.

- Договорились.

«Что это? Задание спецслужб или порыв души? - думал я, возвращаясь в свою часть. - Подход, конечно, смелый, а только не очень-то она похожа на агента полиции. К тому же ведь она сама является сотрудником полиции! Спецслужба ведь знает, что я буду настороже, и ей вряд ли удастся получить от меня интересующую их информацию. Звонить ей или не звонить? Что мне даст эта встреча? Нужна ли она? Ведь если это интерес спецслужбы и я ей не позвоню, то она либо позвонит сама, либо спецслужба каким-то образом проявит себя. Нет, воздержимся от звонка и подождём, что будет дальше. Интересна ли она мне как женщина? Может, и есть кое-что, но уж очень она молода, чего мне с ней связываться? А может, она просто ищет себе жениха? А тут молодой здоровый мужик болтается без присмотра». Я так ей и не позвонил. Звонка от неё также не последовало. Мои подозрения никоим образом не подтвердились, а эпизод этот постепенно стёрся из памяти.

Как раз в это время я приобрёл себе столь необходимое в условиях терзаемого забастовками города транспортное средство - подержанный мотороллер марки «Сиам-ди-Тэлла», владельцем которого до меня был племянник сеньоры Кармен. Пройдя краткий курс обучения у однополчанина, я вскоре оседлал незатейливого «железного коня», предоставившего мне возможность свободно передвигаться по огромному городу. Кстати, в своём отчёте в Центр, который обычно писался на английском языке, я сообщил о приобретении мною транспортного средства под названием «скутер», что в переводе с английского на русский могло означать мотороллер, мотоплуг и даже маленький быстроходный катер. По-видимому, переводчик в Центре, неизвестно почему, проигнорировал первые значения этого слова и остановился на «быстроходном катере». Когда моей жене сообщили, что я ношусь на скутере по волнам Рио-де-ля-Плата, она пришла в ужас и просила Центр передать мне, чтобы я, во-первых, не выходил в море без спасательного жилета и, во-вторых, как можно скорее избавился от этой мотолодки.

Пришлось в следующем отчёте разъяснять, что это мотороллер: тихоходное по сравнению с мотоциклом двухколёсное средство передвижения, на котором можно передвигаться в обычном городском костюме.

Что касается прав на вождение мотонеты - так называется в Аргентине мотороллер, - то тут снова позаботилась вездесущая сеньора Кармен. Поскольку я был одиноким молодым человеком, сеньора Кармен считала своим долгом во что бы то ни стало подыскать мне невесту и женить меня. На соседней улице жил отставной офицер полиции, занимавший при Пероне довольно высокую должность. У него была дочь на выданье. И вот с некоторых пор эта девица, очень добропорядочная сама по себе, ужасная домоседка, зачастила к сеньоре Кармен. Как-то раз её отец, зайдя к нам, попросил меня починить электропроводку в его доме. Поковырявшись в розетке в ванной, я понял, что старый полицейский служака схитрил и умышленно вывел розетку из строя, с тем чтобы я побывал у них в доме и познакомился поближе с его семьёй, вернее, с его женой, поскольку с ним и с дочкой я уже был знаком. Проходя мимо спальни, сквозь приоткрытую дверь я увидел, что на тумбочке у кровати лежит револьвер «смит-и-вессон». Розетку я, конечно, починил, проверив заодно и всю электропроводку, но с вооружённым папашей с полицейским прошлым решил вести себя поосторожней. Наши добрые отношения, впрочем, продолжались, и с его помощью я без особых затруднений получил в местном муниципалитете права водителя-профессионала, и не только на вождение мотороллеров и мотоциклов, но также легковых и грузовых машин без права перевозки пассажиров.

Впоследствии он не раз помогал мне найти работу, что в те времена, да ещё в моём положении, было совсем не просто.

Первая явка имела место в конце августа. Я должен был каждую среду августа 1961 года приходить на вокзал «Федерико Лакросе» и в кассовом зале в 21.15 стоять ровно одну минуту у бюста великого аргентинского просветителя и педагога Августино Сармиенто. В левой руке я должен был держать свёрнутую в трубку газету «Кларин», но так, чтобы просматривалась заглавная буква названия этой популярной аргентинской газеты. При экстренном вызове на встречу связника Центра я должен был во вторник вечером проставить сигнал в виде буквы «W» на том же месте, где я ставил сигнал прибытия в страну. Условия внеочередной явки те же.

В назначенный день я, как всегда, освободился со службы в части в три часа дня. Макс как раз занимался в это время покрасочными работами, и моя помощь в ремонте машины ему пока не требовалась. Выехав на своём мотороллере из дому около шести вечера, я поколесил по городу, следуя по давно отработанному маршруту проверки. Всё было нормально. Поужинав в бистро в районе Чакариты, оставил мотороллер неподалёку от кафе и отправился к сверкающему огнями вокзалу. Здесь также находилась конечная остановка больших городских автобусов угрюмо-серого цвета, изрыгавших клубы синего дыма из изношенных

дизельных двигателей, раскрашенных во все мыслимые цвета «колективос» (автобусы частных компаний, где вход и выход через дверь водителя, который является одновременно кондуктором и контролёром. Держась одной рукой за баранку, другой он ловко выхватывает монетки из специального кассетника и отрывает билеты самой различной стоимости из висящих перед ним рулонов).

Я пришёл в точно означенное время, постоял с минуту у бюста Сармиенто. Вокруг царила обычная вокзальная суета. Толпились очереди у касс, бежали опаздывающие на поезд пассажиры. Никого, кто хоть отдалённо напоминал бы нашего товарища, я не заметил. Строго следуя условиям связи, выхожу на площадь, сворачиваю налево и иду по тенистой улице, где свет уличного освещения с трудом пробивается сквозь густые ветви белой акации.

- Сеньор! - со мной поравнялся высокий мужчина лет тридцати пяти в тёмно-синем костюме, при галстуке в полоску. - Вы не скажете, как мне проехать на улицу Монтес-де-Ока? (Это пароль по-испански, с акцентом.)

- Видите ли, я здесь совсем недавно, всего около двух недель как из Мадрида (это - отзыв).

- Ну, здравствуйте, - сразу перешёл он на русский. Как чудно звучит русская речь после перерыва более чем в полгода. - Как у вас дела?

- Здравствуйте. Дела идут нормально. Перед вами рядовой аргентинской армии. Честь имею.

- Вот как? Поздравляю. Вас не смущает, что вы всего-навсего рядовой?

- Ничуть. Даже любопытно.

- Расскажите вкратце о своём нынешнем положении.

Рассказал о своих злоключениях с оформлением на воинскую службу, с получением вида на жительство.

- Как с деньгами?

- На исходе. Дорожные расходы. Путь из Европы сюда не близкий.

- Я принёс тут кое-что. Думаю, что вам хватит на первое время. - И он передал мне конверт. - Здесь пять тысяч долларов. Вам ведь предстоит ещё купить приёмник.

- Да. Здесь туго с приёмниками нужной мне марки. В магазине их нет. Ищу вот по объявлениям в газетах. Придётся покупать с рук.

- Ваш последний отчёт получен. Центр одобряет вашу работу по поездке. Имеются в виду ваши дорожные контакты. Марго из Рио-де-Жанейро представляет явный интерес. Вас, конечно, интересует, как обстоят дела дома?

- Ещё бы!

- Там всё в порядке. Жена уже находится в ГДР. Передаёт вам большой привет. Надеется на скорую встречу.

- На скорую? - протянул я с иронической улыбкой. - Где уж там на скорую. Минимум два-три года. Быстрее вряд ли получится.

- Да. В нашем деле спешить не следует. На футбол не ходите? Сейчас ведь начинается чемпионат мира. Наши 24-го будут играть против Бока-Джуниорс (известная футбольная команда Буэнос-Айреса). Яшин будет на воротах. Наши все до одного идут на стадион.

- Надо будет и мне сходить. Поболею за своих, если не попаду в наряд.

Побродив по улицам, поговорили ещё немного и через полчаса разошлись. До чего же приятно встретить своего человека!

И снова проверка. С дипломатом ведь встречался. Через час возвращаюсь к своему мотороллеру и ещё раз, уже на мотороллере, проезжаю проверочный маршрут. «Хвоста» нет. Его и не должно быть. Явка с нелегалом - мероприятие ответственное. Оно готовится с особой тщательностью, и обеспечивают его, как правило, несколько работников резидентуры.

Судя по всему, придётся, видимо, здесь обживаться основательно. Центр считает, что моей главной задачей на данном этапе является глубокое оседание в стране и последующая работа против американцев. В перспективе - выезд в США. А пока я тут обосновываюсь, жена пройдёт подготовку и присоединится ко мне. Да… Не очень-то оптимистично. А тут ещё ностальгия, тоска по Родине, по жене, по родным. Когда-то я ещё их увижу? И увижу ли? Тоска грызла сердце. Всякие дурные мысли лезли в голову.

…Ремонт машины подполковника занял больше месяца. С утра до вечера мы с Максом стучали, сваривали, шпаклевали, шлифовали, красили и полировали, пока, наконец, старенький драндулет не превратился в сверкающий лаком лимузин тёмно-зелёного цвета, который ничуть не уступал современным автомобилям, разве что в дизайне. Надо отдать должное Лопесу, деньги на запчасти и лаки он нам давал по первому требованию. Да и за проделанную работу он нас отпустил на две недели, и мы с Максом за это время отремонтировали ещё пару машин. Но когда мы вернулись в часть, то узнали, что шефу теперь потребовался личный шофёр. Выбор был между Максом и мной. Мне удалось отбрыкаться, сославшись на то, что слабо знаю язык, не ориентируюсь в городе и т. п., так что Макс возил подполковника, а в основном его жену, до самого окончания срока службы в армии. Что касается меня, то через 8 месяцев службы, благодаря стараниям сердобольной сеньоры Кармен и добрым отношениям с подполковником Лопесом, меня освободили от обязательного присутствия в части, с тем чтобы я смог подыскать работу и как-то устроить свою жизнь. Надо отдать должное моим аргентинским военачальникам: они с пониманием отнеслись к моему положению тридцатилетнего мужика без работы и без семьи. Знали бы они, кому они помогали! Пройдёт несколько лет, и они об этом узнают.

21 сентября в День весны (а весна здесь начинается, когда у нас осень) Макс пригласил меня, Рауля и ещё нескольких парней из дивизиона, с которыми он был дружен, к себе на ферму. Приехали на трёх машинах. Кроме невесты Макса, хорошенькой, белокурой и голубоглазой шведки, были ещё три девушки, которые приехали с ребятами. Впоследствии все они поженились, за исключением Рауля и его девушки. Славная, стройная, темноглазая блондинка, уроженка Бельгии, она долгое время дружила с Раулем, не раз бывала в великолепном трёхэтажном особняке Рауля на правах невесты. Они даже планировали заиметь не менее шестерых детей. Но как-то летом, работая воспитателем в детском лагере отдыха, она влюбилась в какого-то художника, приезжавшего к океану на этюды, и уехала с ним в Венецию, оставив Рауля с разбитым сердцем. Он впоследствии с горечью рассказывал мне, что она счастлива с этим художником, хотя жили они в бедности.

Участие в приготовлении асадо принимали все: пока ребята разжигали огонь, девушки готовили салат. Асадо, или парильяда, состояло из кусков говяжьего мяса (грудинка и вырезка), чорисос (свиные колбаски в виде серделек), морсильяс (кровяные колбаски), риньонес (говяжьи почки) и мольехас (горловые и сердечные гланды), да ещё цыплята табака. Всё это, зажаренное на гриле, благоухало невообразимыми ароматами. Гигантский салат был приготовлен из листьев кочанного салата, томатов и лука, обильно заправлен уксусом и оливковым маслом. В центре стола возвышалась «дамахуана» - 10-литровая бутыль доброго красного вина «Увачинче», напоминающего нашу «Изабеллу». Всё это и есть асадо, составляющее национальное блюдо Аргентины, блюдо, отражающее колорит страны, гвоздь программы в воскресной трапезе и в жалких трущобах, и на приёме в президентском дворце.

В стране скотоводческого земледелия мясо в основном доступно каждому. Разное по качеству, оно будет обязательно на столе у всякого уважающего себя аргентинца, если не каждый день, то уж по праздникам и выходным дням - обязательно. На авениде Сан-Мартин по воскресеньям, перед вновь открытым рестораном-парильядой, на вертелах, воткнутых в землю перед кострами, жарились целые говяжьи и бараньи туши. У костров важно расхаживали статные, усатые повара-гаучо, одетые в белые шаровары с кружевами (бомбачас), чёрные жилеты и широкополые, такие же чёрные сомбреро. Официанты также были в национальных одеяниях. Запахи жареного мяса разносились на километры вокруг. В воскресные дни аргентинские семьи обедают обычно в ресторанах.

Светило яркое весеннее солнце. С пампы тянуло лёгким ветерком. Все вокруг цвело. После обеда танцевали под магнитолу танго, пачангу и входивший тогда в моду твист. Затем стреляли по мишени из лука и духового ружья. Домой возвращались поздно вечером.

Можно было, конечно, предположить, что армейская контрразведка не оставляет без внимания контингент, поступающий на службу в армию из-за границы вроде меня. Один из парней задал мне вопрос, за которым, на мой взгляд, просматривался интерес спецслужбы. Ну, положим,

нравится ли мне страна? Разумеется, нравится. Хорошая страна. Красивая. Отчего я так задержался и где был до приезда в Аргентину, каким транспортом добирался, были ли у меня друзья там, где жил? И все эти вопросы как бы между прочим, за стаканом с вином. В основном когда мы оставались наедине. Ясно одно: осторожное зондирование моей прошлой жизни. Он несколько раз приглашал меня к себе в гости, познакомил с родителями, сёстрами. Отец его состоял в консервативной партии. Я пришёл к твёрдому выводу, что имею, очевидно, дело с осведомителем спецорганов, которые по какой-то причине занимаются изучением моего образа жизни. Он сумел также побывать у меня, когда мы однажды собирались с приятелями на пляж Рио-де-ля-Платы, находившийся в нескольких кварталах от дома. Познакомился он и с сеньорой Кармен.

- Ладислао, - сказала она, улыбаясь (она была улыбчивой дамой). - А что этот Педро, ну, смугловатый такой, так тобой интересуется?

- Да? И что же он спрашивал, сеньора Кармен?

- Ну, когда ты домой приходишь, бывает ли у тебя кто?

- Не знаю, сеньора Кармен. У него две сестры, обе не замужем, может, прочит меня в зятья... (Хотя я-то знал, что старшая его сестра уже несколько лет состояла в браке де-факто со своим женихом. Они не могли оформить брак, так как им пока негде было жить. Младшая же была малолетка пятнадцати лет, и уж в невесты мне явно не годилась.)

По-видимому, анализировал я, в какой-то момент за мной может быть установлена слежка. Так, для профилактики. Впоследствии, несколько лет спустя, уже после ареста, когда я вместе с семьёй был американскими спецорганами вывезен в США, мне в руки попал список наших вещей, которые удалось привезти с собой. В заголовке списка было затушёвано тушью одно слово, а рядом поставлена моя фамилия - Мерконис. Мне удалось прочитать это слово: там в кавычках было напечатано слово «механик». По-видимому, это была моя кличка, под которой я числился в органах военной контрразведки, следившей за контингентом призывников, прибывавших из-за рубежа. Ведь именно механиком я представился при поступлении на воинскую службу в то памятное лето 1961 года.

Проверяться на мотороллере удобно: преодолевая кошмарные дорожные пробки, где по обочине, где по тротуару, лавируя между застрявшими в заторе машинами, можно довольно быстро определить, кто стремится проскочить вслед за тобой, если не на машине, то на мотоцикле. Мотоциклов же здесь не так много. В основном автомобили. Как правило, «хвоста» не было.

Вот и с пятого этажа нашего дивизиона зачастил к нам на шестой этаж один паренёк, ливанец по происхождению. Он хорошо говорил по-английски, так как закончил местный английский колледж «Сан-Эндрюс». Несколько раз он приглашал меня к себе домой, но я к нему не пошёл, так как всегда с недоверием относился к тем, кто вступал в дружественные

отношения не по моей инициативе. А главное, дома у него могли говорить по-арабски, я же арабского почти не знал. Как-то позвонил прямо на службу мой знакомый адвокат Эдуардо:

- Привет, Мерконис, как поживаешь? Как устроился?

- Устроился неплохо, служу вот здесь, в первом дивизионе, живу на квартире, режим на службе терпимый. Думал, будет хуже.

- Слушай, тут у меня есть друг. Он офицер Генштаба. Раньше работал военным атташе на Ближнем Востоке. Так вот, он хочет взять тебя в свой отдел, чтобы попрактиковать с тобой арабский язык.

- Да я...

- Так ты не против? Считай, что тебе повезло.

- Но, видите ли...

- Ты что, не хочешь переходить в Генштаб? Там же тебе будет хорошо.

- Я понимаю, что там, возможно, будет хорошо, и я благодарю вас за то, что вспомнили обо мне. Но, понимаете, какая штука... Я ведь здесь уже прижился, и мне не хотелось бы менять место. У меня здесь появились приятели. И потом, в этом вашем Генштабе мне надо будет вкалывать полный срок. Здесь же мне через пару-тройку месяцев светит освобождение от службы, и я смогу устроиться где-нибудь на приличную работу. Да и хожу я в штатском, а в Генштабе ничего этого не будет. Так что, может, там и впрямь хорошо, но это мне никак не подходит. Но всё равно я вам очень благодарен за заботу. Спасибо, что не забыли меня.

- Ну смотри, - сказал он после паузы, - дело твоё. А я уж было рекомендовал тебя. (И как он мог рекомендовать меня, если знакомство было шапочное?) Я рад, что ты хорошо устроился. Ну, тогда бывай. Позванивай.

- Счастливо. Как-нибудь свидимся.

«Что это? - думал я. - Случайность? Провокация? Какой же разведчик откажется от возможности попасть на службу в Генштаб? И если он такую возможность проигнорирует, то какой же он тогда разведчик»? Но в Генштаб я не пошёл. Хотя Генштаб - звучит, конечно, заманчиво. Но, во-первых, секреты Генштаба этой страны нас интересуют лишь постольку-поскольку. Вот если бы Пентагон!.. Но и тогда...

Во-вторых, для чего он собирался запихивать в Генштаб солдата, даже не знающего толком испанский язык? К тому же арабского-то я совершенно не знал. Меня бы там сразу раскололи. А если бы он, этот атташе, настоял на своём? Ведь он же мог запросто перевести меня в Генштаб приказом. А для чего? Чтобы глубже меня изучить? А с другой стороны, нужно ли им это? Мало ли молодых парней приезжает из-за рубежа отслужить в армии. Ведь год всего. В других армиях служат и полтора и два года. Что же, их всех разрабатывают? Ну, может, и не разрабатывают в прямом смысле, а так, наблюдают, как вот за мной. Вполне вероятно, что на каждого аргентинца, прибывающего из-за рубежа

служить в армии, заводится наблюдательное дело. Возможно также, что за этим стоят американские советники, которые из этого контингента могут подбирать для себя кандидатов на вербовку, поскольку большинство молодых людей, отслужив службу в аргентинской армии, возвращается в свои страны, где они со временем могут занимать должности, представляющие интерес для ЦРУ.

Объявление в нескольких газетах, в том числе в «Буэнос-Айрес геральд»: «Американская фирма по переработке с/х продуктов подыскивает секретаря, мужчину, со знанием английского языка и водительскими правами».

«А может, это как раз то, что мне нужно? - подумал я. - И водительские права я только что получил».

Офис фирмы располагался в самом центре города. В приёмной уже сидел упитанный молодой человек. «Конкуренция», - подумал я. В это время его вызвали к шефу по кадрам. Молодой человек почему-то быстро вышел и с мрачным видом покинул приёмную. Рыжий американец, лет тридцати, среднего роста, выглянул в приёмную и жестом пригласил меня войти.

- Вы говорите по-английски? - с ходу спросил он меня по-английски, усаживаясь за письменный стол и указав па стул напротив.

- Разумеется.

- Водительские права? Машина?

- Права есть, машины пока нет. Есть мотороллер.

- Мотороллер? - иронично, но дружелюбно улыбнулся он. - При нынешнем движении это очень удобно. - Где работаете?

- В настоящее время отбываю воинскую повинность.

- Как? А как же вы собираетесь у нас работать?

- Во второй половине дня я свободен, а через месяц, надеюсь, мне удастся полностью освободиться.

- Хорошо, - задумчиво сказал он. - Печатать на машинке умеете?

- Нет, не умею (вот тогда-то я и подумал о том, что мне необходимо овладеть машинописью).

- М-да. Вот что, расскажите-ка вкратце о себе. Я рассказал, по легенде, свою биографию.

- У вас есть с собой фотография?

- Какая?

- Четыре на шесть. Заполните, пожалуйста, вот эту анкету. Фотографию принесёте завтра.

- А что входит в обязанности вашего секретаря?

- Наша фирма «Харвестер интернэшнл» - одна из крупнейших в США. Мы занимаемся в основном переработкой кукурузы. Мы организуем здесь производство, поэтому сюда будет приезжать много людей из Штатов. Вашей обязанностью будет встречать их в аэропорту, устраивать в отеле, сопровождать при посещении правительственных учреждений и прочее. Машину мы даём свою. Микроавтобус. Ваша предполагаемая зарплата будет семьсот долларов в месяц. Вас это устраивает?

- Вполне. (Семьсот долларов в месяц! В условиях жесточайшей инфляции в стране! Это же целое состояние!)

- Приходите завтра. Мы изучим ваши данные, и я представлю вас шефу.

«Интересно, - думал я, возвращаясь домой, - а не попадёт ли моя фотография сразу же в досье ФБР? Вряд ли. Частные компании редко прибегают к услугам ФБР. У них есть свои возможности проверить кандидата в служащие. Да и особыми секретами эта фирма, по-видимому, не располагает, но выход на Штаты я, несомненно, буду иметь».

Я пришёл на следующий день.

Шеф - сухощавый, бледный, невысокого роста человечек в очках, был настроен не столь дружелюбно, как его подчинённый. В его вопросах я усмотрел некоторое недоверие и, пожалуй, недоброжелательность.

Он, правда, не слишком глубоко интересовался фактами моей биографии, но высказал явное недовольство тем обстоятельством, что я занят на службе. Я понял, что я им не подхожу, и поэтому не слишком удивился, когда через неделю, позвонив по телефону в контору, получил вежливый отказ.

Кстати, о языке. С самого начала мои однополчане взялись обучать меня испанскому языку. Начали мы с того, что в мой словарик я записал все наиболее популярные в солдатской среде ругательные слова и выражения, коих в испанском языке немало. Но вскоре выяснилось, что записал я далеко не все. Как-то за ужином я спросил у сеньоры Кармен значение одного вспомнившегося мне вдруг слова из солдатского лексикона, значения которого я не знал. Бедная старушка зашлась от хохота, трясясь всем своим тучным телом. Пустив из сифона струю в бокал с вермутом и немного отдышавшись, она сказала мне, что это слово нехорошее, но если меня всё же интересует его значение, то пусть уж лучше мучачос на службе мне его и объяснят. Придя на службу, я спросил у ребят значение этого слова, сказав при этом, что у моей хозяйки не хватило слов, чтобы его объяснить. Слово это, кстати, здесь столь популярное, что когда через несколько лет мы ехали на машине с пятилетней дочуркой и нам навстречу из переулка, нарушая правила движения, выскочил шальной «фиат», моя дочка, яростно погрозив ему кулачком, крикнула вдогонку: «Boludo!» Дружно посмеявшись, парни популярно, с соответствующей жестикуляцией объяснили мне значение этого слова. И слово-то было немудрёное, но популярное: «boludo», то есть м..дак.

Вскоре после поступления на службу, по объявлению в газете я нашёл себе преподавательницу испанского языка, с которой занимался два-три раза в неделю. Она поставила мне правильное произношение, дала основы грамматики, ввела в секреты разговорной речи, характерной именно для столицы. Язык я изучал, как говорится, в аварийном порядке, считая это делом чрезвычайной важности. Какой же я аргентинец, если испанский у меня через пень колоду! Купил магнитофон, слушал записи местных артистов, смотрел телепередачи, новости, просмотрел все аргентинские довольно неплохие фильмы: «Моя бедная мать» с Уго дель-Каррилем в главной роли, фильмы Лолиты Торрес, «Три раза Анна» и множество других. Просмотрел все премьеры американских фильмов в сопровождении титров. Тут были и «Спартак», и «Бен-Гур», и «Десять заповедей Моисея», и другие. В больших дорогих кинотеатрах на авениде Кориентес, куда без галстука в вечернее время не пускали, перед началом фильма давалась музыкальная программа. Обычно исполнялись танго под рояль, бандонеон (подобие нашей гармоники) или аккордеон, а также фольклорные мелодии под гитару и большой барабан - тамбор.

А тем временем моя служба в армии продолжалась. На доске объявлений висел список личного состава, где против каждого имени стояла отметка о религиозной принадлежности: кто католик, кто протестант, кто иудей, а двое вообще написали «атео» - атеисты. Это было для того, чтобы не назначать в наряд, когда у кого-нибудь религиозный праздник. Я значился как католик. (Солдаты вскоре привыкли ко мне и принимали как вполне своего.) Однажды я дежурил по этажу. В мои обязанности вменялось провести влажную уборку всего этажа, включая лестничную площадку и туалетную комнату, которая одновременно служила курилкой.

- Кто это тут мне насвинячил, не знаешь? - спросил я у солдата, вышедшего в туалет покурить.

Унитаз был забит булкой и быстро наполнялся нечистотами.

- Да Тинго это дурака валяет.

- Ты сам видел?

- Ну видел. Зачем мне врать?

Я зашёл в архив, где работал Тинго, и поманил его пальцем. Он был рослый солдат, на голову выше меня, но довольно рыхлый.

- Пойдём, дело есть, - сказал я ему. Он пошёл за мной, ничего не подозревая.

Вошли в туалет. Я подвёл его к унитазу. В туалетной комнате мы были одни.

- Сам уберёшь или тебе помочь? - спросил я его,

- Ещё чего! - бросил он небрежно.

- Вытаскивай хлеб, очень тебя прошу, - сказал я тихим голосом. - Ну пожалуйста, будь так любезен.

- Да пошёл ты!.. - процедил он сквозь зубы и, сплюнув на только что убранный пол, повернулся, чтобы уйти.

Ухватив его за рукав мундира, я резко развернул его и жёстко припечатал к стене. Икнув, он вытаращил на меня глаза. Я схватил его за грудки, слегка треснул затылком о стенку. Сын крупного оптовика-бакалейщика, он был изрядно откормлен, имел лишний вес, поэтому стена гулко содрогнулась от удара.

- Что тут происходит? - послышался строгий голос капрала Пуй, входившего в туалет. - В чём дело?

- Да ничего такого, мой кабо, - ответил я, успев вовремя отпустить Тинго. - Мы тут немного шутили, и вот он поскользнулся на мыльной пене, которой я мыл пол. Я вот его поддержал, чтобы не упал.

- А это ещё что? Какой паскудник бросил булку в унитаз? - спросил капрал, наклонившись над забитым унитазом. Тинго стоял молча, лицо его наливалось краской.

- Не беспокойтесь, мой кабо, - сказал я. - Я отвечаю сегодня за уборку, всё будет в полном порядке.

- Иди и вынимай, - сказал я Тинго, когда капрал вышел.

Бедняга молча, сняв мундир и засучив рукава белой сорочки, полез рукой в загаженный унитаз, достал оттуда разбухшие куски батона, швырнул их в урну, после чего, с отвращением на лице, долго мыл руки с мылом. Я же невозмутимо продолжал работать шваброй, доводя при помощи какого-то пенящегося, ароматного средства до блеска чёрные мраморные плитки пола.

- Смотри, больше так не делай, - сказал я ему вслед.

Он молча вышел с видом побитого пса.

«А не перегнул ли я палку? - подумал я. - Не стоит наживать врагов. В моём-то положении». Недели через две я встретил его в танцевальном кафе, подвёл к стойке и угостил двойной порцией коньяка.

- Ты на меня не сердишься?

- Да, нет, я сам виноват, - сказал он смущённо.

- Тогда мир?

- Мир. - И мы пожали друг другу руки.

Как-то раз затеяли «армрестлинг» - схватку на руках. В комнате, где хранились архивы, стоял узкий длинный стол, за которым устроили импровизированные соревнования. Противники по очереди садились друг против друга и, подложив под локоть папки из архива и взявшись рука об руку, пытались каждый завалить руку противника. В институте я занимался классической борьбой, играл двухпудовыми гирями, да и сейчас занимался гимнастикой - в общем, был в неплохой форме. К тому же знал некоторые топкости в этом виде силовых упражнений, которые

нам показывал наш тренер в «Динамо» Борис Прутковский, руководивший нашей секцией борьбы.

- А ну-ка, дайте попробую, - сказал я, подсаживаясь к столу.

Одного за другим я без труда уложил всех парней с нашего этажа. Сбегали на пятый этаж. Оттуда пришли четверо из команды регбистов, среди них рыжий американец, с которым впоследствии не раз встречались в клубе Саи-Эндрю, где он играл в регби. Уложил и их. Привели амбала со второго этажа.

- Ну, мучачос, вы даёте! Где мне справиться с таким мастодонтом?! - воскликнул я.

- А ты попробуй, не бойся!

Я обратил внимание, что парень был только грозен с виду, а на самом деле полноват и рыхловат. За время тренировок и соревнований там, в Ленинграде, я научился ещё до схватки оценивать противника. Сели. Хлопнув рука об руку, сделали захват, я на долю секунды раньше. Разминка. Перевес то в одну, то в другую сторону, то он меня почти дожимает до крышки стола, то я его. Силён, однако, битюг. Весь покраснел как рак, пот с него градом, глаза заливает. Вокруг весь этаж, включая сержантов. Остановился и проходивший мимо подполковник Мендес. Поединок затягивался, хотя я почувствовал, что мой противник выдохся, глаза у него полезли из орбит, но глядел он на меня ужас как свирепо. Я всё сильнее сдавливал его начавшую дрожать руку, затем, уловив момент, когда он несколько расслабился, резким движением неожиданно дожал его руку на крышку стола. Триумфальный вопль разнёсся по этажу, а посрамлённый малый с приятелями удалились.

- Пошли, Ладислао, перекусим после службы, - предложили ребята с этажа.

Впятером мы обосновались в крошечном ресторанчике на Пасео-Колон. Мы заказали традиционный «бифе анчо» - широкий, приготовленный на гриле кровавый бифштекс в палец толщиной, с жареным яйцом сверху - «а кабальо», то есть на коне, «кон папас фритас» - с жаренным в оливковом масле хрустящим картофелем, «энсалада микста» - салат из зелени и томатов, обильно заправленный маслом и уксусом, и огромный кувшин красного вина, которое мы разбавляли газированной водой из сифона. На десерт - «пострэ-дэ-вихилянте» - десерт постового, состоявший из толстого ломтя мягкого, невыдержанного сыра и такого же ломтя плотного мармелада - «дульсэ-де-мембрильо» (из айвы) или «дульсэ-де-батата» - первый из них приготовлен из плодов мембрильо и имеет бордовый цвет, второй изготавливается из батата - сладкого картофеля, оба типа мармелада чрезвычайно популярны как в столице, так и в провинции. Хлеб белый в виде небольших, хрустящих, практически полых булочек. Чёрного хлеба здесь вовсе нет. Завершили скромную солдатскую трапезу рюмкой доброго коньяку и маленькой чашечкой крепкого ароматного кофе по-итальянски - «эспрессо», который с шипением выдал нам кофеварочный агрегат.

Ночью я долго ворочался в своей холостяцкой постели, пытаясь уснуть. Перебирая в уме по установившейся привычке события прошедшего дня, подумал: «А правильно ли я поступил, вступив в это самое соревнование? И зачем мне было высовываться? Бравада, не более. Что мне это дало? Ровным счётом ничего. Нет, надо будет впредь остерегаться подобных эксцессов. Силу, что ли, некуда девать? Вот освобожусь от службы, надо будет заняться спортом. Хотя бы лёгкой атлетикой или плаванием, а ещё лучше теннисом. Спорт к тому же помогает завести интересные знакомства».

Утром следующего дня отправляемся на стрельбище войсковой части в Палермо. Вначале из пистолета-кольта 45 калибра, похожего на нашего «стечкина». Вышли на огневой рубеж. После тщательного инструктажа сержант дал нам поначалу возможность поприцеливаться и пощёлкать из пистолета без патронов. Затем выдал по пять патронов и подал команду заряжать. «Как-то надо не показать, что у меня есть навыки в стрельбе», - подумал я, прицеливаясь в мишень. Краем глаза заметил, что сержант следит за мной. Закрыл оба глаза и нажал на спусковой крючок.

- Ты что жмуришься, боишься, что ли? - спросил сержант с усмешкой.

- А? - повернулся я к нему, подняв оружие стволом вверх.

- Не жмурься, говорят тебе! И не дёргай за крючок! - сказал он. - Первый выстрел - девятка.

Ещё четыре выстрела - 9, 7, 6, «молоко». Это уж я специально мазал.

- Ну что ж, для начала неплохо, - одобрил сержант.

Отстрелявшись из пистолета, мы перешли к стрельбе из винтовки маузер. Результаты были примерно такие же. Это был наш единственный выход на стрельбище за всю службу. В армии экономили патроны.

Седьмого ноября совпало с выходным днём. Рано утром оседлал свою мотонету и направился на Костанеру, набережную Рио-де-ля-Платы. Костанера уже проснулась, и многочисленные ресторанчики готовились к приёму посетителей. Вздымая фонтаны брызг, на Рио-де-ля-Плату садились гидропланы. Прямо за оградой Костанеры был городской аэропорт, использовавшийся для внутренних линий национальной компании «Аэролинеас архентинас», а также для полётов в соседний Уругвай, берега которого не были отсюда видны, поскольку ширина реки здесь была около 30-40 километров.

По длинному молу я въехал на территорию яхт-клуба «Оливос», расположенного на острове. На молу было полным-полно рыболовов. Из порта Оливос то и дело выходили белоснежные яхты. Горизонт был весь в белых парусах, проводилась регата.

Побродив по территории яхт-клуба, я затем проехал по песчаному берегу до самого дальнего, совершенно безлюдного пляжа и, оставив мотороллер на берегу, побрёл на каменистый мысок, далеко выдававшийся в Рио. Там я разулся и, расположившись на нагретом солнцем плоском камне и опустив босые ноги в тёплые воды реки,

предался воспоминаниям о далёкой Родине, об оставшейся там молодой жене, о матери, о братьях. Там уже, возможно, выпал первый снег. Давно закончился праздничный парад, и миллионы моих соотечественников, посидев за праздничным столом, уже отправились спать.

А я вот здесь сижу на берегу широчайшей реки вдали от Родины. Тоска охватила меня. Ностальгия. Отчего-то вспомнился райцентр в Марийской Автономной республике, куда мы в 1934 году переехали с Украины. Мне тогда было два года. На Украине в то время проводилась коллективизация, и в начале тридцатых годов там свирепствовал голод. Отец взял да и перевёз нас к себе на родину в Марийскую республику. Отец по тем временам был человек грамотный - он закончил четыре класса церковно-приходской школы, воевал в Первую мировую, в гражданскую, учился на курсах следователей ВЧК, служил там около десяти лет, одновременно закончил юридический техникум. Поэтому его и назначили прокурором Мари-Туренского района в ста километрах от столицы - Йошкар-Олы. Времена были сложные, тяжёлые, здесь тоже проводилась коллективизация со всеми её последствиями. Первые несколько лет работа у отца шла как будто ничего, он пользовался уважением в районе, превосходно владел родным марийским языком. Но вот наступил 1937 год. Отец и раньше был не прочь пропустить рюмочку-другую, теперь начал изрядно напиваться, буянить.

- Где мой револьвер?! - кричал он в пьяном угаре, перебирая по ковру босыми ногами, пока мать с бабушкой раздевали его. - Дайте мне револьвер! - У него был именной никелированный браунинг ещё со времён работы в ЧК.

- Дам тебе сейчас такой револьвер, что искры из глаз посыпятся, - спокойно говорила бабушка, вместе с мамой пеленая его в простыню, благо отец был маленького роста, на голову ниже матери, и они без труда с ним справлялись.

- Я чекист! - возмущался отец во всё горло. - Не смейте трогать меня!

- Чекист, чекист, засранный чекист, - приговаривала бабушка, ловко привязывая его к кровати. - Так засвечу, что забудешь про своего чекиста.

Браунинг отцов бабушка давно запрятала под замок где-то в недрах старого кованого сундука. А вокруг свирепствовала ежовщина. Был брошен в тюрьму близкий друг отца, наш сосед, тоже мариец, с которым мы несколько лет прожили бок о бок и дружили семьями. Отец категорически отказался дать санкцию на его арест. Ручаясь за него, ездил в Йошкар-Олу, доказывал, что никакой он не враг народа. Всё было напрасно: обошлись и без санкции прокурора - десять лет лагерей с конфискацией имущества. И имущество - жалкие крохи. Четверо детей мал мала меньше. Их выселили из казённой квартиры. Отец помог семье репрессированного друга переехать в село, устроил в совхозе, где с детьми было легче прожить, помогал всем, чем только мог. Хлопоты отца не прошли даром. Друга вскоре выпустили из лагеря.

Были и другие случаи, когда он вмешивался, и иногда небезуспешно. За это вскоре его самого сняли с работы. Стоял вопрос о его пребывании в партии. Работала особая комиссия, угроза ареста нависла над ним. Он стал всё чаще напиваться, а по ночам скрежетал зубами и кричал: его мучили кошмары. Мать тем временем продолжала работать машинисткой в райкоме партии. Начальником отдела кадров районного НКВД работал старый приятель отца. Они работали когда-то вместе в особом отделе ВЧК дивизии Котовского. Он-то и помог отвести от отца угрозу ареста. В то время при машинно-тракторных станциях (МТС) учреждалась новая должность заместителя директора по политчасти, куда назначались бывшие чекисты. Вот на эту-то должность в довольно большое село Хлебниково и спровадил отца его приятель, выводя из-под удара.

Село Хлебниково представляло собой в то время «медвежий угол», затерянный в густых лесах. И хотя расстояние от райцентра было всего 25 километров, добраться туда было далеко не просто. Поселились в избе раскулаченной семьи. В одной половине жили мы, в другой - мать репрессированного кулака, которой было разрешено остаться. К нам, детям, она относилась довольно хорошо, иногда даже угощала чем-нибудь. Усадьба же была разорена дотла в период коллективизации. От добротных некогда ворот осталась одна крыша на двух дубовых столбах, забор растащили, большой огород за домом зарос бурьяном и крапивой, некогда цветущий сад одичал. Печать запустения царила на всём в этом разорённом хозяйстве. Отец с утра до поздней ночи пропадал на работе, мать томилась без дела, старший брат ходил в школу, я же с ватагой деревенских мальчишек мотался по оврагам и буеракам, играли в лапту, в ножик, гоняли обруч по пыльной улице. Мать вскоре уехала в райцентр, где продолжала работать в райкоме. Мы с отцом остались одни, о нас заботилась бабушка.

А трактора в МТС то и дело выходили из строя. Постоянно плавились подшипники, и оперуполномоченные НКВД приезжали искать саботажников и диверсантов. Кое-кого забирали, но вскоре выпускали, так как выяснилось, что имел место заводской брак и никто специально песок в подшипники не подсыпал. Отгремела финская война. Мы переехали обратно в райцентр Мари-Турек, где отец получил какую-то незначительную должность в райисполкоме. Старший брат пошёл в восьмой класс, я - в первый. Родился младший брат.

Сорок первый год. Грянула Великая Отечественная война. В полдень 22 июня по радио выступал Молотов. Мать дни и ночи стучала па машинке в военкомате. Шла всеобщая мобилизация, и она работала в призывной медкомиссии. Отец, которому уже было под пятьдесят, был на брони, не вылезая из лесов, где руководил лесозаготовками для фронта. Небогатый марийский край отдавал для фронта всё до последней нитки. В сёлах вязали рукавицы, носки, шили полушубки, валяли валенки. Вскоре наступил голод. Хлеба иждивенцам, а я был таковым, давали по 150-200 граммов. Ел свою порцию долго, отламывая по кусочку. Лакомством считалась картофелина, нарезанная кружочками и запечённая прямо на чугунной плите, топившейся дровами. Картофельную шелуху сушили,

мололи на мельнице и, добавив щепотку муки, сушёной лебеды, а иногда и торфа, жарили на рыбьем жире или на воске, благо хоть эти продукты были в достатке. Всеми силами спасали моего младшего брата, родившегося за год до войны. Каким-то чудом добывали для него пол-литра молока, за которым я ходил в мороз и в стужу на окраину села Мари-Турек к ветеринару, державшему корову, единственную на весь райцентр. Бабушка самоотверженно спасала нас всех троих от голода. Обходя дома знакомых, она брала вещи для продажи и шла на толкучку, где их продавала, всегда принося с собой буханку хлеба или кринку молока.

Старший брат в 1943 году ушёл в семнадцать лет добровольцем в армию. В апреле 1944 года отцу удалось, благодаря опыту работы на Украине и знанию украинского языка, получить назначение в освобождённую часть Украины. Выехали из Мари-Турека 4 апреля 1944 года. Кругом ещё лежал глубокий снег, а по ночам здорово подмораживало. Ехали на двух санях, нагруженных домашним скарбом, в том числе, конечно, классическим бабушкиным сундуком. Друзья пришли проводить меня. Генка Неверов - сын директора школы, погибшего под Харьковом в сорок втором, подарил мне самое дорогое, что у него было, - ножовку по дереву. Я не хотел брать, зная, как она ему дорога, но он мне всё же её вручил. До места назначения добирались целый месяц. Сначала - трое суток по большаку на санях до Йошкар-Олы, столицы МА ССР. Сани наши не раз опрокидывались в сугроб, и мы все летели в него: отец, мать, бабушка, трёхлетний младший братишка и я, двенадцати лет. Когда замерзали - бежали за санями. Но было начало апреля, и солнце днём начинало уже изрядно пригревать, так что в Йошкар-Олу (Красный город) уже въезжали по воде. Наши измождённые лошади с трудом тащили сани по растаявшим, покрытым конским навозом, разбитым улицам Йошкар-Олы. Оставив нас у наших давних друзей по Мари-Туреку Решёткиных, отец поехал сдавать багаж и определять на ночлег конюха и лошадей, которым па следующий день предстоял обратный путь длиною в сто километров.

Мы в зелёном плацкартном вагоне пассажирского поезда Йошкар-Ола - Казань. Последний раз я ехал по железной дороге в двухлетнем возрасте и, естественно, ничего не помнил. Станция Казань. Через многочисленные пути пробираемся в эвакопункт. Согнувшись, пролезаем под вагонами товарняков. И вдруг - перед нами оскаленная морда огромной овчарки, рвущейся с поводка. Кругом солдаты-конвоиры с автоматами на изготовку. Ещё две сторожевые собаки. И люди, сидящие рядами с руками за голову. Все в серых ватниках и серых поношенных шапках. Их лица также землисто-серые. Вагон с решётками на окнах. Люди сидят лицом в нашу сторону и смотрят на нас впалыми глазами; начальник конвоя, яростно размахивая руками, что-то нам кричит, но слова его заглушаются шипением пара от проходящего паровоза. Отец, мать, бабушка и мы с братом размещаемся на ночь в эвакопункте - в огромном зале коек на пятьдесят. Ночью не спится. Тревожно кричат паровозы. В свете прожекторов медленно проползает поезд с платформами, на которых

стоят огромные махины танков жёлтого и зелёного цвета - немецкие «тигры», «пантеры» и «фердинанды». Многие машины зияют чёрными отверстиями, борта в саже, развороченные башни. Солдат без руки, приподнявшись на койке, сказал мне, что это немецкая техника с полей Курской битвы. Теперь она направляется на переплавку на заводы Урала.

То пассажирскими, а то и товарными поездами мы пробирались на Украину. Подолгу простаивали на запасных путях, пропуская воинские эшелоны. Поездам этим всегда давали зелёный свет. Всё больше ощущалось дыхание войны.

Пенза I, Пенза II, Рузаевка, станция Лиски Воронежской области - это уже территория, где был остановлен враг. Кругом воронки, стреляные гильзы от зенитных пулемётов. Украина, Харьков. Вокзал - сплошные руины. Где-то из стены под этими руинами торчит кран, а из него непрерывной струйкой течёт вода. Умываются обнажённые по пояс солдаты. Водопровод уже работает, хотя кругом всё начисто разрушено. У водоразборных колонок стоят очереди за водой с вёдрами, банками, бутылками. Пирожки!!! Прямо на улице! Этакие большие пирожки! Просто огромные! И дешёвые! Пирожки с фасолью, с картошкой! Варёная картошка со сметаной! Вволю! Такого изобилия в еде мы давно не видели! Такого богатства! Таких деликатесов! В растерзанной, разграбленной, недавно освобождённой Украине и вдруг - с едой так вольготно! А огромный «блошиный» рынок Харькова! Там было всё - от кильки до хромовых сапог, порой на картонной подошве, искусно сделанной под кожу: выйдешь из дому в дождливую погоду, а домой вернёшься в одних голенищах. Море людей. И над всем этим скопищем людским скорбные звуки трубы: слепой музыкант, уставившись в небо незрячим взглядом, играл «Ермака». Играл искусно. Обожжённое, всё в шрамах лицо его становилось багровым от натуги. Люди стояли и слушали, клали деньги в его засаленную кепку.

Поезд медленно, но верно приближался к Киеву. Перед самой Дарницей наш вагон отцепили, так как лопнула рессора. Отец ушёл добывать хлеб. Вагон тем временем починили, прицепили к какому-то составу, и мы поехали, без отца. Каким-то образом он сумел уже под самым Киевом нас нагнать. Отец притащил пять огромных жёлтых караваев из кукурузной муки. Паляницы эти очень крошились, хотя были необыкновенно вкусными. Ночью в небе над нами летали ночные истребители. Доносились глухие раскаты грома. Оказывается, бомбили Дарницу. Утром, проезжая территорию, подвергшуюся бомбёжке, мы видели воронки от бомб, убитую лошадь, разбитые зенитки на берегу Днепра, сгоревший тягач.

На горизонте Киев. Сверкающий остатками позолоты, зияющий чёрными провалами купол Киево-Печерской лавры. Поезд медленно движется по временному шаткому деревянному мосту через Днепр, наведённому сапёрами сразу после освобождения Киева. На площадках моста - зенитные установки, часовые. В вечернем небе над Киевом, помигивая зелёными огоньками, барражируют ночные истребители.

Заночевали на площади перед вокзалом, наполовину разрушенном, положив наш старый фамильный ковёр прямо на асфальт и укрывшись всем, что у нас было. Ночью бомбили аэродром, находившийся неподалёку. Одна крупная фугаска грохнула где-то совсем рядом. Земля заходила ходуном. Тошнота подступила к горлу.

Киев. Апрель 1944 года. На улицах много военных парней и девушек с красными ленточками на шапках. В Киеве сейчас размещается штаб партизанского движения. Полностью разрушенный Крещатик.

Питаемся по талонам в столовой, называемой здесь «Ідальня». Через три дня отец получил назначение прокурором в отдалённый район Киевской области, и вот мы туда едем. Мучительная пересадка на станции Цветково. Снова ночуем на нашем ковре на полу крошечного вокзала. Ещё довольно холодно. Утром, пройдя километра полтора, таща на себе все наши вещи, мы с трудом добираемся до товарного поезда, стоящего на запасных путях. Взбираемся на гружённую каменным углём открытую платформу и почти сразу трогаемся. Каменноугольная пыль взвихривается на ходу поезда, набивается в нос, глаза, уши, за шиворот… Но мы едем. И это главное. Вечереет. Вот наконец чудом уцелевшая станция Звенигородка. Корсунь-Шевченковский котёл захлопнулся так быстро, что многие станции железной дороги немцы не успели взорвать, поскольку снабжение немецких войск шло до последнего момента. Мы слезаем с платформы чёрные, как негры. Умываемся из колонки, где заправляются паровозы. Чуть отвернул вентиль - на тебя обрушивается водопад. Другого источника воды здесь нет. Нас встречает ястребок [12] - молодой парень, вооружённый немецкой винтовкой. Погружаемся на трофейную военную повозку, запряжённую парой лошадей. До райцентра шесть километров.

Выехав 4 апреля из Мари-Турека, лишь 4 мая ночью мы добрались наконец до пункта назначения - райцентра Катеринополь, некогда сплошь заселённого евреями и поэтому именуемого «местечком». Трассирующие пули пересекают звёздное небо. Стреляют всю ночь. Заливаются соловьи. Стрелок объясняет нам, что стреляют в небо просто так, по дурости, поскольку оружие сейчас есть в любой хате. Возница выгрузил нас в центре местечка у одного из полуразрушенных домов, одна из комнат которого была наскоро отремонтирована, деревянный пол тщательно вымыт. Уже было за полночь. Спали все вместе на разостланном ковре, который уже не раз нас выручал. В углу на ящике из-под снарядов нашли коптилку из снарядной гильзы, заправленную бензином, в который добавлялась соль. Коптилка отчаянно коптила, но это был единственный источник освещения, поскольку электроэнергия отсутствовала. К тому времени скудные наши съестные припасы были исчерпаны, и поэтому радости нашей не было предела, когда мы с отцом, исследуя подвалы соседних разрушенных домов, обнаружили там бумажный мешок с надписями на немецком, почти полный сушёного картофеля.

---

[12] Ястребок - боец истребительных отрядов, созданных в освобождённых областях Украины из числа лиц допризывного возраста для борьбы с бандитизмом и для охраны объектов.

Затем поселились в большом добротном каменном доме под черепичной кровлей. Дом этот принадлежал до последнего времени судетскому немцу Шульцу, обосновавшемуся здесь ещё в двадцатые годы. Шульц вместе с семьёй ушёл с немцами на Запад. Половина дома была жилой, вторая половина была занята колбасным цехом. При доме был большой сад и огород. Шульц был рачительным хозяином и великим мастером своего дела. Десятилетиями он кормил колбасными изделиями весь район. Его дочь Юлия, как фольксдойче, пошла работать в немецкую комендатуру. Говорили, что она якобы доставала пропуска для партизан. Но кто этому поверит, когда придут наши? Оккупантов колбасами кормил? Кормил. Хотя, если здраво подойти, куда ему было деваться? Попробуй-ка не покорми! Голову оторвут, хотя и свой. Вполне справедливо опасаясь репрессий со стороны советских властей за сотрудничество с оккупантами, он с тяжёлым сердцем, в слезах, покинул насиженные места, где все в районе его любили и уважали за честность и невероятное трудолюбие. Но он слишком хорошо знал наши порядки и законы военного времени. Центр Катеринополя- собственно местечко, был полностью разгромлен. Евреи, не успевшие эвакуироваться, были уничтожены. Но вот вернулись из эвакуации первые еврейские семьи, и тотчас заработала парикмахерская, радуя людей призрачным ощущением мирного времени. Действовали милиция, суд и прокуратура, партийные и административные органы, функционировала почта, налаживалась телефонная связь. И конечно, работала чайная, где можно было досыта поесть вареников с творогом и сметаной. После голодного марийского края нам это казалось раем земным. Отец в первый же день принёс пистолет «ТТ» и автомат «ППШ», которые испытал тут же, в огороде. Потом я в отсутствие отца научился собирать и разбирать это оружие и даже тайком пару раз стрелял.

Я начал ходить в школу, где все были на два-три года старше меня, поскольку в оккупации не учились. Мой первый день в школе был полон впечатлений. Из эвакуации вернулся директор школы, который в этот майский день приступал к своим обязанностям. Нас всех выстроили во дворе школы, и завуч представил нам директора Герасимчука. Ему было немногим за пятьдесят, но выглядел он совсем старым. Сутулая, высокая и тощая фигура его имела жалкий вид. Одет он был в старый, совершенно ветхий пиджак, одетый на когда-то белую майку, и в шаровары, сшитые из стираного-перестираного кумача, на котором всё ещё проступали буквы партийно-государственных лозунгов. На ногах - галоши на босую ногу, подвязанные пеньковой бечёвкой. На голове - широкополая соломенная шляпа, как у деда-пасечника. Ввалившиеся чёрные глаза его сверкали лихорадочным нездоровым блеском. Щёки ввалились. Но речь, посвящённую его вступлению в должность, он произнёс прямо-таки блистательно. Мы поняли, что за невыразительной, комичной внешностью нашего директора таились необычайная сила воли, педагогический талант и фанатичная преданность своему делу.

Моя мать работала машинисткой в райкоме, поэтому я был в курсе почти всех событий партийной жизни района, и в свои двенадцать лет я

невольно слушал и запоминал все разговоры в семье, хотя меня в то время новости эти совершенно не интересовали.

У многих учеников дома были спрятаны винтовки или ракетницы. А на переменах забавлялись боевыми патронами, которыми всегда были набиты карманы учащихся. Как-то раз, идя поутру в школу, я встретил подростка, который сломя голову бежал в сторону поликлиники: во лбу у него торчала пуля, сочилась кровь, глаза ошалели от боли.

Постреливали не только в воздух. На освобождённой территории оставалось немало бывших полицаев, служивших у немцев, которые скрывались в сёлах и лесах и по ночам «шалили»: убивали председателей колхозов, представителей Советской власти, сельских активистов. Против бандитов велась беспощадная война.

Страшные годы оккупации пережило украинское село. Здесь, в районе Звенигородки, замкнулось стальное кольцо вокруг корсунь-шевченковской немецкой группировки. Где-то в этих местах немцами была предпринята последняя попытка прорыва из окружения. 17 февраля 1944 года воинами 2-го Украинского фронта немецкая группировка была ликвидирована. Враг потерял более 73 тысяч солдат и офицеров, в том числе 18 500 пленными. Поля и леса были забиты немецкой техникой. В самом центре Катеринополя долгое время стоял подбитый немецкий танк «пантера». Денно и нощно работали подразделения сапёров, укомплектованные в основном военнослужащими - выходцами с Кавказа и Средней Азии, недавно выписавшихся из госпиталя, но ещё не отправленных на фронт. Они проводили разминирование минных полей, собирали снаряды, мины, гранаты и по ночам подрывали их за кладбищем, у салотопки. Были среди них и танкисты, которые, своими силами отремонтировав два подбитых танка и самоходку, использовали их в качестве тягачей при удалении с полей подбитой техники. А вечерами собирались девушки на посиделки, и тогда лились ночь напролёт над слободками звучные украинские песни.

На плотине, взорванной немцами при отступлении, неустанно трудились двое молодых энтузиастов - Костя и Володя, которые руководили восстановлением электростанции. Им помогали солдаты сапёрной части. Благодаря их усилиям плотина была вскоре восстановлена, крохотная электростанция заработала, и Катеринополь осветился электрическими огнями. К тому времени, благодаря всё тем же неутомимым Косте и Володе, был восстановлен районный радиоузел, в центре установили динамики, и в День Победы толпы жителей собрались под динамиками.

А великолепные репортажи футбольных матчей, проводившиеся спортивным комментатором Вадимом Синявским! Люди часами стояли у динамиков на улице, слушая его торопливый баритон, живо комментируя события, разворачивавшиеся где-то там на футбольных полях. Люди жадно вдыхали мирный воздух, тянулись к музыке, к танцам. В районном клубе даже ставили оперу! Да, оперу! «Наталку Полтавку» Гулак-

Артемовского! Был свой духовой оркестр, которым руководил превосходный музыкант Грицько Зинькович.

Шёл май 1945 года. Только что закончилась война. Кругом цвели сады, пели соловьи. Затаив дыхание, слушали Сталина. Три дня каникул по случаю Дня Победы! Ура! Но в районе было неспокойно. Однажды в июле отец забежал домой, прихватил свой автомат «ППШ» и побежал к ждавшему его грузовику, в крытом кузове которого сидели милиционеры и партработники с оружием в руках. Банду, на счету которой были два убитых милиционера и председатель колхоза, блокировали в соседнем селе в хате с толстыми глинобитными стенами. Это была та самая банда, которая неделю тому назад, связав сторожа, ограбила универмаг, а на пустой бочке во дворе расставила игрушечные пушечки, нацелив их на райотдел милиции.

Хозяина хаты допрашивали отец и начальник райотдела милиции капитан Ходюк. Подозреваемый всё отрицал, но ограбление универмага ему всё же пришлось признать.

- Ну и где же ты спрятал награбленное?

- Да там. Несколько рулонов мануфактуры на чердаке. Могу показать.

- Пошли! Иди вперёд! И чтобы без шуток!

С оружием в руках полезли на чердак. Хозяин впереди, за ним - Ходюк, затем отец, внизу их подстраховывали сотрудники МГБ и милиционеры. Хозяин шагнул в темноту чердака, за ним - Ходюк, и сразу - грохот выстрелов. Ходюк упал ничком на чердаке, последним усилием ударив бандита по руке, сжимавшей пистолет. Это помешало тому вести прицельный огонь по отцу, которому пулей начисто срезало два пальца левой руки. Падая, отец всё же успел дважды выстрелить в бандита. Все выскочили из сеней. Из окон хаты в это время бандиты уже вели огонь из автоматов. Начинала заниматься соломенная крыша, подожжённая кем-то из оперативников. Молодой милиционер, по фамилии Рафалович, бывший партизан, подкрался к окну, напоминавшему амбразуру дота, и метнул внутрь одну за другой две лимонки Ф-1. Метровой толщины глинобитные стены хаты содрогнулись, из окон жарко полыхнуло огнём, стрельба прекратилась. Гранаты сделали своё дело. Из хаты вытащили четыре искорёженных осколками трупа, пятый бандит был ещё жив. Жарко пылала хата, которую никто не тушил. Отцу промыли руку керосином, наскоро перевязали и отвезли в больницу. Трупы бандитов привезли в местечко и бросили в полуподвале разрушенного дома на всеобщее обозрение. Отовсюду стекались обыватели поглазеть на мертвецов. К ночи трупы убрали и отвезли в морг.

К вечеру из больницы привезли отца. Первые две фаланги на безымянном пальце и па мизинце пришлось ампутировать. Мать и бабушка ругали его:

- Ты же прокурор района! Разве твоё дело ловить бандитов? Это дело милиции!

- Это дело всех нас! А не только милиции! А мне, старому чекисту, и сам Бог велел воевать с бандитами! Вон Ходюк погиб. Сгорел там на чердаке. Груда пепла да костей да пряжка от ремня - вот всё, что от него осталось. Обгоревшая рука всё ещё сжимала пистолет.

Вечером пришёл адвокат Тарнавский с женой Оксаной. Обоим уже было за сорок. Тарнавский ходил на протезе. Ногу он потерял на фронте. Неутомимый балагур, весельчак и заводила, он всегда был душой компании.

- Э, Петрович, - вещал он громким басом, - стоит ли говорить об утраченных пальцах! У меня вон ногу по бедро оттяпали, ещё немного, и без яиц бы остался. Вот тогда уж было бы горе так горе. - И он обнял свою статную, красивую жену.

Мать и бабушка быстро приготовили вареники, на столе появилось сало, селёдка, колбаса. Началось веселье. Тарнавский в промежутки между анекдотами пел в дуэте со своей женой украинские народные песни и арии из оперы Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». И вот, когда они звучными голосами исполняли красочную арию Одарки и Карася, за окном вдруг раздались выстрелы. Отец схватил пистолет, Тарнавский - свою тяжёлую трость с набалдашником, и оба выскочили в темноту ночи. Мы все замерли, тревожно прислушиваясь к громким голосам во дворе.

- Гов..к эдакий! Молокосос! - гремел адвокат, отворяя дверь и входя в прихожую. В руке он нёс пистолет «ТТ».

- Что там случилось? - спросила моя двоюродная сестра Валя, жившая с нами.

- Да вот... лейтенантишко какой-то, решил, наверное, таким образом с тобой, моя красавица, познакомиться, а познакомился вот с нами. Мы отобрали у него пистолет. Напился и стал тут стрелять под окнами. Ну, сейчас он быстро протрезвеет.

Мальчишка-лейтенант весь вечер простоял у нашего крыльца, вызывал Валю, чтобы та похлопотала за него, так как за утрату оружия его ждал трибунал и увольнение из армии.

- Пусть он приходит завтра в милицию и там получит свой пистолет. Фронтовик, а с пистолетом балуется. Мальчишка.

Тарнавский на фронте служил в военной контрразведке «СМЕРШ», и разоружать кого-либо ему было не в диковинку. Но отпускник-лейтенант не уходил, слёзно извинялся, и в конце концов к полуночи, проверив его документы, пистолет ему всё же отдали и, сделав внушение, отпустили с Богом. И то лишь благодаря нашей Вале, о которой речь пойдёт несколько позже.

Впервые я заработал свои собственные деньги, когда мне было пятнадцать лет. Какое это необыкновенное ощущение - первые заработанные деньги! К 7 Ноября, Дню Октябрьской революции, мне удалось получить заказ на написание лозунгов для коммунальных

предприятий: парикмахерской, ателье и сапожной мастерской. Я трудился над этими лозунгами всю ночь. Наутро мои лозунга украшали весь центр: «Да здравствует Великая Октябрьская Социалистическая революция!» - гласил один. «Вперёд, к победе коммунизма под знаменем Ленина - Сталина!» - призывал другой. Сильный ливень ночью изрядно подпортил мои шедевры, но праздники уже подходили к концу, и всё обошлось.

Вскоре из армии начали возвращаться фронтовики, среди которых были и юристы. Один из них вскоре и заменил отца, не имевшего высшего образования. После этого он стал перебиваться на разных случайных работах в райисполкоме, включая транспортировку и заселение Крыма переселенцами с Украины. Шли годы. По окончании 8-го класса в каникулы я решил подработать. Ещё с двумя одноклассниками мы поставили забор вокруг школы, покрасили все парты, окна и двери. За работу мы получили, кроме благодарности, ещё и приличные по тем временам деньги. На следующие летние каникулы я нашёл работу на сокопункте, где из яблок, слив и вишен делали соки. Целыми бочками соки отсылали в Ленинград и Москву. Работали мы в две смены, поскольку фрукты быстро портятся.

Пятьсот рублей, которые я заработал, по тем временам были деньги немалые. Купил себе ботинки и сшил костюм-толстовку из синего вельвета. На весенние каникулы, ещё в девятом классе - в 1950 году мы с приятелем Миколой поехали в Киев. У меня там в управлении МГБ работал старший брат, а у Миколы в университете училась сестра. Отец их был репрессирован ещё в 1938 году. Умер в лагере. Остались пятеро детей и беременная жена. Девочка родилась умственно неполноценная. Вскоре посадили и мать. Дети были брошены на произвол судьбы. Затем - война. Старший брат ушёл на фронт, откуда вернулся в звании старшины и с медалью «За отвагу». Двух сестёр немцы угнали в Германию. В неволе они нашли свою судьбу и вышли замуж.

Мы приехали в Киев поздно вечером в сильнейший ливень, в сутолоке потеряли друг друга. Я нашёл Миколу на третий день в сквере напротив университета.

Мой брат жил в общежитии МГБ на Красноармейской улице, где жили тогда все холостые сотрудники. Брат представил меня своим коллегам, молодым чекистам. В Киеве я с приятелями брата впервые в жизни попал в ресторан, где мне всё было в диковинку. Однажды вечером мы с братом шли по Владимирской улице. По тротуару перед серым мрачным зданием ходил часовой в фуражке с синим верхом, с винтовкой со штыком на плече.

- Что это он тут ходит? - спросил я брата.

- А это наше управление. МГБ Украины. А ходит он здесь, чтобы на людей страху нагонять. Видишь, все переходят на другую сторону?

- А для чего?

- Чтобы нас уважали и боялись. Мы же ГБ. А ты вот в следующем году заканчиваешь школу. Не хочешь поступить в школу МГБ? Два года - и ты лейтенант.

А там дальше видно будет. Может быть, после училища поступишь заочно на юридический факультет университета. А что, дело хорошее. Получишь высшее образование.

- Я пока ещё не знаю. Надо подумать. А где эта ваша школа находится?

- Во Львове. Там два факультета: оперативный и следственный. Ты какой предпочёл бы?

- Я смутно представляю себе разницу.

- Но в принципе ты согласен?

- Надо попробовать, но сначала школу бы закончить.

- Тогда я переговорю с Колей Т., с которым ты был в ресторане. Он работает в отделе кадров областного управления, и он подаст на тебя заявку в Катеринопольское МГБ, если ты согласен. Идёт?

- Идёт. Пусть подаёт.

К тому времени во многих райцентрах Украины отделы МГБ, которые вели работу через доверенных лиц и агентуру, были упразднены. Оставались лишь уполномоченные. С уполномоченным МГБ, капитаном Губановым, я познакомился, ещё когда он проводил инструктаж с учениками 10-го класса, накануне 33-й годовщины Октября. Мы должны были в праздники, всю ночь напролёт патрулировать улицы окраин райцентра и сообщать в милицию о всех подозрительных лицах и явлениях.

В роскошном кабинете на втором этаже здания райисполкома, за огромным старинным письменным столом восседал капитан Губанов, рыжий, коренастый, плотного телосложения мужчина лет сорока. За спиной его висел написанный маслом большой портрет Сталина.

- Здравствуй, Мартынов, садись, - сказал Губанов. - Тут, понимаешь, пришла разнарядка на тебя в двухгодичную школу МГБ. Так как ты смотришь па то, чтобы поехать учиться в нашу чекистскую школу?

- А где она находится, эта школа?

- У нас их несколько. Есть, например, во Львове, в Могилёве, в Вильнюсе. Скорей всего ты попадёшь во Львовскую.

- Я в принципе согласен. Только вот военкомат меня уже оформляет в военно-морское в Ленинград (я к тому времени, не надеясь на брата, подал документы в военно-морское училище в Ленинграде).

- С военкоматом я улажу, не беспокойся. Однажды, в конце марта, Губанов случайно встретил меня на улице.

- Здравствуйте, товарищ капитан, - сказал я. - Как там мои дела?

- Да понимаешь, Мартынов, - сказал он несколько смущённо, - всё переиграли. Пришёл приказ набирать только тех, кто прошёл армию. Так что оформляйся в своё морское училище. А нет - так иди в армию, выполняй свой священный долг перед Отечеством, а потом, если у тебя ещё будет желание, придёшь к нам.

- А что, могу и в армию. Только мне хотелось бы куда-нибудь в пограничные, или в воздушно-десантные, или там войска особого назначения.

- С этим проблем не будет. Поможем. Ну, пока. - И он пожал мне руку. - Иди готовься к экзаменам.

И вдруг перед последним экзаменом капитан Губанов снова вызывает меня к себе. Вхожу, а у него сидит капитан Орешко из военкомата, занимавшийся моим делом.

- Ну вот и он, - сказал капитан Губанов. - Так вот, Мартынов, - продолжал он, обращаясь ко мне, - видишь, как всё интересно получается. Я ведь тогда зимой уже и документы на тебя отправил в Киев. А теперь вот телефонограмма: снова всё переиграли. Сразу после получения аттестата зрелости тебе надлежит немедленно выехать в Киев и явиться в управление кадров МГБ по Киевской области, ул. Энгельса, 36. Разведке тоже нужны люди», - добавил назидательно он, обращаясь к Орешко. - Так что я у тебя его забираю, и, кажется, на этот раз насовсем.

- А не пожалеешь, Мартынов? - спросил капитан Орешко. - Фрунзенское училище в Ленинграде ведь как-никак даёт высшее образование. Самое лучшее в Союзе. Ты всё же подумай, перед тем как решиться.

- Да и впрямь, - сказал примирительно Губанов, - у тебя ещё целая неделя на размышление. Так что ты сам волен решать. Если не передумаешь, заходи перед отъездом, и я тебе вручу направление.

«Разведке нужны люди», - мысленно повторял я слова Губанова. - Речь шла, положим, не о разведке, а о контрразведке. А разве есть она у нас, разведка, в мирное-то время? Да и какой из меня, к чёрту, разведчик?! Ну, физически, может быть, подготовлен, и память вроде ничего, но ведь разведчик должен быть ого-го каким! Суперменом! Суперинтеллигентом! А я что? Мальчишка-девственник».

Наутро после последнего экзамена я выехал в Киев. В отделе кадров, на ул. Энгельса, оформлялись сотни молодых людей. Многие из них действительно прошли армию, но были и вчерашние школьники, и выпускники техникумов. В тот, 1951 год проводился расширенный набор в школы МГБ. Мы строчили подробные автобиографии, заполняли мудрёные анкеты, где должны были отвечать на более чем полсотни вопросов. Некоторые из них вызывали недоумение. Например: «В каких партиях состоял перед 1917 годом? Служил ли в белой армии? Имел ли связи с троцкистами?» Ну и традиционные: «Есть ли родственники за границей» и т. д. и т. п. Затем - мандатная комиссия. Строгие люди, сидевшие за длинным столом, внимательно вглядывались в каждого из

нас, листали наши досье, задавали разные вопросы, иные из них, казалось, совершенно не по делу. Затем медицинская комиссия, прямо здесь же, в управлении кадров. Затем нам объявили, кто куда направляется. Я должен был ехать во Львов.

К выпускному вечеру я вернулся в Катеринополь. После выпуска все мои одноклассники разъехались поступать в вузы, один я болтался по райцентру, пропадал на речке, вечерами резался в волейбол во дворе райкома комсомола и ходил на посиделки. В конце июля меня снова вызвал Губанов.

- Тебя почему-то снова срочно вызывают в Киев, - сказал он. - Не знаю причину, но так просто вызывать не будут. Что-то есть.

Снова Киев. Принимает майор средних лет, седой, щеголеватый, в белой гимнастёрке с милицейскими погонами (?!). «При чём тут милиция? - думаю я. - Уж не в милицию ли он собирается меня сватать? Не пойду! Лучше уж тогда в Ленинград! Во Фрунзенское! Только не в милицию!»

- Товарищ Мартынов, у нас проводится набор в школу оперативных переводчиков МГБ в Ленинграде. Учиться там два года, - говорит майор. - Мы вам хотим предложить туда поехать. Как вы на это смотрите?

- Положительно, - отвечаю я, не раздумывая. - Только я в иностранных языках не очень... (Тройка по немецкому.)

- Это не имеет никакого значения. Вы заполните ещё вот эту анкету, фотографии ваши у нас уже имеются, медкомиссию вы прошли, поезжайте к себе домой и ждите нашего вызова. Вот вам бумага в бухгалтерию, там предъявите свой железнодорожный билет, и вам его оплатят туда и обратно.

- Только из-за этого вызывали?

- Да, только из-за этого, - отвечал он с улыбкой. - Это очень важно. Необходимо было заручиться вашим согласием лично.

И вот снова Катеринополь. Вернулись ребята-абитуриенты. Почти все поступили в вузы, в военные училища. Сказался высокий уровень преподавания в школе. Как-то после матча в волейбол подошёл ко мне первый секретарь райкома комсомола Лёня Снегур:

- Слушай, Мартынов, ты куда это там оформляешься, в какие-то сверхсекретные спецвойска, что ли? Нам, понимаешь, впервые пришлось писать такую характеристику! Ну хорошо мы тебя знаем как облупленного, да и все тут тебя знают, а то сиди ломай голову, что писать. Всё бюро заседало. Составили мы тебе характеристику по высшему классу. Куда хоть едешь-то, если не секрет?

- Спасибо, Лёня. Не секрет. Поступаю в школу военных переводчиков в Ленинграде.

- Ну, счастливо тебе. Думаю, что у тебя это дело пойдёт. Это как раз по тебе. Ты вон какой здоровый. - В глазах его светилась добрая зависть.

Он пожал мне руку, сутулый, щупленький, больной туберкулёзом Лёня Снегур, который приехал к нам в район вскоре после окончания войны.

А вызова всё не было и не было. Заходил к Губанову. Никаких новостей. Я уже начал было тревожиться. Все ребята уехали, а я болтаюсь по местечку как неприкаянный. Уже 24 августа, а Киев всё молчит. Утром 25-то пришёл посыльный от Губанова: завтра быть в Киеве в управлении кадров. Со всеми документами.

На следующий день утром я ехал в поезде, проходившем через станцию Звенигородку. Прямого поезда на Киев в то время не было. Пересадка на ставшей мне родной станции Цветково. Время пик: возвращаются с каникул студенты, курсанты военных училищ, школьники. Билет в Цветково закомпостировать не удалось. Нет мест. Пропустив несколько поездов на Киев, я отчаялся, и вдвоём с попутчиком-студентом мы решили ехать «зайцем», забравшись вначале на буфер вагона, а когда поезд тронулся, прошли в тамбур. Присев на корточки, я задремал. И совершенно напрасно. Пробуждение было не из приятных: надо мной стояли ревизоры - мужчина и женщина. Оба телосложения впечатляющего. Пути отхода отрезаны. Все мои объяснения, билет до Киева, который не удалось прокомпостировать, справка, вызов из Киева - всё напрасно. Облегчив мой карман аж на целых 25 рублей (больше у меня не было), они ушли, сказав, чтобы я на первой же остановке убирался вон. Они как заводные рыскали без устали по поезду всю ночь напролёт, мы то и дело прыгали из тамбура на буфер на ходу поезда. В конце концов нам это ужасно надоело, и мы, снова перейдя на буфер, по скобам залезли на крышу вагона. Мой попутчик-студент вскоре, стуча зубами от холода, спустился вниз, я же стоически встречал рассвет, распластавшись на округлой крыше вагона, ухватившись за грибок вытяжной трубы и дрожа от холода, напрасно пытаясь прикрыться от пронизывающего ветра своим дерматиновым портфельчиком с жареной курицей. Рассветало, когда проскочили Васильков, Белую Церковь, миновали Бровары. Показался Киев. Пора слезать с проклятой крыши.

В Управлении кадров МГБ получил воинское требование на проездной билет до Ленинграда. Встал на вокзале в очередь к воинским кассам и, зажатый в плотной горячей толпе военнослужащих, незаметно для себя уснул. Проснулся, когда толпа пододвинула меня вплотную к окошку. Портфельчик (уже без курицы), сжимаемый мёртвой хваткой, я всё ещё, к счастью, держал в руке.

Ленинград. Поздний вечер. С Московского вокзала мы с Юрой П., с которым я познакомился в управлении кадров, направляемся на такси на Петроградскую сторону, где расположена наша школа. Идём с ним по неширокой, слабо освещённой улице под названием Пионерская. Ищем дом №18.

- Где-то здесь, - говорит Юра, когда мы зашли за угол здания казарменного типа.

- Здесь ведь должна быть проходная, - сказал я. В этот момент мы поравнялись с полуоткрытым зарешечённым окном и за тяжёлой шторой увидели лампу с зелёным абажуром (такую лампу мы видели в кино в кабинете Сталина). В кресле, наполовину скрытый портьерой, сидел офицер в фуражке с синей тульёй и красным околышем.

- Извините, товарищ капитан, - обратился Юра сквозь решётку окна. - Пионерская, 18, это здесь?

- Да, это здесь. Идите прямо по улице до проходной.

Вооружённый револьвером вахтёр проверил наши документы. Через минуту подошёл капитан с красной повязкой, с которым мы только что говорили через окно.

- Что-то вы поздновато, - сказал он. - Завтра уже экзамены. Столовая давно закрыта. Переночуете эту ночь в спортзале, а завтра после санпропускника получите койки в казарме. - И он проводил нас в небольшой спортзал, где на полу лежали борцовские маты, а вдоль стен стояли гимнастические снаряды.

- Давай располагаться, - говорит Юра, укладываясь на толстый, упругий, обитый дерматином мат.

- Эх, хорошо, - сказал я, потягиваясь.

- Хорошо-то хорошо, да только вот кишки марш играют. Жрать-то хочется. У тебя ничего не осталось?

- Ещё в поезде последнюю корочку хлеба доели.

- А, чёрт! Пойду-ка я в гастроном, чего-нибудь куплю.

- Так уже около одиннадцати ночи.

- А он в двенадцать закрывается. Когда ехали, я видел, гастроном ещё открыт. Надо было заскочить туда. - И он пошёл к проходной.

Вскоре Юра вернулся с батоном и банкой шпрот.

- А что это за рыба? - спросил я.

- Шпроты. Не видишь?

- Впервые вижу.

- Ну, тогда давай попробуем.

Мы перочинным ножом открыли шпроты и поужинали, сидя на матах. Никакой мебели здесь не было. Наутро вместе с другими абитуриентами пошли писать экзаменационный диктант на тему о М.И. Калинине.

И только тут выяснилось, что двухгодичную школу военных переводчиков только что преобразовали в Институт иностранных языков МГБ СССР и мы вместо двух лет будем учиться полные четыре года, а по окончании получим высшее образование и диплом переводчика-референта.

На следующее утро после диктанта мы пошли в санпропускник. Там нас заставили раздеться, и молоденькая медсестра с мощным рефлектором в руках проверила нас на вшивость сначала на голове, потом - внизу. Тех, у кого что-то было, другая медсестра, постарше, безжалостно брила наголо. Мы, счастливчики, избежавшие такой беспощадной экзекуции, хихикали в кулак, потешаясь над кажущимся столь жалким и незначительным, лишившимся курчавой волосяной оправы мужским достоинством наших новых товарищей.

После банного отделения нам вручили нашу ещё горячую, прожаренную на всякий случай штатскую одежду. Лишь после этого нас определили в спальню-казарму, где размещалось двадцать пять человек, и поставили на пищевое довольствие.

Из пятисот поступавших осталось только сто. Среди нас, разного штатского сброда, особо выделялись суворовцы училища МГБ, подтянутые, крепкие ребята в чёрной форме с красными погонами. Они держались поначалу особнячком и общались только между собой, но потом, когда всех одели в одинаковую форму цвета хаки, они, разбросанные по разным группам, растворились в общей среде.

Сорок дней так называемого карантина. Нас никуда не выпускают; Только учёба и спорт. Утренняя зарядка. Тоскливо па душе. В воскресенье местным ленинградцам разрешили съездить домой. Мы же, иногородние, торчим в спортзале, куда принесли радиолу и несколько старых пластинок, среди них - полный печали полонез Огинского, который мы заводим бессчётное количество раз.

Приходят две вполне взрослые девицы из группы, именуемой «академики». Это те, кто уже закончил двухгодичный курс и проходят ещё какой-то дополнительный годичный курс, содержание которого нам неизвестно. В группе «академиков» несколько девушек и молодых щеголеватых лейтенантов. Большинство из них совершенствуются в финском языке. По секрету нам сказали, что их готовят к работе в разведке, поэтому мы с вожделением глазели на них.

Две пришедшие девицы идут нарасхват. Мы с ними упоённо танцуем по очереди.

- Какие же вы ещё мальчики! - говорит разочарованно одна из них.

Понедельник. Семь часов утра. Серый мглистый прибалтийский рассвет. Оглушительные звонки в коридорах.

Подъём! - кричит старший лейтенант Лосев, заглядывая в каждую спальню. - Открыть окна-двери! Проветрить помещения! Кислятину тут развели! Всем во двор! Надеть брюки, сапоги и нижние рубашки!

Заспанные, бегом спускаемся с третьего этажа в темноту двора, в моросящий дождь. Делаем зарядку, затем пробежку, возвращаемся в казарму, заправляем постели. Перед завтраком выстраиваемся в коридоре на утреннюю поверку. Взводный придирчиво осматривает наши две шеренги, проверяет, блестят ли пуговицы, подшиты ли белые воротнички,

начищены ли сапоги. В 8.30 завтрак. В 9.00 - занятия. В языковых подгруппах по десять человек.

- Встать, смирно! - командует командир подгруппы уже на английском языке. - Товарищ преподаватель! Группа 1/5 к занятиям готова!

После занятий (а их три пары) - обед, затем отдых до 17.00. Обязательная самоподготовка до 20.00. Ужин. Затем снова самоподготовка. В 23.00 отбой. И так изо дня в день, изо дня в день, все четыре года. В субботу местные ночуют дома. Иногородние должны возвратиться в часть до 24.00.

По окончании института я был направлен в двухгодичную разведшколу. Затем ещё два года индивидуальная подготовка в особом резерве (нелегальная разведка). Поездка в Египет. Затем несколько месяцев дома.

И вот я здесь, на берегу Рио-де-ля-Платы. Сижу на камне, свесив ноги в тёплую мутноватую воду реки. Вокруг ни души. Вдалеке на пляже резвятся дети. В туманной дымке видна эстакада, усеянная рыбаками. Несмотря на ностальгические думы, настроение праздничное. День Великой Октябрьской Социалистической революции всегда был для нас самым большим, светлым праздником. Захотелось петь. Спел вполголоса «Широка страна моя родная», «Варшавянку», «Мы кузнецы, и дух наш молод», «Замучен тяжёлой неволей», чапаевского «Чёрного ворона», «Подмосковные вечера», «Любимый город может спать спокойно» и многие другие. Здесь, как никогда, проникаюсь сознанием важности и ответственности своей опасной миссии и думаю о том, как её получше выполнить и оправдать доверие партии и правительства, пославших меня сюда. Вечер, но ещё тепло. Решаю перед возвращением искупаться. Делаю заплыв к бую морского канала и уже повернул было обратно, как вдруг слышу детский голос: «Сеньор, сеньор! Вон там мучачо! Он боится плыть к берегу!» Подплываю к красному бую, вижу худощавого парня лет двадцати, судорожно вцепившегося в буй и уже посиневшего от холода. Вокруг больше никого.

- И долго ты тут собираешься сидеть? А ну, поплыли! Поплыли, тебе говорят! Да расстанься ты со своим буем и плыви! Я тебя буду снизу поддерживать. Да ты не бойся! Я хорошо плаваю. Давай, давай, отпускай свой буй! А не то смотри! Я вот сейчас уплыву и оставлю тебя тут ночевать. Ну всё, я поплыл обратно. - И я сделал вид, что намереваюсь его покинуть.

С округлившимися от ужаса стеклянными глазами парень наконец оторвался от красного конуса, покачивавшегося на волнах. Я сразу подхватил его под мышки, но когда переводил руку под его живот, чтобы поддержать его снизу, он вдруг, испугавшись чего-то, схватил меня мёртвой хваткой за шею, да так, что у меня в глазах потемнело. Мы оба пошли на дно. Зная об этих «штучках» тонущих из пособия по спасению утопающих (я ведь как-никак готовился стать моряком), я был настороже. Свободной рукой слегка двинул его в солнечное сплетение. Он обмяк и

выпустил меня. Вырвавшись из его объятий, я схватил его за волосы и, бешено работая ногами и рукой, вытащил на поверхность. Загребая свободной левой рукой, мы медленно плывём, приближаясь к песчаной полосе пляжа. Мальчонка плывёт чуть впереди, постоянно оглядываясь на нас. Спасённый вдруг снова затрепыхался, но быстро понял, что вырываться бесполезно: я его так сжал, потянув за предплечье, что он даже застонал.

- Сеньор! Сеньор! Тут уже дно! - крикнул мальчишка. И он был прав: вода здесь уже была чуть выше пояса, а мы все плыли и плыли. На пляже собралась толпа. Я отпустил парня. Он вышел па пляж и, упав ничком на песок, начал блевать и надсадно кашлять. Успел наглотаться воды. Я быстро направился к своему мотороллеру. Вытерся насухо полотенцем, оделся и, запустив двигатель, поехал в направлении города. Лавры спасателя мне были ни к чему.

Быстро упала ночь. Я ехал по набережной в сторону порта. Отыскал взглядом среди многих судов, стоявших в порту, то, единственное, которое имело трубу с красной полосой и золотистыми серпом и молотом на ней. Я из газет знал о приходе в порт советского судна. С кормы свисал красный флаг. Немного сбавив ход, мысленно поклонился частице моей родной земли, поздравил с праздником наших моряков. Это был мой своеобразный ритуал первых лет на нелегалке. В последующие годы от этого ритуала пришлось отказаться, так как это был ненужный риск. Теперь пора и домой.

Дома, поужинав у сеньоры Кармен, пошёл к себе, где поднял рюмку коньяку за Родину, за своих родных, за весь советский народ. Затем вставил в ухо наушник и послушал московское радио. Так я отметил 44-ю годовщину Октябрьской революции. Так или иначе, но эту дату я отмечал каждый год.

Транзисторный приёмник, рекомендованный Центром, пришлось искать довольно долго, но то, что мне было нужно, я так и не нашёл. В магазинах было полно всяких транзисторов, но мне нужен был приёмник с определённым диапазоном коротких волн. Стал искать по объявлениям в газетах.

В конце концов у одной швейцарки по сходной цене купил «Зенит-трансосеаник», и хотя это было не совсем то, однако худо-бедно на нём можно было принимать радиограммы из Центра. А поскольку прохождение волн чаще всего было плохим (тогда ещё не было спутниковой связи), пришлось приобрести недорогой транзисторный японский магнитофон с регулятором скоростей, который меня здорово выручал. Вначале передачи из Центра велись ранним вечером, что было для меня крайне неудобно: то сеньора Кармен позовёт, то придут приятели по военной службе, то кто-нибудь позвонит по телефону, вот и приходилось выбегать, а магнитофон, установленный в тумбочке, тем временем продолжал записывать передачу, что было, разумеется, небезопасно. Записать затем шифровку па бумагу, стереть плёнку и расшифровать текст отнимало не так уж много времени. Затем я добился,

чтобы Центр давал радиосеансы в удобное для меня время: поздним вечером или за полночь, хотя слышимость ещё больше ухудшилась, и если бы не магнитофон, вряд ли я смог бы выловить морзянку Центра из какофонии звуков эфира. А поскольку каждая передача повторялась трижды, затем ещё раз через два дня, то я всё же имел возможность полностью записывать радиограммы.

Между тем служба в армии продолжалась. Поскольку проблемы языкового порядка постепенно сглаживались, меня, как, впрочем, и других солдат, стали посылать с пакетами то в Министерство обороны, то в Генштаб, а однажды даже в СИДЭ.

- СИДЭ - это что? - спросил я у сержанта Санторни.

- О, это очень уважаемое учреждение, - сказал он, загадочно улыбаясь. Так же улыбался и стоявший неподалёку Рауль. - СИДЭ - это Сервисио-де-Информасьонес-дель-Эстадо, - сказал он, поднимая вверх указательный палец и вручая мне запечатанный сургучом конверт. «Чего это Санторни так улыбается? Может, в этом пакете какая-нибудь информация обо мне?» - подумал я, принимая пакет.

СИДЭ - служба госбезопасности, выполняющая в стране функции контрразведки. Перед самым отъездом я довольно основательно занимался полицейскими органами и спецслужбами Аргентины. Вот только не предполагал, что пройдёт несколько лет и мне придётся довольно близко познакомиться с этой уважаемой службой.

Рождество Христово - самый большой религиозный и семейный праздник в Америке и Европе.

В ночь с 24 на 25 декабря родственники и друзья за праздничным столом в торжественном молчании подымают бокалы в память об усопших, поют или слушают рождественские песни и мелодии. В магазинах идёт бойкая торговля. «Папа Ноэль» (Дед Мороз), одетый в белую шубу, в тридцатиградусную жару ходит по домам, разнося подарки детям. Праздник отмечает вся страна от мала до велика, и богатеи и бедняки, первые - с шампанским, вторые - с сидром, который здесь недорогой, но отменного качества. Парламент уходит на рождественские каникулы.

Сеньора Кармен пригласила меня на рождественский ужин. За круглым столом собралось с дюжину гостей. Здесь конечно же был дон Альберто, сестра сеньоры Кармен, отставной генерал-авиатор - убеждённый перонист, отставной полицейский с дочерью, другие родственники. После традиционного поминовения усопших началось настоящее веселье. Дон Альберто был в ударе. Его гитара не умолкала. Танго, маланги, пачанги, креольские песни, песни гаучос, жанр «портеньо» (столичный фольклор) - всё это он без какого-либо перерыва мастерски исполнял басом, сверкая очками и обливаясь потом, взбадривая себя время от времени белым вином. Вентилятор гонял по комнате нагретый воздух. Пели хором незнакомые мне песни (надо было бы мне выучить несколько популярных песен, а то сижу, как немой) и

конечно же невероятно благозвучное танго «Каминито». Бокалы постоянно наполнялись добрым вином.

Гвоздём программы была «паэлья-а-ля-валенсиана»: на огромной сковороде, на фоне жёлтого от шафрана риса, красовались поджаренные креветки, мехильонес (морские ракушки) и какие-то ещё немыслимые, экзотические дары моря, ярким пламенем горели стручки красного перца. Над всем этим горкой румянились жареные цыплята. Это было истинно испанское блюдо, эта паэлья, над которой сеньора Кармен с сестрой колдовали с самого утра. В полночь все вышли в сад. Над городом взлетали ракеты, грохали петарды, летали «каньитас воладорас» - миниатюрные ракеты на лучинке. Отовсюду слышался собачий лай. Затем - снова за стол. Гуляли до самого утра. Сеньора Кармен веселилась до упаду - ела, пила, пела, исполняла испанские танцы с кастаньетами. Жару она просто игнорировала. Обмахивалась веером, опрокидывала стаканчик вина и снова пускалась в пляс.

Утром, так и не ложась спать, поехал на мотороллере на Рио-де-ля-Плату освежиться после душной ночи. Когда вернулся, в доме стояла необычная тишина. Даже собака и та, вопреки обыкновению, не залаяла. Заглянул к сеньоре Кармен- собака в углу скулит, сама сеньора Кармен стонет в кровати - приступ печёночной колики. Да, очевидно, и у собаки, явно страдавшей ожирением, было что-то не так. Вызвал домашнего доктора, съездил в аптеку за лекарствами. Через пару дней кое-как общими усилиями поставили нашу дражайшую сеньору Кармен на ноги.

А вот Новый год здесь считается праздником официальным. Молодёжь разбегается кто куда: на танцплощадку, в Луна-парк, на вечеринку - куда угодно, только бы не остаться дома. И снова, как и на Рождество, в полночь грохают хлопушки, летают «каньитас воладорас», которые, в силу непредсказуемости их движения, особенно много хлопот доставляют пожарным. Завывая сиренами, носятся пожарные машины всю ночь по городу, туша пожары, которые вспыхивают то там, то здесь. Эти «каньитас» имеют обыкновение попадать в открытые окна квартир, в магазины, в склады, на заправочные станции и даже в лавчонку пиротехника.

Дни карнавала приходятся примерно на вторую половину февраля. Мы договорились с Хорхе - сослуживцем по этажу, у которого был свой мотоцикл, поехать вместе на карнавал в курортный город Мардель-Плата, но в последний момент он спасовал, и я решил поехать туда один. Четыреста километров на мотонете по узкому шоссе, ведущему в океанский город Мар-дель-Плата, преодолеть на деле оказалось совсем непросто. Выехал из дома рано утром. В середине пути стал барахлить мотор. Сменил свечи, отрегулировал зажигание. Толку мало. Мотор греется, мотороллер дёргается как припадочный, теряя скорость. По дороге то и дело обгоняют скоростные автобусы-экспрессы, создавая такую воздушную волну, что стоит немало усилий удержать машину на полотне шоссе.

К чёрту! Знал бы, что такая дорога, мчался бы я сейчас в одном из этих экспрессов, а не дёргался бы здесь на этом узком ночном шоссе. К тому же всё время приходится прижиматься к обочине. А тут ещё от вибрации затекают руки. Приходится вести попеременно то одной, то другой рукой, встряхивать кисти на ходу, сгоняя мурашки. Прямо ужас, а не дорога! Да, видно, не стоит больше так рисковать. Сдунул бы меня с шоссе один из этих стремительных экспрессов - и всё кошке под хвост, а то ещё хуже. И ездили тогда без шлемов.

Уже было за полночь, когда я с большим трудом добрался наконец до города. Заглянул в несколько отелей - всё забито: карнавал. Наконец пустили на ночлег в один захудалый отель, где пришлось делить с официантом крохотную душную комнатушку без окон, без дверей, служившую чуланом. Весь день бродил по развесёлой, карнавальной Мар-дель-Плате. Вечером отыскал пансион, где остановился мой сослуживец по этажу, по имени Рейнальдо, который представлял для меня оперативный интерес. Собственно, ради него я и поехал в этот город, зная, что он там будет на карнавале. Мы с ним договорились встретиться, и он указал, где его искать. Рейнальдо пришёл на шестой этаж вскоре после моего зачисления на воинскую службу, и мы с ним стали приятелями прежде всего на почве английского языка, которым он владел в совершенстве. Он пять лет учился в университете на факультете физкультуры (есть, оказывается, такой факультет в одном из университетов в США). Это обстоятельство меня поначалу смутило: на кой чёрт нам физкультурник? Что проку от него нашей разведке? Но однажды он сказал мне, что у него в Штатах была девчонка, которая работала в госдепартаменте. Я сразу насторожился.

- Ну и что же ты там не женился? - спросил я. - Тебе ведь уже вон двадцать пять лет.

- А что двадцать пять лет. Так сразу и жениться. Тебе вон тридцать, а ты ведь тоже не женат.

- Она что, твоя любовница?

- О да, Лэд! Да ещё какая! Она обещала вскоре ко мне приехать.

Чем больше я его изучал, тем больший интерес он вызывал. Конечно же все установочные данные на него уже давно были переданы мною в Центр. Я узнал от Рауля, что Рейнальдо живёт вдвоём с отцом, что отец его отставной сотрудник МИДа и что после окончания службы в армии для него уже готово тёплое местечко, для начала в консульстве одной из азиатских стран. Естественно, мне необходимо было с ним сблизиться, чему способствовала бы непринуждённая обстановка карнавала в Мар-дель-Плате.

Я отыскал его в каком-то захудалом пансионе, где он устроился по знакомству.

- Привет, Лэд! - Он называл меня на американский манер. - Рад тебя видеть. Так ты на своей трещотке?

- Конечно. Люблю путешествовать и не зависеть от городского транспорта.

- Вот-вот. С транспортом в Мар-дель-Плате как раз хреново. Ну, поехали?

Он уселся на заднее сиденье мотонеты, и мы покатили по оживлённым улицам карнавальной Мар-дель-Платы.

Рейнальдо был высоким, жилистым, худощавым парнем европейской внешности. Тщательно набриолиненные каштановые волосы его были расчёсаны на косой пробор. В части он так же, как и я, получил разрешение ходить в штатском, и я ни разу не видел его в форме или в карауле.

- А куда мы едем, Рейнальдо? - спросил я, когда мы остановились перед светофором.

- Тут неподалёку, в один ночной клуб. Там меня ждут мои друзья, с которыми я когда-то учился в школе. Поехали, я тебя с ними познакомлю. Думаю, что тебе понравится.

За столиком в ночном клубе нас ждала компания - рослый парень с двумя разбитными девицами, которые когда-то с ними учились.

- Знакомьтесь, это Лэд, мой приятель по службе. Он - греческий террорист.

Кровь хлынула мне в голову. Ничего себе представил! Он что, рехнулся, этот малый? Шутит?! А может, я дал повод, чтобы так представлять меня незнакомым людям?

- Ну да, только в отставке, - поддержал я шутливый тон, хотя мне было не до шуток. - Ты можешь людей напугать своими шуточками.

- Не обижайся, Лэд. Это я так. Не бери себе в голову. Извини.

К счастью, компания была уже изрядно навеселе и никак не реагировала на его неумную шутку. Но отреагировал (да и то внутренне) только я. Приняли они меня, в общем, хорошо. Кругом царило веселье и страшная кутерьма. Мы всю ночь до утра пировали и танцевали латиноамериканские танцы. Карнавал затягивал всех в водоворот веселья. Наутро пошли с Рейнальдо в казино Мар-дель-Плата, где разыскали его приятеля, офицера криминальной полиции. Он устроился в комнатушке с двухъярусными кроватями в полуподвальном помещении казино, принадлежавшем местным охранникам. Посидев все вместе и опохмелившись джин-тоником, мы пошли окунуться в океане. Бернардо (так звали офицера) служил в своё время в морской пехоте, был крепкого телосложения, хорошо плавал. Когда вернулись, Рейнальдо с приятелем надрывались от хохота, а моя фотокамера лежала на столе. Причина их веселья выяснилась через неделю, когда девушка из фотоателье, потупив глаза, возвращала мне проявленную плёнку: на негативе чётко вырисовывались крупным планом обнажённые ниже пояса соответствующие части мужского тела, в профиль и анфас. Ребята

схулиганили, и пока мы плавали в океане с Бернардо, они фотографировались голыми, выставляя на первый план своё мужское достоинство.

- На, возьми негативы, - сказал я Рейнальдо, - сохранишь для своего семейного альбома.

«А может, он гомик? - мелькнула мысль. - Здесь, в Аргентине, «голубые» сплошь и рядом».

Вернулся обратно в Буэнос-Айрес вполне благополучно. Бодро стрекотал мотор, развивая немыслимую скорость - 60 километров в час. Недаром механик колдовал над машиной. Всё, в общем, обошлось хорошо, но на такие расстояния и на столь ненадёжном виде транспорта я больше никогда не ездил. Неказистое на вид, довольно тихоходное средство передвижения в то же время давало мне возможность в короткое время освоить сложную систему уличного движения гигантского города, предоставило возможность свободно передвигаться, невзирая на забастовки, то и дело потрясавшие транспорт, проводить тайниковые операции, проверяться на маршрутах, выполнять отдельные задания Центра.

Поскольку мотороллер, как и мотоцикл, средство довольно шумное, возвращаясь домой в вечернее время, я обычно разгонял машину за квартал, глушил мотор и по инерции бесшумно подъезжал к дому сеньоры Кармен, не нарушая покоя ни её самой, ни соседей. Сеньора Кармен, побывав однажды в гостях у матери подполковника Лопеса, сказала, что у них снова был разговор обо мне. На следующее утро подполковник Лопес зашёл к нам на этаж и прошёл к подполковнику Мендесу. Выходя из его кабинета, он позвал меня с собой.

Спускаясь по лестнице на нижний этаж, мы повстречались с заместителем командира части, подполковником Руисом.

- Послушай, Эухенио, - молвил подполковник Лопес, взяв того за пуговицу мундира, - вот этот мучачо, он у нас служит. Ему уже за тридцать. Он, понимаешь, одинок, ему надо устраиваться на работу, да и, наверное, ему уже и семьёй пора обзавестись. Чего мы тут его будем мурыжить? Восемь месяцев он уже у нас отслужил? Отслужил. Претензии к нему есть? Нет. Ты не возражаешь, если мы его освободим от несения службы досрочно, а когда срок службы кончится, мы ему сделаем соответствующую отметку в военном билете и отпустим на все четыре стороны. Ну, что ты думаешь по этому поводу? Давай ему поможем, а? (Подполковник Лопес не забыл, что я в своё время ремонтировал его машину).

- Я не возражаю, - ответил подполковник Руне. - Раз ты просишь. Только пусть до окончания срока никуда из столицы не уезжает.

- Да никуда он не денется. Он, понимаешь, мой сосед. И хозяйку, где он проживает, я хорошо знаю. Я тебя могу заверить, что никуда он не уедет. Значит, договорились? Вот и хорошо.

- Ну вот, - сказал он, обращаясь ко мне, - так ты смотри не забывай, что если зачем-либо нам понадобишься, в любой момент мы тебя можем вызвать и ты должен немедленно явиться в часть. Понял?

- Так точно, мой подполковник, - отвечал я.

А Макс тем временем продолжал водить отремонтированную при моём участии машину Лопеса. Он отвозил детей в школу, возил его жену по магазинам, бабушку - в больницу, вывозил на пикники всю их семью, отбывая свою воинскую службу от звонка до звонка. Я же фактически получил вольную и мог заниматься сколько угодно своими делами, а через четыре месяца мог быть полностью свободен. Но если бы не добрейшая, сердобольная сеньора Кармен, то ничего этого бы не было. А ради этого стоило пожить в этом её гараже, переоборудованном под жильё. Она так и называла меня: «мучачо дель гараж» - «парень из гаража». Я очень ей благодарен за ту доброту, которую она ко мне проявила. Тогда ей было за шестьдесят, а сейчас её уже, наверное, нет в живых.

А подполковник Лопес... Он вскоре стал полковником и занял пост начальника нашей воинской части (то есть военкомата). Среднего роста, седоватый, вечно озабоченный. У него было семь человек детей и все мальчики, больная мать-старушка, моложавая жена. Как советский разведчик - я ему очень благодарен за ту заботу и внимание, которые он проявил по отношению ко мне. И не его вина, что он оказывал услуги капитану разведки КГБ, советскому нелегалу. Надеюсь, мой арест в октябре 1970 года не испортил ему карьеру, так как, по моим расчётам, все мои начальники в то время уже должны были уйти в отставку, в аргентинской армии возрастная планка соблюдается весьма строго, и офицеры, вплоть до генералов, достигшие определённого возраста (то ли 50, то ли 55 лет), увольняются в запас.

А что касается Рейнальдо (преподавателя физкультуры)... Ему тоже удалось уйти досрочно из армии. Ребята с нашего этажа мне говорили, что у него дядя генерал. Вполне вероятно, что этот дядя и посоветовал ему не слишком-то общаться со мной, человеком пришлым, со смутным прошлым (а ведь так оно и выглядело со стороны, ведь я в Аргентину приехал вживаться в свою легенду, создавать какой-то впервые реальный отрезок жизни, на который я мог бы опираться, работая в будущем в США, Канаде или Мексике). Возможно, его дядя был вхож в спецслужбы, состоявшие в основном из армейских и флотских офицеров, и навёл обо мне кое-какие справки. Рейнальдо с какого-то времени стал уклоняться от контактов со мной. Не исключено также, что, пока мы были солдатами-однополчанами, мы были па равных. А когда вышли из сближавших нас стен, социальный барьер разделил нас: я - автомеханик, вечно с запахами масла и бензина, с заскорузлыми руками; он - выпускник американского университета, кандидат в сотрудники такого престижного учреждения, как МИД. Вот и с девицей из госдепартамента США он меня не стал знакомить, хотя она приезжала в Буэнос-Айрес, и я всё же с ней познакомился, хотя и по телефону. А через несколько месяцев я совершенно случайно встретил его неподалёку от МИДа.

- Привет, Рейнальдо! Рад тебя видеть в добром здравии. Ты сейчас где?

- Я сейчас в консульском отделе МИДа, - не без гордости ответил он.

- И что же ты там делаешь? Проводишь физкультминутки с дипломатами?

Моя не очень удачная шутка ему, по-видимому, не понравилась. Хотя чувства юмора у него было не занимать.

- Пойдём, чего-нибудь выпьем, я угощаю, - сказал я.

- Ты знаешь, извини, но никак не могу. Я сейчас очень спешу по делам. Как-нибудь в другой раз.

- Ну, смотри же, я тебе позвоню.

Но когда я позвонил через какое-то время по телефону, строгий мужской голос мне ответил, что Рейнальдо уехал в командировку за границу.

- Вот хорошо! Я рад за него. Я его товарищ по службе в армии. А куда он уехал, не скажете?

- В Марокко, - ответил голос после некоторого колебания.

Я сообщил в Центр о новом месте пребывания Рейнальдо. А через какое-то время увидел в правительственной газете «Ля Насьон» фотографию с надписью: «Бал в аргентинском посольстве в Марокко по случаю Дня нации Республики Аргентины». На переднем плане среди танцующих был не кто иной, как Рейнальдо, в белом смокинге и при «бабочке». Я переслал вырезку из газеты с очередным отчётом.

Возможно, им впоследствии и занималась наша служба. Законы конспирации не дают возможности узнать, пригодилась ли моя наводка и чем закончилась разработка, если вообще она была. То же самое и в отношении Патрисии из португальского посольства в Бразилии. Мне никогда не узнать о её дальнейшей судьбе. Как, впрочем, и о судьбе десятков других наводок и установок, которые я пересылал в Центр.

Вдруг приходит повестка из Федерального суда. «Это ещё что за новость?» - подумал я. Неприятно, когда вот так - повестка. Ночь почти не спал. Наутро отправился в Лос Трибуналес Нашёл кабинет судьи, направившего мне эту повестку. За столом восседал лысоватый, начинающий полнеть джентльмен, ярко выраженный латиноамериканец, с аккуратно подстриженными, щеголеватыми усиками.

- Мы вас должны привлечь к судебной ответственности, - сурово и важно заявил он мне.

- Это за что же? - спросил я упавшим тоном.

- За уклонение от воинской повинности! Вы подпадаете под статью, как дезертир. Вы не проходили службу в армии Республики Аргентина, и поэтому мы на вас заводим дело.

У меня отлегло от сердца.

- Послушайте, - сказал я, невольно улыбаясь. - Какой же я дезертир, если вот уже более полугода как я служу в армии.

- Да? Где же вы служите? - спросил он, озадаченно почёсывая свою лысину.

- В БАДЭ, на улице Двадцать пятого мая, - отвечал я, продолжая улыбаться. - Я могу дать вам телефон моего подразделения.

- Знаете что, принесите-ка справку, что вы там проходите действительную военную службу, и мы тотчас закроем это ваше дело. Тут явное недоразумение.

На следующий день я пошёл в свой БАДЭ (название войсковой части «Буэнос-Айрес Дивисьон Эспесьаль», сокращённо БАДЭ - Спецдивизион Буэнос-Айреса, а попросту - столичный военкомат). Представил справку. Дело закрыли. И всё-таки не очень-то приятно, когда неизвестно почему тебя вдруг вызывают в Федеральный суд. Тут и сон пропадёт, пока не выяснится, в чём дело. А оказалось - обычная бюрократическая ошибка. Сержант Санторни забыл послать бумагу в Федеральный суд, что я отбываю службу и чтобы закрыли начатое на меня дело.

Итак, я относительно свободен. Макс зовёт к себе поработать немного у него. Он приобрёл по сходной цене легковой «Мерседес-Бенц» комби 1939 года с дизельным мотором. Через три недели он уже был у нас как новенький. И заплатил Макс мне за работу не так уж плохо. После этого я проработал всего лишь несколько дней в центре сервиса «Дженерал моторс». К сожалению, я не выдержал испытательного срока: не смог собрать двигатель грузовика марки «шевроле», с которым я вообще столкнулся впервые. Снова сказалась слабая подготовка по профессии прикрытия. Надо было во время подготовки не пожалеть времени и изучить как следует какую-нибудь профессию, хоть одну, но основательно, а не через пень колоду.

Профессия автомеханика сама по себе для прикрытия, может, и неплохая, но она не даёт возможности выходить на интересующие нас круги: потрескавшиеся руки с въевшимся маслом и ногтями с траурной каёмкой сразу выдают принадлежность к рабочему классу, а к нему, к этому классу, естественно, соответствующее отношение. Но ведь как-то и когда-то нужно будет организовать своё дело. И вот я решил немного подучиться. Продолжая работать время от времени у Макса, я поступил на курсы организации бизнеса и машинописи в школе имени Альберта Швейцера. Такие школы-курсы Швейцера имеются во всех столицах мира, и учатся там основам бухгалтерского дела, языкам, машинописи, стенографии и прочим специальностям. За три месяца прошёл ускоренный курс машинописи и бухгалтерского учёта. В будущем, когда я организую своё собственное дело, всё это мне очень пригодится. Вскоре я устроился механиком в авторемонтные мастерские «Дилон-Форд», где проработал несколько месяцев. Потом, казалось бы, процветающая фирма вдруг разорилась, а нас всех вышвырнули на улицу. Оказалось, что

управляющий фирмой провернул какую-то сделку, которая привела фирму к банкротству.

На фирме работали механики в основном испанцы и итальянцы. Мне удалось подружиться с пожилым механиком-итальянцем, специалистом по автомобильным моторам, у которого я многому научился. На этой фирме работал также один поляк, воевавший во время войны в Африке в армии Андерса. У него была прострелена челюсть, что придавало ему нелицеприятный вид, да и сам по себе он был типом пренеприятнейшим. Говорили, что он является доверенным лицом хозяина, американца Дилона. Поляк этот и ко мне первое время присматривался, пытаясь установить доверительные отношения, но по первым же его вопросам я понял, что он, возможно, связан не только с хозяином, но и с полицией, и поэтому я по мере возможности держался от него на расстоянии. Да и работа у меня была иного профиля, тогда как он работал шофёром по перегонке машин, подлежавших ремонту, а также дворником на фирме и в усадьбе хозяина.

Однажды мне поручили вместе с ним перегонять старый фордовский грузовик, предназначавшийся для ремонта. Мне бы отказаться, сославшись на то, что грузовики водить не умею, но получилось так, что ехать с ним, кроме меня, было некому. Поляк уверял, что он будет тащить меня на буксире на жёсткой сцепке и что мне надо будет лишь крутить баранку. Но ехать пришлось с далёкой окраины через центр столицы, и с меня сошло семь потов и проклятий, пока мы добрались до места. Благо ругаться я научился на службе в армии, где составил даже словарь отменных и сочных испанских матюганов, поскольку без мата слесарю-авторемонтнику никак нельзя: то одно не ладится, то другое, то конструкция машины такая, что надо быть ужом, чтобы добраться до какого-нибудь узла. Проклинаешь на чём свет стоит конструкторов, которые совершенно не думают о том, как подобраться к той или иной части машины, не разобрав добрую её половину. Хорошие у меня были инструкторы и в разведшколе, и по индивидуальной подготовке, но никому из них в голову не пришло хоть немного поучить меня водить машину на буксире. Тем более грузовик.

Мне было жаль расставаться с фирмой, где я уже был на хорошем счету и кое-чему всё-таки научился. Однако в плане расширения полезных связей или получения развединформации - почти ноль.

Был октябрь 1962 года. Надвигался кубинский кризис. Поздно вечером, проведя тайниковую операцию через тайник № 12 в районе Чакарита, я возвращался домой. Тревожно кричали мальчишки-газетчики о неминуемой встрече нашего морского конвоя с американскими эсминцами в Карибском море. Радио и телевидение угрожающе нагнетали обстановку. Неужели и впрямь будет ядерная война? Ведь это же безумие! Никто не уцелеет! Только я здесь, возможно, и уцелею. А зачем? Все там погибнут, а я здесь выживу? И кому я буду тут нужен? Как хотелось быть у себя дома! Уж коль суждено погибнуть, то вместе со всеми своими, со своим народом.

С тяжёлым сердцем всю ночь напролёт слушал сообщения радио, одно тревожнее другого. Утром наконец передали информацию о прибытии Микояна сначала в Нью-Йорк, затем в Гавану. А на работе от ребят-механиков узнал, что конфликт улажен и конвой советских судов повернул обратно. Здравый смысл восторжествовал. Вечером, вернувшись домой, я налил себе большую рюмку коньяку и, стоя перед зеркалом, провозгласил про себя тост за торжество разума. В моём отчёте была информация по отзывам на Кубинский кризис самых различных слоёв населения, и я собирал эту информацию, рыская по городу и пропадая в барах и бильярдных. Это было срочное задание Центра. Нужна была информация от «местного жителя», то есть меня, а не от советского дипломата, которому могли сказать не то и не так.

Ещё дома в процессе подготовки я узнал, что в США требуются медсёстры, токари, слесари, фрезеровщики, инструментальщики, наладчики станков и др. Заручившись согласием Центра, я решил поступить на трёхмесячные курсы в частной школе механиков сеньора Сливы. Слива блестяще организовал своё дело, в котором принимала участие вся его еврейская семья. Сам он был профессионалом в деле обработки металлов. Вскоре я овладел профессией токаря и слесаря. Курс обучения был довольно насыщенным. Теория сочеталась с практикой, все преподаватели были высокой квалификации. Теорию читали инженеры. По окончании курсов мне выдали два диплома: токаря и слесаря. Наш преподаватель слесарного дела в это время оформлял документы на выезд в США, где работа ему была обеспечена. Я договорился с ним, что он мне напишет, когда устроится. Узнав, что владею английским, он, конечно, имел на меня кое-какие виды, поскольку сам языка не знал. Мы обсудили с ним возможность организации в будущем механической мастерской на окраине Нью-Йорка, где у него жили родственники. Мне требовалась хоть какая-нибудь зацепка, с тем чтобы устроиться в Штатах. Центр одобрил эту идею, однако через полгода я получил от уехавшего письмо, что ему там не нравится и он возвращается в Аргентину. На том всё и закончилось.

А тем временем нужно было устраиваться на работу, чтобы на практике закрепить полученные навыки. Через две недели, по объявлению, устроился токарем в механическую мастерскую братьев Мендес. В мастерской реставрировали рулевое управление автомашин самых различных марок, а также занимались изготовлением дефицитных в то время глушителей для автомобилей «фольксваген», набиравших популярность в этой стране. Братья Мендес также содержали в Белграно магазин запчастей к автомашинам «рено», выпускавшимся в стране. В мастерской работало человек десять, включая двух братьев Мендес и их шурина по имени Хуан. С Хуаном я сошёлся ближе других, он стал моим подлинным наставником. Под его руководством я сделал пару довольно сложных штампов для изготовления глушителей к «фольксвагену». Применив систему эксцентриков, я усовершенствовал конструкцию штампа, что дало зримый экономический эффект. Мне доверили пару

токарных станков: один - для точных работ, другой - для шлифовки деталей рулевого управления.

Хуан родился во Франции и приехал в Аргентину вскоре после войны. Он ещё мальчишкой ушёл из Дома, когда его мать после смерти отца вышла замуж. Он не мог ей этого простить. Отец его, испанец по происхождению, принимал участие во французском движении Сопротивления, прошёл через застенки гестапо и умер вскоре после войны. Невысокого роста, лет тридцати пяти, лысоватый, крепкого телосложения, Хуан закончил профтехучилище при заводе «Рено» и стал классным специалистом, слесарем-инструментальщиком. Он был главным организатором и душой мастерской братьев Мендес, в которую вложил много сил. Хуан владел небольшим ранчо на окраине Буэнос-Айреса, был женат на сестре хозяев мастерской, имел троих детей, увлекался разведением кроликов. Со своими шуринами он не очень ладил, считая, что дело можно было бы поставить на более широкую ногу, если бы братья Мендес хоть что-нибудь смыслили в деле ведения бизнеса, да и в технике тоже. Хуан лично закупал станки, занимался оборудованием мастерской, у него постоянно вызревали идеи, но хозяева его не понимали и не воспринимали. Хуан был энергичен, напорист, имел подход к людям, терпеть не мог бездельников, придерживался явно левых убеждений и этим мне импонировал. В нём текла настоящая испанская кровь. Однажды он пригласил меня к себе в гости. Мы вдвоём на моей мотонете после работы отправились с ним на его ранчо. Уже стемнело, упал туман, не видно ни зги. Ни лучика света. В тумане мы сбились с пути. Оставив мотороллер на дороге, мы пошли искать тропу и вскоре наткнулись на колючую проволоку. И вдруг совсем рядом раздались выстрелы. Пули свистнули над головой. Мы оба упали на землю лицом в колючки.

- Э-э!! Ты что, болюдо, рехнулся?! - заорал Хуан не своим голосом. - Ты что стреляешь?!

- А вы кто такие?! Какого чёрта шляетесь тут по ночам?! - откликнулся после некоторой паузы чей-то хриплый низкий голос.

- Так это ты, Маноло?! - вскричал Хуан, свирепея и вскакивая на ноги.

- Ну я. Что с того? - отвечал невидимый Маноло из туманной ночной мглы.

- Сын тысячи сук! Сука мать тебя родила! Кусок дерьма! У тебя что, глаза повылазили? Ты же нас чуть не застрелил!

- Ну я же спросил: «Кто такие?» - отвечал невозмутимо флегматичный голос невидимого до сей поры Маноло.

- Идиот! Ты сначала стрелял, а потом уж спрашивал! - продолжал распаляться Хуан. - А моих троих детей ты потом кормить будешь? Сукин ты сын!

Хуан никак не мог успокоиться. Он бурлил как вулкан.

- Ну ладно тебе, Хуан, - сказал миролюбиво Маноло, подходя к нам. - Ты уж извини, что так получилось. Ну зайдём ко мне, выпьем по рюмочке агуардьенте 1. Хватит шуметь, детей разбудишь.

- Ты их сам давно уже разбудил своей дурацкой стрельбой!

- Но ты же знаешь, какие здесь типы шляются по ночам.

Хуан внезапно сменил свой гнев на милость, и мы, пройдя по тропинке, вошли в пристройку к ранчо вслед за Маноло, усатым, плотного телосложения коренастым мужичком. Где-то тревожно спросонья хрюкали свиньи, кудахтали куры.

- Но всё же нельзя вот так стрелять в людей ни с того ни с сего. Смотри, чтоб больше так не делал. Что вот мой друг о нас подумает? Что мы тут совсем одичали, э-э?

- Ну давайте выпьем, потом я вас провожу, - сказал Маноло, наливая агуардьенте [13] в глиняные рюмки.

Маноло был одет в джинсы, на ногах стоптанные альпаргатас [14]. На боку в открытой кобуре у него висел револьвер, на поясе - патронташ. На гвозде в пристройке - винчестер.

- Понимаешь, - обратился он ко мне, - казалось бы, Буэнос-Айрес не так уж и далеко, а опасно - здесь ведь уже начинается пампа, электричества пока нет, но скоро будет, сюда уже тянут линию. Ну что, пошли, что ли, э, Хуан? А то, может, у меня заночуете?

Но Хуан хотел ночевать у себя дома, и мы, опрокинув ещё по рюмочке агуардьенте, затем ещё по одной, закусив маниес [15] и солёными маслинами, в сопровождении Маноло с фонарём отправились искать дорогу. Добрались до дома Хуана уже за полночь.

Наутро Хуан показал мне своё хозяйство: ветряк, водоём для поливки огорода, кроликов, кур и прочую живность. А вокруг простиралась необозримая пампа. Затем мы поиграли с его детьми. Миловидная жена хлопотала по хозяйству. После традиционного асадо, распивая льерба матэ [16] , мы вели неторопливую беседу о том о сём, и о политике тоже.

Возвращаясь от Хуана, на узкой тропинке нагнал какого-то толстяка - пайсано [17], который ехал на велосипеде, и я никак не мог его обойти: тропинка была узкой, а слева и справа - болото, камыши. Велосипедист, слыша назойливый стрекот мотора за спиной, занервничал, пугливо

---

[13]Агуардьенте - тростниковая водка.

[14]Альпаргатас - тапочки из джинсовой ткани на верёвочной подошве.

[15]Маниес - земляные орешки.

[16]Традиционный аргентинский напиток гаучо, подобие зелёного чая, завариваемого крутым кипятком в специальном сосуде, сделанном из маленькой, выдолбленной и высушенной грушеобразной тыковки с узким горлышком. Напиток высасывается из сосуда через серебряную трубочку с каплеобразной фильтрующей сеточкой на конце – бомбильей.

[17]Пайсано - крестьянин, земляк.

оглядываясь, поэтому, обходя его, я всё же ненароком слегка задел его, а когда, уже обойдя его, удалялся, он вдруг пришёл в ярость, видно от пережитого испуга, погрозил мне кулаком и, громко бранясь, припустился за мной на своём велосипеде. Но куда ему было за мной угнаться! И всё же угрызения совести не покидают меня по сию пору. Мне бы остановиться, подождать его, извиниться, пожать ему руку, поговорить... Ну не полез бы же он драться!.. А так... Напугал, расстроил рабочего человека, пустил ему в нос выхлопные газы и укатил восвояси. Ай-ай-ай! Нехорошо! А ещё представитель первого в мире пролетарского социалистического государства! Да ещё советский разведчик! Позор! Стыд и срам!

Между тем у сеньоры Кармен случились одно за другим два несчастья: вначале от старости подохла любимая курица, и она несколько дней по ней убивалась. Через некоторое время вслед за курицей последовала и её разжиревшая болонка, которая сдохла не столько от старости, сколько от ожирения. И курицу, и собаку я похоронил у выложенной из красного кирпича задней стены сада, сделал холмик, и бедная женщина каждый день приходила повздыхать и поплакать над могилой своих любимцев. Сеньора Кармен регулярно посещала также колумбарий на кладбище Ля-Чакарита, где в военном секторе покоилась урна с прахом её первого мужа, полковника республиканской армии Испании, мундир которого она продолжала бережно хранить в своём платяном шкафу. Мундир защитного цвета с нашитыми красными шпалами на воротничке был тщательно почищен и отутюжен, на полке лежала фуражка с красным околышем и маленькой красной звёздочкой на нём. Старушка любила говорить: «Вот умрёт палач Франко, изменится строй, вернусь я в Испанию, и будут меня встречать с оркестром. И урну с прахом мужа предадут торжественному захоронению со всеми воинскими почестями на военном кладбище в Мадриде». Но вот Франко умер, на престол взошёл молодой король Хуан Карлос, а предсказания сеньоры Кармен не сбылись, и прах её мужа-полковника остался на аргентинской земле, и с оркестром её конечно же никто встречать не думал.

...Тем временем подошло время вывода жены за рубеж. Мы не виделись - страшно подумать! - два с половиной года. И за всё это время только краткие весточки друг о друге, переданные по радио в шифровках. Получил шифровку: «Ваша жена успешно готовится; надейтесь на скорую встречу». И всё. За это время ей пришлось проделать невероятную по объёму работу по изучению языков и прочих премудростей, необходимых в разведывательной работе. Что касается легализации «Весты», отработки её легенды, оформления нашего брака и прочее, Центр полностью полагался на меня. Чтобы ускорить весь этот процесс, я решил отказаться от поездки домой, а выехать в Европу, встретить там жену сразу после её вывода за границу, заполучить её под свою опеку и приступить к её легализации. А легализация - это всегда очень ответственный этап в работе разведчика-нелегала, пожалуй, самый ответственный и важный, и от того, как она проведена, зависит вся будущая работа, жизнь самого нелегала и жизни многих людей, с которыми он связан. Легенда-

биография строится по крупицам, по кусочкам. И здесь, в промежуточной стране, эта легенда впервые перестаёт быть таковой, становясь реальностью.

Заканчивался первый этап моего пребывания в Аргентине. Второй этап начнётся в июне 1964 года, когда я вновь туда приеду уже с женой. Связь с Центром была устойчивой и регулярной. Появились новые друзья и знакомые, новые связи. Готовлю окружение к предстоящему отъезду в Европу. Ну не прижился здесь, и всё. Разве так не бывает? В стране упадок, экономический кризис, жуткая инфляция, один военный переворот следует за другим. В Европе же - экономический бум. Большие возможности. Поэтому говорю всем, что решил туда уехать попытать счастья. Все меня уговаривали остаться, но я в ответ лишь улыбался. Мне предстояла долгожданная встреча с женой, и всё остальное для меня не имело значения.

К тому времени я уже год как посещал спортивный клуб «Ривер-Плейт». По воскресеньям занимался на стадионе лёгкой атлетикой - бег, прыжки. Это помогало поддерживать форму. Играл ещё в палету баска. Игра эта ведётся ракетками, напоминающими по форме и размерам теннисные, но изготовленными из толстой фанеры, и твёрдым мячом из чёрной резины величиной чуть больше шарика для настольного тенниса. Площадка для игры огорожена с трёх сторон высокой железобетонной стеной, окрашенной в белый цвет. Играют обычно два или четыре человека. Игра основана на принципе отскакивания упругого резинового мяча от стенок. Игра крайне увлекательная. Требует большой выносливости и сноровки. Стал учиться играть и в большой теннис. Я полагал, что теннис в будущем будет весьма полезен для заведения нужных знакомств.

Близился отъезд. В мастерской получил расчёт. Братья Мендес на прощанье прямо во дворе мастерской устроили традиционное асадо. Рабочие вперемешку с хозяевами сидели за импровизированным столом из ящиков из-под овощей, установленных под навесом во дворе мастерской. Устроили прощальный обед и в саду у сеньоры Кармен: поставили на газоне столы, я пригласил своих приятелей, и мы славно посидели за неизменным асадо. Сеньора Кармен пару раз всплакнула.

- Ладислао, - сказал тогда Рауль, - ты оставляешь здесь разбитые сердца.

Наутро был отъезд. Приехал приятель сеньоры Кармен на стареньком «опель-капитане» (это как наш «Москвич» первого выпуска). Забросили на багажник сверху мой чемодан, с трудом втиснулись в машину и поехали. Был июль месяц. Светило яркое зимнее солнце. Тот самый белоснежный красавец «Прованс», на котором я два года назад приплыл сюда, стоял у причала. Распрощавшись с провожающими, поднялся на борт. Людская масса бурлила на палубе и в салонах, все бары были забиты пассажирами и провожающими. Здесь вовсю шла беспошлинная торговля алкогольными напитками, пивом и прочими товарами. Наступило время прощания. «Прованс», с помощью буксиров медленно выбравшись из порта, вошёл в

морской канал и тихим ходом взял курс в открытый океан. И снова Сантус, Рио-де-Жанейро, Дакар, Тенерифе на Канарских островах, Лиссабон, Барселона и, наконец, Марсель. В Барселоне стоянка была длительная, и я решил навестить дочь сеньоры Кармен. Миловидная женщина средних лет, настоящая испанка, муж и сын - оба адвокаты. Они меня уже знали из писем сеньоры Кармен и оказали тёплый приём. За обедом я рассказал о том, как живётся её матери, передал сделанные мной фотографии. Дочь сеньоры Кармен очень беспокоилась, что мать её так сильно располнела, выражаясь её словами, «стала свободной в талии». Они не виделись более двадцати лет, с тех пор как кончилась гражданская война в Испании. Внук сеньоры Кармен проводил меня на судно. Славный смуглый молодой человек, похожий на своего деда-артиллериста.

И вот - Марсель. Тёплый июльский вечер. Вхожу в отель и первое, что вижу в вестибюле, - лицо Валентины Терешковой во весь экран стоявшего здесь большого телевизора. Наша первая женщина-космонавт вела репортаж из космоса. Рано утром скорый поезд мчал меня в Париж. Маршрут я выбирал сам, согласовав с Центром. Мой путь снова лежал в Швейцарию.

Париж. Шумный, весёлый, суетливый. Остановился в тур-отеле «Пять углов». Там действительно сходятся пять улиц. Отель недорогой, экономия электроэнергии жёсткая. Чтобы пройти вечером лестничную площадку или коридор, нужно по мере продвижения нажимать на кнопочные выключатели, которые затем, через определённое время автоматически гасят за тобой свет. В туалете (а он в коридоре общий) открываешь дверь - свет горит, прикрываешь - гаснет, и только когда повернёшь защёлку, чтобы запереться, свет снова зажигается, но об этом не сразу догадаешься: надписи на этот счёт отсутствуют. Расположен отель удачно - до центра рукой подать.

Через три дня поездом приехал в Женеву. Поставил сигнал о прибытии на той же улице, что два с лишним года тому назад. Приобрёл подходящий транзисторный приёмник и начал слушать свои позывные. В первой же полученной мной шифровке Центр сообщил, что мой сигнал принят и что «Веста» появится в Европе лишь в августе. Условия явки будут сообщены дополнительно. Таким образом, у меня впереди был почти месяц, и я решил посмотреть Швейцарию. Оставил свой чемодан в камере хранения на вокзале в Женеве и отправился по наиболее интересным местам Швейцарии: Сент-Мориц, Монтрё, Люцерн, Церматт и др. Приобретя рюкзак типа шерпа, горные ботинки, брюки гольф и гетры, я где пешком, а где на почтовом автобусе преодолел несколько горных перевалов. Однажды даже пришлось заночевать высоко в горах в стогу сена, в котором изрядно продрог, ведь заморозки в горах - обычное дело. Два раза в неделю принимал радиограммы. А вот самую важную шифровку проворонил. И всё из-за того, что плохо рассчитал рельеф и остановился в отеле, находившемся у самого подножия огромной горы, отчего слышимость была близка к нулю. Повтор был через день. С трудом нашёл номер в горном отеле.

Прочитав принятую шифровку, схватился за голову: «Веста», оказывается, уже находилась в Дании и начала выходить на явку!!! Сломя голову помчался ночным поездом в Женеву. Приехал в аэропорт на такси рано утром, взял билет на ближайший рейс Женева - Копенгаген. К сожалению, рейс был вечерним, и явку я пропускал. В самолёте, из разговора с сидевшим рядом бизнесменом, выяснил, что в разгаре туристический сезон и с отелями в Копенгагене напряжёнка, поэтому нужно искать комнату на частной квартире. Он подсказал мне, как это сделать. Приехав в центр из аэропорта, я затем отправился на железнодорожный вокзал, где функционировало квартирное бюро. У стойки стояла небольшая очередь, но едва я встал в неё, как ко мне подошла старушка и предложила комнату. Она, как, впрочем, все датчане, могла изъясняться по-английски. Вместе с ней на такси мы подъехали к дому в центральной части города. Комнатка мне понравилась. Паспортные данные у меня не спрашивали.

Рассказ «Весты»

Подхватив свой довольно лёгкий чемодан, сошла с автобуса. Огромный зал ожидания аэропорта Темпельгоф гудел как улей. С лётного поля доносился рёв авиационных двигателей. Здесь, в Западном Берлине, пересекались маршруты почти всех стран мира. Западный Берлин жил своей особой жизнью, столь отличавшейся от Восточного Берлина, откуда я только что приехала. Перед отъездом несколько раз побывала в Западном Берлине, где я делала покупки. Всё было просто: я садилась в метро в Восточном Берлине в час пик и, смешавшись с остальными пассажирами, не удостоив взглядом пограничников, проходила прямо в Западный Берлин. Вот и сейчас я с небольшим чемоданом вышла из метро в Западном Берлине и села в автобус, направлявшийся в аэропорт Темпельгоф. Там взяла билет на самолёт до Копенгагена и переночевала в гостинице при аэропорте. Самолёт на Копенгаген вылетал утром.

А до этого почти три года интенсивной подготовки. У меня был важный стимул: за границей уже работал муж. Совсем один. Ждёт меня. И очень. Я была в этом уверена. Он - человек основательный. Надёжный.

Языки - прежде всего. Немецкий - основной, поскольку я готовилась к тому, чтобы в будущем выдавать себя за немку. Для этого я два с половиной года провела в ГДР в немецкоязычной среде, поселившись у одной пожилой немки.

Комната находилась в мезонине небольшого домика на окраине города. Старушка хозяйка была испуганно-недоверчивой и по ночам со свечой в руках поднималась в комнатку, дабы убедиться, что молодая, красивая русская немка в комнате одна. Это, однако, не мешало ей по немецкому обычаю подавать мне по утрам кофе в постель. Пока я подыскивала себе работу, приходилось делать вид, что уже работаю: вставать по утрам и возвращаться вечером. Наконец после долгих поисков я нашла работу воспитательницы младших классов в немецкой школе. Однажды от одной из своих учениц случайно узнала, что у них до

последнего времени снимала комнату студентка, которая на днях отбыла на практику в Китай, и её комната сейчас свободна. Переговорив со своими родителями, эта ученица передала мне приглашение посетить их дом. Меня очень хорошо приняли, и уже на следующий день я переехала к ним. Глава семьи был настоящий партайгеноссе. Догматик-марксист, он в то же время был человеком добрым и отходчивым. Своим домашним он категорически запрещал смотреть по ТВ передачи с Запада и очень ревностно относился с любым веяниям с той стороны.

Однако вскоре на встрече со своим куратором я узнала, что хозяин через компетентные органы наводил обо мне справки: кто я, откуда прибыла и насколько благонадёжна. Компетентным немецким органам велено было передать, что со мной всё в порядке, и хозяин успокоился. Кроме дочери у хозяина был ещё и взрослый сын, который служил почему-то в Баку в Советской Армии. Он должен был вскоре вернуться оттуда, и хозяева очень хотели, чтобы он мне понравился. Но у меня были другие планы. Проведя в Лейпциге полгода и более-менее освоившись в немецкоязычной среде, я уже по другим документам должна была появиться в Дрездене как дипломированная медсестра, проработавшая какое-то время в одной из больниц Лейпцига, где действительно работала медсестрой очень похожая на меня девушка, которая якобы переехала в Магдебург. Всё это было, разумеется, составной частью комбинации моей подготовки, и девушка та была наша.

В Дрездене «Весте» уже никто не помогал. С документами, опять же на русскую немку (на настоящую я пока не тянула), и с дипломом об окончании медучилища в Москве (квалификация наших медработников в ГДР считалась довольно высокой, и диплом об окончании медучилища в Москве был действителен в стране) я стала подыскивать себе работу. В первой же попавшейся большой больнице, куда я зашла, меня приняли на работу, обеспечили жильём и велели прийти в тот же день на ночное дежурство. В госпитале в послеоперационном отделении, куда я попала, две медсестры были на больничном, а две другие ушли в декретный отпуск. Первое ночное дежурство в совершенно новой обстановке (я никогда до этого не бывала в немецкой больнице, хотя медицинскую терминологию на немецком языке знала) оказалось в своём роде боевым крещением. Много тяжелобольных, всю ночь напролёт пришлось бегать из палаты в палату, делать уколы, выполнять работу санитарки и уборщицы. Мне дали комнатку на верхнем этаже больницы. Я делила её с молодой медсестрой Сабиной. Мы подружились. У Сабины был брат, которому я очень понравилась, и он пытался было за мной ухаживать, но я отвергла его, сославшись на то, что у меня в Берлине жених. Свои поездки в Берлин на встречи с руководством и преподавателями я оправдывала свиданиями со своим другом. Впоследствии, когда у меня родилась дочь, я назвала её Сабиной в честь своей немецкой подруги.

Со своим куратором и инструкторами я встречалась на явках и конспиративных квартирах в Дрездене и в Берлине. Иногда они передавали мне привет от мужа, а однажды даже письмо, написанное на английском языке и пересланное через тайник на непроявленной

фотоплёнке. Мне говорили, что муж ждёт меня не дождётся, ведь, поженившись, мы вместе были чуть больше года.

Всё это время я не знала ни сна, ни отдыха, работая практически без отпусков. Нечастые поездки в Москву назвать отпуском можно было с большой натяжкой: занятия, встречи, наставления и прочее.

Мне в ГДР товарищи давали небольшие поручения по проверке вновь завербованных агентов (выйти на встречу и взять письмо или конверт с документами, который затем проверялся нашими специалистами на предмет вскрытия; проводить тайниковые операции с закладкой или выемкой контейнеров с документами или фотоплёнкой и т.п.).

Перед самым выводом за рубеж я побывала дома в Москве.

После краткого отдыха на Юге снова выехала в ГДР, только на этот раз уже в Берлин. Перед отъездом из Москвы - прощальный приём у руководства на конспиративной квартире, последние наставления: как-никак, а я впервые отправлялась на Запад.

Западный Берлин. Темпельгоф. На руках у меня промежуточные документы западной немки.

«Железные» документы западногерманской подданной, по которым мне предстояло в дальнейшем жить и работать.

Вместе с толпой пассажиров я прошла пограничный и таможенный контроль. Всё в порядке. Перевела дух. И вот я в самолёте. Не успела как следует разговориться с соседкой, пожилой немкой, как показались огни Копенгагена. Через квартирное бюро на вокзале сняла комнатку в частном доме на окраине города. Приветливая, улыбчивая хозяйка средних лет провела меня в чистенькую светлую комнатку, расположенную в мезонине, с крошечным балконом, увитым диким виноградом. Оставив чемодан, я поехала в город. Прогулялась по центру. По плану города, который приобрела в киоске, нашла улицу, где на табличке под определённым номером дома необходимо было проставить сигнал о прибытии - две параллельные чёрточки таблеткой аспирина, нижняя короче верхней.

Чудесный город Копенгаген. Чистенькие, обрамлённые газонами улицы. Каналы, рассекающие город, расположенный на островах Зеландия и Амагер, парк Тиволи и конечно же символ Дании - бронзовая русалка на Лангелиние, валуне, возвышающемся из воды в нескольких метрах от каменистого берега пролива, по которому то и дело проходят, нагоняя волну, океанские суда. Здесь всё напоминает о знаменитом Хансе Кристиане Андерсене, сказками которого мы все зачитывались в детстве.

Вечером выхожу на явку. Волнуюсь. Сейчас сюда придёт муж, которого я не видела целую вечность - два с половиной года. Страшно подумать! Разлука - вещь ужасная. А для меня - всё равно как во время войны. Где он? Что с ним? Ничегошеньки ведь о нём не знаешь. Неужели я сейчас его увижу? Даже не верится, что сейчас он придёт на встречу. Мне ведь передали, что он уже где-то здесь, в Европе. После тщательной

проверки, в точно обусловленное время выхожу на место явки - тихую городскую улочку, застроенную коттеджами под красной черепицей. В палисадниках розы, жасмин, гладиолусы.

На явку в первый день муж не вышел. Не пришёл он и на второй день. Что случилось? Я уж было переполошилась. Если не придёт завтра, придётся подавать условный знак и готовиться к возвращению домой. Он пришёл на третий день. Я заметила его издалека, когда он шёл по параллельной улочке. Уж муж-то наверняка меня давно заметил и, очевидно, проверяет, нет ли за мной «хвоста». Так, на всякий случай. Ведь он-то знает, что у меня за плечами почти три года спецподготовки, за которые я успела кое-чему научиться и могла свободно вращаться в немецкоязычной среде, не привлекая к себе чьего-либо внимания. Да и годы работы медсестрой в немецком госпитале не прошли даром. Было трудно, это да. Ночные дежурства, хирургические операции, параллельно - спецподготовка, явки... Конечно, не помешало бы ещё пару лет под учиться, но мне сказали, что у Вадима большой опыт и он восполнит всё недоработанное мной. Сейчас он конечно же за меня волнуется. Ведь я всё-таки здесь, на Западе, новичок.

Встреча была незабываемой. Поцеловались. Рассмеялись, произнеся пароль и отзыв - необходимые формальности. Пароль: «Простите, мы не могли с вами встречаться в Западном Берлине?» Отзыв: «Да, мы с вами встречались, но это было во Франкфурте». А вдруг это не он? А вдруг - двойник? Погуляв немного по улочкам пригорода, мы поймали такси и отправились в домик на окраине, где я, распрощавшись с хозяйкой, взяла свой чемодан, и мы уже вместе поехали к нему на квартиру, располагавшуюся в большом сером доме на канале. В столовой за обеденным столом восседал румяный крепкий старик в лихо заломленной капитанке с белой тульёй и с крабом на околыше. На столе перед ним стоял штоф из зелёного стекла. Он как раз в этот момент поднимал очередную рюмку, когда мы вошли в прихожую. Старый морской волк весело подмигнул, произнёс то ли «так», то ли «гутен таг», поздравляя нас с прибытием, и махнул крошечную рюмашку со шнапсом, резко запрокинув голову. Он, очевидно, выполнял здесь роль вахтёра, контролируя со своего поста двери ещё двух комнат, где также располагались гости. Утром, поприветствовав нашего морского привратника, который, как и накануне вечером, продолжал сидеть перед почти пустым уже штофом, мы отправились в город. С моря дул холодный ветер, моросил мелкий дождь. Мы шли по мостам и набережным Копенгагена, взявшись за руки. Позади были долгие два с половиной года разлуки и одна незабываемая бессонная ночь. Мы были счастливы.

Через день мы выехали в Брюссель - там была явка. Поставили сигнал о прибытии. На явку, однако, никто не выходил. Близилась осень, шли дожди, стояли туманы. В городе висел смог. Было тревожно на душе. В чём там дело? Почему никто не приходит? Ведь мы уже давно по плану должны были быть на намеченном в Центре маршруте. Часами мы бродили по паркам города, вечерним улицам. В центральной части города в нижних этажах домов работали кафе, закусочные, ресторанчики.

Уличный деликатес - жареный картофель соломкой с маринованным крошечным огурцом в бумажном кульке. Дёшево и сердито, а главное, необычайно вкусно. За огромной стеклянной витриной размещается целый комбайн по приготовлению этого незатейливого блюда. Над всем этим сноровисто колдуют три парня в белоснежных высоких колпаках. Один засыпает в бункер при помощи подъёмного механизма сразу пару мешков картофеля. Пройдя через чрево автомата, картофель с другого конца машины выходит уже в виде румяной поджаренной соломки; второй парень быстро накладывает соломку специальной вилкой с захватом в бумажный пакет и кидает сверху два огурчика «пикли», третий парень быстро подаёт готовую продукцию через окошко очередному покупателю и рассчитывается с ним. Работа спорится. Очередь постоянная, но не более 3-5 человек. Ребята работают быстро. Аромат жареного картофеля, разносящийся на несколько кварталов окрест, привлекает всё новых посетителей, среди которых и совсем молодые парочки, и пожилые люди.

- Вот видишь, - сказал я «Весте», - смотри, какой бизнес и как здорово они управляются. Может, и мы начнём когда-нибудь что-то вроде этого, а?

Незаметно сворачиваем в узкую, кривую улочку, освещённую только светом, падающим из окон первых этажей двух- и трёхэтажных домов. Каждое окно представляет собой своеобразную витрину, в которой на тёмно-красном, чёрном либо тёмно-зелёном фоне сидит красивая холёная девица в глубоко декольтированном вечернем платье, освещённая скрытым источником света. На шее у девиц поблёскивают украшения. С загадочной улыбкой они разглядывают многочисленных прохожих. Вдоль тротуара мощённой булыжником улицы медленно движутся автомобили. Вот у одной из дверей тормозит маленький «фиат», из которого выходит молодой брюнет, почти мальчишка. Вслед ему, выглядывая из машины, хихикает его приятель. Брюнет с видом завсегдатая подошёл к двери и нажал на звонок. Растерянно оглядывается на приятеля. Девица в окне тотчас исчезла, и её место заняла другая, пышнотелая блондинка с ожерельем на шее и золотыми браслетами на запястьях. Дверь бесшумно распахнулась и сразу же захлопнулась, впустив молодого человека. То у одной двери, то у другой притормаживают машины, и мужчины разного возраста то и дело исчезают за дверями. Некоторые из окон пустуют, что означает, что девушки заняты. Нам было ясно, что эти холёные красавицы - представительницы древнейшей профессии.

Европа, Европа...

Пришла шифровка. Явка в Брюсселе отменяется в связи с осложнением агентурной обстановки в Бельгии. Нам предписывается немедленно выехать в Швейцарию и ФРГ для завершения работы над легендой «Весты». Снова в дорогу. Базель - город на стыке границ трёх держав: Швейцарии, ФРГ и Франции. Здесь необходимо отыскать адрес, по которому проживает одинокая пожилая женщина, по легенде «Весты» - её единственная тётя. «Веста» её не знает, но в Центре ей было сказано, что это свой человек, и в случае чего она подтвердит, что «Веста» является её

племянницей и что она действительно помогала ей материально. Личная встреча с «тётушкой» не предусматривалась.

В базельском зоопарке у клетки с гориллой собралась толпа. Огромная, чёрная, беременная горилла, ухватившись за косяк двери своей «спальни», раскачивалась в проёме двери, показывая язык и скалясь на зрителей, которые ей уже, по-видимому, изрядно надоели. Вот она стала серьёзной. С невинным видом, продолжая раскачиваться из стороны в сторону, она медленно заводит огромную чёрную лапищу под свой зад и вдруг молниеносным движением, оскалившись, швыряет прямо в толпу свои экскременты. Посетители в ужасе отпрянули. Весь «заряд» пришёлся в защитное стекло, как видно совсем не зря установленное прямо на решётке клетки. И всё же кое-кто из джентльменов с хохотом стал отряхивать свои шляпы, так как кое-что пролетело поверх стекла. Здесь-то нам и пришла в голову мысль вставить этот эпизод в легенду: «Именно здесь в этот момент мы и познакомились».

В Базеле мы остановились в недорогом отеле, сняв два отдельных номера, которые соединялись между собой посредством ванной комнаты. Это было конечно же смешно, ибо один из номеров фактически пустовал. В дальнейшем мы снимали уже один номер, поскольку на Западе помолвленные официально или де-факто жених и невеста обычно путешествуют вместе, и никому не придёт в голову спросить, как они спят - вместе или раздельно, так как подобные вопросы являются вторжением в личную жизнь.

В преддверии брака жених и невеста, как правило, какое-то время живут как муж и жена, устраивая себе так называемый испытательный срок на совместимость, и это считается в порядке вещей.

Поэтому в Дюссельдорфе мы уже останавливались в одном номере. Туда мы приехали поездом из Базеля и уже на следующий день электричкой выехали в находившийся неподалёку город Дортмунд. Там отыскали больницу, в которой, согласно легенде, «Веста» якобы проработала несколько лет. В этой больнице действительно работала женщина, документами которой «Весте» в будущем придётся пользоваться. Эта молодая женщина, в своём роде двойник «Весты», оказавшись в ГДР, познакомилась с советским офицером из русских немцев и, выйдя за него замуж (а наши власти не без умысла, разумеется, не возражали против этого брака), выехала в Советский Союз, где она уже находилась под «присмотром». А документами её будет пользоваться «Веста».

Было начало сентября 1963 года. Дождь лил не переставая, но мы всё же съездили в Дортмунд ещё два раза всё с той же задачей. Отыскали мы также дом, где жила девушка, вышедшая замуж за нашего офицера.

Всё это время мы два раза в неделю слушали Центр, поддерживая таким образом при помощи транзисторного приёмника «Грюндиг» постоянную связь с Центром. Маршрут наш был отработан, но по ходу дела Центр вносил коррективы. Теперь наш путь лежал в Берн, столицу

Швейцарии. Здесь у нас была явка с курьером Центра, который должен был передать «Весте» «железные» документы (пока же её документы были промежуточными). Мы целый день провели в Берне, бродя по узким улочкам столицы.

На явку должен был выйти я, «Веста» меня подстраховывала, контролируя нашу встречу до и после, то есть проводя контрнаблюдение. Встреча состоялась в условленном месте на окраине Берна в глухом переулке, где практически не было освещения. Я появился в указанном месте точно вовремя (перед явкой встречающиеся должны сверять часы по радио). Курьер Центра, высокий, крепкого телосложения мужчина средних лет, вырос как из-под земли.

- Простите, вы не скажете, как мне пройти на улицу Ля-Рош? (пароль).

- К сожалению, не могу вам сказать, так как нахожусь в Берне всего лишь три дня (отзыв).

Встреча была почти моментальной.

- Вот пакет из Центра, - сказал курьер на русском языке. - Центр интересуется, как идёт отработка легенды «Весты» и всё ли у вас в порядке, все ли здоровы.

- Передайте, что у нас всё идёт по плану и мы завтра же выезжаем по намеченному маршруту. На здоровье не жалуемся.

- Тогда желаю вам успеха, - сказал курьер. - Передайте привет «Весте» от Зигмунда. Мы с ней встречались в ГДР.

- Спасибо, передам. Привет всем нашим. И мы разошлись, пожав друг другу руки.

Снова проверяюсь. На тот случай, если курьер привёл «хвост». Хотя это, как правило, исключается, так как явку с нелегалами обеспечивает резидент ура и несёт ответственность за её проведение. Прохожу контрольные пункты, оговорённые с «Вестой»: кафе на пустынной улочке неподалёку от набережной, подъезд дома, из которого хорошо просматривается переулок и арка, сюда я должен буду войти. Всё в порядке. Через час мы встречаемся у касс на вокзале, где в агентстве «Swissair» покупаем билет на самолёт «Женева - Брюссель».

Здесь смена документов «Весты». Ночным поездом выезжаем из Берна в Женеву, прямо с вокзала автобусом - в аэропорт. Через час мы уже в воздухе, и вскоре наша «Каравель» садится в Брюсселе. Отдохнув в отеле после бессонной ночи, мы побродили по городу, побывали на площади парламента. Взяли билеты на самолёт в Лондон. На этот раз я уже назвал новую немецкую фамилию «Весты», согласно переданным нам документам. Вечером следующего дня мы городской электричкой Центр - Аэропорт, состоявшей всего из двух вагонов, добрались в аэропорт. Теперь - в Лондон. В одном нагрудном кармане у меня лежали новые документы «Весты», в другом - промежуточные, которые уже отслужили своё и подлежали уничтожению. Зайдя в благоухающий свежими ароматами чистенький туалет аэропорта, я, запершись в кабинке, проверил прежде

всего работу сливного бачка. Затем, достав из кармана промежуточный паспорт «Весты», я принялся его резать на мелкие кусочки ножницами, которыми запасся на этот случай. Вначале - твёрдые корочки, которые я благополучно спустил в унитаз, затем - всё остальное. Я вышел из кабинки и тут же встретился со строгим взглядом служительницы туалета, пожилой благообразной женщины. По-видимому, она недоумевала, отчего это я там так долго находился, спуская сливной бачок аж три раза. У выхода из женского туалета стояла улыбающаяся «Веста».

- Всё в порядке? - спросила она. - Конечно. Всё на месте.

- Эта тётка как часовой уставилась на твою кабинку, я уже начала было беспокоиться.

- Да нет, всё нормально.

Мы идём на посадку на британский «Комет» - первый их реактивный четырехмоторный самолёт. Взмываем в ночное небо и вскоре пролетаем над Ла-Маншем. Внизу многочисленные огоньки: на Ла-Манше интенсивное движение судов. Мы то и дело проваливаемся в воздушные ямы. Бросает так, что кажется, будто от нашей «Комет» вот-вот отвалятся крылья. Сквозь иллюминаторы в свете бортовых огней самолёта видно, как они упруго гнутся.

Под нами вечерний Лондон. Мы с интересом всматриваемся в цепочки огней столицы туманного Альбиона. Описывая круги, снижаемся на посадку. Хорошо видны улицы, Луна-парк с колесом обозрений, гирлянды огней, вереницы машин, двигающихся по улицам города. Вдруг всё это мгновенно исчезает, и мы мягко приземляемся в аэропорту Хитроу. Небольшие формальности в таможне: только декларация, никакого досмотра: «Не везёте с собой семена, плоды, животных?» - «Не везём». - «Всё в порядке, проходите». В паспортах - штамп о прибытии на Британские острова, где мы можем находиться в течение трёх месяцев как туристы. Но три месяца нам не нужно. Здесь необходимо прожить ровно двадцать девять дней, и тогда в местном загсе мы сможем официально оформить наш брак.

Недорогая гостиница на тихой улице, уставленной двухэтажными домами стена к стене. Типичный квартал старого Лондона. Сюда из аэропорта Хитроу нас привёз таксист, который знал, что нам нужно. Сдав паспорта администратору, мы прошли в наш номер. Приняли ванну и легли спать. Среди ночи проснулись. К нашему величайшему изумлению (уму непостижимо!), в номере оказались клопы. Вот тебе и Англия! Ай да Англия! Спали до самого утра при включённом свете. Утром по телефону заказали завтрак в номер. Вошёл официант, который принёс на подносе шипящую сковородку с традиционным завтраком: «Hammon and eggs» - яичница с ветчиной, а также маленькие жареные сосиски и апельсиновый сок, овсянку, сваренную на воде, кофе с молоком в серебряной посуде и горячие румяные булочки.

- Да-а, это тебе не «continental breakfast» [18] , - сказала жена, окидывая взглядом поднос. - И счёт тоже приличный, - кивнула она на счёт, оставленный официантам на подносе.

Спустившись в вестибюль после завтрака, я обратился к дежурному администратору - смуглому, высокому пакистанцу средних лет:

- Вы меня извините, сэр, но у нас в номере клопы.

- ?!! - На вытянувшемся лице смесь ужаса, изумления и недоверия, извиняющаяся улыбка. - Как клопы?

- Вы что, нам не верите? Сейчас поймаю одного и покажу.

- Что вы, не нужно! Хотя это просто невероятно! Покорнейше извините. Мы немедленно примем меры. Немедленно. Вот, пожалуйста, ваши паспорта.

Но мы тем временем, памятуя о нашем ненавязчивом российском сервисе, сами решили кое-что предпринять.

- У вас есть что-нибудь от клопов? - спросил я в ближайшем магазине хозтоваров, где, казалось, было абсолютно всё.

В ответ - изумлённое лицо продавщицы. Подошла сама хозяйка магазина.

- Извините, сэр, - сказала она не без гордости, - у нас средства против клопов не выпускаются со времени окончания войны, потому что у нас нет в этом необходимости. Откуда у нас клопы? Их просто быть у нас не может! Я очень сожалею, но не могу вам ничем помочь.

Оглядывая полки магазина, я заметил штепсель, каким пользуются на континенте для подключения электроприборов. Дело в том, что все розетки в нашей гостинице, да и, очевидно, во всей Великобритании, сконструированы так, что абсолютно исключается подключение любого электроприбора небританского происхождения. А мне нужно было срочно побриться, «Весте» погладить платье.

- Я вам, конечно, продам континентальный штепсель [19] , - сказала продавщица, - но я должна вас предупредить, что переходник должен будет сделать специалист-электрик.

- А я и есть он самый - специалист-электрик, - сказал я, улыбаясь. - Добавьте-ка, пожалуйста, ещё вот эту изоленту, шнур, пассатижи и маленькую отвёртку. И не беспокойтесь, пожалуйста, всё будет в полном порядке и Лондон не сгорит. - Хозяйка и продавщица блеснули улыбками. Здесь юмор в цене.

Мы возвратились в отель. Навстречу нам вышел сам хозяин отеля, высокий, важный, седовласый господин.

---

[18]Континентальный завтрак во всей Западной Европе, как правило, состоит из булочки и кофе с молоком.

[19]Имеется в виду вся Европа, за исключением Британских островов.

- Мы ещё раз приносим наши самые глубокие извинения и сожалеем о случившемся, - сказал он. - Не будете ли вы столь любезны перенести свои вещи в другой номер этажом выше. Я сейчас пришлю боя, ваш этаж мы полностью закрываем па дезинфекцию. Специалисты уже приступили к работе. Ещё раз прошу извинить за беспокойство, сэр, и вы, мадам. Надеюсь, это больше не повторится и вам понравится в нашем отеле и в нашем городе.

Мы спокойно прожили в этом отеле положенные двадцать девять дней плюс неделю на оформление брака. Как оказалось, завтрак в этом отеле, если его не заказывать в номер, включается в стоимость проживания, поэтому мы по утрам спускались в маленькую уютную столовую, где две девушки в голубых передничках сноровисто обслуживали гостей отеля, подавая им завтрак - неизменные апельсиновый сок, овсянку, кофе с молоком, сливовый или вишнёвый джем, масло и поджаренные в тостере хлебцы.

Отель наш был расположен недалеко от центральной части Лондона. Отсюда рукой подать до Гайдпарка и Кенсингтон-гарден, Букингемского дворца и Мабл-арч, Трафальгарской площади, Вестминстерского дворца и Вестминстерского аббатства, где возвышается Биг Бен. В Лондоне есть что посмотреть. Гайд-парк корнер чего стоит! Десятки ораторов выступают с импровизированных трибун, которыми служат чаще всего ящики из-под фруктов. И каждый толкует о своём. Один - религиозную проповедь читает, другой - ратует за освобождение Африки, третий - под красным флагом с серпом и молотом отстаивает идеи марксизма-ленинизма. А поодаль, у чугунной ограды стоит бобби [20] в высоком чёрном шлеме и делает какие-то пометки в своей записной книжечке. Неподалёку прохаживаются полицейские патрули, на прилегающих улочках стоят одна-две патрульные машины. Так что свобода, демократия - да, но не так всё безнадзорно, не так всё просто, как иногда кажется из нашего далека. А иные попросту валяют дурака.

- I am a public speaker [21]! - слышится в одном углу, где собралась немалая толпа. - I am...

- ...Son of a bitch [22]! - откликается мордастый рыжий верзила в вельветовом пиджаке, один из завсегдатаев Гайд-парка.

- I am a public speaker! - не унимается оратор - седовласый джентльмен пенсионного возраста в кепке и в помятом костюме, и начинает раздеваться до трусов, не забывая всё время напоминать, что он паблик спикер, борющийся за права угнетённого народа островов Тасмании и прочих островных народов.

Его продолжают разыгрывать. Он отвечает остротами, вызывающими хохот присутствующих. Остроты его с политической подоплёкой. Затем,

---

[20]Бобби - полицейский (жарг.).

[21]Я общественный оратор (англ.).

[22]Сукин сын (англ.).

пританцовывая, он переходит на кокни [23], здесь мы уже больше ничего не в состоянии понять.

Центр Лондона освещается в вечернее время лишь огнями рекламы. Площадь Лестер, где в густых кронах деревьев громкое щебетание каких-то ночных птиц заглушает шум уличного движения. Их здесь, в сквере, тысячи. Рядом со входом в фешенебельный кинотеатр «Одеон», за стеклянными витринами, освещёнными яркими лампами, вращаются на вертелах подрумянившиеся цыплята. Безумно аппетитные запахи разносятся по площади. В ожидании сеанса поужинали цыплёнком прямо на улице, под сенью деревьев. В «Одеоне» идёт премьера фильма Альфреда Хичкока «Птицы». Превосходный фильм. Жаль, что Хичкок у нас не в почёте.

В Лондоне мы находились как туристы и вели себя соответственно, проявляя интерес к достопримечательностям столицы, где есть что посмотреть, а главное - это была первая англоязычная страна, где мы могли проверить наши знания английского языка, попрактиковаться в общении с окружающими. Оказалось, что наш язык был на должном уровне: мы всё понимали, и нас тоже понимали, хотя конечно же за британцев мы себя выдавать не могли, но и недоуменных вопросов не было: здесь много иностранцев.

Лондонский мост и замок Тауэр. Чёрные вороны во дворике замка хранят легенды о том, как их кормили телами казнённых. Стражники - они же гиды - одетые в красочные одеяния (их называют «beef-eaters» - «пожиратели бифштексов»), они и впрямь похожи на любителей мяса, хотя скорее смахивают на любителей джина: почти у всех красные носы. Набирают их сюда из отставных сержантов, поэтому у каждого на груди позвякивают боевые награды.

Метро в Лондоне называется «the tube» - в буквальном смысле труба. Подземные переходы сложные, запутаешься в два счёта. Входишь бесплатно, выходишь - предъяви билет согласно расстоянию, на которое он был приобретён. Проскочил свою остановку - доплати на выходе, а возражаешь - бобби вот он, тут как тут. Он тебя быстро убедит в необходимости доплаты за проезд. Двухэтажные дизельные автобусы даблдеккеры лихо лавируют в уличном движении, обгоняя все другие виды транспорта, включая чёрного цвета степенные, старомодные такси, высокие, чтобы джентльмен в цилиндре мог спокойно там сидеть, не снимая оного. Вход и выход в автобус через широкую заднюю площадку без дверей, так что можно входить и выходить на ходу, если, конечно, ты в состоянии это сделать. Мы вскочили в отходивший автобус. Стоять в проходе нельзя. Если нет свободного места, полезай на второй этаж по винтовой лестнице. Я усадил жену и направился к кондуктору в униформе, с тем чтобы взять билет.

---

[23] Язык лондонских трущоб.

- You, sit down [24]! - рявкнул он свирепо через весь автобус, грозно сверкнув очками. - Да, да! Это я вам, вам говорю! Садитесь! - снова крикнул он.

- Уже сижу, - смиренно ответил я, опускаясь на сиденье рядом с женой.

«Да, это тебе не Москва, - подумал я. - Надо больше, присматриваться, как ведёт себя окружение, а то можно попасть впросак. Да и внимание к себе привлекать совсем не обязательно».

Быстро выдав билеты всем вошедшим ранее пассажирам, кондуктор подошёл наконец к нам. Автобус тем временем мчался по улицам, да так, что дух захватывало. Говорят, водителей этих автобусов на медкомиссии проверяют, как космонавтов, и отпускают на пенсию в 35-40 лет.

Заработок у них повыше, чем у иного нашего министра. Можно смело назвать их хозяевами лондонских улиц. Водители эти настоящие виртуозы своего дела, ловко лавируют они своими даблдеккерами (двухпалубный) по нешироким лондонским улицам, да так, что в салоне удержаться на ногах невозможно, поэтому в автобусе стоять запрещается, можно только сидеть.

Поражает изумрудная зелень аккуратно подстриженных газонов в парках Лондона. Здесь какая-то особая, жёсткая, как проволока, трава, которая подстригается газонокосилками не реже одного раза в неделю. По газонам можно ходить, можно и полежать, позагорать под осенним солнцем. Как-то мы были в Кенсингтон-гарден, что напротив Альберт-Холла. Толпы подростков, в основном девчонки, возбуждённо бегали по площади вокруг огромного округлой формы кирпичного здания. Подойдя к пожилому джентльмену, курившему трубку и спокойно взиравшему на сборище, я спросил:

- Извините, сэр, что это за ажиотаж вокруг?

- Да, говорят, какой-то поп-ансамбль, «Битлз», что ли, называется. Вот они и сходят с ума. И это наше будущее поколение! - с горечью вздохнул он.

В это время стайка девушек-подростков выбежала на газон парка. Они стали с визгом кататься по газону, целуя в экстазе фотографии своих кумиров, трепетно прижимая их к груди. Так мы впервые услышали об ансамбле «Битлз».

Как-то в поисках отдела МИДа, где мы должны были получить, как иностранцы, справку, необходимую при оформлении брака, мы с «Вестой» забрели на небольшую улочку и, толком не зная адреса, остановились. Как на грех, у меня развязался шнурок на ботинке, и я нагнулся, чтобы его завязать.

- Могу я вам чем-нибудь помочь, сэр? - послышался голос сверху. Надо мной стоял, приветливо улыбаясь, худощавый джентльмен, в шляпе,

[24]Садись! (англ.).

руки в карманах макинтоша, в конце улицы ещё один, чуть поодаль - ещё двое. Все они смотрели в нашу сторону. Джентльмен объяснил, как найти нужный нам адрес. Возвращаясь обратно по этой улице, случайно взглянул на в общем-то неприметную, покрытую чёрным лаком дверь за железной оградой. На двери сияла золотом большая цифра 10. В конце улицы мы прочитали и название самой улицы: Даунинг-стрит.

- Знаешь, куда мы попали? - спросил я жену. - Здесь же резиденция самого премьер-министра Гарольда Вильсона. А мы тут шнурки завязываем. Всю охрану на ноги подняли. - Действительно, никого не было видно, пока мы шли по улице, а стоило только нам остановиться, как эти джентльмены будто из-под земли выросли.

Учреждение для регистрации брака иностранцев расположено в районе Вестминстера. Строгий чиновник в очках в чёрной роговой оправе.

- Извините, сэр, мы пришли к вам по очень важному делу: мы хотим зарегистрировать наш брак.

- Мы не возражаем. В брак вступаете впервые?

- Да, впервые.

- Ваша национальность?

- Я - аргентинец, моя невеста - гражданка ФРГ. Какие документы потребуются?

- Ваши паспорта. Кроме того... Где вы остановились?

- В отеле.

- Так вот. Выписка из регистрационного журнала вашего отеля, подтверждающая, что вы там действительно проживали в течение двадцати девяти дней безвыездно. Повторяю: безвыездно. Затем для невесты, согласно законам ФРГ, необходима справка из германского консульства о том, что консульство не возражает против вступления вашей невесты в брак с вами.

- А какие у консульства могут быть возражения?

- Возможно, никаких, но эта формальность должна быть соблюдена во избежание каких-либо недоразумений в будущем. Без этой справки мы ваш брак зарегистрировать не можем.

- А свидетельство о бракосочетании из церкви?

- Церковный обряд поможет вашему делу и ускорит его, так как избавит вас от необходимости получать дополнительные справки. Но справка из консульства ФРГ обязательна. Кроме того, вам необходимо внести десять фунтов на покрытие расходов по регистрации брака. Через церковь, где вы будете венчаться, вы подадите трижды объявление в местной окружной газете о своём бракосочетании за две недели до венчания, и если за это время не последует каких-либо возражений с чьей-либо стороны против вашего бракосочетания, вас обвенчают, и вы

снова придёте сюда с выпиской из церковной книги о совершившемся обряде вашего бракосочетания. Таков порядок. Вы всё поняли?

- Да, мы всё поняли.

- Тогда до скорого свидания.

Мы шли по набережной Темзы, я пересказывая «Весте» весь наш разговор с чиновником.

- Центр предупреждал, что обращаться мне в консульство ФРГ нежелательно, - говорила она, - хотя в то же время прямого запрета не было. Меня почему-то не предупредили о том, что при регистрации брака потребуется справка из консульства ФРГ.

Связи на Лондон у нас не было, поэтому мы решили действовать по своему усмотрению.

В консульство с паспортом «Весты» пошёл я, предварительно выяснив время обеденного перерыва в консульстве. Придя туда за десять минут до обеда, я застал там лишь молодого чиновника, который явно спешил на ленч, собирая со стола какие-то бумаги. В дверях стоял его товарищ, с которым он, очевидно, собирался пообедать. Я вкратце изложил суть дела.

- Да выпиши ты ему эту справку, нас уже ждёт Сузи с подружкой, - сказал нетерпеливо его товарищ по-немецки (несмотря на мои скудные знания немецкого, я приблизительно понял, о чём он говорил).

- Но ведь консула-то нет. И почему сама невеста не пришла? - спросил он.

- Видите ли, она не совсем здорова и послала меня взять эту справку. Завтра мы уже хотели бы подать заявку на регистрацию брака. Время не ждёт, понимаете? У нас ожидается прибавление в семье... Ну и...

- Ты подпишешь? - спросил он своего долговязого приятеля, переминавшегося в дверях с ноги на ногу.

- Конечно, подпишу, - отвечал он. - Какие проблемы? Я же ведь всё-таки вице-консул. Давай, поторопись же! Дай ему эту справку и пусть убирается восвояси.

Рыжий в очках вставил консульский бланк в пишущую машинку и быстро отбарабанил текст справки о том, что консульство ФРГ не возражает против бракосочетания гражданки ФРГ Ирмы Р. с гражданином Республики Аргентины Л. Мерконисом. Долговязый выхватил бланк и бегом помчался куда-то по коридору.

- Он сейчас поставит печать и вернётся, - сказал рыжий на хорошем английском, закрывая сейф, - Пойдёмте, мы его подождём в приёмной.

Ждать не пришлось, так как долговязый уже стоял у выхода, помахивая справкой в воздухе.

- Так, значит, женишься? - спросил он, улыбаясь и показывая крупные, жёлтые, прокуренные зубы. - А невеста-то у тебя хороша, судя по

фотографии на паспорте. Ну, желаем успеха в семейной жизни. Жениться - шаг нешуточный.

На этом мы расстались.

В скверике неподалёку от консульства меня ждала «Веста». Я отдал ей справку.

После церковного обряда мы пошли в загс к джентльмену в чёрных роговых очках, который принял все наши документы и велел прийти через три дня на четвёртый.

В небольшую церковь на окраине Лондона вошла молодая элегантная пара. Она - в белом платье и фате, он - в строгом чёрном костюме. В церкви их ждали священник, облачённый в пурпурную мантию, и двое свидетелей. Больше в церкви никого не было.

- ...Согласны ли вы стать её мужем?

- Да, согласен.

- Согласны ли вы стать его женой?

- Да, согласна.

Служитель церкви подал сафьяновую подушечку, на которой лежали обручальные кольца, и священник, надел кольца на руки новобрачным. Так во второй раз поженились советские разведчики-нелегалы «Вест» и «Веста».

После бракосочетания все вышли во внутренний дворик церкви, вымощенный булыжником. Ярко зеленела трава. Здесь было теплее, чем внутри. Осеннее солнце несмело пробивалось сквозь туманную дымку. Свидетелями были пожилой джентльмен, он же служитель церкви, и горничная из отеля. Священник, седовласый, сухощавый, на вид лет за пятьдесят, проживал в жилой части Вестминстерского аббатства. Он был лично знаком с Уинстоном Черчиллем и вхож в его семью.

Вынесли столик и стул, положили на стол церковную книгу. Священник сел за стол, сделал запись в церковной книге, выписал свидетельство о браке и торжественно вручил его «Вестам». Когда унесли церковную книгу, на столике, с разрешения священника, появилась бутылка шампанского и несколько бокалов из оргстекла, принесённые «Вестами» с собой. Откупорили бутылку. Священник провозгласил тост за здоровье молодых. Много шутили, смеялись, пострекотали восьмимиллиметровой кинокамерой, запечатлев сей торжественный момент для потомков. Затем сердечно попрощались и разошлись довольные друг другом. Нелегалы «Весты» оформили свой брак. Официально. Но во второй раз. В первый раз - тоже официально. Но в Союзе. В Москве. Четыре года тому назад.

В означенное время мы пришли в офис, где поклялись на Библии, что мы представили подлинные документы, после чего нам поставили штамп на нашем церковном свидетельстве о браке и отпустили восвояси, с добрыми напутствиями и пожеланиями.

Наш свадебный ужин после церемонии бракосочетания был тет-а-тет, при свечах, в уютном ресторанчике, где играл квартет - скрипка, виолончель, контрабас и саксофон.

Дальнейший маршрут лежал через Грецию, где по указанию Центра нам предстояло пробыть около двух месяцев. Выбор маршрута следования Центр оставил на наше усмотрение. Конечная же цель маршрута - Монтевидео, Уругвай.

На следующий день утром поезд Лондон-Париж, Купе на двоих. В Дувре - посадка на паром. Над Ла-Маншем стоял туман. Жёлтые вечерние огни Гавра. Сквозь моросящий дождь поезд мчится по территории Франции. Париж. Начало нашей свадебной поездки. Небольшой отель в центральном районе, куда нас привёз услужливый таксист. Оставив свои вещи, отправились погулять. Администратор, тучная женщина, которая гладила в вестибюле бельё, долго объясняла мне, как пройти в центр, но мой французский был на таком уровне, что она никак не могла понять, что мне надо. Наше общение кончилось тем, что она, потеряв терпение, рассердилась и выпроводила меня за дверь. Прихватив план, где был отмечен отель, мы отправились по вечерним улицам Парижа.

В первую же ночь мы поняли, что отель был довольно своеобразным. Он предназначался как для проживания обычных гостей, так и для любовных свиданий: всю ночь раздавались звонки, топот по лестнице, женский визг и хихиканье. Это мне уже было знакомо по Буэнос-Айресу.

- Это место, пожалуй, слишком весёлое для нас, - сказала поутру жена. - Может, съедем отсюда?

И мы в тот же день переехали в знакомый уже мне отель «У пяти углов». Елисейские поля, бесчисленные кафе, магазины, Эйфелева башня, собор Парижской богоматери, поездка по Сене, Лувр. Надо же было показать жене все достопримечательности Парижа.

Но пора в дорогу. И вот снова Женева. Сигналом на прежнем месте сообщаем о своём прибытии. Продублировали открыткой на почтовый ящик: всё в порядке, всё идёт по плану. Мне Центром поручалось пересечь с «Вестой» Европу в целях «акклиматизации», то есть обкатки.

Проставив в Берне сигнал об отъезде, мы отправились скорым поездом в Венецию. В Венеции стояла солнечная погода. Отель рядом с вокзалом. Соседями по отелю оказалась молодая супружеская пара из США, с которой мы подружились, и все экскурсии по городу проводили вместе с ними. Покатались на гондоле, сходили в казино, где «Веста», к нашему общему удивлению и восторгу, выиграла небольшую сумму. Американская пара вскоре уехала. Он - адвокат, она - домохозяйка, имели собственный дом в пригороде Лос-Анджелеса. Приглашали нас к себе в случае, если будем в США. Мы взяли их адрес, и, возможно, наше знакомство получило бы развитие, если бы мы поехали в США.

Погода испортилась. Дождь и сильный ветер с моря. Поднявшиеся воды лагуны начали заливать набережные Венеции. Предприимчивые носильщики с вокзала за полтинник перевозили прохожих через залитые

водой участки набережной. Туристы безропотно платили. Местные же жители давали бой, требуя скидки и споря до хрипоты. Мы заказали такси. В Венеции такси - это быстроходный катер. Двое парней в резиновых сапогах выше колен подхватили наши чемоданы. «Весту» и меня перевёз до причала катера всё тот же вокзальный носильщик на своей тележке. Штормило. Катер мчался по бурным зелёным водам лагуны. Вот и порт. Мол залит водой. Портовые носильщики перевозят на тележках пассажиров вместе с их вещами. Сначала с борта катера на тележке нас везут в таможню, затем обратно, прямо к трапу судна. Дождь льёт как из ведра. Пассажирский теплоход «Сан-Марко» под итальянским флагом направлялся в греческий порт Пирей. Когда вышли из лагуны в открытое море, качка усилилась. Каюта душная, без иллюминаторов. Кондиционер не работает. После ужина с трудом, держась за стенки, добрались до каюты. С ужином нам обоим тут же пришлось расстаться. Ночь провели как в кошмаре. Мутило. Рядом за переборкой завывал вентилятор. Прямо трюм какой-то, а не каюта. Поутру выползли на палубу. Шторм стихал. Большинство пассажиров бродили по палубе с зелёными лицами. Из салона слышались звуки рояля. Средних лет коренастый американец играл Шопена. Играл он классно. Рядом сидела его жена - высокая, стройная, сохранившая следы былой красоты женщина.

Афины. Только что выстроенный отель недалеко от центра. Всю ночь провели в борьбе с комарами, которых здесь превеликое множество. Хорошо хоть, потолки низкие и можно было до них дотянуться и поточнее ударить. Утром за окном в лучах восходящего солнца увидели сверкающий белизной Акрополь. В номер заглянула парикмахерша, и «Веста» решила её пригласить, чтобы поправить себе причёску, испортившуюся во время морского путешествия. Молодая, высокая, красивая гречанка с русой косой, увязанной вокруг головы, часа три вертелась, тараторила по-гречески, хлопоча вокруг жены. Все мои попытки помочь весёлой парикмахерше с ходу отвергались. Красавица гречанка, сделав наконец причёску на свой вкус, отошла шага на три и, довольная своей работой, похлопала в восторге в ладоши, подозвала меня оценить её мастерство и стремительно исчезла, нанеся определённый ущерб нашему бюджету. «Веста», разочарованно повертевшись перед зеркалом, задумчиво поглядев через окно на Акрополь, ушла в ванную комнату, помыла голову и по-своему переделала заново всю укладку, после чего мы отправились в город. Поскольку жить в отеле было бы слишком дорого, мы решили снять комнату.

А пребывание в Греции мне было необходимо в целях дополнительного совершенствования греческого языка, который я успел немного подзабыть. Там была также контрольная явка и намечена тайниковая операция. Вскоре по объявлению в газете мы нашли комнату на втором этаже небольшого двухэтажного особняка. В комнате по соседству обитал сын хозяина, холостяк, вернувшийся из США, где он учился на адвоката. Сам хозяин, старичок грек, благодушный, невысокого роста вдовец, жил во флигеле во Дворе. Нижние комнаты занимала его

незамужняя дочь, которой было уже за тридцать, и её двоюродная сестра. Хозяину усадьбы «Веста» очень нравилась, и каждое утро, сопровождаемый мрачным взглядом дочки, он приносил ей только что срезанную в саду чудесную, всю в росе красную розу. Сын с усмешкой относился к этому. С ним мы были в хороших отношениях. Он был для нас интересным собеседником, разбиравшимся в политике, к тому же превосходно владевшим английским языком. А поскольку у него были выходы на США (он там учился в университете и в Афинах держал адвокатскую контору), то мы к нему внимательно приглядывались, а когда собрали достаточно данных, в отчёте сообщили о нём как о кандидате на возможную вербовку, так как у него были связи в правительственных кругах Греции.

Двадцать третьего ноября по радио мы услышали сообщение об убийстве президента США Дж. Кеннеди. Сын хозяина был уверен, что это дело рук русских, но на мой вопрос: «А зачем русским нужно было убивать Кеннеди, когда кубинский кризис позади?» - он не нашёлся что ответить.

На явку в Афинах мы выходили раз в неделю, но к нам так никто и не подошёл. Тайник, предложенный Центром, был выбран очень удачно: глухой проходной скверик на склоне горы, расщелина в невысокой каменной подпорной стенке справа от второго столба ограды. Посидев с «Вестой» на этой ограде, мы оставили в тайнике закладку. В отчёте на непроявленной плёнке, отснятой «Миноксом», был описан в деталях весь процесс отработки легенды «Весты» по Европе, наше бракосочетание, новые связи. Связь с Центром, по-прежнему односторонняя - по радио.

Наш дальнейший маршрут: Монтевидео, Уругвай. Там обосноваться, возможно, завести небольшое дело, постараться для «Весты» получить аргентинское гражданство и загранпаспорт как супруге аргентинского гражданина и ждать дальнейших указаний Центра.

В Афинах мы взяли билеты на рейс израильского теплохода «Теодор Херцль», шедшего рейсом Хайфа - Буэнос-Айрес. Попали мы на этот теплоход совершенно случайно, поскольку рейс итальянского судна, на который мы рассчитывали, был по какой-то причине отменён. На израильское судно мы должны были сесть в Неаполе, а от Пирея до Неаполя мы добрались на турецком теплоходе «Каражоглу».

Порт Неаполь. «Теодор Херцль» запаздывал. Был вечер. Штормило. Лил проливной дождь. Мы сидели под навесом на причале вместе с другими пассажирами, укрывшись от ветра за какими-то ящиками. «Теодор Херцль» медленно подходил к причалу, когда набежавшей волной его вдруг приподняло и ударило форштевнем о бетонный причал. В темноте брызнули искры. Завели концы, судно пришвартовалось.

Наконец объявлена посадка. После промозглой ветреной погоды тёплая уютная каюта на двоих показалась сущим раем. Отплыли в ночь. Судно заваливалось то на один борт, то на другой. «Веста», конечно, лежала пластом. Я же привык к качке. Завтрак нам принесли в каюту: две большие жирные селёдки с пучками зелёного лука, масло, сыр, джем,

кофе с молоком. После такой качки и ночной суеты такой острый завтрак был как нельзя кстати, тем более что шторм затихал.

Рождество отметили в открытом океане, а Новый год - уже в Монтевидео. Поселились в совершенно безлюдном, огромном двухэтажном отеле на самом берегу океана. Пляж - напротив через набережную. После промозглой зимней Европы мы очутились в летнем Южном тёплом полушарии.

Канун Нового года. Было тепло, и поэтому, несмотря на небольшой шторм, рискнули искупаться в океане. Бескрайние песчаные пляжи. Небо освещается зарницами. Вода в набегающих волнах магически фосфоресцирует. Даже немного жутковато. Особенно когда после ослепительной молнии прямо над головой громыхнёт гром.

Накрыли на стол. Ровно в полночь откупорили бутылку шампанского. Вышли на балкон запустить в честь Нового года каньиту-воладару. Над городом стоит дружный вой клаксонов. По набережной несутся машины и не переставая сигналят. Где-то трубят в трубы, бьют в барабаны. Взрывы петард, фейерверки, бенгальские огни, лай собак. Так мы встречали Новый, 1964-й год, год памятный тем, что сменилось руководство в нашей стране и место Н.С. Хрущёва занял Л.И. Брежнев.

Наутро знакомимся с городом. Он оставляет впечатление некоторой запущенности. Буэнос-Айрес несравненно богаче и роскошнее. Пошли в кино на триллер. Что-то связано с неким огромным магическим котом. То и дело сцены ужасов. Соответствующая музыка. По окончании фильма, когда подходили к отелю, обнаружили, что отсутствует сумочка «Весты» со всеми её документами. Сломя голову понеслись обратно, благо отошли мы не слишком далеко. Сеанс был последним, и народу было немного. Когда мы прибежали туда, служители уже закрыли двери кинотеатра. Постучали. С колотящимся сердцем, с фонариком, который одолжили у сторожа, быстро прошли в тёмный зал. Сумочка стояла там, где её поставила «Веста»: у опоры кресла. Проверили содержимое - всё на месте. И только тут перевели дух. С тех пор в кино сумочку я у неё отнимал и держал у себя на коленях до окончания сеанса.

Сняли квартиру на окраине города: гостиная, кухонька, спальня на втором этаже. Всё в миниатюре, всё крайне скромно, строил сам хозяин, водитель городского автобуса. У него жена и двое детей. Оба испанцы из Галиции (гальегос). Оба неутомимые труженики. Отношения у нас установились хорошие. Купили мебель, кухонную утварь. Я пошёл было искать работу, но кругом царила жуткая безработица. Легче было бы нам организовать свой небольшой бизнес. Центр положительно рассмотрел этот вопрос. Я уже кое-что было предпринял в этом направлении и вёл переговоры, но не прошло и пяти месяцев, как шифрограммой вызывают на явку.

Курьера Центра, худощавого блондина лет тридцати пяти, я заметил ещё издалека. Он уверенно шёл по направлению ко мне, пристально глядя на мою правую руку, в которой я держал местный журнал в цветастой

обложке с заглавием, последняя буква которого была скрыта под большим пальцем моей руки.

- Пароль (на испанском языке): «Простите, мы не встречались с вами у сеньора Гонсалеса в прошлую среду?»

- Отзыв: «Нет, в прошлую среду я был у Родригеса, а у Гонсалеса был в четверг, и вас я там что-то не видел».

Мы прошли в близлежащее уличное кафе и, заказав по рюмочке хинебры-болс [25] и чашечке чёрного кофе, сели за столик и повели беседу.

Центр предписывал выехать в Буэнос-Айрес и обосноваться там, получив аргентинское гражданство по мужу для «Весты».

А у нас к тому времени намечалось прибавление в семье. Собрались, продали, что могли. Кое-что взяли с собой, благо Буэнос-Айрес рядом, за рекой Рио-де-ля-Плата.

Аргентинские таможенники даже не стали смотреть наши чемоданы, но тщательно упакованный в одеяло тюк с кухонной утварью и посудой (не бросать же её) велели распаковать. Когда оттуда посыпались ложки-поварёшки, махнули рукой, хотя именно там находился тщательно упакованный транзисторный приёмник «Грюндиг», за который пришлось бы платить немалую пошлину, или же изъяли бы его вообще.

В отеле жить неудобно, а главное - накладно. Через неделю с большим трудом нашли комнату, которую сдавала одна итальянка в довольно шумном районе Чакариты. С одной стороны улицы отчаянно дымила труба мусороперерабатывающего завода, с другой, во дворе, куда выходило наше окно и где, казалось бы, должно было быть тихо, целыми днями рабочие резали автогеном трубы и рельсы, а в обед разжигали огонь и готовили себе асадо. Запахи то горячего металла, то жареного мяса постоянно наполняли нашу комнату, от чего очень страдала прежде всего «Веста». Тут ещё чуть не случилась беда: сходя с подножки поезда, «Веста» каким-то образом ударилась животом. Местного языка она ещё не знала, поэтому необходимо было срочно найти гинеколога с немецким или английским языком. По объявлению в газете «Buenos-Aires Herald» нашли немецкого врача-гинеколога, доктора Эверкена. Вызвали его к себе по указанному в газете телефону. Пришёл высокий немец с очень добрым лицом, оказавшийся профессионалом высокого класса, владевшим несколькими языками. Он вёл частную практику, подрабатывал также в Немецком госпитале. Он быстро принял меры, и через три недели «Веста» уже была снова на ногах. Хозяйка квартиры, в которой мы жили, увидев, что мы ожидаем рождения ребёнка, стала нас выживать, устраивая мелкие провокации и предъявляя надуманные претензии. Нужно было устраиваться на работу, и я решил поступить на механический завод «Науэль».

Поступавших на завод было несколько человек. Вступительный экзамен на вакантное место слесаря-монтажника был на первый взгляд

[25]Водка голландского производства.

прост: бригадир вручил каждому из нас по железной пластинке 150 х 200 х 6 мм, ножовку по металлу, плоский напильник, сверло, штангенциркуль, циркуль по металлу и метчик. При помощи этих инструментов необходимо было начертить на металле два одинаковых шестиугольника, строго придерживаясь указанных размеров. Затем в пластине должно было быть вырезано отверстие, в которое с допуском в 0,5 мм должен был войти изготовленный испытуемым шестиугольник, причём входить он должен был в любом положении. Из трёх десятков человек - кандидатов на вакантную должность, по качеству и по времени (четыре часа) с этим заданием справились лишь трое, в том числе и я. В условиях ужасающей безработицы на то время это было несомненной удачей.

Через некоторое время «Веста» получила аргентинское гражданство.

Аргентина, как и США, страна многонациональная, добившаяся значительного экономического и технического прогресса за счёт квалифицированной рабочей силы, прибывавшей в первую очередь из европейских стран. На заводе вместе со мной работали выходцы из Испании, Германии, Польши, Украины и даже Грузии, приехавшие в страну в основном после Второй мировой войны. Среди них были и власовцы, и бывшие полицаи. Работал я слесарем-сборщиком, освоив эту специальность на курсах механиков сеньора Сливы ещё в мой первый приезд в страну. Условия работы на предприятии были довольно тяжёлые, так что к концу рабочего дня все мы были совершенно прокопчённые и насквозь пропахшие дымом. От холода спасал нас ещё и кузнец Томас, у жаркого горна которого мы грелись и кипятили молоко, выдававшееся администрацией за вредность производства. Томас был умным и рассудительным человеком, с которым интересно было поговорить и о футболе, и о политике. Больше о футболе, конечно, хотя в Аргентине футбол, как ни в какой другой стране, тесно связан с политикой, являясь своего рода громоотводом народного недовольства.

Жили мы в это время в небольшом домике под черепицей, которым владела старая одинокая фрейлейн Припица, приехавшая из Австрии ещё до войны. Мы снимали в доме крохотную комнатку со стеклянным люком в потолке вместо окна и с кухонькой, строго придерживаясь очень важного для нелегала правила: жить по средствам. При доме был маленький сад, где росли лимоны, апельсины и всевозможные экзотические цветы. Мы ждали нашего первого ребёнка, и хозяйка с чувством беспокойства косилась на полнеющую на глазах фигуру «Весты». Старушка уже неоднократно намекала, что она привыкла жить в тишине и покое, и сетовала на то, что с появлением ребёнка здесь станет несколько шумно. Сама она замужем никогда не была, детей не имела по причине того, что была убеждённой феминисткой-мужененавистницей, и меня самого-то она терпела в своём доме лишь потому, что очень уважала «Весту», с которой они разговаривали только на немецком языке.

Понимая, что работа на заводе, будучи сама по себе крайне утомительной, не давала каких-либо перспектив в смысле выхода на интересующие нас связи, мы по согласованию с Центром решили

попытаться открыть своё собственное дело, с тем чтобы занять хоть какое-то место в обществе.

В ноябре 1964 года я уволился с завода, и мы стали подыскивать, чем бы этаким нам заняться. Организация мастерской по ремонту автомобилей или автозаправочной станции в условиях тяжелейшего экономического кризиса, охватившего всю страну, нам казалось делом крайне дорогостоящим и опасным в смысле конкуренции. К тому же Аргентина для нас была страной промежуточной. Могут пройти годы, прежде чем появится постоянная клиентура. Поэтому мы каждый день изучали объявления в газетах, подыскивая что-нибудь для нас подходящее, компактное и к тому же не слишком дорогостоящее.

К этому времени мы снова переехали, на этот раз в баррио Сан-Андрес, где неподалёку от одноимённой станции пригородной электрички нашли довольно недорогую квартиру, состоявшую из крохотной гостиной, такой же спальни, кухни и террасы, расположенных на втором этаже двухэтажного особняка. Первый этаж занимали хозяева - хромая старуха баронесса с незамужней дочкой тридцати с лишним лет, с русским именем Натали. Она превосходно владела английским языком, имела машину «опель-рекорд» и работала менеджером в какой-то крупной американской компании.

Центр советовал нам подыскать какое-нибудь дело (небольшой магазин, кафе или что-то в этом роде) в районе, преимущественно населённом выходцами из США или Германии. Это давало бы возможности для расширения наших связей с выходом на США - Канаду. Стоял ноябрь - начало лета в Южном полушарии. Мы стали часто посещать во время наших прогулок районы Акасусо, Оливос, Флорида и другие, где проживал интересующий нас контингент. Проводили время в боулинге, посещали рестораны и кафе, присматриваясь к публике. Однажды после спектакля в театре, где играли актёры-любители, в основном британского происхождения (шла пьеса Оскара Уайльда «Как важно быть серьёзным» на английском языке), мы зашли в маленькую закусочную на авениде Сан-Мартин в баррио Акасусо, где торговали отлично приготовленными гамбургерами и хот-догами. Закусочная эта носила название «У Хардта». За стеклом витрины была табличка, что данное заведение находится в продаже. Шла бойкая торговля. За столиками, выставленными на тротуар, слышалась в основном английская речь. По авениде Сан-Мартин проносились автомобили. Рядом были расположены торговый центр, боулинг, наиболее известные ночные клубы.

- Мне кажется, - сказала «Веста», кивая на объявление о продаже, - что это как раз то, что нам нужно.

- Надо бы познакомиться с хозяином, - сказал я. - Интересно, сколько же он хочет за это своё заведение.

Подошёл официант, который исполнял также обязанности управляющего. Это был худой, высокий юноша лет двадцати. На его

необыкновенно красивом смуглом латинском лице играла непринуждённая улыбка. Он легко и ловко, как челнок, сновал по бару, и чувствовалось, что эта работа доставляла ему удовольствие. Кроме него, в баре работали лишь кассир да повариха, исполнявшая одновременно обязанности судомойки.

- Послушай, мосо [26] , - молвил я, обращаясь к официанту. - Нам хотелось бы поговорить с хозяином.

- Вы хотите купить это негосио [27]? - спросил юноша. - Меня зовут Хуан, - представился он. - Когда хозяин отсутствует, он оставляет меня вместо себя. Если вы купите этот бар, то не прогадаете. Здесь дело хорошо налажено, богатая клиентура, к тому же обслуживающего персонала, как видите, всего три человека. А хозяин, сеньор Хардт, сегодня на бегах на ипподроме, и будет он, наверное, очень поздно. А может, не придёт вовсе.

- А ты не мог бы ему передать, что мы хотели бы с ним переговорить? Мы будем завтра в это же время.

- Хорошо. Я передам ему вашу просьбу.

- А он, этот мистер Хардт, он что, нортеамерикано [28]?

- Да, сеньор. У него там семья;

- А почему он продаёт этот бар? Ведь он, судя по всему, имеет от него неплохой доход.

- О да, сеньор. Наш бизнес идёт хорошо. Он сам организовал его три года тому назад, когда эта галерея только строилась, а боулинга не было и в помине. Здесь я работаю вот уже два года. А продаёт он этот бар, так сказать, по семейным обстоятельствам. У него там, в Штатах, появилась хорошая вакансия, и он туда уедет, как только продаст бар. К тому же там у него жена, дети.

- Сколько же он за него хочет?

- Это уж вы с ним лично поговорите. Я, видите ли, не уполномочен вести какие-либо деловые разговоры.

- Ну, ладно, Хуан, до завтра. В это же время. На следующий день Хуан представил нас мистеру Хардту. Это был стройный, спортивного вида худощавый брюнет лет тридцати пяти. Мы видели, как он только что подъехал на «мустанге» красного цвета, на заднем сиденье которого лежала спортивная сумка с теннисными ракетками. Хардт превосходно говорил на испанском, но повели мы разговор на английском языке, с тем чтобы «Веста» могла принимать в нём участие, поскольку испанским она владела хуже. Хуан, одетый в свою белоснежную форменную куртку с «золотыми» пуговицами, обслуживал посетителей.

Вёл себя мистер Хардт несколько заносчиво.

---

[26]Официант (арг.).

[27]Дело, предприятие (исп.).

[28]Гражданин США.

- Вас интересуют условия? Пожалуйста. Моя цена - один миллион песос (по тем временам довольно крупная сумма, порядка десяти тысяч долларов). Причём вся сумма наличными, поскольку мне нужно срочно выехать в Штаты. Я конечно же мог бы запросить больше, если бы продавал в рассрочку, но для меня время - деньги. А что касается окупаемости, то смотрите сами. У меня приличный торговый оборот, дело налажено, постоянная клиентура, и ваши деньги быстро окупятся. Только учтите, ждать я долго не могу.

- Но недели две-три вы могли бы подождать? - спросила «Веста».

- Извините, мадам, но при всём к вам уважении - нет. У меня уже есть несколько кандидатов, и поэтому я продам своё заведение первому, кто придёт с деньгами, которые я требую.

- Нам нравится ваш бар, и мы хотели бы купить его у вас. Надеемся, что вы не продадите его так быстро, как думаете.

- Возможно, мадам, но я вам обещать ничего не могу. Поторопитесь, может, ещё успеете.

И он раскланялся, давая понять, что беседа окончена.

В тот же вечер мы проставили сигнал о вызове на срочную тайниковую операцию - три точки мелом (крохотный кусочек которого я брал с собой, а после постановки сигнала выбрасывал), последняя из которых выше предыдущих двух, на металлическом лючке трёхэтажного жилого дома на оживлённой магистрали. На следующий день вечером мы передали через тайник, оборудованный в ограде «Клуба армейских сержантов» рядом со стадионом Ривер-Плейт, сообщение, которое содержало предварительные установочные данные на Хардта, описание бара, его примерный торговый оборот, месторасположение, выгодное в смысле выхода на американцев. Объяснили, почему деньги нужны срочно. Хмурившееся весь день небо над Буэнос-Айресом вдруг разразилось проливным дождём. Яркие вспышки молнии освещали потоки воды, бешено несущиеся вниз по остаткам асфальта некогда благоустроенной крутой улочки. Мы шли под большим чёрным зонтом, иногда по щиколотку в воде.

- А не промокнут там наши деньги? - спросила «Веста».

- Если промокнут, будем сушить на верёвочке на кухне, - отвечал я.

Подойдя к тайнику, мы остановились. Молнии полыхали, оглушительные раскаты грома следовали один за другим. Но раз сигнал о закладке проставлен, значит, изымать закладку надо, даже если земля встанет дыбом. «Веста» сделала вид, что что-то там поправляет, а я тем временем вынул кирпич, нащупал мокрую полиэтиленовую плёнку, извлёк пакет из тайника и, положив его во внутренний карман пиджака, вернул кирпич на место. После чего мы продолжили свой путь и вышли на авениду Сан-Мартин, но уже по другой улице. Минут через двадцать мы подошли к воротам приземистого особняка, где на щитке оставили сигнал в виде буквы «s», начертанной таблеткой аспирина. Щиток этот находился

в нише каменной опоры ворот и, несмотря на проливной дождь, оставался совершенно сухим, иначе бы нам сигнал не проставить.

Но на следующий день, когда мы поехали к Хардту, оказалось, что тот уже продал свой бар какому-то итальянцу и укатил к себе в США. А итальянец этот уже занялся переоборудованием этого бара в пиццерию. В тот же день мы отправили письмо на обусловленный адрес в Венесуэле. В письме тайнописью сообщалось о неудавшейся покупке. Там же мы изложили свои дальнейшие планы в деле организации прикрытия.

Центр оперативно отреагировал. Через несколько дней мы получили радиограмму, в которой Центр советовал нам продолжить поиски в том же направлении, расширив их на район проживания лиц немецкой диаспоры. Были указаны ориентировочно районы Флориды и Вилья-Балестер. В задании просматривался интерес Центра к немецкоязычной среде.

Мы продолжали поиски аналогичного предприятия, просматривая в основном газеты «Кларин» и англоязычную «Буэнос-Айрес геральд».

«Веста» была на последнем месяце беременности, поэтому в жаркую погоду в основном отсиживалась дома. Я с утра ездил по городу один, а в вечернее время мы вместе посещали адреса предприятий, более или менее отвечающих нашим требованиям. Посетив десятки адресов и, соответственно, их отвергнув по тем или иным причинам, мы решили остановиться на одном из баров и стали там бывать почти каждый вечер, присматриваясь к работе заведения, изучая контингент его посетителей. И хотя ни то ни другое нас не слишком впечатляло, мы пришли к выходу, что район нас в общем и целом устраивает. Что касается торгового оборота и клиентуры, то это в значительной мере зависит от хозяев, от их инициативы и умения привлекать клиентуру.

Бар под названием «Эль-Лассо», вернее, пульперия [29] «Эль-Лассо», был расположен в баррио Флорида, в пригороде Буэнос-Айреса на пересечении Руты Панамериканы (автострада, пересекающая южноамериканский континент с севера на юг) и улицы Сан-Мартин. Баррио Флорида представляет собой жилой район, заселённый в основном выходцами из Европы, особенно немцами, нацистами в частности. Этот район был указан в шифровке. По окончании Второй мировой войны в Аргентине и в сопредельпой Чили нашли приют нацистские преступники. Один мой знакомый старик, живущий по соседству с сеньорой Кармен, в прошлом офицер жандармерии, выполнявшей в то время функции погранохраны, рассказывал мне, что в течение всего 1945 года к пустынным берегам атлантического побережья подходили немецкие подлодки, с которых высаживались люди и разгружались грузы, которые увозились в неизвестном направлении. Жандармам были даны строгие указания: вести наблюдение, ни в коем случае не вмешиваться и не подвергать досмотру следовавшие в глубь страны грузовики и легковые машины. Инспектор полиции капитан Сантос как-то сказал мне, что на одной из подлодок в Аргентину прибыл не кто иной, как сам Гитлер (когда

[29]Пульперия - закусочная, кабачок в аргентинской пампе.

мы уже стали владельцами бара «К колокольчику», Сантос стал нашим клиентом и каждодневным собеседником, но об этом дальше).

Нацисты... Они принесли неисчислимые бедствия как моей стране, так и всем народам мира. Не было у нас дома, куда бы не пришла беда. Во время высадки морского десанта погиб дядя моей жены - морской офицер. Десант высаживался в Ораниенбауме и, как стало известно, был полностью уничтожен. Сработала немецкая разведка. Что касается моей семьи, то беда пришла не во время самой войны, а какое-то время спустя. После окончания войны она всё ещё продолжала пожирать свои жертвы. Умирали от ран, нанесённых войной, десятки тысяч солдат. Продолжали подрываться на минах и снарядах мальчишки. Умирали и те, кто серьёзно заболел в результате войны.

Мы переехали из Марийской АССР на только что освобождённую Украину весной 1944 года, когда ещё шла война. По прибытии на место назначения в местечко Катеринополь мы тотчас стали разыскивать своих родственников - мамину сестру с мужем и четырьмя детьми. С самого начала войны нам о них ничего не было известно, хотя мы знали, что они должны были эвакуироваться. Как позже стало известно, они вместе с семьями коллег-учителей пытались было эвакуироваться, но были отрезаны стремительно продвигавшимися немецкими танковыми колоннами в районе города Белая Церковь и вынуждены были вернуться в своё село Ставище, где они учительствовали до войны.

Вскоре наши поиски увенчались успехом: мы получили письмо, из которого узнали, что все они живы, однако не все здоровы. Когда во время оккупации немцы стали угонять молодёжь в Германию, их две дочери, доводившиеся мне двоюродными сёстрами, которым в то время было пятнадцать и восемнадцать лет, не захотели ехать на чужбину, стали прятаться, симулировать разные болезни, чтобы обмануть немецкую медицинскую комиссию. Для этого они перед медицинским обследованием обливались в зимнее время ледяной водой, после чего, раздевшись, подолгу стояли в сенях на морозе. Когда на следующий день девушки приходили на медкомиссию, у них обнаруживали и хрип в лёгких, и повышенную температуру, и учащённый пульс вследствие выпитого накануне крепкозаваренного на особых травах чая. И тогда комиссия, в составе которой, как правило, был знакомый доктор из местных, подкупленный заранее, назначала им повторное обследование.

И так повторялось много раз, так как молодёжь со всей Украины угоняли в рабство на протяжении всего периода немецкой оккупации, и их медицинские комиссии работали всё это время с завидной эффективностью. От рабства девочкам удалось спастись, но обе заработали туберкулёз, который медленно, но верно подтачивал их здоровье. Вскоре младшая из них, Валя, стала жить у нас, так как в то время мы могли обеспечить ей сносное питание. В ту пору ей было девятнадцать лет. Это была высокая, стройная блондинка, умная, обаятельная, общительная, не по годам серьёзная и начитанная. К тому времени она уже успела окончить в городе Умани два курса учительского

института, получив право преподавать в младших классах начальной школы. Дети любили её. И не просто любили. Они были просто без ума от неё.

Все дети были переростки, так как во время оккупации школы были закрыты и дети отстали от учёбы на два года. Валя никогда не жаловалась на то, что кто-то портит ей нервы. Время от времени с помощью моего отца ей удавалось съездить на курорт или в санаторий, но чаще всего она бывала в туберкулёзном диспансере, где хоть и немного, но поправляла своё здоровье. Больше всего она боялась, что ей запретят преподавать, но в то время учителей в школе катастрофически не хватало, и роно каждый год выдавал ей разрешение на ведение уроков в школе, так как туберкулёз был в закрытой форме.

Шёл первый послевоенный, 1946 год. К Рождеству в Катеринополь приехал на побывку молодой бравый капитан. Ему было всего двадцать три года, но он успел повоевать, и грудь его украшали ордена Отечественной войны, Красной Звезды и медаль «За отвагу». Прибыл он к себе на родину из Берлина, где служил в военной администрации, и, видно, поэтому его в шутку стали называть «комендантом Берлина».

Понемногу шутка эта прижилась и стала казаться правдой, и капитан, у которого здесь была тьма родственников, уже больше не отказывался от столь почётного титула, а когда был подшофе, а был он в этом состоянии на протяжении всего отпуска, он стал уже, то ли в шутку, то ли всерьёз, сам представляться комендантом Берлина. Всем своим родственникам и даже учителям, когда-то его учившим (до войны он окончил здесь семилетку и учился в Харькове в каком-то техникуме, где его и застала война), он привёз щедрые трофейные подарки: кому отрез на костюм, кому кожаные заготовки на туфли, а своему другу - аккордеон. Когда он однажды заглянул в свою родную школу, его мельком увидела наша Валя, и он ей приглянулся. Придя домой, Валя поделилась с тёткой (моей мамой) своими впечатлениями. Она всегда с ней делилась самыми сокровенными мыслями.

- Тётя Дуся, - говорила она, - он такой красивый, высокий, стройный. Там, в школе, все столпились вокруг него, все от него без ума. А говорят, он был отъявленным хулиганом.

- Если хочешь, мы можем пригласить его к нам, - сказала мама. - Ведь он живёт где-то неподалёку, и даже ходит по нашей улице. По-моему, я даже сегодня его видела.

Сказано - сделано. И вот я отправлюсь выполнять крайне ответственную миссию: в кулаке - записка на имя капитана Павла Штепана с приглашением сему достойному воину заглянуть к нам на огонёк.

Был вечер накануне Рождества. Только что выпал снег. По узкой, недавно протоптанной через поле тропинке навстречу мне в вечерних сумерках приближаются две фигуры. Впереди шествует высокий подтянутый офицер в длинной шинели, перехваченной портупеей, в

зимней шапке. Вслед за ним, ссутулившись, бредёт с аккордеоном на плече Грицько Зинькович, очень известный и популярный в районе человек, по прозвищу Свистун. Где бы он ни был, он всегда насвистывал какую-нибудь новую модную мелодию, и не было такой песни (а песен самых расчудесных во время и после войны появилось великое множество), которую он бы не спел, аккомпанируя себе на аккордеоне или на гитаре. Музыкант от Бога, он одно время руководил районным клубом и был закопёрщиком всего, что касалось музыки. В Доме культуры при нём ставились даже оперы украинских композиторов. Он создал первый после освобождения района духовой оркестр, раздобыв чудом уцелевшие музыкальные инструменты, хранившиеся на дому у довоенных музыкантов, многих из которых уже не было в живых. Он собрал молодых ребят и девушек и обучил их игре на духовых инструментах. Сам он превосходно играл па любом инструменте, который попадал к нему в руки. Жил он бобылём, воспитывая маленькую дочку, в которой души не чаял. Он был одет в короткий полушубок и в тёмно-синие суконные галифе, вкупе с ярко начищенными хромовыми сапогами подчёркивавшие колесообразную форму его ног.

И вот сейчас он плёлся вслед за Павлом (так звали «коменданта Берлина») с большим трофейным аккордеоном, который тот привёз ему из Германии. Теперь Грыцько Зинькович, как верный оруженосец, следовал за капитаном, обеспечивая ему музыкальное сопровождение по высшему классу на всё время его отпуска. И куда бы они ни заходили (а капитан-победитель во многих домах был желанным гостем), всякий раз там начиналась развесёлая пьянка-гулянка и танцы до утра.

- Вы - Павел? - спросил я, когда мы сблизились и я загородил им узкую, протоптанную в снегу тропинку. Судя по описанию, это был именно тот адресат, которому предназначалось Валино послание.

- Предположим, - несколько заносчиво отвечал капитан высоким, слегка хрипловатым голосом, глядя на меня сверху вниз и слегка покачиваясь на каблуках. От него за версту несло самогонным перегаром и трофейным одеколоном. Длинный, тонкий, аристократический нос его резко обозначался на худом, измождённом и в то же время красивом и мужественном лице. Позже я узнал, что в схватке с «вервольфовцами» уже после войны он был ранен в голову и только что вышел из госпиталя, в котором провёл несколько месяцев.

- Вам записка, - сказал я.

Чиркнув зажигалкой, он прочитал содержание. Затем не спеша достал из золотого портсигара папиросу и закурил.

- Григорий Зиновьевич! - обернулся он к своему другу. - Тут вот нас куда-то приглашают. Как вы на это смотрите?

Он обращался к нему на «вы», так как Грицько Зинькович был лет на пятнадцать старше его.

- Догадываюсь, куда нас с тобой приглашают, - отвечал Грыцько Зинькович, поправляя на плече ремень тяжёлого аккордеона. Он,

очевидно, уже узнал меня, когда пламя зажигалки осветило моё лицо. - Я потом тебе расскажу. А сейчас пошли. Нас ждут.

- И всё же, что мы ответим?

- Скажи этому пареньку, что мы придём часа через два-три.

- Ты слышал? - строго спросил меня капитан. - Через два-три часа. И передай, что я благодарю за приглашение.

Капитан говорил на чистейшем русском языке без малейшего украинского акцента. Мы не без труда разминулись на узкой заснеженной тропинке, и они направились куда-то вниз по косогору, а я - домой, ужасно довольный и гордый выполненной миссией. Дома меня ждали с нетерпением. Взволнованная, пышущая нездоровым румянцем Валя стала расспрашивать меня что да как, после чего они вместе с мамой и бабушкой стали собирать на стол.

Вскоре они действительно пришли. Хмель у них уже слегка выветрился, оба держались весело, непринуждённо, как будто были с нами знакомы тысячу лет. Грыцько Зинькович, ещё даже не раздевшись, с ходу рванул меха аккордеона, и дом наш наполнился будоражащими кровь звуками марша «Прощание славянки». «Комендант Берлина» тем временем под звуки марша знакомился с Валей, с нашей мамой, с бабушкой, с моим шестилетним братишкой. Вскоре подошёл и отец. Капитан всех поразил своими изысканными манерами. Он много рассказывал о Германии, о быте и нравах населения страны-агрессора, потерпевшего от нас сокрушительное поражение.

Первый тост - конечно же за победу. Пили голубоватую самогонку, выгнанную из сахарной свёклы (ничего иного в ту пору не было). Закусили солёными огурцами, квашеной капустой, яичницей на сале. Пока бабушка с мамой хлопотали на кухне, Грицько Зинькович уселся в уголке на краешке стула со своим аккордеоном, и дом огласился музыкой и песнями. Первым был «Офицерский вальс». Павел пригласил Валю, и они закружились в стремительном вальсе. Они составляли восхитительную пару. Оба молодые, высокие, стройные, они танцевали модные в то время вальсы, танго, фокстроты, да так, что просто дух захватывало. Наша Валя не сводила глаз с капитана, взгляд её затуманился, она даже забыла о своём кашле. Было совершенно ясно, что это была любовь с первого взгляда. Затем мы все вместе пели фронтовые и послевоенные песни: «В лесу прифронтовом», «Огонёк», «Жди меня», «Синий платочек», «Тёмная ночь» и много-много других песен, до той поры нам неизвестных, но которые знал Грицько Зинькович, и исполнял он их блестяще, виртуозно переходя от одной песни к другой.

Застолье продолжалось далеко за полночь, возобновившись на следующий день. Они стали приходить к нам каждый вечер, благо были каникулы и мне не надо было делать уроки.

Но однажды они не пришли. Валя весь вечер грустила, а наутро к нам заглянул Грицько Зинькович и сказал, что у Павла открылась старая

фронтовая рана и ему нужно побыть несколько дней в постели. Он также передал, чтобы я навестил его дома.

Меня встретила мать Павла и проводила в спальню. Павел лежал в постели и грустно глядел в потолок. Увидев меня, он оживился и попытался сесть. Гримаса боли исказила его бледное лицо.

- Заходи, будь как дома, но не забывай, что ты в гостях, - с совершенно серьёзным видом пошутил он. - Садись вот там на стул и рассказывай, как там Валя. Понимаешь, эта чёртова рана в плече...

- А где вас ранило?

- Да ещё во время Корсунь-Шевченковской операции, когда отражали танковую атаку противника. Они хотели прорвать кольцо окружения, чтобы снасти свою группировку, и мы оказались на острие танкового удара. Пока подоспели наши, от батальона осталось не больше десятка человек, да и те все были ранены. В том числе и я. Этот орден Отечественной войны первой степени, это за тот бой. - И он указал на китель с орденами, висевший на спинке стула. - Подай-ка мне вон ту коробку, где карандаши и блокноты.

Я подал ему картонную коробку с набором немецких карандашей и блокнотов.

- На вот, возьми. - И он протянул мне несколько простых карандашей, пару блокнотов и тетрадей, а также ластик - несметное богатство в те трудные послевоенные годы, когда в школе приходилось писать чернилами, приготовленными из конского щавеля, в тетрадях коричневого цвета, собственноручно изготовленных из немецких бумажных мешков из-под сушёного картофеля.

- Да не надо мне всё это, я ведь не за этим пришёл.

- Дают - бери, бьют - беги, - молвил он. - А от подарков не отказывайся. Знаю я, на чём вы там в школе пишете. - А вот это передай Вале. - И он протянул мне целый пакет с блокнотами и набор, где были авторучка и карандаш со сменным грифелем. - Скажи, что я скоро снова буду на ногах, и тогда мы ещё погуляем и потанцуем.

Но погулять больше не пришлось. И потанцевать тоже. К Вале приехала её давняя школьная подруга. Красивая, румяная, пышущая здоровьем, что называется, кровь с молоком, пышная, голубоглазая блондинка. Звали сё Оксаной. Она только что вернулась из Германии, куда была угнана во время оккупации. По ней нельзя было сказать, что там она претерпевала лишения. Она была нарядно одета во всё немецкое, и хотя с Валей они были ровесницами, выглядела гораздо старше её. Ночь напролёт они о чём-то шептались с Валей, полагая, что я сплю. Поэтому мне поневоле довелось услышать многое из того, что никак не предназначалось для моих ушей. Из отрывков разговора, который вели обе девушки, лёжа в постелях, когда шёпотом, а когда вполголоса (а комната у нас была одна), я уловил следующее: красота и неотразимое женское обаяние Оксаны помогли ей выжить там, в Германии. Ещё на этапе её

заприметил и овладел ею немецкий офицер - начальник конвоя. Затем, на заводе в Германии, куда их определили, её сразу взяли в администрацию предприятия, где она стала любовницей военпреда, затем... и так далее.

- Но как же ты могла? - вопрошала Валя - святая невинность наша. - Почему ты не боролась?

- Эх, Валя! Жизнь дорога, а судьба наложницы во все времена была жестока. Какая уж там борьба? Это в кино только бывает. А там тебя поставят в такие условия, что не пикнешь и не охнешь.

- А тебя наши освободили?

- Наши. От них тоже изрядно натерпелась. Ведь я попала в фильтрационный лагерь. В «СМЕРШ» таскали, пытались мне дело шить, как немецкой пособнице. Оскорбляли по-всякому. А какая я пособница? Потом один подполковник из этого самого «СМЕРШа» на меня глаз положил, и я с ним жила почти полгода, пока шла проверка. Он мне и помог выйти на волю. А многие ведь, особенно парни, так до сих пор в наших лагерях сидят. Да и девчата тоже. Особенно те, кого американцы вызволили. Неласково, ох как неласково встречала нас Родина. Хотя ведь, по сути дела, разве не она нас, молодых да неопытных, бросила в лапы к немцам. Бросила всех нас на произвол судьбы.

На следующий вечер пришёл Павел. Он пришёл один и был бледным и мрачным, а самое главное - трезвым. И всё бы ничего, если бы он не узнал, что Оксана была в Германии. Он пристально, исподлобья смотрел на тщательно ухоженное, румяное лицо Оксаны, и его лихие серые глаза наливались ненавистью и презрением. К тому же он, придя к нам, уже успел пропустить две-три рюмки, не закусывая.

- А-а, так ты - «немецкая овчарка»? - небрежно протянул он. Язык у него уже слегка заплетался. - Знаем, знаем, какое у вас там было рабство.

Гнетущая тишина повисла в комнате. Оксана вскочила из-за стола и выбежала в коридор, прижав к глазам платочек. Лицо её пылало.

Валя после короткого оцепенения взвилась, превратившись в настоящую фурию:

- Павлик! Возьми свои слова обратно! Извинись перед Оксаной! Она моя подруга, и я не позволю её оскорблять! Кроме того, она гостья в этом доме.

- Я, боевой офицер, должен извиняться перед какой-то немецкой шлюхой?! Ни-ког-да!

Валя кипела от ярости. Кровь бросилась ей в лицо. Глаза сверкали ненавистью. Такой я её никогда ещё не видел. Она всегда была доброй, ласковой, покладистой. Они стояли друг против друга.

- Послушай-ка ты, боевой офицер! А ты нас сумел защитить от немца в сорок первом? Я тебя спрашиваю: ты нас защитил от немецкого рабства? Ты смог помешать фрицам угнать тысячи таких, как она, в проклятую Неметчину? Молчишь? Тебе сказать нечего? Вы драпали до самой

Москвы, а нас всех бросили на растерзание оккупантам, и каждый из нас пытался хоть как-то выжить. Не важно как, иногда дорогой ценой, но выжить! Так что у тебя нет никакого морального права в чём-либо её упрекать и тем более оскорблять! Ты - победитель! Честь тебе и хвала! А только победа эта досталась нам слишком дорогой ценой. Если ты сейчас же перед ней не извинишься, можешь убираться отсюда. Видеть тебя не хочу!

- Ах так?! Так вот на кого ты меня променяла? Ну, что ж, я ухожу. Но ты ещё об этом пожалеешь!

Он вышел в прихожую, медленно и мягко ступая хромовыми, начищенными до блеска сапогами, снял портупею с тёмно-зелёной диагоналевой гимнастёрки и подал её мне, так как я вышел вслед за ним в прихожую. Я ему помогал, так как его раненая рука не гнулась. Он надел портупею на шинель, надел шапку, посмотрелся в зеркало, закурил и, сказав мне со вздохом: «Вот так-то, брат Володя», - вышел на улицу. Я видел в окно, как он шёл по улице широкими шагами с гордо поднятой головой, полный чувства собственного достоинства. Когда я вернулся в комнату, обе девушки, обнявшись, сидели на кровати и плакали.

Через два дня Павел уехал, ни с кем не попрощавшись. Вскоре уехала и Оксана. А Валя долгое время ходила грустная. Много кашляла. Однажды она, пытливо глядя на меня, спросила:

- Что ты думаешь о Сталине, Володя? Он - хороший человек? - При этом она как-то загадочно-зловеще улыбнулась.

- Ты что это, Валя, сомневаешься, хороший ли он? Ведь мы с ним войну выиграли! Он же гений, отец всех...

- Ты просто ничего не знаешь. Он много горя принёс всем нам. Во время коллективизации на Украине в тридцатые годы он уморил голодом миллионы. Дети умирали как мухи. Пухли от голода и умирали. А сколько людей хороших посадил в лагеря! А сколько погубил! Он же настоящий душегуб, если хочешь знать...

Мне было не по себе от этих её слов.

- Но откуда тебе всё это известно? А победу, разве не с ним?..

- Победил в войне не он, а весь наш народ. Наши генералы. Солдаты.

Я стоял огорошенный:

- Валя, но как же тогда... Что такое ты несёшь? Ты так уверенно говоришь обо всём этом... Откуда ты всё это знаешь? Могу ли я тебе верить?

- Да, я знаю это абсолютно точно. Но ты молчи об этом и никому не говори, а то нас всех за это пересажают. Пусть это будет тайной между нами. Ладно?

- Ну разумеется. Можешь быть спокойна.

Эх, Валя, Валя... И откуда только у неё, двадцатилетней девушки, такие по тем временам крамольные мысли?! Ведь тогда фигура Сталина всё ещё была овеяна ореолом победы, а люди, которые хоть чуточку сомневались в его непогрешимости, гнили в лагерях.

Был слякотный февраль того же 1946 года, когда однажды вечером к нам в дверь постучался сутуловатый, худощавый молодой человек в японском цвета хаки офицерском полушубке с лисьим воротником. На голове его красовалась какая-то замысловатая, также, видимо, японская, меховая шапка с длинным ворсом. Он был среднего роста, на иссиня-бледном худом лице торчал сизый от холода вислый нос, который, однако, ничуть не портил его благообразную интеллигентную внешность.

- Я - Миша, старший брат Павла, который, как мне сказывали, бывал в вашем доме с Грицько Зиньковичем. Они тут оставили гитару, и я хотел бы её забрать, поскольку эта гитара моя.

С этими словами он указал на гитару, висевшую на ковре на стене в гостиной. Под аккомпанементы этой гитары Грицько Зинькович в один из вечеров исполнял цыганские романсы.

В прихожую вышла бабушка.

- Так вы - брат Павлика? - спросила она. - Вы на него очень похожи. Особенно нос, - лукаво улыбнулась она.

Михаил, смущённо коснувшись носа рукой, виновато осклабился.

- А я могу видеть Валю? - спросил он после минутной паузы.

- Она ещё в школе, - сказал я. - Подождите, если хотите. Она скоро должна прийти.

- Да вы раздевайтесь, присаживайтесь, - сказала бабушка.

Михаил снял свой японский тулупчик. На нём был офицерский китель без погон, зелёные брюки военного образца были заправлены в добротные, не нашего покроя яловые сапоги.

- У нас дома много говорят о Вале, о вашей семье, и мне очень захотелось с вами познакомиться.

Вот так, запросто, он вошёл в наш дом.

Мише было двадцать семь лет, хотя выглядел он старше своего возраста. Он прошёл суровый путь войны: окружение под Киевом в памятном сорок первом, немецкий плен, работа на ферме в Германии, освобождение, фильтрационный лагерь. Ему во многом помогло то, что он был прирождённым музыкантом. Он окончил до войны музыкальное училище в Черкассах, в армии руководил духовым оркестром. Он играл практически на всех инструментах. В фильтрационном лагере сумел понравиться начальству исполнением романсов под гитару, и вместо лагерей, куда попали почти все, побывавшие в немецком плену, он отправился на войну с Японией. Опять-таки в составе духового оркестра. После демобилизации он вернулся на родину, где у него оставались жена

и ребёнок. Его жена, статная, красивая женщина, «дружила», по слухам, как с немецкими, так и с советскими офицерами, оставляя свою маленькую дочь на попечение матери.

Поэтому после войны Михаил к ней не вернулся и через некоторое время оформил развод.

Наша Валя ему, по-видимому, очень понравилась, и он стал бывать у нас почти каждый вечер. Миша пел романсы и украинские песни под гитару. Затем пошли томные взгляды, поцелуи - и всё это у меня па глазах, а мне некуда было деваться, так как я готовил уроки в одной с ними комнате. Ах, уроки! Бедные мои уроки! Какие уж там уроки, когда эти двое сидят и целуются, а паузы заполняют неаполитанскими песнями из репертуара Михаила Александровича. Ухаживание завершилось предложением выйти за него замуж. Меня до сих пор гложет червь сомнения: не слишком ли показной была его любовь к бедной девушке, больной туберкулёзом, обречённой на медленное угасание (в то время ещё не было найдено эффективных методов лечения этой болезни, которая безжалостно уносила десятки тысяч жизней).

Сейчас, с расстояния в несколько десятилетий, и особенно после знакомства с произведениями А. Солженицына, с «Архипелагом ГУЛАГ» в частности, ситуация Михаила тогда, в том далёком 1946 году, становится предельно ясной: все бывшие военнопленные, особенно те, кто был освобождён союзниками из немецких концлагерей, прямым этапом водворялись в наши лагеря. Михаил отлично сознавал, что над ним постоянно висит дамоклов меч, что он пока каким-то чудом гуляет на свободе. А то, что за ним в любой момент могли прийти, как приходили за многими, такими, как он, говорит следующий случай.

У моей жены был дядя, в прошлом офицер-танкист, адъютант генерала. В первые же дни войны, попав в окружение, он с товарищами утопил свой танк в болоте и направился к своим через линию фронта, но попал в плен. Освобождённый американцами в 1944 году, он после фильтрационного лагеря был разжалован в рядовые и отправлен на фронт в штрафбат. В конце войны его по ранению декомиссовали, и он вернулся домой в Москву к матери. И вот в 1946 году поздним вечером за ним приехал «воронок». Мать сразу поняла, кто они, эти двое, и зачем приехали.

- Вы мать такого-то? Где ваш сын? (Он в это время находился у своей невесты.)

- Зачем вам мой сын?

- Он должен ехать с нами. Вот ордер на его арест.

- Покажите. - Старушка, мать семерых детей, была не робкого десятка. Ей показали ордер. - И что же он такого натворил, что вы его забираете?

- Мамаша, у нас приказ. Скажите, где ваш сын?

- А ничего-то я вам не скажу! У меня вот один сын погиб на фронте! Политруком он был на флоте! Так вы и этого хотите забрать? Я сама на инвалидности, а кто за мной будет приглядывать? Уж не вы ли? Я в революцию большевистские листовки распространяла, семерых детей вырастила, и все при деле были, пока война не грянула. - Старушка тяжело поднялась со стула и пошла на них с клюкой. - Убирайтесь-ка отсюда, подобру-поздорову, и чтоб я вас больше здесь не видела!

Чекисты ушли, пообещав вскоре вернуться. Но они не пришли ни через неделю, ни через десять лет. Очевидно, выполнили свой план, взяв кого-то другого, и бывший военнопленный - дядя «Весты», израненный танкист, им был больше не нужен.

Так вот, возвращаясь к Михаилу: женившись на племяннице прокурора района, он как бы получил своего рода индульгенцию на случай, если его вздумают-таки взять. А прокурор в то тревожное послевоенное время, как бывший старый чекист, был тесно связан с органами ГБ и с милицией, лично принимая участие в ликвидации банд, действовавших в районе. Он мог, конечно, в случае необходимости его защитить.

Врачи категорически возражали против Валиного замужества, но Валя никого не хотела слушать. Она знала, что судьба определила ей короткий срок жизни, и хотела хоть немного вкусить семейного счастья. Хоть самую малость. Сыграли свадьбу. Молодые стали жить в хате его матери. Однако уже через неделю Валя сбежала к нам.

- Ах, тётя Дуся! - говорила она моей матери. - Он почему-то считает меня своей вещью, собственностью, принадлежащей ему!

- Но, Валя, ведь ты же его жена, - пыталась урезонить её мама.

- А мне отвратительны его ласки, вот и всё! И вообще, всё, что он делает со мной, не вызывает у меня ничего, кроме чувства омерзения. Я думаю, с Павликом у нас было бы всё по-другому! Да! Всё по-другому! Всё!

- Ты до сих пор не можешь забыть Павлика?

- Более того! Я его по-прежнему люблю, и я надеялась найти его в Мише, но ничего из этого не вышло и не выйдет. По-моему, я его начинаю даже ненавидеть.

А Павел так и не дал больше о себе знать. Как потом я узнал, он около года провёл в госпитале, где лечили его фронтовую рану: у него было серьёзное ранение головы, где застрял крошечный осколок гранаты, который постоянно подвергал его жизнь опасности и мучил ужасными головными болями, которые привели его в психиатрическую лечебницу, откуда он уже не вышел.

Вскоре Валя окончательно переселилась к нам. Миша продолжал приходить к нам домой, но ночевать уходил к себе. Он готовился к поступлению в университет на заочное отделение истфака и проводил у нас в саду целые дни, отчаянно штудируя историю ВКП(б) и другие дисциплины. Осенью он успешно сдал экзамены и стал студентом-

заочником Киевского университета. Работал он в нашем районном Доме культуры, где всё тот же Грицько Зинькович поручил ему руководство духовым оркестром, который обслуживал торжественные заседания, митинги и конечно же похоронные процессии.

А тем временем болезнь Вали прогрессировала, медленно и неумолимо приближая её конец. В трудные голодные годы мы старались, порой отрывая от себя, доставать для неё продукты, барсучий жир с мёдом, посылали в санатории и диспансеры. Умерла она в феврале 1948 года в больнице па руках у своей матери тёти Маруси. Ей было в ту пору всего лишь двадцать два года. Её сестра Клава пережила её на несколько лет, также умерев от туберкулёза.

В день похорон Мишу некому было подменить, и ему пришлось руководить духовым оркестром на похоронах собственной жены. На кладбище он стоял с обнажённой головой в своём японском тулупчике цвета хаки с поднятым лисьим воротником и дирижировал своим маленьким духовым оркестром. Когда оркестр умолк, он взял трубу и стал исполнять на ней какую-то ужасно траурную мелодию. Мокрый снег падал на его непокрытую голову и таял, смешиваясь со слезами. Плакала труба, плакали школьники, пришедшие хоронить свою учительницу. Плакало небо.

Война продолжала собирать уже в мирное время свою смертельную дань.

Сотни тысяч подростков, угнанных в Германию во время оккупации, насильно вырванных из своего родового гнезда, разве они были виноваты в случившемся? Система, которая оказалась не в состоянии защитить своих детей, бросила их на произвол судьбы. Самых красивых девушек немцы отбирали и отправляли в офицерские и солдатские бордели. Что они могли предпринять, эти несчастные, превратившиеся в наложниц? А когда их наши освобождали, им подчас давали презрительную кличку «немецкая овчарка». Многие из них на чужбине встретили свою судьбу, обзавелись семьями и уже никогда больше не возвращались на свою родину. А те, кто вернулся, побыв немного дома, уезжали вскоре в города, на стройки. Страна восстанавливала разрушенное войной хозяйство, и ей нужны были молодые, сильные руки. Деревни и сёла пустели на глазах.

Нацисты... Две молодые жизни, погубленные в самом прекрасном возрасте, и десятки миллионов других. И если Центру понадобилась информация о нацистах, проживающих в Аргентине, то мы по мере возможности старались её получить, хотя особыми успехами на этом поприще похвастаться не могли, но кое-что нам всё же удалось. Пройдут два десятилетия, прежде чем мы случайно узнаем, что на основании нашей информации была проведена какая-то очень важная операция.

Пульперия «Лассо» торговала спиртными и безалкогольными напитками, бутылочным пивом, кофе и мороженым. Фирменным блюдом были креольские пирожки (печёные и жареные), именуемые «эмпанадас». Пирожки эти имеют острую мясную начинку с оливками, придающую

пирожку особый вкус и аромат. Торговля шла вяло, а два официанта в белых куртках вечно торчали в дверях салона.

Хозяйку звали Франсиска Санчес. Это была полная, дородная, рыжеволосая женщина лет тридцати, во вьетнамках на босу ногу. Другую обувь в летнюю жару она носить не могла. Её компаньоном был деверь, худой, высокий, лысоватый, болезненного вида (у него была язва) парень лет тридцати пяти по имени Хорхе. Они являлись также владельцами довольно большой закусочной на авениде Ривадавия, так что пульперия «Лассо» была филиалом.

В одно из наших посещений мы пригласили сеньору Санчес за наш столик и побеседовали с ней. Вскоре к нам присоединился и Хорхе. Муж Франсиски участия в переговорах не принимал. Разговор в основном вёл я, хотя «Веста» за год пребывания в Латинской Америке уже довольно прилично знала испанский, который для неё становился фактически уже третьим языком.

- Сеньора Франсиска, мы пришли по объявлению в газете. Сколько стоит ваш бар и почему вы решили его продать? - спросил я.

- Видите ли, вначале, пока я уделяла внимание предприятию, дела шли неплохо, да и сейчас они не так чтоб уж плохи. Но у меня родился ребёнок, и потом, закусочная на Ривадавии. А этот вид бизнеса требует, и очень даже, женской руки. Хорхе же по своей натуре, хоть он и умеет печь хорошие эмпанадас, но управлять бизнесом он всё же, по-видимому, не рождён. Муж же постоянно занят в баре на Ривадавии.

- А эмпанадас вы сами делаете?

- Да. Эмпанадас мы выпекаем дома. Этим делом занята вся наша семья, включая моих старшеньких.

- А сколько же у вас детей?

- Да вот сейчас уже пятеро, - ответила она, застенчиво улыбаясь. - Скоро вон у вас свой появится, - кивнула она на живот «Весты».

- А то, что через дорогу комисария?

- Ну, в смысле безопасности... Дурной люд, там хулиганы всякие обходят нас стороной. Что касается полицейских, то они, как правило, платят, хотя и с некоторой скидкой. Да и не так уж много они получают, эти полицейские, а дежурить приходится сутками. Когда и для арестованных берут, коку там, эмпанадас. Одним словом, не жалуемся. У нас с ними хорошие отношения.

Пара советских разведчиков-нелегалов станет владельцами бара, а наискосок через дорогу полицейский участок, именуемый здесь комисарией. Хорошо это или плохо? Ну, безопасность для бара это само собой. Полицейский в форме, вооружённый автоматом, пистолетом, дубинкой и наручниками на поясе... Важно установить доверительные отношения с офицерами, да и с сержантским составом тоже. Они ведь всё же в курсе всего, что касается ситуации в стране, а она, ситуация, в то

время была далеко не простой, и Центр просил подробно осветить целый ряд вопросов. Да и о немецкой колонии в полиции, по-видимому, знают немало. К тому же бар напротив полиции, на наш взгляд, вызывает меньше подозрений у спецслужб. В любом случае мы рассчитывали организовать это прикрытие сроком на два-три года, пока «Веста» обживётся в стране и освоит испанский, а за это время изучить возможности обосноваться в США, куда, впрочем, стремились выехать многие граждане Аргентины, обеспокоенные инфляцией, экономическим спадом и чехардой военных переворотов, ещё больше усугублявших экономический кризис в стране.

Итак, после некоторых колебаний, взвесив все за и против, проведя внеочередную тайниковую операцию, мы изложили Центру свои соображения и вскоре по радио получили «добро» на покупку этого заведения. Особых возражений не последовало, как нам думается, ещё и потому, что бар мы покупали в рассрочку и за довольно невысокую цену, так что в случае неудачи потери были бы не столь велики.

Через посредника, агента по продаже недвижимости сеньора Поццоли, очень толкового и дотошного итальянца (его нам представила хозяйка бара), мы приобрели пульперию «Лассо», которой в недалёком будущем надлежало превратиться в бар со звучным немецким названием «Цур глокке», что означает «К колокольчику». Название это было подсказано нашими новыми немецкими друзьями.

Бар, а это скорее был маленький ресторан, представлял собой небольшой зал, занимавший первый этаж трёхэтажного жилого дома. Владельцем самого помещения был портной по имени Фергуччи, живущий неподалёку и работавший на дому, и ему ежемесячно нужно было платить за аренду, согласно контракту, который заключался сроком на один год. По истечении срока контракт этот либо продлевался, либо составлялся заново. При этом цена аренды, естественно, возрастала с учётом инфляции.

Справа от входа в салон размещалась барная стойка, холодильник, облицованный по фасаду покрытой лаком корой тутового дерева. Задняя стенка за стойкой была стилизована под крышу хижины гаучо из пампы, на полках стояли бутылки со спиртными напитками. В задней части помещения размещалась небольшая кухня с плитой и духовкой для выпечки эмпанадас и вертелом на газе на двенадцать цыплят. От салона кухня была отделена декоративной стенкой из бамбука с тростниковой крышей. Подсветка из неоновых огней придавала всему интерьеру оригинальный латинский колорит. В салоне стояли двенадцать лёгких бамбуковых столиков и сорок восемь стульев, сделанных из того же материала.

Нам предстояло, не меняя оснастки бара, придать ему европейский колорит. Закрыв временно бар, мы занялись было его ремонтом и уничтожением тараканов и грызунов и даже успели оклеить стены новыми обоями, как вдруг «Весте» подошло время рожать, что в нашем положении было далеко не простой проблемой. Вспомните «Семнадцать

мгновений весны», и вы поймёте, какому серьёзному испытанию подвергается семья нелегалов, если у жены родной язык русский. С самого первого дня нашей встречи мы решили строго придерживаться правила: говорить и даже стараться думать на иностранном языке. Вначале это был английский - язык семейного общения, затем - испанский. Но рожать мы решили в немецком госпитале, поскольку «родным» языком у «Весты» был немецкий. И всё же это была рискованная затея - рожать. Где гарантия, что всё обойдётся без осложнений? А если будет необходим наркоз и прочее? Не проявится ли в какой-то момент русский язык? Правда, Аргентина - не Германия времён Третьего рейха, но всё же... Во время прогулок мы постоянно касались этой темы, оговаривая все возможные варианты (включая кесарево сечение). Так день за днём «Веста» готовилась к родам, настраивая себя психологически на то, чтобы в любом случае отказываться от наркоза.

Вечером начались схватки. С Натали, хозяйкой дома, где мы жили, у нас была договорённость на этот случай, и она отвезла нас в госпиталь на своей машине. «Веста» родила на следующий день. Роды принимал сам доктор Эверкеп, которого мы ещё в самом начале отыскали по объявлению в «Буэнос-Айрес Гералд», когда с «Вестой» чуть было не случилась беда, грозившая потерей будущего ребёнка. С тех пор он стал её лечащим врачом. Статный немец лет пятидесяти, похожий скорее на преуспевающего бизнесмена, чем на врача-гинеколога, он был настоящим профессионалом в своём деле, с большим чувством юмора, очень внимательным, добрым и отзывчивым, что немаловажно для любой роженицы, для первородящей - особенно.

У нас родилась девочка, которую мы называли Сабиной. В Центр пошло сообщение о том, что у нас родилась девочка, и мы даже послали фотографию ребёнка, как обычно, на непроявленной плёнке, с тем чтобы показали внучку дедушке и бабушкам.

Новый, 1965 год мы встречали втроём (друзей у нас тогда ещё не было), и наш ребёнок таращил глазёнки на сверкающие огни новогодней ёлочки.

А тем временем я открыл бар и начал постигать азы науки обслуживания посетителей, не имея ровным счётом никакого опыта в этом виде работы. Но, как говорится, не боги горшки обжигают. Стать за стойку бара - что, казалось бы, может быть проще? Конечно же ничего тут мудрёного нет, но одно дело, когда за стойкой наёмный работник, и совсем другое, когда сам хозяин. Беседуя, скажем, с посетителем, который предпочитает выпить у стойки бара, необходимо постоянно держать в поле зрения весь салон, следя за тем, все ли обслужены, не нужно ли кому что-либо, чисто ли вымыты бокалы и рюмки, горячий ли подан кофе, не задерживается ли заказ на кухне, достаточно ли внимательны и вежливы официанты.

Одного из двух официантов я сразу же уволил из-за постоянного опаздывания на работу. Да мне просто и не нужны были два официанта, поскольку движение посетителей было крайне слабым, а я пока что

ничего не мог придумать, чтобы чем-то привлечь клиентов. «Веста» была занята с ребёнком и ничем помочь мне не могла. Повариха, полная женщина лет сорока, большая любительница белого вина, под конец рабочего дня уже не вязала лыка, и эмпанадас выходили из-под её рук то совершенно сырыми, то угольно-чёрными. Её сожитель, алкоголик, лет на десять моложе её, вечно торчал на кухне, мешая работать, порываясь к тому же в пьяном виде обслуживать столики в салопе. Моя воспитательная работа вызывала у них слёзы раскаяния, мольбы, обещания и клятвы, а через неделю всё начиналось сначала. Выгонять же её не хотелось, так как она была добрейшей женщиной и трезвой всё же справлялась со своими обязанностями. Я оставил её при условии, что её мужик больше здесь появляться не будет, и он появлялся у дверей бара лишь ближе к полуночи, чтобы проводить Мари (так звали повариху) домой, поскольку жила она довольно-таки далеко.

Снабжение продуктами, налаженное ещё прежними хозяевами, функционировало довольно чётко.

Однажды мы приехали в бар вместе с «Вестой» и дочкой, которая только-только научилась сидеть. Усадив её на столик, отведённый для хозяев в дальнем углу салона, мы занялись обслуживанием немногочисленных посетителей. Столики впервые были накрыты красивыми скатертями в разноцветную клеточку, из динамиков лилась тихая музыка. Аргентинский фольклор сменялся немецкими мелодиями и альпийскими песнями. Пластинки мы специально подбирали заранее. Открылась дверь, и в салон вошли новые посетители - муж, жена, дочь и пожилая дама в очках. Это была семья Крамеров в полном составе. Курт Крамер, его жена фрау Герда - дородная женщина на голову выше своего мужа и лет на пятнадцать моложе его, и длинноногая русоголовая девочка лет одиннадцати. Марта сразу же побежала знакомиться с нашей Сабиной, потатошкала её немного, затем прошла за стойку посмотреть, как я работаю.

- Можно я буду у вас диск-жокеем? - спросила она, перебирая пластинки.

- Давай, мне как раз в штате не хватает диск-жокея, - отвечал я шутливо.

- Мы прослышали о том, что здесь новые хозяева, вот и решили зайти с вами познакомиться, - сказала фрау Герда, когда «Веста» подошла к их столику.

- Ирма. Очень приятно, - сказала «Веста». - Добро пожаловать в наш салон!

Разговор шёл на испанском.

- У вас немецкий акцент, вы немка?

- Да, - ответила «Веста» теперь уже по-немецки. Дальше продолжали говорить только по-немецки.

Герр Крамер работал администратором на фабрике пластмассовых изделий, расположенной в двух кварталах от нас. Помимо этой работы, он вёл свой собственный бизнес по изготовлению миниатюрных пластмассовых контейнеров с чернилами, которыми заряжались перьевые авторучки школьников всей страны. Его компаньоном был главный инженер фабрики, он вскоре тоже стал нашим клиентом. Курт приехал в Аргентину перед войной ещё совсем молодым человеком. Здесь он обзавёлся семьёй. Два его брата, погибли в России в смоленских лесах. Курт был единственным наследником трёхэтажного особняка с садом в Гамбурге, где в полном одиночестве жила его престарелая мать.

Наша крошечная дочурка была в тот вечер в центре внимания, но ей уже подошло время спать, и «Веста» на такси уехала с ней домой. Вскоре ушли и Крамеры. С этого самого дня они стали бывать у нас чуть ли не каждый вечер, приводя всё новых и новых клиентов из числа своих друзей и знакомых. Постепенно наш бар стал превращаться в некое подобие немецкого клуба, где за кружкой пива можно было провести вечер, послушать немецкую музыку и самому попеть застольные немецкие песни. У нас появился особый стол для гостей, располагавшийся в конце салона. Вскоре стена над этим столом стала покрываться эпиграммами, стишками, памятными надписями и рисунками, которые оставляли наши гости, ставшие завсегдатаями бара.

Однажды, вскоре после того, как мы начали работать, в баре в дверях вдруг появился Хуан из американского бара «У Хардта» в Акасусо.

- Рады тебя видеть, Хуан. Как ты нас нашёл? - спросила «Веста».

- Совершенно случайно. У меня здесь когда-то жила девушка, и мы с ней иногда заходили сюда полакомиться эмпанадами, здесь их неплохо готовили.

- А ты думаешь, сейчас их плохо готовят? На-ка вот попробуй. - И «Веста» принесла из кухни только что приготовленные эмпанадас.

- Мы тебя угощаем, - сказал я, ставя перед ним на стол стакан красного вина.

- Ты по-прежнему работаешь в баре? - спросила жена.

- Нет, сеньора, там сейчас уже совсем не то. Жаль, что вы его тогда не купили. У вас бы дело пошло. А мистер Хардт продал его итальянцу, и там сейчас пиццерия. Тоже работает ничего, но только с новым хозяином я не сработался, и он меня уволил.

- А сейчас ты где работаешь?

- Да так, подрабатываю то в одном месте, то в другом. Ничего постоянного. Может, у вас для меня найдётся работёнка?

Поскольку торговый оборот у нас начинал набирать силу, мы накануне решали вопрос, не взять ли нам снова официанта.

- Приходи завтра. Поработаешь у нас официантом, если хочешь, - сказала «Веста».

Глаза у Хуана загорелись.

- Конечно, сеньора. Мучас грасиас. Хотите, я начну прямо сейчас, а вы с мужем пока отдохните, да за ребёнком присмотрите, а то как бы он у вас не свалился со стола. Это кто, мальчик или девочка? Девочка? Какая славная крошка!

Едва приступив к работе, Хуан развернул бурную деятельность. Он убедил нас организовать выпуск гамбургеров, как это было в Акасусо у Хардта. Мы подсчитали, что гамбургеры могут принести нам неплохую прибыль, возможно даже ещё большую, чем эмпанадас. Хуан отыскал специалиста, который переоборудовал нашу плиту, снабдив её особыми газовыми горелками, над которыми установил большой противень. Затем были изготовлены металлические кольца с ручками по размеру гамбургера. Кольцо-форма кладётся на раскалённый противень, туда закладывается мясной фарш с соответствующими специями, в другую формочку вбивается яйцо. Когда гамбургер поджаривается с одной стороны, кольцо снимается и котлета переворачивается на другую сторону, на него кладётся ломтик острого сыра «гружер». Одновременно на противне поджариваются две половинки круглой булочки, между которыми и закладывается гамбургер с сыром, затем яйцо, листик кочанного салата, ломтик помидора, колечко лука. Всё сооружение скрепляется деревянной заострённой с двух концов шпилькой и подаётся с кетчупом и горчицей и, разумеется, с вином, пивом или кока-колой.

Слух о нашем фирменном блюде быстро распространился по всей округе. Спрос был такой, что мы едва успевали эти «амбургесы» готовить. Торжествующий Хуан вертелся как белка в колесе, стремительно снуя между кухней и салоном, где мы с ним вдвоём едва успевали обслуживать столики.

Тот же вездесущий Хуан вскоре нашёл нам няню, смазливую девчонку лет семнадцати. Девушку звали Кармелита, и она оставалась с ребёнком, пока мы были на работе, когда у нас были ночные сеансы радиопередач из Центра (в дневное время проходимость наших коротких радиоволн была крайне слабой, несмотря на мощный передающий центр под Москвой), мы отпускали няню пораньше. На работе в такие дни оставался кто-то один из нас. Но поскольку подобные отлучки с работы могли вызвать подозрения, мы вскоре попросили Центр перенести время передач на более поздние часы между двумя и четырьмя часами утра. Это конечно, не совсем удобно в личном плане, зато прохождение волн было хорошее.

Мы открывали бар в пять часов вечера и закрывали в полночь, а чаще за полночь, и было очень трудно добираться домой из-за отсутствия какого-либо транспорта. Возникла необходимость обзавестись хоть каким-нибудь средством передвижения. Наш выбор пал на сравнительно недорогую машину «Рено-4Л» типа комби, популярную у среднего класса, к которому мы принадлежали.

Появление машины значительно облегчило нашу работу по «профилю»: подыскание тайников и мест постановки сигналов,

проведение тайниковых операций, посредством которых в Центр регулярно передавалась информация о ситуации в стране, о наших новых связях, а также выполнялись отдельные поручения Центра, сделать которые, не имея машины, было бы попросту невозможно. К тому же проводить проверку на предмет обнаружения слежки до и после встречи со связниками или при проведении тайниковой операции на машине было значительно легче.

Хуан хотя и прижился у нас в баре, но нет-нет да и прогуливал: как выяснилось, он к тому же был ещё и азартным картёжником. Как-то раз, вернувшись домой раньше времени, мы обнаружили в доме Хуана. Было ясно, что он состоял в интимной связи с нашей Кармелитой, используя нашу квартиру для любовных свиданий. Присутствие постороннего человека, да ещё такого проныры, как Хуан, в доме нелегалов могло быть чревато последствиями, причём самыми непредвиденными.

Пока ничто не указывало на то, что он каким-либо образом был связан с полицией или спецслужбами. Но всё же?.. Если мы попадём в разработку спецслужбами, то вот он, готовый кандидат на вербовку: он уже вошёл к нам в доверие, бывает у нас в доме в наше отсутствие и в принципе знает о всех наших делах по прикрытию и о наших передвижениях.

А что может быть опасней для нелегала, чем присутствие в его доме постороннего лица, к тому же ещё увлекающегося игрой в карты на деньги? Пусть даже пока он не связан с полицией, но в любой момент туда может угодить и каким-либо образом, возможно, спасая себя, привлечь к нам внимание полиции. А вдруг ему взбредёт в голову рыться в наших вещах? Правда, деньги, шифр-блокноты были надёжно укрыты в тайниках, оборудованных в квартире на террасе, но всё же...

Мы серьёзно задумались, как поступить с Хуаном. Решение пришло быстрее, чем мы предполагали. Однажды, придя домой, мы уловили запах гари. Тщательно осмотрев квартиру, нашли на дне мусорного ведра остатки сожжённых, окровавленных бинтов и ваты. Похоже, что в нашем доме был произведён подпольный аборт. Одно было неясно - кто ассистировал. Неужели сам Хуан? Это уже было слишком. Аргентина - страна католическая, и аборты здесь карались законом. В тот же вечер мы поговорили с Хуаном. Он всё отрицал. На следующий день няня не пришла, исчезнув вообще из поля зрения. Адрес её знал только Хуан, но и он не появлялся на работе дня три. Хуан вообще в последнее время стал халатно относиться к своим обязанностям, явно потеряв интерес к работе. Было видно, что работой он не дорожит и не очень стремится остаться. Мы его рассчитали. Хотелось узнать адрес Кармелиты, чтобы отвезти заработанные ею деньги, но по адресу, который нам дал Хуан, девушка под таким именем не проживала. Через несколько месяцев Хуан снова появился в баре, но места для него у нас уже не было.

Пришлось уволить и повариху за пьянство и прогулы. К тому времени мы нашли себе другую няню, у которой был свой домик с садом, где мы могли оставлять ребёнка в любое время и столько, сколько было нужно.

Семья эта была итальянского происхождения - муж и жена пенсионного возраста и взрослая незамужняя дочь. Когда в конце 1969 года у нас появился второй ребёнок, они и его нянчили. Теперь мы с «Вестой» управлялись в салоне вдвоём. На кухне же работала девушка по имени Аня из русских немцев из секты адвентистов Седьмого дня, обосновавшихся в Аргентине в начале XX века.

Какое-то время Аня работала у нас дома в качестве прислуги и няни, пока однажды мы не взяли её с собой в бар, где ей очень понравилось, тем более что к нам захаживали и молодые люди, да и обстановка в баре была в общем благопристойной. Она жила неподалёку от бара вместе со своей замужней сестрой, работавшей у нас посудомойкой. Поправ строгие религиозные каноны секты, Аня попросилась перевести её на работу в бар. Она приехала откуда-то из глухой провинции. Вначале некрасивая, совершенно не умевшая следить за своей внешностью девушка чуралась всего, что было связано со светской жизнью (адвентистам запрещены танцы-пьянки-гулянки, хотя свои псалмы они поют под аккомпанемент струйного оркестра). Но затем «Веста» посоветовала ей сделать укладку волос, научила пользоваться косметикой, и Аня преобразилась.

Дело наше тем временем налаживалось и даже начинало приносить кое-какую прибыль. По рекомендации Центра мы завели счёт сначала в местном, а затем и в более крупном банке в центре Буэнос-Айреса. Каких-либо отчислений Центр с нас не требовал, поскольку доход был невелик. В бар стали приходить целыми семьями, особенно по воскресеньям, поскольку, кроме гамбургеров и эмпанадас, у нас было были жареные цыплята на вертеле. Самые лучшие торты нам поставлял венгр-кондитер, а апфель-штрудели и штоле - немец Хайнц, который работал на дому. Мы стали устраивать банкеты, вечеринки, дни рождения. Иногда случалось так, что наши новые друзья Крамеры и Эрик - немец, живший по соседству, - надев фартуки и засучив рукава, помогали нам обслуживать посетителей, хотя в основном, конечно, мы управлялись сами. Пришлось в короткий срок научиться быть расторопными, но мы были молоды, полны сил и легко справлялись с этой новой для нас работой.

В бар стали наведываться и немецкие евреи, бежавшие в своё время из гитлеровской Германии. Они, как правило, удивительно быстро находили общий язык со здешними немцами, распивали с ними пиво, спорили о политике, но нацистских песен, конечно, не пели. Сидели молча в это время или подходили к стойке бара пообщаться с хозяевами. Да и далеко не всем немцам песни время Третьего рейха были по душе. Иной раз просили даже сменить пластинку и поставить что-нибудь народное.

К нам часто приходил ужинать маленький, сухонький старичок лет семидесяти, в очках с толстыми стёклами. Одет он был всегда в один и тот же тщательно отутюженный старомодный костюм бежевого цвета в клеточку, на голове носил соломенную шляпу. Занимал он обычно столик в углу салона и заказывал себе на ужин бифштекс с «эн салада микста» (салат из помидоров, листьев салата и лука) и кувшинчик красного вина.

Старичок, как правило, сидел молча, наблюдая за публикой и за тем, как мы работаем. Иногда он играл в шахматы с кем-нибудь из посетителей. Мы, разумеется, навели о нём справки. Это был бывший профессор Линкс из Вены, и местные немцы обращались к нему не иначе как «герр профессор». Из Центра пришла шифровка, в которой говорилось, что с виду безобидной старикашка Линкс в прошлом - опытный агент гестапо, успешно работавший по выявлению инакомыслящих в среде австрийской интеллигенции во времена Гитлера.

Приняв к сведению эту информацию, мы стали исподволь наблюдать за ним и за его, в общем, немногочисленными контактами. Чаще всего он играл в шахматы с одним немецким евреем по фамилии Коэн. Это был высокий, плотного телосложения мужчина с мясистым лицом, носивший роговые очки. На голове его всегда была кепка, которую он не снимал даже в салоне. На вид ему было лет сорок с гаком.

Громогласный, с довольно грубыми манерами, он вёл себя непринуждённо, пожалуй, даже развязно, сыпал анекдотами. Довольно быстро вошёл в компанию наших немецких завсегдатаев и стал приходить к нам почти каждый вечер. Коэн стал участником всех наших шумных пирушек, а однажды даже навязался к нам домой в гости вместе с Крамерами. В разгар застолья, когда мы отплясывали рок-н-ролл, он вдруг, скрестив руки на груди, выдал настоящую русскую присядку, чем немало удивил присутствующих, но по пьянке всё сошло как должное.

Знал ли он русский язык? Возможно, но он никогда этого не показывал. Он в совершенстве владел немецким, испанским и английским. Мы стали к нему присматриваться, хотя никаких установочных данных о нём собрать не удалось и по учётам Центра он не значился. Подвергнув тщательному анализу его поведение, мы пришли к выводу, что за его нарочитой грубостью и бахвальством и скрывается тонкий, изощрённый ум. Он много пил, но всегда казался трезвым, и в беседах, которые довольно искусно навязывал своим немецким собеседникам, просматривалась определённая целенаправленность, а именно: он, на наш взгляд, проявлял интерес, как, впрочем, и мы сами, к нацистам вообще и к нацистским преступникам, в частности. Похоже, что он на кого-то работал. На кого? На МОССАД? На бюро Визенталя? (Это бюро во главе с директором Визенталем расположено в Вене, занимается выявлением нацистских преступников, замешанных в «решении» еврейского вопроса во времена Третьего рейха.)

Однажды во время игры в шахматы Коэн с профессором Линксом о чём-то тихо беседовали. Я обратил внимание, что они на этот раз лишь делали вид, что играли, обсуждая какую-то проблему. Разговор шёл по-немецки. В салоне звучала тихая музыка. Коэн что-то чертил на бумажной салфетке, профессор вносил поправки и вполголоса комментировал.

- Они упоминают Барилоче, - сказала «Веста», становясь рядом за стойку. - Мне кажется, что этот профессор передаёт ему какую-то информацию, а Коэн сейчас уточняет детали.

- Возможно. Барилоче - это нас тоже интересует, - заметил я.

В этот момент Коэн положил в свой бумажник салфетку с чертежом и записями, после чего передал Линксу небольшой конверт.

- А вот и гонорар за полученную информацию, как говорится, получите денежки, не отходя от кассы. Хотя, впрочем, это всего лишь предположение... - сказал я «Весте».

Они вскоре закончили партию в шахматы. Линкс попрощался с нами и с Коэном и зашаркал к выходу. Время было позднее, и салон был почти пустым. Коэн собрал шахматы в коробку и положил их на стойку, после чего отправился в туалет. Я вышел из-за стойки и, пройдясь между столиками, вставил в стоявшие на столах стаканчики недостающие салфетки. Проходя мимо стола, за которым сидели Коэн с Линксом, я прихватил верхний из листочков, на которых Коэн чертил свой чертёж. Хотя сам чертёж Коэн забрал с собой, я всё же надеялся, что на листке, который был под чертежом, осталась давленка.

Вскоре Коэн вернулся к своему столу, допил пиво, положил в карман лежавшие на столе салфетки и, простившись с нами, вышел из бара. Да, не лыком шит этот Коэн, хотя ему не понять, что одного листика не хватает. И всё же это был жест профессионала. Неужели разведчик?

Вернувшись домой, мы при помощи бокового света синей лампы и лупы смогли восстановить давленку, оставленную Коэном на салфетке своей шариковой ручкой. Салфетки у нас были из тонкой бумаги, мягкие с одной стороны и глянцевые с другой, поэтому давленка, оставленная на глянцевой стороже листочка, отлично просматривалась. На листике было изображено озеро Науэль-Уапи, на берегу которого расположен курортный городок Сан-Карлос-де-Барилоче, шоссе вокруг озера, точка на 51-м километре и название «Эстансия [30] Исабель».

Через четыре дня по плану была намечена очередная тайниковая операция, и кроме ежемесячного отчёта о проделанной работе, мной было составлено следующее сообщение:

«Между Коэном и профессором Линксом, на наш взгляд, прослеживается некий оперативный контакт. Так, во время игры в шахматы в нашем заведении Линкс передал Коэну какую-то информацию предположительно о немецких преступниках. Коэн взамен передал ему конверт, содержавший, по-видимому, плату за полученную информацию. Нам удалось по оставленной на салфетке давленке восстановить чертёж, составленный Коэном при помощи Линкса. Чертёж высылаем. Мы полагаем, что под названием «Эстансия Исабель» имеется в виду какое-либо тайное убежище либо «маяк», используемый нацистскими преступниками, скрывающимися на юге страны и, в частности, в районе города Сан-Карлос-де-Барилоче и в Чили, граница с которой здесь практически не охраняется, хотя имеется ряд пропускных пунктов. Через несколько месяцев мы планируем взять двухнедельный отпуск и совершить поездку на машине в указанный район. Просим вашего

[30]Имение, поместье (арг.).

разрешения провести визуальную разведку вышеобозначенного объекта». «Весты».

Наступил день очередной тайниковой операции. Отчёт отснят «Миноксом» на плёнку и, как обычно, в непроявленном виде закладывается в контейнер - обломок черешка пальмовой ветви с высверленным в нём отверстием, куда помещается плёнка; отверстие затем закрывается обыкновенной пробкой, которая замазывается смешанным с грязью алебастром, присыпанным пылью, что делает отверстие совершенно незаметным. Сегодня «Веста» работает в баре одна. Я сижу с ребёнком. В шесть вечера должна подойти няня. (Это ещё до того, как мы нашли старушку итальянку).

Тайниковая операция. Часа за два необходимо выехать из дому. Проверка по заранее отработанному маршруту. Визуальный осмотр района тайника - нет ли чего-нибудь необычного. По пути к тайнику конечно же всякое может случиться. Дорожно-транспортное происшествие, например, а при тебе улика - контейнер с плёнкой, или машина заглохнет... Проверка на маршруте проводится со всей тщательностью, и машина должна быть в отличном техническом состоянии.

Тайниковая операция, вернее, сам момент закладки контейнера в 21.35. На часах уже шесть вечера, а няни всё ещё нет. Не появилась она и через час. А тайниковую операцию необходимо провести сегодня, так как в запасной день у нас в баре банкет и отлучиться мне будет совершенно невозможно. «Веста» одна не справится, к тому же моё отсутствие во время банкета может вызвать нежелательные вопросы. А няни всё нет и нет. Придётся ехать к тайнику с ребёнком. Пятимесячная дочурка только что поела и смотрит на меня сонными глазками из своей колыбельки. «Сейчас мы с тобой немножко погуляем», - говорю я ей. Перекладываю ребёнка в переносную колыбельку, беру с собой бутылочку с молочной смесью, ещё одну - с укропной водичкой, запасные пелёнки. Колыбелька специально приспособлена для поездок в машине, и ребёнок уже привык к подобного рода прогулкам, так как мы часто выезжаем в парк или за город.

Поехали. Уже стемнело. Следую по маршруту проверки. Дочка уже давно спит в своей колыбельке. К тому же и время уже позднее. Пересекаю широкую авениду Маипу, ярко освещённую огнями неоновых реклам и сияющими витринами торговых галерей. Миную несколько проверочных точек, называемых «игольным ушком». В таком месте машина наружного наблюдения, если она есть, неминуемо «засветится». Всё чисто. Не спеша спускаюсь по узкой улочке к небольшому парку Барракас-Белграно, расположенному на косогоре, где в темноте одиноко возвышается точная копия выполненной в бронзе американской статуи Свободы в миниатюре. Проезжаю мимо тайника. Как будто всё спокойно.

Останавливаю машину на узенькой улочке, спускающейся по направлению к авениде Сан-Мартин, квартала за два до тайника. Выжидаю минут десять, не проснётся ли дочка. Тогда придётся взять её

на руки и произвести закладку вместе с ней. Но она крепко спит. Убираю картонную коробку и осторожно опускаю колыбельку с ребёнком на плоское днище «Рено-4Л» в пространство между передним и задним сиденьями. Дочка продолжает спать. Накидываю плед на спинку переднего и заднего сидений и выхожу из машины, тихо прикрыв дверцу и заперев машину. Постоял рядом с минуту. С улицы не видно, что в машине находится маленький человечек. Только бы не проснулась!

По авениде Сан-Мартин и переулку возвращаюсь к машине. Я отсутствовал не более десяти минут. Ещё издали слышу приглушённый стёклами машины надрывный плач ребёнка. А невдалеке от машины прогуливается пожилая пара, выгуливающая двух собачек. Я уже давно слышал их заливистый лай, но не мог себе вообразить, что они-то как раз и могли разбудить и напугать мою дочку. Пожилая пара стоит в отдалении и молча смотрит на меня. Быстро сажусь в машину, запускаю двигатель, затем извлекаю колыбельку с плачущим ребёнком из его убежища, успокаиваю дочку, даю попить водички, и мы снова в пути.

Возвращаюсь в Сан-Андрес. Перекладываю дочку в кроватку. На часах одиннадцать. Через полчаса поеду за женой. Она к тому времени уже должна закончить работу.

Несколько дней Коэн не приходил. Он, оказывается, за это время устроился на работу у одного немца, нашего клиента, с которым познакомился у нас в баре. Это богатый владелец крупной конторы по купле-продаже недвижимости. Подобная работа давала Коэну возможность разъезжать по всей стране, посещая клиентов, в основном выходцев из Германии, поскольку контора Биттнера много работала с немцами, проживавшими в Аргентине.

Вскоре произошёл, на наш взгляд, довольно странный случай. По какой-то неизвестной нам причине Коэн спровоцировал ссору с «Вестой», якобы невзначай выплеснув кофе на её белую блузку, когда она обслуживала столики. Вместо того чтобы извиниться, он нахамил и ушёл, бросив деньги на стол. Проанализировав этот на первый взгляд незначительный эпизод, мы пришли к выводу, что Коэн по каким-то одному ему известным причинам решил таким образом отойти от окружения нашего бара и нашёл повод, чтобы к нам больше не ходить. Мы думаем, что у него с кем-то из наших клиентов-наци получился прокол, возможно, кто-то из немцев проявил к нему слишком пристальное внимание и он, почувствовав опасность, решил заблаговременно исчезнуть с нашего горизонта. А может, просто перестал ходить, и всё.

Через несколько лет, уже после нашего ареста, ЦРУ и СИДЕ, проверявшие наши связи по бару, так и не смогли найти этого Коэна. Он бесследно исчез. Не приходил к нам больше и профессор Линкс.

Полученная из Центра радиограмма содержала следующее: «Эстансия Исабель» нам не известна. Ваши предположения, что это один из «маяков» наци, разделяем. Разрешаем при условии соблюдения мер предосторожности провести визуальную разведку объекта и прилегающей

к нему местности. Выясните возможность организации наблюдения за «Эстансией Исабель». Мы можем задействовать свою агентуру. Сообщите маршрут следования и время вашего отъезда. Центр».

Полицейский участок, который здесь называют комисарией, размещался наискосок через дорогу. У входа день и ночь стоял полицейский с автоматом. Прежние хозяева подсказали нам, как лучше всего строить свои отношения с полицией, и мы, как и при прежних хозяевах, делали им скидку на продаваемые продукты. Но однажды во время какого-то торжества, когда все сидели за составленными в один ряд столами, в салон вошёл пожилой, высокого роста полицейский в шинели и с автоматом на груди. Это был добрейший малый, ему оставалось совсем немного до пенсии. Во время дежурства он любил заглянуть к нам на кухню, поболтать о том о сём и опрокинуть стаканчик белого вина.

Но тут он явно не сориентировался и, несмотря на то, что я пытался делать ему знаки, чтобы приходил попозже, он тем не менее стал протискиваться по узкому проходу между стойкой и столами, за которыми сидели гости. Когда полицейский нечаянно задел одного из наших гостей автоматом по голове, а это был не кто иной, как полковник Ольмос, приближённый к правящей хунте, тот вспылил, наорал на полицейского и побежал жаловаться в комисарию. Одним словом, из мухи сделали слона, а старика после этого перевели на другой участок. Больше полицейские в бар с оружием не входили.

Офицеры же, разумеется, могли заходить в любое время. С одним из них мы установили добрые отношения. Капитан Сантос обожал коньяк «Наполеон», который хотя и местного производства, но считался относительно неплохим. Во время своего дежурства Сантос не раз и не два приходил к нам причащаться. Низенький, сухощавый, жилистый, с редкими рыжими волосами, белёсыми ресницами и голубыми глазами, с сипловатым голосом выпивохи, капитан Сантос был довольно известной в своих кругах фигурой. В преступном мире провинции Буэнос-Айрес его уважали за справедливость и честность. Находясь постоянно слегка «под мухой», пьяным он, однако, никогда не был и со своими обязанностями превосходно справлялся. После нескольких таких «заходов» Сантос становился разговорчивым, и из разговора с ним можно было много почерпнуть о политической ситуации в стране и в провинции Буэнос-Айрес.

Однажды пришёл знакомый молодой инспектор полиции и заказал бутылку виски "Old Smuggler". Он поведал мне, что сегодня реабилитировали и восстановили на работе товарища по службе, которому какое-то время тому назад было предъявлено серьёзное обвинение в злоупотреблении служебным положением. Дознание, длившееся почти полгода, закончилось его полной реабилитацией, и он, получив свою зарплату за шесть месяцев, созвал офицерский состав комисарии, чтобы это дело отметить. Офицер попросил также десять стаканов, и поскольку унести всё за один раз не мог, я предложил ему свою помощь, благо посетителей в салоне почти не было. Захватив поднос со стаканами и ещё

одну бутылку виски, я отправился в комисарию. Я полагал, что мне не помешало бы познакомиться со всеми офицерами полиции, а это был как раз удобный случай. На втором этаже собрались все инспектора комисарии. Я поприветствовал их всех и от своего имени, как добрый сосед, преподнёс виновнику торжества (он бывал у нас неоднократно) бутылку виски, что было встречено возгласами одобрения. Меня усадили рядом с ними за круглый стол, и я вылил с ними за то, чтобы справедливость всегда торжествовала. После этого офицеры полиции стали частыми гостями у нас в баре. Платили они исправно, разумеется, с некоторой скидкой.

...Обстановка в стране была между тем напряжённой. В результате очередного военного переворота один военный режим был сменён другим. Страной стала править новая хунта. Активизировала свою деятельность националистическая организация «Тупамарос», которая была поставлена вне закона. Наращивало силы перонистское движение, которым руководил из своего испанского изгнания бывший президент Аргентины Хуан Доминго Перон. Было совершено похищение и убийство крупного политического деятеля, бывшего президента страны генерала Арамбуру, который в своё время сместил Перона и жестоко расправился с его сторонниками.

В своих ежемесячных отчётах в Центр я всякий раз давал оценку политической обстановки в стране, ссылаясь на самые различные источники, среди которых фигурировали и офицеры полиции. Центр сообщал, что некоторые материалы, основанные на моих отчётах, шли непосредственно в ЦК КПСС и что последний из военных переворотов был мною спрогнозирован с абсолютной точностью. Оказывается, это дало возможность нашим дипломатам предпринять определённые шаги и воздержаться от заключения некоторых намечавшихся экономических соглашений.

Однажды вечером в дежурную часть комисарии вошёл подросток. «Тут вам просили передать, сеньор», - обратился он к дежурному сержанту, который в этот момент принимал по телефону какое-то сообщение. «Оставь это на стойке и подожди вон там», - сказал дежурный мальчишке. В дежурной части в это время толпились посетители, и подросток незаметно исчез. Со второго этажа спустился капитан Сантос, который в тот день был ответственным дежурным по комисарии.

- Что это у тебя? - спросил он сержанта, кивая на небольшой, перевязанный бечёвкой пакет, лежавший на стойке.

- Да вот, какой-то мучачо принёс. Сказал, что просили передать в комисарию. Похоже на книжку. Может, брошюры какие...

- А где он, этот мучачо?

- Где-то здесь должен быть. Я велел ему подождать.

- Велел, велел... Нет тут никакого мальчишки. Кто просил передать, не спросил? Надо было сразу проверить, а мальца задержать и допросить. Не знаешь, в какое время живём?

С этими словами он осторожно взял пакет, взвесил его в руке и послушал, прижав его к уху.

- Тикать вроде не тикает, но тяжёлый. Похоже всё-таки на бомбу, мать его, - сказал он, надрезав перочинным ножиком упаковку и обнаружив зелёный проводок.

Бросив свирепый взгляд на сержанта, он осторожно, обеими руками понёс свёрток на второй этаж, где имелось недостроенное помещение, не имевшее пока ни крыши, ни окон. Вскоре он сбежал вниз по крутой бетонной лестнице.

- Тащи большую кастрюлю с водой! - крикнул он сержанту. - Выгони всех отсюда!

Принесли большую алюминиевую кастрюлю, наполненную водой, и поставили её посреди комнаты на бетонный пол.

- Капитан, может позвать специалиста? - спросил было младший инспектор.

- Инспектор, я же в армии был сапёром, - отвечал Сантос. - А ну, давайте все отсюда! - скомандовал он, осторожно опуская в кастрюлю свёрток.

Однако инспектор и сержант отчего-то замешкались, как зачарованные глядя на кастрюлю, со дна которой подымались пузыри, лопаясь на поверхности воды.

- А карамба, мадре мия! - процедил сквозь зубы Сантос. - Не так положил, надо перевернуть. Сходи принеси саблю, - бросил он сержанту. - Ну да ладно, я сам. - И он помчался вниз. Он уже был на лестнице, когда оглушительный взрыв швырнул его вниз. Всё это Сантос мне рассказал, когда пригласил меня осмотреть место происшествия.

В баре мы уже начинали принимать первых посетителей, когда раздался глухой взрыв. Звякнули бутылки в холодильнике, с полок посыпались стаканы. Я выбежал на улицу. Там повисла какая-то жуткая тишина, нарушаемая тревожным лаем собак. Над крышей комисарии поднимался дымок. Затем из дверей комисарии вывели под руки младшего инспектора, вместо лица - кроваво-чёрная маска, одна рука болталась, как тряпка. Сержанта вынесли на руках, одной ноги у него не было. Подъехала «скорая» и забрала обоих.

Через некоторое время в бар примчался Сантос, ошалевший и оглохший, с лицом бледным, в царапинах, глаза его вылезали из орбит. Помыв на кухне лицо и смыв кровь с рук, он махнул одну за другой рюмок пять коньяку. Затем снял свой ботинок и показал нам маленький осколок алюминиевой кастрюли, который торчал в каблуке.

- Хочешь посмотреть, как это было? - спросил он, немного отдышавшись и придя в себя.

В помещении, где произошёл взрыв, в бетонном перекрытии пола зияла большая дыра, через которую просматривалась камера для

задержанных, которая, к счастью, в тот момент оказалась пустой. По углам валялись куски алюминиевой кастрюли, стены и пол были забрызганы кровью и водой. В помещении всё ещё стоял едкий запах пироксилина.

- Если бы здесь была крыша, - сказал Сантос, - всем бы нам хана. В закрытом помещении никто бы не уцелел. Да и вода несколько смягчила удар.

- Зачем вы взялись за это дело? Отчего не позвали сапёров?

- Да я, пожимаешь ли, сам сапёр. Много таких игрушек разрядил, а эта какого-то чёрта взяла да и рванула.

Этот инцидент не прошёл даром для Сантоса. Вскоре его перевели в другую комисарию с понижением в должности, и больше я его не встречал. А взрывы и выстрелы стали звучать всё чаще.

Сигнал о сооружении в Патагонии при помощи американцев объекта, связанного с ядерными исследованиями, мы получили от одного нашего клиента, независимого коммивояжёра.

У Педро, так звали молодого человека, была своя квартира и машина - «пежо» белого цвета. На этой машине он колесил по всей стране, предлагая и рекламируя те или иные товары, чаще всего различные канцтовары и принадлежности. Однажды, будучи в Патагонии, он подвозил какого-то американского инженера, он-то ему и сказал (по-видимому, в шутку), что Аргентина скоро будет иметь свою собственную атомную бомбу, которую здесь же, в Патагонии, и испытают.

- Слушай, - сказал я, - а зачем Аргентине своя атомная бомба? Рыбу, что то, глушить?

- Э, не скажи, - возразил Педро. - Во-первых, нам надо забрать у англичан Мальвинские острова (Фольклендские острова), которые они до сих пор незаконно удерживают. Во-вторых, у нас постоянные проблемы на юге с Чили из-за канала Бигль и нескольких небольших спорных островов.

Получив информацию, Центр дал нам задание уточнить примерное месторасположение строящегося объекта на предмет проведения космической фотосъёмки при помощи спутника, запущенного на сравнительно низкой орбите в разведывательных целях.

Дополнительную информацию об этой стройке удалось получить через водителей-дальнобойщиков, наших клиентов, они отвозили на эту стройку какие-то грузы. Вскоре Центр подтвердил наличие строящегося в Патагонии объекта, имеющего отношение к разработкам в области ядерной энергии. В дальнейшем мы продолжали по мере возможности держать этот объект в поле зрения, и нам удалось получить более детальную информацию о характере работы этого предприятия, в результате чего в Центре был сделан вывод, что создание атомной бомбы не является конечной целью ведущихся исследований. Хотя во времена, правления Перона такие работы велись с помощью немецких учёных, но затем работы были свёрнуты.

В бар к нам часто захаживал немец по имени Фридрих. Это был элегантный господин с орлиным носом и шикарной седой шевелюрой, какая бывает у пожилых блондинов. На вид ему было лет под шестьдесят. Взгляд его светлых глаз был всегда холоден и полон чувства собственного достоинства. «Взгляд убийцы» - назвал я про себя этот его взгляд, когда узнал от Крамера, что в прошлом он был гауптманом «СС». Фридрих гордился этим своим званием и не считал нужным скрывать, что в своё время принимал участие в «решении» еврейского вопроса. Сейчас он работал в какой-то немецкой фирме, имевшей связи с ФРГ. Каждую субботу и каждое воскресенье Фридрих совершал обход всех баров и ресторанов, расположенных в округе, где выпивал одну-две рюмки водки «Смирнофф» или «Хинебра-Болс», что, по сути, была той же водкой. Так вот, поскольку наш бар всегда оказывался последним на пути Фридриха, у нас он появлялся уже в изрядном подпитии. Чем больше он был пьян, тем чётче и твёрже чеканил свой шаг, гордо и торжественно неся свою ослепительно белую голову, держа путь к стойке бара.

От него-то однажды я и узнал, что он не только лично знал Эйхмана, похищенного израильтянами и осуждённого к смертной казни в Тель-Авиве, но что немецкий преступник-врач Менгеле, проводивший в концлагерях опыты над людьми, как-то раз ночевал у него. Однажды я, выйдя из бара, незаметно «проводил» его до самого дома, выяснив таким образом, где он живёт. Это входило в часть моего задания - обнаружение немецких преступников. Вскоре через другие каналы я получил данные о колонии «Дигнидад», основанной нацистами после войны на территории Чили, а также о некоторых тайнах маленького курортного городка Сан-Карлос-де-Барилоче, затерянного в Кордильерах, на границе с Чили, тайнах, относящихся к деятельности скрывшихся от правосудия нацистских преступников после Второй мировой войны на территории Аргентины. Мне также совершенно случайно удалось выйти из связного, совершавшего под прикрытием бизнесмена регулярные поездки по маршруту: колония «Дигнидад» - Сан-Карлос-де-Барилоче - Буэнос-Айрес - Франкфурт-на-Майне - Цюрих. Эта информация была передана в Центр.

В феврале месяце, после года непрерывной работы, мы на две недели закрыли бар и устроили себе «отпуск». Оставив дочку у сеньоры Тоста, нашей новой няни-итальянки - мы предприняли поездку в провинцию Неукен, расположенную на юге Аргентины, где раскинулся сказочный край снежных вершин и горных озёр. На самом большом из них, Науэль-Уапи, расположен горный курорт Сан-Карлос-де-Барилоче с превосходными горнолыжными трассами. Предстояло проехать около трёх тысяч километров. Мы предупредили Центр о времени и маршруте нашего передвижения, с тем чтобы там своевременно вносили поправки при проведении радиосеансов.

Выехали на рассвете. Машину вели, подменяя друг друга. Заночевали в провинциальном городке Асуль, затем продолжили путь на город Баийя-Бланка, после которого пошла настоящая пампа, где шоссе с востока на запад пересекали необъятные просторы Патагонии. Голубоватая прямая лента шоссе уходила далеко за горизонт. Порывы сильного ветра

раскачивали наш лёгкий «Рено-4Л», пытаясь сдуть его с полотна дороги. Вокруг простиралась пустыня, кое-где покрытая зарослями саксаула. Ветер гонял по пампе огромные, больше метра в диаметре, перекати-поле, швыряя их иногда прямо на капот машины. Редкие машины проносились навстречу.

Наступил вечер, когда мы, поднявшись на плато, остановились в защищённом от ветра месте за огромными валунами в стороне от дороги. Было время радиосеанса. Завывал ветер. Забросив антенну на скалу, приняли радиограмму из Центра. Слышимость была неважная, но сеанс шёл с троекратным повтором, поэтому шифрограмму всё же записали.

Заночевали в маленьком отеле «Регина», хозяином которого был баварский немец. Прямо под окнами шумела говорливая горная речка, в которой плескалась форель. Повсюду слышалась немецкая речь, хотя среди гостей отеля немало было и аргентинцев - все они держали путь на Барилоче. Ужинали в небольшой столовой за длинными общими столами из толстых струганых досок. Хозяева отеля сидели за отдельным столиком и ужинали, переговариваясь с гостями, многие из которых им, по-видимому, были давно знакомы. Ярко горел камин. На ужин подали форель в пиве. Пили белое мендосинское вино.

После ужина расшифровали радиограмму. В ней уточнялись детали задания по Барилоче.

Долгий, утомительный путь в горах. После перевала узкое шоссе, петляя, шло вниз. Наш «рено» в горах ведёт себя превосходно. К вечеру выехали на шоссе вокруг озера Науэль-Уапи. Огромные волны бьют в берега, сплошь усеянные валунами. Густой хвойный лес вплотную подступает к озеру. Противоположный берег скрыт туманной дымкой. Где-то там, на той стороне, городок Сан-Карлос-де-Барилоче.

Едем по шоссе, обозначенному в чертеже как Коэна.

- Скоро пятьдесят первый километр, - сказал я «Весте». - Приготовь фотоаппарат и из-под руки сделаешь несколько снимков на ходу, останавливаться не следует. Вот она, «Эстансия Исабель». Постарайся, чтобы вывеска с названием также попала в кадр.

Снизив скорость, мы проехали мимо высокой деревянной арки с надписью «Эстансия Исабель». Ворот там не было, вместо них толстая цепь, которая сейчас валялась в пыли сбоку от арки. Мы проехали ещё километра два, и я развернул машину. Шоссе было совершенно пустынным.

- Въезд свободен. Мы сейчас въедем прямо на территорию эстансии [31], посмотрим реакцию хозяев. Если задержат, извинимся, скажем, что слегка заблудились.

- Ну, давай, - сказала «Веста». - Посмотрим, как это у нас получится.

---

[31]Крупная ферма, обычно скотоводческого направления.

Сбросив газ, мы свернули с шоссе и не спеша въехали прямо под арку, выкрашенную в красный цвет и покоящуюся на двух массивных дубовых столбах. Поскольку никаких запрещающих надписей мы не увидели, покатили прямо по грунтовой дороге, уходившей куда-то в глубь территории, которая отделялась от шоссе забором из колючей проволоки. В окне приземистого бревенчатого строения, выкрашенного жёлтой краской, мелькнуло лицо, и, уже когда мы проехали, в зеркало заднего обзора я увидел, как распахнулась дверь и на крыльцо вышел человек, который долго смотрел нам вслед.

Проехав метров триста по дороге, уходившей вниз к озеру, мы спустились в ложбинку, защищённую от ветра, раскачивавшего кроны высоких сосен. Открыв дверцы машины, прислушались. Где-то невдалеке бушевало озеро.

- Пока как будто за нами никто не гонится.

- Надо сделать вид, что мы тут намерены остановиться на ночёвку. Сейчас кто-нибудь появится.

Мы вытащили палатку, спальные мешки и стали выкладывать на разостланную на траве скатерть съестные припасы, готовясь к ужину.

- Думаешь, нам дадут тут поужинать? - сказала «Веста». - Смотри, к нам уже идут.

По дороге, по направлению к нам пылил крошечный «фольксваген». Подъехав к нам, машина резко затормозила, и оттуда выскочила рослая румяная девица с развевающимися на ветру русыми волосами, свободно ниспадавшими па плечи. Прямо с ходу она выпалила:

- Это частная территория, и, находясь здесь, вы нарушаете право частной собственности!

Вид у девицы был решительным, а тон - сурово-неумолимым. Но когда «Веста» спросила по-немецки: «Вы немка?» - девица сразу смягчила тон. Дальше разговор уже шёл на немецком языке. «Веста» объяснила ей, что мы попали сюда совершенно случайно, что мы не знали, что это частная территория, поскольку не видели каких-либо надписей, запрещающих въезд, и что мы тотчас уедем в другое место, если здесь нельзя оставаться.

Сменив гнев на милость, немка разрешила нам остаться, указав место для палатки. Походя она выговорила мне, что я поставил машину прямо на какое-то растение, которое она недавно здесь посадила. Мы уже поставили было палатку, когда на велосипеде к нам подкатил мужчина лет тридцати с ружьём за спиной. Вдвоём они молча смотрели, как мы укрепляем палатку, о чём-то поговорили между собой, после чего девица впрыгнула в свой «фольксваген» и лихо укатила. Мужчина поехал вслед за ней на своём велосипеде.

Уже в сумерки мы заканчивали ужин. Невдалеке раздался выстрел из ружья. Затем второй.

- Я думаю, это уже намёк, - сказала «Веста» после второго выстрела. - Третий будет по нашей палатке. Хорошо, хоть поужинать дали спокойно.

- Ну, мы в общем-то ночевать здесь не собирались. Надо было всего лишь посмотреть, как они отреагируют. Судя по всему, ночевать спокойно они нам не дадут.

Зайдя в кустарник на пригорке, я вынул бинокль и стал осторожно осматривать окрестности, однако разглядеть ничего не удалось, так как все строения были скрыты под сенью деревьев. Прилегавшая к озеру территория, очевидно, была обширной, а бродить в сгущающихся сумерках по незнакомой местности было просто небезопасно.

Уже в темноте ночи мы быстро свернули наш лагерь и покинули негостеприимные владения. Отъехав несколько километров по шоссе, мы свернули на круто идущий к озеру просёлок и остановили машину на склоне. Я вернулся на шоссе, чтобы посмотреть, нет ли у нас «хвоста». Но шоссе было пустынным. Тогда мы спустились по крутой дороге к озеру, где под густыми кронами деревьев в небольшой ложбинке при помощи фонарика поставили палатку. Дул сильный холодный ветер, в сотне метров бушевало озеро. Забравшись в спальные мешки, мы заснули тревожным сном, положив рядом наше единственное оружие - огромных размеров факон (нож гаучо, клинок которого изготовлен таким образом, чтобы передней его частью можно было свежевать туши, средней - колоть лучину, а задней - кости и даже колючую проволоку!

Утром мы решили, что ночёвка в столь пустынных местах небезопасна, и поселились в пансионе. В течение недели мы обследовали практически все достопримечательности Барилоче и даже пробовали рыбачить, но ничего не поймали. На машине поднялись на господствующую вершину под названием Серра-Лопес. Доехав до площадки, где уже начинался покрытый снегом склон горы, мы оставили машину и по снежной тропинке отправились на вершину горы. На самой вершине ветер буквально валил с ног, но погода была ясной и ярко светило солнце. Огромное озеро было сплошь покрыто барашками волн. В бинокль удалось разглядеть территорию «Эстансии Исабель» со стороны озера. Там почти на самом берегу стоял довольно большой двухэтажный дом, напоминающий альпийский отель, крытый красной черепицей, другие хозяйственные постройки, в небольшой бухте покачивались две яхты. Я сделал несколько снимков, зарисовал в блокнот территорию эстансии.

Спускаясь вниз на машине, мы обогнали группу молодых людей. Два парня вели под руки молоденькую девушку, которая еле передвигала ноги.

- Вы не могли бы помочь? - спросил один из юношей, подходя к нам, когда машина остановилась. - Нашей подруге стало плохо, и ей трудно будет добраться до гостиницы.

Девушке с виду было лет семнадцать. Она была одета в лёгкую нейлоновую курточку чёрного цвета, и это ещё больше подчёркивало

бледность лица. Чёрные волосы растрепались на ветру, девушка еле стояла на ногах, вид у неё был жалкий. Возможно, у неё было не очень здоровое сердце, а высота была около трёх тысяч метров.

У «Рено-4Л» заднее сиденье складывается, образуя салон, который у нас был забит до отказа палаткой, спальными мешками и прочим дорожным скарбом.

Открыв заднюю дверцу машины, мы помогли девушке расположиться прямо на вещах, где она смогла прилечь, положив под голову один из спальных мешков. «Веста» открыла нашу дорожную аптечку и дала ей понюхать нашатырного спирта, после чего велела положить таблетку нитроглицерина под язык, затем налила ей из термоса крепкого чаю. Её спутники - три парня и одна девушка - стояли около машины, молча наблюдая за нашими действиями.

- Ну, мы поехали, - сказала им «Веста». - Вы можете не беспокоиться, всё будет в порядке.

Молодые люди поблагодарили нас, и мы тронулись дальше. А тем временем девушка пришла в себя, на щеках её заиграл лёгкий румянец.

- Ну, как вы себя чувствуете? - спросил я.

- Спасибо, вы очень добры, - отвечала она.

Мы медленно двигались по узкому серпантину горной дороги.

- Никогда не думала, что мне будет так плохо, - сказала девушка. - К тому же такой холод и ветер, а я легко оделась.

«Веста» достала плед и дала ей укрыться.

- Как вас зовут? - спросил я.

- Дорис, - отвечала она.

- Звучит по-американски, - заметил я.

- Так я и есть американка, - сказала Дорис. - У меня папа американец, а мама венгерка. А живём мы в Буэнос-Айресе, в баррио Акасуссо.

- А учитесь вы где? - спросила «Веста».

- Я только что закончила французский колледж, а теперь вот родители хотят послать меня учиться в Массачусетский университет в США, а мне так не хочется! У меня здесь столько друзей!

- Куда поедем? - спросил я, когда мы достигли окраины города.

- Мы остановились в отеле «У трёх сосен». Там хозяин - наш старый знакомый.

У небольшого двухэтажного отеля высокий мужчина лет сорока пяти, одетый в клетчатую спортивную куртку, прогуливал чёрного пуделька.

- А вот и мой папа, - сказала Дорис. - Пойдёмте, я вас познакомлю.

Мужчина заметил свою дочь, выбиравшуюся из машины, и поспешил к нам. С крыльца отеля спускалась её мама, худенькая, быстрая в движениях моложавая брюнетка. Мы вышли из машины.

- Вашей дочери там, наверху, - указал я на возвышавшуюся громаду Серра-Лопес, - стало немножко не по себе, и мы её решили подвезти.

- Папа, - сказала Дорис, поцеловав отца в щёку, - это очень хорошие, добрые люди. Они мне здорово помогли. Я не знаю, как бы я без них добралась.

Мы попрощались и уже хотели было ехать к себе в отель, но Дорис и её родители, которые представились нам мистером и миссис Хатчисон, не захотели нас отпускать и пригласили к себе в номер. Они угостили нас виски, кофе и конечно же каким-то знаменитыми венгерскими пирожными. Разговаривали все по-английски.

- Будете в Буэнос-Айресе, обязательно заходите к нам, - сказал на прощанье мистер Хатчисон.

- Мы будем рады вас видеть, - добавила миссис Хатчисон.

Мистер Хатчисон дал нам свою визитную карточку, на которой значилось: «Акционерное общество по переработке пищевых продуктов. Аргентина - США.

Управляющий делами». Та самая фирма, куда я безуспешно пытался устроиться в 1961 году. Вот чудеса!

- Что ж, связь неплохая, - сказал я «Весте».

- Да, надо постараться её развить, - отвечала она. - А то с американцами у нас не густо.

Впоследствии связь эту нам удалось закрепить.

На рассвете следующего дня вы выехали в обратный путь. Заночевали в портовом городе Бахия-Бланка, а утром направились в курортный город Некочеа, где мы условились встретиться с Крамерами, которые забронировали для нас номер в гостинице. Здесь мы намеревались отдохнуть несколько дней, покупаться в океане, а затем отправиться в Буэнос-Айрес, где нас ждали дела и дочурка, по которой мы ужасно соскучились.

С Крамерами мы проводили на море целые дни, а вечерами засиживались в пивном баре «Гамбринус», расположенном на главной улице города. Рядом находился кинотеатр, единственный приличный кинотеатр во всём городе. Гостиница была построена в колониальном стиле, то есть окна заменяли двустворчатые двери с жалюзи, выходившие на галерею, опоясывавшую по всему периметру большой прямоугольный внутренний двор. Галерея была вымощена плиткой кремового цвета, весь двор был залит асфальтом красного цвета с традиционным фонтаном посредине, облицованном бело-голубой фигурной керамикой. В больших бетонных, жёлтого цвета вазах благоухали розы. Двор поливался

несколько раз в день, поэтому, несмотря на жару, в комнатах было довольно прохладно.

Заблокировав дверь специальной защёлкой, приобретённой ещё в Европе, мы приняли радиограмму Центра, тут же её расшифровали, после чего я, свернув в трубочку запись текста и использованные листики шифроблокнота, поставил всё это в керамическую пепельницу и поджёг верхний конец бумажной трубки. Листики шифра вспыхнули как порох. Бумага же горела ровным пламенем, медленно сгорая сверху донизу, почти не дымя. В пепельнице осталась лишь небольшая кучка пепла, я спустил её в унитаз, а саму пепельницу тщательно сполоснул под краном и протёр полотенцем. Это была обычная процедура после проведения радиосеанса и расшифровки радиограммы. Оставшиеся неиспользованные листики шифра я вложил под подкладку обложки своей записной книжки, которую я всегда носил с собой.

В тот злополучный вечер я, как обычно, положил записную книжку в задний карман брюк, застегнув его на пуговицу. Посидев вечером с Крамерами в «Гамбринусе», мы решили пойти в кино на последний сеанс Шёл американский боевик с участием Юла Бриннера, и мы с удовольствием его посмотрели. Народу было менее ползала, и по окончании фильма мы зашли в бар, затем прогулялись по набережной, после чего отправились в отель и разошлись по своим комнатам. И тут только, уже в номере, я привычно хлопнул ладонью по заднему карману: книжечки в кармане не было, как и пуговицы, на которую был застёгнут карман. Несмотря на душную летнюю ночь, меня прошиб холодный пот.

- Что с тобой? - спросила «Веста», взглянув на моё вмиг посеревшее лицо.

- Пойдём к фонтану, подышим свежим воздухом перед сном, - сказал я, увлекая её во двор. Деловые разговоры ни дома, ни тем более в отеле мы никогда не вели. - Я, кажется, потерял записную книжку, где хранились шифры, - сказал я, когда мы сели на каменную, ещё тёплую от солнца скамью, опоясывающую фонтан.

- Но ведь ты их обычно оставлял в карнизе шторы. Может, и сейчас они там?

- На этот раз я брал их с собой в книжке. Ты посиди здесь, я быстро вернусь. Я мог потерять её лишь в одном месте: в кинотеатре. Пуговица на кармане оторвалась.

Кинотеатр находился неподалёку, и минут через десять я уже подходил к нему, с тем, чтобы убедиться, что он закрыт. Было уже два часа утра, но ночная жизнь в курортном приморском городе всё ещё бурлила.

- Банана кон лече, сеньор, - заказал я себе бананово-молочный коктейль, остановившись у стойки уличного кафетерия рядом с кинотеатром. - А что, кинотеатр уже закрыт?

- Да, служитель закрыл кинотеатр и уже с час как ушёл.

- А утром когда он приходит?

- Не раньше шести утра. Он там убирается до самого обеда, потом снова уходит, а в шесть он уже запускает на первый сеанс.

Я вернулся в отель. «Веста» ждала меня у фонтана.

- Кинотеатр уже закрыт, но там ещё не убирались. Завтра к шести мне надо туда пойти. В это время приходит служитель и начинает уборку. А сейчас пошли, попробуем поспать.

Мы легли. Сна не было. Разные, самые невероятные мысли распирали голову.

«Как же это я мог так опростоволоситься? Конечно, фильм был длинный, сколько раз меняешь позу. Пуговичка, закрывавшая карман, была, очевидно, слабо пришита и оторвалась, а книжечка, в довольно скользкой обложке, могла потихоньку выскользнуть из кармана. Забыл, дурак, заповедь: задний карман - чужой карман! Служитель по окончании фильма, по-видимому, дождавшись, когда зрители покинут зал, гасит свет и уходит домой, так как ему наутро чуть свет снова на работу. Вряд ли он станет осматривать зал сразу после сеанса. А если нет? Если всё же он её нашёл? Или кто-нибудь из зрителей? Хотя зал был наполовину пустой, ни спереди, ни сзади никто не сидел, да и мы уходили из зала одними из последних. Найти её мог только служитель. А если он всё же нашёл её, то что он с ней сделает? В лучшем случае он её просмотрит и придержит у себя, поскольку книжечка испещрена деловыми записями и может объявиться хозяин, от которого можно получить на чай. В худшем случае он снесёт записную книжку в полицию. Там, конечно, её могут подвергнуть тщательному осмотру и могут обнаружить (или не обнаружить) тонкие листики голубого цвета с колонками цифр, заделанные в корочки книжки. И тогда книжечка попадёт к спецслужбам.

Но не в том беда, что несколько листочков попадёт к ним в руки, ведь основной шифроблокнот остался дома в тайнике. А в том, что на синей глянцевой обложке только мои отпечатки пальцев, а они, эти отпечатки, как и у всякого гражданина этой страны, имеются в Центральном департаменте Федеральной полиции, и выявить по ним хозяина записной книжки можно в считанные минуты. Да и по некоторым телефонам моих деловых контактов, имеющихся в книжке, выйти на меня можно без особого труда. Два-три дня - и всё. И конец! И таких «лопухов», как я, посылают на нелегалку! Да их к разведке на пушечный выстрел нельзя подпускать! Столько усилий затрачено, столько людей задействовано, такое доверие оказано - и всё насмарку из-за какой-то паршивой пуговички на кармане! Тьфу! Мелочь какая! И семью свою подвёл. Воистину, казнить, нельзя помиловать!»

«Веста», приняв снотворное, забылась под утро тяжёлым сном. Я же продолжал бодрствовать, ворочаясь с боку на бок, пока сам под утро не уснул. Спал я не более получаса, но за это время мне успел присниться сон: в утреннем тумане я изо всех сил гребу на резиновой надувной лодке в открытое море, где призывно маячит перископ нашей подводной лодки,

которая пришла за мной. Вдруг из тумана появляется катер с группой людей в штатском, и их старшой, с большими вислыми усами, в чёрных очках и в чёрной широкополой шляпе гаучо, потрясает над головой моей синей записной книжкой и кричит в мегафон: «Остановитесь, сеньор! Вы забыли свою записную книжечку! Остановитесь! Нам с вами есть о чём поговорить!»

Я проснулся весь в поту, рывком вскочил с кровати. Сердце бешено колотилось. Сквозь жалюзи брезжил рассвет. На часах было пять утра. Я умылся холодной водой по пояс, и сразу спокойствие и уверенность вернулись ко мне. «Всё будет хорошо, - подумал я. - Такой сон мне только на руку. Ведь я всё же проснулся, прежде чем тот дядя с усами меня зацапал».

Я оделся и, стараясь не разбудить жену, проскользнул в пустынный дворик отеля. Прошёл мимо кинотеатра, который всё ещё был закрыт. Дошёл до набережной. Стояла тихая погода, и огромный красный диск солнца уже выплывал из океана, обещая ещё один жаркий день. Побродив с полчаса по пустынным пляжам, углубился в узкие улочки прибрежной части города и вскоре снова вышел к кинотеатру. Город уже начинал просыпаться, открывались уличные кафе, тщательно отмывались шампунем тротуары из керамической плитки кремового цвета, дворники подметали улицы пальмовыми ветвями и поливали из шлангов проезжую часть улицы. Остановившись у стойки уличного бара, я заказал себе чашечку чёрного кофе и стал наблюдать за входом в кинотеатр, на двери которого по-прежнему висел замок. Без пяти минут шесть. Я допил вторую чашечку кофе, когда появился служитель кинотеатра, высокий, лет тридцати, с чёрной шапкой прямых набриолиненных волос и с тщательно ухоженными, такими же чёрными усами. Нагнувшись до самой земли, он стал отпирать висячий замок, запиравший огромную подъёмную штору из гофрированной стали, закрывавшую вход в кинотеатр. Вот он потянул за цепь, и штора легко ушла куда-то вверх. Подняв штору и открыв внутреннюю дверь, он прошёл в фойе. Я тотчас шагнул вслед за ним:

- Буэн дия, сеньор!

- Буэн дия! - обернулся он ко мне, вопросительно глядя на меня.

- Я тут был вчера на последнем сеансе и потерял одну вещицу. Вы позволите мне пройти к тому месту, где я сидел?

- Пожалуйста, сеньор, проходите. Только в зале пока ещё тёмно, поэтому возьмите фонарик. - Он извлёк из кармана своей куртки маленький фонарик и подал мне его.

Я прошёл прямо к своему месту. В луче фонарика блеснула пуговичка от заднего кармана моих брюк, но записной книжки не было. Положив пуговичку в карман, я лёг на покрытый паласом пол и стал при помощи фонарика лихорадочно осматривать прилегающее пространство. На сером ковровом покрытии ничего не было. Лицо покрылось испариной. Наклонившись над откидным сиденьем, я направил лучик фонарика

между сиденьем и массивным подлокотником кресла. «Вот же она, чёрт бы её подрал!» - возопил я про себя. В узком промежутке, в том месте, где откидное сиденье крепилось к боковине, тускло поблёскивал позолоченный корешок злополучной книжечки. Двумя пальцами я не без труда извлёк книжечку из щели и, поцеловав её, сунул в карман.

- Ну что, нашли? - спросил служитель кинотеатра, который к тому времени уже зажёг огни в зале и с веником и совком в руках приступал к уборке.

- Нашёл, нашёл, сеньор, мучас грасиас, - сказал я, возвращая фонарик.

Мне хотелось расцеловать от радости этого креола, скромного служителя провинциального кинотеатра в курортном городе Никочеа.

Попетляв для очистки совести по узким улицам портовой части города, я направился в отель. Дверь скрипнула, и я встретился с напряжённым, полным тревоги взглядом жены. Вытащив книжицу из кармана, я молча продемонстрировал её «Весте», и она облегчённо вздохнула:

- И «начинка»?

- И «начинка» там же, - сказал я, осторожно извлекая крошечные листочки шифра.

- Я же говорила, что утро вечера мудренее.

За завтраком шустренькая дочка Крамеров заметила:

- А наш сеньор Лэд уже начинает седеть.

- Все мы начинаем седеть, стоит перевалить за тридцать, - отвечал я.

Вернувшись в номер, я посмотрелся в зеркало и действительно обнаружил седую прядь волос, которой раньше не было.

А назавтра мы возвращались в Буэнос-Айрес. Крамеры оставались ещё на неделю. Ехать решили в ночь, чтобы избежать жары и дорожных пробок на подступах к столице. Глубокой ночью, примерно на полпути, мы остановились на обочине шоссе немного размяться и выпить кофе из термоса. Было два часа ночи. В кромешной тьме в ночной свежести яростно трещали цикады, которым утробно вторили лягушки в близлежащем болоте. «Веста» стояла рядом с машиной, допивая кофе. Вдалеке на пустынном шоссе показались фары приближавшейся машины. Это был огромный грузовой полуприцеп, который с воем пронёсся мимо и осветил нас на мгновение светом фар, но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы водители грузовика оценили обстановку: мы совершенно одни, женщина молода, хороша собой и к тому же блондинка. Завизжали тормоза, замолк дизельный мотор, погасли многочисленные габаритные огни на крыше кабины. Наступила тишина. Даже цикады замолкли.

- Лэд, они бегут к нам! - воскликнула «Веста». В тишине на шоссе слышался топот бегущих мужчин. - Они уже совсем рядом!

- Быстро в машину! - сказал я жене.

Двигатель запустился с полуоборота, и мы, не зажигая огней (водители-дальнобойщики, как правило, вооружены и могли стрелять по огням), выехали на шоссе и мгновенно набрали скорость, оставив преследователей с носом.

Рассекая фарами ночную тьму, машина неслась по шоссе на Буэнос-Айрес. Впереди нас ждала работа и... Пути господни, которые, как говорят, неисповедимы. Для разведчиков-нелегалов - тем более.

А результатом нашей работы в баре и поездки в Барилоче, в частности, было проведение Центром успешной операции. Но об этом мы узнали случайно лишь много лет спустя. У разведки свои законы, и тайны свои она хранить умеет. И если что-либо становится достоянием гласности, пусть через много лет, это может нанести серьёзный ущерб, как моральный, так и физический, нашим друзьям или их родственникам.

Надо отдать должное, «Веста» была водителем отменным, хорошо ориентировалась в жутком круговороте уличного движения Буэнос-Айреса. Но иногда усталость брала своё. Однажды после трудного рабочего дня, далеко за полночь, мы возвращались домой. «Веста» была за рулём и пару раз «куснула» на повороте угол тротуара. Тут бы мне её и сменить, но я лишь отругал её за небрежность. А когда мы подъехали к воротам большого гаража, где оставляли на ночь машину, она вместо тормоза нажала на педаль газа. Машина, словно молодой бычок, прыгнула вперёд и с грохотом врезалась передним бампером в стальную гофрированную штору, служившую воротами в гараж. Занавес от удара заклинило. «Веста» ужасно расстроилась, а я тем временем, почёсывая затылок, ходил вокруг машины, успокаивая жену тем, что вмятина на машине пустяковая, а вот что касается ворот... Как же их теперь открыть? К нам, одеваясь на ходу, уже шёл хозяин гаража, живший в доме напротив. Он был разбужен грохотом, выглянул в окно, увидел огни нашей машины и поспешил к нам на помощь. Подошёл и брат хозяина. В свете фар мы все вместе при помощи кувалды, лома и домкрата, провозившись около часа, кое-как выправили штору, приподняв стальной занавес ровно на столько, чтобы прошла наша машина. И никакого ворчания, никакого упрёка со стороны хозяина. Даже от компенсации за нанесённый ущерб отказался.

«Ерунда это всё, - сказал он. - Вы - мои хорошие клиенты, а это - главное».

- Видишь, какие люди, - сказал я жене. - А ты их ворота не уважаешь, к тому же весь квартал небось разбудила.

Мы всё же пригласили обоих братьев отужинать в нашем ресторане вместе со своими семьями.

Вскоре мы сняли домик с садом в Оливосе, где наш ребёнок мог целыми днями находиться на свежем воздухе.

Круг наших клиентов постоянно расширялся. Стали появляться и миллионеры. Однажды суховатый, благообразный, с роскошной седой шевелюрой старичок, внимательно наблюдавший за нашей работой, потягивая свой мартини (а просидел он у нас целый вечер), рассчитываясь, сделал мне на полном серьёзе предложение:

- А знаете что? Вы не хотели бы организовать где-нибудь в хорошем месте ресторан «Романофф» с русской кухней?

Я внутренне насторожился. Неужели мы чем-то себя выдали? Откуда такое предложение? И именно «русская кухня»?

Выдержав взгляд его старческих голубых глаз, я как можно спокойнее и даже безразлично ответил ему:

- Вы полагаете, сеньор, что мы что-нибудь смыслим в русской кухне?

- Э-э, пустое, махнул он рукой, - я всё финансирую и организую - и поваров, и официантов. И вообще, все расходы беру на себя. Мне нравится, как вы работаете с клиентурой - вот что для меня самое главное. Обаяние! Личный контакт! - И он поднял вверх указательный палец.

- Слушай, Курт. - Подсел я за столик, где сидели Крамеры. - Этот старичок, который только что вышел, предлагает нам бизнес: создать ресторан «Романофф» с русской кухней. Он что, миллионер?

- О, этот старичок очень богат. Когда-то он владел ночным клубом на авениде Сан-Мартин. Сейчас он не у дел, но, видно, душа болит, хочется снова заняться делом. А сам он из венгров.

Биф-фондю, как, впрочем, и кейзе-фондю - это истинно швейцарские национальные блюда. На стол подаётся сверкающая медью кастрюлька с кипящим маслом, установленная на подставке со спиртовой горелкой для подогрева. Кусочки сырой и подсушенной на полотенце говядины, нарезанной кубиками, как правило вырезки, поддеваются особой вилочкой, и каждый сам себе поджаривает их в кипящем масле, Всё это запивается добрым красным вином. Но это - в Швейцарии. Мы пробовали это блюдо, когда были в Швейцарии, оно нам очень поправилось, и мы решили попробовать здесь.

В стране мяса, коей является Аргентина, внедрение этого блюда в нашем заведении началось с конфуза. Пришёл как-то с приятелем наш добрый старый клиент, лысый смуглый господин, владелец мукомольного предприятия, и попросил чего-нибудь такого-этакого, чего он ещё никогда у нас не пробовал. «Веста» и предложила ему биф-фондю, сопроводив соответствующей рекламой. И то ли масло было не то, то ли мясо недостаточно подсушено, и на нём оставались капельки воды, но когда наш клиент решил попробовать невиданное доселе блюдо и погрузил кусочек мяса в кипящее масло, из кастрюли страшно зафырчало, зашипело и брызнуло ему кипящим маслом на лысину. Пришлось «Весте»,

сглаживая ситуацию, мгновенно вытереть салфеткой его полированную лысину и поставить от хозяев бутылку доброго вина за нанесённый физический ущерб. Среди всеобщего хохота клиенты всё же доели поданное блюдо. Но впоследствии от него пришлось отказаться, так как в отношении выбора мясных блюд аргентинцы довольно консервативны.

Клиенты были у нас самые разные. Одни пили мало, другие помногу, третьи напивались до чёртиков.

Бывший артиллерийский капитан рейха часто навещал нас. Он приезжал на маленьком «фиате», в котором с трудом помещался.

Воевал он под Москвой, Сталинградом и Курском. Несколько раз был ранен. О русских солдатах отзывался положительно. «Намяли там нам бока изрядно, - говаривал этот ещё физически крепкий отставной вояка, ныне преуспевающий бизнесмен. - И поделом нам, идиотам! А вот как приехали мы сюда после войны, так те, кто здесь всю войну под бабьими юбками отсиживались, нас ещё посмели упрекать, что мы плохо воевали и потому-де погубили светлую нацистскую идею. Да пропади она пропадом, эта идея! Они здесь мясом обжирались, тогда как мы кормили вшей в окопах! Ну, мы, фронтовики, конечно же не раз били им морду. Это сейчас уже всё успокоилось, а раньше, бывало, ни одна пирушка не обходилась без мордобоя. Начинали драться в ресторане, продолжали на улице, а заканчивали в полицейском участке».

Заходил к нам и бывший офицер-десантник со своей женой. «Прыгал я на остров Крит, на Афины, десантировался в Ливии, во Франции воевал, прошёл всю Европу, бил англичан под Дюнкерком. Имею много боевых наград. Но вот - начали кампанию против России, и тут цивилизация закончилась, началось форменное варварство, а не война. Какая уж там война?! Ни мы, ни русские никаких правил ведения войны не соблюдали. А русские, так те вдобавок вообще колошматили нас днём и ночью, прямо ужас какой-то! Там, под Курском, и закончилась для меня война - ранили в ногу, после госпиталя демобилизовали, а после войны с женой сюда вот перебрались. Здесь спокойнее. Дочь вот растёт. Уже машину учится водить».

Крепко сбитый, с квадратным подбородком парень лет тридцати, явно боксёрского вида, забрёл однажды вечером в наш бар, уже слегка навеселе. Облокотясь о стойку, заказал пиво. Пиво у нас было местное и только одного сорта - «Кильмес» в трехсотграммовых пузатеньких бутылочках, именуемых «поррон» или ласкательно «порронсито». Пиво отменное.

Незнакомец оглядел бар, долго присматривался к нам, хозяевам.

- Айнс-цу-айнс! - произнёс он по-немецки, то есть одну к одной - одну из холодильника, одну из ящика неохлажденную, чтобы самому смешать себе пиво по вкусу. - Фредди, - представился он мне, протягивая крепкую, широкую ладонь. - И кальдо-а-ля-рейна [32].

---

[32]«Бульон королевы» - мясной бульон, заправленный сырым яйцом и зеленью.

Фредди, как оказалось, был известен многим нашим клиентам, хотя к нам пришёл впервые. Он то и дело подходил к столикам, болтал с клиентами то по-немецки, то по-испански, но неизменно возвращался к стойке и заказывал очередные «айнс-цу-айнс». И так с шести вечера и до полуночи, до самого закрытия бара. За это время он опорожнил целый ящик пива, состоящий из двадцати четырёх «порронов» (более семи литров) и принялся за следующий. Фредди уже еле ворочал языком, глаза его стали мутными, голос пронзительным, но он ещё твёрдо стоял на широко расставленных ногах. И никак не хотел уходить. Ушёл пошатываясь, но всё-таки своим ходом, походкой бывалого морского волка. Ему у нас понравилось, и он стал часто приходить к нам, приводя с собой всех своих друзей, таких же, как он, любителей выпить.

Иногда парень появлялся в обществе видной, высокой блондинки, которая, как нам сказали, была баронессой. И тогда они сидели где-нибудь в дальнем углу, ведя тихую беседу о чём-то своём, ели наши особые гамбургеры, запивая их красным вином или пивом, а перед тем, как уйти, баронесса неизменно опрокидывала на нашу нарядную скатерть бутылочку с кетчупом, стоявшим на каждом столике, каждый раз извиняясь за свою неловкость. Фредди был сыном фабриканта фармацевтических препаратов, однажды женат, разведён. Как ни пытался отец его приручить, все его потуги терпели неудачу. Отец купил ему квартиру, оборудовал специально для него небольшое фармацевтическое предприятие, оснастил его импортной линией, но Фредди предпочитал проводить больше времени в барах и ресторанах.

Однажды он привёл с собой какого-то здоровенного краснорожего мужика, о чём-то с ним долго разговаривал, а потом вдруг врезал ему по морде и сказал, чтобы тот убирался вон. Мужик утёрся и молча отправился восвояси. Очевидно, имела место какая-то небольшая разборка. Фредди в своё время служил матросом на торговом флоте, где проявил способность к морскому делу, и вскоре стал боцманом. Душа у этого в общем-то неплохого парня всегда лежала к морю. И в один прекрасный день он, забросив свою фабрику и баронессу тоже, исчез с нашего горизонта. К Рождественским праздникам мы получили от него открытку уже из Монреаля, где стояло под разгрузкой его судно. Он служил боцманом на торговом судне гамбургского морского пароходства. Море, очевидно, было его истинным призванием. Там он был по-настоящему счастлив. Однако всё было не так просто. Как-то за выпивкой Крамер проговорился мне, что Фредди состоит в неонацистской организации и что работа его на судне позволяет ему бывать во многих странах, что, по-видимому, он своего рода связной и что он не так прост, как кажется.

К тому времени мы снова, уже в который раз, сменили квартиру, поселившись на сей раз в однокомнатной, уютной квартирке на первом (по-нашему на втором) этаже дома, находившегося совсем рядом с баром, по ту сторону Руты Панамериканы. Прикрытие (бар) давало более-менее стабильный доход. Мы обрели определённые навыки в своём бизнесе. Но ведь прикрытие - не самоцель. Надо было прокладывать путь дальше, на

север, и кое-что в этом плане уже намечалось. В 1967 году, к величайшему огорчению наших клиентов, мы решили продать наш бар, который поглощал почти всё наше время. Мы просились в отпуск. Хотелось повидать родных, показать им дочку. Я не был на Родине уже более семи лет. Центр дал разрешение, и мы стали готовиться к поездке. По легенде, в Базеле у «Весты» жила родственница. К ней мы якобы и поехали в гости.

Крамеры на своей машине отвезли нас в аэропорт Эсейса. Посадка. «Боинг» «Люфтганзы» после короткого разбега резко взмыл ввысь. Внизу под крылом - аэропорт Эсейса, где на площадке для провожающих, расположенной на крыше здания аэропорта, остались наши друзья. Промелькнули пять огромных ярко-голубых прямоугольников олимпийских бассейнов, куда мы часто ходили купаться в летнее время; тёмно-зелёной полоской вздыбился уругвайский берег по ту сторону Рио-де-ля-Платы. Самолёт набирал высоту, готовясь к прыжку через океан. Дочурка, а ей уже было два с половиной года, с любопытством смотрела в иллюминатор, но там вскоре всё покрылось мглой, так как самолёт вошёл в сплошную облачность. Сервис на «Люфтганзе» таков, что через каждый два-три часа что-нибудь да предлагают: то минеральную воду, то обед, то соки, то кофе-чай, то шоколад-сигареты.

Посадка ночью в Дакаре, в Западной Африке. Пока заправляют и проводят техосмотр самолёта, прогуливаемся по залу транзитных пассажиров. «Веста» пошла с дочуркой в дамский туалет, и вдруг я увидел, как туда вслед за ними направляется здоровенный негр в длиннополом коричневом балахоне. Я было насторожился и встал рядом с дверью. «Какого чёрта надо этому негру в дамском туалете?» - подумал я и уже взялся было за ручку двери. Но в туалет спокойно входили и выходили все женщины, а значит, причин для тревога не было. Вскоре из туалета вышла улыбающаяся «Веста» с дочкой.

- Что это ещё за негр там ошивается в вашем туалете?

- А, этот симпатяга негр занимается уборкой, - сказала она, - и ведёт себя, между прочим, очень скромно, потупив очи, и абсолютно ни на кого не глядит.

- А я уж думал было пойти вслед за вами, мало ли...

И снова борт самолёта. К утру прилетели в Цюрих. Отель «Грумпи» удобно расположен почти рядом с железнодорожным вокзалом. Прогулялись по городу. Стоит жаркая летняя погода. Улицы полны туристов. Проставили отметку о прибытии. Взяли билеты на самолёт на Копенгаген. Вылет через три дня. Нас это вполне устраивает. Мы решили посвятить это время полностью отдыху на открытом воздухе и знакомству с городом. Прогулка по Цюрихскому озеру на теплоходе и по окрестностям города. И вот мы снова в Копенгагене. Сходили в луна-парк «Тиволи». Покатались на самых разнообразных аттракционах, постреляли в тире. Оставив «Весту» с дочкой в парке «Тиволи», я через боковой выход вышел из парка на улицу и вскочил в отходивший автобус. Затем пересел

на трамвай. Часа полтора проверялся по выверенному когда-то маршруту. Кажется, всё чисто. «Хвосту» вроде бы неоткуда взяться, но всё же. Пора выходить на явку. Встреча произошла у рекламных щитов напротив сквера, недалеко от канала. На явку пришёл подтянутый, спортивного вида молодой человек, среднего роста, на вид около тридцати, черты лица тонкие, с виду энергичен, деловит, светлые редеющие волосы зачёсаны назад, приветлив, быстр в движениях. Одет в деловой костюм серого цвета. Пароль:

- Простите, мы с вами не встречались в Париже в шестьдесят пятом году?

Отзыв:

- Нет, вы ошибаетесь, я был в Париже, но в шестьдесят третьем.

Всё это на английском языке.

- Значит, так, - сказал связной, переходя на русский язык, который в первый момент зазвучал для меня весьма странно, и в то же время приятно-волнующе. Ведь мы столько лет не говорили по-русски. Мы даже и думать-то по-русски разучились, и находили это не только необходимым, но и вполне естественным. - Мы встречаемся с вами через три часа на автомобильной стоянке на загородной станции городской электрички. Через три часа на встрече вы отдадите мне свои паспорта, взамен получите матросские книжки. С этого момента вы - члены экипажа советского пассажирского лайнера «К». Вы - матрос Жуков, ваша жена - буфетчица Жукова. Дочь вписана в книжку Жуковой. Там вклеены ваши фотографии. Ваши имена вписаны в судовой реестр. Запомните, судно пришло вчера вечером, уходит сегодня в ночь. Фамилия капитана - Романцов Сергей Анатольевич. Идти на судно вы должны налегке, без каких-либо вещей. Так, может, лишь пакет с фруктами. Вещи свои оставьте в боксе камеры хранения, ключ передадите мне при встрече. Пока всё. До встречи.

Расплатившись за отель, на такси поехали на вокзал. Из багажа у нас были только небольшой чемодан и сумка. Побродили немного по вокзалу. В тот момент, когда мы закладывали вещи в автоматическую камеру хранения, «Веста» па секунду отпустила руку дочурки, чтобы поставить сумку в бокс. Когда она обернулась, девочки рядом не было. Только что была тут, нетерпеливо вырывая свою ручку, капризничала и вдруг - исчезла. А вокруг людская круговерть и суета большого вокзала, разгар отпусков и туристского сезона. Кинулись искать в разные стороны, договорившись встречаться у боксов через каждые десять минут. Быстрым шагом, лавируя между прохожими, я прошёл галсами через весь вокзал, залы ожидания, после чего направился к выходу на привокзальную площадь. В висках стучало. Пот заливал глаза. «Куда же мог запропаститься этот чертёнок?» И вдруг, когда я уже выходил на площадь, увидел полицейского в белой фуражке, который вёл за руку нашу девочку, направляясь в полицейский участок при вокзале. Она спокойно топала рядом с ним, пока не увидела меня. «А вот и мой папа!» - крикнула она по-

испански (а ведь на руках у нас уже были советские матросские книжки), пытаясь выдернуть руку, но полицейский держал крепко, у него не вырвешься. Я кинулся к ним. Полицейский что-то сердито изрёк на своём датском языке, строго глядя на меня. Он сразу понял, что я - отец. Погрозив пальцем и мне, и дочке, он передал мне её из рук в руки, и мы поспешили к боксам камеры хранения, где нас уже ждала бледная как полотно «Веста». Через три часа мы все трое были в обусловленном месте на загородной станции. На маленькой автостоянке, окружённой декоративным кустарником, рядом с серо-голубым «фольксвагеном» стоял, улыбаясь, наш связной.

- Здравствуйте! - сказал он, обращаясь к «Весте» на русском языке. - Приятно с вами познакомиться. Садитесь в машину.

Мы устроились на заднем сиденье «фольксвагена».

- Видишь, какая у дяди хорошая машина, - сказала жена, обращаясь к дочке по-испански. - Дядя нас немножко покатает на машине по городу.

- А потом мы с мамой и папой покатаешься немножко на большом белом пароходе, - сказал связной.

Дочка вопросительно посмотрела на нас. Я перевёл его слова.

- Да, эту машину все хвалят, - сказала жена.

- И правильно хвалят, - сказал я. - Пол-Европы объехал на такой вот машине, и никогда никаких проблем. Отличная машина.

- А вы знаете, - сказал связной, - у нас стали выпускать машину ничуть не хуже этой. «Запорожец». Таких же размеров и двигатель также воздушного охлаждения. Отличная машина.

- Ну уж не скажите, не хуже! - сыронизировал я.

- Да, представьте себе, ничуть не хуже. Я когда вернусь, обязательно куплю себе только «Запорожец», - сказал он.

«Какой патриот, однако!» - подумал я.

- Значит, так, - продолжал он, переходя к делу. - Я вас оставлю в зоне порта. Ровно через час вы пешком идёте прямо на причал и самостоятельно поднимаетесь на борт судна. А я тем временем заеду на вокзал за вашими вещами и буду ждать вас уже на борту судна. Если вдруг возникнут какие-либо непредвиденные обстоятельства при вашей посадке, помощник капитана сразу вмешается. Он будет стоять наверху у трапа рядом со мной. Дайте мне ключ от бокса, где хранятся ваши вещи.

Высадив нас в районе порта, связник ушёл. Через полтора часа, погуляв по скверику в районе порта и полакомившись мороженым, мы не спеша прошли на территорию порта и направились к белоснежному судну с красным флагом на корме.

Посадка уже началась, и к трапу спешили группы пассажиров с покупками. Подойдя к судну, мы увидели, что наш связник уже наверху. Поднялись по трапу на борт, пройдя пограничный контроль без каких-

либо проблем. Дальше нас повёл молодой человек в морской форме, который и был помощником капитана. Он проводил нас в каюту, где уже находились наши вещи. Вскоре пришёл наш связник. Вдвоём они нас проинструктировали, как вести себя на судне во время плавания. А именно: мы не должны покидать каюту, так как она поставлена на «карантин». Обед нам будет приносить одна и та же официантка. Покинуть свою каюту мы сможем лишь по прибытии в Ленинград, и то после того, как сойдут пассажиры и большая часть экипажа.

Мы ещё поговорили о том о сём, связник поиграл немного с дочкой, после чего ушёл, пожелав нам счастливого пути.

- Какой обаятельный молодой человек! - сказала «Веста». - Первый советский человек, которого встретили за столько лет, и такой славный!

В тот момент мы ещё не знали, что встреча с этим обаятельным молодым человеком окажется для нас роковой. С этого момента отсчёт времени пошёл в обратном порядке. С этого самого момента мы были обречены. Все наши дальнейшие действия и все усилия по работе пойдут насмарку. Пройдёт ровно три года и три месяца, и этот обаятельный человек безжалостно и хладнокровно выдаст всех нас (а к тому времени нас уже будет четверо) в руки противника. За тридцать сребреников, как Иуда Христопродавец. И, возможно, с той же обаятельной улыбкой, с которой он нас провожал в Россию. На встречу с нами выходил будущий предатель Олег Гордиевский. Это мы узнали лишь двадцать три года спустя, когда появились первые публикации в нашей прессе по поводу изданной им за рубежом книги о КГБ.

Весь путь мы отсиживались в каюте на так называемом карантине. Любовались на Хельсинки через иллюминатор. Дочке очень хотелось погулять, хотя бы по палубе, но это было невозможно: нам предстояло быть затворниками до самого Ленинграда.

Ленинград. Судно медленно пришвартовалось у стенки пирса, и первыми, кого мы увидели на причале, были отец и мать «Весты», стоявшие прямо напротив нашего иллюминатора, всего лишь в нескольких метрах от нас. Они смотрели куда-то наверх, на палубу, ожидая увидеть нас среди толпившихся пассажиров, и невдомёк им было, что мы чуть ниже, в каюте. Мы кричали в открытый иллюминатор и махали руками, но было слишком шумно, чтобы они нас могли услышать. А они всё смотрели и смотрели. Наконец увидели нас в иллюминаторе и всплеснули руками. Стали нас звать: «Что же вы не выходите?!»

- Вон твои дедушка и бабушка, - сказали мы дочке, а она, недоверчиво посмотрев на нас, ответила, что не хочет к дедушке и бабушке, а хочет только погулять на свежем воздухе.

Вскоре за нами пришёл наш товарищ по имени Геннадий Савельевич, который отныне являлся нашим куратором. Пассажиров на борту уже не было. На душе радость. Бежевая «Волга» отвезла нас в гостиницу «Московская», где для нас и для родителей были заказаны номера.

Толчея Невского проспекта. Немногочисленные кафе забиты до отказа. С превеликими трудностями удалось перекусить в молочном кафе. «Да, - как говаривал наш великий комбинатор Остап Ибрагим-Сулейман-Берта-Мария-Бендер, - это вам не Рио-де-Жанейро». Но Родина есть Родина, и принимать её русскому человеку суждено такой, какая она есть, со всеми её радостями и печалями. И это ещё в то время, когда в магазинах, можно сказать, всё было. Тем не менее контраст был ошеломляюще-угнетающий. Шёл 1967 год, третий год правления Брежнева. Утром поезд доставил нас в Москву. С вокзала сразу отвезли на подмосковную служебную дачу. Пообедали все вместе: мы, родители «Весты» и наш новый куратор. После обеда родителей отвезли домой. Сразу возник серьёзный вопрос в отношении ребёнка: ведь он по возвращении в Аргентину не должен был знать ни единого русского слова. Прошло всего три дня после нашего возвращения, и чёрная «Волга» увезла во Внуково нашу бедную дочурку. Её переправили в ГДР, где она и прожила без малого месяц в немецкоязычной семье. «Веста» вскоре уехала домой к своим родителям, я же продолжал совершенно один торчать на загородной даче: отчёты, беседы, инструктаж и тому подобное.

Лишь через неделю я вернулся домой. Затем две недели в Сочи, в санатории для партийно-профсоюзных работников. Мы были неприятно поражены низким культурным уровнем этого контингента, ночными загулами, пьяными серенадами по ночам. И это цвет нашего общества! Наша «элита»! Большая часть отдыхающих всё же действительно занималась тем, что отдыхала. Превосходный пляж, отменное питание. Нудные вечера отдыха, где пожилой массовик-затейник с баяном и молоденькой помощницей пытались развлечь санаторную публику. В основном, конечно, танцы до упаду. По соседству отдыхали отец и мать «Весты». Незаметно пролетели две недели. Мы с тестем отправили «Весту» с мамой самолётом в Москву. Сам же я должен был лететь в Киев, повидать братьев и мать. Тестю нашли комнатку в селении под Адлером, где он оставался ещё пару недель.

Ан-12 совершил посадку в Киеве поздно ночью. Из-за погодных условий сделали незапланированную посадку в Донецке. В Киеве бушевал ливень. Да такой, что пришлось снять обувь и брести по щиколотку в потоках воды. С трудом, отыскал дом, где жил брат с семьёй. Переночевал у них, а утром вместе с братом отправились па такси за двести километров в город Умань, повидать мать и младшего брата, который недавно женился. Это была последняя наша встреча с мамой. В последний раз мы все трое братьев были вместе. Больше вот так, втроём, встречаться нам не пришлось. Через два дня автобусом мы со старшим братом вернулись в Киев.

Из Киева на Ту-104 прилетел в Москву. Последние инструкции. Всё в спешке. Всё второпях. Засиживаться в Союзе долго нельзя. Поехали во Внуково за дочкой. Совершил посадку самолёт из Берлина. Ребёнок показался нам каким-то жалким, потерянным, нерадостным, заторможенным. Что-то лопочет уже по-немецки. Как будто и не рада встрече с нами. Бабушка души в ней не чаяла, но дочка ни слова не знала

по-русски. Внучка что-то говорила, что-то просила, сердилась, что бабушка такая непонятливая. Но однажды, поднимаясь на этаж по лестнице, она вдруг отчётливо произнесла по-русски, указывая на соседскую дверь: «Не туда?» К счастью, в будущем это нигде не проявилось и пребывание в Союзе не оставило какого-либо отпечатка в её сознании.

Скорый поезд на Ленинград. Отдельное купе. В Ленинграде нас встретили и отвезли в гостиницу. Побродили по городу моей юности. Ленинград, Ленинград! Здесь я проучился четыре года в Институте иностранных языков КГБ СССР. Здесь я впервые надел курсантскую форму, которая, как оказалось, увы, была не столь привлекательна для многих людей, пострадавших от репрессий (а в Ленинграде их было немало): фуражка с малиновым околышем и яркой небесно-голубой тульёй. Хотя точно такую же форму носили не только мы, гэбэшники, но и внутренние войска, и безобидные пожарные, под которых маскировались мы, хотя пожарного училища в городе не было.

Помню на первом курсе, на вечере отдыха в Академии лесного хозяйства, познакомился с приглянувшейся мне студенткой. Весь вечер мы с ней танцевали, тепло расстались, договорились о встрече, но на свидание она не пришла. Не без труда отыскал её адрес. Жила она с матерью и братом в полуподвальном помещении. Дома была только её мать, усталая женщина с натруженными руками, которая буквально остолбенела, увидев меня. Она не отрываясь смотрела, но не на меня, а на мою фуражку. И в глазах её был и страх и какая-то отрешённость. Она обрела дар речи лишь тогда, когда разглядела наконец курсантские погоны на моих плечах. Девушки дома не было. В комнату в это время, запыхавшись, вбежал парень лет восемнадцати, по-видимому, брат девушки. Вот в его-то глазах страха не было. Но было внутреннее напряжение, явная неприязнь, возможно - ненависть. Пообщавшись всего две-три минуты, подивившись их неприветливости, я ушёл, попросив, чтобы девушка, если её не затруднит, дала о себе знать. Старушки, сидевшие во дворе на скамейке, смотрели на меня во все глаза. Через неделю получил коротенькое письмо, в котором девушка просила не искать с ней встреч, объясняя это тем, что мы совершенно разные люди, что нам-де не судьба, что лучше сразу же разрубить «гордиев узел». Какой ещё «узел»? Почему мы разные, если мы, собственно, ещё ни разу не встречались, если не считать вечера на танцах, где познакомились. В тот вечер она танцевала в самодеятельности и выглядела очень эффектно. Лишь много лет спустя я понял, отчего наша форма вызывала у многих людей ужас и неприязнь: шёл 1952 год. В Ленинграде и по всей стране катился очередной вал сталинских репрессий. Вполне возможно, что и отец девушки был репрессирован. Мы, курсанты, как и многие советские люди, тогда ещё не знали, каких чудовищных размеров достигли репрессии в тридцатые и послевоенные годы. Нас в такие дела не посвящали. А если и возникали вопросы, то ответ был один: «Так надо! Не задавайте лишних вопросов!»

Как с боями шёл в Берлин солдат, да-а,

Время песне прогреметь, прогреметь.

Много песен можно петь подряд, да-а,

Всех не спеть,

Да всех не спеть,

Да всех не спеть.

Мы идём строем по Петроградской стороне. Наш комвзвода В.Г. запевает эту незамысловатую, походную песню. Ежедневная вечерняя прогулка проводится в любую погоду. Как, впрочем, и утренняя зарядка. Нет прогулок только в субботу и воскресенье. Да ещё в четверг, когда вечерняя прогулка заменяется походом в баню. Тогда мы шагаем по Большому проспекту со свёртками чистого белья под мышкой, а иные любители попариться - с берёзовыми вениками. Идём колонной по четыре. Впереди и позади колонны слушатель с красным флажком. Немногочисленный в это вечернее время городской транспорт старательно нас объезжает. Ярко синеют шеренги фуражек. Не скажешь, что шаг чеканят. Идут вразвалочку, а задние ряды, так те и вовсе не в ногу, плетутся кое-как. Но нам не так уж и надо чеканить шаг. На парад мы если и ходим, то только в оцепление. Многие из нас по окончании института снимут военную форму и никогда в жизни её больше не наденут.

Наша гражданская специальность - переводчик-референт. Но это формально. В дипломе отсутствует весьма существенное уточнение: «оперативный переводчик». Идут в колонне парни в курсантской форме. Разве угадаешь, который из них станет лихим разведчиком или корифеем контрразведки? Взять хотя бы вон того русоволосого паренька, который топает в сапогах со свёртком под мышкой. В обычные дни у него в руках какая-нибудь английская книжка, с которой он никогда не расстаётся. Да и сейчас наверняка её тащит, завёрнутую в белое солдатское бельё. Разве подумаешь, что этот скромный, с виду такой смирный мальчишка - Олег Калугин, превратится в грозного генерала, самого молодого в КГБ, затем в генерала опального, который бросит вызов не только могущественному шефу КГБ, но и всей системе госбезопасности страны, и внешней разведки в частности. Он станет одной из ключевых и в то же время самых скандальных фигур времён перестройки. Будучи уволенным из КГБ за свои крамольные взгляды, он лишится генеральского звания, всех правительственных наград, генеральской пенсии и членства в партии. Тогда он подаст в суд аж на самого премьер-министра великой державы! На всесильного шефа всесильного КГБ! И он выиграл процесс! Ему вернут, правда, после августа 91 (ГКЧП) и звание, и награды, и генеральскую пенсию. В другое время его бы стёрли в порошок, превратили бы в лагерную пыль или усадили бы в психушку до конца дней своих. Но шла перестройка, и самое главное её чадо - гласность - меняла прежние понятия и прежние позиции.

А в ЦРУ в семидесятые годы тоже был свой диссидент - Виктор Маркетти. Один из наиболее перспективных и талантливых

оперативников ЦРУ, он выполнял сложнейшие разведывательные задания и занимал довольно высокие посты в разведке. Но в один прекрасный день он вдруг взбунтовался, взял да и написал разоблачительную книгу о ЦРУ, после публикации которой это уважаемое учреждение слегка содрогнулось. Маркетти конечно же уволили, долго и упорно лили на него потоки грязи, угрожали, шантажировали, таскали по судам, но вот он, высокий, красивый, крепко сбитый, весёлый, уверенный в себе, стоит передо мной в уютном зале пресс-центра службы внешней разведки, куда нас пригласили на встречу с американскими диссидентами от разведки, и мы с ним оживлённо беседуем о том о сём. У двух разведчиков, стоявших некогда по разные стороны баррикад, всегда есть о чём поговорить.

- Я очень рад, Виктор, с вами познакомиться. Много о вас наслышан. Если Гарри Трускот [33] ещё жив, и вы случайно его встретите, передавайте ему привет от нас с женой («Веста» тоже была на этой встрече с бывшими американскими разведчиками). Передайте, что мы очень сожалеем, если ему тогда попало после нашего ухода. Но он-то знает, что есть чувство долга, и он нас должен понять.

- Я обещаю выполнить вашу просьбу, - улыбнулся мне на прощанье Виктор Маркетти. Выполнил или нет, мы не знаем.

Эх ты, ласточка-касатка сизокрылая,

Ты, родимая сторонка наша милая.

Эх ты, ласточка-касаточка моя,

Сизокры-ы-ы-ылая.

Мы подхватываем припев. Редкие прохожие, остановившись, смотрят на нас. Некоторые просто так, с безразличным любопытством, иные - со страхом и ненавистью. Ведь мы - чекисты, самые преданные бойцы партии. Мы - будущие офицеры-гэбэшники! Мы - наследники Дзержинского, продолжатели его дела! Наш главный шеф и покровитель - Лаврентий Павлович Берия! Мы, конечно же, слуги народа. Но слуги непростые: мы на голову выше всех других слуг. Нам это толмачат ежедневно. Нас все боятся! И чужие, и свои! Вот и пусть себе боятся! Пусть трепещут! Это хорошо, когда боятся! Бей своих, чтоб чужие боялись! Мы на голову выше?! Может быть. Но, скорей всего, мы такие, как все. И, случается, напиваемся. И дебоширим, бывает. И гарнизонная гауптвахта нам знакома не понаслышке.

Шагаем строем по Большому проспекту. И где-то, затерявшись в наших рядах, шлёпает по мокрому асфальту мальчишка с курсантскими погонами на плечах. Товарищ по учёбе. Мой сосед по Доске почёта. Будущий генерал-диссидент Олег Калугин.

«Товарищи слушатели!» В актовом зале гробовая тишина. Слышно, как муха пролетит. Наш военный институт располагался в корпусах бывшего юнкерского училища по Пионерской улице, 18, что на Петроградской стороне. Металл в голосе Берии: «Кто не слеп, тот видит,

[33]Наш куратор от ЦРУ во время пребывания в США.

что всюду враги - не только вокруг нас, но и внутри! Кто не слеп, тот видит!.. Кто не слеп, тот видит...» И так много-много раз. По радио идёт трансляция гражданской панихиды на похоронах генералиссимуса И.В. Сталина. Народ в отчаянии: «Как же теперь мы будем жить?» Рыдают студентки в общежитии пединститута, куда мы пришли навестить знакомых девушек. Повсюду приспущенные красные стяги с чёрными лентами.

Однажды утром, возвращаясь с зарядки, мы увидели, как наш дворник с начальником курса майором Шевелёвым тащили по лестнице в подвал огромный, выполненный в масле портрет Берии, висевший в кабинете начальника. «Ребята, что бы это значило? - спрашивали мы друг друга. - Нашего любимого гросс-шефа и вдруг - в подвал?!» В перерыве всех нас собрали в актовый зал. Начальник института зачитал официальное сообщение об аресте и разоблачении агента мирового империализма, агента английской разведки, предателя и изменника Родины Берии.

«Вот тебе и на! - говорили мы. - Агент мирового империализма! Как же он тогда в войну всю нашу зарубежную агентуру не заложил? Он же имел к ней доступ! Очередная лапша! Хватит ли наших ушей, чтобы выдержать всю лапшу, которую на них вешают?!»

Уже на следующий день из института исчезли блатные курсанты - протеже Берии, честно говоря, отъявленные бездельники. Осенью 1954 года, на четвёртом курсе, нам «капнули» по звёздочке на погоны и сменили наконец столь осточертевшие всем ярко-синие фуражки на общевойсковые, которые не так сильно бросались в глаза.

Телеграмма из дома: «Приезжай, убит папа». «Убит? Как так убит? Какие у него могли быть враги? Может, кто-нибудь ещё с тех времён, когда он работал прокурором? Вряд ли!» Взял деньги в кассе взаимопомощи. На самолёт билет не достал, хотя и предъявил телеграмму о смерти отца. Пришлось выехать поездом. Утром был в Киеве. Взял такси. Шоссе было в плохом состоянии, с бесчисленными объездами, и те двести километров, которые в наши дни машина пролетает всего за два-три часа, мы тащились на старенькой «Победе» до самого вечера.

Оказывается, отца никто не убивал, а погиб он в результате несчастного случая: в тумане на рассвете мотоцикл с коляской, в которой ехал отец с вокзала, врезался в стоявший на обочине грузовик. Хоронили отца утром следующего дня. Через три дня я уезжал. Дома оставалась сразу постаревшая мать, бабушка и младший брат-школьник.

Получение дипломов и очередные, уже лейтенантские, звёздочки обмыли по традиции в столь дорогой нашему сердцу «Колхиде» на Большом проспекте. Не помню, как в действительности назывался этот то ли ресторан, то ли столовая, но мы испокон веков называли это место «Колхидой», так как в зале стояло несколько огромных кадок с раскидистыми пальмами. В вечернее время там играл маленький джаз-оркестр: саксофон, контрабас, аккордеон и банджо. Все виртуозы. Каждый по очереди солировал. А в субботу и в воскресенье приходил ещё и

пианист. Было весело. Танцевали пары. Типичная публика начала пятидесятых: много молодых людей в кителях без погон. И конечно же мы, курсанты. По субботам после пяти вечера гардероб «Колхиды» сиял нашими синими фуражками. Особенно после стипендии, которая по тем временам была довольно высокой - шестьсот рублей. И хотя обязательные займы и питание отнимали около двух сотен, по крайней мере, первые две недели можно было жить безбедно. В конце же месяца не оставалось денег даже на трамвай. Тем не менее первое, что я сделал на первом курсе, собрав две стипендии, - купил у барыги в подворотне отрез на костюм и выслал отцу, который ходил зимой и летом в поношенном солдатском х/б и в сапогах. Так что когда я приехал на свои первые каникулы, отец уже щеголял в новом костюме. В нём его и похоронили.

И вот выпускной вечер. Наше учебное заведение закрытого типа, поэтому никаких девочек со стороны: танцевали только с нашими преподавательницами, официантками, друг с другом, с жёнами товарищей. На рассвете (хотя какой рассвет, если в это время белые ночи?!) разъезжаемся кто куда. Мы же - в Москву. Мы - тринадцать человек - чёртова дюжина, отобранных для дальнейшей учёбы в разведшколе. Нельзя сказать, что мы были лучшие из лучших, но, по-видимому, у мандатной комиссии, где мы проходили собеседование, были какие-то свои критерии. Покидав свои вещи в подошедший открытый грузовик, мы попрощались со всеми, забрались в кузов, кто в штатском, кто в военной форме, но уже без погон, и помчались по пустынным утренним улицам Ленинграда на Московский вокзал. Скорый поезд Ленинград - Москва. Впереди - два года учёбы в 101-й разведшколе под Москвой.

«Москва. Как много в этом слове для сердца русского...» Ленинградский вокзал в Москве. Москвичи отправились к себе домой, а мы, иногородние, сложив свои скромные пожитки в кучку, стали терпеливо Ждать, пока за нами приедут, поскольку у нас была договорённость, что нас встретят и определят на постой. Часа через полтора подошёл служебный автобус, он-то и отвёз нас куда-то в район Смоленской площади, где мы разместились в какой-то деревянной развалюхе.

Устроившись на ночлег, мы весёлой гурьбой пошли на Арбат перекусить. Многие из нас в Москве были впервые, в том числе и я. Забрели в первое попавшееся кафе на Арбате, и только Боря Б. не захотел с нами идти. «Нет, ребята, - сказал он, - вы как хотите, а я хочу получить первые впечатления на трезвую голову», - и побрёл по Арбату в сторону Кремля. Мы его не осуждали.

Отметив как следует прибытие в столицу, мы побродили по Арбату, но поскольку с дороги устали, пошли к себе отдыхать.

На другой день нас перевели в общежитие Высшей школы КГБ на Шаболовке. Приехал начальник отдела кадров 101-й школы, проверил наши документы и велел нам всем быть на следующий день на Лубянке к десяти утра.

На Лубянке нас водили из кабинета в кабинет, где начальники (никто из них нам не представился), уделяли каждому из нас по несколько минут, задавая разные вопросы.

- Послушайте, Владимир Анатольевич, - спрашивали мы нашего кадровика, - кому это вы нас представляете? Водите нас, водите по всем этим кабинетам, прямо калейдоскоп какой-то из всех этих лиц, а кто они - мы не знаем. Хотя понимаем, что это очень уважаемые люди.

- А вам и знать незачем. Это руководители различных направлений разведки, но есть и повыше. Вот, например, только что вы беседовали с самим начальником ПГУ товарищем Сахаровским.

- Да ну! Что же вы раньше-то не сказали?

- А если бы сказал, то что? Он и не велел ничего говорить, чтобы вы посвободней держались.

«Смотрины» продолжались. Два дня провели на Лубянке. Потом нас всех отпустили с Богом, выдав отпускные и воинские требования на проезд по железной дороге. Сбор утром 25 августа, то есть через месяц, у метро «Измайловская», где нас будет ждать автобус.

Вначале я поехал к старшему брату в Туапсе, куда он получил назначение по окончании Львовской школы КГБ. Стояла хорошая погода, я впервые увидел море и вволю поплавал, делая довольно далёкие заплывы. Недели через две приехал в город Умань, где жили мать с бабушкой и с младшим братом (мы переехали туда летом 1953 года). Они снимали хату с садом на берегу Верхнего пруда, дававшего начало каскаду прудов знаменитого паркового ансамбля «Софиевка», построенного графом Потоцким в прошлом веке.

Утром 25 августа я уже сидел в служебном автобусе на площади перед станцией метро «Измайловская». Подходили наши, но много было и незнакомых ребят. Автобус за полчаса доставил нас в лесную обитель, где нам предстояло за два года постичь премудрости ремесла, именуемого разведкой.

101-я - так называлась тогда наша разведшкола. Скромно и со вкусом. И конспиративно к тому же. Без фанфар. Это сейчас нашу разведшколу невесть почему стали называть громко и помпезно: «Краснознамённый институт службы внешней разведки имени Ю.В. Андропова». И находится это уникальное учебное заведение уже совсем в другом месте. Даже не знаю где.

Наш автобус встречал сам начальник школы генерал-майор Гриднев. Невысокий, седовласый, плотного телосложения человек в генеральской форме. Школа наша располагалась в лесу в районе Реутова. Во время войны там готовили диверсантов. А генерал наш готовил разведывательно-диверсионные отряды, которые забрасывались в тыл врага.

Все здания школы, кроме гаража, были бревенчатыми в два этажа. Центральное место занимал учебный корпус. Два общежития стояли поодаль на некотором расстоянии одно от другого. То, которое находилось

ближе к учебному корпусу, предназначалось для тех, кто проходил годичный курс обучения. Там обучались солидные ребята, уже знавшие языки и имевшие опыт работы за рубежом. По весне, когда сходил снег, дворник собирал под их окнами мешки пустых бутылок.

Наше двухэтажное общежитие стояло на отшибе около спортивной площадки. Оно было ещё довоенной постройки со скрипучими крашеными полами. Зимой там сухо, тепло и уютно, а летом - прохладно.

По весне всё утопает в сирени, вокруг шумят ели. У входа в нашу войсковую часть расположены хозпостройки: гараж, санчасть и баня.

В первый же день всем нам присваивают псевдонимы. Моим псевдонимом стал «Мартынов». Мне сразу вспомнился офицер Мартынов, убивший Лермонтова на дуэли. Затем стали формировать языковые группы. Я просился во французскую или испанскую, но меня почему-то направили в группу греческого языка. Туда же попали ещё двое наших выпускников и один из МГИМО. Так мы и прожили вчетвером в одной комнате все два года. Один наш товарищ был женат. У него в Москве жила жена с маленькой дочкой. Он очень по ним тосковал и с понедельника до субботы ходил невесёлый и задумчивый, когда же наступала суббота, он преображался, шутил, наливался энергией, и вообще всех нас в этот день он очень любил. По окончании занятий он мчался как угорелый на первый же автобус в город. Женатики возвращались в понедельник утренним автобусом и шли прямо на занятия. Мы же, холостяки, ночевали, как правило, и в субботу, и в воскресенье в общежитии, и для нас подавали ночной автобус от метро «Измайловская».

Большинство слушателей знали один-два языка ещё до поступления, так как пришли из языковых вузов, из МГУ или МГИМО, а для тех, кто знает пусть даже один язык, изучить второй уже не столь проблематично. Тем более греческий, который мы начали изучать с азов, и к концу первого курса уже прилично на нём разговаривали.

Очень интересными для нас были спецдисциплины. Обучение основам и приёмам ведения разведки за рубежом. В общем и целом это крайне сложное и очень своеобразное занятие - разведка.

По окончании первого курса на территории школы - месячные лагерные сборы, которые были посвящены спорту и военно-прикладным дисциплинам - самбо и стрельбе из пистолета. Мы регулярно бегали кроссы по лесным дорожкам, играли в баскетбол и волейбол. В зимнее время почти каждый день удавалось походить на лыжах вокруг территории школы. Многие предпочитали хоккей с шайбой. Яростные схватки продолжались до полуночи при свете прожекторов, густой мат висел в воздухе.

Я знал, что меня ждёт напряжённая, полная тревоги и риска работа, и поэтому уделял внимание своей физической подготовке и закаливанию. Регулярно, перемахнув через дощатый забор, уходил на пробежки в лес, а добежав до болотного озера, раздевался на зыбком торфяном берегу и

бросался в тёмные холодные воды, чтобы проплыть в хорошем темпе метров сто-двести.

В партию я вступил уже в конце второго года обучения. Парторгом школы у нас был капитан первого ранга Павел Александрович Визгин (Пал Ксаныч), старый морской волк, руководивший разведкой на Северном флоте во время войны, человек, побывавший в самых немыслимых ситуациях и хорошо известный в своих кругах. Он жил на территории школы почти всё время, пытаясь с помощью лесного воздуха и тенниса побороть болезни и надвигавшуюся старость.

Я чувствовал, что он давно присматривается ко мне. Перед госэкзаменами Пал Ксаныч зазвал меня в свой крошечный кабинет, провёл со мной беседу о нелегальной разведывательной работе и спросил, не хотел бы я по окончании школы пойти в нелегалы. Я чувствовал себя в какой-то степени подготовленным к такого рода работе, сознавал, что это работа как раз по мне, я не связан семьёй, и поэтому, не раздумывая долго, дал согласие, определив таким образом свою дальнейшую судьбу.

По окончании разведшколы я сразу же поступил на индивидуальную подготовку в особый резерв управления «С», ведавшего подготовкой и работой нелегалов. После отпуска, который я провёл в Умани, приступил к своей основной работе. За годы обучения в лесной школе я освоил полный курс подготовки разведчика. Необходимо было лишь внести поправки, касавшиеся специфики работы разведчика-нелегала: радиодело и другие способы связи, работа на машине под наружным наблюдением, тайнопись, шифры, фотодело и многое, многое другое. Языком теперь со мной занималась настоящая англичанка Светлана Эдуардовна, а основами ведения разведки с нелегальных позиций - бывшие разведчики-нелегалы с опытом работы, исчислявшимися десятками лет.

В течение нескольких месяцев я проходил стажировку в одном из райотделом ГБ Москвы, познавая там все тонкости работы районного звена контрразведки. Как у нас, так и за рубежом информация о любой деятельности, подозрительной на шпионаж, поступает прежде всего в райотдел. Методы работы контрразведок во всех странах мира в принципе одинаковы, поэтому одним из основных требований, предъявляемых к разведчику-нелегалу, - это быть всегда начеку и по косвенным признакам уловить надвигающуюся опасность. И если говорят, что для разведчика главное - вовремя смыться, то это, разумеется, именно так. Только делать это нужно лишь тогда, когда достоверно убедишься, что над тобой нависла угроза провала. Если же будешь своей тени бояться и ударяться в бегство при малейшем подозрении, то никакой работы не получится, а по возвращении домой тебя как следует высекут и с позором выгонят. И поделом.

Подготовка нелегала, его документирование, вывод за рубеж, легализация - за всем этим стоит колоссальный, кропотливый труд десятков твоих товарищей. Не можешь же ты допустить, чтобы все их труды пошли насмарку только потому, что тебе что-то там померещилось. Но бывает так, что мышеловка захлопнется ещё до того, как ты успеешь

что-либо понять или предпринять. Такое случилось и со мной. А практика в райотделе помогает в этом столь важном вопросе жизни и смерти: померещилось, или действительно что-то есть, и ты уже находишься в разработке.

Наш хозяйственник Ю.М. поселил меня в комнате коммунальной квартиры на Калужской заставе. Хозяйка комнаты с мужем находились в загранкомандировке по линии МИДа.

Прямо надо мной, на третьем этаже в трёхкомнатной квартире жил популярный артист театра и кино Лев Наумович Свердлин с женой. Незадолго до моего появления они потеряли уже взрослого сына, и печаль лежала на их челе. В знакомые я не навязывался, хотя однажды в их квартиру пришлось вломиться с топором в руках, так как супруга артиста забыла выключить утюг и произошло возгорание. Я вместе с другими соседями топором открывал их дверь, пытаясь погасить огонь, до того как прибыли пожарные.

Новый, 1958 год я встречал в какой-то совершенно случайной компании, откуда вскоре ушёл, покинув застолье в дурном расположении духа. Недаром говорят: как Новый год встречаешь, так и он тебя привечает. А год этот, 1958-й, для меня начался кризисной полосой. Во-первых, в своём отчёте о стажировке в райотделе ГБ я осмелился допустить критические замечания по целому ряду вопросов работы райотдела, справедливо полагая, что подобная критика послужит делу укрепления нашей службы.

Получился же эффект бумеранга. Начальник райотдела, сам бывший работник разведки, имел, оказывается, очень влиятельные связи и болезненно и ревностно относился к своему делу. Он поднял шум где-то там наверху, выдав мне весьма нелестную характеристику, в которой отмечал, что я слишком много на себя беру, давая оценку работе всего отдела, и что практикант, коль скоро он пришёл в его отдел, должен заниматься практикой, а не лезть не в своё дело (в этом он, конечно, был прав). Во-вторых, то ли по причине излишней переоценки своих способностей и возможностей, то ли по причине самоуверенности, или просто по небрежности, но первую мою оперативную игру я провёл на крайне невысоком уровне. А вообще-то я заболел гриппом и имел глупость не отказаться от проведения занятия. И вот где-то в конце января на конспиративную квартиру пришло начальство вместе с кадровиком и сказали всё, что они обо мне думают. Особенно им не понравился мой отчёт о работе в райотделе КГБ. Короче говоря, высекли меня по первому разряду, сказав при этом, что поставлен вопрос о моём отчислении из особого резерва управления. Но прежде чем принять окончательное решение, меня спросили, действительно так уж ли я горю желанием продолжать подготовку. Я ответил утвердительно и попросил предоставить мне последний шанс как-то проявить себя на деле.

Дома, открыв атлас, я стал прикидывать, куда меня направят после отчисления из резерва. Хорошо бы в Киев, Одессу, где есть первые отделы. Хуже, если в Заполярье, Среднюю Азию или на Сахалин. Что ж,

куда пошлют, туда и поеду. Я не москвич, прописка у меня здесь временная, за Москву я не держусь, я молод, здоров, холост, ничто меня не связывает. Где прикажут, там и буду работать. Какие могут быть проблемы? Вот только жаль, старого морского волка Пал Ксаныча подвёл. Он небось за меня поручился, а я, дурак, не оправдал его доверия. Да и других товарищей подвёл. Я ругал себя на чём свет стоит, решив про себя уходить самому с подготовки по причине профнепригодности. И всё это время один. Даже поделиться не с кем. Ни посоветоваться. Ни поплакаться в жилетку. Один как перст! Даже женщину себе не завёл. Хотя бы просто так. Для компании. Всё не хотелось на мелочи размениваться. Для меня, если уж женщина, то для души, а не только для... А такие что-то мне не очень-то попадаются. Они, конечно, есть, да только где их искать? Для души-то.

Две недели нахожусь в этаком взвешенном состоянии. Ужасно муторно на душе. Каждый вечер по-прежнему слушаю по радио свои позывные. Пока идут только учебные шифровки. Ни одной деловой. Хорошо хоть эта ниточка осталась. Но в любой момент и она может оборваться. Прекратили же всё занятия.

По истечении второй недели позывные обозначили боевую радиограмму. Мой куратор шифровкой вызывает на конспиративную квартиру.

- Тебя пока отстояли. Всё будет зависеть от того, насколько успешно ты выполнишь одно наше небольшое оперативное задание. Учти, задание боевое. Будешь работать непосредственно для нас. Так вот, слушай. Представь себе: семья русских проживает со времён революции в Голландии. Семья эта состоит из мужа, жены и двух уже взрослых детей - сына и дочери. Отец и мать во время войны оба участвовали в движении Сопротивления. Сейчас все они вернулись на Родину и поселились в Москве. Глава семьи в свои время оказывал нам кое-какие услуги. Но нас интересует только парень. Сам знаешь почему. Вот тебе его имя, фамилия, год и место рождения. По этим данным проведёшь его полную установку, познакомишься с ним, постараешься войти в семью. Нам нужно о нём знать всё. Вплоть до малейших деталей. Черты характера, привычки, хобби, привязанности, короче говоря - всё. Любую мелочь. Что он собой представляет? Чем дышит? Как относится к нашему режиму? Вот фотография его сестры. Но это так, для сведения. - И он спрятал фотографию в своём кармане. - Предупреждаю: сестру не надо трогать и на этого парня - назовём его «Лукой» - через сестру не выходить. Всё. Таковы условия. Действовать будешь полностью самостоятельно. Желаю удачи.

В тот же день я приступил к работе. Через справочное бюро нашёл адрес проживания этого «Луки». Живёт он в одном из старых двухэтажных бревенчатых домов Марьиной рощи. Под видом агитатора (шла подготовка к выборам) зашёл в домоуправление, где выяснил, что всё семейство «Луки» недавно переехало на Ленинский проспект, где им дали большую квартиру в новом доме.

- Очень большую?

- Четырёхкомнатную. Их же теперь вон сколько.

- Да? Сколько?

- Ну, самих их четверо, да ещё жена с ребёнком, только-только родился. Уж как они радовались, что им дали квартиру! Да и сын только что из армии вернулся. Ребёнок-то без него родился, он в это время в армии служил.

«Так, - подумал я, - кое-что мы уже имеем. «Лука», оказывается, женат и у него родился ребёнок. Служил в армии. Живут они все вместе на Ленинском проспекте. Свой новый адрес оставили в домовой книге, когда выписывались. Только, странное дело, улица и номер дома в книге были указаны, а номер квартиры - нет».

Пришлось под тем же предлогом идти в домоуправление на Ленинском проспекте и выяснять номер их квартиры по домовой книге. Там же удалось попутно узнать, что сестра его - студентка МГУ, а сам он - студент МИСИ. Я прогулялся вокруг огромного дома, определил расположение окон их квартиры. Стал ломать голову, как же его опознать, этого «Луку»? Напротив - стройка в лесах. Может, оттуда, с помощью бинокля? Шторы на окнах, но они просвечивают. Нет, всё равно ничего не увидишь. Он - студент-первокурсник и каждое утро должен спешить в институт на занятия. Попробую его перехватить.

Рано утром я занял пост у окна на лестничной площадке этажом выше, ведя наблюдение за дверью их квартиры. Мимо спешили на работу жильцы дома. Некоторые из них бросали на меня косые взгляды: «Что ещё за тип там торчит? И что ему надо? Может, жулик какой?» Нет, так не пойдёт. Недолго и в милицию загреметь. Тогда уж точно мне хана. А из их квартиры в то утро никто и не вышел! Может, он во вторую смену? Ждать во дворе - напрасная трата времени. В это время во дворе тёмно, ничего не увидишь. Целую неделю, каждое утро я отчаянно мёрз на февральском ветру, иногда в пургу, в своём лёгком демисезонном пальто, пытаясь вычислить «Луку» среди пассажиров на остановке троллейбуса, проходившего в сторону центра. Куда же ему ещё ехать, как не в центр? Остановка находилась на противоположной от дома стороне Ленинского проспекта. Всё безрезультатно. Проклятье! Уже и март наступил, а у меня пока всё глухо. Позвонил куратору, объяснил ситуацию.

- Я бы пошёл к ним на квартиру, но мне нельзя заранее засвечиваться. Исчезнет элемент случайности при первичном контакте, и всё пойдёт насмарку.

- Ладно, - сказал он, - ты в общем-то на верном пути и кое-что уже сделал, и я тебе помогу. Мы его на завтра в районный военкомат вызовем.

На следующее утро мы с куратором стояли недалеко от входа в военкомат.

- А вот он, твой «Лука», - сказал куратор, когда высокий парень в сером демисезонном пальто не нашего покроя и в такой же серой заячьей

ушанке прошёл мимо нас. - Присмотрись как следует. А может, пойдёшь и познакомишься с ним прямо в коридоре?

- Опасно. Может догадаться, что именно для этого его сюда и вызвали.

- Ну, как знаешь, - сказал он. - Может, ты и прав. Ну, я пошёл. Действуй.

Дождавшись выхода «Луки» из военкомата, я проследовал за ним до самых ворот его института. А наутро снова торчал на проклятой троллейбусной остановке, пытаясь сесть в троллейбус вместе с ним. Продежурил там несколько дней, но «Лука» так и не появился. «Как же он, чёрт бы его побрал, добирается до своего института? Нет, здесь что-то не так. Надо подойти поближе». На следующий день я расположился неподалёку от арки, из-под которой «Лука» непременно должен был выходить. Мой расчёт оправдался. Появился «Лука» и тут же стремглав помчался на остановку троллейбуса, который шёл из центра. Троллейбус подошёл, «Лука» вскочил в него и уехал. «Господи, куда же это он? Ему ведь не туда! Ему в центр надо!» На следующее утро я вошёл в троллейбус вслед за «Лукой». А ларчик просто открывался. От своего дома «Лука» каждое утро ехал на троллейбусе до строящейся тогда станции метро «Университетская», где пересаживался на автобус 111-экспресс (у него там конечная остановка), который шёл в сторону центра без остановок. Оказывается, тогда многие, кто жил в этом районе, так ездили.

Прошло несколько дней, и я с ним познакомился. Здесь же, в 111-м автобусе-экспрессе. А предлог был простой: я сказал, что скоро, когда построят линию метро на Юго-Запад, надобность в 111-м экспрессе отпадёт начисто. Узнав о его хобби - фотографии, я стал ходить с ним на этюдные фотосъёмки. Для этого мне пришлось в срочном порядке полистать литературу на эту тему, чтобы не казаться профаном. Наши дружеские отношения продолжали развиваться, и я уже составил несколько отчётов по результатам наших встреч. В начале мая в воскресный день я был приглашён к ним домой на обед. Вполне очевидно, что, рассказав в кругу своей семьи об одиноком молодом человеке, с которым недавно познакомился, он вызвал определённый интерес ко мне со стороны своих домочадцев, поскольку взрослая дочь на выданье.

И вот я на званом обеде, который был приготовлен в голландском стиле. На столе - виноградный сок, однако принесённая мной бутылка «Российского» успешно его вытеснила. Когда уже заканчивали трапезу, плавное развитие нашего скромного застолья и непринуждённой беседы было нарушено приходом гостьи. Это была кареокая, круглолицая брюнетка лет тридцати с гаком, с гладко уложенными, чёрными как смоль волосами. Звали её Лили. Она преподавала иностранные языки в МГУ. И всё бы ничего, но мне с самого первого момента показалось, что у неё недобрые глаза. И я не ошибся. Она почему-то ревностно отнеслась к появлению нового человека в этой семье, что, по-видимому, нарушало её монополию на дружбу. Она приняла активное участие в общем разговоре, но время от времени я ловил на себе её насторожённый взгляд.

На мою беду, она не раз бывала на госэкзаменах в Первом Ленинградском инъязе, который я якобы в своё время закончил и при котором имелось отделение военных переводчиков, где я, по идее, учился. Я там не раз бывал на вечерах, но институт этот, располагавшийся в районе Смольного, я, разумеется, во всех деталях знать не мог. По искорке, промелькнувшей в её чёрных злых глазах, я понял, что она меня на чём-то поймала, по виду не подала. Когда на какое-то время мы остались одни, она сказала тихо, не сводя с меня пристального взгляда: «А ведь вы там не учились». Ни один мускул не дрогнул на моём лице, и я продолжал вести беседу, так как подошли «Лука» с сестрой. Мы говорили о Ленинграде, куда Натали, сестра «Луки», собиралась на время летних каникул. Ощущение того, что эта чёртова Лили меня расколола, не покидало ни на минуту. И откуда только она взялась, такая проницательная? Какой ценный кадр для нашей контрразведки пропадает! А может, не пропадает? Может, она тоже агент КГБ и выполняет аналогичное моему задание. Интересно, а? Натали была высокая смешливая девушка с волосами, собранными на затылке в «конский хвост». Её нельзя было назвать красавицей, но обаяния она была явно не лишена, это уж точно. Лицо её несколько портили огромные очки, с которыми она никогда не расставалась.

- Вы любите кататься на велосипеде? - спросила она, сверкнув улыбкой.

- Когда-то катался, - ответил я уклончиво.

- А не хотели бы вы составить мне компанию? Все выжидающе смотрели в мою сторону.

Я согласился. И совершенно напрасно. Можно было под каким-нибудь предлогом отказаться и избежать столь сурового испытания, каким оказалась эта сумасшедшая гонка по улицам Москвы.

На велосипеде я не был новичком. Когда мы в 1944 году переехали на Украину, отец из какого-то села привёз совершенно раздрызганный велосипед, брошенный полицаем, удравшим с немцами. Мне помогли его починить в мастерской металлоремонта. Ребята за три дня научили меня кататься. На моём велосипеде каталась половина слободки, поэтому мы его больше чинили, чем катались. А однажды, уже будучи на каникулах в Умани, куда к тому времени переехали родители, я на свои сбережения купил младшему брату велосипед, что было для него величайшим событием. Мои родители жили очень скромно и не могли себе позволить купить такую невиданную роскошь, как велосипед.

Однажды я задумал поехать в Катеринополь, навестить старых школьных приятелей. От Умани до Катеринополя 72 км, в основном просёлочной дороги. Добрался уже поздно ночью. Заночевал у приятеля. Весь день провели на речке. Вечером пришёл ещё один школьный товарищ, живший в деревне. Он принёс бутылку самогона-первача, достали мёд, сало и попировали на славу. Затем мы пошли в кино. Но не учёл я, насколько коварен самогон-первач с мёдом. В кино экран стал

почему-то всё больше и больше раскачиваться и плыть перед глазами. Я вышел на улицу через боковой выход. Еле-еле дотянул до стоматологической поликлиники, и там, под одной из раскидистых яблонь, окружавших белый, опрятный домик поликлиники, я вырубился. Очнувшись часа через два, пошёл искать своих, но никого уже не нашёл. Ночью лил проливной дождь. Толкая по грязи велосипед, кое-как добрался до линии железной дороги. Поставив велосипед на рельс, стал вести его по рельсу, так как ехать по дороге было совершенно невозможно из-за проливного дождя, который превратил грунтовую дорогу в сплошное месиво. Так и добрался до местечка Тальное, где я появился на свет Божий, но никогда после этого события здесь не бывал. Побродил по улочкам провинциального городка, посидел в столовой, где имел неосторожность пропустить две кружки пива перед обедом. Обед - шедевр общепита: жидкие щи из кислой капусты и шницель, в котором был один жир и жилы, умело запрятанные под слоем панировочных сухарей. В войну на Украине и то лучше кормили.

Дождь прекратился. Засияло солнце, подсушивая мне путь, а до Умани ещё добрых 50 километров, и всё по грунтовке. И тут я почувствовал, что пиво ударило в ноги и полностью вывело из строя мускулы, задействованные при велосипедной езде. Пришлось толкать перед собой велосипед и ехать лишь под уклон. Домой добрался за полночь. Так что с велосипедом я был на «ты».

У моих новых знакомых оказались отличные английские дорожные велосипеды с переключателями скоростей. Такой велосипед я седлал впервые, но - «В грязь лицом? Никогда!». Девица эта мчалась впереди меня как угорелая, оглядываясь время от времени на меня с озорной улыбкой. «Конский хвост» её трепыхался на ветру. Мужская гордость не позволяла мне отставать. Мы мчались по умытой весенним ливнем Москве, так что только ветер свистел в ушах. Я давно не садился на велосипед и вскоре, несмотря на мои усилия, стал отставать, и тогда она немного сбавила темп.

От МГУ мы выехали на шоссе к Поклонной горе, затем по Кутузовскому проспекту до Киевского вокзала, где повернули направо, и по Бережковской набережной и Воробьёвскому шоссе вернулись к МГУ и к их дому на Ленинском проспекте. После этого мы с «Лукой» ещё пошли на съёмки, благо погода стояла солнечная, и со смотровой площадки Ленинских гор вся Москва была как на ладони. После такой велосипедной прогулки я три дня приходил в себя и ходил на полусогнутых. Через два дия я представил отчёт, описав всё до мельчайших подробностей. Меня тревожило то обстоятельство, что я вызвал подозрения у этой невесть откуда свалившейся на мою голову Лили. Это, кажется, был единственный прокол во всём деле, и я вполне справедливо опасался, что это обстоятельство мне может навредить.

- Больше туда не ходи, - сказал, посмеиваясь в усы, куратор. - Тебя раскололи. Она, возможно, рассказала о своих подозрениях в семье. Телефона нет ни у тебя, ни у них, так что исчезни, и всё. Уехал в

командировку. Нет тебя. А задание своё ты, можно сказать, в основном выполнил. Теперь нам хоть есть с чем идти к начальству.

Через два дня состоялась встреча с руководством. Шефы остались довольны моей работой и дали своё «добро» на продолжение подготовки в составе особого резерва.

- А всё-таки эта Лили тебя расколола, - посмеивались они, прощаясь со мной. - А сестричка эта... Зря, что ли, она вас на велосипеде обкатывала? Наверняка на вас виды имела. Но вам надо оттуда уходить. Драма сердечная не в наших интересах.

Да, хорошо уходить, когда есть куда. Когда ты дома. А случись это «там»? Сразу небо в клеточку замаячит, и охнуть не успеешь, если вот так тебя расколют. А с «Лукой» мне встречаться больше не пришлось, но, судя по всему, интерес к нему у наших был немалый: язык - в совершенстве; домой после демобилизации, несмотря на рождение ребёнка, не торопился; хладнокровен, характер уравновешенный, пожалуй, даже флегматичный. И прочее. Чем не нелегал?

Копенгаген. Спустились на берег по трапу в толпе туристов, без вещей, с одной только сумкой через плечо, взяли такси, доехали до парка «Тиволи». В кармане наши основные документы. Побродили по саду. Вышли через боковой выход, снова взяли такси. В магазине купили чемодан, кое-что из необходимых вещей и отправились на вокзал, где взяли билет на ночной поезд до Стокгольма. Переправа на железнодорожном пароме. Роскошный шведский стол, где есть всё, что душе угодно; только за напитки надо платить, всё остальное включено в стоимость билета.

Ездили к матери нашего аргентинского друга Крамера. Гамбургский пригород на берегу Эльбы. Трёхэтажный особняк, увитый плющом и утопающий в цветах. Часть дома сдаётся в аренду. Старушка живёт совсем одна. Днём приходит служанка. На стене в гостиной фотографии двух парней в форме вермахта. Оба рядовые. Белозубые улыбки. Снимки сделаны под Смоленском. Они туда пришли как завоеватели, там и сложили свои головы. А вот их старший брат уехал в Аргентину перед самой войной, да так там и остался. И вот он живой, а их уже нет.

Посидели со старушкой за бутылочкой «Мозеля», рассказали ей про житьё-бытьё в Аргентине, про семейство Крамеров. На следующий день навестили одну молодую семью немцев, которую знали по Буэнос-Айресу. Они показали нам город, вместе посидели в уютном ресторанчике на берегу озера. Нейтральная связь. Но и нейтральные связи нужны.

Снова Женева. Лозанна. Сент-Мориц. Поезд на Барселону. В Барселоне тур на автобусе по городу и окрестностям, куда включалась и коррида. Дома нас торопили с отъездом, предлагая отдохнуть где-нибудь, на своё усмотрение, в Европе. Мы выбрали маленький курортный городок Льорет-дель-Мар в Испании, в сотне километров от Барселоны. Был уже конец сентября, летний сезон закончился, и многие отели были закрыты. Но в городе всё ещё оставалось немало туристов, в основном из

Великобритании и ФРГ. Дело в том, что обменный курс доллара в Испании настолько был выгоден, а цены на фрукты и овощи - а их здесь изобилие, - настолько низкие, что отдых в Испании вполне доступен средним слоям населения из стран Европы и Америки.

Мадрид. Посадка в самолёт уже за полночь. Дочку - в коляску, вещи - на специальную тележку (их здесь полно на каждом шагу)- носильщиков нет и в помине. Толкая впереди себя тележку с вещами и дочку, мчимся по бесконечным, совершенно пустым и ярко освещённым коридорам, переходам и эскалаторам огромного международного Мадридского аэропорта. На регистрацию мы успели, правда последними, сдали свой багаж и очень довольные покатили коляску с ребёнком по лётному полю к огромному «боингу», уже поджидавшему нас в свете прожекторов на взлётной полосе.

Всю ночь летели на юго-запад, а рассвет всё никак не мог нас догнать. Утро наступило, лишь когда мы приземлились в аэропорту Эсейса. Крамеры, предупреждённые телеграммой, радушно нас встретили.

Оставив ребёнка у няни, отправились проводить тайниковую операцию. Тайник был оборудован в щели верхней части каменного основания металлической ограды в баррио Чакарита. Описание тайника было передано в Центр ещё до поездки. Закладку в виде смятого пластмассового тюбика из-под крема я и вложил в эту щель. Проставили сигнал о вложении и, покружив по городу, поехали к месту снятия сигнала о выемке. Сигнала о выемке не обнаружили. Значит, никто не пришёл. Прошло ещё полчаса. Сигнал не появлялся.

Поехали назад к тайнику, намереваясь изъять закладку, но... закладки на месте не оказалось. ЧП!!! Там было описание тайника с рацией и прочее. На следующее утро, проехав мимо тайника, ничего подозрительного не обнаружили. Прошёл мимо - закладки не видать ни в щели, куда я сё заложил, ни поблизости. Может, крыса? Тюбик-то ведь был из-под крема. Но не ломать же забор?! По почте тайнописью передали в Центр сообщение о таинственном исчезновении закладки с отчётом. На фотоплёнке, заложенной в тайник, могли быть мои отпечатки пальцев, хотя при упаковке плёнки в контейнер я принимал некоторые меры предосторожности.

Из Центра получили шифровку: сотрудник в этот день на тайниковую операцию не выходил. А поэтому нашего сигнала не видел. Но как же так? Ведь в Центре мы обо всём договорились. В шифровке предлагалось провести тщательную проверку на предмет слежки за нами, прекратить какую бы то ни было оперативную работу, оставлять контрольные метки при уходе из дома. Срочно, принимая все меры предосторожности, перепрятать приёмник «Свирь»; докладывать в Центр любые изменения обстановки вокруг нас; быть готовыми в любой момент покинуть страну. Одним словом, готовность номер один. А вот почему оперативник не вышел на тайниковую операцию, хотя договорённость об этом была ещё в Союзе, ни слова.

Ранним утром я выехал в пригород Буэнос-Айреса к тайнику, где хранилась «Свирь». Поставил машину так, чтобы не было видно, чем я занимаюсь. «Свирь» в резиновом мешке была упакована в жестяную банку из-под ветчины в надёжной гидроизоляции. Контейнер был запрятан среди корней полувысохшего дуба. Я незаметно осмотрел местность в бинокль. Вокруг заросли кустарника. Вдалеке заметил гаучо верхом на коне, медленно направлявшегося как будто в мою сторону. Уж не наблюдатель ли? Но он был ещё далеко, километра за полтора от меня. Открыл капот машины и откинул для вида колпачки со свечей двигателя. При помощи сапёрной лопатки быстро открыл контейнер и положил его в багажник, прикрыв ветошью и инструментами. Ссыпал землю обратно в ямку. До этого грунт лежал на плёнке. Насыпал на это место сухих листьев и травы. Посмотрел, где гаучо. Он был уже совсем близко, продолжая следовать прямо через поле в моём направлении. Я вывел машину на шоссе и удалился в сторону города. Покружил по безлюдным участкам района Эсейсы. Проехав по насыпи недостроенного участка дороги, свернул на просёлок. Там в густом кустарнике у ограды из колючей проволоки, под сенью эвкалиптов был расположен запасной тайник для рации. Начался дождь. Вокруг ни души, лишь где-то вдали лаяли собаки да слышалось ржание лошадей и мычание коров. Очевидно, неподалёку была гранха [34]. Произвёл закладку. Выбрался из-под кустов. Вдалеке проехал всадник на белом коне. Что-то мне сегодня везёт на всадников. Но, кажется, всё в порядке.

Мысль о том, что закладка могла попасть в чужие руки, не давала покоя. Несколько ночей не спали. Провели целый месяц в напряжённом состоянии. Но ничего подозрительного не обнаружили.

А тем временем необходимо было вести повседневную работу. По объявлению нашёл фирму, имевшую перспективу выхода на разные страны, в том числе США и Канаду. Фирма была в стадии формирования, арендовала офис в центре, в помещении которого размещалась нотариальная контора. Владельцами конторы были адвокат и нотариус, которые занимались своим основным делом. Они входили в правление фирмы, но делами её практически не занимались. В перспективе намечалась поездка в Нью-Йорк для ведения переговоров, а поскольку никто, кроме меня, английским не владел, то, естественно, должен был бы ехать я. Там я предполагал восстановить свои некоторые старые связи. Да и новые тоже появились.

К числу новых я относил двух солдат - бывших шифровальщиков НАТО. Мы познакомились с ними в поезде на Барселону. Парии демобилизовались и ехали уже одетые в штатское в компании двух разбитных девиц-американок. Все в изрядном подпитии. Затем эти девицы с рюкзаками сошли на какой-то станции в горах на полпути к Барселоне. Я решил завязать знакомство с этими ребятами. Им требовалось, конечно, опохмелиться, поэтому я пригласил их в бар, где мы выпили сначала джин-тоник, а затем дюжину банок пива. Поезд еле тащился,

[34]Гранха - ферма, хутор (исп.).

останавливаясь у каждого столба. В баре царила прохлада. Было весело. Между делом парни рассказали, что работали во Франкфурте-на-Майне. Они поведали мне о переброске танковых и вертолётных частей из Германии во Вьетнам, а также дивизии морской пехоты, перебрасываемой из Штатов. Мы ещё долго пробыли в баре, затем обменялись адресами.

Один из парней, тот, что посерьёзней, сказал, что он перед демобилизацией подал рапорт о том, чтобы остаться на службе в армии и, естественно, в той же профессии, которой он овладел в совершенстве. Имелась в виду профессия шифровальщика, которая хорошо оплачивалась. В своём отчёте, переданном через тайник, я сообщил в Центр об этих знакомствах, но закладка пропала, и мне пришлось составлять новый отчёт и пересылать его через запасной тайник.

А пока мы готовили образцы продукции фирмы, вмонтированные в красочный дисплей. Продуктом фирмы был пластмассовый мундштук с особым противоникотиновым фильтром. В настоящее время наша идея подхвачена в Японии, где начали выпускать эти мундштуки, обеспечивая их продажу широкой рекламой. Пока решали организационные вопросы, из Нью-Йорка пришла телеграмма, что директор фирмы, который должен был вести с нами переговоры, выехал в Европу и что в ближайшем обозримом будущем принять он нас не сможет. Тогда было принято решение ехать в Бразилию, где в крупном промышленно-финансовом центре Сан-Пауло у президента нашей фирмы Торреса был хороший старый друг, с которым они в молодости занимались в Буэнос-Айресе рекламным бизнесом.

Летели мы вдвоём с Торресом. Друг Торреса Пако встретил нас в аэропорту и отвёз в отель. Он был довольно известным в деловых кругах человеком, владельцем рекламного агентства. Пако вёл в своё время рекламу предвыборной кампании Жочелино Кубичека на пост президента Бразилии. Его агентство принимало также активное участие в инаугурации новой столицы Бразилии - Бразилиа, построенной знаменитым архитектором Оскаром Нимейрой в глубине страны, в восьмистах километрах от Рио-де-Жанейро. Пако смог без особого труда организовать переговоры с интересовавшими нас фирмами.

По возвращении в Буэнос-Айрес у Торреса случился инсульт. Его частично парализовало, и он вышел из строя, а все дела были в его руках. Дело начало рушиться. Один из компаньонов решил выйти из дела и уехал к себе во Францию, где у него была семья. Таким образом, я фактически остался один, так как адвокат и нотариус в дело не вложили ни гроша, считая свой вклад достаточным в виде офиса с телефонами и техперсоналом. Относились они ко мне исключительно доброжелательно и сами предложили свой офис в моё полное распоряжение, с тем чтобы я начал развёртывать свой собственный бизнес, пока Торрес поправится (если он вообще поправится). Я основал свою собственную посредническую контору по экспортно-импортным операциям. И, несмотря на наличие конкуренции, мне удалось через довольно короткое время установить множество деловых контактов и даже получить первую,

хотя и небольшую прибыль, выражавшуюся в процентном гонораре с завершённых сделок. А главное, я начал вести обширную переписку с различными зарубежными, заинтересованными в торговых связях с Аргентиной, фирмами. В случае более или менее удачного развития моего дела я получал возможность посещать разные страны, что являлось частью задания Центра.

Поскольку аренда жилья нам обходилась чрезвычайно дорого, мы испросили разрешения Центра на приобретение в рассрочку квартиры. Вскоре мы поселились в трёхкомнатной квартире на пятом этаже семиэтажного дома. Верхние два этажа занимал архитектор, владелец выстроенного им самим дома. Цокольный этаж занимал гараж. Здание находилось в Оливосе, неподалёку от резиденции президента республики. Из окон нашей квартиры открывался вид на реку с постоянно маячившими на горизонте белоснежными парусами яхт.

На моё имя стала приходить многочисленная корреспонденция практически из всех стран Латинской Америки, а также из США и даже из Юго-Восточной Азии. Один из клиентов в Гонконге предоставил очень интересный выход на США, дававший в конечно счёте возможность выехать туда. В самом Буэнос-Айресе я также получил ряд ценных связей и рекомендательных писем бизнесменам, выехавшим в своё время в США и прочно обосновавшимся в американском мире. Аргентинцы пользуются уважением и авторитетом в американском бизнесе. Поэтому вскоре я намеревался совершить деловую поездку по маршруту Чили-Мексика-США, чтобы лично посетить своих клиентов. В Буэнос-Айресе я официально представлял фирмы, производившие целый ряд продуктов на экспорт: кожевенные изделия (ремни, сумочки, перчатки, сувениры), особой расцветки глазурованную плитку для пола, дверные замки с секретом, противоугонные устройства для автомашин с кодовым замком, фурнитуру, расфасованный мёд и прочее. На своём «Пежо-404» я колесил по городу и по всей провинции Буэнос-Айрес, посещая в основном небольшие фирмы, искавшие выход своей продукции на экспорт.

У нас появились новые связи. Среди прочих - управляющий фирмой по оборудованию автомобилей специального назначения для нужд городского хозяйства: мусороуборочные машины, машины для поливки улиц, аварийки, техпомощь и прочее. Знакомство это, поначалу показавшееся нам нейтральным, получило впоследствии развитие в интересующем нас направлении. С женой сеньора Рохелио (так звали нашего нового знакомого) Хельгой «Веста» познакомилась на курсах журналистики, куда она поступила по своей инициативе и с одобрения Центра. Это давало «Весте» возможность совершенствовать язык и расширять связи. Сам Луис Рохелио был испанских кровей, тогда как Хельга - французских. Две дочери, семи и десяти лет, учились во французском колледже. Хельга превосходно владела английским, и знакомство наше с её мужем произошло в Английском театре в пригороде Акасусо. Луис, ни слова не знавший по-английски, тем не менее стоически и невозмутимо с каменным лицом отсидел оба акта спектакля и начал приходить в себя лишь в пивном баре, куда мы зашли после театра. Хельга

была довольно образованной и интересной собеседницей, чего нельзя было сказать о Луисе, человеке скрытном, волевом, себе на уме, но тем не менее, как мы потом узнали, умевшем веселиться в хорошей компании.

Луис недавно вернулся из поездки в южную часть страны, целью которой были испытания джипов различных марок для армейских нужд. Из поездки Луис привёз множество слайдов с видами Патагонии, Огненной земли, Магелланова пролива, громадных айсбергов, которые образовывались из ледников, сползавших в океан. На просмотр он пригласил своих старых друзей Игнасио и Бригиту. Игнасио, розовощёкий разбитной молодой человек, в недавнем прошлом автогонщик, был сыном фабриканта бензоколонок. Отец - хозяин завода, состарился, часто болел и предпринимал немалые усилия, чтобы приобщить сына к своему делу, и надо отдать должное, добился в этом успеха: Игнасио бросил автогонки и стал всерьёз заниматься фирмой отца. Жена его - Бригита - американка чешского происхождения, была очаровательной, хрупкой на вид блондинкой. Несмотря на молодость, а ей было немногим за тридцать, она уже имела троих детей - отчаянных, озорных мальчуганов шести, девяти и двенадцати лет.

У Луиса и Хельги было мало друзей, и мы, будучи приблизительно одного возраста, кажется, сумели завоевать их симпатии и стали часто бывать вместе на пикниках и в ночных клубах. Однажды в одном ночном клубе выступал молодой певец, друг Игнасио, с которым он когда-то учился в одном классе. Этот друг по имени Педро только что вернулся из Штатов, где проживал с женой, но семейная жизнь там у него не сложилась, и он решил вернуться в Аргентину. Здесь его ждала служба в армии, от которой (на своём опыте знаю) никак не отвертеться.

Педро пел хорошо, аккомпанируя себе на гитаре, сидя на высоком стульчике посреди зала. Песни были его собственные, к тому же он был начинающим поэтом и композитором. Но пара песенок его была явно антиамериканского характера, и все присутствующие в зале бурно аплодировали. Аплодировали и американцы, занимавшие столик неподалёку. Но аплодировали они своеобразно, как бы невпопад, то и дело устраивая своего рода обструкцию певцу. Особенно выделялся из этой группы рослый упитанный блондин, который уже изрядно нагрузился виски. Он громким голосом отпускал шуточки в адрес исполнителя, и его собутыльники громко хохотали над его замечаниями.

Луис с Игнасио пару раз подходили к ним, чтобы их утихомирить. Те на какое-то время затихали, затем снова принимались за своё.

Подвыпивший Луис наконец не выдержал и с криком: «Я ему сейчас врежу по морде!» - ринулся к столику американцев. Но возмутитель спокойствия с наглой улыбкой длинной ручищей отталкивал Луиса, который петухом налетал на него. Мы с Игнасио успели вмешаться, прежде чем ссора переросла в стадию мордобития. Быстро расплатившись, мы под руки увели Луиса, который то и дело вырывался, бросаясь в атаку:

- Пустите меня! Я набью морду этому паршивому янки! Гринго [35] вшивый! Как он смеет! Он не у себя дома! Мать его!.. Кусок дерьма!

На выходе он всё-таки вырвался и стремглав бросился в зал, и нам стоило немалого труда оторвать его от американца, который, всё так же добродушно улыбаясь, шутя отбивался от наскоков Луиса. Мы всё же вывели его на улицу и отвезли домой. Хельга всю дорогу ворчала, но он держался стойко: «Нечего здесь делать этим янки! Мы здесь хозяева, или кто? Какой-то г...ный янки!.. Ещё будет тут вякать!»

Я отвёз «Весту» домой, сам же решил вернуться в ночной клуб. Верзила американец уже почему-то сидел один, покачиваясь на стуле в такт музыке.

- Не возражаете? - спросил я по-английски, указывая на стул.

- О да! Пожалуйста, - расплылся он в пьяной улыбке, глядя на меня с любопытством. - Ну что, отвезли вашего забияку домой?

- Отвезли. Извините, что так получилось.

- Всё о'кей... Бывает. Как зовут тебя?

- Лэд.

- Всё о'кей, Лэд! Всё о'кей! - похлопал он меня по плечу. - Будем знакомы, Фрэнк. И давай сразу на «ты».

- Хорошо. Я угощаю. - И я щёлкнул пальцами. - Два виски. Двойные, - сказал я подскочившему официанту. - Не возражаешь? - обратился я к американцу. - Выпьем за знакомство. Ты ведь из Штатов?

- Да. Я работаю здесь по контракту. Я управляющий компанией «Шелл», и мы только-то вернулись из Патагонии.

- Бурите?

- Да, бурим скважины, ищем нефть. Вот пробурили наклонную скважину под Чили и будем качать оттуда нефть, а они, глупцы, ничего об этом и не узнают. Ха-ха-ха!

И он стал заплетающимся языком рассказывать, как именно это делается. Проведя с ним около часа, я решил оставить его.

- Слушай, а ты с машиной? - спросил он, отрывая голову от стола.

- Конечно.

- Ты меня не отвезёшь в гостиницу? А то я, пожалуй, не доеду и усну прямо здесь. А за своей машиной я завтра сюда приеду.

- О'кей, Фрэнк, какие проблемы? Ещё по одной?

- Ну, давай, - протянул он после некоторого колебания.

Я отвёз его в отель, помог добраться до номера. Он дал мне свою визитную карточку.

---

[35]Гринго - чужак (лат.-амер.).

На следующий день я позвонил Фрэнку, и мы встретились в баре отеля «Президент», где он остановился.

- Ну, как голова? - спросил я участливо.

- Побаливает. Я себя плохо вёл вчера там, в клубе. Ваши друзья, наверное, обиделись?

- Ладно, Фрэнк, с кем не бывает? Ты небось там слегка одичал в своей Патагонии.

- Да, есть немного.

- Когда в Штаты?

- Через два месяца заканчивается контракт. В Штатах меня ждёт другая работа.

- Тоже будешь бурить?

- Да. Но уже для других нужд... Только тс-с... Никому. Будем бурить шахты для новейших стратегических ракет... Русские о них даже не подозревают. Мы им такой сюрприз приготовим!

Мы выпили полбутылки «Джонни Уокера»! Уходя, я уже знал, где именно будет устанавливаться первая очередь новых мобильных стратегических ракет «Минитмен». До его отъезда в Штаты мы встретились ещё несколько раз. На последней нашей встрече он дал мне два рекомендательных письма на фирмы, с которыми я намеревался установить деловой контакт.

- Будешь в Штатах, заходи обязательно, - сказал он на прощанье. - Позвонишь по телефону, указанному на визитной карточке. Мы с тобой славно проведём время.

«Хьюстон-Техас» - было на визитке.

В предстоящей поездке в США я, разумеется, намеревался воспользоваться этим приглашением. Но дальнейшие события нарушили мои планы. Что же, человек предполагает, а Бог располагает. Так, кажется, звучит в переводе с испанского известная пословица. Сотрудники ЦРУ, проводившие допросы после ареста, очень интересовались Фрэнком. Я им объяснил, что встреча была случайной, нейтрального характера.

Ещё во время нашего приезда в Москву, когда мы ехали на машине, «Веста» как бы шутя спросила нашего куратора Геннадия Савельевича:

- А что скажет Центр, если мы заимеем ещё одного ребёночка?

- А что он скажет? Улыбнётся ваш Центр, разведёт руками и пришлёт свои поздравления. А куда ему деваться? Но если серьёзно, дети - тоже прикрытие. Через детей заводят нужные для нас знакомства. Давайте, если есть такое желание.

И вот в конце 1969 года у нас родилась ещё одна девочка. Роды прошли нормально, как и в первый раз, всё в том же Немецком госпитале.

Но теперь уже не по причине языка, а потому, что этот госпиталь был, на наш взгляд, в смысле медицинского обслуживания наиболее надёжным. Теперь нас стало четверо.

«Весту» очень беспокоили сообщения о состоянии здоровья больной матери. Она опасалась, что, как и я свою мать (недавно пришло сообщение о её смерти), также больше её не увидит. Она упросила Центр дать ей возможность на этот раз одной совершить краткую поездку в Союз, легендируя её ухудшением состояния здоровья своей базельской тётушки. В конце июля 1970 года я проводил жену в аэропорт Эсейса. Две миловидные девушки в форме стюардесс фотографировали пассажиров и всех тех, кто проходил на площадку для провожающих, расположенную на крыше здания аэропорта. Сфотографировали и меня. Мне подумалось: «Что это? Бизнес или работа Интерпола или полиции?»

- И давно это они у вас тут фотографируют? - спросил я служащего аэропорта, покидая площадку для провожающих.

- Да уже с полгода. Это мы сами такой бизнес организовали.

«Бизнес, бизнес, - думал я, направляясь к машине и разглядывая только что отпечатанный, неплохо выполненный фотоснимок. - А бизнес ли это?»

«Боинг» «Люфтганзы» взмыл ввысь, унося «Весту» в Европу. Вернувшись домой, я купил бутылку шампанского и жаренного на вертеле цыплёнка, поужинал дома в невесёлом одиночестве. Дети находились в доме няни. Я думал о том, как-то всё сложится у «Весты».

Рассказ «Весты»

Самолёт авиакомпании «Люфтганза» круто набирал высоту. В лучах заходящего солнца слева уплывал Буэнос-Айрес. Внизу простирались мутные воды реки Ла-Платы. Слева в сизой дымке замаячили и исчезли огни Монтевидео. Дальше летели над ночным океаном. Первая посадка в Дакаре, затем Цюрих. Один день в Цюрихе, и я ночным рейсом вылетаю в Хельсинки. Там явка, обмен документов и пароход. И вот - снова Москва.

Мы долго раздумывали, прежде чем предпринять эту поездку. Любая подобного рода поездка может быть чревата неприятными последствиями. Прошло три года со времени нашего последнего посещения Союза. За это время здоровье моей мамы ухудшилось, и она боялась, что мы больше не увидимся, А дети? Младшенькой было почти восемь месяцев, старшая только что переболела ветрянкой. И тем не менее я решилась на эту поездку. Когда-то ещё доведётся поехать домой. На конспиративной квартире в Москве, в одном из высоких домов на проспекте Вернадского, меня ожидали пятеро мужчин, из которых только двое были знакомы. За чашечкой кофе велась деловая беседа. Обычная встреча вновь прибывшего нелегала с руководством. Всё шло нормально, пока один из джентльменов, вроде без всякого повода, вдруг сделал мне комплимент: «Какие же у вас красивые глаза!» «Так хоть за эти-то глаза меня не

выдавайте», - мелькнула какая-то совершенно несуразная, необъяснимая, отчаянная мысль. Не более уместная, впрочем, чем сам комплимент. Беседа после некоторого оживления продолжалась, но какое-то непонятное, тягостное чувство с этой минуты овладело мной и не повидало вплоть до самого отъезда. Непрерывно мучили мысли: «Как там дети? Как «Вест»? Всё ли у них там в порядке?» Началась бессонница. А если сон и приходил, то заканчивался кошмарами. Пришлось принимать снотворные, чего раньше я никогда не делала.

Встречи, инструктажи, отработка новых, более совершенных средств связи, радиодело, оперативная переподготовка, новые явки, пароли. Предстояла настоящая работа, связанная с перебазированием в США. Накануне отъезда - прощальный обед на конспиративной квартире где-то у Даниловского монастыря. Был Шеф, его зам, куратор, кто-то ещё. Шеф вручил мне юбилейную медаль «100-летие со дня рождения В.И. Ленина» и объявил о присвоении мне воинского звания лейтенанта (до этого я была вольнонаёмной, привлечённой). Мы подняли рюмки с коньяком, и Шеф приготовился было произнести тост в мою честь, как вдруг оглушительное «бум-м-м-м» медных литавров ворвалось через открытое окно, выходившее в огромный, залитый ярким солнцем двор, после чего грянули звуки похоронного марша. Кого-то хоронили. Рука у Шефа дрогнула. Капли коньяка пролились на белоснежную скатерть.

- Эх, некстати! - невольно вырвалось у него. - Но мы же не суеверны, не правда ли? - тут же поправился он.

- Конечно нет, - отвечала я, а у самой в сердце вошло что-то холодное, недоброе. - Неужели что-нибудь случилось с детьми?

Я с трудом продержалась до конца встречи, усилием воли заставляя себя вести непринуждённую беседу, улыбаться. Предчувствие беды, однажды зародившееся ещё тут, на первой встрече, теперь уже не покидало меня. Мозг сверлили один и тот же вопрос: «Что случилось? В чём там дело?»

Над этими её предчувствиями смеялись те, кто вёл служебное дознание после нашего возвращения домой в 1972 году.

- Всё это лирика, - говорил с усмешкой В.Е. - Какие там ещё могли у вас быть предчувствия? Ведь мы же материалисты. Или это не так? Чепуха всё это.

Как ошибались эти люди! Люди с огромным опытом оперативной работы. Во время войны они не раз вступали в смертельные схватки с абвером, сажали самолёты с немецкими диверсантами, перевербовывали заброшенных к нам немецких радистов... Вели радиоигры с немецкой разведкой. Где им было поверить или хотя бы прислушаться к каким-то там несерьёзным женским предчувствиям? А может, не мешало бы? Как ни странно, предчувствие никогда меня ещё не обманывало.

Но пора было возвращаться в Аргентину. Пробыв в Западной Европе не более трёх дней, я вылетела в Буэнос-Айрес. Муж встречал меня в аэропорту Эсейса. Восемнадцатого сентября мы вместе вернулись домой.

Прошёл месяц. Уже перед самым возвращением «Весты» у меня случилось дорожно-транспортное происшествие. Однажды в воскресенье мы со старшей дочкой возвращались со дня рождения нашего друга Игнасио. В особняке Игнасио собрались гости. Кроме Луиса и Хельги, были ещё двое американцев: оружейник Карел, отец Бригиты, и ещё один американец, связанный с Игнасио коммерческими делами. Карел демонстрировал нам свои спортивные подарочные пистолеты, которые он привёз в небольшом чёрном дипломате, они покоились в красном бархате в специальных гнёздах для оружия. Карел выпускал пистолеты на собственном предприятии.

- Уму непостижимо, как ты их провёз через таможню! - поражался Игнасио.

- А это мой производственный секрет, - лукаво улыбался высокий, ещё совсем крепкий старик.

- Вот, Лэд, попробуй, возьми представительство для своей фирмы. Будешь импортировать из США револьверы.

- Надо подумать, - ответил я. - Мы об этом ещё поговорим.

«Импортировать оружие, пусть даже спортивное, совсем мне ни к чему, - думал я. - Дело всегда связано с полицией, начнутся всякие проверки».

Другой американец, деловой партнёр Игнасио, на контакт не пошёл. Был просто приветлив, но не более того. «Ну и чёрт с тобой, - думал я, сидя за рулём машины. - Не все же идут на контакт с первого знакомства».

Было уже поздно, мы ехали вдоль кинты пресиденсиаль [36] , уличного освещения никакого, с одной стороны ограда кинты, со слабым освещением по периметру, с другой - однозначные чале [37]. И вдруг откуда-то из темноты выскочила белая кудлатая собачонка, а за ней, прямо под колёса машины, бросилась девочка лет двенадцати. Резко тормознул, прижав дочь правой рукой к сиденью, чтобы её не бросило лицом на стекло. Сработали мощные тормоза «пежо». Машина встала как вкопанная, но девочку всё же задело крылом, маленькое тельце отбросило на асфальт. Подбежал её дядя, у которого она гостила, взял её на руки. Я открыл заднюю дверцу, помог им разместиться на сиденье, затем быстро сел в машину, и мы помчались в ближайшую больницу. Отъезжая, заметил, что солдат морской пехоты из охраны резиденции успел вызвал офицера и они, находясь по ту сторону сетчатой ограды, молча наблюдали за всем происходившим. Офицер записал номер моей машины. В больнице мы передали девочку врачам. Я отвёз дочь к няне, на обратном пути заехал в приёмный покой больницы.

Дядя мне сказал, что девочка вне опасности, переломов не обнаружено, только гематомы, но она должна какое-то время пробыть в

[36]Резиденция президента.

[37]Дом под черепичной крышей, с садом, как правило, одноэтажный, с мансардой.

больнице под наблюдением врачей, так как могут быть внутренние повреждения. После этого мы с ним поехали в местное отделение полиции, где я заявил о случившемся, с тем чтобы моя страховая компания оплатила расходы на лечение. На следующий день мы снова встретились, поскольку жили по соседству. Он был отставным армейским сержантом и владел небольшой мясной лавкой в баррио Палермо. Мы заехали в больницу, передали его племяннице фрукты и коробку конфет. Врач сказал, что девочка себя нормально чувствует, серьёзных опасений за её здоровье нет. Через неделю девочку выписали из больницы. Пройдёт всего три недели, и этот случай поможет мне сделать определённые выводы. Близился день возвращения «Весты».

Как-то вечером ко мне пришёл наш дворник Мигель, нагловатый парень, который нам никогда не внушал доверия. Он был как будто чем-то взволнован. Мигель рассказал мне, что накануне вечером, когда подъёмные стальные ворота гаража были приоткрыты (он в это время вывозил контейнеры с бытовым мусором), увидел двоих неизвестных у моей машины. Заметив его, парни убежали. Дворник подошёл к машине - на бетонном полу лежал револьвер, по-видимому, обронённый одним из «гостей». На мой вопрос о том, где же сейчас этот револьвер и какой он был марки, дворник сказал, что он уже отнёс его в местное отделение полиции. Револьвер был калибра 38 (излюбленное оружие полицейских).

«Ну и правильно сделал», - сказал я и тотчас спустился в гараж осмотреть машину. Отключив сигнализацию, открыл двери. При слабом свете фонарика осмотрел салон, заглянул под сиденья, в багажник, под днище машины, под капот. Ничего подозрительного обнаружить не удалось. «Машина стояла на сигнализации, злоумышленники это поняли и, очевидно, пытались отключить противоугонное устройство, но это оказалось непросто, - думал я, - а дворник их вспугнул и они убежали. Но... почему револьвер? Угонщики, как правило, не вооружены. Хотя бывают и исключения. А не попытка ли это спецслужб поставить на моей машине радиомаячок, что позволило бы наружке успешно находить меня, где бы я ни был, и вполне скрытно вести за мной наружное наблюдение. Для этого не обязательно открывать двери машины. Неужели контрразведка? Но контрразведчики не сорят своим табельным оружием. И кроме того, разве они не смогли бы завербовать этого дворника?»

На следующий день я поставил машину на яму и с мощной лампой в руке исследовал каждый сантиметр днища, подкрылки. Всё было напрасно. Следов проникновения в салон тоже не было. «Так обычные угонщики или контрразведка? - думал я. - Ну что ж, посмотрим, что будет дальше. Ведь как-то всё это должно проявиться». Но на душе было тревожно. Надо срочно известить Центр.

Утром 18 сентября встречал «Весту». По пути домой мы заехали к няне повидать детей. «Веста» страшно по ним соскучилась, но мы решили забрать их несколько позже, так как надо было незамедлительно переговорить о делах. Ни дома, ни тем более в машине мы этого никогда не делали. Шёпотом, да и то под джазовую музыку. Оставив вещи дома,

мы проехали в довольно пустынную местность в баррио Сан-Исидро. По дороге «Веста» рассказывала о своих дорожных впечатлениях. Оставив машину на глухой просёлочной дороге, мы стали, прогуливаясь под цветущими мимозами (сентябрь - начало весны в Южном полушарии), вести разговор о делах. Вдали показался старенький зелёный «опель-адмирал», направляющийся в нашу сторону. В нём было трое пассажиров, не считая водителя. Проезжая мимо, все четверо глазели на нас.

- Ишь, как присматриваются! - сказала «Веста». - И все брюнеты с усиками, как на подбор.

- Любуются на твою европейскую причёску, - сказал я. - Кроме того, ты блондинка, а им это очень импонирует. Если бы это была наружка, то они на нас так бы не пялились, а, наоборот, сделали бы вид, что мы их абсолютно не интересуем. А то видишь, чуть из машины не вываливаются.

«Опель» скрылся из виду и больше не появлялся. Возможно, как покажет ближайшее будущее, я ошибался в отношении этого «опеля». Возможно...

«Веста» рассказала, как обстоят дела дома. Передала инструкции и наставления Центра. Предстояло освоить новую двустороннюю радиосвязь. Мне необходимо было также в ближайшем будущем предпринять поездку в Гонконг для выполнения задания по восстановлению связи с законсервированным агентом. Затем посетить США, восстановить там свои связи, прозондировать возможности для переезда в США. «Веста» также рассказала, что её родители купили дом в глухой, затерявшейся в лесах Смоленщины деревушке, стоящей на берегу речки. В окрестностях полно грибов и ягод, водится дичь.

Домой мы вернулись вечером, заехав по дороге за детьми. Поужинали все вместе. Нам было весело и хорошо. Это был настоящий праздник.

Прошла неделя. Я рассказал «Весте» о происшествии в нашем гараже и добавил, что не исключается установка в машине подслушивающего устройства или «маячка». Рассказал я ей также, что тот же дворник сообщил мне, что на днях приходила одна американская пара с намерением снять пустовавшую квартиру на нашем этаже, располагавшуюся в другом конце нашей лестничной площадки. «У вас будут хорошие соседи, американцы», - сказал он. После они якобы передумали и больше в доме не появлялись. Мы сообщили тайнописью в Центр о наших подозрениях и просили прислать специалиста для проверки машины на предмет наличия «жучка» или «маячка».

Центр между тем прислал шифровку, согласно которой мне предстояло незамедлительно выехать в Чили для выполнения оперативного задания, имевшего непосредственное отношение к предвыборной кампании Сальвадора Альенде. Были даны явки, пароль и места постановки сигналов. Были указаны гостиницы, где мне не рекомендовали останавливаться. Запрещалось входить в контакт с кубинцами, которые наводнили Сантьяго в те дни.

В Сантьяго у меня имелись деловые контакты с двумя фирмами - одна по производству особых замков с секретом, другая специализировалась на экспорте консервированных морских деликатесов - омаров, крабов, моллюсков и устриц. Эти фирмы я и решил посетить во время поездки, чтобы провести необходимые переговоры. Компаньоны одобрили мои планы. К тому же сами они были по горло заняты своими делами - взысканием невыплаченных долгов, судебной тяжбой фирм-банкротов, делами о наследстве и многим, многим другим. Им было абсолютно наплевать, чем я там занимался, лишь бы был хоть какой-нибудь результат.

Прошло почти три недели со дня возвращения «Весты» из Союза. Накануне я заказал билет на самолёт в Сантьяго у знакомого агента бюро путешествий. Он должен был принести мне этот билет домой вечером девятого октября, так как десятого я уже должен был вылететь, а одиннадцатого была назначена явка в Чили.

Арест

9 октября 1970 года. С самого утра я посещал различные фирмы и правительственные учреждения. К полудню вернулся в офис. Необходимо было просмотреть почту, составить и отправить ряд деловых писем в Уругвай, Боливию, Мексику, Гонконг и США. Я сидел в офисе и стучал на своей портативной машинке. За другим столом у окна располагался Норберто, один из компаньонов, который беседовал с кем-то по телефону. Входили и выходили посетители, сновали девушки-машинистки с бумагами. Я не сразу обратил внимание на двух типов, которые только что вошли в офис и стояли, дожидаясь, когда Норберто закончит телефонный разговор. Один из них постарше, с сипловатым голосом, в тёмных очках, другой помоложе, красивый смуглолицый здоровяк спортивного вида. Я невольно, краем уха стал прислушиваться к их беседе.

Говорил в основном тот, что постарше. Они предлагали свои услуги в качестве представителей какого-то страхового агентства и просили, чтобы контора Норберто передавала им адреса фирм, объявляющих о своём банкротстве, для того чтобы они и т.д. и т.п. Умница Норберто тактично и терпеливо задавал им встречные вопросы, но сипатый мужик в своём деле был дока и мгновенно находил нужный ответ. Он сидел ко мне спиной, тот, что помоложе, - лицом ко мне и с безразличным видом рассматривал меня. Посетители обменялись с Норберто визитными карточками, раскланялись и отправились восвояси. Я взглянул на Норберто. Тот недоуменно пожал плечами, глядя вслед ушедшим. «Чудаки какие-то», - сказал он. Я насторожился. Не спеша встал из-за стола и, пройдя через машинописное бюро, вышел в коридор. В этот момент подошёл лифт, и оба наши посетителя, до этого стоявшие в коридоре, поспешили в него, хлопнув решётчатой дверью.

«Почему они так заспешили?» - подумал я. Подошёл лифт. Спустившись вниз, я вышел на ярко освещённую полуденным солнцем оживлённую авениду Корриентес. Было время ленча. Недавних

посетителей нигде не было видно. Может быть, зашли в кафе? Или в соседний подъезд? В их движениях я отметил некоторую суетливость. Может быть, мне так показалось? Скорей всего показалось. А почему Норберто пожал плечами? Ведь он тоже отметил необычность их поведения. А у него огромный опыт ведения переговоров. Неужели что-то не так? У входа в кафе стоял высокий сутулый мулат. Скользнув по мне безразличным взглядом, он стал смотреть куда-то по ту сторону авениды. (В ночь ареста он будет стоять за моей спиной во время первого допроса.) Взгромоздясь на стульчик у стойки бара, я не спеша выпил чашечку чёрного кофе, исподволь разглядывая посетителей кафе. Тех двоих здесь не было. (Но мои подозрения подтвердятся через несколько часов: те двое были сотрудниками контрразведки из группы захвата, и визит их был не чем иным, как визуальным контактом с объектом перед арестом.) Я вышел на улицу. Мулат, стоявший у входа, исчез. «Мало ли что может померещиться? - думал я. - Не шарахаться же от каждой тени? Если что-то есть, то это где-то проявится. Ведь аресту всегда предшествует длительная разработка. Однако осторожность никогда не помешает. Посмотрим, будет ли «хвост» за машиной».

Поднявшись в офис я взял пишущую машинку, сказав Норберто, что перед отъездом мне нужно поработать дома, и отправился по Корриентес до Нуэведэ-Хулио, где в конце авениды под сенью деревьев на платной стоянке стоял наш зеленовато-серый «Пежо-404». Сел в машину. Запустил мотор. С Нуэве-дэ-Хулио свернул на Ривадавию, затем через железнодорожный переезд - на авениду Сан-Мартин, через Федерико Лакросе - в Белграно, оттуда - в Палермо, выехал на Костанеру Норте (набережная Рио-де-ля-Плата) и лишь затем домой в Оливос. Похоже, что слежки всё же не было. По пути я миновал несколько «игольных ушек», которых у меня было предостаточно, и при наличии наружки я бы её непременно засёк. Если, конечно, они не установили «маячок» на машину, что позволяет вести на расстоянии.

«Веста» была дома с детьми. Старшая недавно переболела ветрянкой, её лицо всё ещё было в красных пятнах. После обеда немного постучал на машинке. Составил несколько деловых писем в Мексику, Колумбию и Венесуэлу. Стал собирать чемодан для поездки в Чили. Там, в Чили, готовились к выборам Сальвадоре Альенде, и Центр направлял меня с заданием, суть которого мне будет изложена на явке в Сантьяго. (Но явка не состоится, о характере задания мне не суждено будет узнать никогда.) «Веста» собирала на стол, готовясь к ужину. Младшая дочь уже спала, старшая смотрела по телевизору мультики. Вечер. Мы только что приняли радиограмму из Центра, и сразу после ужина собирались её расшифровать. Я направился было в ванную, когда с улицы по домофону позвонили. Я поднял трубку. Мужской голос. Спрашивают Гонсалеса. Я ответил, что никакого Гонсалеса здесь нет. Там, на улице, дали отбой,

- Что это ещё за Гонсалес? - спросила «Веста». - Разве у нас в доме есть такой?

- Может, кто из новых жильцов, - ответил я и вышел на балкон. С высоты пятого этажа была видна часть слабо освещённой улицы, на которой, как обычно, стояло несколько машин. По пустынной узкой улице медленно двигался полицейский джип: рядом - резиденция президента страны, и полицейский патруль явление обычное. Ничего подозрительного.

- Ну, пошёл мыться, - сказал я «Весте». - Через десять минут буду готов.

Я заканчивал принимать душ, когда в коридоре послышался какой-то неясный шум и сдавленный возглас. Занавеска в ванной резко отдёрнулась в сторону, и в глаза холодно уставился чёрный зрачок револьвера. Из-за шума воды я не слышал, как в квартиру ворвалась группа захвата.

- Руки за голову! - скомандовал молодой, белобрысый, вёрткий, небольшого роста парень, державший меня на прицеле. За его спиной коридор был забит вооружёнными людьми в штатском, среди них был один полицейский в форме, с автоматом «узи». Все они, вытянув шеи, лицезрели мою обнажённую фигуру, по которой всё ещё стекали струи воды. Перебросив револьвер в левую руку, белобрысый своей правой рукой перекрыл воду.

«38-й калибр - излюбленное оружие полицейских, действует безотказно, - машинально мелькнула мысль. - За кого же они меня принимают? Что это? Провал? А что же ещё? Случайность исключается?»

- Не вздумай шутить! Стреляю без предупреждения! - продолжал белобрысый хриплым голосом. - Пошли! - Он был в бежевой рубашке без галстука, в сером пиджаке нараспашку.

- Куда пошли? Не видишь, я весь мокрый!

- Лицом к стене! - приказал он. Я повернулся. Быстрыми резкими движениями он стал вытирать мне спину полотенцем. Из коридора крикнули:

- Быстрей!

- Вытирайся сам, да поскорей! - приказал белобрысый, бросая полотенце мне на плечо.

Я стал молча, не спеша вытираться. Мне некуда было спешить. Белобрысый поторапливал меня дулом револьвера под лопатку:

- Поторапливайся! Видишь, начальству некогда!

Я резко повернулся к нему. Он отпрянул, мгновенно вскинув свой 38-й, дуло которого снова уставилось в мою переносицу.

«Вроде как боится меня, голого, безоружного и беззащитного. Не смешно?»

- Сеньора! - крикнул кто-то в коридоре. - Одежду вашего мужа!

Подали одежду. Я оделся под дулами пистолетов.

Те, что в коридоре, тоже были с пистолетами на изготовку.

«А может, они приняли меня за террориста? Может, всё-таки что-нибудь перепутали?» Но уже в следующий момент мои надежды на недоразумение испарились.

Не успел я застегнуть последнюю пуговицу на рубашке, как белобрысый быстрым движением накинул мне на обе руки ремённую петлю и повёл меня по коридору в гостиную. Люди, заполнявшие коридор, расступились, пропуская нас. В квартиру тем временем продолжали входить люди в штатском. Их набилось уже человек двенадцать, не меньше. Среди них выделялись два рослых джентльмена с саквояжами из жёлтой кожи в руках. На ногах у обоих добротные американские ботинки на толстой подошве. Здесь же, в гостиной, прижавшись спиной к стене, стояли, обнявшись, жена и старшая дочь. Младшая, которой было девять месяцев, уже давно спала. Сон её через минуту будет прерван. Наша пятилетняя дочь взирала отрешённо на всё происходящее. Она не плакала. В её глазах не было ужаса или страха. Только печаль и недоумение. Обе смотрели на меня. Я им ободряюще улыбнулся, пока мне, сняв ремённую петлю, заводили за спину руки и надевали наручники.

- Это какое-то недоразумение, - сказал я им, сознавая, что эти люди знали, за кем пришли. - Разберутся и отпустят. - Надо же было их хоть как-то попытаться успокоить.

- Молчать! - приказал высокий, худой, смуглолицый с усами, в тёмном костюме, по-видимому, старший группы захвата. - Где оружие?

- Нет здесь никакого оружия, - отвечал я.

- Мы ведь всё равно найдём, - сказал он. - Вам же будет хуже.

Мозг сверлила мысль: плёнка с шифровкой среди белья, в платяном шкафу. Мы не стали её прятать понадёжнее, ведь через полчаса собирались её расшифровывать. А отчёт в Центр, фотокопия с которого уже ушла? Да, серьёзные компроматы.

Я пожал плечами. Двое с саквояжами держались особняком, стояли молча, ни с кем не общаясь. «На аргентинцев не похожи, - думал я. - Кто они? Оба молчат, чего-то ждут. Они-то, наверное, и будут проводить обыск. Спецы из ФБР? Из ЦРУ?» В доме стояла гробовая тишина. Меня вели, крепко держа с двух сторон под руки, затягивая вокруг шеи пиджак, так чтобы не было видно лица. «Арест пытаются скрыть от окружающих. Девять вечера, улицы безлюдны, никто и не увидит ничего». Меня впихнули в машину, стоявшую у подъезда, уложили на заднем сиденье, куда сели ещё двое, плотно прижав меня к спинке. Пиджак сдёрнули с головы, а то бы я наверняка задохнулся. Машина рванула с места. С начала операции по аресту прошло не более десяти минут.

«Спешат, - думал я. - Наверное, оставят засаду. Неужели моих тоже заберут?» Ехали около получаса. Может, чуть больше. В машине непрерывно работала рация. Старший группы поддерживал постоянную

связь с хефатурой [38]. Что-то вполголоса докладывал. Слов не мог разобрать. Мы остановились. Меня вытащили из машины. Пиджак свалился с головы, и, пока мне его снова нахлобучивали, один из сопровождавших, худощавый, смуглолицый, к моему удивлению слегка сжал мой локоть, когда вблизи никого не было, негромко произнёс: «Не робей!» Я промолчал. «Что это? Друг? Провокатор? Вряд ли здесь может быть друг», - думал я. Поддерживая под руки, меня куда-то ведут. Поворот. Ещё один. Лязгнул засов. Заскрипела ржавыми петлями дверь. С меня сняли наручники, сдёрнули с головы и отдали пиджак. Оглушительно грохнула стальная дверь, лязгнул засов, и я оказался в тёмном каменном помещении с только-то политым водой бетонным полом. Слабый свет проникал через решётчатый проём высоко над дверью. В этом каменном мешке размером примерно 1 х 2 метра абсолютно ничего не было. Похоже на карцер. Присев на корточки, стал раскачиваться взад-вперёд, обдумывая своё положение.

Ошибка с их стороны исключается. Какая уж тут ошибка? Группа захвата действовала уверенно, профессионально. Знали, кого берут. А кого? Террориста? Мафиози? Контрабандиста наркотиками? Чёрт, какой холод! Меня бил озноб. Как же унять эту дрожь? Вскочил на ноги. Сделал несколько приседаний. Стало легче. Прокол с нашей стороны? Но где? Когда? В какой момент? В голове молниеносно прокручивались ситуации, имевшие место за последние годы. Пропавшая осенью 1967 года в тайнике закладка? Скорей всего - это. Да, это она! Но ведь с тех пор прошло ровно три года. Ну и что? Последняя поездка «Весты» в Союз? Тоже может быть.

Прошло всего три недели после её возвращения. Возможно была зацепка при пересечении границы, которая затем притянула «хвост». Но почему сразу - арест? «Хвост» сам по себе ещё не повод для ареста. Почему? Признаков разработки как будто не было. Или проворонили? Наружка? Подвод агента? Настораживающие моменты? Хотя вчера, когда «Веста» шла на курсы журналистики, она обратила внимание на двух типов, стоявших на углу нашей улицы рядом с переездом через линию городской электрички. Мы с «Вестой» обсуждали этот момент. «Похоже, что наружка, - сказал я ей тогда. - Если это разработка, то это должно где-нибудь проявиться». Всего лишь два дня тому назад я проводил очередную тайниковую операцию по связи с Центром. Проверялся тщательно, в вечернее время, и был уверен, что слежки не было. Так где же истина? Что делать? А почему это Луис во время отсутствия «Весты» спрашивал, пишет ли она из Европы. Я тогда сказал ему, что получил открытку и ожидаю телеграмму о её приезде. А если моя корреспонденция была на контроле? И спецслужба убедилась, что никакой открытки не было и в помине? Была только телеграмма «Весты» из Цюриха, извещавшая о вылете самолёта. Так, может, всё же Луис? Или Игнасио? Ладно! Спокойно! Подождём первого допроса, а там будет видно.

---

[38]Хефатура - управление (от слова «хефе» - начальник (исп.).

Лихорадочно прокручиваю в уме отступной вариант легенды-биографии. В Центре «Весте» сказали, что уже пришло время отказаться от этого варианта. Но это на случай переезда в США, когда вступит в действие настоящая биография, отработанная в Аргентине. Но ведь мы ещё пока здесь? В другой стране - да, но здесь? В каменном мешке под открытым небом было ужасно холодно. После ванны голова и спина всё ещё были мокрыми. Пробирал жуткий озноб. Во дворе слышались какие-то вопли, лязг стальных дверей, крики охранников. Душераздирающий женский крик. Плач ребёнка. Похоже, девочки. Неужели моя? Что с ними? Вполне возможно, что и они здесь. (В этом я не ошибся.) Слышатся удары в стальную дверь, сопровождающиеся криками: «Гуардия! Гуардия!!» [39].

Я тоже стал бить ногой в железную дверь и звать охранника, так как ужасно, до рези хотелось в туалет. Никакого ответа. Пришлось справить малую нужду прямо на мокрый бетонный пол. Чтобы хоть как-то согреться, попытался делать гимнастику. Потом, присев на корточки, стал снова раскачиваться взад-вперёд. Прошёл час, а может, два. Дверь с лязгом распахнулась, и вошли трое. Нахлобучили мне на голову чёрный вонючий мешок из плотной ткани, надели наручники, взяли меня за локти и повели через двор, затем по узким крутым ступеням куда-то на второй этаж. Пройдя по коридору, останавливаемся. Сдёргивают с головы мешок. В глаза ударяет ослепительный свет. Меня привели в небольшое недостроенное помещение с окнами без стёкол и серыми бетонными стенами. В углу, на бетонном полу куча строительного мусора. Холодно. Наверное, градусов 7-8 тепла. У каждого окна по охраннику. А вот и тот сутулый высокий мулат, которого я видел сегодня в полдень у входа в кафе на авениде Корриентес. У стены стоит стол. Над столом свисает с потолка яркая лампочка. Прямо на шнуре лампочки висит микрофон, шнур его тянется куда-то в коридор.

Меня сажают на стул. Снимают наручники. За спиной тотчас становится мулат. Вошёл мордастый, плотного телосложения мужчина лет тридцати с гаком, в цветастой модной рубашке, без галстука, в твидовом коричневом пиджаке. Садится напротив на стул.

- Ну, что, товарич, будем говорить? - спрашивает он, ласково улыбаясь. Он так и сказал: «товарич», что означало «товарищ» - родное русское слово. Мозг прошила мысль: «товарищ!» Это уже информация к размышлению. Почему же сразу привязка к Союзу? Они так уверены, что я русский? Почему? Можно было бы отказаться отвечать, ссылаться на Аргентину, окажись мы в другой стране! Но сейчас? Сразу в лоб - «товарищ!». Это приём - в лоб!

- Что вы имеете в виду? - спросил я, делая вид, что не понимаю, о чём речь. - Ну, «товарич», дальше что? На каком основании вы...

- Не валяйте дурака! Вы отлично знаете, что я имею в виду: вы - русский шпион! (Именно русский, не советский.) Мы давно о вас всё знаем. Так что в ваших же интересах будет нам рассказать всё: адреса,

[39]Гуардия - часовой (исп.).

явки, шифры, связи. Всё! Это - для начала. («Ого, ни много ни мало! Да, они знают, кто я. Что ещё они знают? Это - провал. Надо потянуть время, прийти в себя».) Не скрою, что я ещё находился в состоянии шока.

- Понятия не имею, о чём вы говорите, - ответил я.

Следователь встал и вышел в соседнее помещение. Я видел, оглядывая комнату. «Окна, хоть и без стёкол, но отсюда не убежишь: следят за каждым моим движением», - думал я. Понимал, что моя песенка спета и надо что-то предпринять. Бежать? Бежать! Не сидеть же здесь? Но как там мои? Где они? Бросить их на произвол судьбы? Разве не я подвёл их под удар? Пропадут без меня. В голове мысли стремительно сменяли одна другую.

Вернулся следователь.

- Как вы реагируете на психотропные препараты? - спросил он после паузы. И он назвал препараты.

- Никогда не слышал об этих препаратах. (Хотя знал, что эти психотропные вещества применяются при допросах, приводя заключённого в невменяемое состояние, в котором он начинает болтать всё, что угодно.) Почём мне знать, как я буду на них реагировать. И что это за препараты, почему это вас интересует?

Ответа не последовало.

- Так, значит, вы ничего не хотите мне сказать? - спросил он с кривой улыбкой.

- Мне нечего вам сказать по поводу ваших абсурдных домыслов.

- Абсурдных, э? - сказал он, прищурившись. - Ну-ну. Посмотрим-посмотрим. Уведите, - приказал он охранникам. - Советую подумать. У вас жена и дети. А они здесь. Прежде всего подумайте о них. Никто, кроме вас, не сможет их защитить. Только вы. Вы меня поняли? Только вы!

«Как не понять? - думал я. - Всё предельно ясно». Мне снова накинули на голову чёрный мешок и повели по узким каменным ступеням вниз в ту же камеру. Пока пересекали асфальтированный двор, снова раздался душераздирающий крик ребёнка. Затем ещё и ещё. Крик затих. Затем вопль женщины. «Неужели мои? - подумал я. - Вряд ли. Может, прокручивают магнитофонную запись?» В железные двери камер колотили, отчего стоял сплошной грохот. Слышались мужские и женские голоса, ругань охранников. Я снова сидел на корточках и, раскачиваясь взад-вперёд, размышлял: «Какая наглость! Сразу назвать меня русским шпионом можно только после длительной разработки либо по наводке. Иначе почему - именно русский шпион, а, скажем, не польский, не румынский, не чешский, а именно - русский? У меня что, на лбу написано, что я русский? Потом: даже если они и нашли закладку, потерявшуюся в тайнике в 1967 году, и вычислили меня по отпечаткам пальцев, это ещё не доказательство, что я русский. Шпион - да, но почему именно русский? Текст-то в утерянной закладке был написан на испанском языке и не содержал ни одного русского слова.

Нет, здесь что-то не так. Похоже, что в их руках какая-то достоверная информация. Уж очень уверенно они себя ведут. Предательство? Невероятно! В каком месте? А несчастный случай с той девочкой?! Ведь это было совсем недавно, три недели тому назад. Если бы уже тогда велась разработка, разве контрразведка упустила бы такой блестящий шанс на перевербовку разведчика, попавшего в дорожное происшествие? Да они бы эту бедную девочку не пожалели, лишь бы загнать меня в угол. Или же спрятали бы её где-нибудь и сказали, что умерла. Если бы мы находились тогда в разработке, они через свою агентуру знали о каждом нашем шаге, и уж это дорожное происшествие не ускользнуло бы из поля зрения спецслужб. Мной, по-видимому, занимается СИДЭ, это вне всяких сомнений. А те два рослых мужика, по одежде отличавшихся от местных, что вошли в квартиру последними? Твидовые пиджаки, ботинки американского производства на толстой подошве. Может, здесь и ЦРУ работает? Может, и информация от американцев? Предательство? Глупости! Не могу в это поверить. Не могу! Где-то, судя по всему, сами «наследили». Перебирал в голове все мыслимые моменты, где бы мы могли засветиться. Моментов, конечно, много, и каждый может тянуть на «засветку». Но «русский шпион»?! Это уж слишком! А почему он меня не уликами - да по голове? У них что, улик нет? Небось обыск идёт вовсю, и он дожидается, что принесут улики, и тогда он меня... А пока ведь - ничего. «Русский шпион», да и только. Признавайся, а то душа из тебя вон!

Снова загремел засов, отворилась скрипучая дверь. Снова трое охранников. На улице ещё тёмно. Камеры во дворе располагались в нём в виде буквы «П». Вон та лесенка, по которой меня водили. Тусклое освещение. Полицейский проводил меня в загаженный туалет. Затем охранники снова напялили мне на голову свой вонючий мешок и повели наверх. «Для устрашения, что ли? - подумал я. - И что они с этим паршивым мешком носятся? Дышать нечем».

Снова привели в прежнее помещение. Усадили на тот же стул. Вошёл здоровенный, среднего возраста рыжий мужик в тёмных очках. «Прямо мясник какой-то, - подумал я. - Главный палач, что ли? Сейчас пугать будет». Упёршись огромными волосатыми кулаками о крышку стола, он изрёк:

- Мы о вас знаем всё! Вы напрасно запираетесь! У нас есть доказательства, что вы русский шпион. Мы давно за вами следим, и нам известны все ваши связи. Говорите! - сказал он угрожающе хриплым голосом, наклонившись ко мне над столом. У окон по-прежнему стояли дюжие охранники.

- О чём же говорить, коли вы и так всё знаете? И потом, о каких таких доказательствах изволите речь вести? Давайте их. Где они? Вы же всё обо мне знаете.

- Опасно шутить изволите, - прохрипел он. - То, что у нас есть... да, то при нас Не забывайте: в стране военный режим, и мы можем сделать с вами всё, что нам заблагорассудится. В наших руках ваша жена и дети.

Они здесь. Ваша жена нам уже всё рассказала. Она молодец. Умная. Но если вы будете продолжать упорствовать, то мы пытать, конечно, будем, но сначала не вас. Нет, не вас! Пытать будем ваших детей на глазах у вас и у вашей жены. А тогда посмотрим, что вы предпочтёте: говорить или иметь психически и физически изувеченных детей и ненормальную жену.

А ведь она у вас вон какая красивая. Вы же не допустите, чтобы её отдали в казарму солдатам? И если я вас не убедил, это приведёт лишь к тому, что мы вас всех в конце концов прикончим и сбросим в какую-нибудь яму на свалке за городом, с детьми вместе. Вы проиграли. У вас нет выхода. Говорите, а то будет худо! Это я вам обещаю. Вы понимаете? Ваша игра окончена! И забудьте о том, что вам помогут. Забудьте! Не помогут вам! Вас предадут забвению. Никому вы не нужны! Никому! А кроме того, мы объявили вас перебежчиком, предателем!

«Эко разошёлся! - думал я. - Подумал бы, что блефует, если бы не десятки людей, бесследно исчезнувших».

Этих пропавших без вести после 1976 года, когда был вторично свергнут перонистский режим, насчитывались тысячи. Военный режим уничтожал оппозицию физически.

- Даю вам полчаса на размышления, - сказал он. - Уведите его.

И снова чёрный мешок, снова та же камера, не камера - карцер. Во дворе не умолкал плач ребёнка. Он то становился сильнее, вплоть до хрипоты, то затихал.

«Играют на нервах, сволочи, - думал я. - Первая стадия завершена. Необходимо принимать какое-то решение. Ситуация, как говорят у нас, неприятная. Пренеприятнейшая. В США или в Англии потребовал бы адвоката. Хотя и там бывают ситуации - не дай, не приведи, но уж детей-то... А здесь, в католической стране... Жену в казарму... Хороши католики!.. Детей в яму... «Веста» заговорила... Брехня! Одно очевидно: у них в руках достоверная информация - русский шпион в Аргентине! Приехал из Москвы подрывать устои аргентинского общества! Русский шпион! Что ещё им известно? Похоже, что улик пока нет, а это что значит? Что у них информация, полученная из какого-то надёжного источника. Почему арест? Накануне поездки в Чили? А может, я их чем-то напугал? Только-только начали разработку, а объект уже смывается? Если начнутся пытки, методы их известны. Начнут пичкать всякой дрянью. Потеряю контроль над собой. А если детей? Вряд ли. Блефуют.

Следует ли доводить до этого, чтобы терять контроль над собой? «Пикана электрика»: раздевают догола. Руки сзади в наручники, ноги связывают, клеммы от магнето - к языку и к половым органам, кладут на бетонный пол, обливают водой и дают серию электрических разрядов. Объект пытки бьётся в мучительных судорогах, извиваясь на мокром холодном бетонном полу. Разряды следуют один за другим. Десять минут, полчаса, час... Потом - невменяемость. Затем - ведро ледяной воды, и всё заново. Врач контролирует состояние заключённого. Всё это в деталях описывалось в демократической печати. Ясно одно: необходимо

принимать решение. Решение нелёгкое. Возможно, неверное. Решение на двойную игру. В чём-то придерживаться основной легенды, в чём-то - отступного варианта, предусмотренного на случай ареста. В ходе допросов будет ясно, что именно известно противнику. Насущная задача: а) сообщить в Центр о случившемся; б) убедить СИДЭ, что наша цель - США, а никак не Аргентина. После Чили я должен был поехать в США, с заданием: узнать о судьбе куда-то исчезнувшего агента; в) нашей работе здесь - конец. Поэтому необходимо попытаться выбраться отсюда домой. Всем вместе! Если удастся. Я вовлёк моих во всё это, мне и выручать. Итак, домой! Только домой! А пока - небо в крупную клетку.

В кризисной ситуации время спрессовывается в мгновения. Будь я один, я бы с ними по-иному беседовал. Или молчал. Но... Разрабатывая отступной вариант легенды, Центр учитывал возможность ареста и что у противника есть средства и методы, чтобы заставить заговорить любого. Отступной вариант для того и придумывается. Но... по этому варианту я фигурировал как простой агент. Здесь же они уже спрашивают, в каком я звании. Они знают, что я офицер. Значит, всё же наводка? И наводка точная. Выдающийся разведчик Рудольф Абель вспоминает, что когда на первом допросе сотрудник ФБР назвал его полковником советской разведки, то он сразу понял: это - предательство. И не ошибся.

Но я в тот момент факт утечки информации из Центра невольно отодвигал на второй план, больше связывая наш арест в первую очередь с недавней поездкой «Весты» в Союз. Моя мысль мучительно билась именно вокруг этого: «Весту» могли вести через всю Европу. Могли фиксировать моменты постановки «Вестой» сигналов о прибытии-убытии и прочее.

И в то же время... Два года тому назад я вёл деловую беседу с генеральным директором фирмы, с которой намеревался завязать деловые отношения, как вдруг этот ещё совсем не старый бизнесмен, прервав наш разговор, внезапно задаёт вопрос: «А вы - русский?» У меня, конечно, душа в пятки, но виду не понял, а лишь спросил на испанском:

- Как вы сказали?

- Нет-нет, я так. Мне показалось. Это не важно. «Ничего себе, не важно! - думал я. - Ведь у этого типа осталась моя визитная карточка, и если он связан со спецслужбами, то меня запросто могут взять в разработку».

С этим бизнесменом я больше не встречался, он же со своей стороны делового интереса ко мне не проявил. Я немедленно разыскал преподавательницу-дефектолога, и в течение года после упорных занятий она поставила мне довольно сносное кастильское произношение, а главное, правильную артикуляцию. Я полагаю, что именно артикуляция, характерная для русского языка, спровоцировала этот крайне неприятный для меня вопрос.

По роду своей деятельности мне приходилось общаться со многими людьми деловой среды. Среди них, конечно, были и агенты спецслужб, которые могли что-либо заподозрить. Но... эта внезапность. Внезапность

ареста обескураживала и больно задевала самолюбие. Прошляпил разработку! Подвёл своих товарищей, приложивших столько усилий для нашего вывода за рубеж! Подвёл старика Пал Ксаныча, нашего наставника и парторга в 101-й. Он меня рекомендовал на нелегальную работу. Какой позор! Может, зря я пошёл на нелегалку? Надо было держаться от этой работы на расстоянии пушечного выстрела. Не оправдал я надежды своих товарищей, руководства. Притча сбылась: засмолились-таки мои крылья, вот и не взлетел. В лужу сел.

«В любой момент можно вынести из здания целый ворох секретных документов, и никто даже не остановит», вспомнились слова нашего куратора по 1967 году Геннадия Савельевича. «Может, его слова оказались вещими и действительно кто-нибудь что-то вынес, и в результате мы здесь, за решёткой в темнице сырой. А может, упал самолёт с диппочтой и мой отчёт попал противнику в руки, к аналитикам ЦРУ (я знал, что спецслужбы Аргентины тесно сотрудничают с ЦРУ и ФБР), и они смогли меня вычислить. Или разбилась машина с диппочтой. Случилось же такое в Каире во время моей первой командировки. Мне пришлось тогда ухаживать за раненым дипкурьером.

А может, ниточка тянется ещё из бара? Может, кто-то из немцев всё-таки нас расколол?»

И всё же... внезапность ареста... Прошло более двух десятков лет, прежде чем нашлось объяснение этому. Напрасно я мучил себя догадками. Всё оказалось предельно просто. Незадолго до нашего ареста предатель Гордиевский выдал в одной из стран Западной Европы супружескую пару нелегалов Т. и Г. с двумя малыми детьми. Ожидался и третий. Они обнаружили, что за ними ведётся наблюдение. На этой почве у нелегала Г. развилось психическое расстройство. Когда их разработка спецорганами противника стала очевидным фактом, жена Т. приняла на себя всю ответственность и предприняла решительные необходимые меры: была прекращена всяческая связь с Центром, уничтожены улики, шифры, средства связи. Под видом поездки на отдых нелегалам вместе с детьми удалось в какой-то момент оторваться от контрразведки противника, покинуть страну пребывания, выехать в одну из стран Ближнего Востока, где Т. поместила Г. в психиатрическую клинику на излечение, сама она родила третьего ребёнка, после чего, уже с нашей помощью, они смогли перебраться в Союз через третью страну. Дальнейшая судьба их покрыта тайной.

Вот почему мой намечавшийся (внезапный для спецслужб) отъезд в Чили вызвал такой переполох и они решили, что мы что-то заподозрили, и расценили мой отъезд в Чили как преддверие того, что проделали Т. и Г., когда заметили, что по их следу идёт контрразведка. Предатель, очевидно, обратил их внимание на то, что квалификация наша достаточно высока, чтобы не заметить слежку, как бы искусно она ни велась.

Короче говоря, они решили не рисковать и провести арест в расчёте на то, что можно будет оказывать давление через детей и жену. А тем временем... Необходимо постараться утаить всё, что можно: адреса, явки,

факт обучения в разведшколе, объекты и конспиративные квартиры, где проводилась индивидуальная подготовка. Скрыть факты индивидуальной подготовки «Весты» и то, что она офицер, выдать её за просто привлечённую к нашей службе. Рассказать то, что, по всей вероятности, противник уже знает от перебежчиков, в том числе из среды нелегалов.

Учитывая, что допросы будут повторяться, указывать одни и те же фамилии товарищей, с которыми я учился в институте (все фамилии мною были даны подлинные, только принадлежали они моим товарищам не по разведке, а по семилетке и по средней школе, где я учился).

А тем временем...

Рассказ «Весты»

Наступил довольно прохладный октябрьский вечер. Маленькая уже спала. Старшая играла в куклы. Приняв очередную шифровку из Центра, мы после ужина собирались сё расшифровать. Плёнку вместе с приёмником положили на дно шкафа. Я накрывала на стол. «Вест» собирался было пойти в ванную, как вдруг позвонили из подъезда по домофону и спросили Гонсалеса. «У нас вроде такого нет», - задумчиво сказал «Вест» и вышел на балкон.

На улице тускло светил фонарь. С высоты пятого этажа просматривалась вся улица. Ничего необычного. Там и сям вдоль улицы стояли машины. Вот медленно проехал джип с полицейскими и завернул за угол. «Ну, это обычное патрулирование, поскольку рядом резиденция президента», - подумала я. Но, как выяснилось позже, это было не просто обычное патрулирование. Нам впоследствии стало известно от охранявших нас сотрудников СИДЭ, что полицейский патруль был вызван охраной президента, которой сообщили о подозрительном скоплении машин с людьми неподалёку от президентской резиденции. За углом, уже вне поля нашего зрения, люди в штатском, выйдя из машины, предложили полицейским убраться из переулка и продолжать заниматься своим делом. Мы с балкона видели лишь, как джип выехал обратно из переулка и так же медленно двинулся дальше по улице. Понаблюдав ещё немного за улицей и не обнаружив ничего необычного, я пошла укладывать старшую дочь, а «Вест» пошёл в ванную.

Минут через двадцать в дверь позвонили.

- Кто там?

- Это я, Мигель, ваш дворник, сеньора. У меня к вам срочное дело. Откройте. Я вам всё объясню.

Голос действительно принадлежал дворнику. Он по разным поводам заглядывал к нам. Но едва я приоткрыла входную дверь, как она резко, одним ударом, распахнулась, отбросив меня к стене. В квартиру вломилась целая орава мужчин с оружием в руках, у одного, в полицейской форме, был даже автомат.

- Где муж? - спросил один из них, приставив мне к виску пистолет.

- Там, - машинально сказала я, указав на ванную.

Меня грубо оттолкнули в сторону и по коридору бросились к ванной. Через несколько секунд потребовали одежду мужа. Затем его вытащили из ванной со связанными руками и привели в гостиную. Мы со старшей дочерью, прижавшись друг к другу, стояли, прислонясь к стене гостиной, и в оцепенении смотрели на всё происходившее. А в квартиру всё входили и входили люди. Их уже было, наверное, человек пятнадцать. Двое из них, судя по манерам и одежде, смахивали на иностранцев. Возможно, это были американцы. Они молчали. Похоже, не знали языка. В руках у них были большие саквояжи из жёлтой кожи. Сняв ремень, которым были связаны руки мужа и заведя ему руки назад, они надели наручники, после чего накинули на голову его пиджак и вывели из квартиры. Несколько человек вышли следом.

- А что с сеньорой?! - крикнул кто-то вдогонку уходившим.

- Забирай их всех! - ответил из коридора тот, кто, очевидно, был старшим, хотя говорил он, как мне показалось, с акцентом, характерным для американцев.

- Как, всех? И детей тоже?! - спросил тот же голос.

- Я сказал - всех! Женщину и детей! Что тут непонятного? Привезёте всех туда же!

«Что же они, до сих пор не знали, забирать меня с детьми или не забирать?» - подумала я.

- Будет исполнено, шеф.

- Оружие есть? - спросил старший из тех, кто остался, высокий, смуглолицый брюнет с тщательно ухоженными усами.

- Нет, откуда у нас оружие?

- Одевайте детей и собирайтесь. Поедете с нами.

- Куда это я с вами поеду в такое время? Да ещё с детьми? Им спать надо.

- Молчать! Собирайтесь! Быстро!

- Пойду оденусь, - сказала я.

Юркнула в спальню и захлопнула дверь перед самым его носом, повернув ключ в замке.

- Сеньора, откройте! Откройте сейчас же! - он стал барабанить в дверь.

- Мне нужно переодеться! Вы что, не понимаете? Извольте подождать! Хамство какое!

Я кинулась к магнитофону, находившемуся в шкафу, сняла с него магнитофонную бобину с записью радиограммы. Засунув бобину под

нижнюю одежду, я стала одеваться. В дверь непрерывно барабанили. Сейчас её сломают.

А в гостиной за деревянной декоративной обшивкой хранился наш последний отчёт Центру, фотокопия которого была позавчера передана через тайник. Дело в том, что однажды при проявлении плёнка одного из отчётов была испорчена и нас попросили повторить отчёт, а это около пятидесяти страниц текста! Поэтому мы не уничтожали оригинал, пока не получали подтверждение, что отчёт прочитан. Подтверждение, как правило, приходило через сутки. Кроме того, в тайнике на кухне хранились 5000 долларов.

- Сеньора! Откройте немедленно! Иначе выломаем дверь! - бесновался брюнет с усиками. Но ломать дверь всё-таки не решился, хотя дверь открылась бы от удара ногой. Я открыла дверь, и он ввалился в спальню, ошалело озираясь.

Я вышла и стала собирать детей. Маленькая уже проснулась и хныкала, старшая держалась мужественно и с достоинством в присутствии стольких чужих дядей. Как впоследствии выяснилось, она запомнила многие детали. Ведь ей уже было около шести лет. И многие годы ей приходилось потом объяснять, что мы были на Кубе, с нами произошло недоразумение и что дяди с револьверами забрели к нам по ошибке. Я одела детей и вышла в гостиную, когда в дверь позвонили. Вся попрятались в коридор, один стал за дверью, у всех оружие на изготовку. Один из группы захвата широко распахнул дверь.

- Проходите, - сказал он, приветливо улыбаясь, держа пистолет за спиной.

Как только человек вошёл, его тотчас окружили вооружённые люди и обыскали. Это был наш приятель Серхио, владелец турбюро, родственник нашего друга Игнасио. Он принёс билет на самолёт в Чили, ведь «Вест» должен был улететь на следующий день. Растерянная улыбка застыла на его круглом добром лице.

- Видишь, Серхио, какой тут у нас театр? - сказала я ошарашенному Серхио, молодому, но уже лысоватому парню. - Но всё это недоразумение, скоро во всём разберутся и нас отпустят.

Он продолжал молчать, очевидно, находясь в состоянии лёгкого шока.

Через минуту нас вывели, его же оставили в квартире. Серхио был последним из наших знакомых, кто видел нас, и был фактически единственным свидетелем нашего ареста. В доме никто так и не видел, как нас увели. Утром, когда его отпустили, он, несмотря на запрет, рассказал нашим друзьям о случившемся. Луис пошёл прямо к начальнику Федеральной полиции, с которым был знаком, чтобы прояснить нашу судьбу или хотя бы позаботиться о детях. Его вежливо послали куда подальше и велели помалкивать о том, что ему известно. Это всё мы выяснили потом в процессе общения с охранниками и с американцами тоже. Ведь мы находились в их компании пятнадцать месяцев и нас они уже принимали за своих.

В сопровождении двух агентов контрразведки мы вышли на лестничную площадку и пошли к лифту. Малышку я несла на руках, старшую дочь вела за руку

В доме царила мёртвая тишина. На улице у подъезда стояла чёрного цвета машина с зашторенными стёклами. Нас посадили в машину. Ехали довольно долго. Наконец, остановились у одноэтажного здания, перед входом в которое стоял полицейский с автоматом. По-видимому, это был полицейский участок. Одет полицейский был в форму полиции провинции Буэнос-Айрес. Нас ввели в какое-то помещение, напоминавшее приёмную, но совершенно без мебели, и велели сесть прямо на паркетный пол.

Через некоторое время в комнату вошёл лысоватый, смуглый маленький человек с тоненькими, аккуратно подбритыми усиками-шнурочками. Его чёрные, как маслины, влажные глазки злобно уставились на нас

- Вы знаете, почему вы здесь? - спросил он высоким резким голосом.

- Нет, сеньор, понятия не имею.

- Вы - русские шпионы, которые приехали в нашу страну заниматься подрывной деятельностью.

- Никакие мы не шпионы, я понятия не имею, что вы такое говорите.

- Допустим. Но вы использовали нашу страну для ведения своей шпионской деятельности, не так ли?

- Помилуйте, о какой такой ещё деятельности вы говорите? У меня дети.

- Вам лучше сказать все правду! Ваш муж нам уже всё рассказал. Он во всём признался, и будет лучше, если вы тоже всё по-хорошему расскажете.

- Что значит - по-хорошему? Что, может быть ещё и по-плохому?

- Да! Может! Для начала мы у вас на глазах будем пытать ваших детей. А затем и за вас примемся.

- И ваша католическая вера вам это позволяет?

- Оставьте в покое нашу веру! Она не про вас, атеистов-материалистов! Бог нас простит, если речь идёт о Родине.

- Даже пытать детей?

- В интересах дела - да. Наша вера позволяет это.

- Ничего я говорить не буду, пока не увижу мужа.

- Вы этим только осложняете своё положение. Пеняйте потом на себя, - сказал он и вышел. Мы продолжали сидеть на холодном полу. В дверях стоял охранник.

Я попросилась в туалет. Дежурный полицейский проводил меня. Сначала я сводила девочек, затем пошла сама. Полицейский всё это время торчал в дверях туалета.

- Ну, будьте же джентльменом! - сказала я. - Отойдите хоть на минутку. Ведь я женщина, как вам не стыдно!

Полицейский отошёл. Вынув бобину с плёнкой, я разломила её, выбросив обломки в урну, а плёнку пыталась спустить в унитаз. Но плёнка, превратившись в «бороду», никак не хотела тонуть. Преодолевая отвращение, забравшись рукой в осклизлый вонючий унитаз, я вытащила плёнку и засунула её в заплёванную урну, прикрыв кучей использованной туалетной бумаги и прочего мусора. Плёнку эту так и не нашли. Если бы спецслужба вела записи радиосеансов «Центр - «Весты», то при наличии шифров эту радиограмму они смогли бы прочитать. А ведь там, очевидно, были последние инструкции по Чили и США. Возможно, и адреса, явки, имена. Возможно, давались координаты нашего агента, исчезнувшего в Хьюстоне.

Нудно и долго тянулось время. Снова приходил тот худой и злющий и снова угрожал. Я продолжала молчать. Утром он пришёл ещё раз, на тонких губах его играла ироническая улыбка.

- Ну вот, я же говорил вам, что ваш муж во всём признался, - сказал он. - Он проявил благоразумие.

- Я хочу его видеть.

- Не сейчас. Ведь вы познакомились с вашим мужем на свадьбе в ресторане «Пекин» в Москве, не правда ли?

Я поняла, что «Вест» действительно начал говорить.

- Это ещё ничего не значит.

- Мы заставим вас заговорить, не сомневайтесь, - сказал он и вышел.

Через полчаса нас перевели в другую комнату, тоже без окон, но здесь хоть было чисто и стояла железная койка казённого образца, заправленная грубым солдатским одеялом. Наконец-то я с детьми смогла хоть немного прилечь. Я потеряла счёт времени, поскольку в комнате, где мы находились, не было окон, только горел ослепительно яркий свет. Но когда вошёл дежурный полицейский, я увидела сквозь открытую дверь, что на улице уже было светло.

Только что заступивший на дежурство полицейский в форме мышиного цвета провинции Буэнос-Айрес оторопело таращился на нас.

- Надо бы хоть что-нибудь дать детям, - сказала я. - Они с вечера ничего не ели.

Вскоре он принёс молоко, которое вскипятил в грязном, помятом алюминиевом чайнике с накипью в палец толщиной, и хлеб. Я поблагодарила его и жестом показала, не помог ли бы он нам отсюда

выбраться. Я бы в долгу не осталась. Он также красноречивым жестом мне ответил, что его за это вздёрнут на виселице.

Вскоре за нами пришли. Во дворе стоял закрытый полицейский джип, который доставил нас в тюрьму, где находились одни женщины. Нас поместили в отдельную камеру, выкрашенную ослепительно белой краской, где день и ночь горел яркий свет. Собственно, не камера, а комната. В сопровождении суровой надзирательницы мы могли выходить на прогулки в крохотный внутренний благоустроенный дворик с застеклённой крышей. Кормили довольно сносно. Мясо и макароны. Макароны и мясо. Никто больше к нам пока не приходил. Я понимала, что «Вест» пытается облегчить наше положение, принимая всё на себя.

Так прошло две недели. А может быть, и все три. Я потеряла счёт времени. Однажды вечером нас вывели из тюрьмы, посадили снова в чёрный лимузин и куда-то повезли. Сопровождал нас тот самый офицер, что ломился тогда в спальню во время ареста.

- Вы понимаете, сеньора, ваш муж отмочил такой номер, что ни в какие ворота не лезет. Уж и не знаем, что с ним делать. Он пытался сообщить в прессу о вашей ситуации, а когда мы на него насели, он ещё имел наглость заявить, чтобы мы занимались своим делом, а он-де будет - своим. Тем самым он усугубил ваше положение, да и своё тоже.

Нас везли довольно долго по незнакомым улицам Большого Буэнос-Айреса. Наконец машина въехала во двор маленькой виллы с мезонином под красной черепичной крышей. Нас встречала охрана, состоявшая из четырёх молодых людей в штатском. Они проводили меня и детей в изолированную комнату с отдельным туалетом, которая должна на довольно долгое время стать местом нашего заточения. Вначале режим был ужасно строгий. Из комнаты не разрешали выходить. Затем, по моей просьбе, стали выводить детей на прогулки во дворик. Потом и мне разрешили гулять с ними. В первые дни на кухне управлялись сами охранники, довольно молодые парни, но пища, которую они готовили, не подходила для детей, и я попросила их, чтобы мне предоставили возможность готовить для детей отдельно. Так я стала вхожа на кухню и иногда готовила на всех, молодым ребятам это очень нравилось. Сами же они с удовольствием мыли посуду. С неделю никто не приезжал. Никаких допросов. Никого. Все эти дни я ломала голову, думая о том, как всё это у нас произошло. Арест был внезапным. А предшествовала ли ему разработка? Если да, то разработка была, по-видимому, в самом начале. А не вызван ли арест намечавшимся отъездом «Веста» в Чили? Но ведь он от своего окружения не скрывал, что собирается в Чили. За день до ареста произошли два эпизода, на первый взгляд незначительных, о которых я рассказала «Весту».

Первый эпизод состоял в том, что, направляясь на курсы журналистики, на углу улицы я обратила внимание на двух молодых людей, которые, когда я проходила мимо, стали демонстративно смотреть в другую сторону. Одеты они были не так, как обычно одеваются аргентинцы. Наверное, иностранцы. Возможно, американцы. Я ведь была

далеко не уродом, и мужчины, как правило, на меня заглядывались и даже отпускали вслед комплименты и цокали языком. А эти двое отвернулись. Чисто механический рефлекс сотрудников наружного наблюдения: ведь если не смотрит на объект, то объекту наблюдения он, возможно, не запомнится. Я прошла до угла улицы и, переходя на другую сторону, быстро глянула на них. Оба стояли на том же месте, наблюдая за мной, но как только увидели, что я на них смотрю, снова отвернулись, приняв безразличный вид. Это, разумеется, вызвало у меня подозрение: наружка. Однако больше они в поле зрения не попадали. Городской электричкой я доехала до вокзала Ретиро, затем на метро до улицы Ривадавия, где находились мои курсы.

Второй эпизод. На курсах я познакомилась с одним молодым человеком, который, как мне показалось, был ко мне неравнодушен. Наши отношения были дружескими. Я пыталась выяснить, где он работает. Может, он нам пригодится? В тот день по окончании занятий мы вышли вместе из здания, где размещались курсы, разговорились, обсуждая какую-то политическую проблему, и он пригласил меня в близлежащее кафе на чашечку кофе. И вот за чашкой кофе я обратила внимание, что он был чем-то подавлен. Как бы между прочим, вне всякой связи с нашей беседой, он вдруг сказал, что раньше работал в СИДЭ, а сейчас вот работает в газете «Кларин».

- СИДЭ? А что это такое? - спросила я, хотя отлично знала, что это служба контрразведки.

- Ну, это такая спецслужба.

- Полиция, что ли?

- Посерьёзней полиции, - сказал он. - СИДЭ ведёт дела политические и дела, связанные с терроризмом.

- Ой, как интересно! И что же?

- Да ничего, просто так, - пожал он плечами. Вскоре наш разговор закончился. Что он хотел

этим сказать? Или с ним поговорили? Может, он хотел меня предупредить о том, что я «под колпаком» у СИДЭ? Зачем? Из личной симпатии? Или хотел понаблюдать мою реакцию? Но что это ему дало? По-моему, ровным счётом ничего.

В тот день, в день ареста, я вернулась домой раньше «Веста». С детьми оставалась приходящая нянька, смуглая женщина лет тридцати, из провинции. К моему удивлению, в квартире находился её муж, рослый молодой мужчина. Правда, у нас была договорённость, что я дам ей тюфяк, который был у нас лишним, вот он, наверное, и пришёл за ним.

- Сеньора, можно я пойду вместе с мужем, а то мне сегодня надо домой пораньше?

Отмечаю необычную её нервозность. В глаза не глядит. Что это с ней? Чем-то явно взбудоражена. Может, напугана? Может, с ней кто-то разговаривал?

Ну, завтра я у неё всё выведаю. Она мне расскажет. Но завтра уже не было. Через два с половиной часа после их ухода мы были арестованы.

...Я занималась с детьми во дворике. Двое охранников играли в шахматы в тени дерева, один читал книгу, четвёртый, по имени Качо, дежурил в мезонине на рации.

- Сеньора, - сказал он, спустившись вниз, - к вам сейчас должны приехать. Просили, чтобы я приглядывал за вашими детьми, пока вы будете заняты. Да вы не сомневайтесь, у меня у самого двое. - И он улыбнулся в свои пушистые, вислые пшеничные усы. Через час пришла машина, из которой вышли мужчина и женщина. За версту можно было определить, что это американцы.

- Густаво, - представился мужчина средних лет, высокий, поджарый блондин. Одет он был в деловой костюм-тройку, на ногах туфли на толстой подошве.

- Дора, - представилась женщина, высокая, плоская, прямая, с гладко зачёсанными назад короткими волосами, в больших круглых очках, которые несколько округляли её вытянутое лицо. Одета она была довольно просто, на ногах туфли на рифлёной подошве на низком каблуке.

В руках у обоих были чемоданчики типа «атташе-кейс» или «дипломат».

- Мы с вашего разрешения, мадам, хотели бы с вами поговорить, - сказал он на английском языке с заметным американским акцентом.

- Вы американцы? - спросила я.

- Да, мы американцы, - отвечал Густаво, - но это не имеет никакого значения.

- Как это - не имеет? Нас арестовали аргентинцы, требовали во всём признаться, угрожали расправой над детьми, надо мной, и вдруг появляетесь вы, американцы, и хотите о чём-то со мной поговорить.

- Видите ли, ваш муж, да и вы тоже собирались работать против моей страны и, возможно, уже и начали эту работу здесь, в Аргентине. Вот почему мы здесь. И я прошу вас рассказать нам всё, что вы знаете о работе мужа, о его связях, контактах...

- Ещё чего?! С какой это стати я буду вам что-то рассказывать?! Мы что, пришли к вам с поднятыми руками? Мы что - перебежчики? Или мы попросили у вас политического убежище? Арестовали. Назвали русскими шпионами. А доказательств - никаких. Только что и рассчитывали на психологическое давление. Вы, что ли, сказали им, что мы русские шпионы?

Густаво и Дора не смогли сдержать улыбок.

- Ну, если не хотите рассказывать, то напишите...

- Ничего я не буду писать.

- Но ваш муж...

- Вот с ним и говорите. Он втянул нас во все эти дела, пусть и отдувается.

- Вы что, хотите сказать, что ничего не знали о работе вашего мужа? - спросила Дора негромким глуховатым голосом.

- Ну, знать знала, но в детали не вникала.

- А как же вы попали сюда? И вообще в вашу систему? И откуда тогда у вас немецкий паспорт?

- С вашего позволения, - сказал Густаво хрипловатым тоном, - разрешите откланяться, мне пора. Я вас прошу, - обратился он ко мне, - поговорите с мадам Дорой. Она очень квалифицированный работник и превосходно владеет русским языком (до этого говорили на английском). Миссис Ирма, - продолжал он, - я вам хочу уже сейчас сказать, что ваша дальнейшая судьба целиком и полностью зависит от вас. И от нас тоже. Аргентинцам до этого не приходилось сталкиваться с подобного рода делом, вот они нас и пригласили помочь. Мы же всё-таки союзники.

- Информацию им о нас передали вы?

В ответ Густаво лишь усмехнулся, но затем сказал:

- Ну что вы, что вы! Это уж вы сами где-то наследили.

- Да, и на следах оставили надпись: «русские шпионы», да?

- А вы знаете, - сказал Густаво. - Вот лично я никогда бы не подумал, что вы - русская. Мы разговаривали со многими людьми из вашего окружения, особенно по бару, но никто не определил вас как русскую. Где же вы так выучили язык?

- Где-где, в школе, конечно.

- В школе - да, но в какой? - сказала с иронической улыбкой Дора.

- В московской средней школе.

Густаво распрощался и ушёл, сказав Доре, что машина будет через два часа.

Русский язык Доры был безукоризненным, указывая на её явно русские корни. Она вела беседу очень аккуратно и осторожно, ни на чём особенно не настаивая, никаких вопросов типа «где явка?», «кто агент?» никогда не задавала. Разговор шёл в плане «где родилась - где училась» и тому подобное. О том, кто родители и где живут, отвечать я наотрез отказалась.

- Расскажите тогда о родителях мужа, - сказала она.

- А почему я вам должна о них рассказывать? У него у самого спросите.

- Ну, о своих друзьях, там, в Москве, вы можете рассказать?

- Я же сказала уже вам, что вы имеете дело не с предателями-перебежчиками, поэтому о друзьях своих я тоже ничего говорить не стану.

- Ну, тогда о друзьях мужа, - настаивала она с лукавой улыбкой, ничуть не смущаясь моей резкостью, как будто к такому тону была готова.

- О друзьях мужа пусть вам муж и расскажет.

- А в каком вы звании?

- Что? Какое ещё там звание? Я - вольнонаёмная. (Звание лейтенанта госбезопасности мне было присвоено только что, во время моей поездки в Союз.)

- А как же вы пошли в разведку?

- Разведку, разведку. У меня о разведке весьма смутное представление. Вышла замуж за аспиранта, а наутро, после свадьбы, он вдруг заявляет, что он - разведчик.

- Ну и что, вы были разочарованы?

- Не так чтоб уж очень.

- И что же потом?

А что потом? Пришли дяди с Лубянки. Спросили, не хотела бы я поехать с мужем за границу, на работу в особых условиях. Ну кто же у нас не мечтает попасть за границу? Конечно же я согласилась без всяких колебаний. Согласилась также не иметь пока детей, учить язык, который мне в общем-то давался довольно легко.

- А паспорт кто вам дал?

- Ну, здесь, в Аргентине, как жене гражданина Аргентины.

- Нет, я имею в виду паспорт гражданки ФРГ.

- Ну, наши дали перед поездкой.

- И что же вы, не проходили никакой спецподготовки?

- Кое-что рассказали, показали.

- А что именно?

- А что именно, я вам скажу, когда увижу мужа, а до тех пор, пока я его не увижу, разговора у нас не получится. Всё. Мне пора кормить детей.

Дора ничуть не была смущена такой концовкой. У неё было железное самообладание. Она улыбнулась, довольно тепло распрощалась со мной, протянув мне на прощанье свою большую, холодную ладонь, и пошла к машине которая вместе с охранниками дожидалась её во дворе. Я же стала кормить детей, поскольку время уже было обеденное.

Прошло несколько дней. Никто не появлялся, никто ничего не спрашивал. Вечером приехал полковник Гомес, который до этого уже бывал на вилле.

- Сеньора, вы хотели повидаться с мужем? Так вот. Завтра утром после завтрака вместе с детьми мы поедем туда, где находится ваш муж.

Мы не виделись больше месяца со дня ареста. Как он там? Как он выглядит? Ночью почти не спала.

Утром после завтрака собрала девочек, и мы поехали. Маленький синий «фиат» долго мчался вначале по шоссе, затем по пригородам столицы, пока наконец мы не въехали в открытые ворота загородного дома. Двор был большой, большую часть участка занимал бассейн без воды. Небольшой одноэтажный дом под черепицей выглядел весьма невзрачно. Нас встретил капитан Охеда, который повёл нас по коридору, куда выходило несколько дверей. За одной из них потрескивала рация, кто-то кого-то вызывал на связь.

Охеда открыл дверь и пропустил меня с детьми вперёд. В небольшой, убого обставленной гостиной за длинным столом сидел «Вест» и просматривал газеты. Он страшно похудел, одет почему-то в пижаму тёмно-красного цвета с чёрными цветочками, на ногах у него были его домашние шлёпанцы. Увидев нас, он обомлел.

Дверь лязгнула. «Выходи!»- сказал охранник. Снова мешок на голову. Ступеньки. С мешком на голове поднимаюсь по узким ступеням, поддерживаемый под руки охранниками. Итак, решение принято. Надо сказать, кто я такой.

- Так что вы надумали? - довольно приветливо спросил следователь. - Скажите нам, по крайней мере, кто вы.

- Офицер советской разведки.

Следователь едва заметно, как бы внутренне, содрогнулся. В глазах его блеснула радость удовлетворения.

- Ваше звание?

- Подполковник. (В Аргентину я прибыл в звании старшего лейтенанта, а уже через несколько месяцев мне присвоили капитана. Я как-то никогда не задумывался над проблемой званий, чинов, окладов - всё это меня слишком мало интересовало. Идут звания, ну и ладно. Главное, лишь бы дело шло.)

- С какой целью прибыли в нашу страну?

- Стать аргентинцем, затем выехать в США для ведения разведработы.

- Что же, вы хотите сказать, что все эти годы вы только и делали, что готовились к выезду в США и ничем таким больше не занимались?

- Почему же? Кое-чем занимался. Например, делал анализы внутриполитического положения в стране.

- Это могли бы делать и дипломаты.

- Дипломаты видят мир с одной колокольни, я - с другой.

- Родители?

- Умерли.

- Родители вашей жены?

- Спросите у неё самой.

- Она тоже офицер?

- Нет, она привлечённая, звания не имеет.

- Связь с Центром?

- Односторонняя, по радио, через тайники, по почте, личная.

- Связи, явки, имена агентов, адреса?

- Агентуры у меня не было. Явка по вызову сигналом (буква «Х» мелом - этот сигнал означал «опасность!» По получении этого сигнала Центр прекращал связь, и если по истечении одной недели сигнал «Х» не заключался в круг, очерченный мелом, то это означало, что мы в руках противника) находится на авениде Маипу у витрины магазина одежды «Рамирес», пароль: «Мы с вами, случайно, не встречались на концерте «Трио-дэ-лос-Панчос»? Отзыв: «Встречались, но это было на концерте «Лос-Парагуйайос» (на самом деле явки и пароль были старыми, недействительными и были давно заменены на новые).

- Цель поездки в Чили?

- Задание по нейтрализации агентуры ЦРУ в связи с выборами Сальвадора Альенде. (Это было правдой, что по моей задумке должно было вызвать интерес американцев к моему делу. Откуда мне было знать, что сотрудники ЦРУ сидели в соседней комнате и руководили допросом и что за всем этим с самого начала стояло ЦРУ, которое проводило реализацию наводки, полученной от англичан через предателя Гордиевского.)

- Характер задания?

- Задание я должен был получить на явке в Сантьяго. (Это соответствовало действительности.)

- Вызов на явку?

- Начиная со среды сигнал мелом под табличкой дома № 5 по улице Каррерас. Сигнал означает прибытие в Чили и, соответственно, вызов на явку.

- Тип сигнала?

- Латинская буква «z». (Это был подлинный сигнал для Чили, который в действительности означал: «Я в опасности!» Если же сигнал «зет» был с чёрточкой - то есть то это означало: «Всё нормально. Выхожу на явку». Таким образом, если сигналы были бы выставлены противником как в

Буэнос-Айресе, так и в Сантьяго-де-Чили, Центр был бы оповещён, что с нами что-то случилось.)

- Место встречи?

- Ежедневно, начиная со среды по получении сигнала о прибытии в Чили, у главного входа в зоопарк (подлинное место встречи я утаил, назвав место наугад, так как знал, что в Сантьяго имелся зоопарк).

Следователь заглянул в шпаргалку:

- Опознавательный признак? Пароль и отзыв? Называю давно «снятые с вооружения» опознавательный признак, пароль и отзыв.

В течение всего допроса Охеда, худощавый, смуглый, щеголеватый, постоянно выходил из помещения, возвратившись, шептал что-то следователю на ухо, иногда приносил записки. Сам следователь также выходил несколько раз.

«Они с кем-то консультируются, - подумал я. - С кем?» Затем следователь с Охедой ушли, оставив меня на попечение четырёх охранников, которые постоянно присутствовали при допросе. И так на протяжении двух часов.

Снова вернулся следователь. Предложил закурить. Я никогда не курил, хотя иногда баловался за компанию. Закурил. В голове как будто прояснилось. Охеда принёс литровую бутылку пива «Кильмес» и тарелку бутербродов с салями, ветчиной и сыром. Следователь предложил перекусить. Чувства голода не было, хотя хотелось пить. «Надо подкрепиться, - думал я, - если уж решил играть. Иначе долго не протяну».

Выпил стакан пива, пожевал бутерброд. Снова вернулся Охеда, сновавший, как челнок, между нашей и смежной комнатами. «Они впервые сталкиваются с подобным делом, - думал я, - и будучи некомпетентными в делах шпионских, они все куда-то бегают. Видно, за стеной сидит многоопытный дядя. Дядюшка янки? И улик у них пока ещё нет, но обыск в доме продолжается, и улики непременно вот-вот появятся». (Я ведь ещё не знал, что «Веста» смогла уничтожить плёнку с записью шифровки.)

- Пошли! - сказал Охеда, передавая меня охранникам.

Мешок больше не надевали. Выйдя из помещения, мы стали спускаться по бетонным ступенькам. В предрассветных сумерках я впервые увидел двор, куда выходили стальные двери камер-карцеров. Меня привели в небольшое помещение на первом этаже, в котором на стульях, расставленных у стены, сидели человек восемь в штатском. Я служил в аргентинской армии и знаю, как выглядят старшие военные чины, поэтому сразу понял, что меня привели на «смотрины» к какому-то военному начальству. По-видимому, это были высшие военные чины СИДЭ во главе со своим шефом. Выправка, тщательно ухоженные усы, холёные лица, начальственная осанка, седые головы вперемешку с полированными лысинами. Несомненно, все они были аргентинцы. В стране правила

хунта, во главе которой стоял ставленник США, довольно непопулярный в народе генерал Левингстон, получивший военное образование в Америке. Все сидевшие молча вперились в меня глазами. Поимка русского шпиона - событие небывалое.

- Да, давненько мы за вами наблюдаем, - сказал наконец один из них, седовласый, с серебристыми сталинскими усами, но довольно добродушный. С ним мне придётся ещё не раз встретиться.

В ответ я лишь пожал плечами. «Давненько-то, давненько, - думал я. - Если бы следили, то вряд ли прошляпили бы дорожное происшествие с девочкой. То была уникальная возможность меня наколоть».

- Вы должны рассказать нам всё о вашей деятельности в нашей стране. Всё-всё. Без утайки. От этого будет зависеть ваша судьба и судьба вашей жены и детей.

- Я уже говорил, что разведкой как таковой в Аргентине не занимался, и целью моего приезда в вашу страну была подготовка к переезду в США - страну главного противника. Посудите сами: неужели вы думаете, уважаемые сеньоры, что меня посылали бы вести работу против Аргентины без знания испанского языка? Неужели мне не помогли бы его выучить? Моя главная цель - США. А сейчас вот ещё и Китай. У меня намечалась поездка в Гонконг.

Необходимо было неуклонно создавать впечатление, что я против Аргентины ничего такого не делал и никакого вреда стране не принёс, а доказать обратное они не сумеют, так как и впрямь мой оперативный интерес был постоянно направлен против США, и при обыске в офисе и дома они наверняка найдут письма, подтверждающие мои слова о перебазировании в США (хотя с территории третьих стран мы также с успехом вели разведку против США). Господа военные, не отрываясь, с недоверием, молча взирали на меня. Как же, первый советский шпион в Аргентине!

Только что сам раскололся! Свеженький! Тёпленький! Вот он, дайте пощупать, а то не верится!

- Ваша жена и дети тоже у нас.

- А почему жена и дети? Они-то здесь при чём?

- Мы знаем, при чём, будьте спокойны. Но вы не волнуйтесь, они в добром здравии. Пока. Всё зависит от вас.

На этом «смотрины» закончились.

Меня повели какими-то переходами и коридорами и привели в небольшую полицейскую казарму. В большом чисто убранном помещении было несколько двухъярусных металлических кроватей, заправленных серыми солдатскими одеялами. На двух из них спали прямо в одежде полицейские, на других лежали тёмно-синие полицейские шинели, у зеркальца жужжал электробритвой офицер полиции, лет тридцати, статный и красивый, европейской внешности.

- Этот парень, пусть он у вас побудет, - сказал мой провожатый, кивнув офицеру.

Помещение было без окон, поэтому здесь постоянно горел свет. Охраны ко мне специально приставлено никакой не было, и я мог перемещаться в пределах этого помещения, слушать транзистор, принадлежавший одному из полицейских. Входили и выходили полицейские, никто на меня не обращал никакого внимания. Одни ложились отдыхать, другие выходили заступать на дежурство. Обычная жизнь полицейского участка. Разговорились с офицером. Он резко критиковал нынешнее правительство и строил планы эмиграции в ЮАР, где его полицейские навыки больше пригодятся, чем здесь, в погрязшей в коррупции стране. Он, конечно, понятия не имел, с кем беседует, ему никто ничего не разъяснил, а мне и подавно делать это было незачем.

Мне разрешили выйти в крошечный дворик - подышать свежим воздухом. Дворик представлял собой бетонный коридор, ведший через дежурную часть дальше, по-видимому, на улицу. В этом коридоре с одной стороны были помещения полицейского участка, с другой - четырёхметровая бетонная стена. Рядом с дверью казармы была решётка камеры, где сидели двое задержанных. Один из них, здоровенный мужичище с красным носом, поляк, сидел за пьяный дебош, другой - креол, сидел за наркотики. Оба с виду люмпены, они не внушали мне никакого доверия.

Уже рассвело. Оглядел бетонную стену. На ней выступали концы прутьев арматуры. Есть опоры для ног. Перемахнуть, конечно, можно, а дальше что? Что там, за стеной? И далеко ли уйдёшь? Да и светло уже. Подождём, пока стемнеет. Да и местность совершенно незнакомая. Пригород Буэнос-Айреса, а какой - не знаю. Несколько жалких песо в кармане, которые каким-то чудом уцелели после обыска. А семья? Но уходить всё-таки надо. В казарме розетка. Можно в ночное время устроить короткое замыкание и попробовать уйти через стену. На улице у дверей полицейский с автоматом. Да и погаснет ли свет везде? А если не погаснет, меня застукают? Прощай тогда вся игра. Они сразу все поймут. Нельзя зарываться. Казарма - это ведь та крошечная капелька доверия, которое мне удалось завоевать. А без доверия ничего не выйдет. Нет, не пойдёт. Придётся подождать. Немного, урывками поспал. Вернее, впадал в забытьё. Прошёл день. Наступил вечер. Суббота и воскресенье. Никто за мной не приходил, хотя я постоянно нахожусь под наблюдением: то охранник посмотрит из глубины коридора, то полицейский, сменившийся с дежурства, - один спит, другой читает или слушает радио. В разговор не вступают. Очевидно, проинструктированы. Утром в воскресенье пришёл полицейский-парикмахер, открыл каморку, надел белый халат поверх мундира и, усадив в кресло, побрил меня.

- Ну вот, теперь другое дело, а то как перед начальством предстанешь, коль весь щетиной зарос, - сказал он удовлетворённо, любуясь своей работой.

Прошёл ещё один день. Кормили тем, что приносили для дежурных: жареное мясо. Есть не хотелось, и я практически ничего не ел, только пил кофе.

На третий день после ареста (как-то удавалось вести счёт времени), когда стемнело, за мной пришли. Снова накинув пиджак на голову, вывели на улицу и усадили в машину. В машине позволили надеть пиджак. Защёлкнули наручники. Один из охранников дал мне тёмные очки и заложил за стёкла вату. Я в этот момент сильно зажмурился, а когда всё было сделано, открыл глаза и подвигал немного надбровными дугами. Открылась маленькая щёлочка у переносицы, сквозь которую я мог наблюдать за происходящим. В пустынном переулке стояло несколько людей в штатском. Вот они сели в машину, и она тронулась с места. За ней тронулись и мы. С двух сторон охранники. Ехали около часа. Краешком глаза я определил, что въехали в зону Палермо. Рёв самолётов был тому подтверждение: рядом аэропорт, расположенный на берегу реки Рио-де-ля-Плата. Въехали в подземный гараж какого-то дома. Выжидали, пока освободится лифт. На скованные наручниками руки накинули чей-то плащ. Затем плотно набились в лифт человек шесть вместе со мной и все поехали наверх. Вошли в квартиру. Только здесь мне сняли очки и наручники. Квартира из трёх комнат и кухни. Крохотная спальня была отведена для меня. Ставень-жалюзи был слегка приоткрыт. Я подошёл к окну. Высота 60-70 метров. Внизу страшным колодцем темнел двор. Как потом выяснилось, мы находились на двадцать втором этаже.

- Смотри не смотри, отсюда не удерёшь, - сказал, ухмыляясь, вошедший в комнату капитан Охеда.

Охеда был смуглолиц, почти мулат, с острыми чертами лица и недобрыми чёрными маслянистыми глазами. Он держал в руках наш приёмник «Браун». Вынул из кармана шифроблокнот. Мне на допросе пришлось сказать, что он собой представляет, этот шифроблокнот. А представлял он собой самую обычную, довольно толстую записную книжку, где строго определённые странички должны были оставаться чистыми. Там тайнописью нанесены шифртаблицы - колонки пятизначных цифр.

- Ну-ка покажи, как это у вас делается. Ведь скоро приём? Послушаем? (Перед этим я указал время приёма Центр - «Вестам» и частоты передач.)

- Принеси утюг, - сказал я.

Он принёс утюг. Нагрели. Вырвав нужный листок, я проглаживал его, пока не проступили группы цифр. Подержал ещё немного, пока листок не принял коричневатый оттенок, что означало «пережог», листок стал совершенно хрупким, готовым рассыпаться в прах, если его сжать в руке. Охеда как зачарованный смотрел за моими приготовлениями, поэтому и упустил этот важный момент: пережог. Двое охранников находились в гостиной, где стоял телевизор. Велась трансляция футбола. Двое других возились на кухне, готовя немудрёный ужин. Меня уже как бы принимали

за своего и поэтому пригласили за стол. Жареное мясо, зелёный салат, сыр, фрукты, кофе и, конечно, молодое красное вино. Посидели все вместе немного за столом, болтая о том о сём, в основном о футболе и конных скачках. В одном из охранников я узнал того, кто приходил в мой офис в день ареста. Но он об этом не вспоминал.

- Ну, пошли, - сказал Охеда будничным голосом, когда мы закончили трапезу.

Мы вошли в мою комнатку, сели за небольшой стол. Наушники были только у меня, поэтому Охеда сидел сбоку и вёл запись передачи на магнитофон. Я же записывал от руки, благо слышимость на высоте небоскрёба была превосходной. Сверил первые цифры шифровки с шифроблокнотом.

- Видите, это совсем другие группы. Вот, посмотрите сами, - сказал я. - Это совсем не те группы, понимаете?

Охеда тупо моргал глазами: было видно, что в этом деле он ни черта не смыслил.

- Прямо чертовщина какая-то! - сказал я. - Совсем не те группы, должны быть другие, - и я, как бы в сердцах, смял листочек с шифром, бросив его в пепельницу. Перекалённый листочек превратился в кучку трухи.

Лицо капитана Охеды исказилось от ярости.

- Ты что это наделал?! - прошипел он.

- Ну вы же сами видели, что это не те группы. Совсем не те. А должны быть те.

- А где же тогда те? - прохрипел он сдавленным голосом, глядя на кучку коричневой трухи, в которую превратился листочек с шифром. Перекалённый, он буквально рассыпался в ладони. - Да ты знаешь, что тебе за это... мать!..

- Ну, давай следующий листочек, может, там как раз то, что нам требуется, - сказал я миролюбивым тоном, намереваясь таким же образом «отгладить» и следующий листочек. «Ещё хотя бы один», - думал я. Но Охеда выхватил у меня из рук блокнот, прихватил утюг и отправился на кухню. Первая маленькая победа: без шифра шифротелеграмму прочесть невозможно. Нормально проявленный листочек из шифроблокнота прикладывается к полученной радиошифрограмме, и тогда из пятизначных цифровых групп появляется текст переданной радиограммы.

Вернулся Охеда. С опаской подал мне отглаженный листок шифроблокнота.

- Ну, вы же видите, что это опять не то. Группы цифр не подходят, - сказал я, прикладывая шифр к цифровым группам радиограммы.

- А в чём же тут дело? - спросил Охеда, тараща на меня свои маслянисто-чёрные глаза.

- В чём дело? Очевидно, наши уже заподозрили, что со мной что-то случилось. Я в данный момент должен быть в Чили, а ведь меня там нет? Нет, это не то. Первые и последние группы шифрограммы должны совпадать с группами шифра, а они не совпадают.

Ну ладно Охеда... А ведь могут прислать специалиста, которого на мякине не проведёшь.

Охеда убрал аппаратуру и поплёлся в гостиную. Телевизор в гостиной работал слишком громко, и я попросил разрешения прикрыть дверь. Дверь прикрыли, оставив меня наедине с самим собой. Быстро произвёл осмотр комнаты. Что под кроватью? Пусто. В шкафу? Два десятка накрахмаленных простыней. Пошарив по полкам, наткнулся на ключ от сейфа. А где сейф? Вот он, за стопками постельного белья. Небольшой, встроенный в стенку шкафа сейф. В нём оказался всего лишь один документ - копия договора на аренду квартиры. Приводились фамилии договаривающихся сторон и сумма арендой платы. Документ содержал также адрес дома и номер квартиры. Положил всё обратно и закрыл сейф. И вовремя. В дверь внезапно заглянул Охеда. Он пристально глядел на меня. Похоже, он всё ещё был зол за испорченный шифр. Как теперь объясняться с начальством?

- Смотри не вздумай выпасть ночью из окна, - мрачно пошутил он. - Двадцать два этажа. Можно прыгнуть только с парашютом. Дверь на ночь будем держать открытой.

Я выглянул в окно. Было уже за полночь. Дворик внизу освещался тусклым фонарём. За двориком какая-то стройка. За стройкой - улица, слабое уличное движение. Двадцать простынь... Хватит ли их, чтобы скрутить верёвку? Нет, не хватит. А если разорвать на полосы? Но они накрахмалены, поднимут треск, да и не свяжешь их. А если сорвусь, то останется вдова с двумя сиротками, которые неизвестно как выберутся отсюда. Могут вообще пропасть, как пропадают сотни людей в этой стране, управляемой военными режимами, постоянно сменяющими друг друга.

Я выглянул в окно. На балконе спиной ко мне сидел охранник в белой рубашке. Видно, он всё же меня засёк, так как вскоре вошёл Охеда и опустил штору-жалюзи до самого низу.

- Ну дай хоть свежим воздухом подышать, - попросил я.

- Ещё, чего доброго, простудишься, кашлять будешь, - мрачно буркнул он, уходя, оставив дверь открытой. - Смотри дверь не закрывай, - сказал он. - В туалете тоже оставляй дверь приоткрытой, понял?

- Понял, что ж тут непонятного?

- Смотри у меня.

Телефон звонил каждый час, и каждый час дежурный докладывал ситуацию. Двое охранников попеременно спали, двое дежурили, Охеда, пятый, подменял то одного, то другого. Мне не спалось. Когда выходил среди ночи в туалет, заметил, что двое дежурных сидели за столом, играя

в карты. Их кольты 45-го калибра лежали на столе под рукой. Лишь под утро забылся неспокойным сном. Беспокоили охранники, то и дело заглядывавшие в комнату.

Утром после завтрака смена охраны. Поднял штору окна и разглядел уже при дневном свете окрестности. Отсюда как на ладони видны кварталы домов. Вдалеке акватория порта, суда, сновавшие на Рио-де-ля-Плате. Внизу, на крыше недостроенного дома, лежал моток отличнейшей верёвки. Эх, эту верёвку бы сюда! Уж я нашёл бы способ её применить.

(В том, что смогу спуститься по верёвке с двадцать второго этажа, я ни минуты не сомневался. В детстве никто лучше меня не лазил по деревьям. И в спортгородке я тоже отличался. По канату мог подниматься и спускаться на одних руках. А однажды, ещё в восьмом классе, к первомайским торжествам подготовил акробатический номер.) Из дворика я выберусь через стройку. Там проход. Затем - в Уругвай. Только вот в кармане жалкие гроши. Внизу на стройке работало всего двое рабочих. План созрел мгновенно. На двух клочках бумаги карандашом написал текст: «В «Кларин» или «Ля Расон» [40] (бумагу и карандаш оставил Охеда во время радиоприёма). «Советский гражданин В. Мартынов незаконно похищен и содержится под стражей по адресу такому-то. Прошу помочь».

Был в этом смысл или не было? Признаюсь, скорей всего это был просто акт отчаяния. Возможно, безрассудный. Но если бы в прессе (а пресса там независимая) появился этот текст, то наши наверняка обратили бы внимание и запросили Центр о том, кто такой Мартынов, а там поняли бы, что «Весты» «загремели». Просто ничего другого в тот момент мне не пришло в голову, а действовать надо быстро. Бездействие смерти подобно. Близился вечер. Я завернул тексты в имевшиеся у меня банкноты достоинством в один песо (поездка в автобусе в то время стоила, как минимум, десять песо), вложил туда для веса по кусочку штукатурки, которую отковырнул снаружи от стены под подоконником. Каждый пакетик зашпилил булавками, найденными в шкафу.

Оглядевшись, сначала в открытое окно метнул кусочек штукатурки без «начинки», чтобы рассчитать траекторию. Штукатурка, описав в воздухе дугу над стройкой, шлёпнулась на проезжую часть улицы за стройкой вне пределов видимости. Просматривалась лишь дальняя часть улицы. Та же часть её, куда упадёт послание, мне не видна. Выжидаю. Охранники играют в карты. Вот идёт пожилая дама с собачкой. Не подходит. Вот два пенсионера в чёрных беретах. Не годится. Вот одинокая девушка. Опять не то. А вот эти, может, подойдут: два парня и три девушки, с виду студенты, жестикулируя и о чём-то споря, не спеша приближаются к тому месту, где должен упасть мой необычный снаряд. Оглянувшись на открытую дверь, я размахнулся и метнул. Маленький свёрток, описав крутую дугу, пролетел над стройкой и почти отвесно упал, по-видимому, прямо под ноги юной компании. Подняли они моё послание или нет, я не видел. По жестяной кровле пристройки к строящемуся

[40]Названия популярных аргентинских газет.

зданию ходил молодой смуглолицый рабочий в оранжевой каске. Он перетаскивал какие-то рейки. Рабочий! «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Разве не проявит он боевой солидарности по отношению к представителю Советского Союза? Если, конечно, он умеет читать. «Ну давай, пролетарий, не подведи!» Я бросил сначала кусочек штукатурки, который с грохотом разорвался прямо у него под ногами, ударившись о крышу. Он остановился и поднял голову. Увидел меня. Я сделал ему знак рукой, изобразил пальцами решётку и метнул вторую записку. Она упала рядом с ним. Он поднял свёрток и в недоумении посмотрел на меня. Я жестом показал ему, чтобы он развернул свёрток и прочитал текст записки, что он и сделал. Умеет читать.

Кивнув в знак того, что понял, о чём речь, он ушёл, так как был уже конец рабочего дня. А в соседней комнате слышались голоса охранников. Они в это время смотрели футбол и бурно реагировали на события на стадионе. Они уже привыкли ко мне и не были столь строги, как в первое время. Да и старшим группы в тот день был мой старый знакомый - тот самый мордастый следователь, который проводил первый допрос.

Я приготовился к возможной реакции на мои послания. Каждое из них скорей всего даст мне же по голове, уж в этом я не сомневался. Бумерангом. Что-то будет! Может, хоть один из них да сработает. Да, достанется мне на орехи. Ох достанется! Потеряю доверие. К чёрту доверие! Главное - дать знать в Центр, что мы за решёткой. Близился вечер. Ничто не предвещало бурю. Постоянно велись телефонные переговоры. Вот прозвенел звонок входной двери, и вскоре предо мной предстал щуплый, на вид благообразный человек среднего роста, лет пятидесяти, с аккуратно подстриженными нафабренными усами, с голубыми глазами, румяными подагрическими щеками и хорошо ухоженной, волнистой шевелюрой, в которой пробивалась седина. И сам он был таким чистеньким и аккуратным. Манеры его были мягкими и вкрадчивыми. Нас оставили вдвоём.

- Здравствуйте! - сказал он по-русски, протягивая руку. - Меня зовут Пепе, - представился он, улыбаясь. Я пожал ему руку, и он сморщился от боли.

- А вы знаете, у меня нет желания говорить с вами по-русски, - отвечал я ему по-английски. - Вы что, из НТС [41]?

- Ну что же, - осклабился он, показывая жёлтые прокуренные зубы, - не хотите говорить по-русски, давайте по-английски. Никаких проблем. Нам ведь всё равно предстоит с вами работать, хотите вы этого или нет. У вас просто нет другого выхода, кроме как сотрудничать с нами.

- С кем это - с вами? Не знаю, кого вы представляете.

- Но у вас же всё равно нет выбора, - ответил он. - Не всё ли вам равно с кем?

---

[41]Народно-трудовой союз, русская эмигрантская организация.

- Ошибаетесь, сэр. Выбор есть. Я откажусь с вами работать, вот и всё. Меня взяли они. С ними и буду работать. А вы... Кто вы такой?

- Ну, предположим, я международный представитель.

- ООН, что ли? Или может Си-ай-эй [42].

- Как вам будет угодно.

- А-а, ну так бы сразу и сказали: я - человек ЦРУ.

- А вы, наверное, подумали, что какой-нибудь белогвардеец?

- Да. Именно это я и подумал. Вы похожи на белогвардейца времён гражданской войны. Нафталином, знаете ли, попахивает...

- Я даже не русский, если хотите знать. Я - грузин. Ну так как, может быть, мы все же приступим к делу? - спросил он, дружески улыбаясь.

В этот момент в квартире раздался звонок.

- Валяйте, - сказал я.- Чего уж там. А не выпить ли нам для начала за знакомство? (Надо было хоть как-то выиграть время, да и за выпивкой можно узнать кое-что о твоём собеседнике.)

- Я сейчас пойду спрошу, есть ли у них виски. Я и сам бы не прочь. - Его вислый красноватый нос и слегка отвисшие румяные щёки выдавали в нём поклонника Бахуса. Он поднялся, чтобы подойти к двери, но в это время она вдруг резко распахнулась, и мой мордастый следователь, яростно зыркнув на меня большими навыкате глазами, пальцем поманил Пепе. Пепе вышел, закрыв за собой дверь. За дверью слышались возбуждённые голоса. Я, конечно, догадывался о причине тревоги и ждал, что будет дальше. Вошёл Пепе. Он выглядел несколько обеспокоенным и обескураженным.

- Боюсь, что я буду вынужден вас покинуть, - сказал он несколько смущённо, без улыбки. - Там у них какие-то осложнения. Но мы с вами ещё увидимся.

- До свидания, сэр. Сожалею, что наше первое знакомство оказалось столь кратким.

Убрав в свой кейс магнитофон и бумаги, которые он принёс с собой, Пепе спешно удалился. Вскоре в комнату ворвался мордастый. Он был вне себя от ярости. Он свирепо размахивал перед моим лицом огромными кулачищами, брызгал слюной и кричал, что я ещё у него поплачусь за мои штучки. Что сюда, чего доброго, сейчас явятся террористы и взорвут нас всех ко всем чертям. Что я не ведаю, что творю. В конспиративной квартире царила паника. Они вывели меня в гостиную и снова надели наручники, набросив на руки плащ, и мы быстро пошли по коридору к лифту, который уже был на подходе. Когда вошли в лифт, мордастый размахнулся, чтобы ударить меня в ухо, но сдержался, пообещав снова, что он ещё со мной поговорит.

---

[42] CIA – ЦРУ.

- Зачем вы это сделали?! - спросил другой сотрудник. - Ведь нас всех могли угробить! Вы же знаете, что террористы вездесущи, у них кругом свои люди, в том числе в редакциях газет.

- Не надо преувеличивать, - отвечал я. Впоследствии я узнал, что те студенты подняли моё послание и отнесли записку в газету, но военный цензор, действовавший при военном режиме, забрал у редактора сообщение и тотчас позвонил в СИДЭ. Рабочий же, поймавший моё послание на крыше, в знак солидарности отдал записку первому попавшемуся полицейскому, и тот вместе с офицером из комисарии пришёл на конспиративную квартиру выяснить, в чём тут дело. Да, зря я, наверное, затеял эту кутерьму. Игра моя лопнула. Как это всё теперь будет? (Сейчас я думаю, что сглупил. Ведь это мне ничего не дало. Результат - ноль.)

В полном молчании мы спустились в подземный гараж. Меня впихнули в машину и повезли, позабыв даже завязать глаза. Я с удовольствием наблюдал за уличным движением. Через час машина остановилась у какой-то комисарии в Большом Буэнос-Айресе, и меня тотчас препроводили в дежурную часть. Подчёркнуто строгий молодой офицер, видно только что из училища, ввёл меня в ярко освещённую комнату, велел раздеться догола, прощупал всю мою одежду. Я молча стоял, поёживаясь от холода. Сквозь приоткрывшуюся дверь просунулась знакомая толстая рожа полицейского, который когда-то служил в комисарии напротив нашего бара.

- А-а, голубчик, попался! - злорадно хихикнул он. - Поделом тебе! Нечего было с нас столько драть за кока-колу! За это тебя и посадили!

- Все хорошие люди рано или поздно попадают в тюрьму, - отвечал я ему.

- Вон отсюда! - рявкнул на него офицер, и дверь захлопнулась. - Молчать! - это уже он на меня.

Меня впихнули в крохотную одиночную камеру. На цементном полу лежал грязный тюфяк. Было тёмно и смрадно. Пришёл человек, назвался врачом. Нагнувшись к зарешечённому окошечку в двери, спросил: - Жалобы есть?

- Нет.

- К вам применялись методы физического или психического воздействия?

- Нет.

- А кто вы будете?

- Русский шпион, говорят.

Он отшатнулся, словно его палкой огрели, ошалело посмотрел на меня, и, повертев пальцем у виска, стремительно ретировался. «Чокнутый какой-то», - услышал я его слова за дверью.

По проходу вдоль камер слонялся плотно сбитый коренастый паренёк лет двадцати, с татуировкой на руках. Он прошёлся несколько раз мимо моей камеры, с любопытством поглядывая в мою сторону. В руках у него был матэ, которым он угощал заключённых, сидевших, как и я, в одиночках.

- Эй, ты! - позвал он меня, остановившись напротив. - Поди сюда!

Я подошёл к окошечку.

- Хочешь матэ? - И он протянул мне баночку с зелёным настоем, который надо было высасывать через трубочку, сделанную из корпуса шариковой ручки. Поборов в себе брезгливость, протёр кончик трубочки слюной и полой пиджака, я потянул в себя зеленоватую сладкую тёплую жидкость. Страшно хотелось пить. Матэ утолял жажду. Это ведь как зелёный чай.

- На вот тебе кусок хлеба, - сказал он, - до утра ничего не дадут.

- Спасибо, - сказал я, беря хлеб.

- Слушай, - обратился он ко мне шёпотом, приблизив вплотную лицо к окошку и сверкая глазами. - Ты и вправду русский шпион или лапшу на уши вешаешь?

- Да не знаю я... Зацапали вот, сам не знаю за что.

- Ну, мне нет дела, чем ты там занимался, но ты здесь, а сюда и хорошие люди попадают. Вот, видишь мои руки? - И он показал мне многочисленные мелкие шрамы на запястьях обеих рук. - Эти суки пытали меня «пикантной электрикой» несколько суток. Приняли меня за кого-то другого, торговца наркотиками, что ли. Довели меня до того, что я вскрыл себе вены. В реанимации откачивали. А сейчас вот опять сюда, хотя и режим вне камеры.

- Эк тебя угораздило! Но зачем помирать-то? Ты молод. Хорош собой. У тебя всё впереди. Тебя ещё девушки любить будут. Надеюсь «это-то» у тебя уцелело?

- Да, уцелело, - сказал он со вздохом. - Но думал, что всё отвалится, когда меня часами било об пол. К «этому» клеммы подсоединяли, гады. Страшная это штука - «пикана электрика». Думал, все внутренности вытрясет. Ведь колотит тебя об пол - сил никаких нет. И судороги всё время. Наорался до хрипоты.

- Ну и что теперь?

- Завтра вот выпускают. Насовсем. Эти военные, сукины сыны, творят, что хотят. Слушай, а ты мне нравишься. Ты, видать, и впрямь не робкого десятка. Если хочешь что передать на волю, держи вот карандаш и бумагу и напиши. Завтра передам.

- Давай, - сказал я.

Оглядевшись, он быстро сунул мне через решётку клочок бумаги и огрызок карандаша.

Написав адрес няни, сообщил следующее: «Дорогие сеньора Т. и сеньорита В. Нас всех по недоразумению посадили в тюрьму. Дети очень страдают. Если хоть что-нибудь сможете сделать для нас, будем очень благодарны». (Если провокатор, то это ему ничего не даст. Если честный человек, то, может быть, в случае судебного процесса, что не исключалось, хоть кто-то позаботится о детях, чтобы они не попали в приют.)

Впоследствии я узнал, что и это моё послание дошло до адресата и что дочь няни (а она была глубоко верующей католичкой) ходила на приём к самому епископу и, объяснив ситуацию, просила, чтобы ей отдали детей. Епископ обещал всё выяснить и помочь нам по мере возможности. Он обратился непосредственно в канцелярию президента. Там связались с управлением полиции, после чего епископу было сказано, что речь идёт о деле государственной важности, что сам президент страны в курсе этого дела, и от себя лично он просил передать этому епископу, чтобы тот о детях не беспокоился, так как они хорошо устроены и с ними ничего плохого не случится. Для меня это последствий не имело. А узнал я об этом из разговора с охранником месяца полтора спустя.

Прошла ночь. И прошёл день. Никто не беспокоил. Вторые сутки ничего не давали есть. Эко напугали! Во время войны целыми месяцами сидели на осьмушке хлеба и воде. К тому же есть совершенно не хотелось. Вечером за мной пришли. Ввели в кабинет. За столом сидел Оскар (так звали моего мордастого). Чувствовалось, что он всё ещё был крайне зол на меня. На столе у него лежали бумаги, среди которых узнал и свои листки с описанием тайников и условиями работы с ними. Их нашли при обыске. По привычке, давно выработавшейся у меня, я стал быстро считывать текст документов, лежавших перед Оскаром. Я понял, что в квартире до сих пор идёт основательный обыск.

- Ты что ещё тут подглядываешь?! - рявкнул на меня Оскар, закрывая бумаги.

- Но я ведь кое-какое отношение имею ко всему этому, - сказал я, обдумывая прочитанное. Смоделировал ситуацию: кое-кому из шефов СИДЭ не терпелось поскорее получить хоть какой-нибудь ощутимый результат, и они готовили провокацию, основанную на проведении тайниковой операции. Ведь через этот тайник я должен был передать отчёт в Центр. Но связник к тайнику выйти не может. Во-первых, я ведь в это время должен был находиться в Чили или в Штатах; а во-вторых, в описании тайника не было описания сигнала, а было лишь сказано «Сигнал как обычно».

Если, несмотря ни на что, провокация с тайником всё же состоится, то по крайней мере Центр узнает о нашем аресте и прервёт радиопередачи, продолжение которых в наш адрес, не зная о нашем положении, чревато весьма тяжёлыми последствиями. Я знал, что к тайнику обычно выходит кто-нибудь из местной легальной резидентуры и он прикрыт советским паспортом. Его просто выдворят из страны, и этим дело кончится. Я же, возможно, получу некоторый кредит доверия со

стороны противника и смогу более успешно продолжать дальнейшую игру. Но главное! Главное - это сообщить Центру о нашем провале.

- Какого размера должен быть контейнер? - спросил Оскар, показывая несколько обрезков дюралевых и железных трубок. В одном из таких контейнеров я должен был передать свой отчёт в непроявленной плёнке.

Я указал на трубку из железа. От неё будет легче избавиться, если связник всё же придёт к тайнику и попытаются его схватить. Будущее покажет, что я не ошибся.

- Так какой сигнал вложения закладки в тайник?

- Две перечёркнутые горизонтальные черты мелком.

- Размеры?

- Примерно три сантиметра. (Сигнал этот был старый и уже давно отменён.)

- А как ты смотришь, если мы вызовем твоего связника на явку?

Я пожал плечами:

- Вызывайте, я же вам указал сигнал (как я уже говорил, сигнал этот означал «опасность»).

- А он тебя знает в лицо?

- Наверное, знает. Ему могут показать мою фотографию. (Это я уже сфантазировал. Как правило, в лицо нелегала никто не знает, а для опознания есть опознавательный признак и пароль.)

- А если пойдёт кто-нибудь другой вместо тебя?

- Он просто не подойдёт. Ведь он же меня знает в лицо или по фотографии.

- А если подберём похожего на тебя?

- Попробуйте. Посмотрим, что у вас получится.

- А если пойдёшь ты сам?

- Могу пойти, - сказал я, усмехаясь.

- А связник твой кто, «нелегал» или «легал»?

- Всяко бывает. Может, тот, а может, другой.

- Только ты не думай, что тебе от нас удастся удрать, если пойдёшь сам. Мы перекроем все улицы и перекрёстки.

- Мелко задумано. Мелко.

- Не твоего ума дело.

- А вот грубить не надо...

Он свирепо глянул на меня и ушёл.

Ещё одна ночь и один день. Нервное напряжение притупило чувство голода. За всё время вся еда - лишь чашка чаю да кусок хлеба.

Вечером на третий день за мной пришли. Надели наручники. Снова тёмные очки и вата на глаза. Ехали более часа. В самом конце пути удалось краем глаза разглядеть номер шедшего навстречу автобуса: 511. Машина остановилась в загородной местности перед воротами с овальной табличкой номера дома из белой эмали, часть которой была отбита (явно умышленно). Виднелись лишь цифры «8» и «0». Меня провели через тускло освещённый дворик и ввели в дом. Прошли по коридору. Вокруг шаги. Наконец сняли очки. Я очутился в небольшой комнатке, где ярко горела лампочка ватт на 150 без абажура. Через приоткрытую дверь виднелась ванная, где лилась вода. «Будут пытать водой?» - подумалось мне. В дверях ванной промелькнул мой новый знакомый Пепе из ЦРУ, на ходу вытирая руки полотенцем. В это время двое охранников, один - здоровенный верзила, другой - седоватый брюнет невысокого роста, сняли наручники. Смуглолицый, которого звали Мигель, достал бинт и стал перевязывать мне запястья. Я молча наблюдал за его действиями. Затем снова надел на забинтованные запястья наручники. Окно было открыто, но ставень-жалюзи опущен и заклинён так, что его невозможно было открыть. Меня ещё раз тщательно обыскали. Отобрали даже спичку, булавку, расчёску и бумажный песо.

- А то ещё превратишь что-нибудь из этого в оружие, - сказал Мигель и добавил жёстко: - Смотри, чтобы здесь никаких этих твоих «шуточек», понятно? А то тебе будет плохо. Совсем плохо. Никаких! Нам здесь не нужно сюрпризов, и мы не хотим проблем. Больше нам от тебя ничего не требуется. Сиди тихо, и всё будет хорошо. (Под «шуточками» он имел в виду мою неудавшуюся попытку переслать записки в прессу.) И очень постарайся, - добавил он, угрожающе поигрывая полуметровой хромированной цепочкой с кольцом на конце. Такой цепочкой можно сбить с ног, накинуть удавку на шею или стянуть руки перед тем, как надеть браслеты. - А пока ложись вон на кровать и не рыпайся! - И вышел, оставив дверь открытой.

Я лёг на спину со скованными руками на животе, уставившись в белый потолок. Повернуться на бок было совершенно невозможно, так как запястья сразу же начинало сжимать наручниками. Яркая лампочка светила прямо в глаза. Ещё раз прогнал в уме предполагаемые последующие допросы. Итак: в институте учился, товарищей по учёбе «списать» с товарищей по семилетке и по средней школе. Так меньше вероятности ошибиться. Не один раз придётся повторять. Преподаватели? Ну, их-то можно указать. У ЦРУ наверняка есть перебежчики, и меня будут проверять. Но институт наш в Ленинграде уже давно расформирован, а во вновь созданном в Москве институте из старых преподавателей мало кто остался. Разведшколу - исключить полностью. Институт и сразу после него - индивидуальная подготовка, включая стажировку по прикрытию в совхозе, на автобазе. Исключить райотдел ГБ, это ни к чему, как и дела по линии контрразведки, в которых приходилось

участвовать. Ну да ладно, всего не предусмотришь. Будет видно по ходу дела. Дверь отворилась.

- Пошли! - сказал рослый охранник с кольтом за поясом.

Меня ввели в просторное, довольно ярко освещённое помещение, где потолком служила высокая крыша. Пол выложен плитняком. Два окна и дверь, очевидно выходившие в сторону улицы, плотно закрыты деревянными подъёмными шторами, сами же окна открыты. Двери, выходившие в другие помещения, также плотно закрыты. Когда одну из них открывали, оттуда проникал запах жареного мяса. В комнате двое охранников, седовласый сеньор со сталинскими усами по имени Гомес, полковник СИДЭ, с которым я познакомился ещё в ночь ареста. Это мне после поведал Мигель. Вошёл Пепе. Стол был накрыт на семь персон. Меня усадили на «почётное» место в центре. Все были в хорошем настроении, шутили между собой. А я так и сидел с руками, скованными наручниками.

- Хотелось бы сначала помыть руки и снять вот это, - сказал я, указывая на свои руки. - Что же я, вот так и буду сидеть, смотреть, как вы тут ужинаете.

- Если будешь себя хорошо вести, то снимем, - сказал Мигель, ухмыляясь. Он достал из кармана ключ, снял с меня наручники и отвёл в ванную. Сам был в суконных коричневых широких шароварах гаучо, заправленных в хромовые чёрные сапоги гармошкой и в клетчатой ковбойке.

Вскоре мы вернулись. Посреди стола водрузили пятилитровую «дамахуану» с красным вином, сифоны с водой. Внесли жареное мясо, цыплят, салат, сыр и фрукты, белый хрустящий хлеб. Мало-помалу завязалась беседа. О футболе, о политике. Жарко пылали дрова в камине, прогоняя сырость. «Ну, ясно, - думал я. - Это методы ЦРУ, но никак не СИДЭ. ЦРУ заинтересовано во мне». (Позже через Мигеля я узнаю, что арест произошёл по заказу и под непосредственным руководством ЦРУ.)

По окончании трапезы пили традиционный матэ. Пепе испанского не знал и принимал участие постольку поскольку. Ему было неинтересно с нами, и он вскоре ушёл спать. Мигель взял в руки гитару и запел песню о том, как один бедный гаучо-бродяга ехал-ехал в Чили, да так и не доехал, и куда он подевался, до сих пор никто не знает. И он весело подмигивал в мою сторону, намекая на мою несостоявшуюся поездку в Чили. Он спел ещё несколько песен из аргентинского фольклора и конечно же танго. Голос у него был хрипловатый, но приятный.

- И что же у вас там, в России, нет частной собственности? - спросил полковник Гомес, потягивая красное вино из стакана.

- Частной нет, личная - есть. Квартира, дача, машина.

- Ну а вот я, например, приеду в Россию и хочу купить землю, построить ранчо, разводить на нём бычков на мясо, как вот у нас здесь в Аргентине. Смогу я это сделать?

- Нет, вы этого сделать не сможете. Земля у нас принадлежит государству и в частные руки не продаётся. Земля, которую занимают колхозы, тоже принадлежит государству.

- И что я не могу к вам приехать, купить какой-нибудь ваш развалюху колхоз и показать вам, как надо вести хозяйство?

- У нас это невозможно. У нас же социалистическая система, в отличие от вашей.

Далее мне пришлось сделать небольшой экскурс в теорию социалистического развития. Охранники слушали внимательно. Гомес же - с иронической улыбкой.

- Ну ладно, пора идти. - Он встал из-за стола. - Смотри, ты тут моих парней не распропагандируй, - сказал, улыбаясь в седые усы.

- Я думаю, они достаточно иммунизированы против идей социализма. Или я ошибаюсь?

- Мы вот поселим тебя с семьёй где-нибудь в провинции Ля-Рьоха, дадим тебе домик с хорошим клочком земли, тогда узнаешь, что такое частная собственность, - сказал Гомес на прощанье.

Полковник уехал. Охранники ушли в караульное помещение смотреть по телевизору футбол. Мы остались вдвоём с Мигелем, который уже был изрядно навеселе.

- И чего ты там забыл, в этом Чили, э? - спросил он с усмешкой, прищурившись.

- Да вот, надо было помочь Альенде победить на выборах.

- Он бы и без тебя разобрался, что к чему. А вот если бы ты туда не рыпался, тебя бы, может, до сих пор не арестовали?

- Отчего же? Арестовали, потому что я собирался в Чили? Даже не зная, чем я там буду заниматься?

- Я тебе скажу, только строго между нами, и то лишь потому, что ты не наш, ты считай - янки. И ты у меня вызываешь симпатии. Нас они используют только для охраны и для других тёмных дел. Я с полковником Гомесом накоротке, так вот он мне сказал, что информация на тебя пришла от американцев. Они и руководили всей операцией, сидели в соседней комнате, когда тебя впервые допрашивали, понял? А теперь сам домысли, отчего всё это с тобой приключилось. Ты ведь умный, поймёшь, что к чему. Не мне тебя учить.

- А чего же вы так поторопились?

- Боялись, что ты уедешь в Чили, а там только тебя и видели. Думали, что ты собирался бежать. Нам даже не разрешили вести за тобой слежку. Сказали, что ты профессионал и «наколешь» нас с первого разу. Мы, собственно, о тебе вовсе ничего и не знали, кроме того, что ты русский шпион. Это нам американцы сказали. А теперь я тебе снова надену наручники - таков приказ, и ты иди себе спать.

Спать было крайне неудобно. Лежать можно было только на спине. Мешали наручники. Яркий свет, отражаясь от белого потолка и стен, бил прямо в глаза. Время от времени в течение ночи в дверь заглядывали охранники. За всю ночь почти не смыкал глаз. В голову лезли разные мысли. «Русский шпион! Забрали без всяких жену и детей. Для оказания давления, конечно. Значит, знали точно, с кем имеют дело.

Неужели предательство? Похоже. И всё же не верится. Да. А я-то вначале полагал, что этот Пепе появился только лишь потому, что я собирался работать против Штатов. А здесь, если верить этому Мигелю, информация о нас пришла из ЦРУ? Утечка из Центра? А почему этот Мигель так со мной откровенен? Хотя в присутствии остальных он разыгрывает из себя сурового охранника, демонстративно поигрывая своей хромированной цепочкой. «Для чего эта цепочка?» - спросил я его. «При помощи этой цепочки легко обезвредить любого преступника», - отвечал он.

И всё же, почему он мне это рассказывает? Антиамериканские настроения? (Впоследствии это предположение подтвердилось. Мигель, будучи националистом, действительно терпеть не мог американцев, которые, как он считал, потихоньку оккупируют его страну, проникая во все поры, и в первую очередь в силовые структуры, одной из которых является СИДЭ.) Да, значит, вот откуда ветер дует. Если теперь мной будут заниматься только цэрэушники, то они будут делать это с полным правом, поскольку наш арест произведён с их подачи. Так вот куда всё время бегали Охеда и Оскар во время первого допроса! За стенкой сидели цэрэушники, которые руководили допросом, сами избегая до поры до времени показываться мне на глаза.

И вот теперь, после моего признания, они и появились в образе этого Пепе-грузина. Как сообщить в Центр о своих подозрениях. Кто? Где? Когда? Похоже, похоже. О дорожном происшествии с девочкой ни слова?! По-видимому, даже не слышали об этом. А говорят, что долго следили за мной. Ну что же, доживём до утра, а там видно будет. Утро вечера мудренее. Даже в моём положении. Но мысль о том, что в Центре затаился враг, сверлила мозг, не давала покоя, приводя меня в угнетённое состояние. И всё же это ведь из области предположений», - думал я, перебирая в уме немногочисленные контакты в Центре.

Наутро сняли наручники и бинты. Из дома принесли мою пижаму тёмно-красного цвета с чёрными цветочками, велели в неё переодеться. На ноги принесли шлёпанцы.

- Ну вот, видишь, какой ты красный теперь. Совсем красненький стал! - приветствовали охранники моё появление в красном одеянии. - А главное, в такой одежде далеко не убежишь, - сказал один из них.

- А чего мне бегать, коли мне и тут неплохо, - отвечал я.

После завтрака, состоявшего из кофе с молоком и булки с маслом, Пепе наконец приступил к делу. Вначале он предложил мне всё описать письменно, но я категорически отказался писать что-либо, равно как и

говорить с ним по-русски, и поэтому беседа велась только на английском языке. Биографические данные, учёба, подготовка. Разбор моих записных книжек, в которых были сотни имён и адресов моих клиентов, и столько записей, что сам чёрт ногу сломит. Каждый штришок, каждая закорючка подвергались тщательному анализу. Приходилось всему давать объяснения. Например: - Вот этот Линдерматер. Как вы с ним познакомились?

- Ну, приходил он к нам в бар. Большой весельчак и затейник. Быстро вошёл в компанию с Крамерами. Несколько лет, пока мы держали бар, был другом нашей семьи. Ни одна пирушка не обходилась без его участия. По духу неонацист. С его помощью мы познакомились ещё с несколькими наци.

- Вы на него давали характеристику в Центр?

- Что за вопрос? Мы давали характеристики на всех лиц, встречавшихся нам здесь. А их были десятки.

- Так это всё же нейтральная связь?

- А вы что думаете, мы станем вербовать всех подряд? Что-то вы нас недооцениваете.

И так далее, в том же духе...

- Нейтральная связь?

- Конечно, нейтральная.

И только на двух я позволил себе сосредоточить внимание Пепе. Оба были клиентами бара, и оба, насколько я знал, покинули страну, причём один из них уехал в США, другой - в Испанию. Но я знал, что по своим личным данным такие люди нашей разведке не подходят. Самое удивительное, что поиски ЦРУ этих людей не увенчались успехом. Они куда-то запропастились, и это обстоятельство их чрезвычайно заинтересовало. После обеда и короткого отдыха - снова за работу. И так - до самого вечера. И все последующие дни. В воскресенье Пепе брал себе отдых.

За ужином появился Охеда. Поужинав с нами, он установил на столе наш приёмник «Браун» и магнитофон, за стол уселись охранники, двое из них встали за моей спиной. Я надел наушники и вскоре услышал позывные Центра. Пепе также наблюдал за моими действиями. Листочки с шифрами Охеда теперь аккуратно отглаживал сам, снимал копию и только лишь после этого отдавал мне на дешифровку. Под взглядом охранников я приступил к расшифровке радиограммы.

В шифровке, однако, не было ничего фатального. Она гласила примерно следующее: «Весту», «Весте». Ваш сигнал в Сантьяго не поняли. Выехал ли «Вест» в Чили? Просим сигнал о прибытии в Сантьяго «Веста» продублировать». Далее следовало несколько незначительных фраз.

«Да, - думал я, - видно, в ЦРУ деньга не зря платят. Они предугадали, что сигнал, который я им выдал, мог означать «опасность», и поставили

какой-то свой сигнал, который ничего не обозначал, и тем не менее «мечту» наши «сняли». Прошло уже более недели, а Центр всё ещё находился в полном неведении о том, что с нами случилось. Что делать? Ведь любая следующая радиограмма может означать катастрофу. Могли дать адрес, явку, какое-нибудь имя... Как прервать эту игру? Американцы, по-видимому, ведут параллельную запись передач из Центра». Пока проводил дешифровку, мне стало жарко, на лбу выступили капельки пота, и наверное, прибавилось седых волос на голове. К счастью, в тексте ничего лишнего.

Передав шифровку Пепе, я встал из-за стола, чтобы хоть немного размяться. Охранники следили за каждым моим движением. Прошёлся по комнате, придерживая сваливавшиеся штаны. За неделю я, похоже, изрядно потерял в весе, да и ремень от брюк у меня отобрали.

Наутро в гостиной, где мы так мило беседовали с Пепе, меня ждал ещё один человек, с виду настоящий американец, высокий, поджарый, спортивного телосложения, лет сорока пяти, одетый в толстый свитер цвета морской волны и джинсы, обутый в добротные ботинки на толстой каучуковой подошве. Он сидел в углу комнаты, закинув нога на ногу, и изучающе разглядывал меня. «Ещё один цэрэушник, - подумал я. - И лицо мне его знакомо».

Память мгновенно подсказала: «За две недели до ареста этот сеньор обратился ко мне по-английски, когда я шёл по своим делам по авениде Флорида в центре Буэнос-Айреса. По-моему, он спросил, как пройти к гостинице «Президент».

- Меня зовут Густаво, - представился он хрипловатым голосом на английском языке. - Могу вам сообщить, что ваша жена и дети живы и здоровы. Они живут на загородной вилле и всем обеспечены. И всё бы ничего, но нам хотелось бы, чтобы ваша жена была более разговорчивой. Более того, она вообще не хочет с нами беседовать.

- А может, собеседник ей не нравится?

- О да, конечно! - улыбнулся он. - Возможно, вы правы. А скажите, почему ваша жена думает, что вас кто-то предал? (Вот это да! И у неё появились мысли о предательстве!)

- А вы у неё спросите.

- И всё же, мне хотелось бы знать ваше мнение по этому поводу.

- Может, кто-то и предал. Откуда мне знать? Всё может быть. Разве у вас такое не бывает?

- Бывает. И тем не менее?

- Скорей всего, у нас самих где-то был прокол. Может быть, это связано с последней поездкой жены в Европу.

- В Россию, вы хотите сказать?

- Ну да, в Россию. Домой.

- А она вам ничего не говорила о каких-либо своих подозрениях относительно Европы?

- Нет, не говорила.

- Она что же, не заметила, что её вели через всю Европу? Или она у вас недостаточно опытна?

- Значит, не заметила. А может, и опыта маловато. Ведь она же не профессионал. Она - привлечённая.

- И что же, вы дома никогда по-русски не разговаривали?

- Это исключено.

- Ну а скажем, на улице, в машине?

- Нет.

- И что, так уж никто из ваших друзей не догадывался, что вы русские?

- Похоже, что нет.

А может, они вам просто об этом не говорили?

- Вполне возможно.

- О каком сигнале идёт речь в полученной шифровке?

- Ну, я же вам сказал, какой сигнал нужно ставить в Чили. Откуда мне знать, что вы там нарисовали?

- Да, наши люди, наверное, напутали и поставили не совсем то, что надо.

- Да вы вообще там, похоже, просто раздавили кусочек мела и думаете, что к вам кто-то после этого выйдет.

- А вы уверены, что вы нам дали правильный сигнал?

- Это уж ваше дело, верить мне или нет.

- Но согласитесь, что ваше поведение там, на конспиративной квартире в высотном здании, никак не способствует нашему взаимному доверию.

В ответ я лишь пожал плечами. Он помолчал.

- А скажите мне вот что: разве у вас не был предусмотрен какой-либо сигнал на случай ареста? Я полагаю, что Центр до сих пор не знает о том, что с вами случилось.

- Ошибаетесь. Центр, по-видимому, уже знает об этом.

- Каким образом? Откуда?

- А вы были на нашей квартире?

- Разумеется.

- Так вот. На кухне окно скользит по дюралевым направляющим. В определённые дни, в определённое время окно должно быть приоткрыто на одну треть, что означает: «Всё в порядке».

- А если оно закрыто в этот день?

- Тогда это сигнал, означающий «опасность». Густаво задумался.

- Окно действительно было закрыто. Но, предположим, Центр таким образом узнал о вашем аресте. Почему же он продолжает радиопередачи?

- Чтобы нас поддержать. Вы же видели, что Центр обращается ко мне по кличке «Олег», тогда как мой псевдоним - «Вест». Так вот, обращаясь ко мне по этой кличке, Центр даёт мне знать, что ему известно о том, что с нами произошла «маленькая неприятность».

Густаво снова задумался. От себя добавлю, что всё вышеописанное было импровизацией от начала до конца. Я знал, что «Веста» окно на кухне закрыла. А моя настоящая кличка действительно была «Олег», а псевдоним «Весты» - «Олегова». И никакой договорённости с Центром на случай ареста у нас, к сожалению, не было. Но похоже, что аналитики из ЦРУ разгадали эту мою туфту, так как Густаво к этому вопросу с окном и с кличкой больше не возвращался.

- Скажите, а вы не были знакомы с Логиновым? - вдруг спросил он.

- Нет, не был. Знаю из прессы, что он провалился в ЮАР.

- А почему, как вы думаете?

- Газеты писали, что из-за того, что ему вздумалось зачем-то фотографировать старую тюрьму, а там это возбраняется.

- И что вы думаете по этому поводу?

- Думаю, что всё это чушь. Я думаю, что его арестовали по наводке.

Густаво перевёл разговор на другую тему.

О молодом нелегале Логинове сообщалось в прессе: «Впервые советский шпион пойман в ЮАР!» Он был арестован якобы по уже указанной мной причине - фотографирование тюрьмы. Логинов был один, без семьи. Почему он признался, что он нелегал, мне не было ясно. Возможно, к нему применялись какие-то методы воздействия. Центр каким-то образом сумел вызволить его из тюрьмы. Впоследствии он работал преподавателем в одном из вузов Ленинграда.

Вскоре Густаво распрощался и уехал.

После обеда, когда Пепе удалился в свою комнату отдыхать, Мигель поведал мне кое-что о Густаво:

- Это тот самый янки, который руководил всем твоим делом. Это он тогда сидел в соседней комнате в комисарии, когда тебя допрашивали сразу после ареста.

- Ну и как он?

- Нормальный. Щедрый. Подбрасывает нам иногда «зелёненьких». Вообще-то их здесь много, цэрэушников. Порой, кажется, что по одному за каждым деревом. В Штатах у него остались жена и дети. С женой он разведён. Живёт один.

- Он что здесь, самый главный?

- Нет. Главный у них Карлито. Рыжий такой, злой и вредный. Он тоже был там, в комисарии, вместе с Густаво в ночь ареста. Да и у твоего дома он был вместе с нами, контролируя всю операцию.

...Прошло несколько дней. Сменился наряд. Один из охранников явился в моей куртке. Он сказал, что у него есть яхта и что в моей курточке ему будет очень удобно с ней управляться. Старшим наряда был Охеда, мой старый знакомый. К ужину снова подошёл полковник Гомес. После трапезы он опять затеял со мной дискуссию по вопросу о частной собственности на землю. Он мне пытался доказать преимущества частного владения землёй, фермерского ведения хозяйства. Я же доказывал ему преимущества нашего колхозно-совхозного социалистического производства. Разумеется, сегодня мои доводы кажутся мне смешными, но ведь в 1970 году с производством сельхозпродуктов у нас в стране дело обстояло несколько лучше, чем сейчас, и мне было чем крыть. Советская власть давала простому народу гарантированную работу, социальную защищённость, бесплатное образование и здравоохранение, практически бесплатное жильё.

Дискуссия была довольно острой и в то же время забавной. Присутствовавшие при этом охранники с интересом слушали мою лекцию о социалистическом образе жизни и способе ведения сельского хозяйства в условиях социализма. Но мой главный оппонент в споре о преимуществах двух систем, полковник Гомес, оказался на высоте, умело защищая свой строй. Каждый из оппонентов остался при своём мнении.

Через несколько дней снова пришёл Густаво. Переговорив о чём-то с Пепе, он сел за стол рядом со мной и спросил:

- Скажите, у вашей жены и вправду была норковая шуба?

- Да, была. А что, шубы этой уже нет?

- Об этом поговорим позже. Какая аппаратура у вас имелась, кроме радиоприёмника «Браун» и магнитофона «Сони»?

- Ну, были ещё приёмник «Грюндиг», кассетный магнитофон «Филипс», восьмимиллиметровая кинокамера, фотоаппараты «Олимпус-Пен» и «Кэнон», пишущая машинка. А что, чего-нибудь не хватает?

- К сожалению. Надо будет разобраться кое в чём.

- Ну, вы бы ещё целую роту туда пригнали, тогда вообще от дома ничего бы не осталось.

- Вот вы всё шутите, и порой шутите опасно. Будьте осторожны с аргентинцами. Пока мы контролируем ситуацию, но ведь всё может в любой момент выйти из-под нашего контроля. Не провоцируйте их.

- Чему быть, того не миновать. С чего вы взяли, что я - провокатор? Все мы во власти Божьей.

- Во власти Божьей... Разумеется. Будьте же серьёзны! Под вопросом ваша судьба. И вашей семьи тоже.

- А если серьёзно, то я в любой момент возьму да и прекращу всякое сотрудничество с вами, пока не получу возможность повидаться с моей семьёй.

- Прошу вас не делать этого. С вашей семьёй всё в порядке. Я только что оттуда. И я вам обещаю, что вы их скоро увидите. Но, ради Бога, не вредите себе, да и им тоже. Аргентинцы теряют терпение, им нужны немедленные и эффективные результаты. Вы уверены, что вы нам всё рассказали, что касается ваших связей?

- Какие могут быть сомнения?

- Сомнения, видите ли, имеются. Но дело не в этом.

- В чём же?

- Вот вы указали нам почтовый ящик «Грета» [43] в Восточном Берлине.

- Ну, и что с ним?

- Но ведь это адрес одного из десятков офисов, размещающихся в центральной части Восточного Берлина.

- И что же вас смущает? Что тут особенного?

- А в каких случаях вы должны использовать этот адрес?

- Когда есть необходимость послать внеочередное сообщение.

- Вы не возражаете, если мы туда напишем? Вернее, вы напишете, - предложил он, испытующе глядя в глаза.

- Никаких проблем. Можем и написать. Если вам это нужно. А только зачем?

Вместо ответа он дал мне бумагу и ручку. Я набросал черновик защитного текста письма на нейтральную тему. Густаво прочитал письмо, внеся некоторые коррективы, и я переписал его начисто. Затем было заготовлено краткое сообщение о том, что вследствие болезни я не смог поехать в Чили. Наложив на текст письма специальную копирку с тайнописным составом, я выполнил невидимый текст сообщения, вложил в конверт письмо и написал адрес. Густаво забрал письмо и распрощался. Позже, уже в Москве, я узнал, что письмо моё в адрес «Грета» никогда не было отослано. Цэрэушники не зря ели свой хлеб.

В наряд посылали каждый раз новых охранников. Они были людьми различными по складу ума и по характеру. Запомнился один, нервный и

---

[43] Адрес «Грета» был подобран Центром на тот случай, если «Вест» попадёт в руки противника и будет вынужден вести двойную игру. Этот вариант был отработан и являлся составной частью «отступной легенды». Любое послание от «Вестов» по этому адресу означало бы: «Мы в руках противника».

злой, физически сильный, большеголовый, лохматый, в очках. Он всё донимал меня вопросами насчёт социалистического строя в России, которую он всем сердцем ненавидел и всячески старался это показать. Даже порывался меня допрашивать, но вмешивался старший группы и выставлял его из комнаты. В день смены наряда он зашёл попрощаться. Был одет под ковбоя: в куртке с кисточками и помпончиками, с патронташем и револьвером на боку, в широкополой шляпе и в коричневых сапогах на высоком каблуке. Я с усмешкой рассматривал его живописный наряд.

- Собрался на бой с большевиками? - не удержался я.

- С удовольствием пристрелил бы тебя, русский шпион, будь моя воля! - вскипел почему-то он, обидевшись на мою невинную шутку.

- Послушай, а что я тебе такого сделал, что ты на меня так сердишься?

- Да одно то, что ты оттуда, - уже преступление! Погоди, мы ещё встретимся с тобой на узкой дорожке!

Если тебе вдруг вздумается бежать. Я сам пойду по твоему следу. Уж я-то найду тебя! И он, резко повернувшись, вышел.

- Он что у вас, псих? - спросил я Мигеля.

- Э-э, да у него не все дома, - отвечал он. - А вообще-то парень был в «эскадроне смерти» [44], где слегка свихнулся. - И Мигель сделал выразительное движение пальцем у виска. - Он армянин по происхождению, сын богатого оптовика. У них ранчо в Сальте, вот он и приоделся под ковбоя, туда сейчас направляется.

Однажды Густаво привёз фотографа. Меня сфотографировали в моей дурацкой красной пижаме в профиль и анфас. Дора мне потом рассказывала, что фотография была цветной и я выглядел на ней просто превосходно: красный и в красной пижаме.

- Сегодня ваш национальный праздник - день Октябрьской революции. Примите мои поздравления, - сказал Густаво.

В тот день он остался на ужин, присутствовал также на радиосеансе из Центра, который оказался последним. К счастью, Центр, по-видимому, почувствовал неладное: последняя шифровка не содержала абсолютно никакой лишней информации, адресов, инструкций. Только поздравления с пятьдесят третьей годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Да ещё спрашивали о нашем самочувствии. Центр, кажется, понял, что, раз я не появился в Чили и о причинах ничего не было сказано, значит, что-то, возможно, идёт не так, как надо. (Однако я

[44] «Эскадроны смерти» действовали в Аргентине и Бразилии в шестидесятые-семидесятые годы и состояли из офицеров и сержантов полиции и жандармерии, которые в свободное от основной работы время физически уничтожали прогрессивных деятелей, террористов, матёрых уголовников и лиц, замешанных в убийстве полицейских. Трупы людей, уничтоженных «эскадроном смерти», находили на загородных шоссе, изрешечёнными пулями и с надписью на груди: «Эскадрон смерти».

ошибался.) Получение шифровки просили подтвердить соответствующим сигналом. Густаво задумался. Он словно что-то решал. Видимо, понял, что радиоигра подходит к концу.

- Ну и какой же это соответствующий сигнал? - спросил он.

- Всё тот же: «Х» (как я уже упоминал, сигнал этот означал «опасность»).

Пепе между тем завершал свою работу.

- Я вас очень прошу ещё раз подумать и вспомнить то, что вы, возможно, забыли мне сказать.

- Я вам всё сказал и на все вопросы ответил.

- Ну, может быть, что-то не сказали поначалу. Ведь вы же понимаете, что я уеду, после меня придут другие люди, и вам всё равно придётся рано или поздно рассказать, если вы что-то от меня утаили. Для вас это будет кое-что значить. Поймите меня, я к вам хорошо отношусь, и мне очень хотелось бы, чтобы у вас в будущем всё было нормально.

- Послушайте, Пепе. А почему, собственно, вы думаете, что я от вас что-то утаиваю. И кстати, какие у вас соображения относительно нашего будущего? Уже что-нибудь замаячило на горизонте?

- Дело в том, что я должен вас покинуть, поскольку моя работа здесь окончена. С вами будет работать другой мой коллега, который только что прибыл из Штатов. Мне, разумеется, очень не хочется, чтобы он узнал что-то, чего не знаю я. Вы, конечно, понимаете, что имеется в виду - связи. У нас пет уверенности, что мы знаем всё. Нет ни единой зацепки.

- Я вас уверяю, Пепе, что я от вас ничего не утаил.

- Ну, хорошо. А что касается вашего будущего, то пока рано говорить об этом. Но по секрету скажу, в перспективе у вас, по-видимому, предстоит переезд в США. Вы как на это смотрите?

- Положительно.

На этом мы расстались. Два дня никого не было.

На третий день после завтрака на стол передо мной легла местная газета «Кларин». До этого никаких газет мне не давали. А сейчас вдруг дали. На последней странице газеты были напечатаны фотографии двух молодых людей, советских граждан, выдворенных на днях из страны за деятельность, несовместимую с официальным статусом. Фотографии сопровождались статьёй, в которой говорилось, что современные технически развитые страны уже давно перешли на спутниковые методы разведки, советская же разведка всё ещё пользуется средневековыми дедовскими шпионскими методами. В статье говорилось, что русские были пойманы с поличным и выдворены из страны в соответствии с международными нормами. Их высылке предшествовала нота правительства Аргентины, вручённая послу Советского Союза. Комментарии не содержали никаких конкретных фактов. Я понял, что

произошло. «Но ведь сигнал же был не тот! Почему же они всё-таки пришли?!»

Двоякие чувства обуревали меня, пока я читал эту статью под внимательными взглядами охранников и Охеды.

Конечно, было тяжело и горько осознавать, что по моей вине из страны были выдворены два наших сотрудника. Никого из них я не знал. Но в то же время был уверен, что «неприятности» у них были из-за того, что пошли на операцию, несмотря на то, что сигнал был другой. Вот каким путём Центр, наконец, получил информацию о нашем положении. Во-первых, по крайней мере, этих мучительных радиопередач больше не будет. Радиоигра закончена. А это - главное. Во-вторых, Центр предпримет предусмотренные в этих случаях меры по локализации провала. В-третьих, - что немаловажно, - моё положение в глазах моих «опекунов» упрочится. Тот факт, что они считают, что я им не всё сказал, говорит в мою пользу, поскольку я буду нужен им до тех пор, пока в состоянии буду давать хоть какую-нибудь информацию.

А вот и кое-что, чего не было в прессе. Об этом мне удалось узнать позднее через одного из охранников, который принимал непосредственное участие в операции по захвату наших людей, выходивших к тайнику.

Тайник этот, как и многие другие, подбирался мной, и размещался он в кирпичном основании железной ограды, проросшей живой изгородью. Ограда окружала заброшенный старый дом, расположенный на узкой улочке в одном из районов Буэнос-Айреса. Из описания тайника было ясно, в какое время будет положена закладка. Контрразведка планировала организовать крупную провокацию с захватом с поличным связника Центра, с последующим развёртыванием антисоветской кампании в стране. В этих целях тайник был оборудован скрытыми фотовспышками для фотографирования связника в момент выемки закладки из тайника. В контейнер - металлическую трубку - была заложена подготовленная СИДЭ непроявленная фотоплёнка с отснятыми военными объектами и другими компрометирующими материалами.

Поздним вечером два молодых человека не спеша приближались к району тайника. Перед этим прошёл сильный дождь. На улице, как обычно, стояли машины. Прохожих почти не было. Ничто не предвещало каких-либо неприятностей.

В момент изъятия закладки фотовспышка не сработала, по-видимому, по причине ливня. Один из товарищей изъял контейнер, и оба уже стали уходить, не ускоряя шага, когда из-за кустов, из-за машин на них бросилось десятка два агентов контрразведки. Ловко увернувшись от них, связники, бросившись в разные стороны, ударились в бега. Они были задержаны лишь на довольно большом расстоянии от тайника и оказали значительное сопротивление. Контейнер с плёнкой СИДЭ так и не удалось найти, хотя её искали десятки людей. Куда они её забросили, выяснить так и не смогли, хотя были осмотрены все прилегающие к улице

палисадники, канавы и ливнестоки канализации. В машине один из задержанных пытался ударить охранника, назвал его предателем, очевидно, приняв его почему-то за меня. Его поколотили, и довольно крепко. В полицейском участке, куда были доставлены оба связника, каких-либо компрометирующих материалов против них предъявить так и не удалось, но тем не менее был составлен протокол, вызван представитель нашего посольства, и товарищи были выдворены из страны. Один из них работал в Торгпредстве, другой - в местном агентстве «Аэрофлота».

Я всё ещё сидел за столом, горестно размышляя о случившемся, как вдруг распахнулась дверь и вошла «Веста» с детьми. Встреча конечно же была необычной, мы не виделись целый месяц со дня ареста. К тому же меня никто не предупредил, что они придут. Старшая дочь была очень возбуждена, но быстро успокоилась. Нас оставили наедине. Я сделал «Весте» знак, что нас подслушивают, и стал вести разговор в том плане, что мне пришлось признаться во всём, что будущее наше пока неопределённое, что, возможно, придётся остаться в этой стране, так как после этого события - я показал ей газету с фотографиями - нам уже ни в коем случае нельзя возвращаться домой. Всё это время я демонстрировал «Весте» указательный палец левой руки, наложенный на средний, - наш условный сигнал о том, чтобы она не верила моим словам. Этот жест был взят нами из художественного кинофильма времён «холодной войны» о захвате тайнваньским режимом советского танкера «Туапсе». Этот жест означает: «Я вру. Не верь тому, что говорю».

На пальцах же я показал, что необходимо готовиться к побегу. Больше ни о чём поговорить не удалось, так как вошёл полковник Гомес. Сквозь приоткрытую дверь доносилось потрескивание рации и голос дежурного, который вызывал кого-то на связь.

Через полчаса «Весту» с детьми увели.

Вечером снова слушали эфир. Он был нем. Центр на связь больше не выходил. А через два дня мне принесли одежду и велели переодеться. Вернули часы и ремень. Снова надели чёрные очки, заложив за стёкла вату. Прошли по коридору, вышли во двор, где меня усадили в маленький «фиат». Рядом сел охранник. Слышался шум двигателей машины. Краем глаза мог наблюдать, как выехали со двора на улицу. Долго ехали по шоссе, затем по какой-то аллее.

«Похоже на парк «Патрисиос», - подумал я.

Из разговора охранников понял, что сзади шла ещё одна машина.

Въехали в ворота какой-то усадьбы. С меня сняли очки и ввели в дом. В вестибюле меня встречали «Веста» и дети. Мы прошли в отведённую для нас комнату. Полковник Гомес посмотрел, как мы разместились, и вскоре уехал.

Это была маленькая спальня, где стояла большая кровать, по обе стороны которой расположены кроватки для детей. Окно забрано

решёткой, ставень-жалюзи закрыт, в комнате горели лампы дневного света. При спальне был совмещённый узел - ванная и туалет.

Некоторое время мы оставались одни. Вслух разговор шёл о детях. Отлично понимая, что комната прослушивается, мы писали с помощью огрызка карандаша, каким-то чудом сохранившегося у «Весты», друг другу записки на туалетной бумаге.

В записках прежде всего обсудили причину ареста.

«Мне кажется, что это предательство», - сразу же написала «Веста».

«Я тоже так думаю, - написал я. - Хотя не исключается, что где-то у нас самих был прокол. Нельзя же всё валить па предательство. И тем не менее никаких улик, никаких доказательств не предъявлено».

Мы перебрали все моменты, включая недавнюю поездку в Союз. Именно здесь мог иметь место прокол. Но почему сразу же арест? Ведь обычно в нашем деле аресту предшествует длительная разработка, преследующая прежде всего выявление связей. Прошляпили мы? Не заметили наружного наблюдения? Всё может быть, хотя проверялись регулярно, особенно до и после явки и при проведении тайниковой операции. А случай на дороге с той девочкой? Если бы мы находились в разработке, этот случай вряд ли был бы оставлен без внимания контрразведки. Мы продолжили разговор во дворе, куда нам разрешили выйти на полчаса.

Кинта (так в Аргентине называется вилла) с небольшим двориком размещалась в пригородной зоне на участке примерно в четыре сотки. Дом был одноэтажный с мезонином, с крышей из красной черепицы. В доме были гостиная с камином, большая прихожая, где раздвижной ширмой отгорожена ниша с двумя кушетками для охранников, ещё две спальни, кухня, вторая ванная с туалетом. Из прихожей в верхние помещения вела мраморная лестница. Наверху в мезонине имелись две небольшие изолированные комнаты. Вход туда для нас строго запрещён: там были служебные помещения охраны, размещались рация и аппаратура подслушивания. Дом был отделён от шоссе эвкалиптами и окружён живой непроходимой изгородью. Небольшой дворик представлял собой лужайку, поросшую травой. Во дворе имелся большой, добротно сделанный из кирпича мангал для приготовления асадо.

Участок был угловым, метрах в двухстах от шоссе, по которому проходили автобусы дальнего следования. К дому примыкал соседний участок, где стоял точно такой же дом. Круглосуточно дежурил наряд, состоявший из четырёх сотрудников СИДЭ, вооружённых пистолетами. Через каждый час дежурные выходили в эфир с докладом о состоянии дел на объекте. Если кто-то должен был приехать, то охрана заранее оповещалась об этом по рации. Каждую неделю наряд сменялся. Контроль за всеми нашими передвижениями на кинте осуществлялся круглосуточно.

Соседям меня выдавали за учёного из ГДР с семьёй, попросившего политического убежища. На руках у нас было двое детей, поэтому

предпринять что-либо в смысле побега в подобной обстановке было просто немыслимо. Поэтому оставалось только запастись терпением и ждать. Во дворе, как правило, на стуле или на бревне сидел охранник. Мы с детьми в это время могли совершать прогулки по периметру двора. С прежней квартиры нам доставили коляску, купленную ещё в Швейцарии, и ребёнок, которому было к тому времени уже одиннадцать месяцев, учился ходить, держась за коляску.

Во время прогулок мы вполголоса могли обсуждать наши проблемы, но так, чтобы движение губ не просматривалось со стороны дома. Было решено, что у нас нет иного выхода, как дожидаться дальнейшего развития событий, результатов расследования нашей деятельности в стране. Ведь не всё же время нами будет заниматься ЦРУ. Придут ещё, очевидно, и местные следователи. Неизвестно ещё, как в дальнейшем с нами поступят: в случае суда нам могут предъявить лишь одну улику - незаконное использование аргентинских документов, да ещё кое-что не слишком, на наш взгляд, значительное. Могут, конечно, также без всякого суда поселить нас где-нибудь в отдалённой провинции под надзором. Есть в этой стране места, откуда выбраться не так просто. О таком варианте поговаривали охранники, которые слышали разговоры своего начальства.

В день моего прибытия на кинту там дежурила смена во главе с моим старым знакомым Мигелем. Остальные трое - Качо, Хорхе и Тинго - молодые парии не старше двадцати пяти лет. Один из них, Тинго, индеец: смуглый, с косым разрезом глаз, с чёрными как смоль прямыми волосами. Качо - добродушный толстяк с вислыми пшеничными усами. Хорхе - высокий, бледнолицый, рыхловатый парень.

Потом начальство уехало и мы остались с охранниками. Был тёплый вечер, по шоссе изредка проносились автобусы дальнего следования. Мигель, наблюдавший за мной, добродушно посмеивался:

- Небось укатил бы от нас на одном из этих автобусов, э-э? Если бы смог, конечно.

- Может, когда-нибудь и укачу, - поддержал в шутку. - Только не сегодня. И даже не завтра.

- Послушай-ка, что я тебе скажу, - сказал Мигель, наклонившись ко мне.

Наступали сумерки. Мы сидели во дворе на толстых чурбаках. Остальные суетились на кухне, готовя ужин.

- Судить тебя вряд ли будут. Но если всё же предадут суду, у тебя будет возможность иметь адвоката. Требуй для себя адвоката Доминго Р. - И он назвал имя известного адвоката, который специализировался на делах «левых». - А вообще-то я думаю, что ты для американцев представляешь куда больший интерес, чем для нас. Да и вообще вы их находка, не наша. Они вроде бы собираются вас забрать к себе в Штаты.

- Почему ты так думаешь?

- Я слышал разговор Густаво с одним нашим шефом, которого ты не знаешь. Да и с политической точки зрения процесс этот нам абсолютно ни к чему. Нет никаких улик против вас.

Уже стемнело, и нас позвали к ужину. В тот вечер готовили сами охранники. Итак, первый ужин в кругу семьи после разлуки. В гостиной был накрыт стол, за который мы сели вместе с охранниками. Из кухни торжественно выплыл Качо. На его усатом, круглом, румяном лице сияла улыбка до ушей. Он гордо водрузил на стол огромное блюдо с картофельным салатом под майонезом. Во всё блюдо красными помидорами были выложены серп и молот. Охранники в это время добродушно перемигивались. Мигель в шутку сказал, что с американцами ведутся переговоры о том, чтобы меня оставили в СИДЭ в качестве советника по разведке, вопрос только в том, какую мне установить зарплату. Подали пучеро-де-гальина [45]. Это немудрёное аргентинское блюдо, не требующее особых знаний кулинарии: варится курица, капуста большими кусками, тыква, картофель, несколько луковиц, разные специи. Подаётся всё это в курином бульоне. Затем последовал чурраско [46] с зелёным салатом. На десерт подали цитрусовые, чёрный кофе и молоко для детей.

После трапезы последовала «собремеса» - времяпровождение за столом, обычно занятое досужей болтовнёй, как правило, о футболе и политике.

Наутро после завтрака приехали два сотрудника ЦРУ, женщина и мужчина. Женщину звали Дора, «Веста» мне о ней говорила. Мужчина представился Каем. Дора уже бывала на кинте раньше и имела одну беседу с «Вестой», но дело, как я понял, у них не очень продвигалось. Дора была высокой, худой, типично американского типа женщиной средних лет. Она носила круглые очки в металлической оправе, в которых походила на строгую учительницу.

Кай, тот был ещё выше, худой, сутуловатый, бледнолицый, в очках, говорил неторопливо, негромким голосом. Оба, как мы после убедились, были профессионалами высокого класса. Оба по-русски говорили без акцента. Густаво, который их привёз, отозвав меня в сторонку, сказал, что от этого мистера Кая, только что прибывшего из Вашингтона, будет зависеть решение нашей судьбы. Здесь он впервые сказал мне, что для всех нас было бы лучше, если бы мы перебрались в Штаты. По-видимому, надо будет к этому стремиться, так как продолжать здесь оставаться небезопасно, ибо кое-кому из местных мы уж очень не нравимся. Он также убедительно просил меня говорить с мистером Каем только по-русски.

Мы прошли в небольшую светлую комнату на первом этаже. Кай поставил на стол портативный магнитофон, сел напротив меня за стол, и

---

[45]Пучеро-де-гальина - похлёбка из курицы и овощей с обязательным компонентом - тыквой (исп.).

[46]Чурраско - мясо, зажаренное на углях (арг.).

мы приступили к работе. Дора с «Вестой» в это время расположились за столом в гостиной. Дети играли во дворе под присмотром охранников.

Работа велась практически в том же плане, что и с Пепе, только более углублённо. Допросы основывались на анализе отчётов, составленных Пепе, а также на анализе записей, найденных в моих записных книжках. Детальной расшифровке была подвергнута каждая запись, каждая закорючка, проверены десятки адресов. Кай пытался прежде всего выявить связи. Допросы, как правило, проводились с утра до обеда, после чего Кай и Дора уезжали, для того чтобы обобщить и сопоставить полученные материалы, подобрать по ним вопросы, провести через СИДЭ проверки. На следующее утро всё начиналось сначала. И так изо дня в день, за исключением субботы и воскресенья.

По истечении первой недели нашего совместного пребывания на кинте Качо, охранник с пушистыми усами, густой кудрявой русой шевелюрой, перед тем как уйти (его смена, продолжавшаяся целых две недели, наконец закончилась), сказал мне на прощанье:

- По жене соскучился прямо жуть как. А вам я завидую. Я бы в такой ситуации не смог бы.

- Чего не смог?

- Ну... сами знаете. Мы как последние идиоты сидим, подслушиваем вас, километры плёнки тратим, а кроме скрипа пружин вашей кровати, ничего не слышим.

- А вы этот скрип расшифруйте, сразу поймёте, о чём мы речь ведём по ночам.

- Да уж расшифровали. Неужели это возможно?

- Что именно?

- Ну... вы вроде как в плену и... это... Ну... с женой.

- Что же тут особенного? Жизнь-то продолжается. И не такая уж она долгая. А плен? Что ж это издержки профессии.

- Начальство наше рвёт и мечет. Бобины плёнки израсходовали, магнитофоны перегреваются, а толку - ноль.

- Как это ноль? Мы же всё время разговариваем, причём на кастельяно. Это вы микрофоны плохие поставили.

- Да так-то оно так, а только разговоры эти ваши мало что дают. Шеф сказал, что поговорит с американцами, чтобы прекратить подслушивание.

- А может, американцам как раз интересно слушать пружины?

- Ха-ха! Ну, ладно. Интересно с вами разговаривать. Забавно. Славная у вас жена. Ну, всего хорошего. Поеду домой. Поскриплю пружинами.

Качо после ещё не раз бывал у нас на дежурстве и больше других занимался с нашими девочками.

В наряд присылались разные люди. Попадались среди них и такие, кто лично принимал участие в пытках и прочих подобных делах. Несколько раз были и те двое, что приходили ко мне в офис в день ареста. Охранники целыми днями играли в карты, домино или в фишки, читали книги. А однажды во дворе затеяли стрельбу из пистолетов по мишени. Детей во двор мы в этот день не выпускали. Нашу просьбу прекратить стрельбу проигнорировали. Газетами нас не баловали. Американцы же приносили нам книги издательства «Посев», запрещённые в нашей стране. Так я ознакомился со всеми произведениями Солженицына, среди которых были «Раковый корпус», «В круге первом» и другие, с «Мемуарами Н.С. Хрущёва», с книгой «Двадцать писем к другу» С. Аллилуевой, с «Доктором Живаго» Б. Пастернака, с речью Хрущёва на Двадцатом съезде КПСС, с трудами наших диссидентов А.Д. Сахарова, Роя и Жореса Медведевых, Орлова и других. О мемуарах Хрущёва Густаво меня спросил:

- Что вы думаете о них?

- Очень интересно написано. Там много такого, о чём мы никогда не догадывались.

- А вот у вас в стране говорят, что их составило ЦРУ. Ваше мнение?

- Полагаю, что у ЦРУ есть другие дела, более важные, чем сочинение мемуаров чужих лидеров. Никита Сергеевич знал, что в нашей стране его книга никогда напечатана не будет, взял да и переправил рукопись за границу. Небось через своего зятя Аджубея или ещё через кого.

Из Штатов приехали два психоаналитика. С секундомерами в руках целый день они крутились вокруг нас, проводя разнообразные тесты. Оба отличались весёлым нравом, много сменялись, шутили с нами, продолжая делать свою работу. После они нам сказали, что полученные ими результаты отражают довольно высокий уровень нашей общей эрудиции, интеллект и хорошую реакцию на внешние воздействия. Эти американцы, похоже, были докторами наук из какого-то университета. Ясно, что ЦРУ интересовало наше психическое состояние и что отрабатывались какие-то планы в отношении нас.

А через два дня нам предстояло испытание на «детекторе лжи». Мы узнали об этом за день до испытания и смогли переговорить о том, как себя вести. Нас вызывали по одному в комнату в мезонине, где сидели двое только что прибывших американцев. Детектор лжи размещался в двух «дипломатах» и по устройству внешне напоминал аппарат для снятия электрокардиограммы. Вопросы задавались с виду как будто простые, но с подоплёкой. Работа велась на английском языке. Когда я подымался по лестнице, ведущей в верхние комнаты, старшая дочь отчего-то вдруг воспротивилась, пытаясь меня не пустить наверх. Уж что она там подумала - не знаю, но она, рыдая, уцепилась за меня и не пускала. С ней чуть не случилась истерика, и стоило большого труда её успокоить. Младшая же, увидев всё это, тоже разразилась оглушительным рёвом. Одним словом, дети устроили настоящий концерт.

Процедура выглядела примерно так.

В одной из комнатушек мезонина меня ждали два долговязых американца - один в годах, другой помоложе. С виду - научные сотрудники.

- Садитесь вот сюда, - сказал один из них, указывая на стоявшее посреди комнаты кресло.

- Вы знакомы с этим аппаратом? - спросил старший, пока его коллега пристёгивал и приклеивал датчики на руках, ногах и на груди.

- Нет, не знаком.

- На все наши вопросы, пусть даже некоторые из них вам покажутся до смешного нелепыми, вы должны отвечать только «да» или «нет». Никаких комментариев. Никаких жестов. Полное спокойствие. Никакого волнения. Итак, начинаем.

- Мартынов - это ваша настоящая фамилия?

- Да (в действительности это был мой оперативный псевдоним, полученный ещё в разведшколе.) - Мысли мои в этот момент витали в деревушке на далёкой Смоленщине. Год назад родители «Весты» купили там избу.

- Вашего отца звали Иван?

- Да. (На самом деле его звали Михаилом.)

- Ваш отец жив?

- Нет.

- У вас есть братья-сёстры?

- Нет. (На самом деле мои двое братьев работали в органах ГБ.)

- Вы член партии?

- Да.

- Ваша жена коммунистка?

- Нет. (На самом деле она в 1967 году была принята в партию.)

- У вас были на связи агенты?

- Нет. (Это было правдой.)

- Вы знаете причину вашего ареста?

- Нет.

- Болели в детстве корью? - Да.

- С вашей женой вас познакомило КГБ?

- Нет.

- Вы можете убить кошку?

- Нет.

- Можете спрыгнуть с дерева?

- Да.

- Вы верите в коммунизм?

- Да.

- Вы всё рассказали нашему сотруднику Пепе?

- Да.

И так далее в таком духе. Многие вопросы за давностью времени стёрлись из памяти.

Испытания на «детекторе лжи» мы прошли, по-видимому, более или менее сносно, поскольку для нас это испытание каких-либо отрицательных последствий не имело.

Затем приходил врач, который осмотрел нас и детей. Довольно поверхностно.

Новый, 1971 год встречали с теми же самыми охранниками, которые были в первом наряде, только вместо Мигеля был Охеда, который пришёл со своей женой, красивой женщиной европейского типа, также работавшей в СИДЭ. Невесёлой была для нас эта новогодняя ночь. Впереди - полная неизвестность. Нам предстояло ещё целый год провести в неволе.

Однажды поздно вечером, когда дети уже легли спать, приехали два шефа из СИДЭ, которых я до этого никогда не видел. Они не представились, хотя впоследствии в разговоре с охранниками я выяснил что это были полковники Отеро и Урета.

Меня усадили за стол в гостиной, предварительно выпроводив охранников, и учинили допрос с некоторым пристрастием, требуя, чтобы я немедленно раскрыл им все свои связи, явки и координаты агентуры. Отеро, зайдя сзади, неожиданно саданул меня в печень. Я стал хватать ртом воздух. В глазах потемнело. Он стоял передо мной, немного сбоку, а в сантиметрах от меня на поясе блестела рукоятка его револьвера в кобуре открытого типа. Провоцирует? Ждёт, что я не сдержусь и выхвачу его револьвер? Но - табу! За стеной - жена и дети. За стеклянной дверью с занавесками в прихожей притихли охранники. Да, провоцирует. А второй сидит за столом, напротив, держа руку в кармане пиджака. Проверяют мою выдержку, что ли?

Затем они стали допытываться, что это за адрес «Грета», который я им дал на первом допросе, и не ложный ли это адрес. Я им объяснил, что адрес настоящий, при этом пришлось поклясться своими детьми. (А адрес действительно был настоящий.) Ничего не добившись, взбешённые, они уехали, пообещав ещё не раз навестить меня.

Наутро я рассказал Каю о ночном визите и сказал при этом, что подобные визиты не способствуют нашей совместной работе. Мистер Кай

позеленел от злости и тотчас отправился наверх к радиотелефону. Вскоре он вернулся, и мы продолжили работу.

Однажды в субботу, в отсутствие Кая, приехали двое из военной разведки Аргентины. Их интересовала одна связь, имевшаяся в моей записной книжке. Дело в том, что это был отставной политик, сенатор, сторонник генерала Перона, бывшего президентом Аргентины в 1946-1955 годах, он положил начало буржуазно-националистическому течению «За великую Аргентину». Их интересовал характер наших отношений, поскольку оба были знакомы с этим политиком и, возможно, делали на него ставку в будущем, так как существовало мнение, что возвращение Перона из своего изгнания в Испании не за горами. (Что вскоре я случилось.)

Перонистское движение в стране вновь набирало силу. Уже отгремели уличные бои в Кордобе, потрясшие всю страну. В джунглях тренировались соединения партизан, имел место захват вооружённой группой пассажирского авиалайнера местных линий с последующей посадкой на Фолклендских островах. Партизаны, среди них была одна женщина, вооружённые автоматами, долго держали самолёт на взлётно-посадочной полосе, но затем сдались англичанам и были переданы аргентинским властям. Имело также место убийство террористами бывшего президента Аргентины генерала Арамбуру, сменившего в своё время Перона после его бегства в 1955 году. Я рассказал офицерам разведки всё как было: познакомился случайно, отношения между нами были приятельские, он помог мне войти в контакт с двумя фирмами. Мы знакомы с его семьёй, живёт он крайне скромно. Знаком я и с его братом-священником. Но я не рассказал о том, что главный интерес представляла его родная сестра, которая работала в очень важном для нас учреждении.

Вскоре после Нового года в результате очередного бескровного военного переворота президента Аргентины генерала Левингстона сменил более националистически настроенный, авторитетный в своих кругах генерал Лануссе. В стране от этого ровным счётом ничего не изменилось.

Так вот эти двое из военной разведки (именно так они представились) пытались выяснить, насколько их друг скомпрометировал себя связью со мной. Я их убедил, что связь эта была нейтральной, что, в общем, соответствовало действительности, если не считать того, что через этого человека я вышел на нескольких нужных мне людей. Они пытались выяснить ещё кое-какие мои связи и пригрозили, что у них имеется возможность оказать на меня физическое воздействие. На этом, мы и расстались.

В понедельник я рассказал Каю об этом визите. Мне показалось, что он уже знал об этом и заверил меня, что эти люди здесь больше не появятся. Американцы, на мой взгляд, довольно ревниво относились к вмешательству аргентинцев в их дела.

С некоторого времени допросы стали двойными: Кай работал со мной с утра до обеда, а после обеда стал приезжать следователь из СИДЭ. Его

звали Гонсалес. Это был очень вежливый, обходительный, интеллигентный человек. Нам снова пришлось пройтись по моей биографии, особенно что касается аргентинского периода жизни вообще и службы в армии, в частности. Снова, уже в который раз, мне пришлось повторять одно и то же и ни разу не ошибиться, иначе меня сразу же поймали бы на расхождениях.

Однажды приехали вместе Кай и Густаво. Речь шла о необходимости нашего отказа от советского гражданства. Шаг этот, конечно, серьёзный, но нам необходимо было его предпринять, если уж мы решили идти до конца. Под диктовку Кая на русском языке я написал заявление об отказе от советского гражданства на имя Мартынова и Мартыновой. Мы оба подписали заявление. Затем пришлось оформить доверенность на получение небольшой суммы в валюте, имевшейся на моём счёте в женевском банке в Швейцарии. Счёт этот я открыл ещё весной 1961 года, когда встречался с нелегалом Паулем.

Кай и Дора вскоре закончили свою работу и уехали в Штаты. Закончил свою работу и Гонсалес. Теперь его сменили уже знакомый мне по ночной «беседе» полковник СИДЭ Урета и ещё один офицер чином пониже, по имени Перейра, упитанный и важный, с завидным здоровым румянцем на щеках. Они начали с того, что сказали мне: «Вы теперь забудьте о том, что вы там врали американцам, и начинайте нам говорить всю правду, иначе наше расставание может быть для вас и для вашей семьи очень и очень печальным».

Они работали со мной ещё месяца два с большими перерывами, каждый день атакуя меня всё новыми вопросами. Результат был прежний. «Весту» на это время оставили в покое, и она занималась приготовлением пищи и детьми.

Однажды ночью случился переполох: кто-то постучал снаружи в стену дома, и охранники, а это были молодые ребята, забегали по дому с пистолетами в руках. Я тоже вышел посмотреть, что там происходит, но вскоре понял, что ничего серьёзного.

- А собственно, кого вы опасаетесь? - спросил я. - Русских здесь нет. Своих, что ли, боитесь?

- Какие там, к чёрту, русские?! - воскликнул один из них. - У нас своих террористов хватает: и левые, и правые, и «тупамарос», и «эскадроны смерти»! Чёрт его знает, вдруг кому-нибудь из них придёт в голову наведаться сюда. Мы вон даже своему СИДЭ и то не доверяем, потому что там есть люди, которые хотели бы с вами расправиться, а следовательно, и с нами заодно, поскольку мы вас обязаны защищать.

«Что-то новое», - подумал я.

- На днях, - сказал другой охранник, уже знакомый мне высокий мулат, - террористы угрохали одного начальника полиции, отличавшегося особой свирепостью и жестокостью в борьбе с «левыми». Так теперь это дело увязывают с вами. Наше начальство через одного адвоката передало

вашим из посольства, что вы в полном порядке и что вовсе незачем убивать наших полицейских комиссаров.

Густаво теперь стал приезжать гораздо чаще, чем раньше.

- Ситуация создаётся такая, что чем скорее вы выедете из страны, тем будет лучше для вас. Оставаться здесь становится крайне опасно, так как местные власти могут захотеть в какой-то момент решить ваш вопрос по-своему. К тому же активизируются террористические группы. Вам необходимо готовиться к переезду в США. Вы сами понимаете, что после того, что произошло, обратного пути у вас нет. Дома вас ждёт Сибирь. В Штатах же вы можете прекрасно устроиться и жить припеваючи, уверяю вас. Я уверен, что вам там понравится. Америка - чудесная страна. Страна с большими возможностями.

Я передал «Весте» наш разговор с Густаво.

- А и впрямь, ты что думаешь, нас дома встретят с распростёртыми объятиями?

- Ну, с объятиями, может, и не встретят. Может, даже посадят сгоряча, по крайней мере меня. Ведь я, как-никак, нарушил присягу. Да и ты вроде тоже.

- А к стенке тебя не поставят?

- У нас это, кажется, сейчас вышло из моды. А вот в тюрягу или психушку - это очень даже может быть. Или вышлют куда-нибудь. А ты, если останешься на воле, будешь за меня хлопотать и носить мне передачи.

- Ты думаешь, нам удастся доказать факт предательства?

- Скорей всего не поверят. Ведь если предатель в Центре [47], то он должен быть неплохо защищён, и нас могут убрать раньше, чем мы откроем рот. Но волков бояться - в лес не ходить. Я думаю, в Штатах нам удастся осуществить задуманное. У нас только один путь - домой. Что бы там ни было. Не оставаться же здесь и записаться в предатели?

- Но нам ведь могут сказать, что версию о том, что нас предали, мы придумали сами, чтобы обелить себя.

- Пусть говорят, нам важно добраться до дома, доложить о случившемся и о своих подозрениях, а там пусть решают. Что сейчас об этом думать? Вон и Густаво говорит, что нам нужно поскорей отсюда убираться, так как здесь начинает пахнуть керосином.

Через два дия Густаво приехал со своим шефом, который представился как Карлито. Он смотрел строго сквозь очки, в глазах у него таилось недоверие. Вместе с ними прибыли Урета с Перейрой, те, что беседовали со мной почти два месяца. Необходимо было завершить некоторые формальности, как-то: официальный отказ от аргентинского гражданства нас и наших детей (ведь они-то были урождёнными

[47] В описываемый здесь период О. Гордиевский действительно работал в Центре.

гражданами Аргентины), для того чтобы в будущем ни наши дети, ни кто-либо другой не могли претендовать на аргентинское гражданство [48].

Кроме того, мы подписали доверенность на имя Уреты на продажу квартиры, машины и мебели. Машину Урета приобрёл для себя за смехотворную цену и был весьма доволен покупкой. Они с Перейрой буквально источали доброту и ласково посматривали на меня, как кот на сметану. Я мог только предположить, что им крупно повезло: они, вероятно, нашли те пять тысяч долларов, что находились в тайнике на кухне, и оприходовали их. Это была наша зарплата, присланная Центром через тайник.

Вскоре аргентинцы ушли, забрав с собой подписанные нами документы. Густаво с Карлито остались.

- Относительно ваших вещей, - сказал Густаво. - Пишущая машинка и магнитофон «Филипс» проданы. Деньги вам пригодятся. Оба фотоаппарата и кинокамера исчезли во время ареста. Норковая шубка тоже было пропала, но мы попросили полицию поработать, и шуба появилась. Мы её привезли с собой. Вот только похититель ударился в бега.

С этими словами он передал «Весте» большой пакет с шубой.

- Деньги за квартиру, машину и мебель, а также те, что будут получены в Швейцарии, мы переведём на ваш счёт в США, чтобы вам там было на что жить первое время. Ваша одежда из дома будет привезена сюда, и вы сможете отобрать себе всё необходимое, особенно одежду для детей. Со стороны вашей службы имел место подход к человеку, который связан с нами, о чём русские знают. Вас разыскивают. Думаю, что в ближайшее время ваше пребывание здесь закончится, так как в отношении вас принято решение. И на очень высоком уровне. Вы поедете в Штаты.

Подходил к концу девятый месяц со дня нашего ареста.

Наутро привезли картонные коробки с вещами и детскими игрушками. Мы отобрали самое необходимое. Поздно вечером нас увозили из Аргентины в США.

Америка, Америка...

Вашингтон. Пригород Спрингфилд. Было тепло, даже немного душновато, и мы открыли окно. Ведь из Южного полушария, где была зима, мы за сутки переместились в Северное полушарие, где лето было в самом разгаре.

Рядом с нашей кроватью стояли две кроватки дочерей. Американцы всё предусмотрели. Едва мы разместили вещи, как в дверь постучал Гарри. Он пригласил нас поужинать. Как гостеприимный хозяин, он

[48]Согласно законам Республики Аргентины, любое лицо, родившееся на территории страны, на борту самолёта или судна, принадлежащего этой стране, является гражданином Аргентины.

показал нам дом, состоявший из гостиной в двух уровнях с открытым камином посредине, над которым с потолка свисал медный кожух вытяжки; великолепной кухни с электроплитой и посудомоечной машиной, прачечной с автоматической стиральной машиной и сушилкой. Дальше шла дверь в служебные помещения, где размещалась охрана и, по-видимому, средства связи и аппаратура подслушивания.

Вместе с Гарри мы все сели за стол и поужинали холодной ветчиной с пивом, подогрели молоко для детей, съели мороженое, которое американцы обычно едят на ночь. Затем Гарри закурил свою трубку, распрощался с нами и прошёл в служебную комнату, а Питер проводил нас до дверей спальни и пожелал спокойной ночи. Так началась наша новая жизнь.

Утром нас разбудил довольно сильный стук в дверь. Очевидно, мы долго не могли проснуться. Питер через дверь интересовался, не хотим ли мы позавтракать. Оказывается, было уже девять утра. По телефону, наверное, запрашивали о нашем состоянии. Мы быстро собрались и пошли на кухню завтракать.

Питер, худой, высокий молодой человек лет тридцати, показал нам окрестности и определил примерные места прогулки. Кругом был сплошной лес Когда мы подходили к дому, услышали громкий звонок, и через некоторое время по дорожке, покрытой гравием, зашуршали колёса приближавшейся машины. Позже мы выяснили, что на лесной дороге, ведущей к дому, имелось сигнальное устройство, оповещавшее охрану звонком о приближении машины.

Когда раздавался звонок, один из охранников выходил встречать посетителей, остальные оставались в прикрытии. Оружия мы никогда у них не видели, хотя оно, несомненно, имелось.

После завтрака раздался звонок, и вскоре появилась машина. Приехал Гарри (в английском произношении звучит как «Хэри»). Приветливый, энергичный, черноглазый, он был одет в серый деловой костюм, курил трубку.

- Хэлло! - сказал он, переступив порог. - Как устроились?

- Хорошо. Нам здесь нравится, - отвечала «Веста». - К тому же все удобства.

Наши дети пока дичились, вслушиваясь в незнакомую речь. Не пройдёт и месяца, как они освоятся и начнут быстро лопотать по-английски. Затем Гарри прошёл в служебное помещение, куда нам запрещалось входить. Там был телефон и, по-видимому, подслушивающая аппаратура. Судя по типу телевизионных антенн, у них имелась и рация, но охранники в основном пользовались телефоном.

Дети смотрели телепрограмму, мы проводили в порядок нашу комнату, когда в дверь постучали.

- Пойдёмте побеседуем, - сказал Гарри. - Прежде всего о режиме вашего пребывания здесь. Пока решится ваш вопрос (ещё в Аргентине мы

возбудили ходатайство о предоставлении нам политического убежища в США. Это нам посоветовал Густаво), вы будете жить здесь. Передвижение в пределах ста-двухсот метров свободное, режим - свободный, то есть можете заниматься, чем хотите, но далеко от дома не уходите. У вас будет охрана, четыре человека. Нам бы хотелось приобщить вас к американскому образу жизни, поэтому каждый день в сопровождении охранников вы можете отправляться на машине куда вам заблагорассудится. Я так понимаю, что вы - люди с довольно высоким уровнем культуры, поэтому вам, наверное, будет интересно ознакомиться с историей США, посетить музеи Вашингтона и его окрестности. Вас везде и всюду будут сопровождать наши сотрудники. Из ваших средств, вырученных от продажи квартиры в Буэнос-Айресе, машины, мебели и прочее, вам будут выделяться суммы, необходимые для приобретения тех или иных нужных вам и детям вещей. Расплачиваться будут охранники, вам же мы дадим немного денег на мелкие расходы. У вас будет масса свободного времени. Вы, Лэд, - обратился он ко мне, - имеете какое-нибудь хобби?

- Ну, в общем-то люблю что-нибудь помастерить, постолярничать.

- Сегодня же поедете в супермаркет и купите необходимые вам инструменты. Для начала хотя бы пилу, топор, гвозди, молоток. Для детей - образовательные книжки с картинками. Пусть приобщаются к английскому языку.

В прихожей снова раздался звонок, и у подъезда зашуршал гравий.

- Это, наверно, Грэйс, наша повариха и экономка. Она будет закупать продукты и готовить для вас и для охранников ленч и обед. Грэйс, пройдите сюда, пожалуйста!

Вошла высокая худощавая (а в основном все американки высокие и худые) американка лет сорока с лишним в очках.

- Грэйс, это Лэд и Ирма, наши нынешние постояльцы. А это их дети, Сабина и Али. Уже время ленча (было примерно час дня), может, мы что-нибудь перекусим?

Грэйс быстро накрыла стол. Пиво и кока-кола в бутылках, ветчина и копчёности, сыры, молоко для детей, на десерт бананы, яблоки, апельсины, пастила.

Гарри перед ленчем выпил порцию мартини-драй (джин с лимоном), его излюбленный аперитив.

- Лэд, здесь в баре в серванте неплохой выбор самых разнообразных спиртных напитков, а поскольку вы держали бар в Буэнос-Айресе, то вот вам книжечка по приготовлению коктейлей. - С этими словами он вручил мне брошюрку с рецептами наиболее популярных американских коктейлей. - Фантазируйте, вам и карты в руки, - усмехнулся он, раскуривая свою трубку.

- Скажите, Гарри, кроме экскурсий, какие ещё у нас планы на будущее, какие перспективы? - спросила «Веста». (Мы-то знали, какая у

нас перспектива: попытаться удрать вместе с детьми из этого райского уголка, и каждая наша поездка на экскурсию, в кино, в магазин будет иметь одну цель: изучить условия для организации побега, но так, чтобы была полная гарантия.)

- Потерпите с недельку, и я вам всё расскажу. Но по предварительной намётке мы вам дадим новые документы и поселим где-нибудь в Канаде, полагаю, что в городе Торонто. Остальное я вам расскажу потом.

- Грэйс, - позвал он, - покажите, пожалуйста, Ирме, как пользоваться электроплитой, кофеваркой, посудомоечной машиной, стиральным и сушильным агрегатом.

Грэйс ввела «Весту» в курс дела домашнего хозяйства. А Гарри тем временем откланялся и убыл восвояси. Он приезжал к нам почти каждое утро после завтрака, обедал с нами, а затем уезжал к себе на работу.

Бунгало, приземистое, вытянутое в длину и невзрачное на вид строение, выкрашенное в коричневый цвет, имело отлично отделанный деревом интерьер. Всё здесь было продумано до мелочей: камин с решёткой для барбекю (подобие нашего шашлыка) представлял собой огороженное гранитными плитами пространство примерно два на два метра. Вдоль стен - батареи электрического отопления. Хозяин был большой умелец и всё делал своими руками. Но несколько лет тому назад он умер, и вдова стала сдавать дом разного рода жильцам, одним из нанимателей оказалось ЦРУ.

Поскольку дом стоял на косогоре, гостиная была выполнена в двух уровнях со ступеньками. Бетонный пол гостиной был выстлан серым ковровым покрытием. Несмотря на летнюю жару, в доме было прохладно, так как стены и плоская крыша обладали отличными теплоизоляционными свойствами. К дому примыкала большая открытая терраса. Он террасы вниз проложена тропа, переходившая местами в ступеньки. Тропка заканчивалась у пруда, где стояла просторная, рубленная из толстых брёвен хижина с земляным полом и камином, сделанным из грубо отёсанных валунов.

По ту сторону пруда на пригорке возвышался дом соседей, выполненный в старинном колониальном стиле. Ни заборов, ни оград. Здесь уважается право частной собственности, и каждый владелец отлично знает границы своих владений и никогда не вторгается на территорию соседей. Ниже по заросшей густым лесом долине каскадом располагались ещё два таких же искусственных озера. На берегу самого нижнего из них стояла беседка, построенная в виде шалаша, украшенная резьбой по дереву и выкрашенная в красный цвет. Над ней, укреплённая на двух высоченных соснах, была оборудована небольшая платформа, с которой спускалась верёвочная лестница.

Очевидно, здесь когда-то играли дети. Лес состоял в основном из американских клёнов, кроны которых, сходясь высоко над землёй, создавали полумрак даже в самую ясную погоду. Перед домом со стороны террасы - большая лужайка, поросшая травой. Она регулярно

подстригалась кем-нибудь из охранников, привозивших с собой газонокосилку.

Вскоре во время поездок мы выяснили, что район нашего проживания называется Спрингфилд и расположен в зелёном поясе Вашингтона, примерно в двадцати пяти километрах от центральной его части. Район этот, малолюдный, затерянный в лесах, являлся по сути пригородом Вашингтона, хотя принадлежал штату Вермонт, поскольку сама столица - Вашингтон - совершенно независимая единица: Федеральный округ Вашингтон, границей которого является кольцевая, шестиполосная автомагистраль, опоясывающая город.

По другую сторону дома лес подступал почти вплотную к окнам, и в нашей спальне всегда царил зелёный полумрак, что создавало впечатление пребывания в огромном аквариуме. С торцевой стороны дома находилась усыпанная гравием площадка для автомашин. Здесь обычно стояли две-три машины американских марок. Машины были не служебные, а брались напрокат. Водили их сами охранники. В Штатах детей уже с двенадцати лет сажают за руль, и машина здесь - неотъемлемая часть американского образа жизни. Брать напрокат абсолютно новую машину и использовать её для служебных целей здесь гораздо экономичнее, нежели содержать целый парк служебных автомашин с водителями, гаражами и прочим. Это, конечно, не значит, что в ЦРУ нет своих служебных машин, но в нашем случае использовались машины, взятые напрокат.

Конторы проката автомобилей здесь в каждом городе. Приехал в чужой город, взял машину напрокат и катайся сколько хочешь. Приехал на этой машине в другой город, машина тебе больше не нужна - агентство пришлёт своего водителя, и он отгонит машину обратно. Автомашину можно заказать по телефону из другого города и даже из другой страны.

Прилетаешь на самолёте, а в аэропорту уже ждёт машина. Оформляешь документы, получаешь ключи от сотрудника агентства, и машина в твоём полном распоряжении. Машины напрокат, как правило, новые или в очень хорошем состоянии. После десяти-двадцати тысяч километров на спидометре агентство выставляет машины на продажу.

Несколько дней ушло на акклиматизацию. Нам позволили гулять по окрестностям, вначале под довольно либеральным присмотром, затем - без каких-либо ограничений, поскольку на километры вокруг была лесная зона, а Вашингтон находился далеко. Лесистые долины здесь называются «сгеек». Они сплошь и рядом пересекают лес. Гуляя с детьми, мы постепенно осматривались, изучая окрестности. Свести какое-либо знакомство с местными жителями, проживающими в тех немногих домах, что находились по соседству, нам не удавалось. Да и эти дома к тому же использовались чаще всего как дачи, и люди там появлялись только в конце недели.

В доме по ту сторону пруда проводили лето большая семья с детьми. Главой семьи был полковник американской армии, работавший в

Пентагоне. Оттуда часто слышались звонкие крики детей. Чаще всего они устраивали игры «под Тарзана»: привязав верёвку к дереву, склонившемуся над прудом, девчонки и мальчишки, оттолкнувшись от берега, раскачивались на верёвке и с большой высоты, отпустив верёвку с воплем прыгали в озеро. Не раз мы слышали оттуда звонкий детский голос, который звал собак: «Doggy, come on!» [49].

Наши девочки, почти всё время проводившие на лужайке перед домом, прислушивались к этим голосам, а потом тоже стали кричать «Догги, кам он». И вот однажды, после того как они несколько раз покричали, в лесной чаще послышался шум, треск, и на лужайку выскочил огромный чёрный лобастый пёс, напоминавший русскую гончую. Один из охранников, которого звали Тай, объяснил нам, что эта порода собак довольно редкая, называется она «лабрадор» и используется для охоты на водоплавающую дичь.

Выскочив на опушку леса, пёс встал как вкопанный, не решаясь подойти поближе. Мы хотели угостить его куриным крылышком. Постояв немного, как будто решив что-то про себя, пёс стал осторожно приближаться к террасе. Угощение принял. На следующий день он снова пришёл и на этот раз уже смело подошёл к самому крыльцу. Он стал приходить к нам теперь каждый день и играть с детьми. Однажды он привёл с собой свою подругу той же породы. Собаки оказались на диво добродушными и терпеливыми, любили детей и позволяли проделывать с собой всё, что заблагорассудится. Дети ложились на них, катались, купались с ними... Но когда с той стороны озера их звали, оба пса немедленно срывались с места и мчались на зов хозяина.

С дачи у нижнего озера прибежал чудесный чёрный пуделек с красной ленточкой на шее, но хозяева у него были строгие, и вскоре за ним пришли. Откуда-то из дремучего леса появился однажды огненно-рыжий совершенно тощий кот. Дети встретили его с восторгом.

«It's an american cat!» [50] - комментировал один из охранников, пожилой, добродушный Ларри, который целыми днями пропадал на озере с удочками.

Американский кот, который дичился вначале, вскоре к нам привык. Мы его откормили, и он тоже стал нашим другом. В лесу обитало множество белок, которых дети подкармливали и пытались приручить.

Поразительно быстро, практически за один месяц, девочки освоили совершенно новый для них язык и уже бойко болтали с охранниками и с нами тоже.

Уж что там планировало ЦРУ, но нас интенсивно приобщали к американскому образу жизни, делая всё, чтобы мы и наши дети полюбили его. Период адаптации в стране включал в себя и «Shopping» - поездки по супермаркетам. В сопровождении двух охранников на машине мы

---

[49]Собачка, иди сюда! (англ.).

[50]Это американская кошка! (англ.).

отправлялись за покупками в ближайший крупный супермаркет «Scar's». Это цепь больших однотипных магазинов - универсамов, выстроенных из светлого кирпича по периметру вашингтонской кольцевой автомагистрали.

Однажды мы заговорили с соседкой (её дом тоже находился в лесу в километре от нашего) женщиной-пуэрториканкой, матерью шестерых детей. Старший сын имел машину, и мы уже тогда прикидывали, нельзя ли использовать этого парня, чтобы «прокатиться» на его машине в сторону Центра. Однако в следующий раз, когда мы заговорили с этой женщиной, её былое радушие сменилось вдруг холодной отчуждённостью и разговаривать с нами она не стала. Мы поняли, что жители окрестностей, по-видимому, были в какой-то форме предупреждены полицией о нашем пребывании в этой зоне.

Я купил лучковую пилу, топорик, молоток, ручную дрель, бурав, гвозди и соорудил на лесной поляне детский городок. Мы с женой спилили несколько сухих клёнов, они оказались превосходным строительным материалом. Отходы шли на дрова для камина. В лесной чащобе нашли брошенный пятнистый военный грузовой парашют, прочные нейлоновые стропы пошли на устройство качелей. Листы нержавейки, подобранные на лесной свалке, я использовал для сооружения горки, а из найденного колеса грузовика получилась отличнейшая карусель на двоих. Перехватывая кольцевой поручень, девочки лихо раскручивались на этой своеобразной карусели на подшипниках. Вскоре к нам стали приходить дети из дальних окрестных домов. Наши охранники были не в восторге от этого. Через некоторое время охрана, по-видимому, как-то решила этот вопрос, и дети сразу же перестали к нам ходить, хотя мы хотели свести с ними знакомство, а через них - с их родителями. Цель была одна - изучать возможности побега.

Завтрак, как правило, состоял из поджаренных на тостере хлебцев, апельсинового сока, приготовленного из замороженного концентрата, овсяных или пшеничных хлопьев с молоком, бекона с яйцами и кофе. Охранники питались отдельно, обычно в своей комнате. Мы же завтракали попозже, на кухне. Ленч был в час дня, обед в шесть вечера. Перед сном - мороженое или хлопья с молоком, чай.

Грейс вела хозяйство, закупала продукты. Ей помогала негритянка Мэри, которая приезжала на работу на красном подержанном «форде». Пассажирского транспорта здесь никакого не было, и добраться к нам можно было только на машине. Обе женщины жили далеко, за десять или двенадцать миль от нашего бунгало. Так что, не имея машины, они попросту не смогли бы здесь работать.

На ленч обычно приезжал Гарри. Никаких допросов или бесед относительно прошлого не проводилось. Лишь однажды он привёз с собой психиатра, мужчину лет пятидесяти с лишним, могучего телосложения, с большими натруженными руками. Он побеседовал с нами около двух часов, затронув самые различные темы. Мы так и не поняли, чего он хотел и зачем он вообще приезжал. Тематика вопросов была в довольно

широком диапазоне: от марок автомобилей до обсуждения последних фильмов. Беседу психолог вёл как-то вяло, неинтересно и, как нам показалось, бессистемно, поэтому мало что из этой встречи нам запомнилось. Но ЦРУ просто так психологов не присылает, и, проанализировав все его вопросы, мы пришли к выводу, что ЦРУ просто интересует наше психическое состояние после всех этих передряг. По-видимому, где-то наверху обсуждался вопрос о предоставлении нам политического убежища, и психическая уравновешенность кандидатов - это то, что интересует прежде всего иммиграционные власти. А что касается профессионального интереса ЦРУ в отношении нас, то он, этот интерес, пока никак не проявлялся, если не считать интенсивного приобщения нас к системе американского образа жизни. Прощаясь, психолог объяснил цель своего визита обычной практикой выяснить психическое состояние каждого, кто прибывает в Штаты на постоянное место жительства, особенно лиц нашей категории.

По сравнению с Аргентиной здесь всё двигалось и кружило гораздо быстрее, люди с большим рвением относились к своей работе. Мы стали выезжать в город, где посещали различные места, связанные с историей становления и развития Соединённых Штатов Америки. Побывали конечно же и на Washington Memorial - памятник Джорджу Вашингтону, представляющий собой монументальный обелиск высотой более шестидесяти метров, окружённый пятьюдесятью флагштоками, на которых реяли американские национальные флаги (по числу штатов). Джордж Вашингтон - первый американский президент, основатель столицы, названной его именем. На вершине обелиска оборудована закрытая смотровая площадка, откуда можно наблюдать панораму города: Белый дом, здание Конгресса, Смитсоновский институт, Центр искусства имени Кеннеди, памятник Аврааму Линкольну, Пентагон, видневшийся вдали за Потомаком, Национальная галерея и прочие строения, входящие в единый ансамбль, окружающий огромную площадь, изрезанную асфальтовыми дорожками и обсаженную деревьями. Всё покрыто изумрудным ковром газонов, по деревьям прыгают доверчивые белки. У подножия обелиска расположен длинный прямоугольный бассейн.

По воскресеньям мы в сопровождении эскорта из двух охранников отправлялись за город. Национальный парк на реке Потомак занимает сотни гектаров. Живописные долины, покрытые девственным лесом, грохочущие водопады Потомака, места для отдыха на аккуратно подстриженных лужайках, где установлены мангалы для barbecue, столы из толстых дубовых досок и брёвен. По всему берегу реки водружены транспаранты с предупреждающей надписью: «Не купаться! Опасно для жизни!» Говорят, что вода в Потомаке настолько отравлена сбросами химических заводов, расположенных выше по реке, что в неё опасно окунуть даже палец. В Национальном парке отдыхают целыми семьями. Часто попадаются взрослые и дети, одетые в майки с призывами в защиту окружающей среды. Движение «зелёных» в те годы ещё только набирало силу.

В другой раз мы посетили карстовые пещеры неподалёку от Вашингтона. Превосходно оборудованные подземные сооружения природы с гигантскими сталактитовыми гротами, подземными озёрами, мостиками - всё это имеет подсветку при помощи неоновых светильников и прожекторов. В большом подземном зале, своды которого состоят сплошь из каменных сосулек, оборудован великолепный сталактитовый органный зал. Музыку здесь слушают стоя, так как сидений нет. На каменном подиуме за пультом сидит органист и играет Баха, только музыка эта особенная, извлекаемая из камня: маленькие молоточки, установленные всюду на свисающих с потолка огромных сталактитовых сосульках, при ударе по камню издают удивительные по своей красоте звуки, которые усиливаются при помощи электроники. Орган может работать и в автоматическом режиме, и тогда им управляет компьютер. Ощущение невозможно передать. Каждую такую поездку, каждую экскурсию мы использовали в целях изучения города, транспорта, возможности затеряться во время подобных поездок. Однако охранники во время наших походов цепко держали нас в поле зрения, а когда мы листали какие-нибудь книги или журналы на полках супермаркетов, они старались выяснить, какие темы нас интересуют, и всегда один из них, как бы случайно, оказывался рядом. И чем больше мы изучали и анализировали возможности незаметного отрыва от своего эскорта, тем больше убеждались, что с детьми это будет сделать невозможно. Мы прикидывали десятки вариантов, но ни один из них не давал гарантии успеха.

Гарри между тем составил план нашего закрепления в Северной Америке. В качестве места жительства была выбрана Канада. Предстояло уточнить район проживания. Была разработана легенда нашей новой биографии, освоением которой я начал усердно заниматься. Я уже стал Питером Гендриксом албанского происхождения. В целях привыкания охранники стали обращаться к нам уже по новым именам: Питер и Линда. По легенде, требовалось знание греческого языка, поэтому я часами просиживал над лингафонным курсом и учебными текстами греческого языка, вспоминая этот давно забытый мною язык.

- Почему албанец и почему греческий язык? - спросил я Гарри.

- У наших документалыциков есть готовые документы на албанца по имени Питер и его жену по имени Линда. Они проживали в той местности Албании, которая примыкает к Греции, поэтому там пользуются греческим языком. А что, вам не нравится греческий язык?

- Да нет, язык как будто хороший. А как моя жена?

- О, по своим корням она так и останется немкой, поэтому язык ей изучать не надо.

- А почему Канада, а не США? - спросила «Веста».

- Ну, для нас так удобнее, - отвечал Гарри. - И для вас тоже.

- А город какой?

- Предположительно Торонто.

- Чем же мы там будем заниматься? И на что будем жить?

- На первых порах мы вам поможем. К тому же у нас примерно пять тысяч долларов из тех денег, что в Швейцарии, и средства, полученные от продажи квартиры, машины и имущества.

- А вы не думаете, Гарри, что нас могут искать? Вы полагаете, у наших служб нет возможности выяснить, куда исчезла из Аргентины семья с двумя детьми? Как бы там ни было, а мы дома пока ещё числимся советскими гражданами. А разве вы своих американских граждан, да ещё с детьми, не стали бы искать, если бы с ними такое случилось?

- Ещё как стали бы!

- Ну вот. Так что вы думаете на этот счёт?

- Ну, чтобы вас не искали, мы можем устроить вам ложную автокатастрофу со смертельным исходом, и вы исчезнете навсегда. Вот вас и искать никто не будет, - сказал Гарри с улыбкой, и было трудно понять, шутит он или говорит это всерьёз.

- Это несерьёзно, Гарри, - сказала «Веста». - Не нравятся мне все эти штучки.

- Ну, тогда мы придумаем что-нибудь другое. Время у нас пока есть.

«Когда имеешь дело с ЦРУ, - думал я, - невольно забеспокоишься, как бы эта автокатастрофа не превратилась в подлинную».

Однажды в середине ноября Гарри сообщил, что со мной хотели бы побеседовать джентльмены из ФБР.

Я ответил, что не возражаю. (А с чего бы мне было возражать? Они здесь хозяева.)

Было промозглое осеннее утро. Сильные порывы ветра гнали волну на Потомаке, заставляя шумно трепыхаться флаги, установленные на высоких мачтах на набережной перед «Marriott Hotel». Вдвоём с Гарри мы вошли в бар отеля и заняли столик в углу зала. Пока пили кофе, к столу подошли два джентльмена. Представились просто: Джон и Боб. Отозвав старшего в сторонку, Гарри о чём-то с ним переговорил. Затем сказал, что заедет за мной через три часа.

Втроём мы поднялись в один из номеров отеля. В небольшой комнате было две кровати, кресло, стул и тумбочка. На стене замысловатая картина на абстрактную тему.

Старший из сотрудников, представившийся Джоном, был лысым и худым, речь неторопливая. Второй - по имени Боб, полная противоположность своему шефу: розовощёкий, улыбчивый, приветливый, речь быстрая. Если во взгляде Джона сквозило недоверие, то у Боба - просто явное любопытство.

Боб пододвинул к кровати тумбочку, расположился на кровати, я - на стуле, Джои - в кресле. Тусклый свет падал из окна, выходившего во внутренний дворик отеля. Боб включил верхний свет.

- Мы рады с вами познакомиться, - сказал старший, растягивая слова. - У нас к вам есть ряд вопросов, но для разминки, так сказать, давайте-ка немного полистаем вот эти альбомы из нашей «коллекции». Прошу называть знакомых вам лиц, даже если вы их видели когда-либо мельком.

С этими словами он взял один из альбомов, разложенных на кровати, и открыл первую страницу, полностью посвящённую нашему разведчику Рудольфу Абелю: Абель, сидящий в кресле, Абель в профиль и анфас, Абель на улице в Нью-Йорке, Абель в полосатой тюремной робе.

- Вы знаете этого человека? - спросил Джон.

- Знаю, конечно, - ответил я. - Это полковник Абель.

- Откуда вы его знаете? Вам приходилось с ним встречаться?

- Ну кто же его не знает! Все газеты и журналы мира одно время были заполнены его фотографиями.

- А лично с ним вы не встречались?

- Лично - нет.

С полковником Абелем мы встречались во время нашего отпуска в Союзе, в сентябре 1967 года, перед самым нашим отъездом. Встреча была организована по нашей просьбе. В предотъездной суете к нам домой приходило немало людей, каждый из которых считал своим долгом провести последний инструктаж по своей линии. Особое внимание, разумеется, уделялось вопросам совершенствования связи, отступного варианта легенды и прочее. И вот однажды наш куратор этого периода Геннадий Савельевич привёл к нам невысокого, худого, пожалуй, даже измождённого пожилого человека в свободном твидовом пиджаке и в чёрном берете. На вид ему было лет шестьдесят. Он был больше похож на художника, чем на ветерана разведки. Взгляд строгий, внимательный, изучающий сквозь очки в металлической оправе. Голос тихий, глухой. Мы сразу его узнали по фотографиям в зарубежной периодике.

- Здравствуйте! - сказал он, войдя в скромную двухкомнатную квартиру родителей жены. - Рад с вами познакомиться.

Мы смотрели во все глаза на этого человека, о котором ходили легенды. Шеф ЦРУ Аллен Даллес сказал как-то о нём: «Я мог бы гордиться, если бы у меня были один-два таких разведчика». До сих пор ФБР так и не знает, кто был у Абеля на связи и какие секреты ему удалось добыть, а секреты эти касались американских планов атомной войны против СССР.

Мы много говорили об организации прикрытия в США, о том, как лучше там обосноваться, как использовать уже имеющиеся у нас связи. Его познания по США были просто энциклопедическими, особенно по

Нью-Йорку. Но он хорошо знал и Хьюстон, где мы предполагали поселиться.

Он пробыл у нас недолго, около часа.

- А чем вы сейчас занимаетесь? - спросила «Веста».

- Да вот, живу на даче зимой и летом, пишу пейзажи. А сейчас вот мне надо ехать купить мясо на конец недели.

Он произвёл на нас впечатление очень уставшего, немногословного человека. В его глазах как бы сквозил вопрос по поводу того, зачем он вообще к нам пришёл. Мы навсегда запомнили его печальный, пристальный взгляд, который, казалось, говорил: «Эх, ребята, и зачем вы только туда едете? Что вам дома-то не сидится? Знаете ли вы, что вас ожидает?»

Затем снова замелькали фотографии, в основном незнакомых людей, среди которых нет-нет да и встречались знакомые лица. Среди них был Олег Калугин и ещё несколько знакомых ребят из числа тех, кто обучался в университете в Нью-Йорке, а также в 101-й школе. Поскольку я скрыл своё пребывание в разведшколе, а в Центре я никогда не работал, то я фактически и не мог знать тех, кто был запечатлён на фотографиях, чаще всего сделанных на улице агентами наружного наблюдения.

Полистав ещё два-три толстенных альбома, поговорив о том о сём, мы спустились в вестибюль отеля, где нас уже ждал Гарри с одним их охранников. Мы сели в машину и отправились в свой Спрингфилд, где нас ожидала Грейс с ленчем. По дороге мы с Гарри болтали о разном, но я чувствовал, что он внимательно на меня посматривал, пытаясь, по-видимому, определить, какое впечатление произвела на меня первая встреча с ФБР. А впечатление пока что было не вполне определённое. Альбомы, сотни фотографий и - ничего больше. Но... то ли ещё будет, раз уж за меня взялось ФБР.

Справа от нас проплывало массивное приземистое здание Пентагона. Не шёл из головы Олег Калугин. Я хорошо помнил его, когда он пришёл на первый курс: тихий, скромный юноша с копной светлых вьющихся волос, с мечтательным взглядом серых глаз и неизменной английской книжкой под мышкой, с которой он, казалось, никогда не расставался. Калугин был курсом ниже, так что нам редко приходилось общаться, разве что на собраниях. От преподавателей нам было известно, что в английском языке он большой дока. Пройдёт время, и он превратится в опального генерала, который осмелится бросить вызов аж самому Генсеку и Президенту Союза ССР.

Однажды перед ленчем Гарри нашёл нас в лесу на тропе, ведущей к дому.

- Меня просили спросить у вас кое о чём, - сказал он, доставая из нагрудного кармана фотографию. Я мгновенно узнал его. Это был Володя З., который учился на курс старше в нашем институте, затем в разведшколе. Я знал, что по окончании 101-й школы он куда-то исчез.

Краем уха слышал, что он пошёл на нелегалку. И вот Володя З. возмужавший, с усами, на фотографии с женой и двумя детьми. Фотография, по-видимому, была сделана для какого-то документа, возможно, на получение визы.

- Да нет, не знаю я этого парня, - сказал я, разглядывая фотокарточку под пристальным взглядом Гарри. - А чем он вас так заинтересовал?

- Странное дело, нигде раньше этот тип в дипломатических кругах не фигурировал и вдруг приезжает к нам в страну работать в вашем представительстве с женой и двумя детьми.

- Ну и что тут такого особенного?

- Да ничего, если бы не его превосходное знание языка. В институте так выучить язык невозможно. Он, должно быть, прожил несколько лет в англоязычной стране. Мы подозреваем, что на нелегальной работе. Нам необходимо установить страну, где он прожил все эти годы до того, как попал к нам.

- А что, и жена его владеет языком также хорошо?

- Она совсем не знает языка. Никакого. Кроме русского, конечно. А вы его, случайно, не знаете? - обратился он к «Весте».

- Ну, мне-то откуда его знать? - сказала «Веста», мельком взглянув на фотографию.

Наш разговор с Гарри на эту тему закончился, и больше мы к нему не возвращались.

- А ты знаешь, - сказала мне потом «Веста». - Этот товарищ на фото встречался со мной в ГДР. Он приезжал туда с инспекционной миссией. Он тогда мне совсем не понравился.

- Почему? Потому что приезжал тебя контролировать?

- Нет, не поэтому. Уж слишком заносчиво он себя вёл там, в ГДР.

- Меня смущает вот что, - сказал я. - В разведке не бывает ничего случайного, просто так. Я думаю, что нам пора отсюда уходить. На фотографии товарищ, с которым я учился. Кто-то там у них уверен, что я его, этого Володю З., должен знать. Значит, не опознав его, я солгал? Я не удивлюсь, если вскоре он притащит ещё какую-нибудь фотографию. Цэрэушников, по-видимому, кто-то консультирует в отношении нас.

Через несколько дней Гарри показал мне для опознания ещё одного товарища, с которым я учился в разведшколе. Сын крупного дипломата, он до разведшколы уже успел поработать за границей, в нём чувствовался заграничный лоск, он был интеллигентным парнем, приветливым и отзывчивым. Это он в 1956 году доказывал мне преимущества электробритвы, бывшей у нас в ту пору ещё диковинкой.

Товарищ этот (имени я его не помню), также на фотографии был с женой и двумя детьми. Мой ответ был прежним: «Нигде с ним не

встречался». Гарри не настаивал. Но я догадывался, что Гарри пытается уличить меня в неоткровенности и уже в чём-то преуспел.

Следующая встреча с ФБР произошла через неделю. Гарри привёз меня в обусловленное место в городе, где я пересел в служебную машину ФБР, за рулём которой сидел Боб. Мы поехали на конспиративную квартиру, находившуюся в одном из домов жилого комплекса на окраине столицы. Машина внешне ничем не отличалась от других окружавших нас машин, но она была оборудована рацией, а в салоне имелась мигалка с магнитным основанием, которую в случае необходимости выставляли на крышу машины.

Вскоре мы въехали во двор, окружённый добротными четырёхэтажными жилыми домами. Вошли в один из подъездов, остановились у дверей квартиры на первом этаже. На звонок никто не отозвался. Позвонили ещё раз.

- Наверное, она куда-нибудь ушла, - сказал Джон. - Боб, сходи-ка ты за привратником, пусть принесёт ключи.

Вскоре пришёл привратник со связкой ключей. Он сразу отыскал нужный ключ, открыл дверь, и мы вошли в квартиру, которая состояла из нескольких комнат, была уютной и содержалась в идеальной чистоте. Судя по фотографии на камине, по справочникам и книгам по дипломатии в книжном шкафу, квартира эта принадлежала, очевидно, отставному дипломату.

Разместившись за круглым столом в гостиной, мы приступили к беседе, содержание которой на этот раз записывалось на магнитофон, установленный тут же на столе. В это время стукнула входная дверь, и Джон вышел в прихожую, где поговорил о чём-то с пришедшей пожилой женщиной, вероятно, хозяйкой квартиры.

Сотрудники ФБР интересовались, как я попал на работу в органы госбезопасности, как проходила учёба в институте, как затем попал в разведку. Слово «КГБ» Джон произносил как-то особенно, с ненавистью, растягивая слоги: «Кэй-Джи-Би» и мрачнея лицом. Чувствовалось, что целью всей его жизни была борьба с КГБ, и боролся он самоотверженно. Похоже, КГБ сидел у него глубоко в печёнках. Они подробно расспрашивали об этапах подготовки к нелегальной работе за рубежом, о быте и нравах русских, о моей работе в Аргентине. По характеру вопросов было ясно, что со мной работают сотрудники русского отдела ФБР. Это была обычная рутинная, довольно монотонная работа, к которой я уже изрядно привык за эти месяцы. Повторять всё уже сказанное раньше, ещё на допросах в Аргентине, было скучно и неинтересно.

Между тем вашингтонская осень уже полностью вступила в свои права. Склоны поросших лесом долин сияли золотом. В последний день октября отмечался примечательный американский праздник под названием Halloween - канун Дня всех святых. Характерным символом этого праздника является маска, сделанная из зрелой тыквы, а тыквы в это время года здесь продают на каждом шагу. Через вырезанное в

верхней части отверстие из тыквы вынимается всё содержимое, после чего прорезаются глаза, нос, рот с парой торчащих зубов, так, чтобы всё выглядело пострашнее, внутрь вставляется свеча. Вечером, когда стемнеет, свечу зажигают и устанавливают этот своеобразный жуткого вида фонарь в окне дома, либо в палисаднике перед домом, либо под кустом или под деревом в саду, но так, чтобы обязательно было видно с улицы. На близлежащей ферме мы купили пару больших круглых оранжевых тыкв, из которых я сделал фонари, установив их на опушке леса перед домом. Зловещие светящиеся оранжевые маски в темноте ночи представляли собой довольно жуткое зрелище. Наши девочки отчаянно трусили, но тем не менее были в восторге. Вечером мы прокатились по Спрингфилду. Всюду в домах и в палисадниках светились эти зловещие оранжевые маски с беззубым оскалом бабы-яги. Накануне Дня всех святых люди гуляют всю ночь, шумом и гамом изгоняя из своих домов нечистую силу.

Наступил ноябрь - пора дождей и листопадов. Дождями залило всё вокруг, в том числе и сигнальное устройство, оповещавшее о приближающейся машине, и сигнал перестал поступать в комнату охраны. Поэтому однажды во время ленча внезапно распахнулась входная дверь со стороны леса, и в гостиную ввалился коренастый, лохматый, чёрный, как цыган, бородач. Одет он был крайне небрежно, но и на нищего не был похож. Охранники в это время находились на своей половине. Сидевший с нами Гарри нервно выскочил из-за стола и устремился навстречу пришельцу.

- Что вам здесь нужно?! - спросил он вошедшего резким тоном. - Кто вы такой и что вы здесь делаете?

- Вы меня извините, ради Бога, - ответил незнакомец вполне миролюбивым голосом. - Я, видите ли, художник, занимаюсь резьбой по дереву, и мне здесь обещали большой дубовый пень для работы.

- Кто вам обещал? - продолжал допытываться Гарри, глядя на него с подозрением. - Какой ещё пень?

- Ну, хозяин этого дома. Могу я его видеть?

- Он здесь сейчас не живёт. И ни о каком пне мне ничего не известно. Так что ничем не могу помочь.

Потоптавшись у дверей, художник ещё раз извинился и отправился восвояси, окинув нас любопытным взглядом чёрных глаз.

- Муж-жик какой-то, чёрт бы его побрал! - проворчал в сердцах Гарри, нервно раскуривая свою трубку. Слово «мужик» он произнёс по-русски. Гарри был украинец по происхождению, родители его содержали ферму где-то в предгорьях Аппалачей, поэтому он знал много русских и украинских слов. - Шляются тут всякие хипари бородатые. - Он всё никак не мог успокоиться и вскоре отправился в комнату охранников. Сигнальное устройство на лесной дороге так никто и не починил. Но для нас это не имело ровным счётом никакого значения.

В декабре лёгкий морозец сковал землю. В лесу стоял сплошной шум от падавших листьев. Озёра покрылись тонким прозрачным льдом, который не выдерживал лабрадоров, когда те бесстрашно бросались в воду и, проламывая грудью лёд, самозабвенно плавали в ледяной купели. Такая уж это порода - лабрадор, хлебом не корми, а дай поплавать.

Мы с «Вестой» недалеко от дома оборудовали волейбольную площадку, натянули сетку между двумя высоченными клёнами и стали играть в волейбол, сначала вдвоём, просто перебрасывая мяч через сетку, затем к нам присоединились охранники, и вскоре уже стали играть вместе, мы и все четверо охранников. Однажды утром мы поленились убрать площадку от толстого слоя листвы, нападавшей за ночь, и решили играть прямо по листве. Игра шла оживлённо, с азартом, но в какой-то момент «Веста» в прыжке, послав мяч по ту сторону сетки, послала туда вслед за ним и своё обручальное кольцо. Жаль, конечно. Искали все вместе, осторожно перебирая листья и складывая их на ровной площадке. И девочки тоже искали. А листвы была уйма, почти по щиколотку. Искали часа два, почти до самого ленча, и уже совсем было отчаялись, когда один из охранников, к нашей радости, нашёл-таки колечко.

В декабре отметили сначала два года со дня рождения младшей дочери, а затем - семь лет старшей. Родились в декабре с разницей в одну неделю. Для младшей испекли пирог, зажгли две свечки, которые она тут же задула. На десерт были бананы. Именинница, с ловкостью обезьяны очистив банан, тотчас сунула его в рот, а кожурой внезапно запустила прямо в лоб сидевшему напротив Гарри. Отскочив от его лба, кожура забавно повисла на его трубке, которую он в это время раскуривал. Все смеялись, и больше всех Гарри, хотя мы и сказали строго дочурке, что так делать нехорошо. После ужина наедине мы посмеялись с «Вестой»: ребёнок чувствует, кто наш противник, а противника бьют прямо в лоб, хотя бы и кожурой от банана.

К тому времени мы уже почти отработали план побега. Во время поездок по городу у нас нередко возникали самые разнообразные варианты ухода, но всякий раз они отпадали по тем или иным причинам. Наши прогулки по окрестным лесам становились всё более продолжительными. Охрана уже привыкла к тому, что после ленча и перед ужином мы с детьми обычно отправлялись в лес. Младшенькая даже засыпала в коляске, которую мы неизменно брали с собой при поездках в город, при посещении музеев или при гулянье в лесу. Колясочка была с утеплённым конвертом для ребёнка, на четырёх довольно больших колёсиках, легко и быстро складывалась, занимая совсем немного места в багажнике автомашины.

Выезжали мы в город, как правило, утром, возвращаясь к ленчу. После ленча охранники - кто отдыхал, кто смотрел телевизор, кто ходил на пробежку по лесным тропинкам, кто с упоением играл в дартс (метание металлических дротиков в мишень). А когда по телевизору давали спортивную передачу - американский футбол, хоккей, баскетбол или бейсбол, то от телевизора никого из них невозможно было отвлечь. Одним

словом, с трёх до шести вряд ли кто будет нас искать, что давало нам шанс оторваться от противника.

Однажды, когда мы уже заметно вернулись с прогулки и собирались ужинать, негритянка Мэри спросила старшую дочь, когда та забежала на кухню: «И где же это укромное местечко, куда ты ходишь с папой и мамой?» Дочь нам передала разговор, мы поняли, что вскоре не сможем ходить без сопровождения.

Встретили Рождество Христово, которое отмечается здесь в ночь с 24 на 25 декабря. Затем - Новый, 1972 год. Мы планировали уход примерно на середину января. На исходе был пятнадцатый месяц нашего заточения. Однажды поздно вечером, убедившись, что охранники смотрят футбол в своей служебной комнате, я надел спортивный костюм, кроссовки и через окно спальни выбрался наружу. Пройдя в кромешной тьме через лес по знакомой тропинке, преодолев пару глубоких оврагов и лесной завал, я выбрался на шоссе, по которому изредка проходили автомашины. Подражая любителю бега трусцой, входившей в то время в моду, я не спеша затрусил к зданию колледжа, которое возвышалось на пригорке по ту сторону долины километра за два от нашего бунгало.

Здесь, рядом со школой, стояли телефоны-автоматы, где на кронштейнах закреплены толстенные телефонные справочники. Мы их приметили, проезжая однажды мимо на машине. Подсвечивая фонариком, полистал книги, отыскав адреса посольств и консульств нашего, Польши, Болгарии и Чехословакии. Записал также на всякий случай телефон приёмной нашего посольства. Затем тем же путём вернулся домой. Встречные машины ослепляли фарами. А вдруг знакомые? Ну что ж, захотелось перед сном пробежаться. Мало ли какие могут быть причуды у человека? Кто перед телевизором сидит до умопомрачения, а кто бегает по ночам трусцой. Хотя, как правило, здесь на загородном шоссе пешего не увидишь. Здесь - царство машин. Нет даже пешеходной дорожки, не то что тротуара. Только шоссе. Машина - единственное средство передвижения. Велосипед тогда ещё только-только входил в моду.

Дома было всё в порядке. Дети спали. Охранники продолжали смотреть TV. Моё отсутствие осталось незамеченным. Так можно и до утра погулять, и никто не хватится. Но ночью никуда не добраться.

Утром 7-го января приехал Гарри. Мне предстояла очередная встреча с ФБР. Эта встреча ничем не отличалась от предыдущих. А их уже было четыре или пять. На прощанье, как бы невзначай, Джон извлёк из папки фотографию и показал её мне. Это была небольшая фотография товарища, который курировал мою индивидуальную подготовку на самом начальном этапе, ещё в 1957 году.

- Вам знаком этот человек, не правда ли? - спросил Джон, вперившись в меня взглядом исподлобья. Боб в это время с добродушно-лукавой улыбкой наблюдал за моей реакцией. Приятный тип этот Боб. Умный. Уже, наверное, стал каким-нибудь шефом в ФБР.

- Нет, не знаком, - отвечал я. - А почему я его должен знать?

- Странно, что вы его не знаете. Нам казалось, что он вам должен быть знаком.

- И всё же почему я должен его знать? Я не знаю этого человека.

- А разве это не ваш первый куратор по нелегальной подготовке по имени Василий Фёдорович?

(«Эко хватил! - подумал я. - В самую точку!»)

- Моего первого куратора действительно звали Василий Фёдорович, об этом я уже говорил. Я вам давал описание того человека. Но ведь это же не он. (А почему я должен был его опознавать? Ведь до этого никого из товарищей я не «опознавал». А вдруг это во вред?)

- Ну, ладно, - сказал Джон, насупив брови. - На сегодня достаточно. В следующий раз поговорим об этом.

Но следующего раза уже не было. Во дворе в машине ждал Гарри. Приехали домой. Пообедали.

- Что-нибудь случилось? - спросила «Веста», когда Гарри уехал. Девочки в это время смотрели по телевизору мультики. Мы прошли в ванную, включили воду. Я шёпотом рассказал «Весте» о случае с фотографией.

- Смотри-ка, что у нас получается, - сказал я. - Этот товарищ, мой бывший куратор, работал или работает в разведке. И тот парень, что на фотографии, которую приносил Гарри, тоже был оттуда. Он учился вместе со мной в институте и в разведшколе, и конечно же, я не мог его не знать. И вторая фотография. Мне кажется, что те фотографии, которые приносил Гарри, и та, которую мне сегодня показывали - звенья одной цепи. Они каким-то образом вышли на моего первого куратора и показывали сегодня его фото, я его не опознал, но они знают, что я лгу. Если предатель засел в управлении «С» [51], то он, по-видимому, может подсказать противнику, что я должен знать этих ребят. Хотят уличить меня во лжи, с тем чтобы после можно было с нами в конце концов как-то определиться. Нас, очевидно, в ближайшем будущем собираются слегка поприжать. А «крот» всё-таки, похоже, есть и он продолжает давать информацию.

- Надо уходить, - сказала «Веста», выслушав меня.

- Когда?

- Сейчас. Немедленно. Мы слишком засиделись в «гостях». Пора и честь знать.

- Тогда иди и собирай детей, а я пойду посмотрю, где охранники.

На кухне Грейс мыла посуду. Я прошёл в бельевую, где у нас сушилось бельё. Уходим по последнему варианту. Сквозь приоткрытую дверь, ведущую в служебное помещение, увидел, что трое охранников находились внутри комнаты: двое лежали, один сидел за столиком,

[51]Управление «С» в системе КГБ работало с нелегалами. О. Гордиевский в указанное время работал в Центре именно в этом управлении.

потягивая виски со льдом. Через несколько минут должна была начаться трансляция матча американского футбола на Кубок страны.

«Где же четвёртый?»- подумал я. Вышел в лес, огляделся, решил пройтись немного по тропе к озеру. Через некоторое время из-за поворота показался охранник, который, тяжело дыша, бежал трусцой в гору.

- Слушай, Грег, ведь ты опаздываешь на футбол. Сейчас начинается.

- Думаю, у меня ещё есть время, - отвечал он, запыхавшись, и помчался в сторону дома. - Мне ещё душ принимать!

Я вернулся в бунгало. Убедившись, что Грег принимает душ, я прошёл в свою половину. Дети уже были готовы. В колясочку под матрасик мы уложили норковую шубу, мой старый плащ, которым я здесь до этого никогда не пользовался, и маленький портфельчик со слайдами детей - наше самое большое богатство. Одевшись как обычно для прогулки, мы направились к выходу.

- А как насчёт спагетти с грейви [52] на ужин? - -окликнула нас Грейс, выглянув из кухни.

- Спагетти - это чудесно, Грейс, особенно с грейви, приготовленными вашими руками.

«Веста» пошла на кухню, чтобы взять печенье, мы всегда его брали для девочек, отправляясь на прогулку.

- Грейс, мы пошли немного погулять, - сказала она. - Будем к ужину.

- Счастливо, - крикнула Грейс нам вслед. - Смотрите не задерживайтесь!

Мы вышли из дома, усадили младшую дочь в коляску и направились по лесной тропе вниз к нижнему озеру. Маршрут нами был отработан уже давно, время просчитано до минуты. Оба чёрных пса увязались за нами. Перейдя через небольшую плотину, мы пересекли ручей. Вдруг из-под ног выскочил заяц и помчался прочь от нас огромными прыжками. Лабрадоры устремились за ним и вскоре исчезли из поля зрения. Треск сучьев стих вдали, и наступила тишина.

- А молодец он, этот заяц, - сказал я. - Побежал туда, куда и нам надо.

Мы пересекли овраг, затем второй и спустились в долину. Местами коляску с дочкой приходилось нести на руках, так как никакой дороги не было. Выйдя на тропу, мы поставили наконец коляску на землю и зашагали вдоль ручья. Через час подошли к месту, где тропа пересекалась с покрытым щебнем просёлком. Мы остановились, чтобы оглядеться. Позади нас в дымке лежала долина, по которой мы только что шли. Долина хорошо просматривалась на несколько километров и была совершенно пустынной, только две чёрные точки стремительно приближались к нам. Это были наши друзья-лабрадоры. Запыхавшись и высунув языки, собаки подбежали и сели рядом, очень довольные собой.

---

[52]Мясная подлива.

Мы отдали им всё наше печенье, уговаривая вернуться домой, но бессловесные четвероногие друзья не хотели уходить.

Это было именно то место, где нам предстояло расстаться (точка расставания была в маршруте), чтобы дальше идти разными путями в расчёте на то, что кто-нибудь из нас доберётся до своих. Мы считали, что информация, которую мы несём (о предполагаемом предателе), является важной. Я снял свою куртку и спрятал её под кучей валежника. Оба пса озадаченно наблюдали за моими действиями. Я облачился в светлый плащ, который вынул из коляски, надел очки. Мы простились. «Веста» с детьми пошла по направлению к видневшимся в конце просеки домам. Собаки после некоторого колебания поплелись за ними. Я же пошёл дальше вверх по долине. Все эти маршруты нами предварительно были изучены, поэтому мы точно знали, куда выйдем. Место было безлюдное. По пути я встретил всего лишь одну женщину с собачкой. Но вот, вскарабкавшись по крутой тропе, вившейся по склону оврага, и перепрыгнув через ручей, я вышел в конец какой-то улочки. Здесь была небольшая площадка, на которой в этот момент разворачивался длинный жёлтого цвета школьный автобус. На таких автобусах во всех Штатах развозят по школам детей. За рулём сидел паренёк лет двадцати.

- Послушай, ты не подбросишь меня до торгового центра? - спросил я его.

- Отчего бы и нет? - ответил приветливо водитель. - Садись. Только сначала развезём по домам детишек.

В салоне автобуса находилось несколько мальчуганов, которых мы доставили домой, после чего автобус помчался в сторону торгового центра Спрингфилда. Когда подъехали к торговому центру, я хотел было расплатиться, но водитель деньги брать не захотел. Высадив меня напротив входа в диспетчерскую такси, он тотчас укатил. Я вошёл в диспетчерскую. Пока всё шло по плану.

- Мне нужно добраться до центра Вашингтона, - сказал я дежурному диспетчеру.

- Подождите немного, - сказала девушка-диспетчер. - Сейчас я вызову машину. - Усевшись на диванчик, я стал машинально листать лежавшие на журнальном столике газеты. В комнате, кроме меня, никого не было. Я думал о своих. Удастся ли им добраться до нашего посольства?

В диспетчерскую вошёл пожилой, грузный мужчина.

- Это вы едете в Washington down town? [53] - спросил он меня.

- Да, я.

- Тогда поехали, я водитель такси.

Мы вышли. Я оглядел площадь. Как будто всё нормально.

- Куда поедем? - спросил он, когда мы сели в машину.

---

[53]Центр Вашингтона.

- В министерство финансов, - ответил я. Жёлтое такси помчалось по автостраде в сторону столицы. Сидя на заднем сиденье, я прислушивался к разговору, который таксист вёл по радиотелефону со своим диспетчером. На город уже опускались сумерки, когда мы миновали Пентагон, который светился окнами. Было начало пятого, и у нас ещё был приличный запас времени. Раньше чем через два часа нас вряд ли хватятся. Затем ещё часа полтора-два будут искать в лесу, прежде чем объявят тревогу и перекроют все дороги.

Проехали мост через Потомак. Вот и министерство финансов. Отпустив такси, я направился в торговую зону центра, где в небольшом магазине купил шляпу с короткими полями и дешёвую пластмассовую трубку. Надо же было хоть как-то изменить внешность. Когда вышел из магазина, было совсем тёмно. В шляпе, в очках и в плаще (ни то, ни другое, ни третье я никогда здесь не носил), в сумеречном уличном освещении меня не так просто было узнать. После таких покупок в кармане осталось долларов пять с мелочью. Государственные учреждения и частные конторы заканчивали свой рабочий день, и улицы столицы были полны пароду, что благоприятствовало моему замыслу. Я шёл на остановку автобуса, который должен был подвезти меня в район расположения посольства Болгарии. Маршрут автобуса я нашёл на туристическом плане города, который мы приобрели для проведения экскурсий. Почему я выбрал именно это посольство? Я считал (и, как оказалось, совершенно напрасно), что с исторической точки зрения они наши самые верные друзья и союзники. К тому же мы ведь их в своё время освободили от турецкого ига, так неужто не помогут русскому, попавшему в беду? Возможно, мне удалось бы проскочить прямо в наше посольство, полицейские могут и не задержать.

Я вскочил в подошедший автобус и проехал несколько остановок. В одном из тихих переулков отыскал особняк посольства Болгарии. Улица была безлюдной. Даже полицейского не было видно, хотя он должен был, по идее, находиться где-то поблизости.

Нажал на кнопку звонка. Открыла миловидная девушка в белой блузке и джинсовой юбке.

- Добрый вечер, - сказал я по-английски.

- Чем могу быть полезна? - спросила она с приветливой улыбкой.

- Разрешите войти, - сказал я. - У меня возникла небольшая проблема, и я думаю, что вы мне сможете помочь.

Она пропустила меня внутрь, закрыла дверь и предложила присесть на диван из чёрной кожи, стоявший в небольшом вестибюле. Её чёрные глаза смотрели на меня с вежливым любопытством. Я знал, что я рискую, поскольку вестибюль мог прослушиваться местными спецслужбами, но у меня не было другого выхода.

- Видите ли, моя проблема несколько деликатного порядка. Я - советский гражданин, попал в сложную ситуацию, и мне необходимо, чтобы вы сообщили обо мне в службу безопасности Советского

посольства. Это дело срочное. Только и всего. (Всё это было продумано мной заранее и, как оказалось, не совсем удачно).

- Сейчас я позову дежурного, думаю, он поможет разрешить вашу проблему.

Она позвонила по внутреннему телефону и сказала, что дежурный сейчас придёт.

Между тем мы перешли на русский, которым девушка владела в совершенстве. Она поведала мне о том, что училась в Москве и что у неё самые добрые воспоминания о нашей стране.

Через несколько минут с верхнего этажа по белоснежной лестнице спустился холёный сорокалетний, склонный к полноте мужчина среднего роста. Он мне сразу почему-то не понравился. Не дойдя несколько ступенек, облокотившись на перила, он выслушал мою просьбу.

- А почему бы вам самому не пойти в Советское посольство и найти, кого вам нужно? - спросил он.

- Видите ли, я не могу этого сделать, так как мне могут помешать.

- Кто это вам может помешать?

- Полиция.

- Ах, полиция! Вы что, не в ладах с американской полицией? Вы что-нибудь натворили?

- Да нет, ничего я не натворил, но я прошу, чтобы вы мне помогли.

- А я считаю, что вы провокатор, и прошу вас немедленно покинуть помещение посольства.

- Но я не могу этого сделать. Я считаю, что...

- В таком случае я вызываю полицию.

- У вас будут неприятности.

- Прошу мне не угрожать! Я знаю, что делаю! Убирайтесь вон, иначе я вызываю полицию!

Девушка округлившимися глазами сочувственно смотрела на меня. Но она не могла вступать в спор с барственным дипломатическим бюрократом.

- Но куда же я пойду? Меня ведь наверняка уже ищут.

- На все четыре стороны, - ответил он резко.

- Здесь неподалёку советское торгпредство, - подала голос девушка из-за стойки.

- Да, торгпредство здесь рядом, туда и идите! - сказал господин.

- Вы мне можете дать его адрес?

- Дай ему адрес, и чтоб ноги его здесь не было! - буркнул дежурный, презрительно оттопыривая нижнюю губу. «Ну и противная же рожа», -

подумал я. Поднявшись по ступенькам до середины лестницы, он взирал на меня оттуда с такой откровенной неприязнью, как будто это не наш Скобелев освобождал его страну от ига, а наоборот. Уже потом, много лет спустя, я подумал, что, может, по-своему он был в какой-то степени прав.

Девушка дала мне листочек бумаги с адресом и телефоном торгпредства и в нескольких словах объяснила, как туда пройти, начертив схему прилегающих улиц. Ей было неудобно, и она прятала глаза. «Союзник» продолжал торчать на лестнице, молча наблюдая за нами. Я попрощался с девушкой, поблагодарил её за отзывчивость и, не удостоив взглядом «союзника-предателя», вышел в ночь. Было уже начало седьмого. Опасное время. Наша «фора» подошла к концу, и нас уже, очевидно, начали искать в лесу. Мне даже чудились их крики.

Проклиная на чём свет стоит «липовых» союзников, я шёл вдоль плохо освещённых кварталов, состоявших из невысоких домов с палисадниками. Попадались редкие прохожие, в основном негры. Проходили редкие машины. В конце улочки показался худощавый стройный негр с густой шапкой волос, одетый в длинное модное демисезонное пальто, на левом лацкане которого поблёскивал большой круглый значок. «А ведь это же Джо!» - мелькнула мысль. По спине у меня пробежали мурашки, и мне вдруг стало жарко. Негр этот был как две капли воды похож на Джо, одного из наших охранников, дежуривших на прошлой неделе. Он шёл мне навстречу и задумчиво улыбался, думая, наверное, о чём-то совсем. Мне же показалось, что он меня узнал и улыбался мне. Я уже заготовил было ответ на его возможный вопрос. «Привет, Джо! Как поживаешь? Мы тут с ребятами прогуливаемся. Они меня ждут в машине, а мне тут надо посетить кое-кого». (Ведь он давно у нас не был и не мог знать о том, изменился ли мой статус.) И лишь когда «Джо» был уже совсем близко, я понял, что обознался. Подойдя к стоявшей на перекрёстке бензоколонке, я спросил у коренастого негра средних лет в шляпе, шедшего мне навстречу, как пройти к советскому торгпредству.

- Не знаю, - пробормотал он.

- Вам нужно советское торгпредство? - послышался откуда-то сверху низкий женский голос. Прямо над бензоколонкой в открытое окно высовывалась толстая негритянка средних лет, очевидно владелица бензоколонки.

- О, сэр, они часто у меня заправляются, эти русские, я их хорошо знаю. Они мои хорошие клиенты.

Женщина довольно толково объяснила, как пройти к нашему торгпредству.

Пройдя ещё несколько кварталов, я свернул в узкую улочку, сплошь застроенную особняками. Напротив одного из них по улице прогуливался здоровенный полицейский в форменном бушлате. Улица была слабо освещена, и вывески на торгпредстве я вначале не заметил, поэтому пришлось обратиться к полицейскому, охранявшему торгпредство.

- Прошу прощения, - сказал я, вынимая трубку изо рта, - где-то здесь находится советское торгпредство.

- Вот оно, - бросил он небрежно, глянув на меня с высоты своего роста, показывая на особняк рукой, затянутой в чёрную кожаную перчатку.

Подойдя к массивной двери, я разглядел отсвечивавшую бронзой табличку с надписью «Торговое представительство Союза Советских Социалистических Республик». Нажал на кнопку звонка. Тишина улочки нарушалась лишь тихим шелестом шин проезжавших по дальней магистрали автомобилей. На полицейского я не оглядывался, но затылком чувствовал, что он за мной наблюдает.

Дверь приоткрылась. На пороге стоя худощавый черноволосый парень лет тридцати в белой рубашке и чёрных брюках.

- Привет, - сказал я, когда он пропустил меня в прихожую. Он смотрел с недоумением на незнакомого ему человека. Я отлично знал, что в советских представительствах работают на таких должностях только советские граждане, тем более в Штатах. - У меня к тебе небольшое дело, - продолжал я, присаживаясь на диван к журнальному столику. - Дай-ка мне бумагу и не бойся, я свой в доску. - Жестами показал ему, что нас могут подслушивать, имея в виду американские спецслужбы. Он принёс бумагу и карандаш, и я написал следующее: «Прошу срочно, но не по телефону, сообщить в службу безопасности посольства, что «Вест» находится здесь и срочно просит о помощи».

Молодой человек прочитал записку, внимательно посмотрел на меня. Меня стало знобить так, что зуб на зуб не попадал. На улице было жарко, а теперь вдруг бросило в дрожь. Я добавил: «В посольство пошла жена с двумя малыми детьми, и я беспокоюсь, дошли ли они».

Он жестом показал, что всё будет в порядке. Потом куда-то ушёл и вскоре вернулся, поставив передо мной на столик полстакана водки и маленький бутерброд - чёрный хлеб с острым сыром. Благодарно кивнув ему, я выпил. Полегчало.

«Сейчас должны подъехать из посольства, - написал он на бумажке. - Там уже знают, что вы здесь».

Как он сообщил так быстро обо мне в посольство, я не знаю, но в стране главного противника имеются свои чётко отработанные средства связи. Возможно, это был условный телефонный звонок. Возможно - радиосигнал. Скорей всего, кто-то съездил в посольство на машине.

Парень проводил меня в гостиную с камином и оставил одного. На журнальном столике лежали советские газеты и журналы. Я присел на диван и стал машинально их просматривать. Прошло полчаса. В дверь заглянул тот же дежурный.

- Звонили, что уже выехали, - сказал он. - Минут через пятьдесят будут здесь.

Часы уже показывали половину восьмого. Сейчас поиски в лесу, наверное, уже прекратились и, по-видимому, приступили к поискам в городе. Могут перехватить по пути в посольство. В прихожей послышались шаги. В комнату вошли двое. Они, очевидно, прочитали в моих глазах немой вопрос.

- Обошлись без потерь, - сказал один из них, улыбаясь. - Твои у нас в посольстве. Очень волнуются за тебя. Мы уже послали шифровку в Центр.

Моя до предела напряжённая нервная система неожиданно вдруг резко дала сбой. Я еле успел вытащить из кармана платок, как из глаз неожиданно для меня самого брызнули слёзы. Отвернувшись, я отошёл к камину. Платок красного цвета с вышивкой латинской буквой «Д» от слова «daddy» (папа), подарок детей, сразу стал мокрым. Было очень неловко, но я ничего не мог с собой поделать. Я был у своих. Мои - в безопасности.

Преодолев минутную слабость, я повернулся к товарищам, с молчаливым пониманием ждавшим, пока я приду в себя. «Главное сделано, - думал я. - Мы у своих».

- Тебе надо будет переодеться во что-то другое (обращались на «ты», по-свойски, как коммунисты между собой), - сказал старший, - и мы поедем в посольство. Здесь оставаться нельзя ни минуты.

- А нас не перехватят по дороге? - спросил я.

- Могут, конечно, но пока признаков тревоги нет. Мы следим за эфиром, пока всё тихо. Да и здесь, на улице, всё чисто. Поехали.

Я надел тёмно-серое демисезонное пальто, которое снял с себя один из приехавших. Другой отдал мне свою кепку, надев на голову мою шляпу. Медлить было нельзя. Я попрощался с дежурным, и мы втроём вышли на улицу. Машина стояла у подъезда. Водитель, увидев нас, сразу запустил двигатель. Один из товарищей сел рядом с водителем, другой - рядом со мной на заднем сиденье. Машина тронулась. Мы подышали на боковые стёкла, чтобы трудней было разглядеть, кто находится внутри.

Рассказ «Весты»

Мы распрощались с мужем на перекрёстке дорог. «Кто знает, не навсегда ли?»- мелькнула мысль. Мы двинулись по лесной дороге в направлении видневшихся домов. Лабрадоры плелись за нами, словно чувствуя, что мы расстаёмся навсегда. Они решили провожать нас до конца. Так мы и вошли в посёлок: впереди старшая дочь, затем я с коляской, в которой сидела младшенькая, и два огромных, чёрных как смоль пса, шедших за нами след в след. Хозяин собак, полковник, уже однажды приезжал за ними и был на них здорово сердит за то, что проявили непослушание и совсем отбились от дома. Он посадил их в свой комби и уехал. Некоторое время собаки у нас не появлялись, по затем снова стали к нам приходить.

Мы шли по улочке посёлка, круто спускавшейся вниз, когда нас обогнала машина, в которой сидело трое молодых людей. Все трое смотрели в нашу сторону. Сердце дрогнуло: «Неужели всё?» Но потом поняла, что они засмотрелись не на нас, а на собак, поскольку Лабрадор - это довольно редкая порода охотничьих собак.

- А где наш папа? - спрашивали девочки. - Куда это он направился? Почему он не с нами?

- Он пошёл по своим делам, и скоро мы с ним встретимся.

Небольшая машина притормозила у тротуара. В машине сидели две девушки, одетые по-спортивному.

- Вас подвезти, мэм? - приветливо спросила та, что была за рулём.

- Хотя бы до торгового центра, если вы будете столь любезны.

- Нам как раз в ту сторону. Садитесь.

Одна из девушек вышла из машины, помогла сложить коляску и уложить её в багажник.

- А как с собаками? - спросила она, оглядываясь на них.

- Это не наши собаки. Они - наши знакомые и увязались за нами в лесу во время прогулки. Не беспокойтесь, они найдут дорогу домой. Им это не впервой.

Оба пса стояли как вкопанные, глядя вслед удалявшейся машине, видимо не понимая, почему мы их покинули. Но нам уже было не до них.

Минут через десять мы были у торгового центра. Служащий бензозаправочной станции помог вызвать для нас такси. Прошло несколько минут, показавшихся вечностью. Мимо проносились машины. В любой из них мог быть кто-нибудь из наших «друзей». А вот и они! Сердце замерло: к нам медленно приближалась машина с тремя молодыми людьми. Проехали мимо.

Через площадь, улыбаясь и поигрывая резиновой дубинкой, к нам вразвалочку направляется полицейский. Через плечо у него висит постоянно бормочущая рация.

- Могу я вам чем-нибудь помочь, мэм? - осведомился он. Очевидно, вид женщины с двумя маленькими детьми, без такого столь обычного и необходимого здесь транспортного средства как автомобиль, всегда вызывает желание помочь.

- Спасибо, - сказала я. - Нам вызвали такси.

- О'кей, - отвечал он. - А вот, наверное, и ваше такси, - махнул он дубинкой в сторону приближавшейся оранжевого цвета машины.

Полисмен помог уложить коляску в багажник и пожелал нам счастливого пути. «Моя полиция меня бережёт», - подумала я, перефразируя слова Маяковского. - Надеюсь, его пожелание сбудется и нам действительно повезёт».

Машина мчалась в сторону центра Вашингтона, именуемого здесь down-town. Постоянно работала рация. Иногда водитель подключался и что-то говорил.

- А вам куда именно? - спросил он.

- Шестнадцатая улица, номер десять или двенадцать, точно не помню. Я потом скажу, где остановиться. (Хотя адрес посольства «Вест» выписал из телефонной книги.)

- О'кей, мэм, как вам будет угодно.

Машина еле двигалась в центральной части столицы, то и дело останавливаясь в общем потоке городского транспорта.

- Мы на Шестнадцатой улице, - сказал водитель.

И тут же справа, совсем близко, я увидела полицейский пост, а на воротах - ярко сияющую золотом надпись: «Посольство Союза Советских Социалистических Республик». Ажурные железные ворота были гостеприимно распахнуты. Конец рабочего дня, и из посольства то и дело выезжали машины.

- Остановитесь здесь, пожалуйста, - сказала я водителю.

Он притормозил у обочины. Деньги я держала наготове и расплатилась с ним, не выходя из машины. Водитель помог мне вынуть из багажника коляску.

Разложив её (а она почему-то никак не хотела раскладываться), я усадила туда младшенькую, взяла за руку старшую дочь, и - вперёд! Мы двинулись прямо в распахнутые ворота, стараясь не глядеть на полисменов, которые в это время со своих постов равнодушно наблюдали за нами, жуя резинку и поигрывая резиновыми дубинками. Они, наверное, приняли нас за семью одного из работников посольства.

Мы не спеша пересекли двор (кусочек советской территории) и подошли к ступенькам парадного подъезда. Пятясь по ступенькам, я втащила коляску с девочкой на крыльцо, после чего мы вошли в вестибюль. Холл в этот момент был совершенно пуст. За столиком дежурного никого. Напротив поста дежурного светились телеэкраны мониторов, державших в поле зрения всю проезжую часть улицы и ворота. Мы стояли посреди большого вестибюля, терпеливо дожидаясь, пока на нас обратят внимание. Вот откуда-то сбоку вошёл молодой человек, по-видимому, дежурный комендант.

- Вам кого? - спросил он, подходя к нам и глядя на нас с недоумением. Меня вдруг стала бить дрожь.

- Видите ли, у нас тут одно деликатное дело... Нам бы кого-нибудь из службы безопасности посольства.

Не говоря ни слова, он быстро подошёл к своему столику, снял трубку внутреннего телефона и кого-то вызвал. Через минуту в вестибюль вошёл

коренастый мужчина лет тридцати и без лишних слов пригласил нас в комнату, прилегавшую к вестибюлю.

- Я - «Веста», - сказала я, когда мы остались одни. - Мы с мужем находились на нелегальной работе в другой стране. Нас там арестовали и привезли сюда. Сегодня нам удалось уйти. Мы пошли разными путями. «Вест» пошёл в болгарское посольство.

- Эх, зачем он только туда пошёл?! - со вздохом произнёс товарищ, представившийся Георгием. - Присаживайтесь и подождите меня. Я сейчас вернусь.

Вскоре он вернулся с другим товарищем, которого звали Вячеславом.

- Мы послали шифровку в Центр, - сказал Вячеслав. - Сейчас вот едем искать вашего мужа. Сначала поедем к болгарам, может, он уже там.

Прошло часа полтора, прежде чем снова появились Вячеслав и Георгий, с ними был муж. Радости нашей не было предела. Дети повисли у него на шее.

- Сейчас быстро собираемся и едем в посольский дом, где живут все наши. Там вы будете в относительной безопасности, - сказал Вячеслав.

Мы оделись, сели в машину и поехали. Позади шла ещё одна машина с дипломатическим номером.

* * *

Минут через двадцать мы въехали в широко открытые ворота нашего посольства на 16-й улице. Прошли в комнату, где я обнял жену и детей. Быстро оделись. Вместе с другими сотрудниками вышли из здания посольства и сели в большую чёрную машину, стоявшую у подъезда. Вслед за нами шла ещё одна наша машина. Минут через десять въехали во дворик высокого жилого дома, окружённого железной оградой. Это был дом, в котором проживали сотрудники нашего посольства с семьями. На лифте поднялись на четвёртый этаж и вошли в отведённую нам двухкомнатную квартиру.

Появился Георгий.

- Минут десять тому назад был отмечен всплеск активности в полицейском эфире. Появились машины с детьми в районе посольства и торгпредства. Кажется, мы только-только успели проскочить.

Пришёл товарищ по имени Виктор, занимавший с женой и двенадцатилетней дочкой однокомнатную квартиру напротив. Вместе с Георгием они разъяснили нам, как вести себя в случае возникновения чрезвычайной ситуации: быстро перейти в квартиру Виктора. Виктор дал нам два газовых баллончика и показал, как с ними обращаться. Хотя я сомневался, чтобы они нам помогли в кризисной ситуации. Он показал нам потайную кнопку, которой можно было вызвать дежурного коменданта.

В холодильнике были кое-какие продукты. Кое-что принесла жена Виктора из своих запасов. Поужинав и уложив детей, мы сели за стол и написали текст радиограммы в Центр, в которой в сжатом виде изложили события, последовавшие после нашего ареста, а также версию о том, что арест произошёл в результате предательства. Ночью почти не спали. По улице раза два промчались, завывая сиренами, пожарные машины. Потом полицейские машины с синими мигалками. Было тревожно. Дети спали. Мы же то и дело подходили к окну.

Утром зашёл Виктор, спросил, как нам спалось па новом месте. Ответили, что неважно. Особенно когда у дома вдруг притормозили пожарные. Он сказал нам, что через окно с помощью мобильной пожарной лестницы к нам можно довольно легко проникнуть, но это вряд ли реально, учитывая сложившийся в это время уровень советско-американских отношений. Готовилась встреча на высшем уровне между лидерами двух крупнейших держав.

В полдень пришёл Вячеслав, работавший по линии «С». Он принёс шифрограмму из Центра. Центр поздравлял нас с удачным уходом от противника; по изложенной нами версии предательства принимаются меры; вопрос нашего возвращения домой обсуждается на правительственном уровне и вскоре будет решён.

Мы сели за отчёт, отрабатывая перечень вопросов, интересовавших Центр: что, где, когда, как всё это случилось.

На следующий день Вячеслав рассказал нам следующее. Вопрос о нашем возвращении домой был запущен в высокие инстанции. Посол А.Ф. Добрынин звонил Киссинджеру. Вот примерное содержание их разговора со слов Вячеслава.

- Господин Киссинджер, я звоню по поручению Председателя Президиума Верховного Совета СССР господина Подгорного. Он просит вашего содействия, чтобы переправить на Родину одну советскую семью: муж, жена и двое детей.

- Да? И что же это за семья?

- Вы знаете, я думаю, мистер Хелмс [54] вас сможет лучше меня проинформировать по этому вопросу.

- Это что, ваши шпионы, что ли?

- Ну, зачем же так, господин Киссинджер? Мы этим не занимаемся, вы же знаете.

- Да, да, я совсем забыл. Хорошо. Я сделаю всё, что в моих силах.

- Буду вам весьма признателен.

Генри Киссинджер, человек, обладавший большим чувством юмора, после этого разговора, по-видимому, (опять же со слов Вячеслава), тут же поднял трубку и набрал номер директора ЦРУ Ричарда Хелмса. Между

[54]Тогдашний директор ЦРУ Ричард Хелмс.

двумя высокими государственными мужами мог иметь место следующий разговор:

- Хэлло, Рич! Как поживаешь?

- Хорошо, Генри, твоими молитвами.

- Рич, ты мне ничего не хочешь сказать? После паузы:

- Смотря что ты имеешь в виду.

- Я имею в виду эту русскую парочку с двумя детьми, которую ты каким-то образом умудрился потерять.

- Ты хочешь сказать, что ты их нашёл?

- Именно это я хочу тебе сказать, дорогой Рич. Только что звонил русский посол. Он просит содействия возвращению домой этой семьи, неизвестно как оказавшейся в нашей стране.

- Чем же я могу помочь?

- Не мешай переправить их домой вполне легальным путём. За них просит сам мистер Подгорный [55].

- Но ты же должен понимать...

- Рич, никаких «но»! Я занят подготовкой важного визита нашего президента в Москву и не хочу, чтобы ты мне вставлял палки в колёса. Сегодня я буду у Никсона, и у нас будет разговор и на эту тему. Так как, Рич?

Пауза.

- О'кей, Генри. Пусть будет по-твоему.

- Спасибо, Рич. Другого ответа я от тебя и не ждал. Долг платежом красен. Бывай.

Разговор этот был, надо полагать, чистым вымыслом Вячеслава, а с другой стороны... кто знает?

Прошла неделя, затем вторая. Из квартиры мы никуда не выходили. Один только раз, в воскресенье, мы спустились в кинозал, расположенный в подвальном помещении. Там было много наших детей. Крутили «Бременских музыкантов» и первые серии «Ну, погоди!». Наши девочки были в восторге, хотя по-русски не понимали ни единого слова.

Нам выделили небольшую сумму денег, и наши товарищи купили кое-что из одежды, поскольку у нас было только то, в чём пришли. Некоторые покупки сделали в нашем магазине, расположенном в подвальном помещении. Купили также проигрыватель и несколько пластинок для детей с песенками и сказками на английском языке, так что девочки с утра до вечера слушали пластинки. Детские телевизионные программы в США идут с шести утра и до десяти вечера. Раннее утро. На улице ещё

[55]Тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

тёмно, мы ещё спим, а наши дети уже сидят перед телевизором и смотрят мультики.

Однажды хмурым зимним днём, оставив детей на попечение семьи Виктора, мы с «Вестой» отправились в Госдепартамент США. Нас сопровождали два сотрудника консульского отдела нашего посольства. Необходимо было выполнить одну формальность. В просторном вестибюле Госдепа, где были выставлены государственные флаги всех стран, с которыми Штаты поддерживают дипломатические отношения, нас встретил сотрудник Госдепа мистер Кеннет, который проводил нас в небольшую комнату. Через несколько минут сюда вошли два человека. Один из них представился сотрудником консульского управления. Второй не представился никак и в основном помалкивал, внимательно рассматривая нас. Мы предположили, что он был из ЦРУ.

Минут пять болтали на тривиальные темы, шутили о том о сём. Обстановка была довольно непринуждённой. Американцы и наши дипломаты были старыми знакомыми. В комнату вошёл мужчина лет пятидесяти с кожаной папкой в руках. Суровое, неприступное выражение лица. Он представился старшим инспектором иммиграционной службы и, по-видимому, был главным действующим лицом во всей этой процедуре.

Все встали. Для начала инспектор удостоверился, под какой фамилией мы здесь находимся. Ответили, что под фамилией Мартыновы. Затем он задал нам ряд вопросов примерно следующего характера:

- Вы совершенно добровольно пришли в Советское посольство?

- Да, это так. В Советское посольство мы пришли добровольно.

- Вас никто к этому не принуждал?

- Нет, никто.

- Вы отказываетесь от возможности получить политическое убежище в США?

- Да, отказываемся.

- А ваше прежнее ходатайство?

- Мы отказываемся от него. Оно было вынужденным, и поэтому просим его аннулировать.

- Вы утверждаете, что совершенно добровольно покидаете территорию Соединённых Штатов Америки?

- Да, утверждаем. Именно так.

- Вы подтверждаете, что делаете это без какого-либо принуждения со стороны ваших сограждан?

- Да, подтверждаем.

- Имеете ли вы претензии к каким-либо государственным органам США?

- Нет, не имеем. Никаких претензий. Отвечали по очереди: сначала «Веста», затем - я. Ещё несколько вопросов и ответов, и беседа была закончена. Инспектор церемонно раскланялся и покинул помещение. Оставшиеся обменялись с нами рукопожатием, пожелали нам счастливого возвращения на Родину. Всё тот же мистер Кеннет проводил нас и наших провожатых до дверей и распрощался с ними, блеснув ослепительной улыбкой. Он производил впечатление очень добродушного человека. (Перед тем как распрощаться с нами, цэрэушник, потрогав рукав шубы, сказал с улыбкой «Весте»: «Хорошая шуба, не правда ли?»- «Да, неплохая», - лукаво улыбаясь, отвечала «Веста». Но это была не норка.)

Второго февраля 1972 года, в день отъезда, выпал снег. Рано утром мы вышли вместе со всеми детьми нашего дома, сели в автобус, который отвозил их в школу. По пути мы заехали в посольство. Подошли товарищи, следовавшие за нами на машине. Они помогли нам внести багаж. Пока мы жили в посольском доме, Виктор с женой купили необходимы вещи для нас и детей, ведь у нас было лишь то, в чём пришли. Не забыли даже игрушки для детей, книжки и детские пластинки с проигрывателем: Центр выделил 2500 долларов на указанные расходы. В посольстве нам была выделена небольшая комнатка, где мы и расположились. Вскоре вошла служащая посольства, она занялась детьми, а нас с «Вестой» проводили в кабинет посла.

Посол Анатолий Фёдорович Добрынин уделил нам несколько минут, в течение которых мы успели поговорить и о семье, и о нашем положении, и о многом другом. Анатолий Фёдорович обладал необыкновенным чувством юмора. Нам приятно было сознавать, что интересы нашей страны здесь представляет такая личность. В заключение посол Добрынин поздравил меня с сорокалетием, вручив по этому случаю кассетную магнитолу «Хитачи» и пожелал нам счастливого возвращения на Родину.

Затем нас пригласили в небольшую гостиную с камином, где был накрыт стол с закусками.

Советник посла Юлий Воронцов поднял тост за наше благополучное возвращение домой и, главное, чтобы дома не было проблем. Умнейший и прозорливый дипломат, занимающий ныне высокий пост в ООН, он слишком хорошо знал нашу систему, чтобы не предвидеть, что дома нас ожидают осложнения. Потом мы не раз вспоминали его слова. Он также сказал нам, что с болгарами был разговор по поводу моего столь неудачного визита в их посольство.

После приёма мы забрали детей и спустились в вестибюль, где нас ждали товарищи.

Выпавший за ночь обильный снег бурно таял, с деревьев и проводов падали большие хлопья. По улицам текли ручьи. У подъезда посольства стоял микроавтобус, в котором уже сидело несколько человек. Двое из них с детьми. Это были советские граждане, которые ехали в Нью-Йорк. Нас сопровождала машина с консульскими работниками.

По дороге в Нью-Йорк, откуда вылетал самолёт на Москву, мы один раз останавливались на бензозаправочной станции, чтобы размяться и заправиться. В пути все угощались жареными пирожками, предусмотрительно захваченными в буфете посольства, и пили кока-колу. Уже совсем стемнело, когда показались неоновые огни Нью-Йорка. Долго ехали по набережным, пересекали мосты. Аэропорт Кеннеди. Масса пассажиров. Огромные залы ожидания. Всё в движении. До посадки ещё два часа. Около нас всё время находятся товарищи из консульства. В самом аэропорту подошли ещё несколько наших работников, сотрудников ООН. Мы всё время среди своих.

Объявили посадку. Небольшая остановка в туннеле перед выходом к самолёту.

- А вот и наши друзья из ФБР, - сказал нам Вячеслав, указывая глазами туда, где стояла группа из нескольких мужчин. - Тоже пришла вас проводить, чтобы всё было в порядке.

Джона и Била среди них не было.

«Ил-62» стоял почти у самого выхода из аэровокзала. Поднялись по трапу в первый класс и устроились с детьми почти рядом с кабиной пилотов. Дети всё спрашивали, куда мы едем, для них всё было в новинку, хотя старшая уже летала на самолёте. Позади нас расположился Вячеслав и ещё один незнакомый мне товарищ, работавший в Нью-Йорке под прикрытием ООН. В соседнем ряду - дипкурьеры. Этим же классом летели ещё два молодых человека спортивного вида, очевидно из охраны системы Аэрофлота. В салон, пригибаясь, один за другим входили парни двухметрового роста, с объёмистыми спортивными сумками на плечах: домой возвращалась сборная СССР по баскетболу.

Взлетели. Где-то сбоку проплыли ярко-жёлтые неоновые огни Манхэттена. Самолёт набирал высоту. Отчего-то болела голова. Рассвет встретили над океаном. В разрывах облаков внизу чернели какие-то острова, обрамлённые белой пеной прибоя. Атлантику штормило. Затем острова пошли сплошной чередой. Самолёт пошёл на снижение. Туманный Альбион полностью соответствовал своему названию - всё было затянуто пеленой тумана, что не помешало, однако, совершить посадку.

Лондонский аэропорт Хитроу. Многие пассажиры вышли поразмяться. Мы же продолжали сидеть. С нами Вячеслав. На борт поднялся худощавый, средних лет англичанин в очках и в форменной фуражке с малиновым верхом.

- Это что ещё за кондуктор? - спросил Вячеслав. Мы все дружно рассмеялись.

Остановившись в проходе, «кондуктор» цепким взглядом окинул салон. Затем в течение нескольких секунд он стоял уставившись на нас, весёлых, смеющихся. Не разделяя нашего настроения, он резко повернулся и покинул самолёт.

- Это он вас пришёл посмотреть, - сказал Вячеслав. - По-моему, он вас даже скрытно сфотографировал.

- А зачем это им?

- Наверное, на память о том, как выглядят русские чудаки, добровольно возвращающиеся из капиталистического рая в нашу родину матушку-Россию.

Снова острова под крылом самолёта. Пролетели Западную Европу. Летим над советской территорией. Внизу наша родная земля. Всё затянуто густой пеленой облаков. Земли не видно. Самолёт, снижаясь, делает круги, повинуясь командам диспетчера. Внизу замелькали заснеженные поля и леса Подмосковья. Заходим на посадку. Один за другим внизу мелькают ряды рубиновых огней глиссады. «Ил-62», подрулив к огромному бетонному грибу Шереметьевского аэропорта, заглушил двигатели.

Дома

Наше зарубежье в прошлом. Вряд ли мы когда-нибудь снова пересечём границу в обратном направлении.

Мы вышли из самолёта последними. Сразу попали в объятия встречавших нас товарищей.

Документов у нас не было. Ума не приложу, как мы летели из Штатов без документов? Но, очевидно, на руках у Вячеслава всё же какие-то сопроводительные документы имелись. Нас провели через какую-то потайную дверку, минуя пограничный и таможенный контроль. В небольшой служебной комнате, куда мы вошли, было тесно от скопившихся там людей. Это были встречающие. «Зачем их столько?» - подумал я.

- Ребята, самое главное, что вы здесь, - сказал один из встречавших нас товарищей. Я помнил его ещё с пятьдесят восьмого года. Это он тогда отстаивал меня, когда стоял вопрос о моём отчислении из «особого резерва».

- Сейчас мы с вами поедем на дачу, где вам придётся пожить некоторое время, - сказал он. - Проведём проверку по переданной вами информации, поэтому никто пока не должен знать о вашем прибытии. Родители - тоже. Ваше положение инкогнито - в интересах дела. Возможно, вам придётся там пробыть больше месяца.

Принесли наши вещи. Мы покинули здание аэропорта через служебный выход, где нас уже ждали два ещё не виданных доселе мной автомобиля новой марки «Волга-24» - чёрная и белая. Свежий морозный воздух обжигал лёгкие. Было минус 25. Такая зима была в новинку нашим девочкам. Машины мчались по шоссе в сторону города. Миновали Химкинский мост. На белоснежной поверхности замёрзшего канала

чернели многочисленные фигурки рыболовов. Мы продолжали ехать в сторону центра города.

- Что же, ваша дача в самом центре города? - спросила «Веста».

- Не в центре, но здесь поблизости, - ответил сопровождавший нас товарищ, лысеющий шатен, лет пятидесяти, в сером демисезонном пальто. - А вообще-то мне предстоит ещё с вами долго работать, боюсь, что я вам ещё успею изрядно надоесть, буду вести дознание по вашему делу.

Товарища этого звали Виктором Евгеньевичем. Он был прав. В течение нескольких месяцев мы встречались с ним практически каждый день, за исключением субботы и воскресенья, и он нам действительно порядком надоел. В.Е. был из отдела безопасности управления «С» (нелегалы), в звании полковника.

Машины остановились перед глухим зелёным дощатым забором в Серебряном бору. Открыли ворота, въехали во двор. В глубине двора виднелась деревянная двухэтажная дача, выкрашенная в жёлтый цвет. Нам помогли внести вещи. Товарищи представили нас хозяйке и вскоре уехали. Хозяйка, энергичная брюнетка лет сорока, накормила нас обедом. Она уже много лет жила вместе с мужем и дочкой на этой даче во флигеле. В городе у неё была квартира, и она хотела бы туда перебраться, так как дочь была уже невестой, и она тяготилась режимом военного объекта. Здесь они вдвоём с мужем содержали отапливавшуюся углём дачу, здесь была их работа, и из года в год они откладывали свой переезд.

В доме имелся проигрыватель, и мы ставили пластинки, привезённые с собой, и отечественные, которые мы нашли на даче. Старшая уже вскоре напевала модную тогда «Черемшину» и про соседа, который играл на трубе, в исполнении Эдиты Пьехи.

Только что начались зимние Олимпийские игры в Саппоро, и мы все вечера проводили перед телевизором, с увлечением следя, за борьбой на ледовых стадионах и лыжне.

Утром пришёл Виктор Евгеньевич и ещё один товарищ - Пётр Сергеевич, который, по его словам, в своё время работал в Штатах и был оттуда выдворен. П.С., в отличие от В.Е., вёл себя, пожалуй, несколько нервозно по отношению к нам, и даже агрессивно. Он с ходу отнёсся к нам с явным предубеждением. Это был первый человек, который проявил к нам недоверие в столь открытой форме, пытаясь заставить нас в чём-то оправдываться, чувствовать себя виноватыми.

Мы были готовы к тому, что нас могут встретить с подозрением: сталинско-бериевская система в органах госбезопасности значительно видоизменилась: возвращавшихся из-за рубежа разведчиков теперь, как бывало, не упрятывали в лагеря и не ставили к стенке, но к людям, находившимся какое-то время в руках противника (а мы находились в плену в общей сложности более пятнадцати месяцев), не могли не относиться с недоверием, вполне резонно полагая, что за это время разведчика можно перевербовать, провести его переподготовку и заслать обратно в Союз, только много ли дивидендов для ЦРУ будет от этого? Мы

всё это понимали, были готовы к худшему, и мне приходилось многое объяснять «Весте», у которой было несколько наивное представление о всей нашей системе вообще и о нашей службе, в частности.

На следующий день вместе с В.Е. приехал начальник управления. Мы пообедали вместе. За обедом поговорили о делах. Шеф, по-видимому, знал, что уже с самого начала ситуация складывалась не в пашу пользу, и, будучи, на наш взгляд, человеком, отзывчивым и добрым, старался нас ободрить и произнёс тост, в котором приказал нам не падать духом и держаться. Так и сказал: «Я вам приказываю!!!» Мы проанализировали его слова и кое-что поняли.

П.С. больше не появлялся ни разу. Очевидно, для него всё было ясно. Я целыми днями писал отчёты, освещая те или моменты в деталях, давая анализ действиям своим и противника. К обеду приезжал В.Е., с ним мы разбирали написанное накануне, уточняя некоторые вопросы. А вопросов было ох, как много! Многое приходилось повторять. Однажды он приехал с В.А., который руководил служебным дознанием по нашему делу.

- Нам нужно точно знать, всё ли вы нам рассказали, не утаили ли чего.

- Точно такой же вопрос нам задавали следователи ЦРУ.

- Ну, вопросы у спецслужб могут и совпадать. В этом нет ничего странного.

- Вы полагаете, что мы что-то утаиваем? Что именно?

- Мы вам рассказываем всё, как было, приводим свои аргументы и просим вас к ним прислушиваться, - сказал «Веста». - И потом, что это за вопрос: «Не утаиваем ли мы чего?» Что нам утаивать?

- Поймите меня правильно, - сказал В.А. (В.Е. всё это время молчал). У вас, - сказал он, обращаясь ко мне, - в нашей системе работают ваши братья, по роду службы им приходится общаться с иностранцами. Вы ничего о них не сообщили противнику?

- Ровным счётом ничего. Я сказал на допросах, что я был один в семье. Старшая сестра умерла от туберкулёза ещё в 1948 году (что соответствовало действительности, за исключением того, что сестра была двоюродная), что отец погиб в автокатастрофе в 1954 году (что было правдой), что мать умерла в 1969 году (что соответствовало действительности).

- А о своих товарищах по работе и учёбе в институте и в разведшколе?

- Я же написал всё в своих отчётах, что никаких своих товарищей я цэрэушникам не называл.

- Всё это хорошо, но у нас есть большие сомнения в отношении вашей версии о предателе. К нам поступают данные о том, что причиной ареста послужил прокол по вашей вине.

- В каком же месте? Когда?

- Это мы сейчас выясняем и сказать вам в деталях пока не можем.

- А мы по-прежнему склонны считать, что наш провал имел место вследствие предательства.

- Вы считаете себя такими непогрешимыми? Ведь все мы смертны. Мало ли где мог быть прокол? Вы, наверное, навели на след аргентинцев, а уж те передали вас американцем. Разве так не могло быть?

- Могло. Но в ходе общения с аргентинскими сотрудниками мы выяснили, причём от нескольких из них, что информация о нас пришла к ним от американцев и что именно американцы руководили операцией по аресту и проведением первичных допросов.

- Ну, нашли кому верить, охранникам!

- Сотрудник ЦРУ Густаво нас постоянно исподволь уводил от мысли о том, что нас кто-то предал. С чего бы это?

- Скорей всего, вам это просто показалось. Вы что же, думаете, у нас нет опыта по разоблачению предателей?

- Мы так не думаем, и тем не менее мы придерживаемся своего мнения, - сказала «Веста».

- Знаете, мы во время войны годами вели сложнейшие радиоигры с немецким абвером, принимали их самолёты, перевербовывали их радистов; внедряли своих людей в разведорганы и разведшколы противника. Что же, вы считаете, что мы не в состоянии были бы найти предателя в наших рядах, если бы он действительно был?

- Но он есть, и вы его найдёте. Возможно, не так скоро.

Версия о предателе превратилась в бумеранг, нацеленный в наши головы.

Однажды В.Е. привёз Вячеслава. За обедом он очень образно рассказал нам о дотоле неизвестных нам перипетиях нашего возвращения на Родину. Когда В.Е. вышел поговорить по телефону, Вячеслав сказал нам:

- Завтра я снова вылетаю в Нью-Йорк. Надоело, однако, уже там болтаться. Хорошо было дома. А эти «чёрные полковники», - и он кивнул в сторону В.Е., - они в общем-то ребята неплохие, но жилы они из вас ещё потянут. Ох как потянут!

В.Е. завёл разговор о Лонсдейле:

- Я вёл его дело, когда он вернулся, и, по-моему, изрядно ему надоел. Я обещал, что я и вам тоже ещё успею надоесть. Что поделаешь - работа такая.

Прошли годы. Так вот, когда на юге была вспышка холеры, мы случайно с ним встретились, выбираясь оттуда. «И ты здесь?! - воскликнул он, увидев меня. - Как же ты мне надоел, холера тебя возьми!» Он был страстным грибником и умер в лесу, собирая грибы. Нагнулся за грибом - и умер.

Мы проводили Вячеслава до порога. В.Е. ещё оставался у нас. Разговор шёл о том, чтобы нам наконец разрешили гулять с детьми за пределами территории дачи.

- Смотри, - сказал Вячеслав в шутку, обращаясь к В.Е., - эти ребята погуляют-погуляют, а потом возьмут да исчезнут. Благо опыт у них имеется.

- Не исчезнут, - протянул В.Е. с улыбкой, - у нас ещё слишком много работы. Рано им исчезать. Тем более, что и здесь неплохо.

- В.Е., - обратилась «Веста» к В.Е., когда Вячеслав ушёл, - я хочу позвонить маме. Дайте мне её телефон, так как у них сменили номер.

- Ни в коем случае, - отвечал В.Е., - никто не должен знать о вашем возвращении, пока мы не проверим до конца вашу версию. Поэтому телефон я вам не дам. Так ведь можно испортить всё дело, и наши с вами труды пойдут насмарку.

- Но я только позвоню, чтобы услышать её голос, и тотчас повешу трубку.

- Я не могу поверить, что вы не поговорите, и поэтому категорически запрещаю вам звонить. Но я обещаю, что через четыре-пять недель вы обязательно увидитесь с родными.

- Ещё четыре-пять недель?

По нашей просьбе для детей купили лыжи и санки, и мы в свободное время ходили на прогулки по заснеженным пляжам Серебряного бора, учили девочек кататься на лыжах. Больше всего им нравились санки, на которых они лихо спускались с горок.

Иногда вечером после ужина мы выезжали в город, прогуливались по улице Горького, заходили в магазины. Дети в это время оставались с хозяйкой дома Анной Никитичной, которую они звали Анна Кинча и с которой начинали осваивать русский язык, с нами же они говорили только по-английски или по-испански.

Несмотря на март месяц, стояла морозная погода. Температура ночью опускалась иногда до минус тридцати.

В середине марта В.Е. внял нашей просьбе и с согласия руководства привёз на дачу родителей «Весты». До сих пор они не знали, что мы уже в Союзе, и здесь на даче впервые увидели свою вторую внучку, которая таращила на них глазёнки, никак не желая признавать своих родных дедушку и бабушку. Отец «Весты» после перенесённого инфаркта был ещё довольно слаб. После обеда мы погуляли по заснеженным пляжам в Серебряном бору, а вечером их увезли на машине. Перед отъездом В.Е. взял с них слово, что они о нашей встрече пока никому говорить не будут, поскольку это дело большой государственной важности.

В конце марта вместе с В.Е. приезжал незнакомый нам, по-видимому, ответственный товарищ, который даже не соизволил представиться. Оба

выглядели мрачно. Брезгливо сложив тонкие губы и покачивая большой головой, ответственное лицо заявило:

- Версия о том, что ваш арест явился результатом предательства, не подтверждается. На основании вашей информации была проведена тщательная всесторонняя проверка. Были задействованы десятки людей, проведены оперативно-проверочные мероприятия. Общий результат отрицательный.

- И тем не менее, - сказала «Веста», - мы остаёмся при своём мнении.

- Вы считаете, что у вас не могло быть прокола?

- Дело не в этом, - сказал я. - Прокол в какой-то момент конечно же не исключается. Но вы нас не убедите, что мы находились в разработке и ничего не заметили.

- Длительное нахождение на нелегальной работе притупляет бдительность. И вы отлично об этом знаете. Просто не заметили слежки за вами, а она, безусловно, была и, очевидно, велась квалифицированно.

- Это факты или ваши предположения? У вас есть какие-либо доказательства, что слежка велась? Не было разработки. Кроме слежки, есть ещё и другие признаки, - сказала «Веста».

- Ваша самоуверенность здесь просто неуместна, - сказал ответственный товарищ, оттопыривая губу. - Вот, взгляните-ка на эту фотографию. - И он протянул мне фотокарточку 4 х 6, на которой был изображён довольно молодой человек, с виду типичный латиноамериканец. Вы узнаёте этого человека?

- В первый раз вижу.

- Ну вот видите. В первый раз. И тем не менее вы с ним встречались. И возможно, не один раз.

- Где же он? Кто он, этот человек? И почему я его должен знать?

- Он сотрудник таможни в порту Буэнос-Айреса. Странно, что вы его не узнаёте. Будучи агентом федеральной полиции, он вот и дал на вас информацию, когда вы оформляли в таможне какие-то грузы.

- У меня всё это вызывает большие сомнения. Какую информацию мог дать человек, с которым я если и встречался, то лишь мельком? Он что, ясновидец? Так он сразу и определил меня как русского шпиона? И потом, насколько я знаю, их полиция шпионами не занимается.

- Информация получена из достоверного источника, имеющегося у нас в полиции.

- Может, вы мне и донесение этого таможенника покажете?

- Донесение добыть не удалось. Но у нас нет оснований не доверять своему агенту.

- Зато у вас есть все основания не доверять нам, это вы хотите сказать?

В ответ - ледяное молчание.

- Как видите, у нас есть данные, что вас вела, прежде всего, аргентинская контрразведка, и лишь на последующем этапе она передала вас ЦРУ.

- Нам это уже говорили. И я всё же утверждаю, что ЦРУ было инициатором всего дела. Мы же вам привели факты. Аргентинцы привлекались только как исполнители. Я достаточно подробно описал всё это в своих отчётах.

- В ваших отчётах немало субъективного.

- Возможно. С вашей колокольни оно, может, видней. Почему вы не верите людям, которые были там, видели и ощущали многое как бы изнутри? Почему вы не доверяете нашей интуиции? Почему вы так уверены, что она у вас отсутствует?

- Ну, это уже, знаете ли, лирика, - вставил с усмешкой В.Е.

- Какая интуиция? Факты - вот главное, - сказал ответственный товарищ. - А их нет.

- Да? По-вашему, мы там только лирикой занимались? Хотите знать моё мнение об этом вашем мифическом агенте-таможеннике?

- Валяйте.

- Так вот. Это кость, подброшенная вам ЦРУ, чтобы отвлечь подозрение от своего действующего агента. «Крот» сидит где-то тут у вас в Центре. ЦРУ знало о наших подозрениях о наличии «крота», вот и принимает меры по его защите.

Последовало долгое молчание. Ответственный товарищ побагровел, стиснул челюсти. Синие жилы проступили на его висках.

- Вы что это себе позволяете?! Как вы смеете бросать тень подозрения на весь наш чекистский коллектив?! Вы что же, считаете, что среди нас табунами ходят предатели?!

- Нет, не табунами. Достаточно одного. Ваша проверка была, на мой взгляд, недостаточной.

- Как вы можете судить, о чём не знаете?! Что вы вообще знаете о наших проверках?!

- Мы настаиваем на том, что наш провал произошёл по причине утечки информации из Центра или через одного из работников на «периферии» [56]. Возможно, во время нашей поездки домой в 1967 году [57]. Или, может быть, во время поездки «Весты» в 1970 году. А сейчас враг предупреждён о нашем побеге и затаился. Залёг на дно.

---

[56]«Периферия» - место работы разведчика за рубежом.

[57]Лик Гордиевского иногда всплывал в памяти, но как-то не вписывался в образ предателя, да и времени прошло достаточно со дня нашей встречи с ним летом 1967 года.

- Напрасно вы так настаиваете на своей версии. Очень даже напрасно. У нас вот сложилось мнение, что эту версию вы придумали нарочно, чтобы обелить себя, представить нам своё, мягко говоря, недостойное поведение в руках противника в более приглядном свете. А ведь вы, понимаете ли, балансировали на грани предательства. И в былые времена вы бы...

- Сейчас не былые времена.

- Не волнуйтесь. Отношение к предателям у нас прежнее.

- Вы что же, считаете нас предателями? - спросила дрогнувшим голосом «Веста», до сих пор не принимавшая участия в разговоре.

- С вами пока ещё не всё ясно. Пока. Возможно, вы нам не всё сказали. Не хотелось бы получить информацию о вас из других источников. Рано или поздно нам станет известно о вас всё. Однако, если бы мы вас считали предателями, вы находились бы в совсем другом месте.

- Мы ничего от вас не утаили, - вспыхнула «Веста». - Нам просто нечего от вас утаивать. У вас, видно, такая профессия: не доверять своим.

- Зря, зря вы нас так обижаете, - протянул с улыбкой Е.В. - Напрасно. Пока мы вам доверяем. Условно. Пока, - сказал он, многозначительно подняв палец. - Если бы не доверяли, то мы бы не здесь с вами беседовали. Вот с Логиновым [58] беседы велись в тюрьме.

После этого разговора мы остались сидеть в гостиной в крайне подавленном состоянии. Дети играли с игрушками фирмы «Фишер» и куклами «Барби», привезённым из Штатов. Мы предполагали, что помещение прослушивается, но нам было абсолютно всё равно, поскольку скрывать нам было нечего.

- Мы уже и предателями стали, - сказала, вздохнув, «Веста».

- Вот тебе и бумеранг, который возвращается. На наши головы.

- Я думаю о том, что предатель, а он, безусловно, есть, сейчас понимает, что сам в опасности, вот в чём дело. ЦРУ вполне резонно старается его прикрыть. Это их очень ценный агент. Может, кто-то здесь у нас его здорово прикрывает, и он, как жена Цезаря, вне подозрений. Тот, кто его прикрывает, может быть, и честный человек, используемый «кротом» втёмную: друзья, знакомые, преферанс, рестораны, заграничные шмотки... Ведь как было в деле Пеньковского... [59]. Какой у него покровитель был - сам генерал Серов, председатель КГБ! Поди подкопайся! Может, и наш неизвестный подозреваемый имеет вот таких же могучих покровителей. И всё же, я думаю, что сейчас он пока затаился, переживает. Идёт проверка. Возможно, его теперь переведут в другой отдел, сменят направление. Что касается нас, то тут дело ясное. Если и не посадят - меня, конечно, то в лучшем случае - мордой об стол, разжалуют в рядовые и выгонят из партии. Это в лучшем случае. Надеюсь,

---

[58]Нелегал, арестованный в ЮАР в 60-е годы.

[59]О. Пеньковский - полковник ГРУ, работавший на американскую и английскую разведки, в 1961 году приговорён к высшей мере наказания.

хоть наши скромные накопления не отнимут. Нам бы только детей на ноги поставить. Остальное - не столь важно.

С того дня В.Е. изменил свой тон в общении с нами. Он стал как-то суше. Агрессивнее. В голосе его стали звучать металлические нотки. Я исписал уже горы бумаги, а он всё давал мне новые задания по освещению тех или иных сторон нашей деятельности за рубежом: как проходила служба в армии, не замечал ли я внимания спецорганов к себе, как проходила легализация «Весты», как организовывали и вели прикрытие «Бар «К Колокольчику». Мы ещё раз описывали все наши контакты: кто из них мог вызывать подозрение как агент противника, как организовывали новое прикрытие - посредническую экспортно-импортную контору, кто были клиенты, как проходил арест, допросы сотрудников СИДЭ и ЦРУ, нахождение в США, беседы с ФБР, все мельчайшие детали организации побега с виллы ЦРУ и тому подобное.

- Вот, предположим, вы с этим Мигелем сидите один на один, и он вам выкладывает такие вещи, за которые его могут запросто вздёрнуть: то, что вы, - русский шпион, они узнали от ЦРУ, что ЦРУ стояло за всем этим и тому подобное. А с какой стати он вам это всё рассказывал? В чём его интерес?

- Ну, это мне трудно понять. Возможно, его распирало оттого, что он что-то узнал. Возможно, хотел показать свою значимость, что он знает секреты.

А возможно, он считал зазорным чем-то насолить янки, которых он терпеть не мог.

Однажды В.Е. пришёл и сказал, что наше дело рассматривается на самом высоком уровне и отношение к нему далеко неоднозначное.

- Решается вопрос о передаче вашего дела в военную прокуратуру.

- Почему в военную?

- Ну как же! Вы нарушили присягу, признались, что вы - советские разведчики, пошли на сотрудничество с врагом, отреклись от советского гражданства, подали прошение о предоставлении политического убежища в США, провалили двух ваших товарищей... Разве этого мало, чтобы отдать вас под суд? Да ещё сейчас вот пытаетесь бросить тень на наш чекистский коллектив. Вызвать взаимное подозрение. Вам ещё предстоит самое тяжёлое: предстать перед партийным судом. Там вам придётся выслушать много нелицеприятного от наших товарищей. Если подойти к вашему делу формально, то вы подпадаете по статью «Измена Родине». Но это - если формально. Нами уже доказано, что ваша версия о наличии в наших рядах предателя, - плод вашей фантазии и удобный щит, чтобы скрыть свои собственные промашки, в результате которых вы и провалились. Ну, проанализируйте сами все ваши действия. Где-то всё же был у вас прокол? Где? Когда? Продумайте с «Вестой» все ваши шаги, все события, все разговоры с окружением, все подозрительные контакты. Я уверен, что мы вместе с вами в конце концов установим истинную причину провала.

- Что касается нарушения присяги и признания, то я был вынужден это делать под страшным психологическим давлением...

- Но вас же даже не били, - сказал он небрежно.

- А вы хотели, чтобы били? И тогда признание было бы правомерным - заслуженным, выколоченным? Далее. Для чего даётся нелегалу отступной вариант легенды? Чтобы, очутившись в безвыходном положении, находясь в руках противника, он смог бы выйти из «неприятной» ситуации с наименьшими потерями. Разве это не так? Или мы привыкли только к победам?

- Но вы же рассказали им всё.

- Далеко не всё. И вы это отлично знаете. А то, что рассказали, они уже знали от наших перебежчиков.

- Откуда вам знать?

- Это можно предположить и определить, зная, чем они занимались, а также из прессы, освещавшей все эти случаи. О сотрудничестве с противником. Разве такое «сотрудничество» не предусматривалось в случае провала? Для чего тогда мне был дан сигнал «опасность»? Для чего был дан адрес «Грета» в Берлине, по которому мы должны были писать в том случае, если попадали в руки противника?

Провалили двух товарищей! Не отрицаю. Мы глубоко об этом сожалеем. Но сигнал, во-первых, был проставлен не тот, и тем не менее они пошли к тайнику. Во-вторых, если бы не этот прискорбный случай, Центр продолжал бы гнать одну шифрограмму за другой, и кто знает, во что бы всё это вылилось. А так - передачи прекратились и до вас наконец дошло, что с нами что-то случилось.

Далее. Ходатайство о предоставлении политического убежища в США было частью игры, которую хорошо или плохо, но мы вели, пытаясь «войти в доверие» к противнику, и ходатайство это было подписано не настоящими фамилиями, а псевдонимом - «Мартынов».

Вы называете нашу версию о предателе плодом нашей фантазии и удобным щитом, за которым мы якобы хотим скрыть наши промашки. Так назовите их, эти наши промашки. Докажите, что они имели место. У вас есть доказательства? Так давайте! Ваш таможенник? Агент из полиции? Вы уже знаете моё мнение о них.

В ответ - молчание.

- Нет? Где был прокол? Если не было предателя, но был прокол по нашей вине, то мы этот прокол определяем в данный момент - повторил он, - так что все вопросы - к нему. Я всего лишь исполнитель. Вот причитающаяся вам сумма зарплаты по апрель включительно. Партвзносы у вас приняты по сегодняшний день. Прошу расписаться в ведомостях.

Мы были настолько ошарашены, подавлены и обескуражены всем происходившим, что подписали всё, что требовалось. Финансовые

расчёты, да и деньги вообще, во все времена для нас всегда имели второстепенное значение. Мы были там, мы были заняты работой.

- Слушай, а разве на этой расчудесной даче мы два месяца просидели не в интересах нашего общего дела? - спросила «Веста» после ухода В.Е.

- Мне как-то говорили товарищи, что наши финансисты - большие специалисты обдирать нашего брата как липку. Да и много ли ты можешь возразить, когда тебя уже тащат на лобное место как предателя? Так что стоит ли сейчас по волосам плакать, если есть шанс остаться без головы?

- Но это же несправедливо!

- Справедливость восторжествует лишь на том свете: тому - в рай, другому - в ад, и никто не обижается. Кто что заслужил.

- Так что все эти пятнадцать месяцев в плену мы, оказывается, работали на ЦРУ? Мы что, пошли и добровольно им сдались?

- Жираф большой: ему видней. Ты что, забыла, как после войны всех освобождённых военнопленных отправили в лагеря как предателей? Отношение к попавшим в плен, по-видимому, здесь мало изменилось. Хорошо ещё, если без Соловков обойдётся. И без психушки.

В апреле мы вернулись домой. Какое-то время, пока шёл ремонт нашей квартиры, мы жили у родителей «Весты» в двухкомнатной хрущовке. Девочки осваивали совершенно незнакомый для них русский язык, выходили играть во двор, где соседские ребятишки называли их иностранками. Бабушка и дедушка пошли на пенсию и возились с ними, а в мае мы отвезли всех в деревушку, затерявшуюся далеко в лесах Смоленщины, где они провели всё лето, приобщаясь к российской природе. Старшую дочь, правда, на один месяц удалось определить в пионерлагерь. Как уж она там провела месяц, совершенно не зная языка, одному Богу известно, но когда мы приехали за ней, она уже довольно сносно, хотя и с акцентом, изъяснялась по-русски. Ей шёл уже восьмой год, и мы готовили её к школе, хотя слабо себе представляли, как она там будет учиться. Мы купили детям велосипеды, и они носились на них по деревне. А подружившись с пастухами, вскоре оседлали лошадей.

Деревушка из десятка домов стояла на обрыве над речкой, быстро катившей свои светлые и холодные воды в Угру, Оку, Волгу и далее - в Каспийское море. В семи домах жили старики, содержавшие стадо из четырёх коров, десятков двух коз и овец. В двух домах были пасеки. Молоко было в изобилии. Грибы и ягоды - тоже. Кругом леса.

А мы тем временем продолжали работать. Почти каждый день мы с «Вестой» приходили на конспиративную квартиру на набережной Москвы-реки, где с В.Е. продолжали анализ нашей работы за рубежом. Нам уже всё страшно осточертело, и мы желали только одного: чтобы всё это поскорее закончилось.

Лето стояло жаркое и засушливое. Горели подмосковные леса. Под Шатурой в горящем торфянике проваливались бульдозеры, гибли люди. В Москве всё пропахло гарью. Дым стлался над Москвой-рекой, заполняя

улицы, проникая в жилища. Время от времени мы ездили в деревню проведать детей. Там тоже всё было в дыму, хотя в здешних смешанных лесах пожаров не было. Горели торфяники в соседней области, и дым стлался по долинам рек.

В.Е. был настроен скептически практически ко всем моментам нашей эпохи, подвергая сомнению все наши аргументы. И в общем-то это было абсолютно верно. Истина рождается в споре.

- Узнали от охранников, что вас вело ЦРУ? А почему мы должны верить какому-то Мигелю? Что это он так проникся к вам симпатией? На наш взгляд, он самый настоящий провокатор.

- Мы так не думаем. Его информацию подтверждали и другие охранники.

- Ну вот видите. Это не факты, а досужая болтовня, слухи. А где факты?

- В.Е., вы же знаете, что информация не так часто изобилует фактами непосредственно. Отрывок разговора, слово, намёк, даже порой жест, мимика - всё это постепенно... одно к одному составляет цельную картину.

- М-да... Картину, картину, картинку. А почему водитель школьного автобуса не взял с вас деньги?

- А я почём знаю? Такой уж добрый парень попался.

- Расскажите ещё раз, где находились и чем занимались охранники в момент вашего ухода?

- Трое сидели у себя в комнате, четвёртый бегал по лесу, к моменту нашего ухода он вернулся и пошёл принимать душ. Они собирались смотреть какой-то полуфинал по футболу.

- Что же, они за вами совсем не следили?

- Вначале - да, но потом режим был несколько ослаблен и мы могли часами гулять по лесу. Слежки за нами не велось.

- Завоевали, стало быть, доверие?

- В какой-то степени да.

И снова писанина. Описание (уже в который раз) всех этапов нашего пребывания в руках противника, описание всех без исключения сотрудников спецслужб, с которыми нам приходилось общаться, и тому подобное.

В октябре 1972-го был перерыв, длившийся около двух недель.

Шестого ноября мы с друзьями по учёбе в институте собрались в ресторане гостиницы «Россия». Наш столик стоял у окна, из которого открывался вид на пустынную в это время Красную площадь, освещённую жёлтыми неоновыми огнями. Были видны чёткие ряды трибун, белели разметки на площади, нанесённые для проведения военного парада.

Для нас это были нелёгкие праздники. Мы знали, что нас ожидают не лучшие времена. Это была последняя встреча с друзьями.

После праздников на конспиративную квартиру вместе с В.Е. пришёл Парторг. Партийный босс, сухощавый, невысокого роста старик с хрипловатым голосом, провёл с нами беседу по всем правилам партийного искусства. Слова, которые он употреблял в разговоре, были тяжёлыми как гири: измена Родине, нарушение воинской присяга и партийной дисциплины, попрание офицерской чести, грубейшие ошибки в работе, в результате которых произошёл наш провал, потеря бдительности, политическая близорукость, идейное перерождение под влиянием буржуазной среды, бросили тень на всю советскую разведку - всего не перечислишь.

- Вот вы пришли со своей версией о предателе в наших рядах. Вы что, хотите сказать, что в наших чекистских рядах могут быть предатели?! Вы отдаёте себе отчёт, что вы несёте? Мало того, что вы оба нанесли урон советской разведке и делу коммунизма во всём мире. Заставляя нас искать предателя в наших рядах, вы бросаете тень подозрения на весь наш коллектив. Вы хотите, чтобы мы не доверяли друг другу! А как же тогда работать?

- Но... мы считали своим долгом довести до вашего сведения свои подозрения. Ведь анализ оперативной обстановки вокруг нас...

- Какой, к чёрту, анализ!

- Мы всё описали в наших отчётах. Мы понимаем, что мы правы и...

- Что? Это вы-то правы?! Весь коллектив не прав, а вы правы?! Мы провели тщательное расследование. Ваша версия о предательстве не стоит ломаного гроша! Более того, она преступна! И не вздумайте настаивать на партсобрании на этой вашей липовой версии! Вам не поздоровится!

В этот момент мы уже понимали, что наши дела - хуже некуда.

- К вашей работе до ареста у нас претензий нет, - продолжал между тем Парторг. - В вашем личном деле одни благодарности. Ваша информация нередко направлялась прямо в ЦК. Но вы себя неправильно повели во время ареста. И теперь. Почему вы друг взяли и ушли от противника? Раз уж вы к нему попали, раскололись, то надо было постараться войти к нему в доверие, установить потом с нами контакт и продолжать работать на нас.

- Вам, конечно, здесь из Центра, видней, но мы решили по-своему и считаем, что поступили правильно. Мы считали, что наша информация о случившемся окажется важной и полезной для Центра. Мы имеем в виду версию об утечке информации. Ведь если у нас есть агентура в спецорганах противника, то почему вы думаете, что в нашей среде нет их агентов? Вы отлично знаете, что переушники свой хлеб отрабатываю с лихвой, и средств на вербовку не жалеют.

- Всё так, всё так, - сказал уже спокойнее Партбосс. - Мы знаем: вы патриот своей Родины. Вы ушли от противника, рискуя жизнью. Привели свою семью. Это всё мы отлично сознаём и отдаём должное вашему мужеству и решительности. Но... Завтра - собрание. Большинство настроено не в вашу пользу. Защищайтесь. Сумейте убедить товарищей в вашей правоте. Но... ни слова о версии о предательстве. Ради вашего же блага.

- Спасибо за предупреждение. Как-нибудь защитимся.

Мы с «Вестой» зашли в кафе на Комсомольском проспекте. Было тяжело на душе. Заказали коньяк и чёрный кофе.

- Почему они так хотят, чтобы мы отказались от нашей версии? - спросила «Веста».

- Не знаю. Возможно, нам этого никогда не понять.

- Но они считают, что версия о предателе - это блажь. Я уже действительно начинаю сомневаться, не было ли у нас у самих прокола. Не мы ли сами во всём виноваты.

- Прокол не исключается. Но я всё-таки как-то увязываю наш провал с поездкой домой в 1967 году или с твоей поездкой в 1970-м. Именно там мог быть прокол. Возможно, оттуда всё и идёт. Давай ещё по рюмочке, а то что-то муторно на душе.

Мы расплатились и вышли из кафе. По набережной дошли до моста окружной железной дороги. Внизу плескались свинцово-холодные воды Москвы-реки. Перейдя мост, спустились по ступенькам на набережную Нескучного сада. Мы любили эти места и часто ходили сюда на прогулку.

- Меня беспокоит, что они, на мой взгляд, слишком поторопились с выводами. Смотри, прошли всего лишь январь, февраль, а в конце марта они уже заявили о полной несостоятельности нашей версии. А спросишь - что, так сразу в амбицию: «Вы что, не доверяете коллективу?! Не верите в нашу компетентность?!»

- Может, он, «кротик» этот, очень ловко замаскировался?

- Всё может быть. Но всегда надо искать ответ на классический вопрос: «Кому это выгодно?» А мы, к сожалению, внятный ответ дать не можем. Нет у нас конкретных фактов. А те, что имеем, они не воспринимают, и всё тут. Даже вон поднимают на смех. А только англичане говорят: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним». Как бы кое-кому плакать не пришлось, если наша версия окажется верной. Только, конечно, этот «крот» сидит где-нибудь в Центре и просто так его не выковыряешь. Кому выгодно его прикрывать? Кому выгодно вообще замять всё это дело и свернуть дальнейшую проверку? Пришёл этот: «Всё. Ничего не обнаружили». Когда есть подозрения, то проверку нужно вести всесторонне, месяцами, возможно, годами. Западные спецслужбы, прошляпив Пеньковского, стали беречь своих агентов и работать осторожнее. Пеньковского-то они использовали на износ.

- Ты думаешь, у нас в Центре сидит ещё один Пеньковский?

- Подозреваю, что да. А может, и не один. Сидит, наверное, и над нами посмеивается 1. Вот, мол, дурачки, припёрлись сюда. Нет, чтобы воспользоваться возможностью и остаться там.

Ночью не спалось. Утром, выпив валерьянки и ещё чего-то успокаивающего, мы отправились на Лубянку. В вестибюле углового подъезда главного здания нас ждал В.Е. На нас уже были выписаны пропуска, и мы беспрепятственно прошли в здание. Поднимались на лифте, затем долго шли по длинным коридорам, устланным ковровыми дорожками, пока, наконец, не подошли к нужной нам двери. Мы вошли в какую-то комнату, похожую на приёмную. Там никого не было. Повесив пальто на вешалку, мы сели на стулья и стали ждать. Было около десяти часов утра. То и дело открывались двери, в которые входили люди. Немногие из них были нам знакомы. Окидывая нас мимолётным взглядом, они, не останавливаясь, проходили мимо и исчезали за двойной дверью. Никто нас не приветствовал. Те, кто знал нас, проходили мимо, не глядя.

10 часов утра. Откуда-то слышался бой часов. Открылась дверь, и из комнаты заседаний вышел В.Е.

- Пойдёте по одному. Сначала вы, - сказал он, кивая мне.

Я встал и пошёл вслед за ним. В просторном зале за П-образным столом сидело довольно много людей.

Некоторые сидели на стульях у стены. Меня усадили на отдельно стоявший стул, так чтобы всем было видно. «Как на скамье подсудимых», - подумалось мне. Шум голосов стих. Вошла стенографистка, женщина средних лет, села за маленький столик посреди зала. В.Е. сел сбоку, недалеко от меня. Куратор всё-таки. Главный дознаватель.

- Партийное собрание, посвящённое персональному делу Мартынова В.И., прошу считать открытым, - провозгласил председательствующий. - Мы собрались здесь по очень тяжёлому для всех нас поводу. Товарищ Мартынов В.И., находясь вместе с женой Мартыновой Л.В. на нелегальной работе в Аргентине, утратил бдительность, что послужило причиной ареста его и всей семьи. Конкретная причина провала нам пока неизвестна. Попав в руки противника, Мартынов повёл себя неправильно, спасовал перед противником, проявил малодушие, раскрылся как разведчик, нарушил воинскую присягу, пошёл на сотрудничество со спецслужбами Аргентины и США, что привело к выдворению из Аргентины двух наших сотрудников.

Став таким образом на путь, граничащий с предательством интересов нашего народа, партии и государства, Мартыновы обратились к правительству США с просьбой о предоставлении политического убежища. Мартынов В.И., находясь длительное время в условиях буржуазного общества, подпал под его влияние, морально разложился и стал фактически перерожденцем, изменив делу коммунизма. Тем не менее, будучи переброшенным спецслужбами из Аргентины в США и находясь под круглосуточным наблюдением ЦРУ, Мартыновы сумели

оторваться от противника и, проявив определённое мужество и оперативную грамотность, с двумя детьми пришли в Советское посольство в Вашингтоне. На основе договорённости с правительством США Мартыновы были доставлены на территорию СССР в город Москву.

Чтобы как-то обелить своё недостойное поведение в глазах службы, Мартыновы представили нам версию о том, что причиной их провала якобы послужила утечка информации из наших рядов. На основании их сообщения компетентными товарищами была проведена тщательная оперативная проверка, показавшая полную несостоятельность представленной Мартыновыми версии о наличии предателя в нашем чекистском коллективе. Представив свою версию, Мартыновы пытались бросить тень подозрения на всех нас, пытались внести в наши сплочённые чекистские ряды атмосферу взаимного недоверия и разлада, по сути дела, предприняли попытку расколоть наш коллектив. Представляя на рассмотрение первичной парторганизации данное персональное дело, мы полагаем, что коммунисты объективно рассмотрят изложенные факты и дадут соответствующую оценку совершённому Мартыновыми поступку.

Примерно так прозвучало это выступление секретаря первичной парторганизации службы.

Пока читался текст этого партийного обвинения, я разглядывал присутствующих. Учитывая специфику моей работы, это было второе партийное собрание в моей жизни, где я присутствовал в качестве члена партии. Первое было пятнадцать лет тому назад, когда меня принимали в партию, сейчас - второе, где меня будут исключать из партии. Там - принимали, здесь - исключают. Парадокс!

- Есть предложение заслушать самого Мартынова, что он думает о своём поступке? Пусть расскажет, как дошёл до жизни такой. (Это голос парторга, изрёкшего затасканную фразу, звучавшую при разборке всех персональных дел.)

Я встал и изложил свою версию моего поведения в руках противника:

- Арест был для нас полной неожиданностью, хотя незадолго до этого были некоторые настораживающие моменты. Я считаю, что разработка, в которую мы попали, была в начальной стадии. Моя намечавшаяся поездка в Чили по какой-то причине ускорила развязку. (Причина станет известна лишь через двадцать с лишним лет, когда появится книга Ю.И. Дроздова, бывшего начальника управления «С», в которой он пишет о нелегалах Т. и Г., тоже преданных Гордиевским, но сумевших тоже с двумя детьми оторваться от противника и выбраться на Родину. Случай этот имел место до нашего ареста).

Мы сознательно пошли на сотрудничество с противником, пытаясь вести двойную игру, что, в общем, предусматривалось в отступном варианте легенды.

Заключил следующими словами:

- Я категорически не согласен с выдвигаемыми здесь обвинениями в моральном разложении. Попав в руки противника, я действовал исходя из обстановки, которая диктовала линию поведения. Считаю, что открытый суд над нами в Аргентине нанёс бы значительно больший ущерб нашим отношениям с этой страной, нежели выдворение двух сотрудников, послужившее, кстати, первым сигналом в Центр о нашем провале. Конечно, сотрудникам, проводившим дознание, может быть, видней, но мы на основании разрозненных фактов, выявленных нами в процессе общения с сотрудниками спецслужб Аргентины, смеем утверждать, что агентурной разработки по нашему делу не проводилось, а если она и была, то лишь в начальной стадии. У меня всё.

И началось обсуждение товарищами, большинство из которых я видел впервые. Было и несколько знакомых лиц. Слева от меня, положив руки на стол, сидел Коля С., с которым я учился на одном курсе. Он посматривал на меня с явным сочувствием.

Справа поодаль сидел С.Б., выходивший к нам на явку в Буэнос-Айресе. В дальнем углу расположился Шеф, его заместители и ещё кто-то из приходивших к нам на дачу в Серебряном бору.

- Как вы расцениваете своё поведение с точки зрения коммуниста? - прозвучал вопрос.

- Возможно, я был не на высоте. Как коммунист, я должен был молчать и ничего не говорить...

- Каким образом вам с детьми удалось уйти от противника?

- Я подробно описал это в отчёте.

- Вы сознавали, что, уходя от противника, вы подвергали себя и семью смертельной опасности? - спросил кто-то из заместителей.

- Вполне.

- А вы не думаете, что вам умышленно позволили уйти?

- Может, и так. Но какой смысл? Зачем тогда было держать круглосуточную охрану из четырёх человек?

- Да знаю я этих скотов из ЦРУ! - взорвался, брызгая слюной, лысый.

(«Нехорошо, когда не уважаешь своего противника, - подумал я. - Это всегда дорого обходится. Ишь, скоты! А откуда это ты их знаешь?»)

- Слизняк! - продолжал бушевать лысый, ёрзая на стуле, глаза его налились кровью, он готов был через стол наброситься на меня. - Я не могу находиться в одной партии с этим человеком! - истерично закричал он, стуча кулаком по столу. На него цыкнули из начальственного угла, и он слегка умерил свой пыл, в глухой ярости сжимая кулаки и кусая губы.

«И что это он на меня так взъелся? - подумал я. - На любимую мозоль, что ли, я ему наступил? Или я повредил его карьере? А может, он как раз и есть предатель? Нет, я явно перешёл ему дорогу. Смотри-ка какой спектакль устроил. Эх, врезать бы ему по морде! Кабинетный вояка!»

- И сколько же денег в валюте вы потеряли в результате провала? - спросил чей-то ехидный голос.

- Думаю, что вместе с квартирой, машиной и мебелью тысяч сорок долларов, - ответил я, помедлив.

- Ого! - В зале прошёл шумок. - А как же вы собираетесь расплачиваться с государством? - спросил всё тот же голос.

- Может, когда-нибудь расплачусь. А вообще-то - это издержки производства. Полагаю, что в нашем деле они неизбежны.

- На что вы рассчитывали, возвращаясь домой? - спросил голос из начальственного угла.

- Рассчитывал прежде всего на то, что наша информация может пригодиться, - отвечал я, вызвав этим смешок у присутствовавших.

- Чем вы собираетесь в дальнейшем заняться? - голос слева.

- Если найдёте нужным, я хотел бы поделиться своим, хотя и отрицательным, опытом.

- Будете делиться своим опытом на заводе «Серп и молот»! Когда будете таскать чугунные болванки! - прохрипел грубо парторг. Очевидно, это был его родной завод, откуда он пришёл в КГБ. - Опытом своим он будет делиться! Кому нужен твой опыт!?

- Если надо, могу и на заводе, - отвечал я. - Мне к труду не привыкать. Я владею несколькими профессиями и себе на хлеб могу всегда заработать. («А вот тебя, если уволить, то ты с голоду подохнешь», - подумал я).

- Что там произошло с ваши прикрытием? Я имею в виду производство мундштуков с фильтром.

- Я уже докладывал в Центр, что...

- Вы нам расскажите!

- Да, у меня не заладилось с прикрытием в начале 1969 года, и я... Всё случилось из-за болезни президента фирмы.

- Вы обманывали Центр! Может быть, в вашем прикрытии и кроются причины провала?!

- Но в момент ареста у меня было уже другое, довольно неплохое прикрытие - экспортно-импортная контора.

- На себя пенять надо, а не наводить тень на плетень! - слышались голоса.

- Вы выдали противнику всё, что знали. Как вы сами это расцениваете?

- Я выдал не более того, что ему уже было известно.

- Откуда вам знать, что ему было известно?!

- Я скрыл, например, факт учёбы в 101-й школе, другие объекты... Адреса, фамилии...

- Ха-ха-ха! Какие ещё там объекты?! Ты пел как канарейка!

- Предатель! Всех нас предал!

- Жаль, что сейчас не сталинские времена!

- В сталинские времена я бы ещё подумал, прежде чем вернуться...

Всё происходившее дальше было как в тумане. Голоса слились в сплошной гул, в ушах громко и тревожно звенели колокольчики, которые звенят и по сей день. Ко мне уже никто не обращался, спорили о чём-то между собой. Как ни странно, полного единогласия по решению собрания не было. Я слышал даже чей-то возглас: «Зачем же так?! Они ведь сами пришли!»

Зачитали решение - исключить из партии. Проголосовали за. Кто-то воздержался. Против - никто.

Вышел в приёмную. «Веста» смотрела на меня с тревогой в глазах. Я сжал ей руку и сказал: «Держись!» И она пошла медленно, как на Голгофу.

Рассказ «Весты»

Я вошла в зал. Меня усадили на стул. Несколько знакомых лиц. Но немного. Встретились глазами с В., куратором по 1970 году. Он слабо улыбнулся. В правом дальнем углу у окна сидело начальство. В центре зала за маленьким столиком стенографистка. Гул голосов затих. Десятки глаз смотрели на меня. Многие с нескрываемым любопытством, в предвкушении своеобразного шоу. «Как же их много!» - подумала я.

- Ну, расскажите, как всё произошло, - послышался голос парторга.

- А что рассказывать? Мы и так всё рассказали и всё описали в своих отчётах.

- Большинство из присутствующих ничего о вашем деле не знает. Так что расскажите всё по порядку.

«Вот и плохо, что не знает», - подумала я.

Я рассказала о событиях, происшедших после моего возвращения из Союза в сентябре 1970 года. О наличии предателя в наших рядах промолчала: перспектива оказаться в психушке и расстаться с детьми меня совершенно не устраивала. И поэтому на вопрос, что я думаю о причинах провала, я ответила вполне нейтрально: «Где-то, очевидно, имел место прокол». Прокол - да. Но по чьей вине - я не стала уточнять.

- В Европе вы не обнаружили за собой слежку?

- Нет, не обнаружила.

- А ведь она была. Это очевидно.

- Возможно. Но не очевидно. Я тщательно проверялась. Слежку в Европе не обнаружила.

Моё сознание было настолько взбудоражено, сама я настолько деморализована, что смутно помню всё происходящее. Задавали вопросы - я отвечала. Как будто это была не я.

- А зачем вы вообще вернулись сюда? - прозвучал вопрос из начальственного угла.

- А что, не надо было возвращаться?

Лишь сейчас, через два с лишним десятка лет, я уловила истинную подоплёку этого вопроса: «Надо быть сумасшедшим, чтобы вернуться, зная, что тебя ждёт».

- Но они же сами пришли! - послышался чей-то голос.

- Это ещё надо проверить, как они пришли. Шеф «С» сидел молча, уставившись в крышку стола. Вопросов он, кажется, не задавал.

Обсуждение продолжалось.

- Ну, зачем же обоих под одну гребёнку?! - послышался голос. - Зачем вы так?

Его заглушили другие, более мощные голоса:

- Исключить! Исключить! Вон из партии!

Мы быстро шли по коридору. За нами, немного поотстав, следовал В.Е. Я была вне себя и хотела было пройти мимо прапорщика, стоявшего на выходе, но он грубо отстранил меня, практически оттолкнул назад.

- Пропустите их, они со мной. Вот их пропуска, - сказал подошедший к нам В.Е.

Мы вышли на свежий морозный воздух.

* * *

Через полчаса она вернулась. На ней лица не было.

В.Е. проводил нас до выхода, предупредив, чтобы 24 ноября в 10 утра мы пришли сюда на заседание парткома, взяв с собой партбилеты, а «Весте» захватить ещё и юбилейную медаль «100 лет со дня рождения В.И. Ленина», которой она была награждена во время своего приезда в Москву летом 1970 года.

- Ну и что ты думаешь по поводу всего этого балагана? - спросила «Веста», когда мы очутились на улице. - Как же мы теперь будем жить без партии?

- Лучше быть хорошим сочувствующим, чем фальшивым коммунистом с партбилетом, - отвечал я.

- Дело не в партбилете. Дело в убеждениях. И в деяниях тоже.

Пешком мы дошли до Кропоткинской, пересекли Крымский мост и по Нескучному саду вышли на Ленинский проспект, откуда троллейбусом доехали до нашего дома на Профсоюзной улице. На душе было тяжело.

24 ноября утром мы снова пришли на Лубянку. На этот раз В.Е. провёл нас в другой, столь же просторный, отделанный деревом кабинет, принадлежавший секретарю парткома ПГУ.

На этот раз нас пригласили обоих вместе. Нас усадили во главе длинного стола. На противоположном конце восседал секретарь парткома, которого я помнил ещё по 101-й школе. Обладая несомненным даром красноречия, он выступал по любому поводу на каждом собрании. Вокруг длинного стола сидели члены парткома: слева - Шеф и его замы, справа - все остальные. Приглашённые - на стульях у стены. Здесь находились также и те, кто бывал у нас на даче в Серебряном бору, включая Б.С., руководившего расследованием.

Б.С. и В.Е. сидели на стульях, стоявших сбоку отдельно от стола, там, где сидели приглашённые. Парторг подозвал Б.С., о чём-то с ним переговорил, после чего Б.С. подошёл к В.Е. В.Е. извлёк из своей папки какой-то листок с отпечатанным текстом и, перегнувшись через стол, передал документ члену парткома, которому, очевидно, было поручено зачитать текст. Пока Б.С. тянулся через стол, я машинально прочитал фамилии Б.С. и В.Е., которые до этого мне были неизвестны, так как, по-видимому, не доверяя нам, свои фамилии они держали в таком большом секрете, что даже на заседании парткома в целях конспирации называли себя лишь по имени-отчеству. Впоследствии В.Е. долго ломал голову, откуда я узнал его фамилию, когда однажды по ней я разыскал его в управлении.

Заседание парткома объявили открытым. Мы с «Вестой» (она сидела слева от меня) знали, что нам предстоит.

Был зачитан текст о результатах служебного дознания, проведённого Б.С. и В.Е. Там были перечислены все наши грехи, самым страшным из которых было высказанное нами подозрение о наличии предателя в нашей среде и отречение от гражданства СССР.

Затем слово взял Шеф (А. И. Лазарев, ныне покойный). Я был о нём высокого мнения, считал его принципиальным и справедливым.

- Мы все должны понимать. - говорил Шеф, - что Мартыновы в течение длительного периода времени - почти полтора года, - имея на руках двух малолетних детей, ежедневно подвергались морально-психологическому воздействию со стороны противника, что в той или иной степени не могло не сказаться на их физическом и психическом состоянии. Да здесь ещё и мы добавили, работая с ними почти целый год. Прошу вас всё это принять во внимание. Что касается их проступка, то это уже всесторонне обсуждалось на собрании первичной партийной организации, решение которого вам известно. Призываю вас проявить должное понимание проблемы.

Затем выступил зам:

- Дискредитировали честь и достоинство советского офицера, чекиста-разведчика, выдали государственные тайны, парализовали разведывательную работу в Южной Америке, сотрудничали с противником, способствовали выдворению двух наших сотрудников из страны нахождения, отказались от советского гражданства...

- Но ведь они же отказались-то под чужой фамилией! - воскликнул кто-то.

- Да. Они назывались Мартыновыми [60]. Но и эту фамилию им дала советская власть. Так что факт отречения от Родины налицо.

В том же ключе выступили ещё несколько присутствующих. Чувствовалось, что, как и на первом собрании, выступавшие были хорошо подготовлены, хотя оперировали данными с подачи В.Е. Весь ход заседания был отработан до мелочей. Выступали в основном тс, кто заранее записался.

И вот, наконец, встал секретарь парткома и произнёс блестящую обвинительную речь. Здесь уж он дал волю своему ораторскому искусству. Он сёк нас вдоль и поперёк, то понижал голос до шёпота, то гремел набатом. Мы - предатели, изменники Родины, изгои, отщепенцы, разложившиеся элементы, люди без идеалов, перерожденцы...

- У вас хоть есть какой-нибудь идеал? - остановился он вдруг.

- Есть, - ответил я. - Рудольф Иванович Абель, Тягостное молчание зависло в помещении. Десятки глаз внимательно рассматривали крышку стола (Абеля к тому времени уже не было в живых).

- Ну... понятно, - несколько снизив тон, сказал секретарь парткома. - Ввиду всего вышеперечисленного, прошу поддержать решение собрания первичной организации и исключить Мартынова В.И. из рядов КПСС. Здоровый чекистский организм должен отторгать инородные тела. Так и наша партия должна отторгнуть морально разложившихся людей, случайно попавших в ряды чекистов-разведчиков. Кто за исключение? Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно.

С «Вестой» разговор был коротким. Вопросов не задавали. Кто за? Кто против? Принято единогласно.

- Прошу сдать партбилеты, - сухо сказать секретарь парткома.

- И медаль тоже, - подсказал вполголоса подскочивший к столу В.Е.

Я молча положил на стол свой совершенно новенький, в течение многих лет провалявшийся в сейфе парторга партбилет. Медаль «100 лет со дня рождения В.И. Ленина», удостоверение к медали и партбилет «Весты» тоже легли на стол.

- Вы свободны, - сказал секретарь парткома. Мы повернулись и вышли не попрощавшись. Вслед за нами выскочил В.Е. Он как-то странно суетился.

---

[60] «Мартынов» - это псевдоним, присвоенный мне ещё в разведшколе. Под этой фамилией я находился в командировке в Египте. Этой фамилией назвался при допросах.

- Хотите воды? - спросил он «Весту». В ответ - молчание. - Может, вас подвезти?

- Сами доберёмся, - резко ответила «Веста».

- Прошу вас быть завтра в десять утра на конспиративной квартире, - сказал В.Е.

- Мне тоже? - спросила «Веста». - Может, мне не обязательно? Надоело всё это.

- Должны оба прийти, - сказал В.Е. - Обязательно. Вас хочет видеть Шеф.

- Тогда придём, - сказала «Веста».

- Ну, что? - спросила она, когда мы остались одни. - Ты до сих пор считаешь, что нас предали?

- Я не только считаю. Я в этом уверен ещё больше. Может, «крот» сидел на одном из этих собраний и ухмылялся про себя: «Как я ловко всех провёл!» Воистину не ведают, что творят. Когда-нибудь об этом пожалеют. А предатель - чёрт с ним! Пускай вредит, раз уж они не смогли его найти. Время покажет, кто был прав. Знаешь, что я тебе скажу? Трагедия разведчика в том, что его подозревают и чужие, и свои. Обидно, конечно, когда свои.

Дома, когда отцу сказали о том, что нас исключили из партии, он сел и долго молчал. Старый рядовой член партии, он не мыслил себе, как вообще можно существовать вне партии.

Заходили друзья. Они пришли в ужас, когда узнали, что нас исключили из партии, и вообще обо всём, что с нами случилось. С некоторыми из них я учился ещё в институте, и все они, так или иначе, работали в нашей системе. Это была наша с ними последняя встреча. С этого дня на долгие годы мы как бы перестали для них существовать. Я пытался объяснить «Весте», что нужно войти в их положение. Ведь им ещё предстояло делать карьеру, дослужиться до пенсии, а связь с нами квалифицируется как порочащая. Безусловно, с ними со всеми уже поговорили. Кое-кто из родственников также от нас отвернулся. Я в шутку сказал «Весте», чтобы она готовила для меня мыло, полотенце и смену белья.

Утром в 10 часов мы были на конспиративной квартире. В.Е. пришёл один, без Шефа.

- Ну, Главный (Ю.В. Андропов) решил в тюрьму вас не сажать, - начал В.Е.

- Неужели вы ещё хотели нас посадить в тюрьму? - спросила «Веста». - За что?

- Да есть за что, есть за что. А вы что, и вправду считаете себя невиновными? - спросил В.Е., глядя на нас большими выпуклыми глазами.

Мы сидели за круглым столом.

- Вы будете уволены из органов по статье: дискредитация звания офицера. Вместе с тем вам обоим сохраняется звание, - продолжал В.Е., - «Весту» определяется пенсия в размере пятидесяти процентов, то есть сто рублей в месяц. Кроме того, в целях вашей же безопасности, вам придётся поселиться в другом городе, освободив квартиру в Москве.

После тяжёлой паузы «Веста» спросила:

- Как это - в другом городе? Что значит - в другом городе? Вы что же, меня, коренную москвичку, изгоняете из моего родного города? Неужели мы такие закоренелые преступники? Вы считаете, что нас наказали недостаточно строго, так хотите нас совсем добить?

- Поймите, это делается для вашего же блага. Во-первых, вам в Москве находиться небезопасно, учитывая ваши отношения со спецслужбами противника. Мы не в состоянии обеспечить вашу безопасность. Во-вторых, здесь, в верхах, много людей, которые настроены против вас, и в ваших же интересах будет отсидеться где-нибудь в провинции, пока улягутся круги на воде. Кроме того, вам придётся держаться подальше от иностранцев, включая граждан из соцстран. Не вступать ни с кем из иностранцев в какой бы то ни было контакт. Не устраиваться ни на какие предприятия, связанные с секретами или с обороной страны. Вам обоим придётся дать подписку.

- И в какой же город мы собираетесь нас выселять? - спросила «Веста» охрипшим голосом.

- Почему вы так говорите: выселять? Я же говорю вам, что это делается в целях вашей безопасности...

- Только не надо лапши, В.Е.! Не надо! Какая, к чёрту, безопасность? О чём это вы? Вы нас посылаете, вот и всё! Безопасность! А если я не хочу никуда уезжать? С какой это стати я должна уехать из своего родного города? И что вообще это значит? Мы что, сюда больше никогда не вернёмся?

- Да вернётесь вы, вернётесь. Как вы не понимаете, что в ваших же интересах сменить на какое-то время место жительства, обстановку. Налицо явно положительный исход всего вашего дела. Ведь всё обстоит гораздо серьёзней, чем вы думаете. Ваше дело рассматривалось в самых высоких инстанциях (Ю.В. Андропов, ЦК КПСС). Всё могло окончиться гораздо хуже для вас.

- Всё нас тюрьмой пугаете? - спросила жёстко «Веста». - Если надо - отсидим, а из Москвы я никуда не поеду. Это мой родной город, я здесь родилась и выросла. Здесь все мои родственники и друзья. Почему это я должна куда-то ехать? Никуда я не поеду. Это нарушение наших гражданских прав. И давайте не будем больше говорить на эту тему.

- Ну, давайте не будем. Пока. Сегодня. Но я вам советую подумать. Это окончательное решение руководства и обсуждению не подлежит. Вы же отлично понимаете, что так или иначе, уехать придётся. У нас есть к вам ещё одна маленькая просьба. Нужно написать письмо на имя

Председателя [61] в котором вы выразили бы благодарность руководству за заботу и чуткость, проявленные при рассмотрении вашего, откровенно говоря, столь непростого дела.

- Ещё и благодарственное письмо, что ли? - вскипела «Веста». - За то, что нас, как преступников, высылают из Москвы? За это, что ли, благодарить?

- Но вы же не можете сказать, что мы для вас ничего не сделали. А чего нам стоило вытащить вас оттуда! Ведь вы себе представить не можете, каким сложным и запутанным является ваш случай, сколько пришлось нам за вас побороться.

- Бороться? Против кого это?

- Ситуация не раз складывалась не в вашу пользу, поймите вы это. Многие были настроены против вас. И настроены агрессивно. Вы должны понимать, что ваш провал был чреват последствиями: нарушение и даже свёртывание некоторых участков нашей работы, сломанные карьеры... Да всего и не перечислишь. Вы не в состоянии всё охватить.

Мы договорились, что я должен буду позвонить В.Е. на следующий день.

Мы с «Вестой» долго шли молча по набережной. Сильный холодный ветер пронизывал насквозь.

- Ну, что будем делать? - спросила наконец «Веста».

- Я слишком хорошо знаю нашу систему, чтобы советовать тебе что-либо иное, кроме как подыскивать себе другой город, пока есть выбор. Ты же сама понимаешь, что нас всё равно вышлют со скандалом или без. Могут и с применением силы. Арестуют и вышлют. Если надо где-то отсидеться - отсидимся. Затем постараемся вернуться, поскольку ты всё-таки москвичка. Мне труднее, я - иногородний, поэтому инициатива должна будет исходить от тебя. А я уж продумаю, как это сделать. Мы обязательно вернёмся. Ты мне веришь? Ведь я обещал тебе ещё там, в плену, что мы все уйдём? И мы здесь. Ты мне веришь?

- Верю. А благодарственное письмо?

- Сейчас пойдём домой и сочиним что-нибудь.

- Ничего писать не хочется. Противно как всё это! Как они себя подстраховывают. Перестраховщики!

Дома я сел и написал письмо. В нём мы благодарили Председателя КГБ за чуткость, заботу и гуманное отношение, проявленные к нам в нашем сложном деле. «Веста» его просмотрела, кое-что подкорректировала, и на следующий день я передал его В.Е.

Мы взяли атлас автомобильных дорог страны и стали подыскивать город, где нам предстояло поселиться. Остановились на дальней точке -

---

[61] Имеется в виду Председатель Комитета государственной безопасности Ю.В. Андропов.

Новосибирске, и на ближней - Обнинске. «Веста» хотела в Новосибирск, я же настаивал на Обнинске, потому что оттуда было рукой подать до нашей деревни, где всё лето могли бы находиться дети, где было вдоволь молока, овощей и фруктов. Да и до Москвы близко.

Я позвонил В.Е. Он сказал:

- Ваше письмо получилось, мягко говоря, несколько суховатым. Я думаю, что его следовало бы переписать.

- Написали, как могли, и переписывать ничего не будем. И вообще, зачем вам это письмо?

- Ну, вы же сами понимаете...

- Понимаем. Но переписывать не будем.

- Я вас прошу завтра в десять ноль-ноль ещё раз прийти с «Вестой» на конспиративную квартиру. Вас хочет видеть Шеф.

- Шеф? Хорошо. Мы придём.

Шеф пришёл дать нам последние напутствия. Он привёл аргументы, диктовавшие необходимость отъезда из Москвы.

- Не приставлять же к вам здесь охрану? - говорил он. - А опасность здесь для вас в известной степени существует. - Ему трудно было скрывать фальшивые нотки в голосе.

«Уж не от своих ли? - подумалось мне. - Потому что ЦРУ мы совершенно не нужны. Опасность!»

- Там, где вам придётся жить, - продолжал Шеф, - не связывайтесь с обиженными, а их ведь у нас немало по стране. Живите своей жизнью. Растите детей. Это у вас сейчас основная цель жизни. А вот письмо Председателю у вас действительно получилось суховатое, - посетовал он, явно кривя душой. - Ну, да уж ладно, какое есть.

Ответом было наше молчание.

Если следовать поговорке: «Беда не приходит одна», то это именно наш случай.

Февраль месяц выметал улицы Москвы вьюгами и метелями, громоздясь по утрам сугробами и задавая работу дворникам. Я, в общем, не верю в сновидения. Поэтому сон, который мне приснился, я оставил бы без внимания, если бы я, против обыкновения, не рассказал о нём «Весте», которая целый день после этого маялась в тревоге в предчувствии беды.

А сон этот был отражением реальности: высоченная колокольня церкви, объятая пламенем. Может ли гореть колокольня? Может. Ведь там внутри - деревянные конструкции, лестничные переходы. А реальность такова: стояла зима 1939 года. По стране катилась новая волна атеистической истерии. Докатилась она и до нашего удалённого от больших дорог райцентра Марийской АССР. Местными властями было принято решение превратить стоявшую на большой площади церковь в

районный Дом культуры. Церковь эта была подлинным шедевром русского зодчества. Она, правда, уже давно была закрыта. На тяжёлых, выкрашенных зелёной краской дверях, обшитых железными полосами, висел огромный амбарный замок. И вот пришли люди и стали что-то делать на колокольне. А однажды студёным январским вечером эта колокольня вдруг запылала. Огненные вихри бушевали наверху, там, где колокольня опиралась на четыре массивные колонны. Две из них были подрублены, и на их место установлены сухие сосновые чурбаки. Вокруг на площадке был наложен хворост и целые поленницы дров. Всё смочили керосином. И вот теперь там бушевал огромный костёр, бросавший блики пламени на искрившийся снег. Площадь была огорожена верёвками. Несколько милиционеров следили за порядком. Собрался народ посмотреть на невиданное зрелище. В толпе старушки крестились. Кого-то предавали анафеме. Слышался сиплый голос коренастого мужичка-единоличника со смешным именем Пудыч: «Дак ведь взрывчатки-то нет. Вся в Финляндию ушла. Тама наших ихние доты подрывают. Ну вот и изловчились, чтоб без взрывчатки. Сейчас как ухнет!» - И он перекрестился.

Часа через три огромная колокольня покачнулась и с треском и грохотом стала падать. Сначала медленно, как бы нехотя, затем стремительно. Тяжко ухнула и содрогнулась земля, снопы искр и снежной пыли взвились в небеса. Старушки в толпе стали истово креститься.

Колокольня ещё с полгода пролежала на земле, занимая почти всю площадь, пока однажды не пришли рабочие и кувалдами и ломами не разбили её. Части колоннады пошли под опоры общественной бани, остальные кирпичные глыбы свезли на строительство стеклозавода. Ни один кирпич не удалось отделить: раствор, говорили, был замешен на яичных белках и не поддавался никаким усилиям. Церковь стали переоборудовать в Дом культуры. Строили ударными темпами, хотя стройка давалась нелегко, так как добротно сработанные метровые кирпичные стены были прочно связаны железными тяжами. Продолжали строить даже тогда, когда началась Великая Отечественная война, и закончили его, как у нас водится, в канун 24-й годовщины Великого Октября. А я, будучи уже во втором классе, принимал участие в праздничном концерте, играл в так называемом шумовом оркестре, организованном нашим директором школы Неверовым. Играли - кто на деревянных ложках, кто на гребёнках с папиросной бумагой, кто на бутылках, частично заполненных водой в разных уровнях, а кто на балалайке. Мне же достался тяжёлый бронзовый школьный звонок, который во время исполнения «Светит месяц, светит ясный» вдруг вырвался из моих рук и покатился по сцене к рампе. Под аплодисменты и смех зрителей я сполз со стула, с которого я еле доставал ногами до пола, пробежал по сцене, поднял звонок, снова взобрался на стул и подключился к оркестру, который в этот момент уже исполнял «Во поле берёзонька стояла».

* * *

Трёхлетняя дочурка была страшной непоседой и егозой. Она непрерывно двигалась, бегала, прыгала, и вот случилось так, что она опрокинула на себя чашку горячего чая. Мы в растерянности, вместо того чтобы сунуть её сразу под струю холодной воды, стали срывать с неё колготки, продлевая таким образом время теплового воздействия, вследствие чего ожог получился довольно глубоким.

Был февраль месяц, мела метель, телефона у нас не было, мы метались с ребёнком на руках по вечерним улицам в поисках такси. Приехали в Морозовскую больницу, но там нас почему-то не приняли. К счастью, такси в те годы ещё были вполне доступны, и мы добрались до Филатовской детской больницы, где было ожоговое отделение. В больнице дочь перенесла ожоговую скарлатину. Ей пришлось делать пересадку кожи - одним словом, мы изрядно поволновались. Всё это длилось около двух месяцев. А руководство тем временем торопило с переездом. То ли наше присутствие в Москве кого-то ужасно раздражало, то ли ещё что-либо.

Конец апреля я провёл в деревне: занимался садом, выходил на вечернюю зорьку на тягу вальдшнепа, где опробовал своё только что купленное ружьё.

Пару раз ездил в город Н., где через местных товарищей нам нашли работу в местном пединституте. Мне - ассистентом-преподавателем английского языка, «Весте» - лаборантом. У обоих зарплата такая, что если её назвать нищенской, то нищие обидятся, так как на церковной паперти они, говорят, в хороший день зарабатывают больше, чем мы за месяц.

«Веста» переездом заниматься отказалась и осталась в деревне с детьми. С переездом помогали её родители и брат. Выехали из Москвы на двух открытых бортовых «ЗИЛах». Грузчиков шурин нашёл прямо во дворе, оторвав их от стола с домино и от других важных воскресных дел. Один из них вышел в тапочках из дому купить газету, и уже когда машины выезжали за город, в ужасе спросил: «Ребята, а куда это мы едем? Я ведь вышел только купить газету». Но при виде бутылки с «горючим», он сплюнул и махнул рукой. Так они и ехали, сидя па диване тёплой компанией, распевая песни и останавливаясь иногда у дорожной лавчонки пополнить запас спиртного, благо то был период расцвета застоя-запоя и нация весело и дружно спивалась, это отвлекало от мыслей о завтрашнем дне и несколько скрашивало мрачные мысли о светлом будущем.

Разгрузились в городе Н. у только что отстроенной пятиэтажки. Перед домом был сад, принадлежавший когда-то снесённым частным домам. За садом, метрах в пятидесяти от дома, - ветка железной дороги, обслуживаемая стареньким паровозиком, настолько слабосильным, что он часто задыхался на подъёме напротив дома и долго шипел и чихал, разводя пары.

Первого сентября - со студентами на картошку. Сборы были недолги, и вот я рано утром с рюкзаком за плечами явился в институт. Совхоз, где

предстояло работать, находился далеко, в Ильинском районе, и добираться нужно было поездом, который приходил туда за полночь.

Наш поезд долго и нужно тащился среди мокрых полей и лесов, останавливаясь у каждого столба. Шёл проливной ливень. Выгрузились на станции Ильинск, там нас ждала открытая бортовая машина со скамейками. Мы уселись на мокрые скамейки, а было нас тридцать человек - двадцать восемь девушек и два парня, - укрылись плёнкой от дождя и помчались в отведённый нам совхоз, носивший гордое и звучное название: «Вперёд, к коммунизму!» Когда приехали на центральную усадьбу, было уже далеко за полночь. Дождь сменился мокрым снегом. Здесь нам предстояла пересадка на другой транспорт, чтобы ехать в дальнее отделение совхоза, где мы надеялись, что нас ожидает тёплый кров и ударный труд на картофельных плантациях.

В правлении совхоза нам выделили две машины: «техпомощь» и самосвал «ЗИЛ-130». Девушек затолкали в фургон техпомощи, мы же с двумя студентами со всеми вещами погрузились в «ЗИЛ», укрывшись от бушевавшей снеговерти всё той же плёнкой, сели на корточки, ухватившись за стальные борта, и понеслись в ночь. Асфальт кончился уже через полкилометра. Дальше - обычное бездорожье российской глубинки. Из аварийки, шедшей впереди, доносились песни, прерывавшиеся визгом и воплями, когда машина проваливалась в очередной ухаб. А их по пути было немало. Нас тоже отчаянно бросало, но мы сидели, вцепившись мёртвой хваткой в борта грузовика и стиснув зубы, чтобы не стучать ими от пронизывающего холода. Шёл дождь со снегом, бушевал ветер, надувая парусом плёнку.

Через час приехали в село. Распределив девушек по домам, я с ребятами, Мишей и Виктором, отправились искать дом, хозяйкой которого была одинокая баба Нюша, бесшабашная, худющая, но ещё довольно крепкая женщина неопределённого возраста, как говорят, с «приветом». Она быстро нас разместила: ребят - обоих на железную кровать, меня - на каком-то топчане в закутке за печкой, сама - на печку. Туалет - в бурьяне за хлевом, в котором живности было коза да две курицы.

Ночью не спалось - в трубе завывал ветер, зверствовали клопы. Из своего закутка я сбежал на скамейку под окном. Но если уж в Лондоне в гостинице клопы, то отчего бы им тут не быть? Ребятам там тоже было несладко. Тот, кого звали Миша, сбежал на следующий же день к девушкам и просил и молил их, чтобы они его приютили. Он был тогда славным розовощёким юношей шестнадцати лет, приветливым и обходительным. Спал он у девушек прямо на полу, и они его не очень стеснялись. Важно, что в избе было чисто. К сожалению, Миша, уже после окончания института, трагически погиб, разбившись на мотоцикле. Мы же с Виктором стоически держались у бабки Нюши до самого конца, предприняв, разумеется, некоторые оборонительные меры.

Шедевром кулинарии у бабки Нюши был чугунок рассыпчатой картошки в мундире, сваренной в печи. Правда, на следующий день, специально для нас зарезали телёнка, и, наевшись досыта свежатины, мы

дня три после этого маялись животами. Молоко было в изобилии. Чай мы себе готовили в кружке при помощи дорожного кипятильника-спиральки.

Работали на полях с утра до вечера, подбирая картофель за картофелекопалкой. Комбайны не работали, так как почва раскисла от влаги. С неба непрерывно сыпался дождь вперемешку со снегом. Нас постоянно сопровождал трактор ДШ - дизельное шасси, который отвозил картофель в картофелехранилище. Однажды картофелекопалка выкопала неразорвавшийся снаряд. Удалив всех подальше, я осторожно на руках отнёс снаряд в овраг и закопал его в укромном месте, чтобы не нашли местные мальчишки. Кстати, о мальчишках. Был какой-то праздник, и я был поражён, увидев шести-семилетних пьяных детей. Такого я ещё нигде и никогда не видел. Студентки же, которые сами были из села, сказали мне, что во многих сёлах это в порядке вещей, пьяные дети.

Хата бабки Нюши оказалась к тому же ещё и убежищем жён, укрывавшихся от разбушевавшихся в пьяном угаре мужей. И вот то один, то другой мужичок врывается в хату в поисках своей пропавшей жены, но, поскольку беглянки, пока мы там были на постое, прятались где-то в другом месте, мы с Виктором бесцеремонно, без лишних разговоров выпроваживали пьянчужек за дверь.

Через две недели картофельная эпопея для меня закончилась, и меня сменил другой преподаватель. И так было из года в год.

А работа в институте шла своим чередом. Интересно было общаться с молодёжью. По мере возможности пытался её понять. Мы с коллегой организовали английский клуб, где разучивали английские и американские песенки, устраивали tea-paty [62], с русским самоваром. Ребята, конечно, не знали, чем я в своё время занимался, но не исключается, что дошлые студенты-историки кое о чём всё-таки догадывались. Факультет был смешанный - история и английский язык. Но ребята в большинстве своём английскому языку предпочитали историю и о политике очень любили порассуждать, очевидно, находя во мне интересного собеседника, поскольку в чём, в чём, а в политике я всегда неплохо разбирался.

Поработав один год лаборантом, «Веста» поступила в этот же пединститут на факультет иностранных языков. Знание языков, разумеется, существенно облегчало учёбу, но тем не менее заниматься «Весте» приходилось много. А ведь у нас семья. В городе из года в год ухудшалось положение с продовольствием и промтоварами. В магазинах исчезло сливочное масло, сыр, мясо, колбаса и даже куры, хотя под городом Н. имелась огромная птицефабрика и свой мясокомбинат. В городе говорили, что все продукты якобы отправляют в Москву. Раз в две-три недели мы вместе с тысячами жителей Н. отправлялись в Москву на электричке или записывались на автобусные экскурсии, чтобы, будучи в Москве, запастись продуктами.

---

[62] Чаепитие (англ.).

Весной 1979 года «Веста» закончила пединститут, и мы решили обратиться к Председателю КГБ с письмом, в котором «Веста» просила посодействовать нашему возвращению в Москву, ведь там оставалась престарелая мать, требовавшая ухода. К тому же «Веста» была коренной москвичкой и, вполне естественно, тосковала по своему родному городу и постоянное чувство ущемленности и унижения не покидало её.

Через две недели нас вызвали в местное управление ГБ и сказали, что пришёл ответ на наше письмо, в котором говорилось, что наша просьба пока отклоняется. Мы решили, что это слово «пока» за подписью Председателя может в будущем кое-что значить, и решили ждать.

Тем временем у нас появились хорошие друзья, мы больше не чувствовали себя одинокими. Отпуск у нас был большой, и, как правило, проводили мы его вместе с детьми в деревне на Смоленщине. Летом - грибы-ягоды, занимались огородом, я плотничал. Наши девочки выросли в общении с природой, любили лес и речку, привыкли ходить в грибные и ягодные походы и при этом не хныкать.

Через полтора года мы написали второе письмо с аналогичной просьбой. Снова отказ. На этот раз мотивированный сменой руководства (в то время Председателем только что был назначен В. Федорчук).

В феврале 1983 года мы написали ещё одно письмо на имя теперь уже нового Председателя. В письме мы конечно же упомянули, что бывший наш Председатель - нынешний Генсек Ю.В. Андропов, в своё время на нашу просьбу о возвращении ответил, что, мол, «пока это невозможно». Так вот, пробыв (вернее, отбыв) десять лет в Н. (нормальный срок), не могли бы мы теперь рассчитывать на возвращение в Москву, поскольку при выезде нам было обещано, что через какое-то время разрешат вернуться.

Через месяц-полтора позвонили из местного ГБ и передали, чтобы пятнадцатого апреля мы были в Москве, где нам предстоит встретиться с товарищами по интересующему нас вопросу. Мы поняли, что вопрос о возвращении в Москву решён положительно. Слово «пока» в устах Ю.В. Андропова весило немало.

Накануне мы приехали в Москву, позвонили по указанному телефону и договорились о встрече. Пятнадцатого утром пришли в бюро пропусков на Малой Лубянке, где нас уже ждал всё тот же, ничуть не постаревший В.Е., который вёл наше дознание в 1972 году, с товарищем. Беседа велась в служебном помещении. В.Е. начал с того, что все наши прежние грехи остаются в силе, поскольку наши деяния имели серьёзные последствия для дела разведки. Какие именно, он не говорил, а мы не спрашивали.

- Несмотря на нашу с вами договорённость, вы имели нежелательные контакты с иностранцами, - выговаривал он нам, поглядывая попеременно то на меня, то на «Весту».

- Ну, имели, конечно, а как же? Например, у нас на кафедре французского языка преподают настоящие француженки. Так что, прикажете нам от них под столом прятаться? - сказала «Веста».

- Ну, мы же ничего такого и не говорили, - примирительно отвечал В.Е. - Просто так, констатируем факт.

- Мне, например, по своей работе приходилось встречаться с кубинцами. Ведь когда мы поступали на работу в институт, в городе Н. иностранцев вообще не было, а теперь же в пединституте образован целый факультет иностранных студентов: немцы, кубинцы, афганцы и прочие. Нам что же, надо было немедленно увольняться с работы? И потом, - продолжал я, - вас ведь не очень смущало то обстоятельство, что «Веста» довольно часто работала с немецкими делегациями из ГДР?

- Да, да, мы мне говорили об этом, но ведь то же были демократы.

- А запрет на встречи с иностранцами распространяется, кстати, и на демократов.

Затем В.Е. вёл разговор ещё на какие-то отвлечённые темы, спрашивал о наших детях. При этом он почти непрерывно курил. Пришедший с ним товарищ в разговоре участия почти не принимал.

- Вы обратились с письмом на имя Председателя, - подошёл наконец к главному В.Е. - Мы тут посовещались и, учитывая, что уже прошло десять лет, решили вашу просьбу удовлетворить.

Мы сидели, затаив дыхание. Трудно было поверить в такое.

- Вы, в общем, правильно поступили, что обратились с письмом, - сказал присутствующий товарищ. - Под лежачий камень и вода не течёт.

В.Е. неодобрительно покосился на него. Мы чувствовали, что ему была в тягость подобная миссия. Ведь он был одним из инициаторов нашего изгнания из Москвы, а теперь вот ему же и поручили вернуть нас в Москву, и это ему явно претило. Но... приказ самого Председателя!

- Какие у вас в связи с этим будут просьбы? - спросил В.Е.

- Ну, прежде всего, жильё, разумеется.

- А разве вы не можете жить у матери?

- Где же там жить? Там мать, брат с семьёй, а квартира - двухкомнатная хрущёвка, - ответила «Веста». - Где мы там разместимся?

- Это абсолютно исключается, - подтвердил я. - Нас ведь четверо. Кто же нас там пропишет?

- Хорошо. Мы посоветуемся с руководством по этому поводу. Очевидно, придётся посмотреть наши резервы, что-то подыскать, - сказал он, глядя на товарища. Тот утвердительно кивнул. - Но вы не рассчитывайте на скорое решение этой проблемы. Это займёт как минимум полтора-два месяца.

- Ничего, мы подождём, - сказала «Веста».

- Какие ещё будут просьбы?

- Нельзя ли будет поднять вопрос о пересмотре пенсии? Эти пятьдесят процентов, которые я получаю... Это ведь всего сто рублей...

- Я даже не буду ставить этот вопрос перед руководством, так как это абсолютно нереально. Что ещё?

- Тогда всё.

- Чем собираетесь заниматься в Москве?

- Техническими переводами.

- М-да. Это не так просто. Нужны связи. Ну а как вы? - обратился он к «Весте».

- Что-нибудь найду.

- Тогда до свидания. Если появятся новости в отношении квартиры, я сам сообщу. Ваш телефон у меня есть.

Но В.Е. не позвонил ни через месяц, ни через два. Мы уже уволились с работы, у нас было чемоданное настроение, а из Москвы - ничего. На наши телефонные звонки никто не отвечал. Пришлось мне самому поехать в Москву, чтобы выяснить, в чём дело. Через дежурного по главку узнал, что В.Е. отбыл в отпуск и вернётся только через месяц. Переговорил по телефону с его замом. Он о нашем деле ничего не знал, но уверен, что как только В.Е. вернётся из отпуска, сразу передаст ему о моём звонке. В конце июня позвонили товарищи из местного ГБ и сказали, чтобы мы снова выехали в Москву и договорились о встрече по известному нам телефону.

В условленное время мы снова встретились с В.Е. у входа в бюро пропусков КГБ. С ним был незнакомый нам товарищ, по-видимому, ведавший хозяйственными вопросами.

- Что же вы, В.Е., не могли нам сказать, что уезжаете в отпуск? Мы всё же как-никак волновались, - сказала «Веста».

- А почему это я, собственно говоря, должен вам докладывать? - отвечал он своим неторопливым хрипловато-вальяжным тоном.

Мы сели в чёрную «Волгу», проехались по Сретенке и тотчас свернули в один из узких переулков, остановившись перед старым обшарпанным домом. Теперь уже нас вёл хозяйственник. Вошли в квартиру на втором этаже с высоченными потолками. Прошлись по комнатам.

- Ты что же, не мог тут хоть немного подремонтировать? - деланно пожурил В.Е. сопровождавшего нас товарища, указывая на оборванные обои в спальне. - Да и ручек на окнах вон нет. Сам, что ли, поотрывал?

Хозяйственник что-то невнятно буркнул в ответ.

- Ну вот, - сказал В.Е. с торжественным выражением лица, - хорошая квартира. А главное - в центре. Отдай им ключи и ордер да помоги оформить прописку.

И вот заветный ордер - розовая моссоветовская бумажка - и связка ключей у нас в руках. Как всё просто! И как сложно! Договорившись о встрече, мы расстались.

Прошлись по переулочкам, чтобы ознакомиться с районом, где нам предстояло поселиться. Этот своеобразный и по-своему живописный район, расположенный между двумя историческими площадями - Трубной и Сухаревой (прежде Колхозной), был ограничен Сретенкой, Цветным и Рождественским бульварами и Садовым кольцом. Район этот превосходно описан московским писателем Лазарем Карелиным в его повести «Последний переулок». В самих узких переулочках здесь нет ни единого деревца, но зато много тенистых скверików и детских площадок, театр Маяковского на Хмелёва, две булочных, выпекающих плюшки, лепёшки, ватрушки, источавшие окрест дивной аромат. Все дворы - проходные. Можно войти, например, с Рождественского бульвара в один двор и выйти на Сухаревской через другой, пересекая при этом все переулки. В Последнем и Печатниковом переулках размещались пивнушки, торжественно именуемые пивными барами. В скверикаx, на детских площадках, на бетонных плитах - всюду сидят мужики с банками, склянками, канистрами, бидонами, пакетами из-под молока, извлечёнными из мусорных контейнеров. Они потягивают жиденькое пиво и о чём-то оживлённо беседуют, многие закусывают воблой, которая продаётся тут же из-под полы.

Половина домов здесь выселена, рамы выбиты, и окна зияют тёмными проёмами, как во время войны! Мальчишки хозяйничают на чердаках и в подвалах заброшенных домов, разводят там костры, которые нередко превращаются в пожары. В подвалах обитают бомжи.

Наш переулок упирался в какое-то огромное, только что выстроенное массивное здание, частично напоминавшее театр и занимавшее весь угол Трубной площади. На крыше гудели огромные вентиляторы. Обойдя здание с фасада и подойдя к подъезду, мы прочитали вывеску, где золотыми буквами на красном фоне было написано: «Дом политического просвещения МГК и МК КПСС».

Сдав ордер в ЖЭК и оформив прописку, мы выехали в Н. Нужно было готовиться в переезду.

Старшая дочь очень обрадовалась предстоящему перезду в Москву, младшая же, закончившая к тому времени шестой класс, ужасно переживала, что ей придётся расстаться со своим классом, к которому она привыкла и где у неё было много друзей. Её пугал совершенно незнакомый ей коллектив в чужой школе, в другом городе. «Дайте мне ложку, вилку, кастрюльку и сковородку и оставьте меня здесь. Я не хочу никуда уезжать», - говорила она.

И снова Москва

Наш крутой переулок с давних пор облюбовали киношники, и довольно часто здесь ведутся съёмки. Светят юпитеры, ревёт дизель, цокают копыта лошадей, идёт по улице Валерий Золотухин, который снимается в фильме «Человек с аккордеоном».

Позвали В.Е., чтобы он посмотрел, как мы устроились. Он принёс нашу старую расписку десятилетней давности о том, что мы впредь обязуемся избегать встреч с иностранцами. Заставил нас расписаться ещё по разу, поставив новую дату. «Для порядку, - деловито сказал он. - Документ есть документ».

Стали искать работу. Всё оказалось не так просто, как мы это себе представляли. Переводов почти не было. Походил по редакциям, где могли бы пригодиться мои знания языков, побывал в Институте Латинской Америки, принимал меня даже сам С. Микоян. Но везде я получал отказ. Оказывается, в Москве в то время был избыток переводчиков, что-то порядка десяти тысяч, включая синхронистов. Хотел было устроиться завхозом в Комитете защиты мира, но там мои биографические данные (исключение из партии и пр.) не понравились, и мне дали от ворот поворот. Тогда я устроился бригадиром в отделе вневедомственной охраны. В мои функции входили контроль и проверка работы вахтёров и сторожей, для чего требовалось поздно вечером посещать обслуживаемые объекты. Зарплата - мизер.

«Веста» обратилась в бюро по трудоустройству.

- А почему вы, собственно, не работали всё это время? На что вы существовали? - спросила её крупногабаритных форм чиновница.

- Мой муж получает военную пенсию. На неё и жили всё это время.

- Муж мужем, а сами вот вы не работаете уже почти четыре месяца. Значит, вы тунеядствуете. Принесите справку из домоуправления о том, что вы проживаете на средства мужа, - потребовала она.

В домоуправлении дали идиотскую справку о том, что жена проживает на средства мужа, справку со штампом, печатью и подписью самого начальника ЖЭКа, для чего пришлось потратить полдня. А между тем в Москве в то время насчитывалось около ста тысяч неработающих бездельников.

Вооружённая справкой о том, что она не тунеядка, «Веста» снова пошла в бюро по трудоустройству, где ей дали направление в школу воспитательницей младший классов. В школе она никогда не работала, воспитывать детей, среди которых было много детей иностранцев, оказалось делом далеко не простым, а главное, работа эта была ей не по душе.

Я вскоре понял, что вневедомственная охрана, состоявшая из старичков пенсионеров и студентов, была не для меня, и в начале года уволился. Стал пробовать переводить короткие рассказы кубинских писателей, два из которых были даже напечатаны в журнале «Иностранная литература» в январском номере за 1984 год.

В 1984 году умер Ю.В. Андропов. Вся Москва хоронила его. Огромная очередь двигалась по направлению к Колонному залу Дома союзов. Хоронили человека, который пытался удержать огромную страну от сползания в пропасть, но не успел.

Генсеком избрали смертельно больного Черненко, полагая, что при мудром коллегиальном руководстве партии лидеру не обязательно быть таким уж здоровым. Его было по-человечески жаль, когда он зачитывал по бумажке какую-нибудь речь или обращение. Руки его дрожали, ему не хватало дыхания. Казалось, что он вот-вот упадёт.

Случайно мы узнали, что умер и наш дознаватель, В.Е.

Как-то по весне, проходя мимо огромного здания Дома политпросвещения, мы увидели в окне, выходящем на Трубную площадь, объявление: «Требуются уборщицы, кондиционерщики, сантехники, столяр».

- А ты не хотел бы поработать столяром? - спросила жена. - Хотя бы временно, пока не найдёшь себе другую работу.

На следующий же день я пришёл в отдел кадров ДП, где заполнил анкету. В графе «партийность» отметил, что беспартийный. В графе «имел ли партийные взыскания» - не имел, поскольку беспартийный не может иметь партийные взыскания. Думаю, что меня вряд ли приняли бы на работу даже столяром, напиши я всю правду. Ведь учреждение, куда я поступал, было сугубо партийным, и не просто партийным, а идеологическим центром всей Москвы, и там не место людям, изгнанным из партии. Таким образом, я стал столяром, в обязанности которого входило практически всё, что требовало ремонта как по столярной, так и по слесарной части, всё, что касалось эксплуатации здания. Кое-что я, конечно, знал и умел, но ко многому приходилось приглядываться, благо напарником моим оказался довольно неплохой столяр, любивший, как и все столяры и маляры, регулярно «заложить за галстук».

Через месяц после моего поступления на работу в ДП сюда же удалось устроить и «Весту» на скромную должность, связанную с буфетным обслуживанием проводившихся в ДП мероприятий.

В конце октября мой непосредственный начальник по имени Тигран позвал меня в свой кабинет.

- Нынешнему коменданту Большого конференц-зала уже далеко за семьдесят, пора уже ему сидеть на печке. А тебе эта должность подойдёт, ты - военный, вот и будешь, хоть и невелик, а всё-таки начальник.

Тигран был, в общем, неплохой малый, гроза уборщиц, которых он безжалостно гонял, и, как я позднее убедился, поделом. Он вникал в суть дела, хотя порою и был горяч по-кавказски, невзирая на лица, и это ему вскоре стоило места.

Меня смущало, не подвергнут ли меня проверке. Ведь странно: бывший подполковник ГБ, знает языки, бывал за границей и - беспартийный. Такого не бывает. К тому же одно дело - работать столяром, другое - комендантом зала, где нередко бывают даже члены Политбюро. Но, видимо, одно то, что я в своё время принадлежал к ГБ, возымело своё действие. Ибо когда я пришёл к заведующему посоветоваться в отношении предложенной мне должности, он,

номенклатурное лицо, член бюро горкома, оказался на высоте, сказав мне примерно следующее: «У нас тут многие с партбилетом в кармане не заслуживают звания коммуниста: карьеристы, лентяи, неумёхи, пьяницы. Мы видели, как ты работал эти семь месяцев, и довольны твоей работой, поэтому заступай в должность и работай, пусть тебя ничего не смущает».

Итак, я стал комендантом. Под моим началом оказалось пятнадцать уборщиц, по-старому - техничек, пожилых и молодых (пожилые прирабатывали к пенсии, молодые - из-за малых детей).

Зал до моего прихода охранялся прапорщиками КГБ из охраны горкома, которые контролировали входы и зону президиума, где располагались спецпрезидиум для высокопоставленных гостей, а также спецгардероб, спецподъезд и спецлифт.

Перестройка

Апрель 1985 года вихрем ворвался в страну. Новый лидер внёс немало перемен в жизнь страны и нашего политического учреждения в частности. Прежде всего конечно же великолепно организованная кампания борьбы за трезвость. По этому поводу созывались многотысячные партхозидеологические активы, учредительные собрания общества трезвости. В стране под флагом борьбы за трезвость закрывались ликеро-водочные заводы, вырубались виноградники. Было созвано и у нас учредительное собрание общества трезвости всея Москвы. Заседание вёл неотразимый в своём красноречии академик Овчинников, тот самый, кажется, который приложил руку к уничтожению идеи создания ценнейшего биологического препарата - «голубой крови», полностью заменяющий плазму. В выступлениях приводились леденящие кровь цифры жертв алкоголизма, травматизма, дебильных детей.

В Доме политпросвещения было проведено общее профсоюзно-производственное собрание, на котором принято решение, что перестройка не пойдёт на пьяную голову, а поэтому необходимо всем поголовно вступить в общество трезвости, уплатив вступительный взнос, и прекратить потребление спиртного на рабочем месте. Резким диссонансом прозвучала громкая реплика одной уборщицы, произнесённая сварливым тоном: «Пили и пить будут!»

Ко мне подходил парторг с вопросом о вступлении в общество трезвости. «Не могу, - отвечал я. - Я выпиваю. По праздникам и между ними».

6 октября 1987 года Б.Н. Ельцин встречался с дипломатическим корпусом в Малом зале ДП. В Доме в то время уже ходили слухи о его предстоящей отставке. В фойе Малого зала была развёрнута большая выставка о Москве (архитектура, искусство, торговля, промышленность и т. п.). В зале на пятьсот мест были оборудованы кабины для синхронного перевода. Начальство моталось из угла в угол, сдувая пылинки и переставляя цветочки, позабыв, однако, о главном: предупредить, как это делалось обычно, Мосэнерго о проводящемся ответственном

мероприятии, чтобы по какой-либо причине не было сбоя в электроснабжении ДП. Тем более, что выставка, как это позднее выяснилось, потребовала дополнительного освещения с помощью мощных ламп.

Перед самым началом я сидел на ступеньках покрытой ковровой дорожкой лестницы своего зала, ведущей в фойе, наблюдая через окно, как одна за другой подходили к подъезду Малого зала чёрные лимузины с флажками всех стран, аккредитованных в стране. Вот подошла «Чайка» Б.Н., он со спутниками поднялся на крыльцо центрального подъезда, где его встречало руководство Дома. Площадка перед Домом опустела. Все гости вошли в зал. И как раз в этот момент я увидел, как вдруг погасли огни в фойе Малого зала. «Наверное, встреча началась и, они решили притушить свет в фойе», - только и успел подумать я, как вдруг из центрального подъезда, прыгая через две ступеньки, пулей вылетел наш главный энергетик К., и, развевая полами пиджака, припустился к электрощитовой, которая находилась на Трубной площади с противоположной стороны Дома. За ним стремглав мчались дежурные электрики. Пробежав стометровку в олимпийском темпе, они один за другим исчезали за углом. «Что-то произошло», - подумал я и направился по переходам в зону Малых залов.

А произошло буквально следующее. Едва Б.Н. вошёл в зал, как погас верхний свет и осталась гореть лишь пара плафонов аварийного освещения. Одновременно погасли огни в фойе, подсветка выставки, обесточились кабины синхронного перевода. Сидевшие там переводчики запаниковали. Но ни гости, ни сам Б.Н. ничего этого не заметили, так как нерастерявшиеся киномеханики, мгновенно уловив ситуацию, запустили заранее подготовленный для демонстрации документальный фильм о Москве, который длился ровно двадцать минут. А в это время в щитовой шла борьба не на жизнь, а за... престиж. Нельзя было подводить Б.Н. Нельзя было ударить в грязь лицом перед собравшимися иностранными дипломатами. На двадцатой минуте, благодаря компетентности К., неисправность была устранена. К тому времени фильм закончился, и встреча с дипломатами была продолжена. Все находившиеся в зале, в том числе и Б.Н., так ничего и не заподозрили, восприняв как должное показ документального фильма, который и намечался к показу, но только в конце встречи. Когда Б.Н. по окончании мероприятия был поставлен в известность о ЧП, он, помрачнев, коротко бросил управделами Ч.: «Разберитесь!»

На следующий день товарищ Ч. пришёл разбираться. Было созвано общее профсоюзное собрание Дома. Перед началом собрания разнёсся слух о том, что Ч. пришёл, чтобы лично объявить об увольнении зам. зава по административно-хозяйственной части С. и главного инженера Дома М., сделав обоих, как это у нас водится, козлами отпущения.

Однажды в октябре 1990 года, придя утром на работу в Дом, я, как всегда, задержался у нашего довольно богатого киоска «Союзпечать», где милейшая Валентина Васильевна подала мне мой обычный

«джентльменский набор», состоявший в тот день из нескольких газет и журналов, в числе которых оказался и молодёжный еженедельник «Собеседник» за номером 42, выходивший обычно по четвергам. «Собеседник» даёт много интересного для молодёжи, смело публикует сенсационные материалы, и покупал я его по просьбе дочери. До эпохи перестройки и гласности такие материалы никогда опубликованы не были бы. Таким образом, на волне гласности ко мне в руки попал материал, имеющий к нам, я имею в виду себя и жену, самое непосредственное отношение. Этот материал круто изменил нашу судьбу.

Придя в свой крошечный кабинет, я полистал газеты, затем сходил на планёрку к руководству, выполнил ряд служебных поручений, обошёл своё хозяйство и перед обедом снова взял в руки «Собеседник», рассеянно полистал. В глаза бросилось интервью, взятое спецкором «Собеседника» Ольгой Белан в Лондоне у некоего Олега Гордиевского, нашего бывшего сотрудника разведки, перебежавшего на Запад якобы в багажнике машины одного британского дипломата. Прочитал статью. Оказывается, этот Гордиевский в соавторстве с англичанином Кристофером Эндрю написал книгу под названием «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачёва», которая стала бестселлером на Западе. Обе фамилии были мне совершенно незнакомы. Читаю дальше. Выпустив эту книгу, Гордиевский вышел из тени неизвестности, в которой пребывал больше пяти лет. Ведь нигде его имя до этого не упоминалось: ни в нашей, ни в зарубежной прессе, ни по радио «Свобода», которое мы более или менее регулярно слушали. Взглянул на фотографию, где предатель обнимает своих маленьких детей, двух девчушек. Оказывается, он бежал ещё в июне 1985 года, обведя вокруг пальца нашу контрразведку, которая к тому времени уже держала его под «колпаком». «Молодец, - подумал я, - как он всё это профессионально проделал! Может, ему кто-то из своих шепнул, как Филби в Бейруте, вот он и дал дёру. Похожий случай. Ну удрал так удрал, чёрт с ним! Не он первый, не он последний...» У предателя, оказывается, в Москве осталась жена и двое малых детей, и он вдруг затосковал по ним и хочет, чтобы они приехали к нему в Англию.

«А чего их, собственно, держать? - подумал я. - Пускай бы себе ехали, скрасили бы жизнь своему папаше-беглецу. К тому же он наверняка приговорён у нас к «вышке», и вместо того, чтобы сидеть и помалкивать, видите ли, книжки пишет и жену с детьми требует. Ну не нахал ли?!»

И вдруг в статье промелькнуло слово «Дания». Так, так... Да, он работал в Копенгагене в середине шестидесятых годов... Стоп! Я ещё раз глянул на фотографию и обомлел: с фотографии на меня в обрамлении двух прелестных малышек смотрели глаза того самого связника Центра, который выходил к нам на явку в июле 1967 года, когда мы ехали домой в отпуск. Ну да! То же худощавое лицо «редькой вниз», слегка вислый нос. Чёрт меня побери, если это не он! Это он тогда взял наши подлинные документы, выдав нам взамен матросские книжки, с которыми мы и поднялись на наше судно. Это он нас подвозил в район порта. Он даже немного поиграл с нашей двухлетней дочуркой, назвав её девочкой-

нелегалкой. А может, не он? А если всё же не он? Совпадение обстоятельств? Дома жене ничего пока не сказал. Ночью почти не спал.

Наутро я по наитию взял «Комсомольскую правду». И снова там о Гордиевском. Одна статья написана всё той же Ольгой Белан, другая - неким Васильевым. Здесь уже привязка была полной. Дания. 1968 год. Ввод войск в Чехословакию. Он, сотрудник разведки, звонит домой жене, выражает своё возмущение в связи с этой акцией. В расчёте на то, что британские или датские спецслужбы запишут этот его разговор. (Это он так говорит. В действительности всё было иначе.) Хорошо, даже если и так, даже если они и прослушали этот его телефонный разговор. Значит, он сам себя подставил? Значит, намерение предать у него ещё тогда созрело? А может, ещё раньше? Ведь он говорит, что начал работать на англичан с 1974 года. Врёт. Британцы работают быстро и решительно, подчас грубо. Вряд ли стали бы они столько времени держать его на длинном поводке. Они наверняка его завербовали. А может, вначале сработала сама датская разведка? Да, именно завербовали!

По всей вероятности, году этак в 1969-1970, не позднее, его вербанули. Теперь-то мы знаем в деталях, как это было. Это был всего лишь классический пример вербовки. Он говорит, что причины у него были сугубо идеологические, а никакие не шкурные, что он борец против тоталитарного режима. Это чтобы в эпоху перестройки посимпатичнее выглядеть перед своими соотечественниками! Мол, смотрите, какой я борец за свободу и права человека! Вы там боролись по-своему, а я вот тоже, по-своему. Я - политический боец, и я внёс свой вклад в разрушение социалистической системы. И мне стыдиться нечего. Вон и Кузичкин тоже просит, чтобы с него сняли ярлык предателя, что он-де тоже любит Россию и боролся против коммунистического строя таким вот своим собственным путём. Да, это выглядит куда как красивее, нежели слыть просто предателем. Уж очень им этого не хочется - быть предателем. Одно дело - идеологический борец, совсем другое - предатель, изменник Родины. А то, что заложил своих коллег-товарищей, разрушил их карьеры, поломал судьбы - так это не в счёт. Это - издержки производства. К потерям в разведке, наверное, следует подходить по-философски: есть победы, есть и поражения. На войне как на войне. Одни нелегалы возвращаются домой на белом коне, другие - на неприметной серой лошадке, и то слава Богу говорят, что хоть ноги унесли. Это - в нашем случае. О таких стараются и говорить поменьше или вообще, по мере возможности, их замалчивать и не замечать вовсе. Да мы и сами не очень-то стараемся высовываться: заповедь на всю жизнь.

Итак, после двух статей в «Комсомолке» мне стало ясно, что мы тогда, в 1972 году, были правы и что наша версия о предательстве, похоже, полностью подтвердилась.

Придя домой, я дал жене почитать обе газеты со словами: «Наш дорогой и горячо любимый «крот» наконец-то нашёлся».

- Ну и что ты об этом думаешь? - спросила она, прочитав обе статьи.

- Думаю, что эта Ольга Белан ответила на вопрос, мучивший нас столько лет. Вот он, милый «кротик», - сказал я, указывая на фотографию Гордиевского с детьми. - Ты же знаешь, что у меня неплохая зрительная память. Я его подлую рожу сразу узнал. Это он переправлял нас в Копенгагене в 1967 году, и через его руки прошли наши основные документы.

- Но ведь он бежал ещё в 1985 году. Почему же наши до сих пор молчали?

- А что им было сказать, если они его прошляпили? Не сейчас, нет. Тогда, ещё в 1972 году, когда мы им говорили, что в наших рядах завёлся «крот». Они тогда провели трёхмесячную проверку и, по-видимому, закрыли дело. Вот и думай: то ли у него был могучий единомышленник, тщательно его прикрывавший, то ли наша контрразведка оказалась не на высоте, если позволили ему в течение ещё целых тринадцати с половиной лет громить наши тылы; то ли это было очередное проявление обычного партийного идиотизма по схеме: «если в наших рядах предателей нет, то их и быть не может».

А как насчёт коллектива, который всегда прав? Мы в 1972 году столько раз говорили, что у нас сидит «крот», так они только в 1985 году его, можно сказать, взяли, да и то дали возможность удрать.

- А эта Ольга Белан, дай его Бог крепкого здоровья и долгих лет жизни. Хоть и жалостливую статью она написала, пожалела предателя, его жену, детей. Нас-то никто не пожалел. А других, кого он предал? Небось тоже кое-кто с детьми был. А агентура из числа зарубежных друзей? Ужас! Смотри-ка, какой элитный мальчик, этот Гордиевский: папа - шишка в МИДе, старший брат - нелегал. Умер, правда. Может, и его он заложил? Сам закончил МГИМО. Разве такого могли в чём-то заподозрить? Это как раз тот случай, когда «жена Цезаря вне подозрений».

- Ну, хорошо. Но ведь ты с нашими встречался уже летом 1987 года, когда просил пересмотреть пенсию. Они ведь уже всё знали о Гордиевском?

- А помнишь, что наш приятель М. сказал нам ещё в 1972 году? «Даже если и обнаружится, что вас кто-то предал, вам об этом никогда не скажут». Видишь, он был прав. И не сказал бы, если бы не эта Ольга Белан.

- И что ты собираешься делать со всем этим?

- Я думаю, что надо сесть и написать письмо.

- Кому, Крючкову?

- Думаю, начальнику нашего управления. Правда, я не знаю, кто там сейчас у руля.

- Да какая разница? Кто бы там ни был, тебя туда вызовут, всыпят как следует и выставят за дверь. Ты что думаешь, они признаются, что этот

Гордиевский нас предал? На твоём месте в письме я бы об этом факте даже не стала бы упоминать.

- А я так и сделаю. Завтра же сяду и напишу.

Но ни завтра, ни послезавтра письмо так и не было написано. Мы провели не одну ночь без сна, прежде чем я наконец сел и написал письмо, адресованное начальнику управления.

Со ссылкой на статьи Ольги Белан и Васильева о Гордиевском в «Собеседнике» и в «Комсомольской правде» я выразил в этом письме своё мнение об участившихся случаях измены Родине в нашей разведке, а также о явных недостатках в деле подбора кадров: слишком много «элитных мальчиков», за счёт которых в основном происходят факты предательства. Молодые люди из элитной среды всеми правдами и неправдами рвутся за рубеж, и мало кого волнует вопрос о том, какая же от них будет отдача. Один из них, Лялин - генеральский сынок - чего нам стоил! Будучи оперработником лондонской резидентуры, он перешёл на сторону противника в 1970 году, вследствие чего из Великобритании было выслано 105 человек, в основном работников нашей резидентуры. Теперь вот Гордиевский... В своём письме я умолчал о том, что я опознал его по фотографии в «Собеседнике».

Письмо опустил в почтовый ящик приёмной КГБ на Кузнецком мосту.

Прошли Октябрьские праздники. Позвонили из нашей службы, договорились встретиться по поводу письма. На встречу к нам домой пришли два товарища. С одним из них я уже встречался летом 1987 года по поводу пересмотра пенсии. Вопрос тогда был решён положительно, и пенсию я стал с тех пор получать 100 процентов.

Вручив «Весте» букет красных гвоздик, товарищи сообщили о том, что реакция начальника управления на моё письмо была крайне положительной. Поговорили о том о сём, о нашем нынешнем положении. О Гордиевском речь не шла, хотя оба они понимали, чем было вызвано моё письмо.

Через неделю мы снова встретились. Те же два товарища. По-видимому, при обсуждении более или менее важных вопросов необходимо участие, по крайней мере, двух представителей службы, чтобы избежать каких-либо кривотолков в будущем.

- Мы вам официально заявляем, - сказал старший из офицеров, - что нами с полной достоверностью доказано, что ваш арест в октябре 1970 года произошёл вследствие предательства Гордиевского, который летом 1967 года выходил к нам на явку в Копенгагена. Он ознакомился с вашими основными документами, вскрыв конверт, в который вы их положили.

- Но... это уже точно установлено? - спросила «Веста».

- Да. Агентурные данные не оставляют никаких сомнений.

- Но ведь в своей книге он утверждает, что начал работать на английскую разведку лишь в 1974 году.

- Врёт. Когда он начал работать на них точно, мы пока не знаем, но перед вашим арестом он выдал ещё одну пару наших нелегалов. Они тоже были с детьми. Им удалось уйти и вернуться домой. По-видимому, начало его предательской деятельности можно отнести к концу 1968-го - началу 1970 года. Может, и раньше.

Мы конечно же находились под впечатлением от всего сказанного. Решили-таки сказать нам всю правду. А столько лет молчали! Бежал-то он ещё летом 1985 года, а сейчас - конец 1990-го. И если бы не гласность - единственное и, пожалуй, самое важное достижение горбачевской перестройки, то вряд ли статья милейшей Ольги Белан в «Собеседнике» когда-либо увидела свет.

- Скажите, а вы опознали его по фотографии в «Собеседнике»? - спросил старший из пришедших.

- Разумеется. У меня неплохая зрительная память.

- Уважаемая «Веста»! - Оба встали. Мы тоже. - Разрешите вернуть вам вашу награду - медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Это была та самая медаль, которую «Весте» торжественно вручили летом 1970 года, когда она приезжала домой, и которую отобрали на памятном заседании парткома в ноябре 1972 года.

- Товарищ «Вест»! В 1967 году вы были награждены юбилейным знаком «50 лет ВЧК-КГБ». Разрешите вручить его вам.

С этими словами старший товарищ вручил мне коробочку, внутри которой был значок в виде карающего меча на фоне щита. На встрече также были переданы грамоты и медали «За безупречную службу», датированные ещё до 1971 года и хранившиеся по сию пору в сейфах службы.

- Все ограничения на общение с иностранными гражданами с вас снимаются. Вам предоставляется право поездок за рубеж.

Последнее касалось моей просьбы пересмотреть наложенные на нас ограничения в отношении общения с иностранцами, так как в Доме политпросвещения намечалось создание совместной советско-итальянской компании, и общение с иностранцами стало бы неизбежным. Впоследствии, в связи с известными политическими событиями, эта идея отпала.

- У вас теперь всё будет в порядке. Мы сейчас думаем, как улучшить ваше положение. Кроме того, как вы смотрите на то, чтобы принять здесь у себя корреспондента газеты «Труд» для интервью? Дело в том, что о последствиях предательства Гордиевского ещё нигде у нас не писалось. А последствия эти налицо, хотя в книге своей он об этом помалкивает, заявляя, что сотрудничать с англичанами начал с 1974 года, то есть через несколько лет после вашего ареста, пытаясь тем самым создать себе алиби. Может быть, после публикации он как-то отреагирует.

На следующий день пришёл корреспондент В.Б. Головачёв, в сопровождении товарища Алексея, который уже приходил к нам. Мы работали дня на два-три.

- Но ведь это уму непостижимо! - возмущался корреспондент, обращаясь к товарищу Алексею, когда мы дошли до того места, когда нас исключали из партии и выдворяли из Москвы. Товарищ Алексей, присутствовавший во время всего интервью, молчал.

- Ну, почему. Всё в духе того времени, эпохи, в которой мы с вами жили. Служба, парторганизация считали, что поступили с нами вполне справедливо, поскольку в тюрьму нас не посадили, в звании не понизили, не судили... Разве это мало? Потом, наша версия о предательстве тогда, в 1972 году... Она ведь была фактически труднодоказуемой, а вот породить взаимное недоверие в разведывательной службе могла. А вся разведка строится всё же на доверии. Иначе как работать? Без доверия?

- А машина у вас есть? - спросил в конце интервью корреспондент.

- Ну что вы, какая там машина! - рассмеялись мы в ответ. - Переезд туда, в город Н., и обратно, учёба «Весты» в институте, урезанная пенсия, нищенская зарплата в институте, две девочки... Какая уж тут машина? Да и не очень-то нужна она нам. К нам в деревню можно добраться только на танке, да и то в ясную погоду.

9-10 января 1991 года в газете «Труд» был опубликован очерк, основанный на нашем интервью, откуда, на наш взгляд, выпала весьма существенная деталь: ни слова не было сказано о нашей версии о предательстве, с которой мы пришли в 1972 году. Версии, которая бумерангом обернулась против нас самих и которая подтвердилась лишь через тринадцать лет, в июне 1985 года, когда Гордиевский бежал на Запад в багажнике машины резидента британской разведки в Москве.

При встрече с нашими товарищами, а также при работе с корреспондентом мы неоднократно высказывали своё мнение о том, что семью Гордиевского задерживать в стране не следовало бы, что они за него не в ответе и что лучше было бы для международного престижа страны разрешить им выехать. И чем раньше это будет сделано, тем лучше. Мы также позволили себе выразить наше недоумение по поводу приглашения Крючковым Гордиевского в Прагу.

Осенью 1992 года в Лондоне побывал наш репортёр Матвей Ганапольский, тот самый, который в «Бомонде». Ему удалось взять интервью у Гордиевского. До этого он категорически отказывался это делать, а сейчас вот дал. То ли воссоединение с семьёй повлияло, то ли «хозяева» позволили, но на этот раз он согласился дать интервью известному репортёру Российского телевидения.

Интервью это под названием «Предатель?» («Приговорён к смертной казни») пошло по первому каналу Останкино в понедельник 7 декабря 1992 года в программе под названием «Новая студия» представляет «Пресс-клуб». Узнав от товарища П. о содержании «Пресс-клуба», мы пришли туда, в Дом актёра. Надо же было послушать, что скажет этот

Гордиевский. А сказал он дословно следующее (что само по себе нам показалось довольно занятным):

Матвей Ганапольский: Вот сидит передо мной, как классифицируется, живой изменник Родины, приговорённый... ну к чему-то там... и приговор...

Олег Гордиевский: До сих пор...

М.Г.: До сих пор... А вы считаете, что это будет снято? Вообще, как вы сами относитесь к этому факту? Вот, глядя на себя как бы со стороны... Понимаете? Вон он ушёл...

О.Г.: Да. Дело в том, что вы, может быть, не знаете хорошо мою историю. Но ведь очень много перебежчиков взяли и ушли. Поссорились с женой, поссорились с начальником, какие-нибудь другие сложности. Кто-то много пил и, в общем, попал в неприятность... Они взяли и ушли. К сожалению, таких случаев много. А я не взял и ушёл. Я был ведь секретным агентом британской разведслужбы в КГБ в течение одиннадцати лет! И работал одиннадцать лет на грани, всё время балансируя между свободой и тюрьмой, между жизнью и смертью! И когда я кончил это балансирование в 85-м году... КГБ меня поймал! КГБ меня разоблачил!.. Я был в Лондоне. Они узнали о том, что я был агентом британской разведки, они заманили меня в Москву, подвергли меня допросу. И потом начали со мной игру, как кошка с мышкой: пустили меня ходить по улицам Москвы, всё время ожидая, что я сделаю, с кем я там буду встречаться, кого буду просить о помощи и что я там ещё буду делать.

М.Г.: Но... вы это уже поняли?

О.Г.: Ну... я это понял. Да. Я это понял. И я использовал это время, пока они со мной играли, чтобы подготовить побег.

М.Г.: Как бы вы объяснили, чётко и понятно, ту мотивизацию, по которой всё-таки в другой абсолютно стране вы начали с ней сотрудничать? Это - не деньги? Если не деньги, тогда что?

О.Г.: Дело в том, что в какой-то мере мне повезло. В своей жизни, ещё когда я был студентом, потом, когда я закончил МГИМО, в свои первые годы в КГБ я узнал столько фактов, я узнал столько правды о преступлениях советского коммунистического режима, что я просто превратился в диссидента. Их были сотни диссидентов, в разных слоях советского общества. Я превратился в диссидента в своей собственной системе КГБ. И вот в 74-м году я вступил в контакт с англичанами. Но вы задали другой вопрос.

М.Г.: Да, немножко другой.

О.Г.: Вы задали вопрос о материальном факторе. Дело в том, что сейчас, в девяностые годы, в обедневшей, со всеми проблемами России очень многие люди думают о деньгах, о материальном благополучии и так далее, считая, что вот только всем этим их головы заняты. Дело в том, что, во-первых, я тогда не думал о деньгах. Я был большой идеалист! Во-

вторых, почему вы считаете, что, скажем, народовольцы и другие революционеры девятнадцатого - начала двадцатого века думали о материальном благополучии?

М.Г.: Ой, давайте не так! Давайте не будем о народовольцах!

О.Г.: Понимаете, в чём дело?.. М.Г.: Это разные времена!

О.Г.: Хорошо. Вы понимаете, в чём дело? Это разные времена... но это - люди! Это люди, которые могут быть обуреваемы идеалами! И я могу сказать, что в семидесятые годы, когда я думал над этим, у меня в голове были только идеалы. И когда в 74-м году я начал сотрудничать с британской разведкой, я им прямо сказал: «Никакой оплаты! Никаких денег! Я хочу, чтобы наши отношения были чистыми, идеалистическими, основанными на... Были свободны от всяких корыстных расчётов».

М.Г.: Другими словами, вы за дачу информации денег не получали?

О.Г.: Не так, нет...

М.Г.: И всё время не получали?

О.Г.: Нет...

М.Г.: И потом начали...

О.Г.: Да... А потом, через три года... Примерно через три-четыре года, в конце этого самого очень опасного и активного периода сотрудничества они сказали мне: «Вы знаете, Олег Антонович, вы нас просили денег не давать - мы вам не давали. Но мы думаем о вашем будущем. Рано или поздно что-то произойдёт: вы останетесь на Западе или, может быть, погибнете. (Но если я не погибну, то где-то буду проводить свою старость.) Поэтому мы стали на ваш счёт... Мы завели в банке на вас счёт и небольшую, скромную сумму стали класть на ваш счёт».

М.Г.: Насколько соответствуют те деньги, которые вам выплачивали англичане, той информации, большой и разнообразной, которую вы им представляли?

О.Г.: Ну, если так сказать...

М.Г.: Или не в коня корм?

О. Г.: Нет, я должен... Это была совершенно незначительная, скромная сумма, которую они положили мне на книжку и на которую я, добавив ещё свои собственные сбережения, купил этот дом. На самом деле ту информацию, которую они получали... Она была... Она была настолько потрясающей за эти годы! Настолько полезной для Запада! Значит, она спас... Она помогла им сэкономить миллионы и миллионы фунтов стерлингов и в долларах!

М.Г.: Я не специалист по разведке, но, наверное, мы понимаем, что этот процесс не односторонний. Точно так же, как мы действовали против них, точно так же они действовали против нас. А как вы относились к их работе против вас?

О.Г.: Это вопрос, между прочим, не такой уж трудный. Дело в том, что никакого сравнения между разведками Запада против в прошлом коммунистаческой системы и шпионажем стран Варшавского, договора против Запада - никакого сравнения нет. Представьте себе, что размер Первого главного управления - сейчас оно переименовано - 16 тысяч человек. Это только внешней разведки! А дело в том, что остальные отделы КГБ: областные управления, республиканские КГБ, первые отделы многочисленных управлений областных и республиканских, вторые отделы, пятые отделы, четвёртые отделы, шестые отделы и прочие и прочие - они все были обязаны, да... изучать иностранцев и по мере возможности вербовать их. Эта грандиозная машина КГБ, которая была до развала Советского Союза - свыше 700 тысяч человек, - вся она была обязана участвовать в шпионаже против окружающего мира и в первую очередь против демократических стран Запада. Разве есть какое-то сравнение между той огромной шпионской империей и этими робкими... э... робкими и подчас, так сказать, на любительском уровне организованной разведкой Запада?

М.Г.: Ой, ну... это, вы извините? Я тут даже, не являясь специалистом...

О.Г.: Да, да!..

М.Г.: Как-то... эти робкие, скромные шаги Запада!..

О.Г.: Я вас...

М.Г.: Несчастные американцы, которые не могут!.. Которые сотрудников снимают!..

О.Г.: Вы знаете, я вот что нам скажу...

М.Г.: Олег Антонович, ну... (с иронией). Скромные шаги Запада...

О.Г.: Нет, нет! Вы просто находитесь под влиянием традиционной советской КГБовской пропаганды...

М.Г.: Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ой!..

О.Г.: Да! Я вам абсолютно серьёзно это говорю! Потому что она изображала... Она иммунизировала спецслужбы... Э... спецслужбы западных стран, в том числе ЦРУ, британскую, да и французскую и немецкую разведку... А вы знаете, сколько работает в английской разведке людей?

М.Г.: Так, внимание! Сейчас будет сообщено!..

О.Г.: Я вам расскажу! В этой стране, которая когда-то была империей, во всех подразделениях разведки, включая технических работников, секретарей, водителей, охранников, курьеров и т. д., и радиотелеграфистов - меньше тысячи человек. Где-то около 600-800 человек! Это во всей этой бывшей Британской империи! Вот вам и разница! А военной разведки, по существу, вообще нет.

М.Г.: Я хочу сказать, что Олег Антонович сегодня впервые без грима перед средствами массовой информации. Подтвердите, что это правда.

(До этого Гордиевский на публике без грима никогда не появлялся. Сам М. Ганапольский, впрочем, также был одет в серый деловой костюм вместо столь ставших уже привычными для нас белой тенниски в красную полоску, бейсболки с большим козырьком, подтяжек и огромных наушников. Примеч. автора.)

О.Г.: Да, я носил, когда выступал на телевидении, парик, накладные усы и бороду. Потому что в КГБ есть два отдела, которые занимаются сбором сведений о перебежчиках.

М.Г.: Сейчас? Сейчас?

О. Г.: Они всё там же! Один из них собирает сведения и вырабатывает рекомендации, что с ними делать, а другой отдел - планирует и убийства перебежчиков, в отношении которых вынесен смертный приговор.

М.Г.: Вот, на самом деле! Даже сейчас, в 92-м году, свободно сидят люди, которые говорят: «Сидоров сбежал. Надо спланировать его убийство».

О.Г.: Да, это было. Верно... Нет. Не совсем так... Это было до середины 92-го года. В середине примерно 92-го года было сделано официальное заявление в средствах массовой информации представителями внешней разведки о том, что они теперь якобы категорически отказываются от практики совершения политических убийств за рубежом.

М.Г.: Кстати, а сколько?..

О. Г.: И я думаю, что это правда. Я думаю, это правда. Я не спорю...

М.Г.: А почему вы верите?

О. Г.: Потому что я верю. Я верю...

М.Г.: Господину Примакову?

О.Г.: Нет. Я верю Ельцину. И верю... И верю правительству Ельцина-Гайдара. Потому что они проводят настоящую теперь политику цивилизованного, демократического, либерализующегося государства. Я уверен, что сейчас около половины офицеров КГБ поддерживает правительство Ельцина-Гайдара.

М.Е.: Около половины?

О.Г.: Да. Но дело в том, что КГБ - Министерство безопасности и Служба внешней разведки сейчас страшно напуганы. Они напуганы тем вмешательством КГБ в прошлом году, которое под руководством Крючкова произошло во время трёх дней путча. И теперь, я думаю, как бы они ни хотели прихода к власти чёрно-коричневых... Не они, а некоторых из них... Многие... Я бы сказал, колеблются в сторону десятков... Они не смогут этого сделать. Во-первых, они боятся участия в заговоре; во-вторых, сейчас никто, ни одна организация - ни армия, ни МИД, ни КГБ не являются, так сказать, совершенно закрытыми. И поэтому, если там будет

какой-то заговор против Ельцина-Гайдара, это станет известно правительству, и это будет против всего народа. Но я даже не думаю, что они сейчас хотят участвовать. Я думаю, что надо искать опасность заговора в других слоях. КГБ здесь будет играть теперь второстепенную роль.

М.Г.: Что вы ждёте от российских властей? Всё-таки ждёте какого-то пересмотра? Как вообще вы смотрите на своё будущее?

О.Г.: Вы знаете, как я думаю? Я не питаю иллюзий в отношении политической и, так сказать, философской, что ли, зрелости российского общества. Люди не понимают того, что быть предателем коммунистической партии в КГБ, тех организаций, которые самым жестоким образом истребили миллионы и миллионы русских и других людей Советского Союза, - это быть другом Советского Союза... советских народов, русского народа и других народов Советского Союза. И я из-за того, что надо мной этот смертный приговор висит, вынесенный коммунистическим, КГБовским государством, я считаю, что я нахожусь в прекрасной компании, и я не стыжусь своего смертного приговора. Наоборот, я им горжусь!

Вот такое, видите ли, получилось интервью. Ни убавить, ни прибавить. Думаю, что любопытно будет поведать читателю о комментариях гостей «Пресс-клуба».

К: Моя фамилия К. Я - пенсионер, доктор богословия, доктор исторических наук. Я этого человека, к сожалению, знал. Я понимаю, что у нас по Конституции сейчас право на предательство в общем-то есть. И он оправдывает себя тем, что он изменил по идейным соображениям. Извините, но когда мы с ним общались, разговоры были другого порядка. Поэтому очень интересно, сколько лет потребовалось человеку, для того чтобы обосновать это своё предательство?

Валерия Новодворская, газета «Хозяин»: Я думаю, что единственный упрёк, который можно сделать Олегу Гордиевскому, это то, что он не вернулся и не обличил КГБ на политическом процессе. Мне кажется, что патриотически настроенный шпион должен не только способствовать развалу этого чудовищного государства, сначала - Советского, теперь вот - Российской империи, но и за это отвечать. Вот я клянусь и обещаю, что как только мне в руки попадёт какой-нибудь государственный секрет, я думаю, что вполне выступавшего прежде смогу удовлетворить своим поведением. Вообще-то я всегда работала параллельно с ЦРУ и совершенно бесплатно. И мне кажется, что я работала лучше, чем они, по части развала Советской империи и ослабления коммунистической власти. Можно им просто поставить на вид, что они работали хуже... Так что я думаю, что Олега Гордиевского объективно не мешало бы чем-нибудь наградить. Хотя бы шоколадкой.

Юрий Щекочихин, «Литературная газета»: Первую «шоколадку», Лера, ему дал товарищ, бывший шеф КГБ Крючков, вернув ему квартиру в Москве. Да. И как бы его звал в Москву... Я думаю, что мы сегодня уже

дошли до той грани, когда мы не понимаем, что есть элементарное, нормальное предательство. Мне в общем-то... С Гордиевским... Это его личная проблема. Он был... Он поклялся этому режиму, стал с ним работать. Год назад я виделся в тюрьме в Осло с Арне Трехольтом. Это бывший пресс-секретарь МИДа Норвегии, наш шпион, которого Олег Гордиевский отдал в лапы местным спецслужбам. Я думаю: на кого он работал, Арне Трехольт? Чем он виноват, что он верил в эту идею коммунизма-социализма? Чем виноваты сегодня те ребята, которых он продал? Чем виноваты те агенты наши, которых очередной перебежчик - скоро будет очередной герой - во Франции... в Бельгии, который отдал всю нашу сесть. Есть какие-то нормы во всём мире - в Англии, в Америке, в Японии, в Китае, в Африке, кроме нас?

И.П. (бывший разведчик, сопровождавший нас в «Пресс-клубе»): Я мог бы опровергнуть сейчас вот практически каждое сказанное им (Гордиевским) здесь слово, потому что это ложь сплошная. Начиная с идеалов, диссидентства его, того времени, когда он начал работать, и с кем он начал работать на датскую разведку, и не в 74-м году, а гораздо раньше. И как бы он там ни пытался попасть в одну компанию с А.Д. Сахаровым, с В.И. Новодворской, с Буковским, с Зиновьевым, с Максимовым, с сотнями других диссидентов, которые являлись моими идеологическими противниками, может быть, но я их всегда уважал, противников.

Затем взяли слово мы с «Вестой», рассказав вкратце о нашей ставшей роковой встрече с Гордиевским в Копенгагене в 1967 году и о том, как он предал нас три года спустя. Я предложил М. Ганапольскому убрать вопросительный знак из заглавия его интервью «Предатель?».

Н.А., газета «Известия»: У меня сложилось впечатление, что это очень примитивный человек. Вот он говорит: я способствовал свержению этого режима, потому что выдавал секреты, и так далее и тому подобное. Но мы видели конкретных людей, которых он предал. Мы видели, так сказать, трагизм этих людей и прочее, и прочее. Но тут другой вопрос возникает: он же не воздействовал на общественное мнение страны?

Сахаров открыто выступал против системы. Сахаров сделал больше, чтобы воспитать новое общество. Солженицын сделал больше, чтобы воспитать новое общество, Гордиевский стал известен, в принципе, только во время перестройки, только после этого. То есть он ничего не сделал для того, чтобы общество сделалось новым.

Был ещё целый ряд выступлений, отражавших различные точки зрения. К нашему удовлетворению, молодёжь, представлявшая различные газеты России, заняла однозначную позицию: предатель остаётся предателем, как бы он ни прикрывался диссиденством и идеологическим трюкачеством.

Обрати внимание, читатель, как старается Гордиевский обеспечить себе алиби на предмет предательства нас и, возможно, кого-то ещё в 1970 году: в коротеньком интервью он четыре раза настойчиво напоминает о

том, что он начал сотрудничать с англичанами лишь в 1974 году, пытаясь отвести от себя всё то, что могло случиться до 74-го года. Тогда почему он не опроверг публикацию в «Труде» от 9-10 января 1991 года, где ему впервые было предъявлено обвинение в том, что наш арест в 1970 году был результатом предательства с его стороны? Почему не возмутился? Не обвинил нас в клевете? В конце мая 1992 года на Первой программе Останкино был показан документальный фильм «Шпионские истории», в котором снова речь шла о нём же. Снова промолчал. Вот уже месяц прошёл, как мы выступили в «Пресс-клубе» «Новой студии» со своими комментариями по поводу его интервью с Ганапольским. Молчок. Выходит, нечего сказать в своё оправдание? Такая позиция в общем-то выгодна. Скажи он что-нибудь, предъяви доказательства. А так - молчок: сиди гадай на кофейной гуще, кто прав, кто виноват. Одно ясно: то, что мы сегодня утверждаем, что волей случая явились одной из его первых жертв, - это правда. Кстати, в ходе съёмок документального фильма «Шпионские страсти» Гордиевскому предлагали дать интервью, однако тогда он категорически отказался встречаться с нашим корреспондентом. «Хозяева» не рекомендовали? Или чего-то боялся? А ведь ему ещё год тому назад предоставлялась возможность изложить свои взгляды Российскому телезрителю.

А посмотрите, как этот «идеалист» по-холуйски гордится тем, что своей информацией сэкономил миллионы фунтов стерлингов и в долларах! Западным спецслужбам! Разве это не означает, что эти миллионы стерлингов и долларов он вытащил из кармана миллионов российских тружеников, из кармана российского народа, за который он так «радеет»?

После ГКЧП, когда КГБ на какое-то время возглавлял В.В. Бакатин, он выдал визу на выезд жене Гордиевского - Лиле Алиевой с детьми. При этом он трогательно назвал её женой «невозвращенца» Олега Гордиевского. Не хотел обижать даму? Язык не поворачивался назвать молодую красивую женщину женой предателя? Невозвращенец - новое слово. Не найдёшь его ни в словаре Даля, ни у Ожегова, ни в кратком энциклопедическом словаре. Зато слово «предатель» есть во всех словарях. А только уважаемый Вадим Викторович Бакатин допустил досадную оговорку: слово «невозвращенец» не является синонимом слова «предатель». Думаю, что те, кого так подло предал Гордиевский, в душе почувствовали некоторое огорчение и испытали определённое неудобство оттого, что столь просвещённый государственный муж употребил не то слово. Бывает, конечно, особенно в наше смутное время, когда люди рангом повыше и то в ударениях ошибаются. И даже дикторы телевидения! Но хотелось, чтобы люди уяснили себе разницу между «невозвращенцем», который просто уехал и не вернулся, и махровым предателем, который выдавал в руки иностранных спецслужб своих товарищей-коллег, торговал государственными тайнами, которые имеются в любой стране. Нет, недаром таким, как Гордиевский, в старину у нас на Руси давали кличку «вор», «государственный изменник», «клятвопреступник». А древние славяне, так те попросту кидали предателей на копья. Слово «изменник Родины» - это клеймо, которое

будет при нём, Гордиевском, до конца дней его бренной жизни. НАВСЕГДА!

Ну, хорошо. Допустим, из идеологических или иных побуждений человек (вернее, недочеловек) пошёл на предательство. Ему не нравилась партия? Партия, действительно, не всем нравилась. В какой-то момент и мы в ней разочаровались. Вот он понял, что КГБ - организация, которая ему не по душе, и он её предал. Ему не нравилось наше правительство? Ну, это тоже можно понять: эпоха застоя, правление одряхлевших вождей, «экономика должна быть экономной», повальное увлечение орденами и медалями... Он это правительство предал. Разуверился в социалистическом строе? И таких людей было немало. Многие из них в открытую стали диссидентами и угодили кто в тюрьмы, кто в психушки, кто уехал за границу. Люди по-своему смелые, они не кривили душой, и никто из них, диссидентов, Россию фактически и не предавал. А вот Гордиевский - предал. Может, и по идеологическим мотивам. Может. Не хочу лишать его этого права. Но, скорей всего, за тридцать сребреников. Разница невелика, когда предаёшь товарища по оружию (его брат был нелегалом), своих соотечественников и иностранных друзей. Да, пожалуй, он прав в одном: народ наш российский действительно не созрел ни политически, ни философски, чтобы из предателя «лепить» героя. И слава Богу, что не созрел! До этого мы пока, несмотря на все наши невзгоды, ещё не дожили.

На презентацию его книги, после годичного отсутствия, в Москву приехала жена Лиля Алиева-Гордиевская. Получилась эта презентация или нет, но в «Московский комсомолец», где когда-то работала, она всё-таки зашла и дала эксклюзивное интервью, которое было опубликовано в этой газете 2 октября 1992 года. Она поведала нам, читателям, о том, как ей жилось там в течение прошедшего года. Есть и дом двухэтажный с садом, и машина, и достаток. «И то, что он, Гордиевский, сейчас делает, - заявляет она, - намного важней работы многих дипломатов (!). Он считается в Англии авторитетнейшим советником, который хоть как-то может объяснить англичанам происходящее в России». Каково?! Семь лет как не был в России, не прожил вместе с нами перестройку, тем не менее может объяснить английским политикам всё, что тут у нас происходит, всё разложить по полочкам. А мы тут сидим в России и сами не всегда понимаем, что тут у нас такое делается. И куда всё-таки нас несёт. В простонародье это называется «вешать лапшу на уши». И кому?! Тем, кому служит.

А что, например, он может сказать о том, что происходит сейчас в структурах новых властей, в том числе бывшим КГБ? Почерпнуть что-нибудь из прессы? Из газеты «Новости разведки и контрразведки?»

«Его мнение, комментарии, - говорит Лиля, - ценят и бизнесмены, и политики, и промышленники». Не потому ли дело развития российско-английских торгово-промышленных отношений не слишком-то продвигается, коль скоро там подвизаются подобные консультанты?

Лилю понять можно. После московского быта она окунулась в совершенно иной мир. Захлёбываясь от восторга, она рассказывает о том, как её там встречали, как на улицах останавливали, как все без конца поздравляли, как все газеты были в её фотографиях. Она вхожа в общество лордов и пэров, к членам правительства. Руководители многих стран приглашают к себе Гордиевского не столько чтобы посмотреть, какой он из себя замечательный супершпион, а просто чтобы поговорить, пообщаться. И сама-то мадам Тэтчер с ним советовалась (перед встречей с Горбачёвым в бытность его президентом страны)! И Горбачёв-то с ним советовался перед тем, как встретиться с Тэтчер! И с русской службой Би-би-си они в дружбе! И Сева Новгородцев их самый лучший друг!..

Вот ведь как получается: там его на руках носят, а мы его - к высшей мере приговорили. Ярлык предателя повесили. Там он - патриот! Национальный герой! Борец за торжество западных идеалов!

А только вряд ли задумывалась милая Лиля, оглушаемая своим собственным восторженным лепетом и ослеплённая вспышками блицев, почему это их там так принимают. Отчего такие «щедрые» гонорары отваливают за её интервью? За то, что Лиля - мученица КГБ? Супруга супершпиона? Нет, не за это. Вернее, не только за это. Во-первых, как мы с «Вестой» предполагали, не очень продуманная политика удержания семьи Гордиевского здесь, в нашей стране, опека со стороны наших «компетентных органов» создали определённый, совершенно ненужный ажиотаж вокруг её имени; во-вторых, Алиеву принимают в Англии не более как жену некогда ценного агента британской разведки, который верой и правдой служил своим хозяевам; за то, что продавал им государственные секреты, выдавал людей, соотечественников, иностранцев. И детей тоже. Лиля слукавила. Не рассказывала она нам, что не сложилась у неё жизнь с Гордиевским. Что после шестилетней разлуки она, по приезде в Лондон, его как мужа попросту игнорировала. Не потому ли, что советское воспитание всё-таки оставило определённый след в сознании этой женщины, не пожелавшей жить с мужем-предателем? Не вызвал ли он у неё чувство гадливости, как слизняк, случайно заползший в постель?

Предатель потерял жену. Он, согласно британским законам, был вынужден приобрести дом для жены и детей. Он отвозит своих девочек в колледж и вынужден выделять на них немалые суммы из своих доходов. Но дочери взрослеют. Не станут ли и они, как и их мать, игнорировать папу-предателя?

Нам удалось уйти оттуда. Сами не знаем как. Нам даже свои не поверили. А кое-кто и до сих пор не верит. Других «крестников» Гордиевского с большим трудом выводили из разных стран, дальних и ближних. Кое-кто всё ещё отбывает тюремные сроки. Всё это печально. В разведке, как правило, своих выучить легче, чем иностранцев, подданных других государств. Но... В разведке нет мирного времени. Разведка - всегда война. Тихая. Невидимая. Иного не дано. Идёт борьба умов. Подчас жестокая. Она не только не утихает, но ещё больше разгорается.

Неспокойно на окраинах России. НАТО скоро будет стоять на наших рубежах. Правительство должно знать о замыслах по ту сторону. Иначе быть не может.

Многие сейчас уезжают из страны. Мы никогда не осуждали тех, кто уезжает. Только не надо, очутившись там, «за бугром», кичливо на нас поглядывать и цедить сквозь зубы о том, как мы обеднели, как мы отстали, что мы до чего-то там дозрели... Ну а что касается жены предателя, можно сказать жены «смертника» (приговор пока никто не отменял, он над ним висит как дамоклов меч), то ей конечно же следовало бы вести себя более скромно и благоразумно и не слишком упиваться «геростратовой» славой своего, пусть бывшего, мужа и не бахвалиться перед своими «обедневшими» соотечественниками, включая бывших коллег по «МК», которые в данное время преодолевают немалые трудности, добывая себе хлеб насущный, но не падая духом.

Мы вернулись оттуда и об этом ничуть не жалеем. Дочери наши выросли, вышли замуж, растёт внучка. С ранней весны и до поздней осени мы обитаем в крошечной деревушке, затерявшейся в лесах Смоленщины. Сад-огород, грибы-ягоды, коих здесь изобилии. Где ещё в мире вы попадёте в такой малиновый рай, как не в лесах средней полосы России, когда лесные вырубки сплошь пламенеют малиной? У нас забредёшь в грибную пору на болотце, и дух у тебя захватит, когда всюду, куда ни глянешь, целые россыпи белых болотных подберезовичков, кучками стоящих на покрытых изумрудным мхом кочках. А утиная охота по осени! Или в зимнюю пору на лося или кабана! Или на зайца, распутывая в течение короткого зимнего дня его хитроумные петли, «вздвойки» и «смётки»! На широких охотничьих лыжах! А после охоты в морозную пору как приятно посидеть у жаркой, берёзовыми дровами топящейся русской печи! Не менее приятно, чем у камина, а только русская печь держит тепло дольше!

Мы всегда стараемся успокаивать людей, сбитых с толку и обескураженных инфляцией и взбесившимися ценами. Мы прожили десять лет за рубежом в условиях рыночной системы и, разумеется, кое-что понимаем. То, что происходит у нас, - это дикий рынок, не рассчитанный на среднего потребителя. Но очевидно, всё это скоро кончится. Стабилизация обязательно придёт. А за ней расцвет экономики. Иначе быть не может. Были худшие времена. Наша страна, пусть даже в границах нынешней России, - это страна огромная, с невероятными запасами недр, обученными людскими ресурсами и научными кадрами. Сейчас пока идут невидимые глазу количественные изменения. Но придёт момент, когда эти изменения перерастут в качественные. Тогда многие из тех, кто по тем или иным причинам уехали, захотят вернуться в нашу страну, чтобы хоть краешком глаза посмотреть, как мы тут живём. Милости просим! Только изменникам Родины путь сюда, наверное, будет заказан. Если, конечно, их не коснётся какая-нибудь амнистия. Хотя не было ещё у нас в стране амнистий, которые распространялись бы на предателей.

Несмотря на то, что Гордиевский подверг нас невероятным испытаниям, пустил по ветру карьеру, провалил не одну блестяще задуманную операцию, мы не стали бы при встрече кидаться на него с кулаками или плеваться. Просто не подали бы ему руки. И отвернулись бы. И всё. Мы от души посмеялись бы над этим его камуфляжем - накладные усы, бородка, - когда он в одной из телепередач (кажется, «Совершенно секретно») суетился там в каком-то музее британской разведки, давая глубокомысленные комментарии по поводу «Великолепной пятёрки» (группа Филби).

И от кого он только маскировался? От нас, что ли? Так это ему всё равно не помогло бы. А только никто о него в наше время не станет руки марать. Тем более, что он сейчас британский подданный. Может, от соседей по дому маскировался? А детям своим как он всё это объяснял? Тем, что подрабатывает актёром-любителем в местном театре? Каждый раз нацеплять этот нелепый «камуфляж»! Нам его просто было жаль. И смешно тоже. Ему самому небось надоело. Потому и забросил свои бутафорские усы и бородку.

Кстати, мы отметили одну особенность в отношении предателей Родины: они, как правило, со временем деградируют. Психически и умственно. Да пожалуй, и физически тоже. Мы смотрели интервью с предателем Шевченко, работавшим в Нью-Йорке под крышей ООН. Теперь вот - с Гордиевским. Некоторые моменты в его интервью просто вызывают недоумение. Один из наших лучших контрразведчиков однажды назвал его способнейшим из разведчиков, который, уцелей он до сих пор, мог бы со временем стать руководителем нашей внешней разведки. Лестно, не правда ли? А только не учёл уважаемый товарищ, что спецслужбы, на которые работает агент, всячески способствуют его продвижению по службе, подбрасывая ему подчас довольно ценную секретную информацию. Не потому ли он и выглядел таким способным? А тут, на «Пресс-клубе», молодые, ещё не слишком искушённые в жизни корреспонденты из редакций газет, назвали его ответы примитивными, а самого его чуть ли не недоумком.

После публикации в газете «Труд» я позвонил корреспонденту В. Головачёву. Между нами произошёл примерно следующий разговор:

- Большое спасибо за статью.

- Ну и как статья, понравилась?

- Понравилась. Хотя в ней кое-что упущено. И весьма существенное.

- Ну, газета, сами понимаете.

- Понимаю. Не всё можно писать?

- Дело не только в этом. А шеф с вами встречался?

- Нет, не встречался... Наверное, не счёл нужным. Может, очень занят был. Может, неудобно было с нами встречаться.

- Отчего так? Ведь он для вас много сделал. И, по-моему, он о вас очень хорошего мнения.

- Мы ему благодарны за это.

- А в партии вас не восстановили?

- Ну, нам никто не предлагал, а сами мы промолчали.

- Что так? Что же вы сами-то? Давайте!

- Да мы вот думаем, стоит ли? Столько времени были вне партии, и ничего, живём...

- А может, и впрямь не стоит, - согласился он, помолчав.

Дома я передал этот разговор «Весте». К моему удивлению, она не разделяла это моё мнение.

- Послушай, а почему бы и нет? Теперь, когда всё прояснилось, почему бы нам не поставить вопрос о восстановлении в партии?

- Но зачем нам это нужно? Двадцать лет без малого жили без партии, так чего уж сейчас-то? Я считаю, что правильно они сделали, что не затронули этот вопрос. Ни к чему нам это.

- Нет, ну а всё же. А всё же! Если это реабилитация, то она получается какой-то половинчатой, неполной. Пусть даже это будет формально, но справедливость, принципиальность должны восторжествовать до конца. Или я не права? Почему бы нам не выяснить вопрос о восстановлении в партии?

- И всё же я не понимаю, зачем нам это нужно.

- Мне это нужно! Мне! Понимаешь? Мне!

- Ну не хотят они затрагивать этот вопрос. И всё тут. Очевидно, всё это связано с очень большими сложностями. Ведь кому-то придётся идти в ЦК, всё объяснять... Может, кому-то ещё и по шее дадут за наше дело.

- А это пускай у них голова болит. Ты как хочешь, а я всё-таки хочу поднять вопрос о восстановлении в партии. Хотя бы для того, чтобы поспорить, насколько справедливо тогда, в 1972 году, с нами обошлись, исключив нас из партии. А кроме того, и в глаза кое-кому посмотреть хочется.

Это было весной 1991 года. Мы собрались на все лето в деревню.

- Вот по осени, когда вернёмся из деревни, тогда будет видно, - сказал я.

В августе 1991 года после ГКЧП партия была распущена. Наш партийный вопрос снят с повестки дня. Теперь уже навсегда. Для нас, по крайней мере.

Москва, 1997 год.